ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ПОСЛЕДНИЙ
ШАНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Романы, включенные в настоящий сборник, объединены темами космических путешествий, межпланетных войн, противостоянием галактических Империй. Герои произведений вступают в смертельные схватки с инопланетным разумом. На карту поставлено существование земной цивилизации. Последний шанс остался у землян, чтобы защитить свою планету от агрессии из Космоса…

- Сборник
  - К.К. Мак-Апп. ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
  - А. Реймонд. МЕРТВЕЦЫ С «ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ»
    - ПРОЛОГ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4

- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

- Л. Тирион. ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В КОСМОСЕ
  - Часть I. Алкиноос
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть 2. Империя Антефаэс
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
- А. Ван Вогт. ВОЙНА ПРОТИВ РУЛЛ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25

Сборник
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

К.К. Мак-Апп. ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ

1

Он был достаточно высокого роста. Намного выше этих безволосых, меднокожих дронгалийцев, которые едва завидев его, обходили стороной, отчасти с опаской, отчасти с любопытством. Обходили так, как обходят старые покосившиеся дома, каждую минуту грозящие обвалиться. Он был остовом, обломком далекого прошлого. Живой анахронизм, которому осталось не так уж много до смерти. Впалые щеки его покрывала многодневная щетина, а дрожащие пальцы были желтыми от дрона. Причину этого нетрудно было отгадать — он находился на Дронгалии уже почти целый местный год (который немного короче земного) и уступил пороку с самого начала своего пребывания здесь.

Но вот уже много дней он не имел возможности получить то нежное, спокойное забытье, которое приносил с собой дрон.

Он остановился в тени деревянного покосившегося дома в начале замусоренной улицы — излучение солнца Дронгалии было более горячим, чем могла выдержать его кожа. Дом, о стену которого он оперся, не имел окон на первом этаже, а его единственная дверь была крест-накрест забита досками. Воздух в улочке был насыщен запахами еды и испарений от тел многочисленных представителей всевозможных рас, но над всем преобладал запах дрона. Этот запах казался ему сейчас родным и милым не только потому, что приносил успокоение, но и потому, что напоминал запах свежескошенного сена. Это был один из немногих запахов, которые он не забыл спустя столько лет, как покинул Землю.

Несущийся по ветру бумажный пакетик ударил его по ноге.

Он посмотрел на бумажку (очевидно, пустая упаковка от дрона) и со злостью пнул ее. Потом поднял голову и увидел присматривающегося к нему дронгалийского парня.

— Гляди получше, дьявол! — буркнул он на местном диалекте. — К тому времени, как ты заработаешь себе толстое брюхо, мы уже будем вымершей расой. И уже никогда больше тебе не доведется увидеть ни одного человека.

Подросток еще какое-то время пялился на него, но потом, сплюнув на землю теплую жвачку дрона, вихляющей походкой пошел прочь.

Мужчина повернулся и поплелся в глубь улочки, чтобы там опять опереться спиной о стену очередного дома. Наверное, в сотый раз он пошарил к кармане своего видавшего виды плаща, но пальцы нащупывали только листок бумаги. Вытащив его, он снова внимательно перечитал написанное:

«Джон Браузен!

Мне необходимо срочно переговорить с тобой.

Утром следующего дня приходи к северному концу улицы, на которой живешь.

Б. Ланге.»

Он покачал головой и снова засунул листок в карман.

— Джон Браузен… — пробормотал он себе под нос таким тоном, будто собственное имя вдруг показалось ему странным. — Командор Джон Браузен — Старший Офицер Разведывательного Отдела Космических Сил Земли…

Как же давно его называли этим именем! Как давно у него не спрашивали фамилию! В правительственных списках Дронгалии (а также нескольких иных миров, где он тоже имел «счастье» побывать) он фигурировал всегда одинаково: «Джон, землянин. Социальное положение — бродяга. Не судился. Профессии не имеет».

А как давно он не видел Барта? Последнее время они оба были наемниками на флоте Гохда. Это тогда погибло тридцать землян… С тех пор минуло по крайней мере лет пять… А тогда прошло около трех лет после Уничтожения.

Разве после Уничтожения прошло всего восемь лет?! Это означало, что ему сейчас всего тридцать семь, но он ощущал себя значительно старше. Ему казалось, что с того страшного дня должно было пройти гораздо больше времени. Он подумал: «Зачем это я понадобился Барту?». После Уничтожения осталось очень мало людей, меньше пятисот членов экипажа, и первые несколько лет они держались вместе. А потом, когда условия пребывания в чужих мирах разъединили их, с постоянно нарастающим нетерпением ожидали они новых встреч. Еще позже растущая безнадежность ситуации и отчаяние привели к тому, что им стало все равно, увидятся ли они еще когда-нибудь. Джон попытался вспомнить, сколько их еще могло быть в живых. Согласно последним сведениям, которые дошли до него, около ста человек служили наемниками на разных флотах, а место пребывания шестидесяти или семидесяти человек точно не было известно. Остальные, сколько их там уцелело, были разбросаны по космосу, затеряны в далеких мирах, вроде этой проклятой Дронгалии.

Джон удивился, как это Ланге удалось его разыскать. Хотя, вероятно, это произошло благодаря тому, что на Дронгалию садилось довольно много торговых звездолетов. Конечно, все из-за этого дрона… Интересно, сколько Ланге имеет денег, а он должен их иметь, раз разыскал его. Неплохо было бы встретиться

с ним. Он подумал, что надо бы купить немного еды (мысль о том, что ему придется расстаться со своим старым плащом, служившим ему еще с Земли, болезненно отдавалась в сердце) и заплатить за угол в грязном притоне, где он сейчас обитал. Можно еще рискнуть купить дрона, но для чего?! Сейчас это уже не имело никакого значения!

Он, скучая, смотрел на границу света и тени, разделявшую узкую улочку почти посередине. До назначенного часа осталось совсем немного времени. Сколько Барт, интересно, сможет ему дать?! Джон задремал, опустив голову на грудь.

— Джон! Эй, Джон!

Браузен протер глаза, стряхивая сон. Концентрация взгляда на крупной фигуре в голубой одежде заняла у него почти минуту. Невероятно! Застегнутый на молнию комбинезон Барта был сшит точно по фасону служебного мундира Космического флота Земли! Джон с трудом поднялся. Сейчас, когда он смотрел на Барта, воспоминания живо вернулись к нему. Эмоции сдавили горло, и он едва смог сдержать слезы. Сильно пожав протянутую руку, Джон произнес:

— Барт! Сколько лет, сколько зим! Как чудесно снова увидеть тебя, Барт!

Ланге испытующе посмотрел на Джона, и в глазах его зажглись огоньки удивления.

— Да, Барт. Я наркоман. Бездарь, который живет на дозе дрона. Я получаю пособие, и этого мне вполне хватает на угол в ночлежке и жратву. Время от времени я подряжаюсь рыть ямы, чтобы купить несколько горошин дрона. А ты… — он отпустил руку Ланге, рассматривая его комбинезон, с трудом проглотил слюну. — Ты отлично выглядишь, Барт. Служишь наемником? У кого? Или… — он внимательно осмотрел товарища. — По тебе не видно, чтобы ты недавно был тяжело ранен.

Ланге, нахмурившись, продолжал рассматривать Джона.

— Недавно флот Гохда участвовал в одной акции. А я как раз в это время служил там. И поэтому… — он махнул рукой. — Вообще мне дали кое-какие деньги в уплату за услуги. Заплатили они неплохо, и к тому же не захотели, чтобы я после всего случившегося оставался на Гохде. Вот почему я в… — пауза в словах Барта была довольно значительной, — в некой колонии на планете Акиэль. Я собираю людей. Нас уже больше двадцати.

— Зачем?

— Мы хотели бы собрать весь наш старый экипаж. Владыка Акиэля может предложить кое-какую работенку.

Джон посмотрел Барту прямо в глаза.

— Ты прекрасно знаешь, что большинства из нас уже нет в

живых. Это было дьявольски медленное умирание. А что можешь ты сейчас предложить, кроме новых смертей ради освобождения каких-то планет, ради вывоза сокровищ из одних миров, которые перед нами ни в чем не виноваты, в другие, также не имеющие никакого отношения к нам…

— На этот раз у нас есть настоящая цель, — с нажимом произнес Ланге.

— Ты меня удивляешь. Когда мы виделись в последний раз… — Джон вздохнул и пожал плечами. Если Ланге сам не чувствует пустоты этой бесцельной беседы, то нечего с ним спорить.

— Акиэль, — начал он снова, — что это такое? Никогда не слышал о такой планете. Что там есть такого, что могло бы нас, последних землян, толкнуть в какую-нибудь заваруху? В самом ли деле это так важно? — он замолчал, как бы собираясь с мыслями. — Мы всегда ставили перед собой цели, не так ли? И находили их, устраивая торги! Все вместе, вышколенные, дисциплинированные, неустрашимые, мы держались за эту легенду день за днем. Потому что уже было все равно, погибнем мы или нет, поскольку только и оставалось думать, что мы можем что-то найти, или что-то уже нашли, или что дело должно выгореть. Но и этот запал прошел, борьба угасла. По крайней мере, для меня. Я думаю, что и ты этим пресытился.

Ланге подозрительно осмотрелся вокруг и, придвинувшись к Джону, зашептал ему на ухо:

— Колония, о которой я тебе только что говорил, заселена хелками.

Браузен отодвинулся от него.

— Хелками? — пробормотал он задумчиво. — Это значит, что вы находитесь в сфере влияния империи Вильмута?

— Нет, Джон! Я имею в виду свободных хелков. Об этой колонии Вильмут не имеет никакого понятия. Там у них на Акиэле есть свой Омниарх, ему две тысячи двести лет. Он на несколько сот лет старше своих потомков, основавших колонию. В молодости он был рабом на Вильмуте, но ему удалось бежать с каторги, не оставив ни малейших следов!

Джон ощутил легкое головокружение. Он с минуту всматривался невидящим взглядом в дронгалийцев, которые обходили их, с интересом приглядываясь к двум чужакам, называемым землянами. Затем Браузен вздохнул и произнес:

— Не скажу, что у меня есть большое желание опять затевать драку с Вильмутом. Да, я буду их ненавидеть пока живу, и готов поклясться, что вряд ли кто-либо из нас когда-либо перестанет их ненавидеть. Но в конце концов, в чем их можно обвинить? Мы

отправились в космос, о котором имели очень смутное представление. А когда встретили что-то, от чего надо было драпать сломя голову, схватились с ним, как будто были самыми великими воинами в Галактике. Это было такой глупостью, результатом такого заблуждения, что даже наше происхождение не могло послужить оправданием! И… Ну что ж, мы и проиграли.

Ланге внимательно слушал.

— Да, — кивнул он. — Мы тогда бросились в драку сломя голову и потеряли все. Но сейчас совсем другое дело. Этот беглый хелк в течение двух тысяч лет имел шпионов в империи Вильмут. Понимаешь, Джон, в течение двух тысяч лет! Он видел гибель Земли и знает причины гибели, истинные причины! Он видел, как мы воевали, стараясь не допустить превращения Земли в очередной придаток империи, и как из нас хотели сделать рабов, и он отлично понимает наше решение: «Не бывать этому!» Джон, он потратил много времени, чтобы хотя бы как-то уберечь нас. Он планировал оставить несколько женщин для возрождения расы землян. Несколько высокопоставленных особ потеряли свои посты только ради того, чтобы мы, маленькая горстка людей, могли избегнуть участи остальных землян. Представляешь, как они были поражены, когда узнали, что среди спасшихся не осталось ни одной женщины. Вся солнечная система была тщательно обследована, но увы, никого больше не удалось обнаружить.

Джон вдруг ощутил, что его тело дрожит. Он расправил плотно сжатые пальцы и глубоко вздохнул.

— Даже если бы это и было правдой, то ЭТО уже свершилось. Если бы я встретил здесь какого-нибудь вильмутца, он наверняка не ушел бы живым из моих рук. Но взять сейчас всех оставшихся наших и двинуться на империю… Нет, Барт. Я уже тень, оставшаяся от человека, и мне уже не стать тем, чем был когда-то. И… вообще это смешно. Ты в самом деле думаешь, что он может что-то сделать против Вильмута?

Ланге скривился. Он сделал шаг вперед и схватил Джона за отвороты изношенного плаща.

— Послушай меня, Джон, черт побери! Да будет тебе известно, что не все женщины погибли! Больше ста еще живы! И все в возрасте, вполне пригодном для деторождения. И этот Омниарх с Акиэля знает, где они, и обещает помочь нам добраться до них!

Кровь прилила к голове Джона, но через миг это прошло, и он горько рассмеялся:

— Но это же глупо, Барт! Неужели мы снова попадемся на эту удочку? Ну так знай, что единственное, что меня сейчас волнует, это дрон. По крайней мере, этот наркотик приносит минутное

забвение, и хотя в конце концов все же сжигает тебя, по крайней мере не делает человека чокнутым на несуществующих бабах!

Ланге усмехнулся:

— Послушай, командор Джонатан Браузен, имя которого еще несколько лет назад было знаменем для всех землян и многих чужаков в целом секторе Галактики! Это говорит тот, кто перехитрил весь вильмутский специальный разведывательный корпус и разделался с ним, командуя всего несколькими кораблями. Тот, кто может командовать любым космическим флотом, только пожелай он этого! Хелки, о которых я тебе говорил, очень хорошо изучили всех нас. И Омниарх решил, что только ты можешь совершить то, что он задумал. Только ты из всех людей! Только ты сможешь снова связать нас воедино… — Ланге вздохнул и после короткой паузы снова продолжил. — Этот хелк правил задолго до того, как Колумб переплыл океан, не говоря уже о первых полетах человека в гиперпространстве. Это он организовал вывоз тех женщин. Это он устроил все так, что вильмутцы совершили посадку на Земле и, имея на руках фальшивые документы (даже не подозревая об этом) вывезли несколько тысяч молодых женщин для якобы санкционированных научных исследований. Это он организовал исчезновение некоторых из них и сфабриковал документы, скрывшие эту пропажу. Пойми, Джон! Сколько хелков погибло при реализации этого плана! Омниарх рассказал мне все до мельчайших подробностей, показал фотографии…

— Барт, будь рассудителен! — перебил товарища Браузен. — Фотографии можно подделать! И разве возможно, чтобы такой интриган, как Омниарх, даже выдавая себя за того, за кот выдает, рисковал всем и сделал так много, чтобы поддержать существование какой-то неизвестной расы? Что мы для него?

— Проклятье! Разве ты не можешь понять, Джон, что это наши собственные возможности повлияли на хелков. Омниарх до сих пор считает, что мы били в силах покончить с империей, если бы были хоть немного рассудительными и знали, что почем! Нам надо было действовать умнее. Что же касается тот дела, которое он предлагает нам, думаю, что оно является частью какого-то грандиозного плана, выдуманного хелками. Он хочет, чтобы мы добровольно приняли участие в деле. Ведь он знает, как мы умеем драться. А теперь попробуй посмотреть на все это глазами вот такого Омниарха.

Джон всматривался в Ланге, ощущая, что кровь снова мощными толчками начинает пульсировать в голове. Было это похоже на правду? Да, было. На первый взгляд все выглядело страшно неправдоподобно, но именно эта неправдоподобность и

давала шанс. Бесконечно малый, невероятный, давно утраченный, благословенный Шанс!

Две слезинки скатились по его давно не бритым щекам.

2

Подлатанный невооруженный звездолет-разведчик, списанный из Гохдонского флота и отданный Барту Ланге, в счет платы за службу, вышел из гиперпространства в одной десятой светового года от солнца планеты Акиэль. Барт определил свое положение и совершил несложный маневр кораблем, выводя его на орбиту вокруг планеты. Внизу расстилался зелено-голубой мир, покрытый джунглями и кое-где саваннами. Мир, лишенный океанов, но зато с бесчисленными малыми морями, озерами и реками. Оба полюса планеты покрывали небольшие ледники. Атмосфера планеты была относительно плотной. Сила тяжести составляла немного меньше одного «g». Здесь не было больших горных массивов. Планета имела явно умеренный климат, судя, конечно, по первому впечатлению.

Даже с высоты пяти тысяч футов на поверхности планеты не было видно ни одного космодрома. Барт запрограммировал бортовой компьютер на посадку и, глядя на данные, высвечивающиеся на экранах приборов слежения, обратился к Джону:

— Если бы сейчас в окрестностях Акиэля появился какой-нибудь неизвестный корабль, нам бы пришлось срочно совершить посадку, чтобы скрыть всякие следы техники возле этой планеты. Здесь, на Акиэле, не найдешь ни радио, ни телепередатчиков, не говоря уже о фабриках или заводах. Здесь нет даже центральной энергостанции, излучение которой можно было бы уловить из космоса. Кроме того, солнце Акиэля лежит вдали от обычных торговых путей. Омниарх говорил мне, что за все время их нахождения здесь только четыре чужих звездолета появлялось на экранах дозорных локаторов, и только один из них приблизился настолько, что его можно было идентифицировать.

— Если они для этого держат детекторы массы на орбитах вокруг своего солнца, — буркнул Джон, — они должны быть мастерами миниатюризации. Например, вон та точка в углу экрана Ф-2. Обломок скалы не больше моего кулака. И если мы видим такую мелочь, то почему не наблюдаем на экранах ни одного их детектора? Кстати, как осуществляется передача полученных данных? Ведь датчики должны несомненно иметь связь с планетой!

— Должны! — Барт кивнул головой. — Но чтобы засечь хоть один детектор, надо было бы уловить сам момент передачи.

Он протянул руку и, переключив что-то на пульте управления, направил корабль на травяное поле, расстилавшееся

внизу.

— Ты что, заметил космодром? — удивился Джон.

— Нет, — рассмеялся Барт.

Звездолет замер в двух дюймах от поверхности планеты.

Внезапно изображение на экранах стремительно изменилось. Затем свет солнца на верхнем резко погас, и их охватила темнота. Через мгновение они были уже на широком бетонном пандусе и съезжали вниз. Остатки дневного света на экранах внешнего обзора исчезли в тот момент, когда массивные створки тяжелых ворот сомкнулись над кораблем, но через мгновение загорелось несколько ярких ламп и осветило их. Корабль мягко сдвинулся от входа и замер, Барт нажал три кнопки на клавиатуре компьютера, и воздух Акиэля с тихим свистом вошел в корабль. Пряный, насыщенный озоном воздух сильно пах свежими листьями. Перед взором выглянувшего наружу Джона промелькнули две фигуры, покрытые темным пухом или шерстью. Через несколько минут у входа в корабль появился Большой Самец хелков. Он был стар. Весил — добрых восемьсот фунтов; кожа на его лице была серой, а каждая из четырех ног — толще бедра взрослого мужчины. Джон вспомнил, какое впечатление произвели на него первые увиденные им хелки. Эти существа имели бычьи ноги, массивные и безобразные. На этом сходство с обычными коровами кончалось. Шея и голова хелка росли из мясистого бугра посреди туловища. Оттуда же вырастали две мощные руки, которые оканчивались большими волосатыми кистями с четырьмя огромными пальцами. На ногах не было копыт, а только ороговевшие пальцы, похожие на когти тигра. Где у этих существ перед, а где зад, можно было определить только по тому, в какую сторону были направлены стопы и лицо (хотя гибкая и длинная шея позволила им поворачивать голову на полных сто восемьдесят градусов). Все остальные органы (в частности, выделения и размножения) располагались под туловищем и с первого взгляда не были заметны.

Представительный хелк зашевелил толстыми губами и заговорил по-английски с почти неуловимым акцентом, который у чужаков обычно был силен.

— Приветствую вас на Акиэле, командор Браузен. Очень долго я ждал этого дня, — голос Омниарха был приятным и глубоким, слова он выговаривал медленно и мягко. — Давайте пройдем ко мне и поговорим.

У выхода из подземного ангара промелькнуло несколько хелков, более мелких, чем Омниарх, и более жидкого телосложения — очевидно, простые работники низшего уровня. Еще по дороге попалось несколько особей с более развитыми

головами, очевидно, приспособленные для более интенсивного мышления. Эти существа смотрели на Джона, кивая в знак приветствия головами и зыркали глазами в сторону старого хелка (в знак уважения, как выяснил потом удивленный Браузен). Эти хелки чаще всего несли какие-то приборы и инструменты, что отличало их — техников — от простых рабочих. Возле ангара встретилось несколько хелков, таких же рослых, как и Омниарх, с когтями на пальцах ног и рук, морды которых украшали страшные ощеренные зубы. Это были воины — хелки особого вида, неспособные к размножению. В ремнях, или, вернее, в подпругах, опоясывающих их крупные тела, закреплялось лучевое оружие. Но, кроме Омниарха, Джон и Барт увидели только еще одного Большого Самца, поменьше ростом и помоложе. Но нигде им не повстречалось ни одной особи женского пола.

Джон знал, что жизнедеятельность хелков похожа на жизнь земных пчел и муравьев. Но сейчас, находясь в гуще всевозможных хелков, он внезапно понял, что это сходство было намного больше, чем он мог предполагать. Большой Самец был не просто отцом многочисленного семейства, — он вырабатывал в своем организме особые гормоны, определявшие пол и рабочие функции будущих новорожденных. Таким образом, Большой Самец определял, как будет развиваться и кем станет «амбион» — ребенок-хелк. Были и еще какие-то другие зависимости, которые Джон так и не смог понять. Но одно было вполне ясно — наивысшим интеллектом в этом «муравейнике» обладал только Большой Самец.

* * *

Джон и Бартон уселись в кресла, приспособленные к фигурам гуманоидов, (существа гуманоидного типа преобладали в близлежащих секторах Галактики).

На низком столике перед мужчинами стоял графин с ферментированным соком и три стакана.

Омниарх остался стоять. Минуту он спокойно вглядывался в лицо Джона с характерным для его расы взглядом — слишком короткие губы не скрывали полностью больших зубов.

— Я вижу, что ты перестал употреблять дрон, — сказал он. — Это хорошо. А то я уже начал волноваться.

Джон покраснел.

— Я чувствую себя исключительно хорошо, — буркнул он. — Барт говорил мне, что у вас есть какие-то фотографии…

— Да.

Хелк достал папку и, подойдя к столу, отодвинул в сторону графин. Бросив папку на освободившееся место, сказал:

— Здесь целая серия. На фотографиях показана погрузка женщин на космолеты. Обратите внимание, друзья, на их возраст, тела и состояние. Некоторые из этих женщин еще совсем не сформировались. Выглядит это, к моему прискорбию, довольно жалко. Уверяю вас, хелки не стали бы принимать участие в этом, если бы у них была возможность выбора.

Однако, что не говори, это было весьма убедительное зрелище. Джон чувствовал как поднимается какая-то злость… Некоторые из этих фотографий… Он посмотрел на Омниарха.

— Но вы же сами затеяли все это!

— Да, проводил эту операцию я. Но мне был отдан приказ вильмутскими врачами-экспериментаторами. Прошу вас, обратите внимание на остальные снимки. Вот эти фотографии демонстрируют группу женщин, которых нам удалось похитить с разведывательной станции.

На цветных снимках были видны женщины, конвоируемые хелками-техниками и хелками-воинами. Последние фотографии изображали местность, куда переправили этих несчастных. Обыкновенная долина, вся в цветах. Выглядела она вполне обычно, если не считать нескольких странных кустов справа в углу.

Джон, все еще содрогаясь от гнева, отодвинул фотографии от себя.

— Хорошо. Предположим, вы меня убедили. Но Барт говорил, что вы не собираетесь доставлять нас туда и сообщать нам местонахождение их планеты. Мне сказали, что мы должны что-то сделать для вас. Что?

Хелк моргнул.

— Вы должны понять, — начал он, — что мои планы весьма обширны и не позволяют мне быть слишком деликатным с кем-либо. Но я надеюсь, что, кроме всего прочего, вы все же согласитесь играть ту роль, которую я вам приготовил.

Джон с трудом проглотил слюну, чтобы хоть как-нибудь уменьшить ощущение сухости в горле, которую ни сок, ни вода не смогли умерить.

— Во всяком случае, я рад, что вы с нами откровенны. Почему вы не сообщаете нам, в каких условиях находятся женщины сейчас?

Хелк почесал шею огромным волосатым пальцем.

— Не сообщаю я вам это потому, командор Браузен, что кто-нибудь из вас может попасть в руки имперцев. Было бы очень нехорошо, если бы они узнали от вас кое-что, прежде чем убить.

И это повредило бы мне. Поэтому я буду молчать; более того, несколько ваших людей должны будут остаться у нас как залог наших добрых отношений. Поверьте мне, женщины находятся в такой безопасности, какая только возможна.

— Ладно. В нашем положении торговаться нет смысла. С чет начнем?

— Вы будете работать у вашего старого знакомого Вез До Гана — Командующего Силами Обороны Гохда. Должен сказать, что у меня в жизни было несколько неприятных случаев, когда я чуть было не погиб. Поэтому я взял за правило все работы выполнять только с помощью наемников. Так вот, Вез До Ган согласился расплатиться со мной некоторым количеством кораблей, которые гохдонцы добывали на протяжении нескольких веков. Это восемь вильмутских разведывательных звездолетов и один легкий крейсер с массой покоя шестьдесят земных тонн. Он довольно стар, но сейчас отремонтирован и вооружен дополнительными лучеметами. Боекомплект не полон, но гохдонцы обязались достать еще вильмутских снарядов. Кроме того, мы обговорили с ними, что вы можете считать своими все корабли, которые добудете к бою.

— Это вы договаривались с Вез До Ганом?

— Да, я уже давно присматривался к нему и к деятельности его предшественников в области разведки. А теперь я хотел бы обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Вы не знаете координат Акиэля, сообщать их ему нет никакой необходимости. Так будет лучше и для вас и для нас. Группа людей, которая останется здесь, будет находиться в максимальной безопасности. Поэтому я хотел бы, чтобы они не были вооружены. Во избежание всяких недоразумений. Понимаете?

Джон почувствовал, как вытянулось его лицо. Он взглянул на молчащего Барта, затем снова на Омниарха.

— Что еще мы должны будем сделать, когда закончим работу у гохдонцев?

— Я хотел бы… — медленно проговорил хелк, — чтобы вы осуществили почетный эскорт некой группы невооруженных кораблей. Но об этом пока рано говорить. Вообще говоря, предполагается, что вы должны будете участвовать в нескольких небольших сражениях.

— Сражениях?! — Браузен глубоко вздохнул. — Наверное, вы хотели сказать стычках. Что можно сделать с одним легким крейсером и несколькими маленькими разведчиками?

— Добавьте еще то, что вы добудете в бою. Хотя признаю, что это немного. Но у меня для вас есть еще кое-что.

— Да?

Омниарх спрятал фотографии в папку и аккуратно положил ее на столик.

— Может быть… — медленно начал он, — вы видели какие-нибудь предметы, сделанные клипами? Или слышали об этом народе какие-нибудь легенды, предания?

Джон пожал плечами.

— А кто не слышал? Памятники, сделанные из металла, состав которого до сих пор никто не может определить, и которые стоят уже двадцать или тридцать тысяч лет и не ржавеют. Фрагменты записей, которые являются величайшей тайной для ученых всех разумных рас Галактики. Какие-то предметы…

— Я все это знаю, — казалось, что Омниарх выдавливает из себя слова. — И я также знаю, где можно раздобыть звездолет клипов. Целый, полностью укомплектованный, с источником энергии, готовый к действию. Это не военный корабль, но его можно было бы обшить броней… Это очень мощный корабль. Я со своей стороны помогу вам разобраться в его управлении и обслуживании. Я много лет занимался исследованиями технологии клипов и кое-что о ней знаю…

— Это серьезно? — Джон выпрямился в кресле. — Вы и в самом деле знаете, где находится действующий звездолет клипов?

— Да. И это часть моего плана.

Джон посмотрел на ошеломленного Барта. Оглядел графин на столе, но решил, что сок не удовлетворит того мерзкого желания, которое охватывало его все сильнее.

— Когда же мы получим этот корабль? — спросил он.

— Когда будут улажены все дела с Вез До Ганом. Такой корабль наверняка пригодился бы вам в любом случае, но я не хотел бы, чтобы слух о вашем чудо-корабле мгновенно разошелся по всей Галактике. Ведь появление звездолета клипов вызвало бы сенсацию, всполошило бы всю Галактику. Поэтому мы пойдем на мелкое надувательство; лучше, чтобы Вез До Ган не знал пока о существовании такого корабля. Его нужно еще забрать с планеты, находящейся в секторе Гохд. Ган не догадывается об этом. Нужно раздобыть официальное разрешение на посещение какой-нибудь планеты. Остальное — дело техники. Поэтому вы должны будете договориться с Везом, что в ваше вознаграждение будет входить еще и разрешение поселиться на этой планете. Но не на той, где находится звездолет, а на какой-нибудь другой, которая соответствовала бы условиям жизни вашей расы. Впоследствии вы действительно сможете поселиться там со своими женщинами и возродить расу Хомо Сапиенс.

— Мне не очень нравится ваша мысль с обманом Веза, — Джон нахмурился. — Этот гохд всегда хорошо относился ко мне и к моим людям.

— Как и ко мне, — хелк усмехнулся. — И я тоже всегда хорошо относился к нему. Но в складывающейся ситуации это неизбежно. Я объясню вам все подробнее и вы, думаю, согласитесь со мной.

Заметив, что Джон беспрерывно глотает слюну, Омниарх наполнил бокал и подал ему.

— И еще одно. Вы можете находиться на Акиэле, пока не начнете приготовления. Я хотел бы, чтобы они начались на какой-нибудь другой планете. Может быть, Вез До Ган даст вам такую? На Акиэле не должно происходить ничего подозрительного.

— Хорошо, — буркнул Джон. — Но вы будете хотя бы поддерживать с нами связь?

— Из осторожности я тоже покину планету и отправлюсь в специально подготовленное убежище. Оттуда я через посредников непременно буду контактировать с вами.

3

— Бунстил?
— Здесь!
— Камерон?
— Здесь!
— Домиано?
— Здесь!

* * *

Долгую минуту Джон вглядывался в лист, видя лишь расплывшиеся буквы. Сколько фамилий, подумал он, уже не будет в этом списке. Вероятно, еще не все мужчины добрались до места сбора. Они постепенно соберутся здесь. Но их фамилии так и не заполнят этот лист до конца…

Джон закончил перекличку и обернулся, чтобы посмотреть на вырисовывающийся во мраке корпус боевого шестидесятитонника. Как и большинство кораблей этого класса, он имел вид низкого широкого цилиндра. Его корпус, усеянный многочисленными выступами, образованными броней, антеннами, датчиками-сенсорами, поднимался на высоту почти двухсот футов. Это был не самый большой корабль, который доводилось видеть Джону в своей жизни. Он был ненамного больше звездолетов, построенных на Земле в тот малый промежуток времени, который Земля смогла отвоевать себе в боях.

Но важно было то, что корабль, построенный в империи Вильмут, был хорошо оснащен. Снаружи не было заметно никаких повреждений — хелки хорошо поработали, восстанавливая его.

Джон повернулся к товарищам.

— Это наш флагман, по крайней мере, на какое-то время. Мы можем назвать его «Луна». Если помните, так назывался спутник нашей Земли. И это была первая планета, на которую ступили наши предки.

Собравшиеся молчали.

— Как вы уже знаете, наша цель — найти женщин, — продолжал дальше Браузен. — И вы, наверное, слышали, что первым нашим шагом в достижении цели должна быть работа для Гохд. Но на этот раз мы не будем с ними сотрудничать. Это будет не совместная работа. Мы будем работать самостоятельно.

Мужчины молча стояли, ожидая продолжения. На их лицах читались самые различные чувства: надежда, недоверие, апатия, отчаянная решимость. Не было только бездумного энтузиазма и хмурых мин. И все же Джон ощущал, что в каждом из них, как и в нем самом бьется горячее сердце, наполненное ожиданием и верой — сердце, уже уставшее болеть за многие годы отчаяния.

В голове командора теснилось множество слов, которые ему хотелось бы произнести, но сказал он только одно:

— Ну что ж, друзья. Это пока все. Остальное прочтете в инструкциях.

* * *

Хелки под руководством Большого Самца, замещавшего Омниарха, тщательно переоборудовали старый звездолет Вильмута и создали на нем условия для нормальной жизни людей. Новейший вид привода — гравиторы были отрегулированы настолько ювелирно, что можно было поднять корабль на дюйм от бетонного пола огромного ангара, где он был укрыт вместе с другими кораблями и затем опустить его обратно без малейшего толчка и без какого-либо намека на инерцию. Такая тонкость регулировки имела большое значение во время боя, когда в любой момент могла возникнуть необходимость мгновенного торможения или молниеносного изменения направления полета. Поля нейтрализации должны были с одинаковой силой действовать одновременно с приводом как на каждый элемент корабля, так и на пассажиров. В противном случае корабль и члены его экипажа были бы разорваны чрезмерно большой силой инерции.

Удивительно, в который раз подумал Джон, как много рас (по крайней мере, гуманоидных) открыли гравитонную тягу, а потом и нуль-пространство гиперсферы, достигнув почти одного и того же уровня технологического развития. Словно это было запрограммировано в развитии каждой цивилизации.

4

Гохдонцы были гуманоидной расой. Джону всегда казалось, что они были тем, чем могли бы стать и люди, будь у них достаточно времени на то, чтобы лучше узнать Вселенную, занять большее число секторов в космосе и приобрести уважительное отношение и хорошие манеры. Последнее не в смысле поведения и умения держать вилку, а в смысле определенной, довольно циничной политики давления и империалистических захватов, войн, интриг и злодейств.

Вез До Ган был типичным представителем своей расы. Он обладал ростом около шести футов, широкими плечами и весьма массивным телом. Истинная сила его мышц маскировалась их кажущейся мягкостью и тонкостью. Пальцы (по пять на каждой руке, как и у человека) были довольно непривычной, с человеческой точки зрения, формы — лопатообразной — и имели грубые широкие ногти. Джон не представлял себе, почему пальцы были такого странного вида.

Большая часть лица и тела гохдонцев была покрыта волосами. Это были удивительные короткие, нежные волосики, торчащие во все стороны и от том напоминающие пух, причем у всех — разного цвета. У Вез До Гана этот пух был серым с голубым отливом.

Лица гохдонцев, как и всех гуманоидов космоса, сначала шокировали людей, но постепенно к ним можно было привыкнуть. В профиль носы гохдонцев были треугольной формы и торчали вперед, словно вымпел или руль. Ноздри (отверстия, расположенные очень близко друг к другу) мгновенно закрывались в случае надобности. Щеки были шире, уши более длинные, чем у людей, а глаза меньше и глубже посажены.

Вез До Ган довольно оригинально смеялся. Характерным был также его способ морщить брови. Бросив острый взгляд в сторону Джона, он развел в сторону руки:

— Как бы то ни было, командор, — воскликнул он на главном диалекте Гохд, — я рад, что снова увидел тебя, и что ты снова в форме. Несколько лет я искал тебя и с горечью узнал, что ты живешь в Дронгалии. Тогда на десять дней в знак траура я поднял на своем флагмане связку черной травы.

Джон пожал плечами:

— Да, я был наркоманом и уже не надеялся, что когда-нибудь попаду в космос. Но теперь с этим покончено.

Говоря это, он страстно желал, чтобы его слова оказались правдой.

Вез До Ган сжал и раскрыл ладонь — этот жест означал подтверждение или одобрение. Одновременно он направил взгляд своих маленьких темных глаз на экран детектора массы.

— Похоже, еще два ваших корабля вышли из гиперпространства.

— Да, — кивнул Браузен. — Я приказал им прибыть сюда. Они немного запоздали, так как должны были по дороге подобрать кое-кого из наших людей. Я предупредил, чтобы они выходили на безопасном расстоянии от вашего рейдера, иначе вы могли бы легко принять их за шпионов или агрессоров. Они ведь очень сильно смахивают на обычные боевые разведывательные корабли Вильмута. Разве что Омниарх смонтировал на них несколько дополнительных пусковых установок…

— Хорошо! По правде говоря, мне бы хотелось видеть на них побольше лучеметов и броню немного другой формы. Вам ведь придется работать под боком имперцев. А они довольно хорошо знают уязвимые места своих кораблей. Но, в конце концов, сейчас это не так уж и важно. Кстати, тебе известны подробности дела?

Джон сделал жест отрицания, закрыв правую ладонь левой:

— Хелки сказали мне очень мало. На тот случай, если бы мы попали в лапы к Вильмуту.

— Если бы я был на его месте, — Вез хитро усмехнулся, — и имел бы дело не с тобой, моим старым товарищем по оружию, а с кем-нибудь неизвестным, и притом в первый раз, то, пожалуй, я прибегнул бы к еще более действенным мерам предосторожности. Например, пристроил бы в ваших кораблях некие взрывчатые устройства на случай пленения. Но хелки настолько чокнутые на пункте порядочности, что в значительной мере и явилось причиной их порабощения Вильмутом. Но сейчас… — Вез До Ган обернулся к экрану, на котором развертывалась звездная картина этого сектора Галактики. — Перейдем к делу. На расстоянии около семисот световых лет от нас вдоль спирального рукава Галактики расположена империя Бизх. Это означает, что она находится почти в тысяче световых лет от Вильмута…

Гохдонец вновь взглянул на детектор массы. Такой вояка, как Вез, отметил про себя Браузен, всегда старается видеть и знать, что делается вблизи его корабля.

— На случай, если тебе это не известно, — продолжал Вез До Ган, — бизхи являются существами негуманоидного типа с десятью лучеобразными конечностями. Их восприятие материи для нас несущественно, хотя некоторые обычаи… Достаточно знать, что эти… обряды на наш взгляд довольно… отвратительны. В ближайшем будущем бизхи не смогут составить угрозы для Гохда, однако с недавнего времени они непрерывно совершают

набеги на северные территории двух наших союзников. Это гуманоиды, но, думаю, бизхам до этого нет дела. Всякий раз, когда происходит набег, мы предоставляем союзникам свою помощь — ведь они являются в определенном смысле преградой между нами и бизхами.

Джон внимательно разглядывал нечеловеческое лицо гохдонца.

— Это смахивает на сведение счетов, — покачал он головой. — Но почему тогда работа, которую мы должны сделать для вас, связана с Вильмутом? А причем здесь Бизх?

Вез До Ган улыбнулся.

— Не торопись, землянин. Со временем ты все узнаешь. Думаю, что Омниарх здорово махал пальцами, когда не хотел раскрывать свои секреты. Для достижения своих целей он уже не первый раз прибегает к интригам между государствами. Зло была его идея — впутать сюда Вильмут… — улыбка гохдонца стала слегка насмешливой. — Поэтому мы и займем бизхов чем-нибудь интересным, по крайней мере, на какое-то время.

Джон посмотрел на свои ладони. У него возникло чувство, будто его руки скованы наручниками, а ключи от них положили в карман Омниарху. Но сейчас он не имел никакого желания выкладывать Везу все подробности своего договора с хитрым хелком. Он ограничился тем, что сказал:

— Хорошо. Я проработаю все данные, которые ты мне представишь. А теперь… Осталось еще договориться об условиях оплаты. Я оставляю себе все корабли и оружие, которые будут захвачены в боях.

— Конечно, дружище.

— И вот еще что. День за днем, час за часом мы приближаемся к неотвратимому концу. До сего времени мы были разбросаны по всей вселенной и, как ты сам знаешь, многие из нас совсем опустили руки. Мне это тоже знакомо. Наша раса скоро исчезнет. Я думаю, что, пока мы все еще существуем, мы должны держаться вместе, помогая другу другу и сохраняя чувство собственного достоинства и национальной гордости. И тогда, может быть, мы сумеем оставить после себя нечто большее, чем одинокие безымянные могилы. Может быть, мы создадим памятник или напишем книгу, сложим песню… Мы хотели бы получить какую-нибудь одинокую планету, на которой могли бы коротать старость. Но она непременно должна находиться в секторе, удобном для нас.

Вез смотрел на Джона много дольше, чем это требовалось, потом усмехнулся:

— Хорошо. Хотя, признаюсь, мне странно слышать такую

просьбу из уст самого смелого и твердого солдата Вселенной. Итак, я обещаю, что выберу для вас какую-нибудь необитаемую планету, соответствующую условиям жизни вашей расы где-нибудь в моем секторе. Это все?

— Да, это все…

— Ладно. Мы еще увидимся перед вылетом. Доставим вам снаряды и источники энергии. Кроме того, вы должны получить еще четыре вильмутских разведывательных корабля. Они были немного повреждены в бою, но специалисты отремонтировали и испытали их. Вот теперь действительно все. До встречи.

— До встречи, Вез.

5

Джон внимательно следил за недовольным лицом Барта.

— Их оказалось гораздо меньше, чем мы предполагали, — произнес Ланге. — Из двухсот семидесяти трех человек, которые должны были прибыть, в наличии пока что всего двести пятнадцать. Судя по списку утвердительных ответов, мы можем рассчитывать еще человек на сорок.

— Всего? — удивленно поднял брови Джон. — Кстати, я не хотел говорить об этом при всех, поскольку не знаю, как это отразится на моральном состоянии наших людей… Дело в том, что незадолго до нашей с тобой встречи я наткнулся на одной планете на группу людей.

— Они что, живут там, Барт? — Джон выпрямился и посмотрел на своего заместителя.

— Да, они живут на планете Десса.

— И что же ты молчал?

— Они живут там, и главный у них Гумберт Доаль.

Джон положил руки на стол и с силой налег на них, чтобы не дрожали.

— Думаю, придется оставить их в покое, — процедил он. — Гумберт весьма откровенно высказался обо всем, когда последний раз мы услышали о женщинах. По-моему, он не очень-то поможет нам своим злобным карканьем.

— Согласен с тобой, Джон. Но ведь не все там, на Дессе, его поддерживают. Фред Колтер, Ральф Сайерс и еще кое-кто были с нами, когда мы в последний раз работали на Гохд.

— Та-а-ак… А ты пробовал сообщить им?

— Нет еще. Десса лежит довольно далеко отсюда, и я подумал, что тебя нужно было предварительно поставить в известность.

Браузен задумчиво покивал головой.

— Это действительно довольно далеко от Вильмута, но имперцы время от времени все же летают в ту сторону. Ты думаете, что надо лететь?

— Мне кажется, что Колтеру, Сайерсу и другим, которые не очень привязаны к Гумберту, нужно дать шанс. Но сначала необходимо какое-то время выждать, чтобы подготовить наших людей, и вылететь на Дессу всей группой. Мне кажется, это произвело бы на дессян нужное впечатление. — Он на мгновение замолчал, но тут же добавил: — Джон, как ты думаешь, Гумберт был педерастом?

Браузен бросил быстрый взгляд на Барта.

— Нет! — решительно произнес он. — Наверняка нет! По крайней мере, не был им тогда, когда мы учились в Академии.

— А я все же думаю, что был, — покачал головой Барт. — В конце концов, он поэт…

Джон проглотил слюну. Он страстно мечтал о глотке крепкого виски.

— Нет, этого не было, — ответил он. — К тому же в его стихах нет даже намека на это. Те из нас, которые его знали, никогда не находили в его писаниях чего-то немужского.

Джон замолчал. Недоразумение с Гумбертом накрепко засело в его памяти, и он никак не мог отбросить эти воспоминания. К тому же, — в этом он отдавал себе отчет, — большая часть его «я» была склонна согласиться с той позицией, которую занял Гумберт Доаль.

— Значит, Барт, если нам не удастся это дело, я имею в виду с женщинами, и «Хомо Сапиенс» прекратит свое существование, то хоть имя Гумберта и его «Эпитафии» будет жить среди гуманоидных рас.

— Может быть! — в голосе Барта Джон различил раздражительные нотки. — Как твой заместитель, я предсказываю, что Доаль отнесется к вербовке его людей наихудшим образом.

Джон убрал руки со стола и спрятал их за спину.

— Я решительно против того, чтобы забрать эту группу. Но если ты настаиваешь, лучше всего будет послать несколько малых кораблей. Остальные я бы оставил в Регионе Непрерывности и соединился бы с ними позже. Я думаю, Барт, что если мы двинемся туда всем отрядом, то рискуем вляпаться в ненужную огласку. Не забывай, что на Дессе выращивают хлопок, и как бы далеко она не находилась, это привлекает туда довольно много торговцев.

— Ты прав, — кивнул Барт и встал. — Если я не нужен тебе, пойду сосну пару часиков.

— Конечно, дружище.

После ухода Ланге Джон уселся в кресло и погрузился в размышления. Он никогда не держал зла на Гумберта. Доаль был с ним, когда они решились побывать на Земле после уничтожения. А это зрелище, видит Бог, могло изменить мышление любого.

* * *

Маломощный, невооруженный корабль выскочил из

гиперпространства в зоне устойчивой связи с планетой. Джон подождал, пока еще один корабль, управляемый Луисом Домиано, появился в нескольких милях от него, и только тоща подал сигнал: «Здесь невооруженный корабль четвертого эксплуатационного класса типа „Консул Блуфф“. Капитан корабля Джон Браузен. Прошу на связь Гумберта Доаля».

С минуту он слышал только шум космической пустоты, какие-то обрывки слов, мешанину фраз. Затем из динамика донеслось:

— Джон? Командор Браузен? Здесь Фред Колтер. Как поживаешь, старый лис?

— Фред?! Привет! У меня все в порядке. А у тля?

— Тоже нормально. Кто это с тобой?

— Дон Бунстил и Минеелс. На твоих экранах еще должны быть видны Луис Домиано и Джим Камерон. Мы заскочили к вам по дороге. Где там Доаль? Если его нет, кто сможет дать нам разрешение на посадку?

После некоторого молчания из динамика донесся ответ:

— Гумберта здесь нет, командор, но вы можете садиться.

— Спасибо, Фред. Ваш поселок здорово вырос с тех пор, когда я последний раз наведывался к вам. Я вижу несколько новых домов возле леса. А там дальше, на полях, дессанский хлопок, не так ли? Да? За полями вижу какие-то строения мелку деревьями и небольшую поляну. Там можно садиться?

— Да! — захохотал Колтер. — Именно там и можно. Это наш космопорт, новый! А те строения, которые вы видите, просто склады для хранения урожая. Садитесь поаккуратнее, и постарайтесь не задеть крыши.

— Не беспокойся. Мы пойдем на антигравах.

* * *

Восемь человек собрались вокруг прибывших. Колтер, раскрасневшийся от радости, представлял их:

— Это Вальтер Байк, командор. Помните его? А это Карл Мюнц и Джой Пинда…

Джон пожимал руки подошедшим и бормотал приветственные слова, однако, особой радости не чувствовалось, и все присутствующие ощущали легкую скованность, особенно при очередном упоминании имени Гумберта. Колтер, наконец, не выдержал и прямо сказал:

— К черту! Нельзя это откладывать на потом. Гумберт сейчас не в себе. Он принял слишком большую дозу наркотиков.

На мгновение стало тихо. Джон должен был собрать всю свою волю, чтобы сохранить невозмутимый вид.

— Как он?

— Не знаю. По крайней мере, физически в полном порядке. Но в последнее время его постоянно что-то угнетает. Думаю, что это даже не воздействие наркотиков, а…

— Все наркотики так или иначе вредят, — Джон с трудом удержался, чтобы не спрятать руки в карманы. Проклятье, подумал он со злостью, ведь все пятна давно уже исчезли!

— Что он употреблял? — громко спросил он.

— Дрон.

* * *

В раздраженном состоянии Гумберт Доаль умел ранить фразами и словами куда сильнее самого острого кинжала. Однако, он мог быть и самым милым и симпатичным товарищем. Сейчас он был как раз в своем втором, приятном воплощении.

— Я действительно не понимаю, Джон. Ведь нужно гордиться тем, что употребляешь дрон.

Джон ощутил на лице слабый румянец, хотя и сумел вовремя погасить свой гнев, непроизвольную реакцию на такие слова. Чем-то его беспокоила парочка изящных зверушек, лежавших, прижавшись друг к другу, в дальнем углу комнаты, и время от времени он бросал на них взгляды.

Доаль выглядел неплохо, хотя и чудовищно располнел. Ничто теперь не напоминало о его былой стройности. Его бедра, обрисовавшиеся под тканью пижамы, когда он бросился на покрытую пуховиками кровать, были раза в два толще ноги здоровенного Омниарха-хелка. Брюхо напоминало небольшой аэростат. Кожа у него была чистая, глаза — такие же невинно-голубые, как и восемь лет назад. Белки глаз налились кровью, зрение нормальное, веки не опухли. Результаты действия дрона, по крайней мере, в начальный период, человеческий организм мог легко нейтрализовать.

Слабое движение в углу комнаты снова привлекло внимание Джона. Одно из лежавших там существ решилось встать и издало мягкий, тихий звук, похожий на мяуканье. Бронзовые, горящие глаза, полные жуткого страха, уставились на Джона.

Гумберт усмехнулся и спокойно сказал:

— Иди сюда, моя дорогая. Он, — при этом Доаль кивнул на Джона, — не сделает тебе ничего плохого.

Существо поколебалось пару мгновений, и, быстро пробежав

по комнате, мощным прыжком взобралось на кровать и, пряча морду на груди Гумберта, что-то заурчало. Минутой позже второе существо, словно уязвленное внезапным одиночеством, присоединилось к первому.

Джон только сейчас понял, что когда-то видел этих зверушек. Это были полуразумные существа, живущие в лесах Дессы. Он обратил внимание, что обе особи женского пола. Действительно, красивые, с прекрасным, необычайно мягким и пушистым мехом светло-коричневого тона, с темной полосой вдоль позвоночника и головы. Их кожа, доступная взгляду на ладонях и ступнях, имела матово-розовый цвет, как у…

Доаль захихикал.

— Ты всегда был слишком святым для солдата, Джон. Да, да, ты прав. Это мои маленькие любовницы, и что в этом такого? Сдается мне, что между людьми, которыми тебе приходилось командовать, существовали и более извращенные отношения. Скажи сам, командор Браузен, что за извращение склонило людей к войнам, в которых участвуют лица только одного пола? Разве не было бы гораздо приятнее, будь среди нас хотя бы несколько мисс в чине сержанта или лейтенанта?

Доаль замолчал, посматривая на Джона своими невинными голубыми глазами.

Через минуту он добавил:

— Тебе не кажется, что это была какая-то идиотская придурь? Или, скажем, некая разновидность мужского комплекса неполноценности, из-за которого мы оказались так жестоко наказаны природой?

— Ты, проклятый идиотский сибарит! — Джон уже не в силах был справиться с охватившим его гневом. — Ты же прекрасно знаешь, что на наших кораблях были женщины. И, если на то пошло, не будь ты таким трусом и не ищи себе оправданий, а посмотри, что среди гуманоидов всегда существовал принцип, что война ведется только мужчинами. И это не придурь, а способ сохранить женщин и собственный род от вымирания. Например, гохдонцы…

— Ах да! Гохдонцы! Я уже давно заметил, что даже самые кровожадные из нас, а ведь ты не из их числа, вполне насладились всеми мерзостями войны и покинули армию Гохда.

Джон набрал в легкие воздуха, чтобы ответить резкостью, но сдержался. Не было смысла продолжать этот спор.

— Гохдонцы, — сказал он спокойно, — не чудовища. И ты об этом прекрасно знаешь, Гумберт. Воюя, они добиваются признания своего рода. От нас они ждут своего рода реабилитации.

— Реабилитации? — захихикал Доаль, нежно поглаживая двух своих любимиц, которые уже перестали обращать внимание на Джона. Ласки разнежили их, и они заурчали от удовольствия, время от времени пытаясь лизнуть Доаля в щеку.

— Смотри, Джон. В них нет ничего звериного. Их можно научить понимать человеческую речь и даже говорить. Я считаю, что их разум ближе мне, чем разум обезьяны. И они такие нежные… В отличие от нас. У них нет злости и зависти. Смотри, у них зубы не хищников. И они такие чистые… Такие сладкие, приятно пахнущие и прекрасные…

Возбужденное состояние Джона сменилось отвращением. Однако он сдержался и только буркнул:

— Благодарю за пример. Но… — он заколебался, говорить ли Доалю обо всем. — Видишь ли, я прилетел сюда немного по другому делу.

— Догадываюсь, — улыбка Доаля стала преувеличенно сердечной. — Не считаешь ли ты, что слухи о перетряхивании целого сектора Галактики в поисках выживших людей не дойдут до моих ушей? Если честно, меня удивляет, что ты, Джон, поддавшись на старые сказки, начал собирать людей.

— На этот раз все точно, Гумберт, — Джон покачал головой и тихо произнес: — Я видел доказательства. Они настолько очевидны, что в них нельзя не поверить.

Доаль скорчил потешную гримасу и вздохнул.

— Не слишком ли ты быстро стареешь, Джон?

— Моя старость пусть тебя не волнует, подумай лучше о своей. И вообще, подумай над этим делом. Если бы ты поверил, что есть какой-то самый минимальный шанс, то разве ты не присоединился бы к нам? Не убедил бы своих товарищей следовать за тобой?

Одно из существ издало тихий, жалобный звук. Джон заметил, что пухлая ладонь задумавшегося Доаля сильно сжала маленькое тело зверька. Он наклонился к Гумберту и настойчиво переспросил:

— Ну как? Ты бы сделал это?

Толстяк рассмеялся:

— Интересный вопрос, командор. Конечно же, да. Но я должен быть полностью уверен. Я уже не поддамся на пустые разговоры и не стану гоняться по всей Галактике за призрачными тенями исчезнувших дам. Виг так-то, — заключил он. — Мне нужны настоящие, неопровержимые доказательства.

* * *

Дон Камерон на коптере полетел на горное озеро в ста милях от дома Доаля. Там могли находиться некоторые люди из группы Доаля. Вместе с Доном отправился и Фред Колтер, чей голос сейчас доносился из приемника:

— Командор! Никогда бы не поверил, если бы не видел это собственными глазами. Да ведь это почти наша Земля. Господи! Все почти такое же…

Джон слушал его краем уха, — все его внимание было поглощено наблюдением за Гумбертом Доалем и стоящими рядом с ним четырьмя мужчинами. Доаль что-то рассказывал, широко улыбаясь. Внешне он был абсолютно спокоен, однако по тому, как мужчины вслушивались в слона своего предводителя, Джон понял, что Доаль принял небольшую порцию дрона, чтобы успокоить нервы. Да еще эта улыбка. Уж очень легко она то появлялась, то исчезала на его лице. Мужчины, стоящие рядом с Гумбертом (каждый из них, не без участия Доаля, высмеял возможность существования живых женщин), казалось, тоже били спокойны, но Джон заметил, как тщательно они скрывали охватившее их напряжение.

Браузен изредка поглядывал в сторону. Там, в тридцати метрах от него, находился корабль. Доаль и его товарищи стояли немного сбоку, но зато как раз напротив открытого люка космолета.

Луис Домиано стоял рядом с группой мужчин еще на шестьдесят метров дальше. Он не был вооружен, стоящие рядом с ним, вроде бы тоже не имели никакого оружия.

Во внутреннем кармане у Джона лежал игольчатый пистолет.

Застегнутый на молнию мундир был тщательно подогнан по фигуре, но материал, из которого его сшили, был достаточно эластичен, так что Джон мог быстро достать оружие.

Глупо подозревать, подумал он, что Доаль попытается захватить корабль. Но что же тогда он задумал? И почему они расположились именно так?

Говоря что-то Сеареу, Джон внезапно замолчал. Новая, неясная пока еще мысль, промелькнула у него в голове. Это было нечто вроде наития, — то, что делало его отличным тактиком. Со слов Луиса Домиано, Камерона, Бунстила и его собственных Доаль легко мог понять план всей задуманной ими операции. Он мог догадаться, что Гохд намеревается бросить их на Вильмут. Вильмут, в свою очередь, мог легко догадаться о пребывании людей на Дессе. С точки зрения Доаля, следствием этого мог быть ответ Вильмута — молниеносный, мстительный налет на Дессу!

Через мгновение Джон уже знал, что ему предпринять. Он тихо сказал Сеареу:

— Сохраняй спокойствие и ничему не удивляйся. А сейчас медленно иди в сторону Домиано, но когда я крикну, беги.

Удивленный взгляд Сеареу разозлил Браузена.

— Тебе неясно? — зашипел он. — Немедленно выполняй! В любой момент здесь могут начать летать пули!

Сеареу заморгал, потом с бесстрастным лицом повернулся и, не глядя на Доаля, медленно двинулся вперед. Едва он отошел на несколько метров (Браузен хотел отослать его как можно дальше, чтобы он не попал под огонь), как Джон сам повернулся и уже было занес ногу для первого шага, но в этот момент Доаль резко крикнул:

— Стоять, Браузен!

Джон посмотрел на него, изображая на лице удивление. Одновременно он повернулся так, чтобы скрыть от Гумберта движение руки, потянувшейся за пистолетом. Заметив оружие в руке Доаля, он вдобавок постарался исказить лицо гримасой испуга. Остальная четверка также потянулась за оружием. Джон усмехнулся про себя — они стояли в двадцати метрах от него! Доаль был немного одурманен дроном, а его спутники ко всему еще и нервничали — лучших условий для драки он не мог себе и представить. Его рука незаметно нырнула под мундир и ладонь нащупала рукоятку пистолета.

Двое из четверки выстрелили, но промахнулись. Доаль что-то закричал, размахивая руками.

Джон не собирался убивать. Стрельбой он только хотел напугать противников. Но, к несчастью, Доаль в момент выстрела двинулся с места, готовясь к стрельбе в свою очередь. В первый момент Джон не смотрел, куда он попал, следя за четырьмя мужчинами, которым он успел нанести ранения в руку. Они уже валялись на земле, выронив оружие. Джон перевел взгляд на Доаля в тот момент, когда тот падал. Игла из пистолета Джона прошила Гумберту предплечье и, пробив грудную клетку, вонзилась в сердце. На толстом лице Доаля застыло выражение безмерного удивления. Потом его глаза закрылись, руки безвольно повисли, и тело глухо ударилось о землю.

Джон почувствовал слабость. Он и раньше убивал. Но не так, не с такого близкого расстояния и не людей. Еще никогда ему не приходилось убивать хорошо знакомого человека!

Он медленно пошел к лежащим. Домиано, Сеареу и остальные подбегали с другой стороны.

— Обеспечьте охрану корабля! — приказал он безжизненным голосом. — И немедленно возьмите оружие.

* * *

«Консул Блуфф» после прыжка находился в пределах радарной видимости «Луны» и остальных кораблей.

Фред Колтер сидел вместе с Джоном в командирской рубке.

— Никогда бы не подумал, что Доаль нападет на нас, — сказал он.

Джон пожал плечами.

— Думаю, он понял, что лично ему грозит опасность.

— Может быть, — кивнул Колтер. — Мы не хотели верить, но с его головой в последнее время творилось что-то непонятное. После того, как он в последний раз принял большую дозу дрона, ему стало мерещиться, что он находится на Земле. И все потому, что он даже на мгновение не мог забыть, что происходит на самом деле. Тогда-то он и написал стихотворение, которое произвело на меня странное впечатление, может быть, потому, что нам было очень тяжело оценить степень оторванности Доаля от реальности. Назвал он его тоже довольно странно: «Непрошеное стихотворение в тридцать семь лет». Это было его последнее стихотворение. Похоже, когда он его писал, то даже не осознавал, где находится.

— Надеюсь, оно сохранилось?

— Да. В моем багаже лежит все, что было написано Доалем. А что касается последнего…

— Что?

— Я не смог бы его забыть, даже если бы оригинал текста был утерян, — Колтер посмотрел куда-то вбок между экранами и начал декламировать:

«Любовь моя имеет черные волосы и глаза. Нет!

Пускай она будет еще и блондинкой. А может быть, и рыжей.

Но, конечно, моя любовь очень красивая.

Мы обязательно будем любить друг друга.

Но сначала надо засеять овес и выиграть войну.

Порою мне кажется, что все это длится так долго…

Но я пока не тороплюсь. Я еде полон сил, хоть и не молод.

Размалеванные манекены вокруг все настойчивее мельтешат.

Их застывшие улыбки все шире.

Молодость уносится прочь все быстрее.

О, Господи…»

Джон долго молчал, потом сказал:

— Я думаю, у каждого из нас был такой день, когда мы пытались отрицать истинность случившегося с нами.

Он и сам мог припомнить несколько моментов, которые хотелось навсегда выбросить из головы. Одним из них било удивление на лице умирающего Доаля. Другим — жалкое верещание зверьков, нечаянно стиснутых рукой.

Колтер беспокойно заворочался в кресле, потом нерешительно посмотрел на Джона.

— Командор, я должен кое-что сделать, и сейчас же.

— Что?

— Я не знаю как это называется. Но знаю несколько случаев, когда это спасало кое-кого от полной потери воли. Это так же сильно, как привычка к опиуму или морфию. Я не хочу это держать у себя. — Колтер развязал какую-то тряпочку и…

Внезапно Джон ощутил сухость во рту — на ладони Колтера лежал кусочек стебля дронгалийского растения. Он не должен был смотреть туда, где лежали восемь зернышек величиной с половинку горошины. Восемь порций покоя и забытья, восемь райских снов…

Он протянул руку, надеясь, что Колтер не заметит легкого дрожания его пальцев.

— Я… — он старался как можно тише проглотить слюну, — я спрячу это тотчас же.

И он спрятал сверток в оружейный сейф рядом с пультом управления кораблем и бросил ключ в карман. Теперь он мечтал о том, чтобы Колтер немедленно куда-нибудь вышел. Где-то на корабле обязательно должно быть немного спирта. Можно разбавить его небольшим количеством воды, подумал он. Это хоть и не уничтожит полностью желания, но по крайней мере ослабит его.

6

В рубке «Луны», наклонившись над пультом управлении, Джон произнес в микрофон:

— Тридцать секунд до выхода!

Его глаза внимательно следили за скачками стрелки корабельного хронометра. Двадцать секунд, пятнадцать…

Ладони покрылись потом; при выходе всегда имелся определенный риск, да еще если группа кораблей плотным строем пробивала дыру в гиперсфере. Небольшая ошибка при составлении программы для навигационного компьютера или неточная стабилизация корабля могли привести к выходу корабля в произвольную точку обычного пространства. Кроме этого, нужно было избегнуть опасностей еще до конца не изученной гиперсферы. Два материальных тела могли присутствовать в одной точке пространства только в течение наносекунды, после чего происходила аннигиляция.

Это было уже четвертое перемещение в гиперсфере сразу целого флота. Три предыдущие были успешными, если иметь в виду, конечно, только ближайшую цель…

Он волновался, так как не был уверен, что в действительно сложной ситуации, когда необходимо будет принимать решение еще до того, как глаза успеют прочитать показания приборов и обозреть экраны, он сможет оказаться на высоте, как когда-то? Ведь он понимал, что его мозг уже работает не так, как в старые времена…

Сначала им все удавалось благодаря точному расчету и удаче. Во время первой вылазки он не имел потерь. Во втором сражении он потерял четверых, и еще четверо лежали в госпитале на Акиэле. В третьем полете он лишился одного из связных кораблей с Доном Бунстилом во глазе и шестью членами экипажа.

Им удалось захватить два корабля бизхов (класса среднего крейсера), которые сейчас находились на Акиэле, где ремонтировались и перестраивались для использования гуманоидами. Эти работы должны были продлиться по крайней мере тысячу часов.

Четыре секунды до выхода…

Короткое, резкое рычание сирены!

Джон на мгновение потерял ориентацию, потом звезды проклюнулись на экранах внешнего обзора. И тотчас начался информационный обмен между корабельными компьютерами флота. Корабли нужно было перестроить в боевой порядок, так

как в расчетах всегда были мелкие ошибки, и корабли выходили из гиперсферы в незначительном, но все же беспорядке. На этот раз все, кажется, было в норме. Джон посмотрел на экраны, на детекторы массы, чтобы удостовериться в правильности маневра.

Снова заревели сирены.

— Батареи готовы?! — крикнул он, не сообразив сразу, что видит перед собой неприятельский отряд. Посмотрел на лейтенантов, сидевших по бокам от него, программировавших боеголовки ракет.

Сирены смолкли.

Джон краем уха уловил неясный разговор в общем канале связи: никто не торжествовал и не слал рапортов о неготовности. Одновременно он вглядывался в неясное пятно на экране радара. Там было не меньше дюжины больших кораблей. Каким чудом им удалось так точно попасть между налетчиками и выбранной целью?

Это была его вина. Его ошибки были чересчур логичны. Рыскание в одну сторону, потом в другую — так проходили предшествующие рейды. И потом еще эта попытка атаковать базу бизхов…

Они смогут уйти в гиперпространство только через полторы-две минуты. Надо убраться, не тратя ни единой ракеты, которые наверняка будут перехвачены бизхами. И хотя Джон очень много трудов вложил в подготовку этой атаки, он заставил себя спокойно все обдумать, холодно проанализировать все шансы и возможности. Тем временем флот неприятеля увеличивался в размерах по мере того, как группа приближалась к базе бизхов.

Если произойдет стычка, то у людей окажется слишком мало сил для того, чтобы отразить атаку!

— Гиперсфера через восемьдесят секунд, — крикнул он в микрофон. — Сначала прыжок на другую сторону, затем перегруппировка, а затем готовность к новому прыжку. Торпеды только после первого выхода! Во время второго нанести удар лазерными установками. Затем прыжок и встреча в пункте «Д». Вариант «Дух».

Стрелка хронометра прыгала по циферблату мелкими скачками. Программа была уже введена в компьютеры. Все системы малых кораблей замерли до тех пор, пока не настанет время второго прыжка. Потом, если все будет в порядке, у них появится дьявольски много работы. Браузен стиснул сухие губы в подобие улыбки, пока стрелка не перескочила последнюю отметку. Если судьба действительно отвернется от них… Отдельные их торпеды могут пронизать оборону врага и попасть в корабли людей, находящиеся на противоположном фланге.

Гиперсфера! Выход! Время этого короткого промежутка нельзя измерить чувствами человека. Джон пробежал глазами по приборам и экранам — флот бизхов перестал быть размытым пятном и превратился в крупное скопление разноцветных огней. На этот раз уже в пределах досягаемости торпед и лазеров. Если рискну, — Джон глубоко вздохнул, — то при максимуме энергии можно было бы использовать батареи против врага. Энергии было достаточно! Джон успел насчитать пятнадцать ярких огоньков, обозначавших большие крейсера противника.

Он задержал дыхание. Его флот на обычном приводе приближался к планете — цели, а вместе с ним — неприятель. Через мгновение враг поступил так, как и ожидал Джон — бизхи вошли в гиперсферу, чтобы вновь оказаться между его флотом и собственной базой.

Спустя секунду они появились снова, но уже вне зоны досягаемости оружия землян. Джон нажал несколько клавиш, придавая большее ускорение гиперприводу, чтобы не позволить врагу уйти далеко. Но он также не собирался находиться и поблизости от них.

— Смотрите! — сказал он в микрофон. — Благодаря их маневрам у нас появилась возможность подготовиться к прыжку в гиперсферу за двадцать секунд до них. Если мы сейчас исчезнем, то, появившись в другом месте, смажем выйти прямо на цель. Но если мы появимся среди их кораблей, они могут растеряться и подумать, а нет ли у нас еще одного флота, готового ударить по базе с другой стороны. И пока они будут сомневаться, мы откроем огонь. Они, конечно же, ответят, но время упустят. Мы же за это время подготовимся к прыжку в гиперсферу, и их ответным выстрелам скажем «пока».

Лейтенанты, сидевшие рядом, засомневались. Джон ждал, стараясь заглушить мучившее его желание. Внезапно на одном из экранов появился короткий блеск, потом все пришло в норму. Это была торпеда бизхов, посланная в сторону «Луны», возможно, как прощупывание их оборонительных сил. Едва исчез блеск, исчезла и торпеда — сработало защитное поле. Браузен снова взглянул на циферблат хронометра — минута! Мощная сила вражеского флота могла вот-вот двинуться на них на гиперприводе, однако оба флота имели одинаковую скорость…

Тридцать секунд до прыжка.

Лица людей напряжены. Джон искоса посмотрел на них и подумал, понимают ли они, что в этот момент их флот можно рассматривать как на выставке. Если до сих пор бизхи не догадались, с кем имеют дело, то уже сейчас должны были бы увидеть, что корабли нападающих похожи на корабли,

изготавливаемые вильмутцами. Корпуса шире тех, что строились на верфях других рас, все батареи и лазерные установки размещены на выпуклых бортах, характерный для Вильмута гравипривод…

Пятнадцать секунд до нуля!

Джон чувствовал себя превосходно, если, конечно, не считать этого омерзительного желания. Да, пока талант и счастье били на его стороне! Позволив своим ладоням повиснуть над пультом, он нажал клавишу с надписью «нуль».

Гиперсфера! Выход!

Прошло несколько секунд, прежде, чем противник начал действовать. Множество огоньков на экранах разлетелось, словно от взрыва. В опасной близости от «Луны» прошел лазерный луч. Повернувшись, Джон улыбнулся лейтенантам.

— Нам не следует тратить энергию на мелкие стычки. Все должно быть готово к прыжку. Следите за часами — остается еще три минуты.

Экраны замигали в тот момент, когда их торпеды достигли неприятельских кораблей. Однако они были перехвачены защитными полями и уничтожены. Вдруг по экранам разлился ослепительно-яркий свет — все-таки одна из торпед пробила защиту?!

— Попали?!

Вновь серия микроблесков на экранах при поражении ракет людей ракетами бизхов. И опять экраны заполнил яркий блеск. Защита выключила изображение. Взрывы перемещались все ближе. Джон ощутил холодный пот на плечах и спине, когда понял, насколько опасен такой способ ведения боя. Внезапно корабль сильно тряхнуло. Браузен похолодел, ожидая последствий, неужели попадание? Нет! Это артиллеристы открыли огонь, отражая атаку неприятеля. Вокруг «Луны» становилось все жарче, а до прыжка еще целая минута. И то при условии, что потребление энергии для обороны не будет слишком большим. Джон фиксировал данные, лихорадочно наблюдая за хронометром.

Сорок четыре секунды… Сорок одна… Он тяжело дышал. Если произошла ошибка в оценке… Он бистро наклонился над микрофоном.

— Артиллеристы!

— Да, сэр!

— Сколько осталось тяжелых снарядов?

— Девятнадцать, сэр. Но для них нет хороших целей.

— Направьте их туда, откуда нас наиболее интенсивно обстреливают, и замрите!

Через несколько секунд снаряды ушли в космос. И с этого момента им осталось только сидеть и ждать, сдерживая свой страх, в течение всего времени, пока стрелка хронометра отсчитывала неизмеримо длинные отрезки времени. Джон не смотрел на экраны, где корабли противника сосредотачивались для нанесения удара по «Луне». Остальные корабли, поменьше, не были хорошей мишенью для снарядов противника.

Шесть секунд.

Активированы все системы перехода. Защита корабля отчаянно противостояла мощи наседающего противника.

«Нуль»!

Залитый потом Джон не мог встать с кресла. Связи с остальными кораблями в этом аду ядерного огня и энергетических лучей не было. До самого выхода в пункт «Д» на «Луне» никто не знал, удастся ли малым кораблям выбраться из этой заварухи.

Внезапно Джону так страстно захотелось глотнуть хоть полдозы дрона…

7

Лиза Дувал, шестая Старшая (может быть, подумала она с горечью, уже и пятая старшая), дошла до последних поющих кустов и направилась в сторону лагеря. Босыми ногами она ощущала мягкую шелковистость влажной травы. В одной руке у нее был двадцатидвухдюймовый лук и две стрелы. В другой — подстреленное животное — двухфунтовое создание, похожее на очень толстую ящерицу с красивым и пушистым бронзового цвета мехом.

Одна из молоденьких девушек, увидев ее, крикнула тонким, писклявым голосом, какой обычно бывает у подростков:

— Лиза вернулась! Лиза вернулась!

Повариха, женщина почти на год моложе Лизы, лениво вышла из кухонного шалаша, чтобы посмотреть на зверя, что принесла охотница. Сначала на ее лице появилось разочарование, но потом она улыбнулась, пожав плечами.

Лиза, тяжело дыша, остановилась и, отдав кринка поварихе, спросила:

— Где Старшая?

Повариха, поняв, что происходит что-то не то, некоторое время от удивления моргала глазами, а потом произнесла:

— Кажется, она там, внизу, и помогает собирать кукурузу. А зачем она тебе? Что-нибудь случилось?

— Похоже, что Руби Вайс погибла, — Лиза обогнула таращившуюся на нее женщину и ринулась вниз, к ручью.

Джейн Феррис, Старшая, на полтора года старше Лизы, услышав крик, вышла навстречу бегущей с тяжелой сумкой, полной желтых зерен величиной с желудь.

— Что произошло, дорогая?

Лиза с трудом восстановила дыхание.

— Там, в верховьях ручья, я встретила одну из племени пузатых. Она-то и рассказала мне, что прошлой ночью какая-то женщина с опущенной головой ушла от них не имея ни сумки, ни лука, ни палки…

Лицо Джейн исказилось.

— Я догадывалась об этом, когда Руби не появилась на завтрак.

Лиза недоуменно вскинула брови.

— Но ведь она не очень уж и старая! Вчера я видела ее три или четыре раза, и она не показалась мне угнетенной. И она никогда… никогда не говорила…

Джейн дружески взяла Лизу за локоть, но ее решительный

голос начисто был лишен какой-либо нежности:

— Она могла где-то задержаться, а затем приняла решение добраться до Дыры.

Лиза ускорила шаги, подлаживаясь под ритм движения Старшей.

— Ты в самом деле думаешь, что она…

— Да, дорогая. Думаю, что она старилась намного быстрее, чем большинство из нас. Я ясно видела эти признаки, но старалась никому не говорить об этом и ей не напоминать. Вот нам с тобой…

— Но, — Лиза прервала Старшую, удивленная своей злостью, — мне еще далеко до этого. Еще лет семнадцать или восемнадцать.

— Конечно же, дорогая, — Джейн улыбнулась. — Но когда это все же произойдет, ты должна встретить это с ясной головой. Однако это не значит, что женщина стареет. Это лишь физиологические изменения организма, когда меняется структура твоего тела, что ли… Но если ты возьмешь себя в руки, то сразу почувствуешь себя так же, как и прежде.

Они почти бежали между звенящими кустами малинового цвета, листья которых соприкасаясь друг с другом издавали тихую приятную мелодию.

Джейн и Лиза добрались до места, откуда весь лагерь был как на ладони. Под навесом женщины и девушки толкли зерно. Их лица были угрюмы. Очевидно, новость уже облетела весь лагерь.

— Ну все! — резко крикнула Старшая. — Остановитесь! Я запрещаю вам вести себя как сброду истеричных пузатых! Мы должны попытаться вернуть Руби! Вот так! А теперь, Фреда, Мари, Элиза, возьмите копья, луки, запас кукурузы и сушеного мяса на несколько дней. Нэнси! — Она обратилась к поварихе, которая, запыхавшись поднялась на холм. — Ты займешь место Фреды. При малейшей опасности будешь опекать маленьких девушек. Держитесь все вместе и не устраивайте истерик, слышите?

Несколько женщин кивнули головами. Одна восьмилетняя девочка заплакала. Джейн подошла к ней и обняла за худенькие плечики.

— Ну, дорогая, не плачь! Все будет хорошо. Ты будешь послушной, правда ведь?

Ребенок, стараясь сдержать слезы, кивнул головой не открывая зажмуренных глаз.

* * *

Пузатые, в основном, были ночными существами, однако некоторые из них иногда бегали по принадлежащей племени территории даже днем. Лиза была подростком, когда се вместе с тысячью других женщин похитили с Земли. Она хорошо запомнила, что пузатые всегда казались ей чем-то похожим на больших и развитых бобров, хотя, конечно, это была не Земля.

Взрослые пузатые мужского пола имели вес около шестидесяти фунтов, здесь, где тяготение было почти равно земному. Каждый пузатый имел серый мех и зубы, как у земных грызунов. Разум пузатых был сродни человеческому, хотя, конечно, это были разные типы разумов.

Племя жило в норах, вырытых в холме на левом берегу Реки. Вход в каждую нору был прикрыт циновкой из сплетенных лиан, защищавших вход от дождя.

Сейчас некоторые из циновок были подняты, и люди заметили морды пузатых, которые молча наблюдали за бегущими вдоль тропинки женщинами. Через мгновение на краю зарослей звенящих кустов они встретили старую пузатую, которая умела немного говорить на языке людей. Она робко приблизилась, когда все немного приостановили свой бег.

— Подождите, женщины. Я скажу вам правду!

Джейн шепнула, что минуту можно отдохнуть, и Лиза с удовольствием повалилась на прохладную траву. Рука Джейн и лапка пузатой встретились в церемониальном приветствии.

— Спасибо тебе, добрая соседка, — сказала Джейн.

Пузатая самка свернувшись, превратилась в меховой шар, затем сказала:

— Мне жаль, высокие соседи, что одна из вас отошла. Мой муж видел ее до рассвета и послал двух молодых самцов на случай, если Большой Зверь покажет свои клыки. Однако она сказала, чтобы они возвращались домой.

— Как долго они шли за ней?

— Полдороги до Великой Стены.

— Вдоль берега Реки?

— По малой дороге. Перейдя Реку, она направилась к Великой Стене. Мой муж думает, что она шла к Дыре, куда уходят другие больные женщины.

Джейн вздохнула и встала.

— Спасибо, добрая соседка. Появлялся ли Большой Зверь у Реки?

— Один из наших видел его дней двенадцать назад. Но вы же знаете, что мы не ходим больше, чем на полдороги к Великой Стене.

— Спасибо, — повторила Джейн, и вся группа снова

двинулась легким переменным шагом, почти бегом.

Все они были опытными и выносливыми охотницами. Вскоре отыскался и след Руби, они переправились через Реку и повернули к Великой Стене. Никто ничего не говорил, пока они не остановились на привал.

Только тут Мари хмуро буркнула:

— Вот уже семеро наших ушли.

Джейн подняла голову.

— Еще неизвестно, дорогая. Мы обязательно догоним Руби!

Фреда, молчавшая до сих пор, произнесла с истерической ноткой в голосе:

— Разве кто-нибудь когда-либо возвращался из Дыры? Четверо ушли туда! Четверо! Мы обнаружили только их обглоданные кости. Когда же мы наконец заткнем эту дьявольскую Дыру?

— Может быть, нам когда-нибудь и удастся это сделать, — сказала Джейн. — Но зачем же так кричать? Признаюсь, что когда туда пошла Дженни, мне показалось, что она будет последней. — И, помолчав, добавила: — А что изменится, если мы закроем Дыру? Разве не существуют другие дикие места? Поэтому мы должны придумать что-то другое. Мы должны помогать тем, кто внезапно почувствует себя плохо, мы должны помогать им. — Она посмотрела на Лизу. На единственную среди охотниц, еще способную рожать детей.

Мари пожала плечами:

— Ну и что? Все равно мы все здесь все умрем. Почему бы нам всем просто не пойти в Дыру или не умереть каким-нибудь другим способом? Какой станет жизнь молодых девочек, когда мы, одна за другой, отойдем в мир иной, и уже некому будет помнить земное небо или хотя бы то, что земные деревья имели высоту около тридцати футов. И… и то, как выглядел мужчина. А когда останутся самые последние? Ведь и они когда-нибудь постареют. Представьте себе четыре или пять старух, пытающихся найти еду и защитить себя от чудовищ, ползущих через Дыру. А представьте себе последнюю… Абсолютно одну!

Джейн резко перебила ее:

— Думаю, сейчас мы должны поужинать. Еда всегда поднимала твое настроение, Мари.

Когда все уселись у костра, Джейн продолжила разговор:

— Видишь ли, Мари, те последние будут иметь полное право самим принимать решения, соответствующие их желаниям. Но до этого еще очень далеко. Мы составляем еще довольно сильную группу. И умеем быть счастливыми и здесь, не правда ли? Ты видела, как сегодня утром девочки играли на берегу? Смеялись и

прыгали, как обычные дети на Земле! Разве этот свет не так же приятен как свет Солнца? Или еда хуже?

Мари громко рассмеялась и неожиданно встретилась взглядом с Лизой.

— Посмотрите на эту дурочку! Она еще лелеет надежду, что какое-то чудо сделает ее беременной, что сможет дать кому-то пососать свою твердую пышную грудь! Но когда ты изменишься, когда твоя грудь обвиснет, как моя, тогда-то ты спустишься на землю! Даже если какой-нибудь мужчина…

Элиза и Фреда начали шмыгать носами. Джейн, вскочив с места, ударила Мари по лицу.

— Заткнись, немедленно!.. — крикнула она.

Когда женщины немного успокоились, Джейн твердо сказала:

— Лучше быть полутрупом, чем трупом. А что касается мужчин, то должна вам заметить, что это были довольно мерзкие создания. А разве то, что называется любовью, не было иллюзией? Несколько мгновений наслаждения, а затем долгие часы бессильной злости из-за предательского поведения какого-нибудь идиота. Думаю, что пока мы живы, мы должны хранить гордость. Пузатые и так уже думают, что мы являемся бандой чокнутых идиоток, которые носятся где попало и ругаются при первом же удобном случае. К тому же, время от времени кто-то из нас лезет умирать в Дыру, как… как какой-то больной грызун.

Жестом она приказала им встать.

— Пройдем еще две мили, а затем сделаем привал.

* * *

Лиза лежала на спине, рассматривая противоположную сторону Круга. С ее стороны сейчас уже было довольно темно, но огненный Круг прочно удерживал зверье на почтительном расстоянии от женщин. Через час они продолжат свой бег, неся с собой горящие факелы, чтобы защититься от нападения.

Как же мало знают они об этой местности, где теперь живут.

Форму и размер этой территории легко было охватить взглядом. Протяженность его была измерена шагами уже в первый год жизни, — несколько Старших женщин сделали это. От стены до стены было не более тридцати семи миль. Стены были ровные и вертикально вздымались вверх. Периметр цилиндра равнялся примерно восьмидесяти пяти милям. Источником тепла и света служил Круг, снизу выглядевший как тонкий раскаленный прут. Он вытянут от стены до стены вдоль оси цилиндра. Свет по очереди лился с каждой его стороны, изменяясь так, словно Круг

вращался вдоль продольной оси с периодом в девятнадцать часов. От этого происходила смена дня и ночи, хотя последнюю трудно было назвать ночью, поскольку свет с противоположного края цилиндра все равно доставал этот. Времена года изменялись по мере прохождения Круга от конца до конца цилиндра. Некоторые женщины, выросшие еще на Земле, считали, что тяготение здесь создается вращением всего сегмента. Если это было правдой, то почему горы были сосредоточены вдоль обеих стен, с долинами и миниатюрным «океаном» в центре, куда впадала Река? Без сомнения, — думала Лиза, — это была искусственная гравитация, хотя подтвердить ее догадку не мог никто.

Облака, если и появлялись, то никогда не поднимались выше мили над ними. И если на одной стороне было ясно, а на другой — пасмурно, то скопления облаков казались такими же отдаленными, как и поверхность, над которой их не было. Пасмурные ночи были достаточно темны, но блеск, исходящий с другого конца цилиндра, не делал их абсолютно черными.

Женщин сюда доставили на космических кораблях, пилотируемых странными существами — хелками, и было похоже, что это место является резервацией. Это позволяло не терять надежду, что хелки или руководящие ими вильмутцы могут в любой момент вернуться за ними. Хелки и вильмутцы связывались в сознании женщин в каком-то неясном ощущении парализующего ужаса, и обычно о них не говорили, особенно в присутствии девочек; некоторые женщины называли сегмент тюрьмой, но Лиза считала это место относительно приличным и дающим ощущение независимости. Конечно, должна существовать циркуляция воздуха, но не та, которая вызывалась сменой дня и ночи. Где-то должны быть отверстия, может быть, именно в Круге, дающем свет? Кроме того, под «океаном» должна быть и «сливная дыра», в которую уходит лишняя вода, иначе их бы давно затопило.

Дыра, к которой пошла Руби, появилась случайно. Что-то, быть может, метеорит, ударило и пробило стену в самом высоком месте, в горах. Правда, высота эта время от времени менялась, сказывалось влияние эрозии, но какая-то сила неизменно выталкивала горы из земли. Вначале Дыра была закрыта породой, но дожди вымыли ее. Следы этого были видны на стенах ущелья, бегущего от Дыры вниз. А когда Дыра открылась, дожди стали смывать грунт в соседний сегмент, бывший странным местом, с длинными морозными днями. В конце концов, отверстие в металлической стене открылось полностью. Оно было небольшим, около десяти дюймов. Форма его была почти правильным овалом, с неровными краями, словно металл был

пробит навылет, хотя был он очень прочен и не ржавел от воды.

Из этой Дыры стали приходить большие звери. К счастью, они не прижились в сегменте, где жили женщины и пузатые, видимо, здешняя атмосфера пришлась им не по нутру. Постоянный приток воздуха доносил запахи из их мира. Пузатые утверждали, что эта Дыра появилась несколько поколений назад, но это было гораздо раньше, чем женщины оказались здесь. Никто не мог объяснить, откуда появился обычай проходить сквозь Дыру в поисках смерти. Но обычай появился, и вот теперь Руби стала его первой жертвой.

Голос Джейн прервал размышления Лизы:

— Пора идти, девочки!

Овраг, пробитый в почве, вывел их прямо к предгорьям, в двадцати ярдах от стены, а затем и к Дыре, пробитой в белом металле. И здесь в пыли они быстро обнаружили следы Руби; остановились и заглянули в Дыру. Там, в другом мире, царила ночь, но поскольку там никогда не бывала облаков, красноватый полумрак делал возможным путешествие вглубь этого мира. Слабый ветерок, ударивший им в лица, имел резкий, сладковатый запах разлагающегося мяса.

Мари подала голос:

— А почему бы не взять с собой факелы?

— Потому что у нас нет третьей руки! — резко ответила Джейн.

Взяв луки наизготовку, они гуськом двинулись вперед. Тропинку покрывала почва, смытая из их мира. Сначала было влажно, но несколькими ярдами ниже воздух чужого мира высосал из грунта излишки влаги. Почва стала сухой и неприятно скользкой. Пройдя около пятидесяти ярдов, женщины уперлись в перекрученные широколиственные деревья. На опушке леса Джейн прошептала:

— Похоже, что наши глаза уже привыкли к этому свету.

Лиза посмотрела перед собой. Далекий отблеск был тревожным и делал их лица очень странными. Она инстинктивно посмотрела на свой лук, стрела лежала как надо, тетива была слегка натянута. Они медленно продолжили спуск. Лиза вдруг страстно захотела обернуться и посмотреть на Дыру, уже закрытую деревьями, но вдруг идущая впереди Джейн внезапно остановилась. Что-то пошевелилось рядом с ними, и раздался низкий, ворчливый звук. А дальше все произошло так стремительно, что позже Лиза уже не могла вспомнить всех подробностей. Приблизительно дюжина существ, чем-то отдаленно напоминавших Земных котов, но умеющих летать, ринулась на них. Эти создания были гораздо меньше Большого Зверя, но превосходили его в ловкости и быстроте. Они низко

летели над землей, или делали большие прыжки.

Лиза лихорадочно натянула лук, и пустив стрелу, отбросила ненужное уже оружие, так как стрела была единственной. В отчаянии она взмахнула копьем, защищаясь от твари, оказавшейся над ее головой. В красном полумраке она заметила четыре растопыренные лапы и надутые по бокам тела воздушные баллоны, плоское тело, острые когти, вытянутые в ее сторону, острую морду, маленькие острые клыки, торчащие из раскрытой пасти и глазки, малюсенькие, как кнопочки. Существо было меньше овчарки, но гораздо подвижнее любой собаки. Женщины отчаянно закричали. Пытаясь увернуться от когтей, Лиза, поскользнувшись в грязи, упала назад и выставила перед собой копье. Она почувствовала, как тело зверя ударилось о копье, едва не выбив оружие из ее рук, и тяжело рухнуло в грязь. Раздался крик Фреды.

С трудом поднявшись, Лиза увидела Джейн, отчаянно сражавшуюся с двумя тварями. Она бросилась на помощь и ударила одну из них копьем. Зверь заверещал и отскочил в сторону. Она заметила еще одного, приготовившегося напасть сбоку, и едва успела повернуться, чтобы встретить его острием копья, уперев древко в землю. Существо с размаху налетело на острие, проколов грудь насквозь. Лиза отбросила копье и прыгнула к Джейн, которая уже лежала на спине, отчаянно отбиваясь от наседавших зверей. Она схватила за загривок первого попавшегося и с силой отбросила в сторону. Ударившись о дерево, зверь заверещал и стал биться в судорогах. Лиза схватила еще одного, вцепившегося а плечо Джейн, но тварь вывернулась и убежала, Фреда плакала, лежа лицом вниз. Но Мари еще дралась, добивая зверя, крутившегося вокруг нее. Два мертвых существа валялись рядом, не считая того, которое было наколото на копье Лизы. Элиза стояла, держа копье наготове. Выглядела она ошеломленной.

Внезапная атака бестий била отбита. Женщины собрались вокруг Джейн. Старшая била покрыта глубокими ранами и лежала тихо, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Она тяжело дышала. Лиза заметила кровь, стекающую с левого бедра Джейн и, оторвав от своей блузки кусок материи, хотела перевязать рану. Однако Джейн слабо покачала головой и прошептала:

— Нет, Лиза. Не надо. Позволь мне просто спокойно полежать. Мой живот… он разорван.

Мари залилась слезами.

— Джейн!

Старшая осторожно покачала головой и прикрыла глаза от

боли. Спустя секунду открыла их, но уже было заметно, что она ничего не видит.

— Лиза, — прошептала она.

— Да, дорогая. Я здесь.

— Ты станешь Старшей, Лиза.

В первый момент Лиза не поняла, но потом закричала:

— Нет, нет, Джейн! Ты еще поправишься! Да… Но ведь Мари старше меня.

Джейн тяжело вздохнула и снова закрыла глаза.

— Нет, Лиза. Только ты сможешь вести за собой людей. Я хочу… чтобы… вы все… три…

Это были ее последние слова.

Женщины долго молчали, стараясь не смотреть друг на друга, с трудом сдерживая слезы.

— Но я не… — прошептала Лиза, — я не достаточно взрослая.

Мари обняла ее за плечи.

— Это так, Лиза, но ты именно такая, какая нужна нам всем. Джейн права. Ты действительно самая младшая из нас, но ведь мы не совсем в порядке. Ну, успокойся. Так и должно быть. Мы поможем тебе… Все поможем тебе!

С этой минуты никакие слезы не могли бы изменить решение Мари, Фреды и Элизы.

Все они были легко ранены во время схватки, однако раны были быстро перевязаны. Женщины копьями выкопали могилу для Джейн и осторожно положили тело Старшей в эту чужую землю. Дальше по тропинке они отыскали груду камней, которые перетаскали на могилу, сделав что-то вроде надгробия.

Рядом с кучей камней они обнаружили тело Руби, покрытое какими-то копошившимися существами. Фреда и Элиза едва не лишились чувств от этот кошмарного зрелища. Мари выглядела так, словно ее поразил гром. Лиза с трудом заставила успокоиться свой желудок.

Они разогнали тварей и похоронили то, что осталось от их подруги, рядом с могилой Джейн. Сделав два креста, они воткнули их в землю, прошептали молитвы, и лишь лотом двинулись назад, — домой.

8

Джон хмуро посмотрел на микрофон, потом протянул руку, нажимая кнопку на пульте связи.

— Центральная! — донеслось из динамика.

— Домиано, — сказал Джон. — Соедини меня со всеми кораблями на такой волне, чтобы меня слышали только наши корабли, и чтобы эта волна не распространялась дальше. Неизвестно, кто может находиться в этом районе космоса. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, командор. Но на это потребуется время; необходимо определить координаты всех кораблей. Вы даете нам полчаса?

— Да, — Джон вздохнул. — Мы не можем рисковать, используя радар, но если все же ты будешь определять координаты, проверь номер четыре. Если там остался кто-нибудь живой, пусть даст ответный сигнал.

— Уже пробовали, сэр. Я только что хотел доложить вам об этом. Они молчат, командор, ни малейшего намека на жизнь.

— Та-ак, — нервно протянул Браузен, и вскочив с кресла, стремительно вышел из рубки. Он направился в технический отдел, чтобы координировать операцию с помощью специальных экранов, смонтированных там.

Потом он проделал короткую прогулку по кораблю. Поговорил с артиллеристами (у них не было проблем, если не считать, что кончились снаряды всех калибров) и зашел на склад, где узнал, что с питанием экипажа тоже не будет проблем, если только они доберутся до Акиэля или куда-нибудь еще не позже, чем через триста часов. Затем он вернулся в рубку и вышел на связь с флотом.

— Говорит командор Браузен. Боюсь, что придется считать четвертый экипаж мертвым. Они вышли из гиперсферы, но до сих пор с ними нет связи. Мы попытаемся приблизиться к ним, и если уровень радиоактивности будет в норме, то перейдем к ним на борт. На детекторах у некоторых из вас могли появиться объекты или группы объектов в направлении 28/31 на расстоянии в треть миллиона миль. Мы наблюдаем их следы на экранах. Вероятнее всего, это заблудившаяся комета или метеоритный рой, но все же мы не можем рисковать. Все должны сгруппироваться вокруг «Луны». Это приказ!

Десятью часами позже, оставшиеся в живых люди из четвертого экипажа, уже находились в госпитальном отсеке флагманского корабля, а ремонтные бригады с «Луны»

занимались поврежденным кораблем. Отверстие было небольшим и появилось оттого, что какой-то осколок на огромной скорости насквозь пробил корабль, натворив при этом немало бед. Правда, следов радиоактивности, теплового или взрывного действия не было. Просто кусочек стали, имевший один шанс из тысячи, получил этот шанс, из-за чего погибли восемь мужчин.

Далекий объект, обнаруженный Джоном, оказался обычным для данного района Галактики куском скалы, но это не улучшило настроения командора. Ведь восемь человек погибли! А Вез До Ган требует, чтобы люди совершили еще несколько атак на базы бизхов.

Чувство вины и сомнения терзали его. Он был так уверен и горд собой, когда план операции был выработан. А может быть, в действительности это было преступной небрежностью?

Он встал с койки, на которой провел почти час, бессмысленно разглядывая металлические стены, и пошел к столу. Его взгляд безвольно метнулся к закрытому сейфу.

— Нет! — буркнул он, стиснув зубы и проглотив слюну, которая не могла утолить жгучего желания. Почему после возвращения с «Консула Блуффа» он закрыл ту коробку с дроном именно здесь, а не отнес ее в госпиталь «Луны» и не отдал врачу?

Джон оперся о край стола, у него закружилась голова.

— К дьяволу! — почти выкрикнул он. — Я не мог предугадать этот кусок металла! Не мог.

А как прекрасно он чувствовал себя перед началом операции. Хотя, если быть честным, каждый кретин чувствует себя на седьмом небе перед тем, как натворить ошибок.

А это сражение с бизхами? Какой эффект? Двадцать человек погибших в четырех неудачно проведенных операциях! Это был не только устрашающе большой процент от всех живущих ныне людей. Прежде всего это были люди, которых он знал. Товарищи по оружию. Уж было бы лучше, если бы Барт Ланге оставил его на Дронгалии.

Джон ударил кулаком по стальной переборке и с трудом проглотил слюну. А потом, дрожа и проклиная себя, повернулся и медленно двинулся к сейфу.

* * *

Джон лениво заворочался на койке. Что это за звук? Словно сквозь туман, обволакивающий его мозг, он пытался припомнить, что же надо было сделать? Что? Так… Это интерком… Он повернул голову к динамику.

— В чем дело?

— Командор! Докладывает вахтенный дежурный. Необходимые для жизни экипажей припасы на всех кораблях закончились.

— Так…

Молчание. Потом голос дежурного удивленно спросил:

— Командор, как скоро мы улетим отсюда?

— Улетим? — Джон почти засмеялся. Конечно, они могут улететь прямо сейчас. Но ведь для этого нужно, чтобы у него возникло такое желание. Ведь это он командует флотом, разве не так? Он вновь захихикал, а потом широко зевнул.

— Нет. Я думаю, что мы не скоро покинем этот район. Нам некуда спешить. Передай всем, чтобы отдыхали, хорошо?

Тишина. Потом раздался недоверчивый голос дежурного:

— Да… сэр. А разве…

Джон повернулся на другой бок, вытянулся поудобнее и снова погрузился в дремоту. Он чувствовал себя прекрасно. Где-то там, глубоко внутри, его что-то тревожило, угнетало. Это было какое-то особое чувство, связанное с недавно принятым решением, которое может стоить жизни всем его людям. Это плохо, но ведь рано или поздно каждый должен умереть, не так ли? И не все ли равно, как умереть? В бою, быстро и без мучений, принять героическую смерть, или вот так, в сладкой грезе. Похоже, что так даже проще. Ему было хорошо! Почему он так упорно отказывался от порции дрона в течение этих долгих часов и дней? Он был очень и очень не мудрый…

— Джон! Эй, Джон! Проснись!!

Джон перевернулся на спину, и с трудом разлепив отяжелевшие веки, уставился отсутствующим взглядом на того, кто тормошил его за плечи.

— О, да это ты, Барт! — наконец узнал он человека. — Как ты сюда попал?

Барт смотрел на него, стиснув зубы.

— Значит так, Джон. Эх! Сколько же ты принял и как давно?

Браузен сел, позевывая потянулся, затем ухмыльнулся:

— Мне нужно принять душ, а потом что-нибудь съесть. Ты спрашиваешь, сколько я принял? Одну дозу. Маленькую, маленькую… — он попытался показать это дрожащими пальцами. — Как зернышко гороха. Если где-то еще растет наш горох, — захихикал он. — Да перестань же пялиться на меня, дружище. Я чувствую себя отлично. Не веришь? Спроси таблицу умножения или логарифм трех. А может быть, тебе лучше перечислить наших людей? Давай: Аэрон, Андерс, Бейкер, Бунстил… — Он замолчал. — Да, Бунстила мы потеряли.

Ланге прошипел сквозь зубы:

— К дьяволу Бунстила и всех остальных! В последний раз мы дали флоту бизхов прикурить. Мы выполнили все или, по крайней мере, большую часть обязательств перед гохдонцами и сейчас мы самостоятельная боевая единица! Нас еще около двух сотен и нам еще так много надо сделать, Джон! А может, ты опять собираешься стать свиньей и вернуться к своему дерьмовому занятию?

Джон поморщился.

— Ты не понимаешь, что такое дрон, Барт, — вздохнул он. — Но хватит об этом. Я думаю, что пора двигаться на встречу с Везом. Барт, ты возвращаешься на свой корабль? Может, останешься на «Луне» и поможешь мне сейчас? Надо бы отдать нужные приказы…

Ланге схватил его за руки и, сорвав с койки, заорал:

— Да приди же в себя, Джон! Кто здесь командор!? Ты! И особенно сейчас, после последнего сражения. Люди смотрят на тебя, как на божество. Нельзя чтобы они увидели в тебе слюнтяя, этакое бесхребетное животное…

Джон опять вздохнул.

— Скажу тебе честно, Барт. Я не хочу быть даже частью Бога… Но ты, конечно, прав.

Он наклонился за мундиром, небрежно брошенным на полу.

— Возвращайся на корабль и сразу уходи в гиперсферу.

* * *

— Да, конечно, существует большой риск, что бизхи узнают о направлении следующего нашего удара, — Вез До Ган направил свои ладони вниз, что означало крайнюю степень раздражения. — Нельзя забывать и о том, что они тоже кое-что смыслят в военном искусстве. Поверьте, мне искренне жаль, что вы потеряли столько людей. Приняв во внимание твои способности в ведении боя, которые еще раз были продемонстрированы тобой, Джон, это была просто неудача. Скажу честно, мы больше не просим тебя, Джон Браузен, о возобновлении атак на бизхов в этом районе. Думаю, что лучше всего было бы нанести удар по их базам, в каком-нибудь другом районе. Это стоит обдумать. А пока скажу: твоя неудача оборачивается для нас полной победой. Ты-таки здорово потрепал этих червей, — Вез потер волосатую щеку. — Главная цель заключалась не в уничтожении баз бизхов, а в провоцировании недоразумений между вильмутцами и бизхами, и насколько нам кажется, она достигнута. А если ты так же

удачно выполнишь удары по их дальним базам…

— Кампания, проводимая так далеко, — буркнул Джон, — будет требовать предварительного исследования района.

— Согласен. Конечно, нужно немного осмотреться. Думаю, что мы могли бы организовать нашу базу поблизости от границ империи Вильмут. Место и время вашего появления в указанном районе мы определим позднее.

— Мы должны получить от вас полную амуницию, энергию и продовольствие. Как насчет обеспечения всем этим? Думаю, что продукты можно погрузить на Акиэле.

— Конечно. Но на это потребуются сотни часов. Такое резкое увеличение суматохи и появление большого количества транспортов несомненно вызовет повышенный интерес разведки. Но это пока наш предварительный разговор. Будем думать. Пока что скажу, два корабля бизхов, находящиеся на Акиэле, уже отремонтированы.

Мысли одна за другой пробегали в голове Джона. Как кстати был бы сейчас корабль клипов, обещанный Омниархом. Кроме потенциальной пользы, которую он мог бы принести в бою, он мог бы служить базой лучше, чем любая планета и принял бы на борт всех людей сразу. Но говорить об этом Везу пока ничего нельзя…

Джон очнулся.

— Знаешь что, Вез? Мне кажется, что мы могли бы очень просто решить проблему перевалочной базы. Согласен, что наше пребывание на Акиэле становится все более опасным. Во время нашей последней встречи мы говорили о какой-нибудь планете в вашей части Галактики, которую мы могли бы занять. А что, если ее и использовать для нашей базы?

Внимательный взгляд Вез До Гана сконцентрировался на нем на целую минуту.

— Отличная мысль, командор. А что?! Когда бы ты хотел осмотреть ее?

— Через несколько гохдонских дней, если это подойдет. Нам необходимо подремонтировать корабли и поднять моральный дух экипажей. Может быть, мы сможем дать тебе сигнал, как только будем готовы?

— Хорошо, Джон, до встречи.

— До встречи, Вез До Ган!

* * *

По возвращении на Акиэль Джон поспешно отыскал Большого

Самца хелков.

— Мне срочно нужно сказать пару слов Омниарху. Дело не терпит отлагательств. Скажи, где я мог бы встретиться с ним?

Хелк внимательно посмотрел на человека. На его лице не появилось никаких чувств; голова хелка была поднята на уровень лица Джона, а четыре ноги мощно упирались в землю.

— Должен огорчить тебя, человек, но я не знаю, где находится мой предок. Однако твои слова немедленно будут переданы ему, хотя я не знаю, как много времени потребуется для того, чтобы он их услышал. Но известие я передам немедленно!

9

Бульвенорг, Заместитель Первого Главного Маршала Обороны Великой Империи Вильмут, сидел, слушая болтовню наспех собранных людей. Большинство из присутствующих здесь помощников были его непосредственными подчиненными, и он обычно позволял им некоторые вольности. Он слушал так, как слушал бы обеспокоенный, но сохраняющий внешнее спокойствие, кот, развалившийся в кресле с полузакрытыми глазами. Уши его время от времени подрагивали, когда до слуха долетало мало-мальски важное слово. Бульвенорг не был котом. Без сомнения он принадлежал к гуманоидной расе, о чем свидетельствовали его сильные и ловкие руки с четырьмя толстыми пальцами на каждой. Если его ноги были более толстыми и мощными, чем, например, у гохдонца, то это лишь подтверждало, что вильмутцы развивались в более тяжелых природных условиях. Бульвенорг мог носить человеческую обувь (соответствующей ширины), кроме того, пальцы его ступней были более подвижными и ловкими, чем пальцы человека. Лицо его весьма отдаленно напоминало человеческое — щеки были удалены друг от друга на высоту ушей и соединялись внизу так, что его большой нос, близко посаженные глаза, выдвинутый вперед подбородок и выступающие зубы занимали очень мало места. Его зубы, в отличие от человеческих, были более приспособлены к плотоядной пище, но не настолько, чтобы вильмутцы не могли есть растительную пищу.

В человеческом восприятии Бульвенорг был коренастым — он имел рост немногим более шести футов при весе в триста фунтов. Трудно было сказать был ли он толстым, или имел такое телосложение от рождения. Во всяком случае, во всей Галактике, никто так и не мог понять, каким образом эти тяжелые на вид существа могли в мгновение ока становиться гибкими и ловкими, словно были начисто лишены костей. Но ведь и немногие знали, что земные коты (когда они существовали) умели в одну секунду сменить свою ленивую позу на решительность и готовность к действию, напоминая при этом сильно сжатую стальную пружину. И именно этим Бульвенорг напоминал кота. Его остроконечные зубы вот уже несколько мгновений дрожали все сильней. Он поднял руку и пригладил коротко постриженные, вьющиеся волосы, растущие на крутом лбу (эта покатость лба была уравновешена выпуклостью темени черепа). Медленно румянец покрыл его смуглую кожу. Бульвенорг не был злым, но сейчас начинал злиться. Болтовня присутствующих уже перестала давать

хоть какую-то полезную информацию.

Он выпрямился в кресле. Офицер, руководивший собранием, тотчас же застучал по столу чем-то похожим на карандаш, но в действительности бывшее многозарядным лазером, который легко мог сжечь небольшой город. Стук призвал присутствующих к порядку.

Бульвенорг поморщился и произнес:

— Мне стало ясно, — сказал он резким голосом, — что большинство из вас стараются скрыть свою озабоченность тем, — он прервался, давая собравшимся выразить недовольство, — что сообщил нам Гражданский Делегат о нападении наших боевых кораблей на пограничные базы империи Бизх. По причинам, которые ни один здравомыслящий индивидуум не в состоянии понять или объяснить. Наш Директор придает этому делу большое значение, хотя, в целом, оно не заслуживает этого. В свою очередь, наш Шеф Внешнеимперского Отдела красноречиво отметил те трудности, с которыми встречается наша разведка при работе в чужих мирах, расположенных на расстоянии многих сотен световых лет от самых отдаленных наших границ, мирах, с которыми мы даже не поддерживаем дипломатических отношений. В конце нашего собрания вам будет предоставлена возможность ознакомиться с докладом моего адъютанта, который в общих чертах обрисует вам наши действия, чтобы предотвратить возможность массовых ответных атак со стороны бизхов. — Он снова на мгновение прервался, ища взглядом недовольных. Конечно, он мог сломить всякое сопротивление без особого труда, но хотел закончить собрание, не раздражаясь, затем продолжил:

— Меня поразило, что никто из присутствующих даже на мгновение не смог предположить, что эти таинственные нападения (конечно, мы не можем и даже не должны отрицать, что наша организация в Своей работе испытывает большие трудности) были кем-то запланированы для того, чтобы посеять враждебность между нами и бизхами.

Раздались удивленные восклицания.

— Такая возможность, — продолжал Бульвенорг, — с самого начала была наиболее очевидна. Я нарочно не упоминал о ней, надеясь, что кто-нибудь из вас сам придет к этому и выскажет какие-нибудь ценные мысли. Сейчас я всем предлагаю подумать над сложившейся ситуацией в этом аспекте и приготовиться к дискуссии, которая должна состояться в следующую нашу встречу.

* * *

Гражданский Делегат, старый советник, которому Бульвенорг взаимно платил сдержанным уважением, кашлянул. Бульвенорг посмотрел на него.

— Интересная мысль, — медленно произнес Делегат. — Интересно, кого вы имели в виду, говоря о неустановленных провокаторах? Они чужие или вы все же допускаете возможность, что это кто-то из наших?

Бульвенорг улыбнулся:

— Не судите об этой последней возможности по моим словам. Однако, поскольку моей работой является оборона империи и ее союзников, я сделаю все, чтобы убедиться в том, что мы тут не причем. По имеющейся информации, силы нападающих были невелики. Думаю, что именно чужаки и являются теми провокаторами. Благодарю, — он поклонился Делегату, — за то, что вы почтили меня своим присутствием.

Делегат откланялся.

— Я ваш союзник, маршал. Помните, что Директор очень не желал бы войны с бизхами. Кстати, а что вы думаете об этих мерзавцах? Может, вы знаете, кто они?

Бульвенорг сделал обиженный вид.

— Именно это, — буркнул он, — и потребует от нас огромного напряжения, так как до сих пор мы не располагаем более точной информацией. Хотя, если быть до конца правдивым, мне в голову приходили кое-какие мысли о некоторых расах, которые могли бы извлечь из этого кое-какую пользу.

Делегат хрипло рассмеялся. Бульвенорг встал, давая понять, что собрание закончилось. Прощаясь с подчиненными, он вежливо улыбнулся каждому. Бульвенорг никогда ничего не имел против такого панибратства, но иногда, как например сейчас, когда что-то мешало ему принять решение, эта маска хорошо помогала скрыть охватившее его раздражение. Покидая кабинет, Бульвенорг коснулся выключателя микрофона и произнес:

— Адмирал Густен, я бы хотел поговорить с вами.

* * *

Бульвенорг достал из шкафчика бутылку и, не теряя времени на церемонии, наполнил напитком два бокала. Один — Густену, другой — себе. Это был обычный напиток со вкусовыми и ароматическими добавками, придающими ему кисловатый вкус и запах.

— Итак, сэр, вы мотаете что-нибудь сказать о тех, кто доставил нам эти неприятности?

Жест Густена отрицательно ответил на этот вопрос.

— Я полностью сбит с толку, маршал. Не понимаю, кто мог захватить столько наших кораблей, да еще крейсер с тоннажем в четыреста тысяч тонн. Мы не теряли такого количества кораблей на протяжении пяти поколений.

Бульвенорг пожал плечами, глотнув из бокала.

— Это полная загадка. Можно было бы подумать, что кто-то построил корабли по нашим проектам. Хотя, это весьма длительная работа. Однако, по данным разведки можно утверждать, что это наши корабли. Я подозреваю, что нас ждет долгое ковыряние в архивах в поисках данных о кораблях, которые мы потеряли ранее. В свою очередь, — он внимательно поглядел на собеседника, — вам не приходит в голову мысль об одной расе, представители которой похищали корабль за кораблем, а потом использовали их против нас?

Густен наморщил лоб.

— Конечно. Продолжительность жизни наших загадочных и часто удивляющих невольников хелков мгновенно пришла мне на ум. Я когда-то даже исследовал их. Два подавленных восстания хелков, а потом на протяжении последующих ста лет тишина, даже корабли не похищались.

Бульвенорг усмехнулся, но взгляд его остался внимательным.

— Да, — кивнул он. — Но вы, адмирал, забываете о кораблях, пропавших без вести.

— Хелки-техники не могут захватить корабль! — решительно запротестовал Густен.

— Техники — нет. Но ведь нам до сих пор не удалось разгадать загадку гормонов хелков. Откуда может быть уверенность, что содержащийся где-то в целях воспроизводства Большой Самец хелков не воспроизводил индивидуумов, выглядевших, как все остальные, но с инстинктами воинов?

— Вы думаете, сэр, — Густен походил на очень обеспокоенного, почти запуганного человека, — такое возможно?

Бульвенорг допил свой напиток и нетерпеливо взмахнул рукой, в которой держал бокал.

— Это просто один из вариантов, пришедших мне в голову. Ведь корабли могли быть собраны различными путями. Наши враги, адмирал, если реально посмотреть на это дело, легко могли собрать такое количество кораблей. Но тут важно друид. Самое главное установить: из кого состоят экипажи кораблей? Наверняка члены экипажей не являются обитателями ни одной из империй, с которыми мы время от времени торгуем. Существует риск, что кто-нибудь попадет в плен или тела убитых будут опознаны. Вам не приходит в голову мысль, что это могла сделать

определенная группа фанатически смелых гуманоидов, ненавидящая нас всеми своими потрохами? — сказал он, наблюдая за реакцией собеседника. — А если добавить сюда и то, с каким блеском они проводили операции с превосходящими силами противника…

— Вы имеете в виду землян? И их ком… (какое глупое определение ранга) командора Джона Браузена? Их осталось немного, да и распылены они по всей Галактике. Только этот толстый поэт Доаль постоянно живет на Дессе. Что касается Браузена, думаю, что он уже давно умер на Дронгалии.

Бульвенорг оскалил крупные зубы.

— Действительно, Браузен уже давно живет на Дронгалии. По нашим сведениям он стал наркоманом. Если говорить об остальных, то по нашим подсчетам их осталось не более трех сотен. Но разве триста человек — это мало? Я всегда сомневался, что решение оставить в живых эти недобитые остатки землян в качестве примера для других бунтовщиков или агрессоров было верным. А насчет Браузена мы должны как можно скорее убедиться, что он на самом деле мертв.

Густен медленно выцедил остатки напитка и осторожно поставил бокал на стол.

— Я понял вас, господин Бульвенорг, но зачем это все? Почему такие сомнения?

— Сомнения? И вы хотите знать почему, Густен? Ведь многие из этих землян долгие годы били на службе у гохдонцев. А теперь вспомните, что бизхи в последнее время заглядывались на лакомые кусочки пространства, лежащие между их империей и Гохдом. Гохдонцы не очень хотят и не могут ввязываться в открытую войну, которая грозит стать затяжной. С их точки зрения оптимальным решением является возможность убедить бизхов, что это не они, а мы заинтересованы в этой экспансии.

Густен кивнул.

— Мы обязаны поинтересоваться этим. Если бизхи овладеют всей свободной территорией вдоль рукава спирали и в конце концов дойдут до Гохда, то дальнейшая их экспансия пойдет уже через Пустой Регион. Таким образом, мы должны иметь в этом деле какой-то интерес. Однако, это дело далекого будущего. К тому же у нас нет никаких доказательств. Домыслы и все. А этого недостаточно, чтобы хотя бы начать планировать карательные экспедиции против гохдонцев.

Бульвенорг снова наполнил бокалы.

— Да, это и невозможно. Они довольно сильны. Если нам удастся выиграть тотальную войну у Гохда, империя бизхов станет самой сильной в этом секторе Галактики.

Он сделал большой глоток.

— Конечно, мы все же примем некоторые контрмеры. А сейчас мы должны убедиться в том, что мои допущения верны. А посему необходимо как можно скорее предпринять рейс на Дессу. Хотя этот толстяк-поэт и его прихлебатели и отрицают всякие мысли о войне, мы должны убедиться, что это так. Кроме тот, надлежит выслать корабль и на Дронгалию, чтобы проверить что с Браузеном. Если он мертв, хорошо. Далее, необходимо усилить разведку как у бизхов, так и у гохдонцев…

Он на мгновение задумался.

— А может быть… — буркнул он, — мы должны добавить к этому и еще что-то. У меня такое ощущение, что стоит также выслать небольшой отряд вдоль рукава спирали, чтобы еще раз присмотреться к мой планете, откуда происходили люди. К Земле.

Густен часто заморгал.

— Неужели вы думаете, что там смог кто-то выжить?

— Нет, однако там остались машины и материалы. Работая непродолжительное время в скафандрах, люди могли бы найти там довольно ценное оборудование.

Он наклонился к Густену.

— Пока что прошу вас подобрать экипажи. А мне предоставить рапорт с точным указанием рангов и всех необходимых мероприятий для отбора. Это должны быть решительные люди и, что немаловажно, умеющие молчать! Вы понимаете меня, адмирал? Я чувствую, что важность этого дела может перешагнуть границы ответственности!

10

Невооруженный гохдонский «разведчик» приблизился к зеленой планете. Джон и Барт расположились перед огромным экраном и внимательно изучали изображение. Джон наклонился, подстраивая камеру так, чтобы получить максимальное изображение горной цепи, лежащей внизу в нескольких десятках миль.

— Я не замечаю никакой разницы, — через мгновение воскликнул он, увидев деревья, растущие по склонам гор. — Это же наши сосны, Барт!

— Я все же хочу рассмотреть их немного поближе, — рассмеялся Ланге. — Только тогда я, может быть, утешусь. Ты уже определил место приземления?

— Нет. Но мне кажется, что вон то место подойдет, — Браузен ткнул пальцем в угол экрана. — Возле озера будет в самый раз. Смотри! Озеро окружено узким кольцом лугов. Да, там и сядем. Что скажешь? Мы сможем назвать эту планету своим домом?

Барт посмотрел на командора. Оба они очень внимательно следили за своей речью. Вез До Ган, без сомнения, мог установить в этом помещении подслушивающую аппаратуру.

Джон усмехнулся. Он был возбужден, а Вез мог бы это понять, если существовала аппаратура подслушивания. Однако, откуда он мог знать, что мир, лежащий за кораблем, не был единственной причиной возбуждения людей. Джон торопился на условленную встречу с Омниархом. Сейчас самое главное было встретиться с хелком.

Из интеркома раздался свист, и послышался голос Вез До Гана:

— Приземление через десять долей, что в переводе на ваше время — 21 минута. Вы выбрали место для посадки?

Джон и Барт вернулись в свои каюты. Было договорено, что они подождут на этой планете «Луну», которая должна привезти оборудование и припасы с Акиэля. Конечно, не потому, что эта планета била бесплодна. Просто сначала здесь необходимо построить электростанцию, а до тех пор ввозить все продовольствие и товары извне.

Джон не был уверен, прилетит ли на «Луне» сам Омниарх, или пришлет кого-нибудь с известием о месте и времени встречи. Он очень сомневался, чтобы старый плут так рисковал, появляясь здесь. Но, в конце концов, это не имело значения, так как пока события развивались успешно.

В каютах Барта и Джона раздался звонок, и на экранах появилось лицо Веза:

— Встретимся у шлюза номер два сразу после посадки.

— Хорошо, Вез, принято.

* * *

Солнце пригревало здесь почти так же, как и на Земле. Деревья, окружающие луг, не били похожи на сосны, они имели сморщенные округлые листья и пряно пахли. Но, несмотря на это, пульс Джона участился. Трава здесь на первый взгляд была такая же, как и на Земле, она доставала до щиколоток и пахла, как обыкновенная трава.

Пролетающие птицы могли сойти за соек, если бы вместо пурпурного оперения имели голубое, так больно памятное по Земле. Экологическая ниша белок была заполнена небольшими зверьками, удивительно похожими на маленьких, безволосых мексиканских собачек. Но кричали они так, как не смог бы сделать ни один земной пес. Люди заметили какое-то существо, похожее на енота, которое вышло из леса и направилось к озеру. Заметив людей, оно остановилось и удивленно посмотрело на них, потом повернулось и побежало обратно, смешно подпрыгивая при этом. Джон сравнил того зверя с енотом именно по способу, каким он передвигался. Зверек имел длинное рыло, короткий хвост и серый мех с одним большим белым пятном на шее.

В нескольких ярдах за людьми появились вооруженные гохдонцы.

Вез подошел к Джону и улыбнулся:

— Ну как, друзья, вам нравится здесь?

Джон сглотнул и едва выдавил из себя:

— Это… идеальное место, Вез, мы словно на Земле, где-нибудь в Северной Америке поздней весной.

— Я рад за вас. Я приказал своим экологам подробнее проштудировать описание Земли и на основании этого сделать выбор планеты. Меня уверили, хотя исследования здесь были весьма поверхностные, что в отношении местной фауны необходимы только минимальные меры предосторожности. Вы уверены, что палатки вам хватит? Мы могли бы установить вам что-нибудь посолиднее.

— Палатки хватит, — ответил Джон. — Она выглядит очень… очень невинно.

Вез открытой ладонью выразил свое согласие.

— Насколько мне стало известно, — начал он, — в двух милях вниз по течению ручья находится равнина, где можно будет построить поселок и смонтировать необходимое оборудование для нормальной жизнедеятельности. Да, еще! Подумайте так же над тем, что, когда вы раздобудете нужное количество кораблей, вам необходимо будет решать проблемы маскировки. Если говорить о временном посадочном поле, то лучше всего иметь на нем три звездолета одновременно. И вот еще что. Грунт там не настолько твердый, чтобы выдержать старт корабля на обычных двигателях, поэтому советую вам сразу применять гравитационный ускоритель.

Они подошли к груде оборудования, которая занимала добрые двести ярдов луга. Над большим штабелем из ящиков и пакетов уже была натянута маскировочная сетка, которая (как уверял Вез) была окрашена таким образом, что цветом не отличалась от окружающих деревьев вне зависимости от типа освещения — видимого, инфракрасного или ультрафиолетовой).

Что за сила скрывалась под этой сеткой! Кровь ударила Джону в голову при мысли о длинных металлических сигарах, мчащихся сквозь пустоту в погоне за отчаянно лавирующими неприятельскими звездолетами.

* * *

Огромная «Луна» мягко села на равнину, не касаясь травы, поддерживаемая гравитационными двигателями. Ковер вывалился из люка первым. Джон встретил его, протянув руку.

— Привезли пассажира?

— Нет, только информацию.

— Где и когда?

— Около двенадцати световых лет отсюда, между двумя двойными звездами. Тамошняя гравитация отлично маскирует от всяких масс-детекторов. Время, — Колтер посмотрел на часы, — через одиннадцать часов, начиная с момента нашей посадки.

— Значит, у нас есть время для пополнения припасов «Луны».

— Сначала мы должны полететь на Акиэль, а оттуда направиться на место встречи, лучше на каком-нибудь небольшом корабле. «Луна» слишком бросается в глаза. Большой Самец на Акиэле высказал мысль, что Вез До Ган может что-нибудь заподозрить.

— Хелк, видимо, прав, — вздохнул Джон. — Что ж, это означает еще два дополнительных часа. Были еще какие-нибудь сообщения?

— Да, в свою очередь мы должны оставить здесь кого-нибудь для охраны всего этого. Мы будем присылать корабли за вооружением и припасами. Ну ладно, давай разгружаться. Я думаю, что нам будет достаточно сложить припасы вон там, под деревьями.

11

С беспокойством, которое Джон старался не выказывать, он наблюдал за Омниархом, который программировал компьютер для гиперпрыжка. Они должны были попасть на нужную планету точно, без всяких корректирующих прыжков и отклонений. Такое путешествие, если ко всему прочему не было точных данных, называли «гиперсферической рулеткой». Но Омниарх, без сомнения, знал, что делал.

На корабельном детекторе массы были видны две светлые точки — это была пара двойных звезд. Сейчас они были местом их секретной встречи.

Большой хелк повернул голову и посмотрел на Джона.

— Десять секунд, командор.

Браузен постарался расслабиться.

Гиперсфера!

Около полутора минут объективного времени — это было порядочно. Корабль, выныривающий из гиперсферы, мог наскочить на кусок скалы. Джон с трудом проглотил слюну, мечтая о ничтожной порции дрона или, по крайней мере, о стакане виски. Он сжимал и разжимал вспотевшие ладони. Указатель хронометра наконец-то высветил необходимую отметку. Джон скрючился в кресле, охваченный страхом и сомнениями.

Выход!

Они остались живы. И находились на орбите планеты, которая могла быть Марсом, если бы имела немного больше видимых кратеров. Атмосфера с давлением не более десяти фунтов на квадратный дюйм, немного кислорода… Солнце системы было бледным. Это был белый карлик, который в свое время сжег жизнь на планете в момент максимального увеличения излучения. Сейчас планета была безжизненной, хотя на ней каким-та чудом сохранилось два моря.

Они тайком прокрались в этот район, контролируемый гохдонцами, и возбуждение, которое испытывал Джон при мысли о корабле клипов, не уменьшало этого прискорбного факта. Ему не нравилась эта затея, проводимая за спиной Вез До Гана. Но как бы там ни было, они были на месте…

Большие волосатые ладони Омниарха быстро пробежали по пульту.

Корабль замедлил полет и снизился. Они задержались над краем округлого плоскогорья, и Омниарх снова обратился к Джону:

— Сейчас мы должны кое-что предпринять, прежде чем приступим к самому главному. Джон Браузен, я намерен ударить небольшой силы лучом из орудий и измельчить грунт в этом месте. Потом, — он указал на экран, — сдуть его выхлопами.

Джон пожал плечами.

— Здесь командуешь ты. Когда начнем?

— Немедленно. Прямо под нами, не менее чем в двадцати футах под поверхностью находится металлический предмет диаметром два и высотой один фут. Его положение можно зафиксировать с помощью магнитометра.

— Хорошо, — буркнул Джон. — И что это? Часть корабля клипов?

— Нет, Джон Браузен. Это не часть корабля. Это прибор, при помощи которого мы найдем звездолет. Окажись эта безделушка в руках у кот-нибудь, кто совсем не знаком с технологическими достижениями клипов, она бы им ничего не сказала. Ну что же, идем на посадку и за работу.

* * *

Созданный загадочной цивилизацией прибор был похож на большой металлический гриб со шляпкой, без каких-либо следов обработки на поверхности. Он казался монолитной глыбой металла, но у людей создалось впечатление, что внутри он полый. Разве что клипы создали сверхлегкий металл.

Открывался прибор очень своеобразно. Омниарх принес из корабельного склада длинный кабель с магнитным сердечником и начал свивать из него спираль. Спираль получилась равномерной, и в середину ее он установил прибор.

— Сейчас, — обратился он к Джону, — нам потребуется постоянный пульсирующий ток, частоту которого необходимо менять в пределах от пятисот до тысячи мегациклов. На корабле есть генератор с такими параметрами?

Джон посмотрел на Омниарха и заявил:

— Наверное, к тому же можно было бы отключить питание от батарей.

Омниарх улыбнулся.

— Ты не считаешь, что монтаж и доставка сюда специального оборудования может оказаться очень некстати? И… — он на мгновение замолчал, быстро переступив всеми своими четырьмя ногами, — прошу извинить меня, если я выгляжу несколько возбужденным. Я видел только фильм о корабле, находящемся здесь. А вы ведь знаете, насколько важным элементом в наших

планах является этот корабль.

Джон удивленно посмотрел на хелка.

— Ты хочешь сказать, что никогда не имел дела с этим контрольным прибором?

— Я пользовался им. Собственно, это я спрятал его здесь, но сам корабль… Нам всем суждено увидеть его впервые!

Ток пробежал по спирали сложной формы. Омниарх стоял над прибором, широко расставив ноги, со склоненной на бок головой, чтобы было удобнее вести наблюдение.

Загадочное творение разума клипов задрожало и подпрыгнуло на несколько сантиметров вверх. Его внешняя оболочка треснула и мгновенно превратилась в порошок. Омниарх дрожащими от нетерпения пальцами раздвинул спирали и вытащил прибор. Джон увидел панельку, сплошь покрытую циферблатами и указателями. Надписи представляли собой набор каких-то непонятных закорючек. Он знал, что никто и никогда в Галактике не смог до сих пор расшифровать язык клипов. Руки большого хелка дрожали еще сильнее, когда он положил, медленно согнув сначала одну, потом вторую ногу, свое тело на землю, рядом с прибором. Он долго вглядывался в циферблаты прибора, затем, глубоко втянув воздух, произнес:

— Если я хорошо понял тоща фильм и все, что мне удалось расшифровать в этих надписях, то можно предполагать, что звездолет появится из-под земли приблизительно в миле отсюда. Лучше всего это будет перелить в нашем корабле. Активность этой планеты давно исчерпалась, но для поднятия звездолета может быть сгенерирована огромная энергия, возможно, это будет небезопасно. Кровь прилила к вискам Джона. Он поспешно двинулся вслед за Омниархом к своему кораблю.

Они взлетели на несколько тысяч футов, и Джон увидел, как хелк включил прибор.

Ничего не произошло. Джон задрожал от напряжения, злости и разочарования. Но потом… Он едва успел подавить в себе желание бросить корабль в космос с ускорением в сотню «g». Поверхность планеты, рыжеватая и пустынная, внезапно лопнула, как яйцо в горячей воде, из трещины повалила пыль и полетела порода. Трещина стала расти, выброс грунта поднялся на невероятную высоту, и планета вздрогнула, как бы рождая гигантский звездолет, вылезавший из гигантской трещины. До их слуха донесся грохот и рев разбуженной планеты. То, что выходило из ее недр, выходило с очень больших глубин. Медленно стряхивая с себя миллионы тонн породы, рождался корабль клипов.

Долгое время Джон был парализован собственным

недоверием к тому, что он видел на экране внешнего обзора, думая при этом, что разум его помрачился. Звездолет чужой цивилизации имел по крайней мере четыре тысячи футов в длину и шестьсот-семьсот футов в диаметре. Он был цилиндрической формы с закругленными концами и параболическими выпуклостями с торцов. Больше никаких подробностей разглядеть не удалось. Только через несколько секунд Джон сумел различить вокруг корабля какую-то цепь, состоящую из звеньев круглых колец. Но что самое удивительное, эти кольца не соприкасались друг с другом. Эта цепь состояла из нескольких рядов звеньев. Таких рядов было восемнадцать, причем каждый состоял из сорока или пятидесяти колец. Скорее всего, это били шлюзовые люки, которые были сделаны из более темного и оттого контрастирующего с матово-серебристым корпусом звездолета металла. Сотни люков!!! И через каждый из них мог пройти такой корабль, в котором сидел сейчас Джон. Казалось, что нос гиганта почти касался обшивки их корабля…

Когда первые секунды ошеломления прошли, Джон обратился к Омниарху:

— Ты не мог бы…

Но хелк уже вращал ручки прибора. Джон посмотрел на экран: нереальный, невероятно большой корабль застыл прямо напротив их, зависнув над поверхностью планеты, и один из люков громадины был открыт.

Хелк улыбнулся во весь рот, но глаза его горели бешеным возбуждением. Голос слегка дрожал:

— Прошу на борт твоего новом корабля, командор Джон Браузен!

* * *

…Осторожно опробовав все переключатели, кнопки и приборы, люди нашли систему коммуникации внутри корабля. Теперь со всех палуб и помещений можно было связаться с залом Центрального Управления корабля клипов.

Стоило только пощелкать переключателями или нажать несколько кнопок на главном пульте или во вспомогательных отсеках, расположенных в разных концах корабля, как он становился похож на разбуженный улей. Массивные сооружения в оружейных отсеках корабля начинали вращаться совершенно бесшумно, так что о силе их оружия можно было только догадываться. Множество разноцветных огоньков мигали в рубке и каютах, гудели сигнальные сирены, а после прикосновения к

одной единственной кнопке на энергопункте многоэтажные колонны энергонакопителей неистово загудели, переполняемые накопленной в них энергией в миллионы киловатт.

Сначала Джон и Омниарх даже и не пытались активизировать все эти механизмы. Единственное, что они сделали, так это включили освещение всех палуб, коридоров и кают в целях безопасности. Но потом оказалось, что корабль был снабжен специальной системой защиты: любой тупица, оказавшийся на его борту, не смог бы причинить вред от нормальному функционированию. Люди разобрались в некоторых надписях под приборами и переключателями настолько, насколько это позволяли сделать познания Омниарха в языке клипов.

— Смотри! — сказал Джон, показывая на предупреждающий знак. — Дьявольское совпадение. В моем мире красный цвет всегда считался символом опасности. То же обозначение принято и в Гохде, и в Вильмуте. Видишь, и клипы используют его так же.

— Это не случайное совпадение, Джон Браузен, — Омниарх улыбнулся. — У моего народа этот цвет служит аналогичным целям. А поскольку у нас у всех красная кровь, то все становится понятным?

Джон посмотрел на холка, и от щеки покраснели.

— Ты прав. Но у нас могли бы возникнуть проблемы, если бы мы нашли что-то, созданное существами с зеленой кровью, не так ли?

— Скажу, — важно ответил Омниарх, — что мы быстро научились бы разбираться и в этом!

Изучая корабль, люди поняли, что клипы уже давно пользовались всеми технологиями, которые на сегодняшний день считались у разумных рас Галактики суперновыми. К тому же здесь были вдобавок еще и такие, которые вообще не были знакомы ни людям, ни хелкам. Например, возле главного пульта управления находился еще один пульт, поменьше, который был усеян пружинками из какого-то пластика или керамики. Они были очень упругими, и сколько Джон ни давил на них, он не смог сдвинуть их витки ни на йоту. Кроме того, здесь же, на пульте, было несколько указателей с циферблатами, а также множество переключателей и игольчатых рукояток. Омниарх, выходя из зала, остановился в двери и загадочным тоном сообщил Джону:

— Можешь немного поэкспериментировать. Это не опасно.

И вышел. Удивленный Джон посмотрел ему вслед, а затем вернулся к этому странному пульту.

Он был шесть футов в высоту и девять футов в ширину и отстоял от главного пульта на десять дюймов. Пространство за

пультом было закрыто кожухом. Очевидно, отметил Джон, там могли находиться какие-то приводные механизмы.

Джон выбрал переключатель ниже самого большого диска, имеющего около трех футов в диаметре, перевел его в конечное положение и… тут же отскочил назад, когда из диска вытек шар такого же размера. Джон осторожно приблизился, свет беспрепятственно проникал сквозь шар, темный диск исчез, и из пульта торчала только половина шара. Значит, другая половина должна была находиться за пультом, но где, если там свободного пространства было едва на пару дюймов? Джон протянул руку и дотронулся до поверхности шара. И ничего не почувствовал. Его пальцы прошли сквозь _т_о_, что на вид напоминало стекло. Он отнял руку, на шаре не осталось ни малейшего следа. Тогда он повернул переключатель в первоначальное положение. Шар тут же исчез, и опять на пульте возник черный диск. Включил — диск снова сменился шаром. Он несколько мгновений вглядывался в него, потом подошел к детектору массы. Так и есть! Шар на экране точечками огоньков обозначал положение двойных звезд и точки — положения «Луны» и других кораблей эскадры. Очень осторожно он протянул руку и дотронулся до поверхности шара. Шар был таким, каким и должен был быть, — полым и холодным. Тогда он возвратился к пульту с пружинками. Ни один из оставшихся переключателей и кнопок не привели к какому-либо изменению на пульте и внутри иллюзионного шара. Глядя на надписи, Джон в задумчивости нахмурил лоб. Он разобрал только одну комбинацию знаков, занимающих целый ряд на краю пульта. Это слово означало «гиперсфера». Именно так объяснял эту комбинацию значков Омниарх. Видимо, это был какой-то специальный вид детектора массы, который действовал только при работе компьютера корабля в режиме полета в гиперсфере. Или же это мог быть прибор, контролирующий положение других кораблей в гиперсферном полете. Джон с неохотой выключил его.

Такой же загадкой остались четыре циферблата хронометров над малым пультом вспомогательного компьютера. После включения питания все четыре хронометра начинали отсчет времени, стрелки быстро делали несколько оборотов с разными скоростями и потом останавливались. Три из них показывали дату и время, которые Джон не понимал. Указатели четвертого прибора двигались точно так же, как и стрелки ручных часов Браузена, хотя, конечно, все цифры на циферблате этого прибора были совершенно непонятны.

Главная часть корабля — гигантский механизм длиной в тысячу футов и диаметром двести футов — представляла собой единый монолит. Внутрь нагого механизма совершенно не было

доступа. Создавалось впечатление, что попасть туда было вообще невозможно. Даже ультразвуковое и магнитное зондирование не помогли раскрыть его секретов. Он был настолько массивен и так прочно закреплен, что Омниарх и Джон решили, что он был отлит в супергигантской форме, и только потом весь корабль был построен вокруг него. Может быть, его сделали из отдельных частей, а потом собрали в единый монолит из того самого металла, из которого сделан был и корпус всего звездолета.

Стены этого механизма должны были иметь, по крайней мере, около двухсот футов толщины и скрывать в себе энергию невиданной мощи. По выходящим наружу спиралям-шинам шел ток, который мог дотла сжечь небольшой поселок.

После многочасовых размышлений и исследований Джон начал свой разговор с Омниархом.

— Там должно быть громадное количество топлива! И мы не знаем, как пополнить его запасы, когда они закончатся. Трудно предположить, что клипы сделали корабль для одноразового использования.

— Ты уже сам сказал, — усмехнулся Омниарх, — что в этом корабле может быть колоссальный запас топлива.

Джон бросил быстрый взгляд на хелка — этот Омниарх все еще продолжал оставаться для нет загадкой.

— А кстати, ты никогда не говорил мне, как тебе удалось раздобыть контрольный прибор для обнаружения корабля. И где ты видел фильм, разъясняющий как им пользоваться? Мне кажется, что в нем могла быть подсказка, где искать остальные творения расы клипов. Думаю, что это может пригодиться нам в бою.

Омниарх моргнул два раза в знак согласия.

— Ты думаешь, что я не искал, Джон Браузен? Все остальное могло быть уничтожено в катаклизмах или еще ждет пока его откроют. Пойми, что я не могу свободно, на виду у всех передвигаться по Галактике, как того бы хотел. У Вильмута множество шпионов почти на всех населенных планетах!

Джон промолчал. Но подумал, что все-таки получил информацию, или, по крайней мере, ориентир… Этот хелк! Место, где Омниарх раздобыл контрольный прибор и видел фильм (один Бог знает, как он сохранился, ведь прошло столько столетий!) вероятнее всего находится на территории, контролируемой Вильмутом. Слово «место» Омниарх применял только в определенном значении и всегда, когда не собирался даже намекать на него. Так же он говорил и о женщинах, спрятанных в особом «месте».

Проведя сто часов на этом корабле (последние восемьдесят

Барт Ланге также находился там), Джон понял, что сможет справиться со звездолетом без помощи Омниарха (гравипривод и аппаратура, контролирующая гиперпереход, были относительно простыми). Определенное количество английских слов, эквивалентных терминологии клипов, было запрограммировано в памяти компьютеров, а остальные можно было ввести потом, дополнительно. В конце концов компьютерам было все равно, чем оперировать — арабскими цифрами или непонятными значками двухсотичной системы клипов. Сначала Джон думал переградуировать все циферблаты приборов, нарисовав на них привычные человеку символы, но через некоторое время он понял, что гораздо легче будет использовать показания такими, какими они являются в оригинале.

Тем временем Омниарх улетел, забрав с собой контрольный прибор-обнаружитель. В общем-то, это не понравилось Джону, но спорить он не стал. Большинство его людей уже прибыло. Все «разведчики» были втянуты на палубы флагмана. Джон занялся изучением вооружения корабля клипов, предоставив Ланге заниматься более подробными исследованиями инструментов и механизмов.

Сам факт существования в сохранности корпуса корабля говорил о большой стойкости металла, из которого он был изготовлен. Странным было лишь то, что крышки люков были изготовлены из стали, намного более слабой и более подверженной коррозии, нежели металл корпуса и других внутренних конструкций. Ведь во время боя, конечно же, это было самым уязвимым местом. Джона удивило, что она не проржавела. Может быть, в подземном хранилище ее предохраняло от влаги какое-то химическое покрытие?

Правда то, что крышки люков были выполнены из менее прочного металла, имело и свои преимущества. Для размещения ракетных установок и лазеров можно было прорезать в люках необходимые бойницы, так что это было даже неплохо.

Джон долю раздумывал над размещением оружия. Конечно, среди экипажа всегда найдется несколько человек, которые смогут спланировать размещение и подключение оружия. Да, это будет огромный труд!

Позволит ли Омниарх сделать это на Акиэле? Наверное, нет. Все это должно быть сделано руками людей в открытом космосе. Ну что же, работа это только работа. Осталось решить самый главный вопрос. Где достать необходимое вооружение? Он решил посоветоваться об этом с Ланге.

— У нас была такая возможность. Я имею в виду демонтаж кораблей бизхов. Но теперь это уже нереально. Гохдонцев мы не

можем просить о помощи, так как они не знают об этом корабле и могут вполне резонно поинтересоваться, зачем и где мы собираемся размещать так много оружия. Мы не можем даже купить его, так как на это у нас нет денег.

Барт согласился.

— Мне пришла в голову мысль, что Вильмут никогда не старался посетить Землю после катастрофы. А ведь очень много их продукции поступало туда до последней минуты. Но с другой стороны — сильная радиация. Выйти на поверхность…

Барт резко выпрямился.

— Но, может быть, за восемь лет ее уровень снизился?

— Конечно, снизился, но все равно думаю, что придется работать в защитных скафандрах, а все демонтированное оборудование тщательно дезактивировать. Дожди, конечно, порядочно смыли этой гадости. К тому же много снаряжения находилось на складах и в убежищах (сам знаешь, как о нем заботились) и не может быть сильно повреждено, — он внимательно посмотрел на Ланге. — Барт, я рассчитываю на то, что нам удастся собрать сто ракетных установок, пятьдесят лазерных и пятьдесят тяжелых орудий.

Ланге открыл рот.

— Боюсь, что все лазеры могли быть уничтожены!

— Возможно. Нужно проверить. Когда мы доставим все это в безвоздушное пространство…

— А на чем? — Барт скептически усмехнулся. — Ты сам говорил о сильной радиации.

— Да, ты прав, но у нас есть этот огромный корабль, и мы можем использовать его, — увидев лицо Ланге, Джон улыбнулся. — Конечно, я не думаю отрезать от него кусок, чтобы не повредить остальное радиацией (у нас даже нечем резать этот металл), но мы можем все стащить в один из больших отсеков и перекрыть его наглухо.

Барт решительно рубанул рукой воздух:

— Отлично! Можно попробовать! И бьюсь об заклад, что у нас получится все как надо!

— Я намереваюсь, — прервал его Джон; — заставить Омниарха даже путем шантажа, чтобы он сам или его потомки-техники передали нам всю информацию об этом корабле. И что из того, что ракетная установка будет излучать несколько рентген? Мы будем держаться от нее подальше.

— Конечно, — поддакнул Барт. Его лицо горело решимостью. — Сколько человек мы возьмем?

— Больше, чем есть у нас скафандров высшей защити. У нас будет много работы. Я хочу забрать всех, за исключением

экипажа, необходимого для обслуживания нескольких «разведчиков» и «Луны». Моральный дух несколько упал, и я хотел бы его немного поднять зрелищем планеты-матери. Большинство из них не видело ее после…

Барт подумал и медленно кивнул.

— Думаю, что ты прав. Я знаю по себе, что не смог бы пережить это вновь… но… один только Бог знает, как я хочу увидеть нашу родную планету спустя восемь лет после катастрофы.

12

Вот уже почти четыре часа, как они в этом огромном корабле находятся в гиперсфере. Ровно столько, сколько необходимо для путешествия к Солнцу. Джон беспокойно метался по залу Центрального Управления. Его волновало какое-то странное, нехорошее предчувствие. Логически рассуждая, не было причин, чтобы империя Вильмут спустя восемь лет стала наблюдать за солнечной системой. Конечно, можно было проводить скрытые работы в шахтах даже при существующем уровне радиации, но зачем такой мощной империи морочить себе голову такой чепухой! Все, что можно было найти на Земле или какой-нибудь иной планете солнечной системы, с таким же успехом можно было отыскать на сотнях других, к тому же совершенно избавленных от радиации. Что же касается земных складов оружия, то они не должны были интересовать имперцев. Было легче создать новое, чем лететь на Землю и выискивать заброшенные арсеналы. У самого же Джона просто не было другого выбора: он не имел возможности раздобыть оружие еще где-либо, однако он был раздражен на себя тем, что дал повод Вильмуту вспомнить о Земле. Если имперцы хорошо пораскинут мозгами, то наверняка тоже додумаются, что земляне могут атаковать передовые посты бизхов.

Согласно показаниям хронометра оставалось менее четверти часа до выхода из гиперсферы в одной из точек пространства на орбите Плутона, выше плоскости эклиптики, но подальше от пояса астероидов. Если вильмутцы все-таки оставили наблюдателей, то, вероятнее всего, они расположили свою базу в поясе астероидов. Они всегда будут готовы к нуль-прыжку, тогда как его корабль сможет выполнить такой маневр только через четыре минуты после включения гиперустановки. Вернее, почти через четыре минуты, так как они с Бартом смогли определить, что корабль клипов может быть готов нырнуть в гиперсферу за три минуты и двадцать секунд. Это было многовато, особенно когда речь идет о космическом сражении. У Джона не было никакой уверенности в том, что корпус корабля, пусть даже из такого прочного металла, сможет выдержать ракетный залп тяжелого крейсера.

Джон остановился рядом с шаром масс-детектора. Барт стоял рядом.

— Я хотел бы, — проворчал он, — чтобы этот прибор был очень хорошо отрегулирован. Когда мы выскочим в обычное пространство, то он покажет нам слишком много объектов:

Солнце, планеты и астероиды. Боюсь, что не сумею точно сориентироваться, где нахожусь.

Джон кивнул головой. Все видимые точки должны были лежать в плоскости на четыре дюйма ниже центра шара, который отображал сиюминутное положение корабля в обычном пространстве. Солнце будет выглядеть как зелено-голубой огонек, но изображение остальных объектов системы может быть смазанным. В общем, мало хорошего, что теперь спустя восемь лет он не знает точного положения планет на орбитах. Вдруг у него мелькнула интересная мысль. Джон остановился и посмотрел на вспомогательный пульт, туда, где виднелась надпись на языке клипов — «Гиперсфера». Он быстро подошел к нему и решительно переключил тумблер под большим диском. Оптическое изображение сферы появилось мгновенно, но на этот раз оно было покрыто разноцветными блестящими точками.

— Барт! Иди сюда!

Ланге с удивлением поднял брови.

— Что это такое, дьявол его побери? Ведь мы в подпространстве!

Джон усмехнулся.

— Да, мы в гиперсфере. Но этот прибор работает именно здесь! Смотри! Это наверняка Солнце, а вон те зеленые огоньки — планеты. Зелено-голубые — звезды. А что могут означать эти желтые точки? Каждая имеет миллиметров пять-шесть в диаметре.

Он посмотрел на Барта.

— Как ты думаешь, что это такое?

Ланге долго всматривался в эти огоньки, потом вздохнул и произнес:

— Похоже, что это корабли. Корабли Вильмута. Всего тридцать кораблей! Я не знаю, как клипы смогли сконструировать прибор, который может из гиперсферы контролировать обычное пространство. Похоже, что эта наша игрушка способна и на еще более интересные штучки. Если попробовать вот так, — он подкрутил какую-то ручку.

Размеры огоньков на сфере уменьшились.

— Значит, — усмехнулся Барт, — это максимальное увеличение, — он повернул ручку в противоположную сторону. Изображение укрупнилось, огоньки по краям шара вынырнули на его поверхность. Когда ручка дошла до упора, изображение исчезло, остался только один крупный огонек.

— Как ты думаешь, что это такое, Джон? Похоже, что обломок скалы. — Барт скривился. — Мне кажется, что как раз сейчас мы пролетаем сквозь него. От этого как-то не по себе, а?

— А мне кажется, что это даже очень неплохо. Если мы таким образом сможем контролировать выход из гиперпространства, то нам ничего не будет страшно.

Барт кивнул.

— Ты прав, об этом я как-то не подумал. Но почему мы раньше не разгадали свойств этого прибора? Ведь мы входили в гиперпространство на этом корабле уже более тридцати раз.

— Мне кажется, что он начинает действовать только вблизи больших гравитационных масс. Сейчас нам необходимо сверить свое положение относительно Земли таким образом, чтобы можно было в гиперпространстве дойти до самой атмосферы планеты. Кстати, как там поживают наши «друзья»?

— Их корабли остались на границе системы, — ответил Ланге.

Джон кивнул и включил интерком корабля.

— Всем приноровиться к выходу! Полная боевая готовность на «разведчиках»!. В солнечной системе находятся «гости». Мы попробуем пройти незамеченными, но если кто-то из них полюбопытствует, что это за корабль пожаловал на Землю, вы встретите этих любознаек и щелкнете их по носам.

* * *

Огромный звездолет повис над тем, что было когда-то Восточной Суматрой. Мужчины стояли в молчании, вглядываясь в экраны. Даже Джон, который в отличие от всех остальных уже видел Землю после катастрофы, был так же сильно подавлен, как и они. Подсознательно он ожидал сейчас увидеть голую планету; скалы, залитые лучами солнца; землю, иссеченную дождями. Когда он был здесь с Доалем, деревья еще стояли зеленые. Но теперь листья на них пожелтели и сморщились. Джон думал, что сейчас на Земле все исчезло. Но все было по-другому. Большинство деревьев продолжали так же стоять, несколькими милями дальше темнела лента дороги, по обе стороны которой зияли выгоревшие проплешины леса. Остовы деревьев торчали вверх, целясь остриями сгоревших верхушек прямо в людей. Это была мрачная пародия на жизнь. Гниение разрушило немногое, так как бактерии — та же форма жизни, а жизнь на Земле была полностью уничтожена.

Деревянные домики являли собой еще более жуткую картину. Почерневшие, промокшие от дождей доски не были покрыты даже обычной плесенью и от этот гнили. Не было ни термитов, ни крыс. Джон заметил птичье гнездо, свитое под крышей одного

дома. И лежавшие в нем птичьи яйца напрасно ожидали тепла от материнской грудки.

Это было ужасное зрелище! Спустя восемь лет мертвые тела людей лежали все так же, как и на следующий день после катастрофы. Мужчины и женщины с детьми валялись рядом с животными, вытянув головы и разбросав руки. Джон заметил собаку, лежавшую рядом с маленьким мальчиком. Кто из них погиб первым? Кто из них из последних сил дополз к другу?

Из интеркома донеслись приглушенные крики гнева — ярость с неожиданной силой охватила людей.

На западе виднелись три. Хмуро возвышались их голые и неприветливые вершины. У подножия показалась блестящая поверхность мертвого озера, когда корабль поднялся чуть выше, перелетая через вершины гор. Странно теперь было смотреть на воду, Джон всегда считал ее живым существом. А море, к которому они приближались теперь? Как после смерти всего живого на Земле волны могли все также ударять в берега, крутиться и кипеть своей собственной жизнью?

Джон наклонился и нажал клавишу на пульте.

— Доктор?

— Да, командор?

— Когда будут готовы данные об атмосфере?

— Через час я предоставлю полный рапорт. Но по предварительным данным могу сказать, что количество стронция-90 превышает допустимый уровень. Кроме того, очень много кобальта. Никогда бы не подумал, что металл можно распылить на такие мельчайшие частицы и что они столько лет сохранятся в атмосфере.

— Кобальт-90? — Джон нахмурил брови. — Как это могло произойти?

— Может быть, какая-то боеголовка ударила прямо в склад кобальта? Думаю, вполне хватило бы.

— Та-ак, — Джон задумался. — А каково положение в общем? Как вы думаете, доктор, остаточная радиоактивность домов и предприятий может представлять для нас опасность?

— Боюсь, что да. Особенно при длительном нахождении на поверхности. Возможно, немного помогут адсорбенты?

— К счастью, у нас есть небольшой запас. Так вы думаете, что кратковременное пребывание на Земле не окажет сколько-нибудь серьезного влияния на организм?

— Не могу сказать, сэр. Сейчас можно только предполагать.

— Хорошо, — вздохнул Джон. — Спасибо.

Он встал с кресла и подошел к Барту.

— Думаю, что надо было бы попробовать на Балканах. Там

была довольно развита промышленность, к тому же в это время года там сухо, — он посмотрел на Ланге. — Я поручаю командование тебе.

Барт стиснул зубы.

— Ты хочешь сказать, что отправляешься вниз? Но ведь это абсолютно бессмысленно, Джон!

— К черту! Думаешь, что мой авторитет в глазах экипажа возрастет, если я пошлю их в этот ад, а сам буду отсиживаться за броней корабля? Нет, мой милый, там нет тигров или волков! Там радиоактивный ад, и действие его бесшумно и невидимо. Он действует на мозг и приборы. К тому же, если что-нибудь будет не так, мы сразу же взлетаем.

Ланге был похож на человека, которого убедили приведенные доводы, но недовольство осталось.

— А что будет, если вильмутцы заинтересуются вами? Думаешь, посмотрят и улетят?

— Не забывай о плане Омниарха.

— О чем это ты?

— Если здесь нас погибнет слишком много, Омниарх будет стеречь остальных как зеницу ока. Другими словами, те, кто останется в живых, могут не беспокоиться ни о чем. Я же должен быть на Земле, чтобы решить, что нам потребуется, а что — нет. Ты один из тех, кому я могу доверить корабль и кто сможет правильно оценить ситуацию, если что-то пойдет не так, как нужно.

Ланге пробормотал себе под нос и пожал плечами.

— Хорошо. Ты — капитан. Как с проблемой энергии?

— Думаю, что необходимо поискать источники, которые можно было бы активировать. Если же это не удастся, то мы протянем кабель из корабля. Это можно сделать без особого риска загрязнить палубу радиацией.

— Хорошо. Как долго будет находиться снаружи первая смена?

— Десять часов. Со мной летят двадцать человек. Если все пойдет как надо, мы увеличим вторую партию. На палубе корабля тоже много работы. Кроме тот, мы не можем все предусмотреть.

— Когда ты отправляешься?

— Как только сориентируемся в ситуации и определим местонахождение нужных нам объектов. Подготовку начинаем со следующего витка.

* * *

Скафандры, хотя и были сделаны из самых легких материалов (пластика, магния и алюминия), были предназначены для выхода в космическое пространство, а не для работы на поверхности планеты. В связи с тем, что сила тяжести составляла здесь один «g», передвижение людей было сильно затруднено. Обычное движение без скафандра по сравнительно ровной местности заняло бы всего полчаса, а скафандр добавлял к этому еще чуть ли не два.

Джон с трудом удерживал себя от постоянных взглядов на датчик излучения, вмонтированный в левый рукав. Скафандр не справлялся с поглощением выделяемого телом тепла. Его раздражало липнущее к телу белье, а также угнетали мысли, что каждую секунду каждую клеточку его тела пронизывает, хотя и ослабленная, но радиация. Их работа сравнительно быстро увенчалась успехом. В течение седьмого часа работы они сумели разыскать и доставить на борт корабля семнадцать готовых ракетных установок. Корабль висел в нескольких дюймах от поверхности, шлюзы были раскрыты, изнутри змеились кабели.

Типовая ракетная установка была очень тяжелой. При размерах шестьдесят на девять футов она весила около пяти тонн. Поэтому внутри был смонтирован гравипривод. На толстом конце были закреплены солидные плиты, предназначенные для защиты всей установки от толчков при стрельбе. Кроме этого, там же находились и прицелы, утопленные в упругом металлопластике. Вдоль каждой трубки протянулись датчики, управляющие системой наведения. Благодаря этому ракеты всегда были наведены вдоль оси установки. Вторым достоинством этого оружия было то, что оно могло выпустить приличный снаряд калибром до семи с половиной футов со скоростью до трех тысяч футов в секунду. Благодаря соответственно спроектированным направляющим компьютер корабля, который управлял огнем, мог запланировать движение снаряда, запрограммированного на тепло, свет, массу, полет змейкой согласно теории вероятности, гарантирующий минимум потерь от ракет противника. Можно было выстрелить ракету с приводом или просто метнуть обычную металлическую болванку. Можно было даже катапультировать в космос человека в скафандре (на жаргоне космолетчиков это называлось «полет кадета»), но такой тип путешествия на другой корабль не отличался особой комфортабельностью и приятностью. Так что такая установка имела много достоинств и, без сомнения, могла пригодиться для космического боя.

При монтаже этих установок, созданных на Земле, по всей видимости, придется попотеть. Боевые посты на корабле не соответствовали станинам установок. Необходимо было изменить

гнезда для крепления опор и даже электрические разъемы. Технически сделать это было несложно, но требовало тяжелого монотонного труда. Джон никак не мог приложить ума, что сделать с гигантскими люками, которые, по-видимому, предназначались не только для приема малых шлюпок.

На девятом часу работы начались первые неприятности.

Экипаж Джона был как раз внутри большого склада, собирая части очередной установки, когда в наушниках скафандра Джон услышал голос Барта:

— Джон, несколько кораблей Вильмута приближаются к Земле.

Браузен почувствовал, как желудок его сжался в комок.

— Вы видите их на детекторе массы?

— Нет. Мы пробовали крутить кое-какие приборы. Ты помнишь те диски на приборе с пружинками? То же самое я обнаружил на центральном пульте. При включении четырех переключателей срабатывает такая же система обнаружения как и та, что работала в гиперпространстве. В настоящий момент четыре корабля двигаются от пояса астероидов к Земле. Поскольку мы находимся на дневной стороне планеты, они нас пока что не засекли. Но как только они появятся на орбите Земли, мы попались. Если работы будут продолжаться и ночью, то свет нас тут же выдаст.

Кровь запульсировала в висках у Джона, и он ощутил почти что забытое желание опять попробовать дрона.

— Барт! — крикнул он. — Мы будем работать в темноте наощупь. Обрывай кабели и немедленно взлетай!

— Ты хочешь сказать, что остаешься? — голос Барта был полон удивления.

Джон разозлился.

— К черту, Барт! Делай, как я говорю! Мы не можем все бросить, ты это хоть понимаешь? У нас есть пищевые концентраты и вода. Трудно предусмотреть, что они предпримут. Сядут ли они на планету или сделают пару контрольных витков, удовлетворившись фотографиями и показаниями приборов. Вам нельзя оставаться здесь, они непременно засекут наш корабль масс-детекторами. Поэтому поднимайтесь на тысячу футов и будьте готовы уйти в подпространство.

— Джон, ты чокнулся! Почему бы и вам не перейти на корабль?

— Все не так хорошо, как ты думаешь. Выходи в подпространство и наблюдай за нами. Как только положение окажется критическим — возвращайся. А теперь — вперед!

— Хорошо, герой. Еще один вопрос. Как долго мы можем

находиться вне пределов досягаемости их детекторов?

Джон принял такое решение сгоряча, и теперь заколебался. Надо было бы все тщательно рассчитать. Ведь они должны были оставаться здесь еще несколько часов, хотя излучение внутри склада оказалось не таким высоким, как они считали сначала.

— Что-то около десяти часов, — сказал он наконец. — Все зависит от того, что они предпримут. Если вы будете вынуждены ввязаться в бой, то помни, что ударить нужно будет внезапно всеми десятью «разведчиками», пока они не сообразят, что происходит. Но не делай этого, пока ситуация не станет критической. А сейчас взлет!

Барт промолчал. Но через мгновение массивные крышки люков сдвинулись с места и закрыли проемы, отрезав своей огромной массой силовые кабели, змеившиеся из кедр корабля. Затем, беззвучно и легко дрогнув, корабль клипов взмыл в небо.

Джон стоял в воротах склада и наблюдал, как звездолет исчезает из виду. С трудом сглотнув, он внезапно ощутил себя маленьким и очень одиноким, оставшись без корабля. И глупым… Ведь Ланге мог оказаться прав…

Прошло минут десять. Внезапно от резкого визга завибрировали наушники скафандра. Это корабль прошел верхние слои атмосферы. Джон повернулся и посмотрел внутрь склада. Все люди слышали его переговоры с Бартом, и сейчас мужчины стояли, молча глядя на своего командира. Он не видел их глаз за щитками шлемов. Но все же он почувствовал в их взглядах укор.

— Ну что? — сказал он чуть резче, чем хотел. — Принимаемся за работу, пока еще светло.

Никто ничего не сказал, и только трое обернулись назад, бросив взгляды на то место, где они недавно работали.

Потом Колтер спросил:

— Откуда мы возьмем энергию, если корабль улетел?

Джон шагнул в полутьму склада.

— Мы найдем источник энергии здесь. Тащите кабели, оставшиеся от корабля. Фред! Проверь состояние батарей, которые мы видели в том углу. Инструменты могут работать и на постоянном токе.

Потом уже никто ничего не говорил, но тишина, которая наступила, была очень напряженной.

* * *

Спустя тринадцать часов, проведенных в скафандре, при

отсутствии нормального воздуха, води и пищи, Джон ощутил головокружение. Кроме этого, несмотря на влажность внутри скафандра и воду, которую он время от времени потягивал из емкости, жажда чувствовалась все сильнее. Он понимал, что эту жажду никакая вода не утолит, но это понимание нисколько не улучшало его самочувствия.

Он встал и начал нервно ходить, понимая, что нужно напрячь все силы, чтобы противостоять этому дьявольски неприятному нытью всех мускулов.

Он засомневался, чувствуют ли себя так же гнусно и остальные, хотя ему показалось, что один из мужчин плакал. Само сознание того, что ты находишься в ловушке, могло свести с ума любого даже без особых физических страданий. Но ведь никто из них не страдал еще и от жуткого желания почувствовать на языке зернышко дрона…

Джон испуганно оглянулся и заметил Фреда, который сидел, опершись спиной о стену и вытянув ноги. Его голова склонилась набок. Если он спал, то это было прекрасно. Джон и сам хотел немного отдохнуть…

Солнце уже склонилось к горизонту. Темнота внутри склада постепенно сгущалась. Никто не работал, так как они уже все сделали, что намечали, и Джон не был в состоянии запланировать еще что-либо.

Большинство сидело, некоторые лежали. Джон повернулся и неуверенно пошел к выходу, протянув руку в бронированной перчатке, чтобы опереться на косяк. И в этот момент вспомнил, что дверь излучала сильнее всего, поэтому он только выглянул наружу, поискав взглядом человека, который должен был быть на страже.

— Камерон! — его голос был невыразителен. — Камерон! Где ты?

Через несколько секунд он заметил фигуру человека, идущего вдоль стены, в восемнадцати ярдах от склада. На мгновение он ощутил зависть.

Джон пошел навстречу. Заметив его, Камерон поднял руку и нажал кнопку на левой стороне груди.

— Ты включал приемник, — пробормотал Джон и засомневался, было ли это нарушением приказа. Какого приказа? О боже, он начинает сходить с ума! К черту!

Он услышал голос Камерона:

— Я нужен тебе?

Джон долгое время вспоминал то, о чем хотел спросить. Наконец сказал:

— Что ты видел?

Камерон подошел поближе.

— Они совершили посадку южнее нас. Несколько минут назад. Я видел, как блеснул в лучах солнца корабль. И слышал звук, видимо, они захватили край атмосферы.

Джон был так изумлен, что даже вздох получился у него с трудом.

— Я заволновался, когда не сразу увидел тебя.

Камерон засмеялся.

— Это интересно, командор. Знаешь, зачем я туда ходил? Я на мгновение уснул, и, проснувшись, решил сходить в туалет.

Джон промолчал, но в мыслях отметил, что такое действительно вполне может быть забавным. Когда-нибудь, в будущем, если оно только у них будет, он тоже посмеется над этим. Сейчас он предпочел разглядывать потемневшее небо. В данный момент он не доверял своим умственным способностям, но почти точно сделал вывод, что вильмутцы правильно рассчитали и прислали отряд в солнечную систему. Затем он изменил ход мыслей и сказал:

— Я не вижу смысла нести дальше дежурство, Джим. Можешь идти.

— Я останусь здесь, командор, на случай, если…

— Думаю, что Барт вскоре должен вернуться за нами, — перебил его Джон. — Иди, я останусь здесь. Имперцы не смогут заметить нас в этой темноте.

— Я останусь с тобой, — покачал головой Камерон.

Больше они не разговаривали. Они сели около стены склада и замолчали. Раз или два, Джон точно не помнил, он вставал и заглядывал внутрь склада, чтобы посмотреть, как чувствуют себя люди. Сейчас уже все сидели или лежали, и никто не разговаривал. Все находились в напряженном ожидании.

Небо было темным, звезд и Луны видно не было. Джон посмотрел на часы, с трудом различая светящиеся цифры. Ждать им оставалось по крайней мере еще часа два. А может случиться и так, что Барт окажется в боевом контакте. Джону это начало надоедать. Бомбы или лазерный разряд он воспринял бы сейчас как благословение. Он проворчал себе под нос:

— И это только твоя вина, Джон Браузен. Надо наконец перестать лакать эту проклятую воду, это единственное, что ухудшает состояние мочевого пузыря и в общем-то не уменьшает жажду. Здесь нет ни капли дрона! Запомни это!

Он спал, когда голос Барта внезапно загрохотал в наушниках. Просыпаясь, Джон с трудом вслушивался в слова:

— Они улетели, Джон! Вернулись на свою базу в пояс астероидов! Очевидно, они удостоверились, что здесь нет ни

единого живого существа.

Джон коротко рассмеялся.

— Может быть, они не так уж и далеки от истины, а, Барт?

Голоса людей в складе, радостно перекликающиеся друг с другом, заглушили ответ Ланге.

С большим трудом Джон поднялся и вошел внутрь склада, где его тут же окружила толпа возбужденных товарищей. Когда первый из них выходил из дверей склада, на поле уже приземлялся огромный корабль.

13

Вот уже много лет после окончания училища Джон не работал столько. Он был еще очень слаб после тех доз радиации, которые он получил на Земле, и с трудом добирался до своей койки, чтобы вновь провалиться в очередной сон. Бриться он начал только тогда, когда отросшая борода стала мешать закрывать замки шлема. Большую часть времени он проводил в радиоактивных помещениях звездолета, руководя размещением и установкой оружия. Еду он проглатывал наспех и снова возвращался к работе. Он балансировал на грани получения опасной дозы облучения, но это его не волновало. Все заботы он оставил врачу. Джон не мог принудить своих людей к работе, скорее, он ругал их за то, что они не отдыхают. Работа была титанической, но все же она продвигалась. Тысячи галлонов воды вылетали в пространство. Если бы кто-нибудь оказался когда-нибудь в этом районе космоса, то он наверняка удивился бы — откуда здесь такая куча радиоактивного льда, в месте, где даже завалящий кусок скалы большая редкость.

Когда каждый элемент вооружения был установлен на свое место, начались работы по установке приборов наведения. Каждая ракетная установка, каждый лучемет должны были управляться с помощью датчиков так, чтобы могли достичь любую точку пространства перед кораблем.

И еще наладка! Доводящая до безумия наладка всех этих систем и приборов! По истечении сотен мучительных часов количество готовых к бою установок все росло. Наконец, наступило время, когда корабль смог сделать залп тремя дюжинами снарядов, озарить пространство тридцатью лазерными снопами огня и ударить почти во все стороны из двадцати восьми тяжелых лучеметов. Конечно, не все орудия и лучеметы могли одновременно ударить в одну точку, так как они были разбросаны по всему корпусу огромного космического корабля. Оставалась еще часть корабля, которую так и не удалось дезактивировать. Не помогли даже сотни галлонов воды, с помощью которой смывали радиоактивную пыль. В бою, если эта часть будет атакована врагом, защитить корабль смогут только «разведчики».

Крышки люков изнутри были усилены металлопластом, найденным на складах Земли. С энергией тоже не было проблем, мощные кабели передавали ее в каждый закуток корабля, где проводились монтажные работы.

Фред Колтер, назначенный техническим офицером,

заволновался было из-за чрезмерного потребления энергии, но Джон только улыбнулся.

— Я уже все просчитал, — сказал он. — Мы используем лишь одну десятую часть мощности энергетических установок корабля. Омниарх говорил, что корабль находится в полной готовности. Поэтому будем считать, что «полная готовность» означает и «полный запас энергии». Скорее у нас кончатся боеприпасы, чем прекратится подача энергии. Нам нужно было не спешить и взять как можно больше припасов. Насколько я помню, у нас всего семьдесят два тяжелых снаряда, ведь энергетические лучи не очень эффективное оружие против защитных полей. Только снаряды-торпеды могут пробить оборону противника.

Колтер кивнул головой.

— Да, для неподвижных целей мы будем настоящим бедствием.

— Если мы будем вынуждены открыться. Но думаю, что мы легко сможем этого избежать. Что же касается наших ближайших целей, то Вез До Ган что-то крутит. По крайней мере, я надеюсь, что смогу выдавить из него еще несколько снарядов, не возбуждая при этом подозрений.

14

Бульвенорг из-под прищуренных век приглядывался к офицеру, сидящему в кресле для гостей по другую сторону стола. Он сплел толстые пальцы и крепко сжал их, потом положил руки на черную пластиковую поверхность стола.

— Я не верю! — почти крикнул он с угрозой в голосе, — что после такой долгой дороги к солнечной системе для осуществления наблюдения, вы смогли так просто откинуть все подозрения, связанные с замеченными аномалиями в работе приборов.

Лицо офицера потемнело.

— Но, сэр! — прошептал он. — То, что показали приборы, невероятно и невозможно!

Бульвенорг недобро ухмыльнулся.

— Невозможно? Я и не знал, что вы одновременно физик-теоретик, специалист по электронике и теолог. Но если это все же так, то будьте добры просветить меня. Почему и каким образом это невозможно?

Офицер немного помедлил, а потом начал объяснять срывающимся голосом:

— Корабль размером в небольшой город? Выход из подпространства прямо в верхние слои атмосферы? Но ведь это нонсенс, сэр! И этому есть только одно разумное объяснение. Высокий уровень радиации может вызвать изменения в нормальной работе приборов. Скорее всего, на очередную запись наложилось еще несколько записей. Мы консультировались со специалистами…

Бульвенорг гневно произнес:

— Значит, посылка стольких кораблей на такое расстояние, по крайней мере, доказала только одно наверняка — применение регистрирующей аппаратуры просто пустая трата времени и денег? Если вице-адмирал так хорошо знает, какая запись является хорошей, а какая нет (даже если приборы отбирались целой кучей специалистов), то почему бы и не разрешить вице-адмиралам или даже младшим офицерам и их помощникам сидеть по домам и проверять, что и как будет показывать аппаратура?

Офицер задрожал от гнева:

— Сэр! Привлеките к оценке ситуации любого специалиста на ваш выбор!

Бульвенорг склонился над столом и пробурчал:

— Вы уже сами назначили себе судью. Но возвратимся к делу.

Аппаратура зафиксировала пролет ваших собственных кораблей и их размеры? Та аппаратура, которую мы оставили на этой планете?

— Да, но…

— Все параметры точно были зарегистрированы?

— Да, сэр, но все же…

— Во время облета планеты они работали безупречно?

Офицер пошевелился, устраиваясь поудобнее в кресле.

— Вы правы, сэр. Если вы позволите сказать вам…

Бульвенорг предупреждающе сложил ладони.

— Вы должны извинить меня, — сказал он, — если я нанес вам жестокую обиду. Но я уже почти целый час стараюсь услышать от вас хоть одно внятное слово.

Вот теперь офицер вскипел по-настоящему, и это понравилось Бульвеноргу, так как ярость всегда искренняя.

— Первый Заместитель! Корабли с такими размерами не могут существовать, хотя бы с точки зрения сопротивления материалов! Для меня было ясно, да ясно и сейчас, что прибор ошибочно зарегистрировал двойной пролет моего корабля. Я твердо в этом уверен!

— Понимаю. По-вашему, виной всему эта чудовищная радиация?

— Да, сэр.

— Тогда почему же другие приборы выдали точные результаты?

Офицер покраснел, но все же ответил:

— Все приборы были сброшены на парашютах, сэр. Может быть, один этот неудачно упал…

— Странно… странно, что оказался неисправен только один. Постойте, но потом он регистрировал данные о ваших кораблях, и в его работе уже не было неполадок! Значит так, перед этим он работы идеально, потом тоже. Боюсь, что вы просто идиот! Ваша первейшая задача была в том, чтобы отобрать надежную аппаратуру! Разве именно это было так трудно решить, если сравнить со всей вашей экспедицией в целом?

Офицер казался обескураженным:

— Разве я… должен был высаживаться?… Хотя, да, нужно было сесть и забрать регистратор, чтобы наверняка убедиться, что он поломан.

Бульвенорг тяжело вздохнул.

— Адмирал! Если вы еще раз вспомните этот неисправный прибор, то я встану с кресла и стукну чем-нибудь тяжелым по вашей дубовой башке!

— Но ведь корабль таких размеров…

— Может быть, мы ошиблись с этими чертовыми размерами? Я сам просматривал ленты с информацией, выданной этим прибором. Там есть интересное место — корабль снижается, зависает на какое-то время, а потом прямо с места уходит в подпространство. Спустя какое-то время он возвращается. Вы видели эту запись.

Офицер опять покраснел.

— Но, сэр, — пробормотал он, — мой инженер-электронщик…

— …описал вам это достаточно подробно, не так ли? И вы решили, что это признак неисправности прибора. — Бульвенорг наклонился к вице-адмиралу. — Признаюсь, что и мне трудно поверить в существование такого гигантского звездолета. Кроме этого, есть еще две вещи, в которые трудно поверить. Одна из них — странная случайность, что плохо работающий прибор мог дать такие четкие записи. А вторая, — как такой опытный офицер, как вы, зная об этих записях, мог проигнорировать их.

Офицер на этот раз промолчал. Через минуту он медленно, с застывшим лицом встал и произнес:

— Сэр, я признаюсь, что не просмотрел все записи. Кроме этого могу сказать, что никто из моих подчиненных не виноват в этом. И прошу Совет осудить меня и назначить кару.

Бульвенорг усмехнулся.

— Решение по этому делу не будет выноситься на Совет. Но с этой минуты вы можете считать себя в отставке. Поверьте, мне очень жаль, но иначе я поступить не могу.

После ухода адмирала Бульвенорг немного посидел в кресле, потом встал и подошел к интеркому.

— Густен!

— Да, сэр.

— Зайдите ко мне. И прихватите бутылку. Моя уже опустела и годится разве что на один глоток.

Густен появился довольно быстро. Выслушав рассказ Первого Заместителя, он довольно долго сидел, не притрагиваясь к полному бокалу. Потом сказал:

— Вы просматривали эту запись, сэр?

— Да. Хотите тоже посмотреть?

Густен покачал головой.

— Может позже… — буркнул он. — Раз вы так уверены.

— О, сколько бы я отдал за то, чтобы этот не было. Да, вы когда-нибудь слышали о металлах со сверхвысокой прочностью?

— Нет. Но если бы такая технология существовала, она стала бы сенсацией по всей Галактике.

— Поэтому попробуем на миг забыть, что является

объяснимым и общепонятным. Допустим, что такой звездолет действительно существует. Кто бы его мог построить?

Густен посмотрел на собеседника и издал прерывистый вздох.

— Конечно же, клипы, — он взял свой бокал и одним глотком осушил его. — Думаете, что кошмарный сон начинает сбываться?

— Я боюсь этого. И можем ли мы теперь появление этого гигантского звездолета в окрестностях Земли связать с предположительным участием землян в интригах против нас и бизхов?

— Можем! — вздох Густена был исключительно тяжелым. — И это мне не нравится…

— И мне тоже. Ну что ж, старый приятель. Мы жили как герои, и не имеем желания умирать, как безымянные солдаты. Поэтому давай немного поразмыслим. Предположим, что сейчас нападающие ударят по дальним границам бизхов. Тогда мы должны взять под контроль Пустые Регионы. Кроме того, необходимо как можно быстрее предупредить этих пресмыкающихся, чтобы они поверили в нашу лояльность. И еще, крайне важно усилить активность нашей разведки в Бизхе и Гохде настолько, насколько это возможно.

15

На любого, кто мог надеть скафандр и выйти из корабля, Галактика, наблюдаемая из Пустых Регионов, производила огромное подавляющее впечатление.

Такой случай представился Джону — он должен был провести проверку одной из бойниц, где был установлен мощный лазер. Во время испытаний луч ударил в край бойницы. При проверке оказалось, что повреждений нет.

Джон смотрел на звезды.

Прямо перед ним протянулся длинный кривой рукав Галактики, который был занят империей Вильмут. На продолжении этого рукава спирали, вместе со звездными соседями, вращалась и солнечная система. Сейчас этот участок Галактики был закрыт носом звездолета. Самые яркие звезды находились вдоль наружного рукава Галактики. Яркий шарообразный центр звездного скопления являлся как раз империей Вильмут. В центре того скопления были сосредоточены вооруженные силы Вильмута для охраны добывающих и перерабатывающих производств. Если бы бизхи ударили именно сюда…

Силы этой империи, хотя и менее многочисленные, располагались на внутренней стороне рукава спирали Галактики в нескольких световых годах от региона Гохд. Таким образом, эти два государства граничили друг с другом (конечно, если не считать расстояния в один гиперпрыжок). Дронгалия, где когда-то намеревался закончить свою жизнь Джон, находилась как раз на рубеже этих двух империй. Именно там, на «границе» осело большинство людей, после окончания работы на Гохде. Джон почти интуитивно понимал такое решение: люди избегали той части спирали, в которой мертвая Земля кружила вокруг Солнца. А кроме этого, от Вильмута их прикрывала империя Гохд. Доаль и его товарищи были исключением, они старались обосноваться как можно ближе к Земле. А это влекло за собой опасную близость с Вильмутом. Может, они подсознательно желали своей скорой смерти?

Джон наклонил голову и долго-долго вглядывался в глубины космоса, пустота которого была разбавлена всего лишь несколькими одиночными звездами. Между этими звездами прорисовывались какие-то невыразительные овальные формы. Другие Галактики! Существует ли там жизнь?

Этого никто не узнает. Маловероятно, что и через десять миллионов лет станет что-нибудь известно.

Джон выключил радио, отрезая себя от шума человеческих голосов. В абсолютной тишине, нарушаемой только биением его сердца и шумом дыхательного аппарата, смотрел он в таинственное неизведанное. Потом опустил глаза и перевел взгляд в центр Галактики.

Он находился вблизи сосредоточения Пустых Регионов, между рукавами спирали; был виден только дрожащий блеск скопления звезд, похожий на густой туман. Может быть, в самом деле, это и было чем-то вроде тумана? Неизвестно. Существа, живущие на краях рукавов спирали, могли проникать в глубину центра всего лишь на двадцать тысяч световых лет. Радиация и излучение электронного «газа» были настолько интенсивны, что пробивали любые виды защиты и уничтожали все живое на борту кораблей.

Джон краем глаза уловил какое-то движение и резко обернулся. Это были его товарищи, вышедшие из корабля вместе с ним для обследования обшивки. Он включил радио.

— Ну, как там?

— Все в порядке, командор. Двигаемся дальше?

— Нет, Колтер. Возвращаемся.

* * *

Джон и Барт сидели над контурной картой империи Бизх. Командор тыкал карандашом в район, очерченный кружком.

— Вот здесь! Можно ударить здесь, пополнить запасы продуктов и снаряжения и уйти в район Пустых Регионов. Можно будет атаковать две или три базы, на какое-то время парализовать их деятельность: уничтожить космодромы, звездолеты и сооружения.

Ланге хмыкнул:

— И самих бизхов тоже.

Джон долго смотрел на него. Потом сухо рассмеялся.

— Это говорит Барт. Барт, который вытащил меня с Дронгалии и свел с Омниархом.

— Я не говорю, — раздраженно махнул рукой Ланге, — что мы должны отступать! Но никто не может принимать убийство, если оно стало вызывать у него отвращение, не так ли? А мы не могли бы подстеречь их корабли в момент выхода из гиперпространства?

— Нужно мыслить реально. Бизх и Вильмут так или иначе столкнутся. Начнется тотальная война. На этом закончится наша работа. И тогда мы в открытую поговорим с Омниархом.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул Ланге. — Но нельзя забывать, что нас теперь меньше двухсот человек… Ну что же. Какие это должны быть атаки? Налет с применением всех видов оружия?

— Нет. Тогда мы можем потерять много снарядов малого калибра, необходимых при обороне. Мы не станем подходить так близко, чтобы пришлось применять лучеметы. Войдем в гиперпространство на «Луне» с восемью «разведчиками» на расстоянии в одну десятую светового года от цели (Вез До Ган как-то говорил, что Бизх не имеет патрулей на таком удалении от баз) и вынырнем плотной группой в десяти милях от их главной базы. После залпа тяжелых снарядов, запрограммированных на противоракетный маневр, стреляем кучей легких торпед и пробиваем их защиту. Затем прыжок в гиперсферу и… прощай!

Ланге был похож на утомленного человека — этот план ничем особенно не отличался от предыдущих.

— По крайней мере, — сказал он, — большинство обитателей базы успеет укрыться, раз мы не сразу ударим из лазеров.

Джон думал о том же. Чрезмерная чувствительность никогда не считалась достоинством генералов. А он и играл роль именно последнего генерала-человека.

Барт спросил:

— А что будем делать с «Бертой» и остальными «разведчиками»?

Джон удивленно поднял брови:

— «Берта»?

— Мы же должны будем как-то назвать этот колосс!

Браузен пожал плечами.

— Это будет наша спасательная группа. Если не случится ничего непредвиденного, ты останешься с остальными малыми кораблями. Ты применишь наш супердетектор массы и будешь вести наблюдение, чтобы рядом с нами внезапно не оказался вражеский флот. Если ты его зафиксируешь, то должен будешь сразу же идти в атаку. Уничтожь его. По крайней мере, ударь всеми стволами, которыми располагаешь! Но это только в крайнем случае.

— Если говорить честно, что это мне страшно не нравится, — Ланге нахмурил лоб. — То, что ты мне предлагаешь, похоже на отсидку в тылу.

— Барт! В бою надо всегда иметь кого-то, на кого можно положиться. Если бы мы всегда так действовали, нас, людей, наверняка было бы сейчас гораздо больше.

— Может быть.

* * *

Джон следил за показаниями хронометра, отмеряющего оставшееся время до выхода «Луны» из гиперпространства. Пять секунд. Он глубоко вздохнул и расслабил напрягшиеся мускулы.

Выход!

Экраны мигнули, и на них появилось изображение, на масс-детекторе проявились светлые точки. Он удостоверился, что все его корабли появились одновременно с ним, и его пальцы забегали по клавиатуре пульта. Ожили датчики и указатели. Из интеркома раздался голос:

— Здесь шестой. Отказ в рулевом управлении.

Это было очень плохо. Один из кораблей в центре группы стал заметно уходить в сторону.

— Возвращайтесь! — скомандовал Джон. — Займите позицию позади нас и перейдите на ручное управление.

— Вас понял! — Джон узнал спокойный голос Джима Камерона.

На экране появились новые блестки — это был первый залп снарядов типа «планета-пространство». После этого залпа стало понятно, что местный артиллерийский офицер тщательно проинструктирован об их прошлых атаках и построил оборону так, чтобы отражать подобное нападение. Что ж, это будет стоить обороне бизхов очень дорого.

Он взглянул на информационные дисплеи, расположенные над головой — цифры сливались в мигающую ленту, обозначая программы производящих маневры кораблей. Он почти не слышал звука от выстрелов очередных торпед с «Луны», но цифры говорили, что орудия работают без остановки. Тщательно отрегулированный гравипривод позволял совершать кораблю головоломные маневры, мгновенные остановки и крутые виражи. Он посмотрел на экран внешнего обзора, чтобы удостовериться, что предпринимает в данный момент Камерон. Он повторял их действия безупречно и четко.

Их маленький флот сделал молниеносный скачок назад, как заяц, который убегает от разъяренной собаки. И вовремя, потому что лавина снарядов с планеты рассекла пространство в том месте, где они только что находились.

Корабли как будто дергались в беспрерывном танце, чтобы сделать невозможным точное прицеливание мощных потоков энергии, поднимающихся с планеты. Корабельные лазеры плевались огнем, пытаясь подавить оборону противника. Хотя некоторые и промахивались, но разрушения, наносимые удачными попаданиями, были достаточно сильные, чтобы

заставить командующего обороны завыть от злости. Насколько, конечно, бизхи умели выть.

Заревела сирена. Джон посмотрел на масс-детектор и глубоко вздохнул. Это была вражеская эскадра, вынырнувшая из подпространства почти на поле боя. Может быть, это и не было большой угрозой, так как люди были уже почти готовы уйти в гиперсферу, но…

— Камерон! Сближайся с нами!

— Иду, Джон! — голос Камерона не выдавал никакого волнения.

Во время маневров Камерон держался в стороне от их группы, так как ручное управление не позволяло делать резких поворотов. И сейчас он представлял собой отличную цель.

Сирены завыли еще раз, и Джон, глядя на масс-детектор, удостоверился, что появился одиночный звездолет по параметрам похожий на «Берту». Ланге появился вовремя! Почти вовремя, так как должны были пройти еще томительные секунды, пока «Берта» присоединится к их группе.

Джон двинул корабль вперед, выполняя противоракетный маневр, его пальцы летали по клавишам пульта управления. Вражеская эскадра двинулась на перехват. Экраны мигали и темнели от чрезмерной нагрузки, вызванной разрывами вражеских снарядов, торпед и вспышек энергетических лучей. Это был жестокий бой!

Медленно тянулись секунды. Джон нажимал клавиши, ведя постоянный диалог с компьютером, стараясь избежать гибельных ударов, и пока что ему это удавалось. К счастью, за исключением корабля Камерона, все компьютеры эскадры работали синхронно и обеспечивали одновременность выполнения всех маневров.

Внезапно в динамиках зазвучали голоса экипажа корабля Камерона, голоса ярости и отчаяния. Одновременно послышался грохот ломающихся переборок и свист воздуха, вырывающегося из отсеков.

Джон на мгновение прикрыл глаза. Кто-то с другого корабля сказал:

— Попадание в Шестерку. Они…

Джон проревел в микрофон:

— Прощай, Джим! Прощайте все! Знайте, что мы отомстим им!

Он посмотрел на экраны — враг перешел к обороне, поэтому можно было спокойно приблизиться к «Берте». Противник в общем-то имел перевес в орудиях, но все же его корабли предпочли отойти. Они сомневались, а не появится ли из гиперпространства еще пара таких же чудовищных кораблей, как

эта «Берта»?

Джон посмотрел на часы. По времени выходило, что «Луна» уже давно могла уйти в подпространство, а «Берта» будет готова через двадцать секунд. Но это уже не имело значения, так как база и флот противника находились вне досягаемости орудий. На общей радиоволне царила тишина. Наконец Джон не выдержал:

— Барт! Собери на палубы все малые корабли и двигайся с ними к месту встречи.

Барт был обеспокоен тем, что увидел на масс-детекторе.

— Послушай, Джон! Я вижу группу кораблей на расстоянии нескольких миллионов миль. Они двигаются рывками, то ныряя в гиперпространство, то выходя в нормальный космос. Поэтому, собственно, они и опаздывают. Похоже, что они кого-то ищут.

— Наверняка, это вильмутцы, — проворчал Джон, — хотя с таким же успехом это могут быть и бизхи. Однако, думаю, что это все же вильмутцы, так как именно они имеют привычку шнырять в Пустых Регионах.

В принципе было все равно кто это. Самым важным было то, что погиб Камерон и еще семеро. Их всех, таким образом, осталось всего сто восемьдесят три человека! О боже, он проглотил слюну, пошли мне хотя бы щепотку дрона! «Мы должны сделать хотя бы один налет, еще один, — подумал он, — где-нибудь подальше отсюда. И надо сделать это сейчас. А уж потом все!» Пока же — сматываться, видимо, те корабли ищут именно нас!

— Внимание всем! Уходим в гиперпространство!

Лицо Барта на экране ничего не выражало, когда он спросил:

— Направление? У нас было обговорено два варианта отступления. Пустые Регионы или внутрь рукава, за территорией Бизх. Какой из них? Ты должен был решить.

— Я все помню. Думаю, что нам сейчас больше подойдут Пустые Регионы. У нас нет таких подробных карт, чтобы влезать внутрь рукава. Нам сейчас нужен часовой прыжок… Нет! Если вильмутцы уже догадываются о чем-нибудь, лучше не пользоваться земными единицами времени. Так будет лучше: больше согласуется с вильмутским временем. Выйдем из подпространства и осмотримся.

Джон выстучал программу полета на пульте. Потом встал и двинулся в химлабораторию, где должен был быть спирт. Это жуткое желание можно было погасить, хоть немного, только хорошим глотком алкоголя и парой часов сна.

* * *

Джон чувствовал себя прескверно, но выпитый спирт уменьшил желание получить наркотик. Тупым взглядом он водил по залу Центрального Управления корабля клипов. Потом увидел Барта и выдавил из себя:

— Интересно, каким образом бизхи организовали эту засаду? Ведь только благодаря нашей системе масс-детекторов нам удалось избежать катастрофы, — он заморгал, глядя на приборы. — Думаю, что они сейчас держат в готовности, по крайней мере, два флота вблизи каждой базы.

Барт заинтересовался.

— А почему не один?

— Потому что ни один корабль не может находиться в готовности к гиперпрыжку более пяти часов непрерывно. Иначе вся аппаратура придет в негодность и разрегулируется. А состояние готовности должно быть постоянное. Поэтому-то и должны быть две команды, сменяющие друг друга.

Барт смутился:

— Конечно, как я сам-то не сообразил. Прости, это был глупый вопрос.

— Ничего, старик. Кстати, еще одно. Всегда где-то на расстоянии нескольких световых лет, а может быть, и меньше, будет находиться флот, готовый прийти на помощь защитникам базы. Едва мы выйдем из подпространства, база пошлет сигнал о помощи. Располагая точными данными о местонахождении базы, флот быстро подойдет к месту боя. С этим мы недавно и столкнулись.

— Так-так, — Барт поднял брови. — Логично. Но что общего это имеет с системой обнаружения на «Берте»?

— Прежде всего появляется возможность точно определить время и направление атаки. Все три засады, в которые мы попали, до сих пор имели определенные характерные черты. От нашего появления до появления врага из гиперпространства проходило минут десять. Очередность такова: время на программирование информации, время на передачу информации, время полета к базе…

— Это интересно.

— Минимальное время нашей атаки — четыре с половиной минуты. Выходим в нормальный космос, атакуем, ломаем оборону противника и исчезаем. Применение всей огневой мощи потребует очень много энергии, поэтому надо добавить еще минуту.

Барт кивнул.

— Имея данные о расположении противника, — продолжал Джон, — мы могли бы выбрать оптимальную точку выхода.

Допустим, что флот, прикрывающий базу, находится на другой, противоположной стороне планеты. Тогда они должны будут как бы пронзить планету насквозь в гиперпространстве или облететь ее вокруг с большой скоростью. Тогда им нужно будет затормозить и развернуться, чтобы выйти нам в тыл. А это потребует времени. Как и в том случае, если они прилетят со стороны. Им все равно необходимо будет время на торможение.

— Но если, — Барт был удивлен, — они смогут подойти по касательной? Тогда сохранится их скорость. А мы, проанализировав траекторию полета, можем вычислить точку их старта. — Он встал и начал ходить по залу. — Мы сможем определить их положение, пока сами еще будем находиться в гиперсфере. При ударе с близкого расстояния, а мы сможем сделать это с помощью вот этот прибора, — он похлопал по масс-детектору, работающему в гиперпространстве, — мы уходим в направлении, противоположном прилету.

Джон ухмыльнулся.

— Нет, не в противоположную сторону. Это может привести к столкновению. Мы должны найти оптимальную орбиту. Если ударим по базе сразу после выхода, а псом немедленно уйдем на эту орбиту, то нас не обнаружат.

Барт тоже ухмыльнулся:

— Мы не должны очень уж рисковать. Они могут оказаться проворнее и успеть просчитать орбиту.

— А мы можем делать повороты, — ответил Джон. — А кроме того, мы нападаем в последний раз. Существует только одна проблема…

— Какая?

— Флот-засада может двигаться в гиперпространстве со скоростью восемь световых лет в минуту, значит, в течение четырех минут, необходимых нам для атаки, они преодолеют почти тридцать световых лет. Допустим, что передача информации не требует времени. Думаю, что мы смело можем поделить это расстояние пополам. Получается пятнадцать световых лет. Накинем кое-какое время на непредвиденные задержки и будем считать, что группа кораблей дежурит где-то в семнадцати единицах от базы. Не думаю, что чудесная аппаратура «Берты» может иметь такую дальность действия.

— Я тоже, — кивнул Барт. — Не больше одного-двух световых лет.

— Так. Есть еще одно: они не рискнут «пронизать» планету, находясь в гиперсфере, если только не возникнет острая ситуация — в этом случае будут вынуждены. Уйдя после атаки в сторону солнца, мы, скорее всего, избежим столкновения. А сейчас

посмотрим, насколько данные Вез До Гана являются ошибочными.

* * *

Атака прошла гладко, как и было запланировано…

Это была сухая, песчаная планета, диаметром около семи тысяч миль, с тяжелым железным ядром. По ее поверхности проносились песчаные бури, невысокие красные горы своим цветом наводили на мысль о большом количестве окиси железа. Рек почти не было, только кое-где попадалась чахлая растительность оливково-бронзового цвета. Атмосферное давление не превышало у поверхности десяти фунтов на квадратный дюйм. Кислорода в атмосфере было не более восьми процентов. Базу окружали купола, заполненные газом, пригодным по составу для бизхов. Там не было типично гражданских зданий, характерных для городов Бизх. Джон, как обычно, проводивший атаку на «Луне», очень обрадовался. На этой планете были только военные!

Они вынырнули из гиперпространства в четырех тысячах футов над куполами. Это было немного ниже, чем планировал Джон. Из-за этого могло увеличиться время подготовки к обратному прыжку. Песок на поверхности планеты заклубился от звуковых ударов двигателей звездолетов. И тотчас же обрушился огненный ливень. В интеркоме зазвучали проклятия артиллеристов, поносящие медлительность человеческих реакций, не приспособленных к обслуживанию боевых лазеров лучеметов. Изображение на экранах мигало и быстро сменялось. Джон едва успевал замечать, что творится на поверхности планеты. А там был ад. Возле базы в посадочных гнездах находилось около десятка легких звездолетов. В мгновение ока они оказались вдребезги разбитыми или сильно поврежденными. Ангары и купола были сорваны с места. Атака длилась всего семьдесят секунд, после чего корабли людей развернулись и ушли прочь от планеты.

Джону, просматривавшему видеозапись атаки, сделалось плохо. Кроме кораблей было уничтожено процентов восемьдесят строений и все купола. Могли ли уцелевшие бизхи дышать атмосферой планеты? Он надеялся, что могли.

В интеркоме царила удивительная тишина, словно весь экипаж переживал то, что и он сам. Но война есть война. Хотя, если вдуматься, это не война, это что-то другое. Это уже бойня! Может быть, это зрелище и годится для вильмутца, но только не

для людей! Он с трудом сглотнул. Кроме всего прочего, раса бизхов не отличалась агрессивностью. Военные базы, устроенные ими — это только дань создавшемуся на сегодня политическому положению в Галактике. Джон был рад, что на планете не оказалось много кораблей. Командующий базой, видимо, ждал атаки, но не так скоро, и поэтому поднял корабли из подземных укрытий для отправки в космос. Экипажи должны были быть довольны (те, что уцелели), что не успели занять свои места в звездолетах.

Джон снова проглотил слюну и посмотрел на часы. Оставалось меньше двух минут до прыжка. Пошла вторая минута, когда множество точек появилось на масс-детекторе. Согласно рассуждениям Джона, преследователи приближались к планете, когда группа нападавших ушла в сторону Солнца. Бизхи выпустили пару залпов, но это было сделано скорее от бессилия.

Джон непрестанно думал:

— Это только одна база. Здесь не могло быть большого количества обслуживающего персонала. Ведь у них есть еще много опорных пунктов. И мы виноваты в гибели небольшого числа бизхов. Небольшого…

Но от этого не становилось легче. Если бы сейчас на корабле оказалась хотя бы щепотка дрона, он без промедления проглотил бы ее. Он не мог не сравнивать эту планету с той, которая была ему когда-то родним домом. Отличие состояло в том, что здесь причиной разрушений оказался он сам. Может быть, из-за этого он и надрался (выпив почти литр спирта), как свинья.

* * *

На экранах масс-детектора «Берты» опять появились огни, вынырнувшие из гиперпространства в обычный космос, чтобы через пару минут опять исчезнуть в неизвестности. Джон раздраженно протянул руку к клавиатуре пульта. Барт молча наблюдал за ним, потом спросил:

— Мы можем выходить на траекторию полета к Гохду?

— Пока нет. Черт побери, если мы сделаем еще хотя бы один налет по указке Гохда! Но я обещал Везу, что мы немного осмотримся в этом районе перед уходом. Только мы не сделаем этого. Вместо того, чтобы выйти на расстояние действия телескопов и радиоперехвата, мы применим системы «Берты», чтобы определить положение звездолетов Бизх и планетных систем, на которых могут быть их базы. Именно такая информация и нужна Везу. И он не будет знать, каким образом

мы раздобыли ее.

Барт с кислой миной спросил:

— Сколько времени это может занять? Мы так давно не чувствовали под ногами твердую поверхность планеты!

— Несколько часов, — в голосе Джона чувствовалось раздражение. — Думаю, что это мы выдержим. — Он с трудом проглотил слюну и подумал: удастся ли на самом деле?

В действительности обнаружить базу бизхов удалось даже раньше. Одновременно в Пустых Регионах они наткнулись на загадку, которая затянула их возвращение «домой» на целых двенадцать часов.

Далеко за владениями Вильмута и почти на границе влияния Бизх, масс-детектор «Берты» выдал точку с очень интенсивной яркостью. Они заметили ее, находясь в гиперпространстве. Это была небольшая система типа «звезда-планета». Они занесли ее координаты на карту, не выходя в нормальный космос, и уже двинулись дальше, когда заметили на экране этот загадочный пурпурно-голубой блеск. Такой цвет им еще не встречался.

— Что бы это ни было, — заворчал Барт, вращая ручки настройки, — мы проходим мимо него всего в четырех световых годах, насколько точно мне удалось определить расстояние.

Джон подошел поближе.

— Может быть, это очередная звезда? Ведь мы до сих пор не знаем, как работают эти приборы. Может быть, клипы таким образом обозначали звезду, которая вскоре должна стать «новой»? А может быть, это сигнал опасности?

Барт пожал плечами и спросил в свою очередь:

— Мы должны присмотреться к этому повнимательнее, раз уж мы здесь?

Джон покачал головой. Он, как и все находящиеся в его подчинении люди, спешил ступить на твердую землю, после стольких месяцев, проведенных в космосе. Но, с другой стороны, странное явление должно быть изучено.

— Хорошо. Поблизости не видно чужих кораблей и мы можем подойти к этому странному объекту. Выйдем в обычный космос в полутора световых годах от него. Если это «новая», то мы успеем уйти в гиперпространство.

Оказалось, что это не «новая». И вообще даже не звезда. Там вообще ничего не было. Подходя в гиперпространстве к точке выхода, они отлично видели этот пурпурно-голубой блеск. Но, выйдя в обычное пространство, не увидели ничего. Они сделали несколько осторожных прыжков — и опять ничего. С такого близкого расстояния обычный масс-детектор должен был засечь любое количество материи, даже если она была меньше ванны.

Наконец, огонек появился. Джон набрал программу, требуя информацию от компьютера.

— Домиано? — позвал он товарища через микрофон.

— Да, командор?

— Наблюдаем огонек в четверти мили от корабля. Приказываю на «Разведчике-7» вылететь на обследование этого объекта. Мы будем наводить вас по нашему масс-детектору.

Джон подождал, пока ему не доложили, что экипаж занял свои места в малом корабле, и выпустил его наружу.

— Мы отошли, командор, — доложил Домиано.

Джон ввел в компьютер, наводящий на цель «Разведчик-7», данные. Через некоторое время Домиано доложил:

— Мы ничего не наблюдаем, командор.

Джон посмотрел на экран радара, там ничего не было. Расстояния в гиперпространстве были гораздо больше расстояний в обычном пространстве. Тогда он запрограммировал запрос компьютеру и тотчас же получил ответ на дисплее:

«Объект, выявленный масс-детектором, не может быть обнаружен радаром».

Джон поразился этому абсурдному заявлению. Может быть, компьютер, приспособленный к условиям психологии другой расы, не может оперировать земными понятиями?

— Домиано, — позвал он опять. — Оставайся пока там, где находишься!

Потом задал следующий вопрос компьютеру:

«Огонек существует в том месте?»

Ответ был обескураживающим:

«Огонек не существует. Он находится в положении „маркера“».

Слово «маркер» определенно было взято из английского языка, основы которого были заложены в этот чужой компьютер.

Джон снова задал вопрос:

«Маркер изготовлен клипами?»

«Да».

Он с облегчением вздохнул.

— Домиано, ты слышал?

— Да, командор. Подойти ближе и осмотреть его?

— Давай! Но будь осторожен.

— Есть, сэр.

Домиано был слишком осторожен, так как прошло более получаса прежде, чем раздался его голос из динамиков передатчика.

— Командор, тут ничего нет! Ни в оптике, ни на радаре, ни на масс-детекторе!

— Хорошо, возвращайся!

Пока «Разведчик-7» возвращался назад, Барт и Джон переключили систему детекторов на работу в нормальном пространстве. Дальнейшие расспросы компьютера ничего не дали. Машина напоминала гениального идиота, который зациклился на существовании «огонька», объясняла, что этот объект находился в положении «маркера» и соглашалась… что ничего материального в этом месте нет.

В конце концов Барт пожал плечами:

— Здесь нет другого объяснения, кроме того, что это должен быть какой-то условный знак, который понятен только клипам и их приборам. Мы можем больше не обращать на него внимания.

Но эта загадка мучила Джона на протяжении всего многочасового пути в район империи Гохд.

16

Бульвенорг и Густен сидели в Разведотделе, выслушивая рапорт офицера. Бульвенорг отметил, что молодой человек проявляет незаурядные способности логического мышления. Тем временем на столе появился рисунок чего-то, что скорее всего было космическим кораблем в пять или шесть раз больше обычной длины.

— Это, господа, рисунок, сделанный со слов очевидца. Судя по его описанию, вокруг корабля было около двадцати колец. Я применяю здесь слово «кольцо», хотя знаю, что значение этого слова бизхи могут перевести как «пояс» или поочередно уложенные круги (может быть, вместо кругов могут быть кружки, бизхи не делают такого различия). Круги не касаются друг друга и находятся на расстоянии, по крайней мере, длины их диаметра. Эти круги более темные, чем корпус, который кажется массивным и монолитным, за исключением этих кругов. Очевидец не наблюдал внешних сенсоров. Конечно, можно понять, что с такого расстояния от корабля он не мог разглядеть предметы столь малого размера. Но надо отметить, что бизхи имеют остроту зрения выше, чем у нас…

Он замолчал, давая время начальству повнимательнее изучить рисунок.

— …Это позволяет сделать вывод, — продолжил он, — что корабль имеет триста или более этих темных кругов, назовем их люками, из которых часть, или даже все, могут скрывать разного рода оружие. Очевидец утверждает, что видел по крайней мере тридцать открытых люков, откуда стреляло оружие. Оно было типовым: орудия, лучеметы и лазеры. Скорость у этого чудовища была такой же, как и у нападавших. Бизх утверждает (к сожалению, мы не в состоянии проверить верность его слов), что корабль был готов к прыжку в гиперпространство меньше, чем за четыре минуты.

— Так, — Бульвенорг протянул руку за снимком. — Этот свидетель оценил длину корабля в три тысячи футов?

— Да. Однако надо признать, что из-за неисправностей дальномеры и фотоаппараты не смогли зарегистрировать этот корабль.

Бульвенорг усмехнулся и повернул голову к Густену:

— Расчеты размеров корабля говорят о богатом воображении бизхов, — он снова уставился на молодого офицера. — А что они говорят о малых кораблях? Они сражались до тех пор, пока не появился большой корабль?

— Очевидец полностью подтверждает данные нашей разведки, сэр: отряд «разведчиков» и большой корабль массой в сорок тысяч тонн.

— Не было найдено ни одного трупа в обломках подбитого «разведчика»? Можно было бы идентифицировать его и определить расу нападавших!

— Нет, сэр. Описывая то, что мы смогли собрать, можно употребить слова «мясо нашинкованное и поджаренное».

— Из этого тоже можно было бы сделать кое-какие выводы…

— Нет, сэр. Очень многие гуманоидные расы содержат в клетках своего тела одни и те же химические связи.

— Личные вещи экипажа?

— Они могут принадлежать любому представителю любой гуманоидной расы.

— Ну что ж, — протянул Бульвенорг. Он сделал небольшой глоток. — Меня поразило, что вам удалось уговорить командующего базой бизхов поделиться информацией. До сих пор этого не удавалось сделать.

Офицер улыбнулся.

— Им ничего другого не оставалось. Я дал ему свое честное слово, что среди нападавших не было ни одного вильмутца и что мы тоже кровно заинтересованы в решении этой загадки. И что главной целью нашей миссии является устранение возникающих недоразумений между нашими расами.

Бульвенорг так и прыснул от смеха.

— Это хорошо. Вы нашли самую убедительную причину, объясняющую ваши действия. Все было проделано в общем-то неплохо… Теперь вот что еще. Тот офицер бизхов, с которым вы контактировали при получении информации об этом гигантском звездолете. Мы не могли бы выкачать из него еще какую-нибудь ценную информацию?

Офицер покраснел:

— Да, сэр. Думаю, что он сможет помочь нам. Чтобы завязать контакт с чуждой нам формой жизни, мы имеем право прибегнуть к чему угодно…

Густен поднял руку, требуя внимания.

— Я твердо уверен, что атаки на Бизх не являются результатом деятельности какой-то подпольной группы военных нашей империи. Поэтому уже сейчас я могу доложить нашему правительству, что это провокация какой-то другой расы. В такой ситуации, хотя и существует необходимость взаимопонимания с бизхами на дипломатическом уровне, но все же пока не стоит выступать с таким предложением перед императором…

Бульвенорг от нетерпения постучал по столу.

— Об этом пока рано говорить! Я хотел бы услышать сейчас, что вам удалось раскопать в архивах?

Офицер кивнул:

— Да, сэр. Мы обнаружили в архивах все материалы, касающиеся потерянных в боях вильмутских кораблей типа «вооруженный разведчик». Данные за последние десять галактических лет. Подробный анализ каждого случая показал, что в шестидесяти случаях из ста экипажи погибших кораблей состояли из хелков.

Бульвенорг подпрыгнул в кресле.

— Шестьдесят процентов? — крикнул он. — Это невозможно! А в последние годы?

— Пятьдесят восемь процентов!

Бульвенорг вздохнул.

— А вы сумели установить каков процент гибели «вооруженных разведчиков» в тех экспедициях, в которых участвовали хелки?

Офицер улыбнулся:

— Да, около двадцати двух процентов.

Бульвенорг посмотрел на Густена, но тот с важной миной сделал жест отрицания.

Бульвенорг опять уставился на офицера.

— А что с большими кораблями типа «Нова»?

— Класса «Нова», сэр? Четыре погибших. И только один массой в сорок тысяч тонн. Это был новый корабль, сэр, и совершал пробный полет. На его борту находились хелки-техники…

Бульвенорг встал и начал ходить по комнате. Внезапно он остановился и, глядя куда-то в пространство, тихо произнес:

— Прошу вас изложить все это на бумаге. И как можно быстрее. А дела по бунтам хелков? Это вы должны были тоже проверить! — Бульвенорг вернулся к своему креслу и тяжело сел. — Неужели эти факты такие же ошеломляющие?

— Боюсь, что да, сэр. Как вы знаете, сэр, время от времени исчезает определенное количество хелков, как, впрочем, и вильмутцев. Исчезновение хелков во время дальних космических рейсов является более частым, нежели исчезновение вильмутцев. Проанализировав все вероятности и сравнив факты, мы вычислили и построили модель организации беглецов, которая занималась фальсификацией записей, чтобы скрыть исчезновение собратьев. Можно с уверенностью сказать, что здесь замешан был, по крайней мере, один Большой Самец и, по всей вероятности, кражи кораблей происходили при его непосредственном участии.

Бульвенорг на мгновение прикрыл глаза. В его мозгу

мелькнула смутная догадка. Он открыл глаза, вздохнул, посмотрел на офицера и тихо задал вопрос:

— Как вы думаете, молодой человек, может ли где-нибудь существовать тайная колония беглых хелков, действующих против нас?

— Это только предположение, сэр. К сожалению, рассекреченный нами Большой Самец хелков уничтожил себя еще до того, как мы смогли допросить его. Вы ведь знаете, сэр, что Большие Самцы могут управлять своими гормонами, вырабатывающимися в организме.

— Я вас спрашиваю, может ли в принципе существовать такая колония? — грозно произнес Бульвенорг, наклоняясь над столом и смотря офицеру прямо в глаза.

— Исходя из собранного нами материала, можно считать, что такая возможность существует, — тихо ответил офицер.

Бульвенорг перестал задавать вопросы и задумался. Потом он сделал утвердительный жест, хмуро улыбнулся своим подчиненным и буркнул:

— Это должно быть передано правительству. И как можно скорее.

17

Корабль типа «вооруженный разведчик» выскочил из гиперпространства вблизи Акиэля. Послав радиоответ на запрос с планеты, он пошел на посадку. Офицер, оставленный на планете с небольшим отрядом, доложил Джону:

— Командор! Вильмут совершил неожиданный налет на Дессу!

Джон пожал плечами:

— Это было неизбежно. Когда вы узнали об этом?

— Несколько дней назад. Гохдонцы передали нам известие об этом происшествии.

Он смотрел на Джона виноватым взглядом.

— Сэр, это может означать, что вильмутцы будут искать нас здесь?

— Не думаю, чтобы они стали сюда соваться. Никто не знает координат Акиэля. А что с людьми на Дессе? Они захвачены в плен?

— Гохдонцы ничего не знают. Они сами узнали об этом налете от капитана торгового судна союзной державы, который садился на Дессу за партией льна. Вильмутцы ударили сразу по лагерю людей, остальных жителей не тронули. После отлета нападавших, прибывшие на место представители местных властей обнаружили следы боя, но не было ни трупов, ни оставшихся в живых.

Джон погрузился в размышления. Что ж, это происшествие ничего не меняло. Важнее всего было сейчас встретиться с Омниархом.

— Вы объявили состояние боевой готовности? — спросил он.

— Да, командор, я также доложил обо всем Большому Самцу.

— Хорошо, лейтенант, я поговорю с ним.

Поиски Большого Самца заняли у Джона остаток дня и часть следующего. Когда Большой Самец был найден, он внимательно выслушал Браузена и сказал:

— Вот уже восемь дней нет никаких сведений о моем предке, командор. Я сам хотел бы встретиться с ним и обговорить кое-что. Боюсь, как бы чего с ним не произошло: эта новость о нападении вильмутцев и его молчание наводят на раздумья.

Джон раздраженно пробормотал себе под нос какое-то проклятье и громко произнес:

— Несмотря ни на что, мне нужно его найти. Дело очень важное.

— Найди его, Джон Браузен. Но имей в виду, что, если мой

предок попал в неприятную историю, тогда цепочка, по которой мы связываемся друг с другом, может быть разорвана в любой момент, если этого уже не случилось. Тогда я сам должен буду позаботиться о безопасности этой планеты.

— Это означает, — вспыхнул Джон, — что вы наложите какие-то запреты на наши действия?

— Нет, Джон Браузен. Я не могу сделать этого. Но прошу вас прежде всего о сохранении тайны.

Джон постарался сдержать гнев и раздражение. Затем тихо и спокойно он произнес:

— Конечно же, мы храним тайну. Но… мы сдержали слово и завершили первый этап плана Омниарха.

— Я отправлю эту информацию. Вы подождете ответа?

— Нет. Я еще должен встретиться с главнокомандующим Гохд. Как вы знаете, есть определенное место, в котором я уже встречался с Омниархом. Он оставил там наблюдателя.

— Эта информация также будет передана, командор.

* * *

Вез До Ган наморщил лоб.

— Нет, не имею понятия, где может скрываться Омниарх. Он физически очень силен и может устроить себе убежище почти на каждой хлорофиллово-белковой планете. А поскольку ему удавалось столько лет скрывать свои мысли, то, следовательно, он является очень умным и хитрым существом. Например, — Вез До Ган усмехнулся, — он никогда не говорил, где находится Акиэль, хотя я неоднократно пытался разыскать эту планету.

— В любом случае спасибо, — вздохнул Джон. — Вы посмотрели мой рапорт, который я послал вам после налетов на границы бизхов?

— Да, — Вез поднял маленькую модель космического корабля, которая лежала на столе как пресс-папье и начал водить ею туда-сюда. — Как ты знаешь, мой друг, империя Гохд очень демократична и… терпит из-за этого очень много неудобств. В результате, мое начальство зарабатывает неприятности. Несмотря на это, высшие чиновники моего правительства согласились в свое время на небольшую операцию, которая должна была сдержать экспансию бизхов, но сейчас они начали склоняться к другой точке зрения. Я получил приказ о прекращении дальнейших действий против бизхов. А, кроме всего прочего, я обязан ограничить контакты с людьми и другими наемниками.

— Это соответствует и моему рапорту. Мои подчиненные

считают, что условия договора выполнены. И надеются, что ваши руководители не нарушат нашего соглашения о том, что нам выделяется планета, где мы могли бы поселиться.

— Может быть, приказом и запретят, — Вез глубокомысленно махнул рукой, — но есть возможность трактовать эти приказы так, как нам нужно. Лично я не намерен заставлять вас покидать эту планету, но вы не должны рассчитывать на расположение моего руководства, если оно вас там обнаружит. Я советую вам проявлять максимум осторожности.

Это заявление вызвало у Джона неприятное чувство. Он должен был играть краплеными картами со своим хорошим другом.

— Я по достоинству оцениваю твою заботу и благосклонность к нам, Вез, но это может поставить тебя в очень неприятное положение.

Вез До Ган ухмыльнулся.

— Это меня не волнует. Эти гонения на наемников не продлятся слишком долго. Известно, что в каждой империи постоянно разыгрываются какие-нибудь интриги. Не исключено, что Вильмут и Бизх договорятся о сотрудничестве и тогда, сам понимаешь…

Они довольно долго молчали, потом Вез прервал тишину:

— Коллега, хотя наши контакты с бизхами очень слабые и непостоянные, однако они все же существуют. От одного из наших разведчиков пришло сообщение.

У Джона возникло нехорошее предчувствие, но он все же заставил себя улыбнуться.

Вез До Ган продолжал:

— Знаю, что ты весьма чувствительная натура. Понимаю, что это очень свойственно твоей расе, — он умолк на несколько секунд. — В этом донесении говорится об огромном корабле, который невозможно построить, используя современную технологию. Координаты пространства, где был замечен этот корабль, совпадают с координатами, указанными в твоем рапорте… — он глубоко вздохнул. — Пойми, я тоже люблю свою расу. И все, о чем я сейчас прошу тебя, это отыскать какой-либо способ (насколько это возможно), чтобы моя и твоя лояльность могли существовать, не мешая друг другу. Прошу тебя очень подумать над этим.

— Это означает, — вспыхнул Джон, — что ты мне не доверяешь?

Вез До Ган, почти как человек, развел руками.

Джон успокоился и улыбнулся.

— Ну, хорошо, — произнес он. — Да, действительно,

существует огромный корабль. Конечно, легко можно узнать, откуда он взялся. Так вот, он построен расой клипов. Хорошо, что ты вспомнил, что я должен соблюдать лояльность по отношению к твоей расе. И думать о безопасности тех нескольких десятков людей, которые доверили мне свою судьбу. Но есть, однако, еще кое-что… — он замолчал, сдерживая свои чувства. — Моя раса, — заговорил он тише, — не может умереть! И она не умрет! Понимаешь это, Вез? На одной планете находятся наши женщины, и они могут принести нам детей!

Он наблюдал за изменением выражения лица гохдонца — удивление, изумление, возбуждение и, в конце концов, веселье!

— Прошу тебя больше ничего мне не говорить! Я попробую немного поразмыслить. Конечно же, только Омниарх знает, где находятся эти ваши женщины, не так ли? И именно он вытащил тебя с Дронгалии, пообещав корабль и помощь. Он же помог тебе собрать людей. Нужно признать, что он дьявольски ловко все это придумал. — Вез До Ган внезапно стал серьезным. — Теперь я понимаю, как мало возможностей у тебя было, но, несмотря на это, не забывай, что я все же гохдонец. Скажи мне, Джон Браузен, как мы можем по-доброму уладить наши отношения?

Джон глубоко вдохнул в легкие воздух и произнес:

— Мне кажется, что такой способ можно найти. Когда мы встретимся с женщинами и укроем их в надежном месте, я отдам тебе этот корабль. Ты можешь полететь со мной и научиться управлять им. Моя раса и так очень мала, к тому же она получила очень хороший урок, чтобы и через сто лет не иметь охоты подниматься в космос. Нам нужна сейчас тихая планета в каком-нибудь закутке Галактики. И больше ничего. Я думаю, что мы будем счастливы даже если придется вернуться к передвижению на животных.

Вез До Ган надолго задумался.

— Ну что ж, — наконец прервал он тишину, — такое соглашение вполне возможно. Думаю, что никто из моих людей не будет против. А если даже и… то все равно будет поздно.

18

Невооруженный транспортный корабль Гохда типа «малый крейсер» (его легко было распознать благодаря вогнутым консолям, в которых находились гравиприводы специального назначения) вышел из гиперпространства между четырьмя парами двойных звезд. Быстрый взгляд на шар масс-детектора подсказал Джону, что согласно договоренности «Луна» уже прибыла сюда, чтобы предупредить Барта о визите гохдонского корабля.

Джон посмотрел на Вез Да Гана:

— Ну что ж, — Джон сделал широкий жест и усмехнулся. — Корабль перед вами, мой друг.

Вез, скорее всего, не услышал не единого слова. Он стоял, вытянувшись и уставясь на экран, на котором величественно плыл в пространстве огромный чужой звездолет. Его губы медленно двигались, не издавая, однако, никаких звуков, дыхание было учащенным. Наконец, он пришел в себя и повернулся к Джону:

— Во имя пространства! Он такой, как ты и говорил. Но ни одно описание не заменит грандиозного зрелища, хотя я был готов к чему-то подобному.

— Неплохо выглядит, не так ли? Ну что ж, давай перейдем на его борт, — Джон наклонился к микрофону. Но не успел он сказать и пару слов, как голос Барта прервал его:

— Джон? Слушай, у нас неприятности. Большой Самец прислал сюда один из наших кораблей с известием. Ральф Цолл говорит, что хелк едва не ударил его, когда тот отказался сообщить ему координаты этого убежища. Хелк еле-еле отпустил Цолла. Омниарх попал в беду. Вильмутцы узнали о нем и его планах. Они разыскивают его. Он скрывается на той планете, где мы раздобыли «Берту». Вильмутцы пока что точно не установили, что он именно там, но идут буквально по его пятам. Там, где он был перед этим, вильмутцы ведут наблюдение, на случай, если он объявится. У Омниарха нет корабля, ему не спастись, если только мы не придем ему на помощь. Большой Самец с Акиэля не знает, могут ли находиться в том районе большие силы Вильмута. Он говорит, что есть способ договориться с тобой, если ты доберешься туда. Цолл сообщил, что хелки на Акиэле ведут себя как рой ошалевших от бешенства пчел. Никогда бы не подумал, что они способны на такую ярость.

Джон внимательно посмотрел на экран.

— Когда Цолл объявился здесь?

— Около семи часов тому назад. Но сейчас его уже нет. Перед отлетом он настаивал на скорейшем возвращении на планету к Вез До Гану, когда… когда мы закончим со всем этим.

— Барт! — позвал он в микрофон. — Надо рассказать Везу о женщинах. Он ведь наш союзник.

После долгих минут молчания Барт отозвался. Его голос звенел от гнева и неудовольствия.

— Ну что ж… А Цолл полетел искать тебя. Он сказал мне, что дал слово Большому Самцу и не может его нарушить.

У Джона заломило в висках, и он ощутил внезапный спазм желудка.

— Цолл испуган до смерти, — сказал он. — К черту, Барт. Сейчас все зависит от Омниарха. Послушай! Мы выходим на палубу. За это время постарайся разослать приказ всем нашим людям. Пусть немедленно прибывают сюда! Вначале мы отправимся на планету, полученную у Гохда, чтобы забрать оттуда все снаряжение. Затем, двинемся на спасение Омниарха. Говорил ли Большой Самец что-нибудь о помощи?

— Да. Он обещал прислать достаточное количество хелков-воинов, а также техников, чтобы укомплектовать экипажи малых кораблей. Сам он тоже прилетит, когда будет знать куда.

— Хорошо. Передай наши координаты людям на Акиэле, и пускай они заберут Большого Самца с собой.

* * *

Гохдонский звездолет уже швартовался к «Берте», когда Джон решил, что внутрь корабля быстрее всего можно будет пройти через люк. Он с нетерпением ожидал раскрытия шлюзов после того, как ангар наполнится атмосферой, когда внезапно Вез поинтересовался:

— Джон Браузен, а где находится та планета, за которой наблюдают вильмутцы?

— В вашем районе. В нескольких световых годах от планеты, которую вы подарили нам.

— Жаль, конечно, — с сожалением вздохнул Вез, — что столько времени у нас в руках был этот корабль клипов, а мы даже не догадывались об этом. Ну, да ладно. Раз вильмутцы влезли на нашу территорию, это упрощает дело. Но, с другой стороны, они могут обвинить меня в нелояльности. Ну и пусть! Я сделаю это, если ты так хочешь! Я дам в ваше распоряжение личную гвардию. Тридцать совершенных, прекрасно оборудованных кораблей, хотя ни один из них не тяжелее легкого

крейсера. К тому же, я готов встретиться с вами в том месте, какое ты укажешь. Если принять во внимание последние законы, я могу объявить их пиратами. Или можно их спровоцировать и вынудить к явной атаке. А потом и ударить!

— Зачем? — удивился Джон. — Не проще ли будет послать радиограмму? Это будет равносильно.

— Отлично! — Вез повернулся к пульту.

Огонек на контрольной панели показал, что давление снаружи и внутри корабля уравновесилось. Человек и гохдонец вышли из камеры и двинулись по коридору, который должен был привести их в зал Центрального управления.

Внезапно Джон остановился.

— Вез!

— Что случилось?

— Если дело дойдет до сражения вблизи планеты, мы можем зацепить Омниарха!

Вез раскрыл ладонь в знак подтверждения и спросил:

— На планете существует органическая жизнь?

— В очень малой степени. Атмосфера там сухая и к тому же бедная кислородом.

Вез остановился.

— Что ж, — сказал он наконец, — думаю, что именно тебе придется командовать. Ты был там раньше… И к тому же речь идет о существовании твоей расы…

* * *

«Луна» нырнула в гиперпространство. По правде говоря, Джон и Вез хотели бы находиться сейчас на борту «Берты», судовые приборы которой показывали дислокацию вильмутцев. И в то же время, они не хотели видеть «Берту» из-за гвардии Вез До Гана. Это могло угрожать их недавно заключенному союзу.

Джон принялся размышлять, как провести сражение возле этой планеты. Он сомневался в том, что вильмутцы вступят в бой без колебаний. Скорее всего они могут решиться на бегство, как только «Луна» и «вооруженные разведчики» появятся из гиперпространства. Вильмутцы вынуждены будут моментально определить, чьи это корабли, такие похожие на их собственные. А как они отреагируют на эти корабли в союзе с флотом гохдонцев?

Сейчас это было не столь важно. Где же на этой безжизненной планете мог скрываться Омниарх? Наверняка не вблизи огромного пролома, образовавшегося из-за выходящей «Берты». Это было бы самоубийством — к этому времени вильмутцы

наверняка успели обыскать дыру и ее окрестности несколько раз. А если они еще и догадались, что там находилось, то обследовали все довольно тщательно. А они, наверняка догадались обо всем, если уж Вез догадался о правде на основе одного рапорта. Если все же поиски убежища Омниарха займут много времени, то весьма вероятно появление всего флота вильмутцев возле этой планеты. Они с готовностью бросятся в тотальную войну с Гохдом, как только их разведка донесет, что ставкой в этой войне является наследство клипов. А Джону было хорошо известно, что империя не ведет медленных и тяжелых войн. Он помнил те минуты бессильного отчаяния, когда внезапно все пространство вокруг земного флота озарилось блеском вильмутских боевых кораблей. Он помнил безнадежное ощущение приближающейся смерти и тот единственный шанс… даже не целый шанс, а крохотная частичка этого шанса, которая позволила ему смешаться с флотом врага на время, показавшееся вечностью, а на самом деле длившееся всего две с половиной минуты…

Это стало причиной замешательства имперцев и позволило кораблю Джона нырнуть в гиперпространство, успев при этом сделать залп всеми бортовыми орудиями. Происходило это спустя сорок восемь часов после катастрофы, и вильмутцы в пьяной радости победы жгли, разметывали остатки земного флота. Сейчас они могли быть такими же беспомощными. К счастью, по крайней мере, Барт Ланге и несколько мужчин были в безопасности на «Берте». В безопасности, но без информации, которая была так необходима им, и которой располагал только Омниарх.

Джон посмотрел на Большого Самца с Акиэля, крепко стоящего на своих широко расставленных ногах и сжимающего сильные большие ладони в кулаки, прижатые к грубому туловищу. Шея хелка была странно вытянута, а глаза уткнулись в хронометр, в тот самый, за которым краешком глаза наблюдал Джон.

ВЫХОД!

Джон мгновенно забыл о своих сомнениях, его глаза перебегали с экранов на детектор массы и обратно на экраны. Он считал корабли. Это не были его «разведчики», также это не были и корабли Вез До Гана. Они должны были выскочить через несколько секунд, чтобы дать Джону время для определения позиции врага.

— Джон! — крикнул Вез. — Они уже в зоне досягаемости телескопа. Можно определить их класс!

Джон сделал жест открытой ладонью, а затем его руки забегали по клавишам, программируя первые данные и

сообщения для своих кораблей. Наверняка и между кораблями вильмутцев уже налажена связь, и рекой потекли приказы и информация. Джон к тому времени уже успел определить и локализовать все малые корабли противника на этой стороне планеты. Из интеркома раздался голос Кальнера Домиано и Ральфа Цолла:

— Визуальный контакт с крейсером Вильмута. На борту, согласно опознавательной таблице, двадцать тяжелых торпед или сорок легких, четыре лазера и четыре лучемета… командный звездолет эскадры, очевидно, находится на той стороне планеты… Радиотишина… Связь идет на лучевом уровне…

Внезапно на экранах появились одно за другим два пятнышка, следом за ними — третье, вынырнувшее из-за горизонта планеты. И они тут же начали сближение с легким крейсером вильмутцев. Третье пятнышко было самым ярким. Похоже, что это был флагман, крейсер типа «Нова». И вдруг на протяжении нескольких секунд экран детектора массы весь покрылся искрами. Джон с беспокойством, длившемся мгновение, наблюдал за тем, как отметки целей располагались на экране, но затем успокоился. Это были его корабли.

Через пять или шесть секунд все огоньки, означавшие корабли Вильмута, исчезли.

Джон ударил по клавише Интеркома:

— Всем внимание! Запрограммировать системы поиска и уничтожения! Если надо — применять сенсор! Я не знаю, что искать, но это ничего не значит!

Огоньки изменили свое положение, и небольшая флотилия начала окружать планету.

— Домиано!

— Да, сэр!

— Посылай Барту Ланге каждые пять минут позывные. И передавай ему все данные, какие только удастся собрать.

— Есть, командор!

Джон вздохнул. Сейчас начнется наихудшее. Полоса беспокойства, полоса ожидания. Вильмутцы наверняка только догадываются, что Омниарх находится здесь, но одно ясно и так — эта пустая планета стоит боя. Сколько времени займет у командующего вильмутцами выработка решения? Где находится его вышестоящее руководство, которое может приказать начать сражение? Может быть, в темном пространстве в пяти минутах лета отсюда или, может быть, в нескольких часах, уже в регионе Вильмута? И как долго продлится поиск Омниарха, и смогут ли они его обнаружить?

* * *

Оказалось, что Джон недооценил старого хелка. Едва они сделали первые облети планеты в надежде получить необходимую информацию, как в микрофоне раздался мужской голос:

— Здесь номер Восемь. Вижу блеск, напоминающий свет морского маяка. Дальность около тридцати миль левее моего корабля. Приблизительно на линии терминатора. Похоже, что свет находится на высоте семи или восьми футов над поверхностью планеты.

Одновременно несколько кораблей Веза передали аналогичные сообщения.

— Держи его, Восьмой! — крикнул Джон. — Но будь осторожен! — И тут же он начал что-то говорить в микрофон по-гохдонски.

Через несколько минут номер Восемь вновь отозвался:

— Поймал слабую звуковую волну с поверхности. Думаю, что это Омниарх!

* * *

Джон, Барт, Омниарх и Большой Самец с Акиэля сидели в зале Центрального управления «Берты». Омниарх выглядел почти как всегда, несмотря на то, что его только что спасли.

— Мне могло хватить кислорода еще на десять-двенадцать часов, если бы мне не пришлось перебираться с места на место. Я выбрал себе убежище в откосе высохшего русла реки. У меня была радиостанция, немного бисквитов и Фляга с водой. И конечно же, прибор дистанционного контроля клипов. В последнее время я смог узнать еще кое-что об их старой технологии. Мне удалось более подробно расшифровать записи клипов и произвести эффекты молнии и взрыва. Если бы не удалось использовать первое, то второе получилось бы наверняка. — Хелк посмотрел прямо в глаза Вез До Гана. — Никак не ожидал увидеть здесь столь милого моим глазам Командующего Объединенными Космическими Силами Гохда и его маленькую гвардию.

Вез со спокойным лицом слушал рассказ Омниарха и только по глазам можно было понять, сколь велико охватившее его внутреннее напряжение.

— На этой планете много изделий клипов? — бесстрастно спросил он.

Омниарх с напускным весельем покачал головой.

— Приятели и друзья. До сих пор в моих руках побывало двести четырнадцать предметов расы клипов. И думаю, что это еще далеко не все. А сейчас я хотел бы услышать от вас самое главное — к какому соглашению вы пришли. Вижу, что это так, коль скоро вы собрались все вместе.

— Да, — Вез До Ган сделал знак открытой ладонью. — Джон обещал мне этот корабль, когда он обоснуется со своими людьми и женщинами на выбранной планете. Я многим рискую, ставка очень высока…

— Включая, видимо, то, что ты не имеешь поддержки своего правительства, — кивнул Омниарх. — Извини меня, гохдонец, но я тоже должен буду поставить тебе небольшое условие. Видишь ли, мои планы едва не рухнули, и это вынудило меня к рискованным действиям. Сейчас речь идет о всей моей расе, восставшей против Вильмута. Нас не страшит даже то, что многие могут погибнуть в этой борьбе. Мы знаем, что только единицы смогут завоевать временную свободу и добраться до места (как это удалось мне рассчитать), где мы будем иметь шансы на абсолютную безопасность. Я говорю о расстоянии в сотню миллионов световых лет… — он по очереди поднял каждую из ног. — Успех нашего отхода будет зависеть от быстроты перелета и эскорта военных звездолетов прикрытия. На это потребуется ваша помощь, Вез До Ган, и Джона Браузена.

В голосе гохдонца прозвучал легкий тон издевательства или оскорбления:

— Почему же я должен помогать тебе, уважаемый Омниарх? Это твоя, а не моя раса воюет и скорее всего безнадежно. А сейчас я хотя и ударился в определенные интриги, но это не значит, что я не чту интересы Гохда. Ты просишь, чтобы я обеспечил твою безопасность своими кораблями и экипажами. А как же наш официальный и очевидный мир с Вильмутом? Что мы сможем получить взамен, кроме неприятностей? Сколько будет стоить такой риск, как по-твоему?

Омниарх хмыкнул:

— Это хорошо, что ты договорился с Джоном Браузеном, хотя это не совсем соответствовало моему плану. Но все равно это согласуется с моим планом. А что же касается стоимости риска… В твоем распоряжении остаются все предметы клипов, укрытые на этой мертвой планете. Я могу проводить вас в исполинское хранилище, где находятся кое-какие артефакты этой загадочно исчезнувшей цивилизации. Хочу сказать, что это хранилище было создано исключительно моими усилиями. И мне бы очень не хотелось, чтобы оно топало в руки имперцев. — На его толстых

губах появилась горькая улыбка. Омниарх посмотрел на Джона. — Я назвал это хранилище Вивариумом. В нем находится определенное количество различных типов животных, когда-то помещенных туда клипами. Там же находятся и женские особи вашего вида, Джон Браузен. — Омниарх перевел взгляд на гохдонца. — Но чтобы добраться до этот хранилища вам, Вез До Ган, потребуется моя помощь. Даже если бы вы знали его точное местоположение, то попасть вовнутрь не смогли бы даже ваши лучшие ученые. И в течение многих ваших поколений… — Тут он на минуту прервался. — Извините, должен исправить некоторую неточность моего рассказа. Я не могу пожертвовать вам Вивариум. Он является гарантией безопасности тех из моей расы, которые останутся в живых. Это залог нашей безопасности. Но я отдам вам большинство из предметов, которые находятся там, а также всю информацию о технологии клипов.

Вез сорвался с кресла и заходил по залу. Повернувшись, он почти подбежал к Омниарху и почти уткнулся в лицо Великого Хелка.

— Ты говоришь так, как будто Гохду не удастся провести изыскания на планете, которая находится в нашем регионе! Кажется мне, хромоногий, что ты потерял все козыри и теперь блефуешь!

Омниарх выглядел как весельчак на ярмарке.

— Если хочешь, можешь искать! Думаю, что при помощи собранных тобою специалистов ты сможешь поднять много пыли на планете. Но это, в общем-то, ничего не даст. Так и знай! Не забывай также и то, что когда вы будете безуспешно рыться в ее недрах, Вильмут тем временем будет стремиться к той же цели. Ни они, ни бизхи не упустят случая сделать правильные выводы, видя этот огромный звездолет, на борту которого в данный момент находимся мы. Так же они свяжут создавшуюся ситуацию и с хелками. Подозреваю, что уже через небольшой промежуток времени они будут знать очень много. Значит, и без меня и моих соотечественников найдется очень много претендентов на сокровища, и вы в этом деле будете только третьими.

— А кому сейчас принадлежит корабль, на борту которого мы находимся? — буркнул гохдонец.

Омниарх ответил с едва уловимой улыбкой:

— Командору Джону Браузену, который сейчас им командует, приятель. Но он связан со мной условием, гарантирующим что-то очень важное для его расы. Очень! И если он обещал тебе какие-то права на этот корабль, ну что же, это его дело. Меня это не интересует, за исключением конечного применения этого корабля.

Вез повернулся спиной к хелку и коротко спросил у Джона:

— Я могу отдать отсюда несколько приказов?

После минутного молчания Вез постарался разъяснить:

— Если уж я решил вляпаться в это безумие, то должен приказать собрать более мощные силы. И должен предупредить своих начальников о возможности добыть предметы клипов.

Джон больше не колебался. Он хотел покончить с торгом, который легко мог перерасти в откровенный спор.

— Конечно, ведь мы товарищи по оружию, — сказал он.

19

«Луна» быстро мчалась над поверхностью безжизненной планеты. Джон нервничал, наблюдая за детектором массы. Вез сидел в кресле второго пилота, готовый каждую секунду послать сигнал своему флоту, находящемуся в нуль-пространстве в нескольких световых секундах от планеты. Омниарх прижимал к себе прибор дистанционного обнаружения предметов клипов.

До сих пор вблизи не появлялся ни один чужак. Внезапно хелк крикнул:

— Что-то есть. Вез! Джон!

Браузен резко остановил звездолет в миле над поверхностью планеты. Омниарх нажал какую-то клавишу на приборе. В течение долгой минуты ничего не происходило. Затем сирены «Луны» издали пронзительный вой. Джон бросил быстрый взгляд на приборы — это была неаварийная тревога. Какая-то довольно большая масса металла появилась вблизи корабля. Он выключил сирены. Затем по боковому визиру проследил курс. Вращая рукоятки, он увеличил изображение на экране. Что-то понемногу появлялось перед глазами, точно так же, как и тогда, когда гигантский корабль клипов медленно вырисовывался перед ним. Но этот предмет был гораздо меньше. Он имел футов двести в длину и футов десять в диаметре. Поверхность его была светло-серой, без каких-либо выступов, без характерных особенностей и имела форму идеального цилиндра. Он наблюдал, как это «нечто» свободно выходило из поля действия детекторов.

— Омниарх! Насколько оно безопасно, чтобы поднять его на палубу?

— Этот предмет абсолютно инертен. Но сначала позволь мне кое-что продемонстрировать. — Он снова наклонился над прибором дистанционного управления.

На экране Джон увидел небольшой предмет, который появился под неизвестным объектом, и стал медленно опускаться на поверхность планеты.

— Что это было? Крышка люка? — воскликнул гохдонец.

— Нет, Вез До Ган. Эта вещичка попросту пучок электрических проводов. Я приказал выбросить этот пакетик. Иначе нельзя было бы овладеть этим цилиндром, не уничтожив его при этом. То, что вы сейчас видите на экранах, — это просто масс-транспортировщик, который обеспечивает пересылку предметов на любое расстояние. Но сам механизм этого аппарата, Вез До Ган, будет загадкой для еще многих ваших поколений. Даже после получения всей информации от меня. Я могу втянуть

эту штуку в люк номер четыре. Если бы здесь была «Берта»… — с этими словами он открыл люк и медленно придвинул масс-транспортировщик к «Луне», а затем аккуратно втянул его в люк.

* * *

Прошло одиннадцать часов. Прибыла «Берта», и корабли начали патрулировать пространство, подбирая на борт всякие предметы клипов. Безжизненная пустыня планеты исторгла из себя еще около двадцати масс-транспортировщиков, контейнеры, по утверждению Омниарха, начиненные химикатами неизвестного предназначения, запасы плит странного металла, легкого и по прочности не имеющего равных в Галактике, приборы для научных исследований, инструменты и даже запасы пищи в маленьких запломбированных баночках.

Быть может, зрелище этого и натолкнуло Джона и Веза на размышления. Когда «Берта» исчезла в нуль-пространстве, Вез первым выложил беспокоившие его мысли:

— Омниарх! Насколько я помню, ты никогда не говорил, что эти предметы были зарыты на планете.

— Верно, Вез До Ган, — в голосе Великого Хелка звенела насмешка.

— Таким образом, все что мы выловили, — констатировал Вез, — внезапно появилось вблизи корабля, что и зафиксировали детекторы массы. Если бы они были зарыты в землю, даже на глубину мили, мы смогли бы заметить их с помощью наших приборов. Но они не были зафиксированы. А это может означать только одно. Их там не было! Значит, ты вызвал их через нуль-пространство из какого-то другого места!

— Верно. Можете считать, что это была моя маленькая шутка.

Вез рассмеялся.

— Да, ты был прав. Мы могли копать до конца света. Что ж, хорошо. Но в таком случае уместен вопрос. Где находится этот склад, из которого ты транспортировал все эти штуки? Без сомнения, он очень далеко. Кроме того, можно сделать вывод, что клипы или кто-нибудь еще, в настоящее время пользуются этим складом, непрерывно пополняя его запасы. Разве можно надеяться, что даже при соблюдении самых лучших условий хранения можно обеспечить отличную сохранность продуктов питания в течение минимум тридцати тысяч лет?

— Я не думал, Вез, что ты догадаешься, хотя в целом и не удивлялся бы, если бы так все и было. То, что я вам сейчас расскажу, будет еще более невероятно. Физического расстояния,

на котором находятся эти предметы, просто не существует. Оно, это расстояние, не имеет в данном случае никакого значения. Важнее то, что они находятся на расстоянии в тридцать тысяч лет от нас. Не световых! Временных!

Вез и Джон, вытаращив глаза, смотрели на него и молчали. Омниарх улыбнулся.

— Не смотрите, как оглушенные, друзья и соратники. Это факт, который я и сам только частично смог понять. По-видимому, клипы овладели временем в определенных границах. Они, вероятно, не могли путешествовать в свое прошлое. Но могли всякий предмет, даже невероятно больших размеров, задерживать во времени. А также могли посылать предметы в будущее. Думаю, что они не успели закончить свои изыскания в этой области. Что-то отвлекло их. Долгой окружной дорогой дошел я до расшифровки записей, в которых говорилось о двух зондах без экипажей, посланных в далекое будущее. Собственно, один из них, сделанный с огромным размахом, я и назвал Вивариумом. Он так огромен, что даже такой корабль как «Берта» покажется игрушкой по сравнению с ним! Там, Джон Браузен, и находятся ваши женщины. Там, Вез До Ган, находится невиданное количество изделий и предметов клипов, которые я тебе пообещал, — он остановился, чтобы перевести дух, затем продолжил: — Предметы, которые мы сейчас добыли, находились на другом складе, построенном для обеспечения экспедиции, которую они собирались послать уже после постройки Вивариума. Мы можем только гадать, что произошло. Может быть, катастрофа, а может быть, и еще что-то. Нигде не осталось никаких следов. Можно предположить, что есть еще несколько подобных складов. — Он улыбнулся толстыми губами. — Где-то, приятели (может быть, я должен был сказать когда-то?), какой-то склад работает нормально, обеспечивая через тысячелетия снабжение этой экспедиции. А может быть, клипы продолжают существовать, и кража этих товаров, в конечном итоге, приведет к большим неприятностям для нас? А может быть, они согласились с такой эвентуальностью, что кто-то неизвестный использует их запасы? Этого посылающие клипы узнать не могут. Только их отдаленные потомки в состоянии проверить, что на складах что-то пропадает. Но мне почему-то кажется, что они не существуют в нашем времени.

Джон первым оправился от потрясения:

— Этот… этот Вивариум… Ты говоришь, что там женщины. И что вильмутцы охотятся за ними…

— Да, Джон Браузен. Но они не смогут добраться до них, если, конечно, не поймают меня. Я был там два раза. Вильмутцы,

конечно, ничего не найдут, потому что Вивариум находится вне нашей Вселенной!

— Что значит «вне нашей Вселенной»?!

— Последний раз я задержал его в нашем прошлом. К сожалению, точного понятия этого прошлого не существует. Каждый раз меняющиеся мгновения прошлого существуют раздельно друг от друга, при этом постепенно отдаляясь от настоящего. Это похоже на равномерно отстоящие плоскости, перпендикулярные к линии, которую называют временем, и движущиеся одна за другой.

Вез заговорил, и в его голосе сквозило недоверие.

— Ты оставил Вивариум в прошлом?

— Да. Это все, что я смог сделать.

У Джона от злости кровь запульсировала в висках:

— Ты хочешь сказать, что женщины недостижимы для нас?

— Недостижимы в нашей действительности? Да, прежде всего они недостижимы для Вильмута, пока остаются там. Но я могу и… должен, так как этого требуют интересы моей расы переправить ваших женщин и весь Вивариум в наше настоящего.

Вез До Ган неуверенно спросил:

— Если ты сам задержал Вивариум в прошлом, то как же ты сумеешь вернуть его?

Хелк выдавил из себя звук, соответствующий земному хихиканью:

— Не напрягай свой мозг, гохдонец, чтобы понять этот парадокс. Я уже сам участвовал в таком эксперименте. И должен сказать, что мое возвращение было очень простым, хотя я и ожидал его конца с определенным нервным напряжением. Не забывайте, друзья, что у меня уже очень долю находится эта игрушка, — и он показал на прибор дистанционного управления. — Я оставил его здесь в моей действительности и запрограммировал на контроль и возвращение небольшого корабля, служившего мне в этом путешествии.

Через минуту ошеломленный Джон спросил:

— Как далеко в прошлом находится Вивариум? И… — он проглотил слюну, — женщины?

Темные, глубоко посаженные глаза Омниарха заблестели.

— Около тринадцати с половиной ваших минут, человек. Но это значит, что с таким же успехом они могли бы находиться и в другой Галактике.

Вез До Ган отошел немного в сторону, чтобы выслушать рапорт вошедшего офицера-гохдонца. Потом, улыбаясь, повернулся к Омниарху и Джону:

— Вещи клипов очень заинтересовали мое руководство. А это

моментально меняет ситуацию! Конечно, нужно избегать открытой конфронтации с Вильмутом, но нам позволено любыми путями добыть то, что ты нам обещал. И не только моя гвардия готова отправиться туда, куда ты прикажешь. И нам дают все корабли, которые Гохд захватил в последнее время. Два очень похожих на «Луну» корабля, тридцать крейсеров, более ста малых «разведчиков». Все они полностью вооружены. А взамен я должен доставить все предметы клипов, которые будут обнаружены. И еще, — он подошел поближе к хелку, продолжая улыбаться. — Я забыл сказать о так называемом Вивариуме. Кое-что должно ведь перепасть и мне.

Хелк ответил улыбкой, но в голосе его чувствовалось нетерпение.

— Когда эта эскадра прилетит сюда?

— Через пятьдесят или шестьдесят долей. Как только удастся собрать все, что еще может летать!

Омниарх переступил с ноги на ногу.

— В таком случае считаю необходимым, чтобы мы отправились в путь. Оставим здесь только один корабль, как проводника. Мы не можем ждать!

Вез отрицательно покачал головой:

— При подготовке отлета мы едва ли уложимся в двести долей. К тому же нам требуется еще кое-какое вооружение.

Омниарх издал звук, похожий на гневный вскрик:

— Если нужно, то организуйте встречу позже. Но я настаиваю, чтобы все двинулись в путь как можно скорее. Остальные хелки будут постепенно подтягиваться к нам.

— Хорошо… — вынужден был согласиться Вез До Ган. — Где мы встречаемся?

Омниарх быстро подал таблицу с координатами. Джон знал это место. Далеко в области Дискретности, между рукавами спирали. Почти так же далеко, как и в последнем налете на бизхов.

Вез вышел. Во время его отсутствия Омниарх сказал:

— Я не знаю размеров флота, который мы можем встретить. Хелкам-невольникам в сотнях мирах дан приказ захватывать военные или торговые корабли вильмутцев и добираться до места встречи. Вероятно, не все из них прибудут. Я побаиваюсь, что Вильмут вовремя раскрыл этот план, оповестив подчиненные ему планеты о возможном восстании хелков. Миллионы из нас погибнут и миллионы останутся заточенными в каторжных мирах…

Он посмотрел на Джона печальными глазами.

— Ты на своей шкуре почувствовал с какой жестокостью

вильмутцы реализуют принятые решения. Когда-то они решили уничтожить твою расу, Джон. Сейчас они могут затеять то же самое и против моей. А мы не можем сделать так, как сделали вы: разбиться на маленькие группки и расселиться по множеству миров. Большой Самец не может допустить этого. Каждый из нас должен ощущать рядом и вокруг себя присутствие колоний. Мы должны воспринимать ощущение временных отрезков прошлого, настоящего и будущего. А это требует реализации нашей мечты о свободе.

В первый раз после Уничтожения Джон обрадовался, что в отличие от хелков все гуманоиды могут довольствоваться любыми условиями жизни и легко адаптироваться. Любой гуманоид технически развитой цивилизации в случае необходимости мог стать рабочим, или схватиться за оружие и воевать. Воевать даже голыми руками! Применять в бою зубы и даже ногти.

Он сел и уставился на Омниарха.

— Тот… Вивариум, о котором ты говорил. Я понимаю, что там созданы все условия для жизни. Но пространство! Разве оно так велико, чтобы вместить миллионы твоих хелков?

— Да, Джон Браузен! Это кажется невероятным, но поверь, что это так. Я провел много часов, исследуя его автоматы и механизмы, провел несколько небольших экспериментов. И многие тысячи часов думал об этом. Но смог лишь в небольшой степени понять его возможности и способы функционирования.

В его глазах, вглядывавшихся в Джона, отразилось беспокойство:

— Даже способ, которым я намереваюсь обеспечить безопасность своей расы, для меня сплошная загадка. Я попробую организовать группу самых квалифицированных специалистов, которые помогли бы мне изучить все, когда мы окажемся там, но я не уверен, что из них до цели доберется достаточное количество. И когда Вивариум перенесется в прошлое, там должны оказаться и все хелки. Это будет огромная и трудная задача.

— Ты из соображений безопасности не сообщаешь мне подробностей, когда это произойдет? А у тебя не будет трудностей с определением места, достаточно удаленного от Вильмута?

Омниарх улыбнулся.

— Независимо от того, как долго ты будешь путешествовать, это несравненно мало по сравнению с моим путешествием. Когда женщины покинут Вивариум, а их место займут хелки, нам надо будет перебросить Вивариум в далекое прошлое.

Большой Самец с Акиэля вошел в Центральный Пост управления и стал рядом с Омниархом.

«Как два волка», — подумал Джон. Он сидел в командирском кресле и внимательно всматривался в хелка. В конце концов, он спросил его:

— А что вы будете делать, если это дело не выгорит? Если вам не удастся справиться с механизмами Вивариума?

— Тогда, — медленно произнес хелк, — наш род больше не будет иметь права на жизнь, раз не смог добиться свободы. Мы выработаем в своих организмах смертельный яд…

20

«Берта» мчалась сквозь гиперпространство. Джон, Барт и двое хелков стояли перед укрепленной в подвесках каргой района, через который они пролетали. В иллюзорной сфере золотые блестки были часто сгруппированы на ее поверхности. Они показывали все корабли, сопровождающие «Берту». Это была только маленькая часть флота Джона, гвардия Вез До Гана, а также корабли, недавно приданные им гохдонцами. Все они стремились в точку встречи, назначенную хелком. Ланге подошел к сфере, повернул ручку настройки — и рой кораблей тут же устремился внутрь сферы. На поверхности шара появилось большое яркое пятно. Оно состояло из маленьких ярких точек столь многочисленных, что пересчитать их было невозможно. Это была группа беглецов-хелков.

Барт внезапно посмотрел на Омниарха.

— Скажи, зачем сфера находится на подвесках?

Омниарх был погружен в свои мысли и, казалось, не слышал вопроса.

Ланге опять повторил вопрос, и только тогда хелк очнулся и ответил:

— Это своего рода амортизаторы и изоляторы, — он протянул руку и коснулся волосатой ладонью сферы. Тотчас же указатели в окошечках дрогнули, а изображение изменилось. — Ты видишь? Я дотронулся и все изменилось. Поэтому сфера должна быть очень надежно прикреплена и изолирована от вибрации и сотрясений. Должен заметить, что эти амортизаторы выполнены из специального пластика…

— Почему же эта игрушка просто не летает в воздухе на гравитационной подушке? — перебил его Барт.

Омниарх усмехнулся:

— Это уже другой вопрос, а на него я не могу тебе ответить.

Он снова стал наблюдать за детектором массы.

— С этого расстояния мы даже не можем увидеть какие там корабли, военные или грузовые. Зато мы сразу же можем заметить появление звездолетов Вильмута.

Хелк повернулся к Джону:

— Из соображений безопасности при выходе из гиперсферы мы должны рассеяться на миллионы миль. Беглецы будут постоянно прибывать и группироваться в небольшие отряды. Как ты намереваешься обеспечить порядок и охрану такого количества кораблей?

Джон задумался. Он представил себе огромное стадо овец,

охраняемое несколькими пастухами и парой собак в дикой, полной волков степи.

— Я предлагаю, — сказал он, — после встречи сформировать колонну, которая начнет двигаться на гравиприводе в направлении цели. Таким образом, мы будем своевременно обнаруживать всех опоздавших, которые будут выходить из гиперпространства. Большинство наших сил, в случае чего, выйдут навстречу звездолетам Вильмута, если они появятся на нашем курсе. Одновременно по бокам и сзади колонны на равных расстояниях мы разместим «вооруженных разведчиков».

Барт нервно произнес:

— А если какие-нибудь опоздавшие появятся прямо по курсу движения колонны?

Джон пожал плечами.

— Наш план исключает такую возможность.

— Да, — кивнул Омниарх. — Кроме того, я предложил бы запланировать несколько небольших прыжков в нуль-пространство, чтобы избежать встречи с вильмутцами. Прыжки не вдоль нашего курса, а несколько в сторону, чтобы сбить их с толку. Джон поднял брови.

— Но это чревато происшествиями! Мы можем потерять кучу кораблей из-за того, что они вовремя не получат нужную информацию или из-за каких-нибудь поломок при прыжках.

Омниарх долго смотрел в сторону.

— Без сомнения. Без этого наше предприятие не обойдется. Хотя, конечно же, надо постараться свести потери к минимуму. Но, как говорите вы, люди, на войне, как на войне!

Ожидание становилось невыносимым.

— Выход!

Джон постарался одновременно контролировать показания детектора массы и экрана внешнего обзора.

О, боже! Две тысячи двести семьдесят девять кораблей на обычном удалении от них! И количество их беспрерывно росло! Шар детектора массы покрывался мелкой пылью изображений кораблей по мере того, как очередные корабли выходили из гиперпространства.

Цифры на экране компьютера мелькали, не успевая сменять одна другую. Темп нарастал. Минуты, десятки минут, часы тянулись в тягостном напряжении. Минута — и блеск! Минута — и три блеска! Две минуты — два блеска! Три минуты…

Джон смотрел на Омниарха.

— Ты установил временные границы для их появления?

— Они уже прошли, — темные глаза Омниарха внимательно следили за экранами. А количество кораблей намного меньше,

чем я ожидал. Мне трудно говорить об этом… Но тем не менее, двинулись!

Джон пробежал взглядом по детекторам дальнего обнаружения. До сих пор чужих кораблей замечено не было. Или, быть может, их скрывал блеск своих? Ведь большинство кораблей беглецов было украдено у вильмутцев. Сколько, интересно, шпионов могло скрываться на них?

Он повернулся к Омниарху:

— Мы оставим здесь один звездолет как маяк, который отправит последних прибывших к месту встречи.

— Если ты считаешь, что так будет безопасно, Джон Браузен, оставляй.

Омниарх неподвижно стоял рядом с интеркомом. Затем резким движением дотронулся до клавишей компьютера. В зале стали слышны голоса хелков-пилотов и командиров кораблей, докладывающих о состоянии звездолетов и количестве пассажиров на борту.

— Омниарх! Прежде всего выясни, сколько всего у нас имеется военных звездолетов и какого класса? И самое главное, убедись, что говоришь именно с представителями своего рода.

Хелк усмехнулся, а Большой Самец придвинулся и произнес:

— Не бойся, командор! Если мы уже начали восстание нашей расы, то ни один из нас не изменит Омниарху. Оставшиеся Большие Самцы или воины скорее погибнут в бою, сражаясь до последнего дыхания, чем запятнают свою честь предательством. Все наши сородичи никогда не смогут даже представить себя изменниками.

Джон с сомнением кивнул, оставляя проблему шпионов Омниарху.

— Выбери корабль, который мы оставим здесь, — сказал он старому хелку.

— Я уже выбрал. Тяжелый крейсер с полным вооружением и оборудованный сенсорно-лучевыми радарами. Он сейчас приближается к колонне сбоку. К твоему флоту мы добавляем одиннадцать боевых кораблей, Джон Браузен. Пять тяжелых и шесть средних крейсеров. Кроме этого, тебе будут приданы двадцать три «вооруженных разведчика». Они не имеют комплекта торпед, так как находились в ангарах, откуда их похитили.

Джон нахмурил брови.

— Это будет не очень большая помощь, если нагрянут большие силы противника.

— Пускай только сунутся. Свобода или смерть!

Джон скривился как от страшной зубной боли. Такое

положение дел его не устраивало. Но делать было нечего. Отступать уже было поздно. Вдруг на экране появились новые точки.

— Домиано! — крикнул он в микрофон.

— Да, сэр!

— Подготовка к гиперпрыжку. Готовность номер один! Быстро! Корабли противника!

— Есть, командор!

Активизировались системы корабля, обеспечивающие прыжок. Задержав дыхание, Джон наблюдал на экране внешнего обзора за кораблем, который был им оставлен в арьергарде. Дюжина или больше только что появившихся точек начали окружать его. Внезапно на детекторе появились новые корабли и сходу вступили в бой на гравиприводе. Скорее всего, это были опоздавшие хелки, которые вырвались из гиперпространства и, оценив безнадежность ситуации, ввязывались в столь безнадежный бой, даже не пытаясь бежать. Блестящие огоньки кораблей хелков гасли один за другим, по мере тот, как их настигали торпедные залпы вильмутцев.

Одному из кораблей обороняющихся удалось исчезнуть без помощи Вильмута, что означало, что он ушел в гиперпространство. Но куда он попадет? Ведь у экипажа совершенно не было времени для правильной ориентации прыжка! Хелки, находившиеся на его борту, были обречены на верную смерть. Оторвавшиеся от своего рода, они были похожи на муравьев, оставшихся без муравейника.

Медленно тянулось время. Вытянутый рой огоньков, высвеченный детектором, плавно разворачивался. Огромное их количество должно было рассредоточиться, чтобы при выходе из гиперсферы корабли не оказались «наложенными» друг на друга с последующим взаимным уничтожением. Со всех звездолетов, за исключением «Берты», нельзя было наблюдать из гиперсферы, что делается в нормальном пространстве. Находясь в прыжке, они были глухи и слепы.

— Джон! — голос Барта позвал командира к пространственной сфере. На самом ее краю появилась пурпурно-голубая точка, медленно перемещающаяся в центр сферы.

— Ты помнишь это?

Джон помнил. Он тут же повернулся к Омниарху:

— Мы движемся туда?

— Да, Джон Браузен!

— Мы уже были в этом месте!

— Да, командор! — Барт улыбнулся. — Но на тридцать минут позже.

И снова потянулось время, которое двигалось все медленнее и медленнее, хотя, как показали сенсоры и компьютер «Берты», все корабли хелков держали хороший темп. Однако некоторые из них оторвались от колонны настолько, что с трудом можно было уловить их сигнал. Джон и Вез присоединились к прогуливающемуся по палубе Омниарху.

— Как интересно, — сказал Джон, — каким образом эта система детекторов может регистрировать такие дальние корабли и отличать их от неподвижных объектов?

— Это связано с потреблением энергии. Даже на неподвижном корабле протекают энергетические процессы: регенерации воды, воздуха, работа аппаратуры и датчиков. Когда происходит пуск двигателя, то энергетическое излучение меняет свою частоту и вид. Это и регистрируется. Если же корабль будет мертв и его энергетика заморожена, то наши приборы, конечно, не смогут его обнаружить.

Джон пожал плечами и стал ходить по рубке. Время шло. Стрелка хронометра медленно двигалась по кругу Приближалось время выхода, когда все подняли головы и посмотрели на нее. Тонкая дрожащая стрелка сделала еще пару прыжков и…

ВЫХОД!

Экраны внешнего обзора были залиты огнями. Ожило радио. Из динамиков послышались различные слова. По-английски, по-гохдонски, на языке хелков. Заревела сирена. Джон посмотрел на приборы, ориентируясь в пространстве и определяя местоположение ближайших к ним кораблей, и отключил сирену. Омниарх, припав к экранам, комментировал увиденную картину.

— Два корабля вынырнули из гиперпространства и оказались частично вошедшими друг в друга. Произошла аннигиляция и пространство заполнилось продуктами распада. Два крейсера докладывают о неисправностях систем управления огнем.

Джон быстро сориентировался.

— Пускай отойдут от колонны подальше, на случай, если произойдет самопроизвольный пуск торпед.

— Они уже получили приказ сделать это.

Снова начался хаос. Корабли, которые во время прыжка отошли от колонны, стали сбиваться в клубок. Джон переключил управление на компьютер и с беспокойством стал наблюдать за детекторами массы. Вильмутцы могли захватить в плен хелков, которые были ранены, и узнать из их памяти место встречи. Он смотрел на экраны, где транслировалась картина внешней стороны рукава спирали и представил себе целый флот, мчащийся к ним через гиперсферу с неумолимой неотвратимостью.

Затем он увидел, что Омниарх включил прибор дистанционного контроля клипов и начал вращать рукоятки, Джону хотелось крикнуть: «Поторопись же! Быстрее!», но он все же сумел сдержать себя.

На мгновение Омниарх прервал свое занятие и сделал глубокий вдох, раздувший его и без того огромное тело. Две волосатые руки задрожали.

— Быстрей, хелк!

Казалось, что Омниарх сидит так уже много часов. Его руки медленно манипулировали рукоятками, глубоко посаженные глаза всматривались в показания датчиков. Внезапно он что-то нажал, опять вздохнул и медленно встал. Джон машинально бросил взгляд на хронометр — прошло не более четверти часа.

— Сколько еще это может продлиться? — не выдержал Барт.

Темные глаза повернулись в его сторону.

— Не более двух минут.

Джон смотрел на часы и не верил, что секундная стрелка может двигаться так медленно. Минута… Семьдесят секунд… Он посмотрел на сферу. Нет, там пока ничего опасного не было.

Они не были в гиперсфере, и поэтому ему приходилось следить за обычным детектором массы. Что он ожидал?

От времени, обещанного Омниархом, оставалось четыре секунды… две… одна…

Стрелка прошла отметку и двинулась дальше. Ничего не произошло. Не вышло! НЕ ВЫШЛО!!!

Джон почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. И вдруг, без предупреждения, без звука произошла какая-то перемена. Все палубы и рубка управления осветились пурпурно-голубым светом.

Джон с трудом втянул в себя воздух. В голове мелькнула мысль, что это какое-то смертельное излучение, от которого он распадается на составные части, даже не ощущая боли. И в самом деле, он ничего не чувствовал, кроме, разве что, странного напряжения. Но это было ему так знакомо… Он сосредоточился. Ну, конечно же, это был страх!

Вез что-то сказал, спокойный голос Омниарха возразил:

— Это всего лишь выделение энергии перехода. Конечно же ее видно на миллионы миль. Посмотрите на передние экраны.

Джон выдохнул воздух и услышал голос Ральфа, кричащего по радио:

— Командор! Оно имеет длину более двухсот миль и десять миль в диаметре. Но детекторы массы…

Сирена завыла с некоторым опозданием. Джон с трудом протянул руку, чтобы выключить ее. Откуда взялась здесь эта

огромная масса? Она материализовалась из ничего, внезапно проявилась в этой действительности. Все сенсорные датчики кричали об этом, не оставляя больше никаких сомнений.

Он увидел, что Омниарх что-то бормочет в микрофон на языке хелков, показывая волосатой рукой на экраны. Затем он увидел маленькую точку, которая мчалась рядом с появившимся огромным объектом. Джону хватило времени, чтобы сообразить, что это, и крикнуть:

— Цолл! Направь телескоп на этот маленький корабль хелков!

Воцарилась тишина. Через несколько минут Ральф отозвался:

— Командор! В неизвестном объекте образовалось отверстие, куда и влетел корабль.

Вез До Ган закончил свое кружение по палубе и остановился возле Омниарха:

— Я разделяю твое беспокойство о судьбе твоих сородичей, а также желание Джона заполучить женщин. Однако, мои цели заключаются в приобретении предметов, изготовленных клипами. Когда же мое желание исполнится?

— Когда первый исследовательский звездолет сообщит нам, что нет преград для моих сородичей, и они смогут начать загрузку Вивариума. По-видимому, из-за их разбросанности они не сразу смогут собраться вместе, да это и ни к чему, так как может начаться столпотворение, если все ринутся разом, хотя Вивариум и такой большой. Самое главное: полеты кораблей будут происходить через главный шлюз. И как только начнется погрузка, все пойдет как по маслу, и вы сможете заняться своими предметами, Вез. Естественно, в это же время Джон Браузен сможет вывести женщин. В сегмент, где они находятся, можно попасть только на корабле типа «разведчик». Что же касается твоих предметов, гохдонец, то я не смогу уделить им много времени, как и вам для дачи объяснений. Вы будете заниматься своими делами сами. Тем более, что множество предметов можно будет грузить на корабли прямо внутри Вивариума.

Вез не без повода изобразил на лице кислую мину.

— Спасибо и на том, хелк. По крайней мере, я проинформирую своих подчиненных о предстоящей тяжелой работе.

Джон хотя и внимательно вглядывался в экран внешнего обзора, все же пропустил появление маленького «разведчика», вынырнувшего из исполинского тела Вивариума. Ральф Цолл заметил его первым и доложил:

— Командор! «Разведчик» хелков! Квадрат 2–4.

Джон увидел, как Омниарх, старый, сильный хелк, уже начал

отдавать приказания своим соплеменникам. Он повернулся к Джону, и тот заметил, что глаза его горят торжествующим огнем:

— Большинство женщин живы и чувствуют себя превосходно. Мне жаль, что несколько из них погибли. Поверь, я в этом не виноват. Я предлагаю вам подняться на борт «разведчика» и тотчас же отправиться в Вивариум.

* * *

Корабли Веза и Омниарха отплыли в сторону, и «вооруженный разведчик», на борту которого находились Джон, Колтер и четверо других обалдевших от впечатлений мужчин, помчался к шлюзу, казавшемуся неправдоподобно маленьким на огромном теле Вивариума.

Однако внутри пространство оказалось столь огромным, что создавалось впечатление, будто внутри находится сам космос, только без ярких точек звезд. Несколько слабых огоньков исходило от кораблей, находившихся уже внутри.

В туннеле, в который вошел их корабль, они почувствовали, что просто потерялись. В конце концов они влетели в люк, которым кончался туннель, и обнаружили описываемый Омниархом центр круга.

Фред Колтер, сидящий в кресле второго пилота, направил мониторы на огоньки, горящие впереди. На экране высветился «разведчик». Джон наклонился над микрофоном:

— Говорит Браузен. Вызываю Омниарха. Это не ты летишь впереди нас?

— Да, Джон Браузен, если только мой оператор правильно идентифицировал твою радиоволну. Как дела? Ты мог когда-нибудь ожидать, что окажешься внутри солнца?

— Не понял, — Джон наморщил лоб.

— Шахта, в которой мы находимся, проходит через середину другой, более крупной шахты. А наружная поверхность мой большей шахты излучает тепло, свет и другие виды энергии к сегментам Вивариума. Эти сегменты имеют вид плоских цилиндров, установленных рядом с другой шахтой, параллельной солнечной вдоль их оси. И солнечный свет является отличным для разных сегментов. Представляешь себе?

— Весьма туманно, — наморщив лоб, Джон вглядывался в приборы.

Температура на обшивке корабля не поднималась!

— Не удивительно. Изоляция между шахтами весьма совершенна.

В пространстве между ними находится также огромное количество автоматов, обеспечивающих функционирование Вивариума, а также автоматические заводы, обычно не работающие, если не требуется их продукция. Там же находится и двигатель с гигантским запасом топлива, аппаратура движения в гиперсфере, а также приборы для работы со временем. Именно там и найдет Вез До Ган большую часть вещей, которые осчастливят его.

Омниарх захихикал.

— Я должен лететь дальше, Джон Браузен. Через минуту вы увидите корабль, который я оставил, чтобы указать вам вход в сегмент с женщинами. Советую вам входить осторожно; гравитационные условия и область, в которой они живут, достаточно своеобразны. Я бы с удовольствием проводил тебя, но боюсь напугать ваших женщин.

21

Это был длинный коридор, не слишком широкий даже для малого «разведчика», имевший боковые ответвления, которые, вероятнее всего, связывали внутреннюю и наружную шахты. Когда, наконец, они миновали очередной переход, их взору открылось огромное пространство. Джон зачарованно смотрел на панораму, раскинувшуюся перед ним. За несколько секунд они пролетели несколько миль над поверхностью мой гигантской площадки. Вверху, над ними, на огромной высоте проходила труба (примерно полмили в диаметре). Только небольшая ее часть, тот конец, со стороны которого они влетели, была темной. Остальные тридцать миль этой трубы излучали яркий желтый свет. Это и было местное «солнце».

«Суша» покрывала огромные стены цилиндрического сегмента шириной около восьмидесяти миль. На краях возвышались горы, в середине были долины и поблескивала вода — большие водоемы, в которые впадало несколько рек. Местность между реками и горами была поросшей лесом и небольшим кустарником. Трава и некоторые деревья имели привычный зеленый цвет, но были растения желтого и оранжевого цветов. На вершинах гор вдоль близлежащего хребта лежал снег. Видимо, «труба» давала не только освещение, но и смену времен года.

В голове у Джона сильно пульсировала кровь. Он направил корабль вбок, вдоль континента. Они летели довольно низко, не более десяти миль над поверхностью. Джон быстро застучал по клавишам, вводя в компьютер запрос, и через минуту машина выдала ответ, что на поверхности гравитация равна земной.

Затем он дрожащими руками направил телескоп на то место, где, по словам Омниарха, десять лет тому назад были оставлены женщины.

Но ничего не увидел.

— Вероятно, — бормотал он, — с тех пор они перенесли свой лагерь куда-то в более удобное место.

Он окинул взглядом экраны внешнего обзора.

Н_И_Ч_Е_Г_О_!_!_!

Фред Колтер стоял за его спиной.

— Омниарх упоминал какой-то ручей. Он говорил, что лагерь находится возле устья ручья, впадающего в небольшое озеро.

Джон внимательно вглядывался в проплывающую под ним местность. Его беспокоила боль в легких и желудке, от напряжения дрожал каждый мускул. Пусто! А день уже кончался…

Они спустились пониже и начали описывать медленные круги.

Внезапно Фред схватил Джона за плечо и закричал:

— Там! Вон там! Палатка! — тыкал он пальцем в экран.

Джон с трудом смог затормозить корабль.

С пистолетом в руке, на случай встречи с опасными животными, Джон вышел из люка. Запах травы напоминал Землю, но кусты вдоль ручья имели странный оранжевый цвет. Со стороны этих кустов доносилось слабое странное позвякивание. Рядом с Джоном шел Фред, а в нескольких шагах позади — остальные мужчины. Они бесшумно подошли к краю поляны и остановились в зарослях, наблюдая за лагерем. Он казался вымершим. Нервы Джона были натянуты до предела, он с трудом проглотил слюну. О, боже, как было бы хорошо сейчас попробовать хоть немного дрона… Глубоко вздохнув, Джон крикнул: «Эй!»

Но из горла вырвался какой-то сдавленный непонятный звук. Следующая попытка оказалась удачнее.

— Э-эй!!

В пятидесяти ярдах от них из зарослей донесся какой-то смутный, сначала отдельный, полный удивления вскрик, а потом и множество голосов.

И вдруг Джон и его товарищи на какое-то мгновение потеряли разум. Они побежали к этим кустам, одновременно что-то крича.

В глубине зарослей раздались крики и радостный плач, плач женщин!

И Джон сломя голову бежал на этот плач.

И тут из-за кустов появилась первая женщина…

Воцарилась странная, напряженная тишина. Две группы людей резко остановились и стали настороженно рассматривать друг друга.

Джон ощутил резкую боль в груди и испугался, что может не выдержать сердце.

Внезапно из группы женщин раздался тихий, полный недоверия, удивления и отчаяния голос:

— Фред?

Колтер на секунду задержал дыхание, затем втянул в себя воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Элиза?

Женщина, проскользнув между подругами, вышла из группы. Фред побежал ей навстречу. Они молча обнялись. Теперь слова не имели никакого значения.

Остальные стояли и смотрели на них некоторое время, не

двигаясь. Но затем обеими группами овладели ничем не сдерживаемые рыдания, и они бросились друг к другу…

22

Эвакуация женщин из Вивариума заняла четыре часа. И все это время Джон провел за пультом управления «Берты», тревожно ожидая появления блестящих точек, — кораблей Вильмута, которые в любой момент могли появиться в опасной близости от них, вынырнув из гиперсферы. Экраны дальнего обнаружения «Берты» показывали роение далеких «разведчиков» врага, которые обшаривали отдаленные рукава спирали, постепенно приближаясь к ним. Но пока что люди не были обнаружены.

Он сделал перерыв только для последнего похода в Вивариум за остатками личных вещей женщин. Его сопровождали четверо мужчин и молодая женщина по имени Лиза Дувал. Она била Старшей среди этой небольшой колонии землян. Она была небольшого роста, с очень гибкой и подвижной фигурой. Она была немногословна, но ее карие глаза с интересом следили за всем, что ее окружало. Пролетев вдоль центральной шахты к сегменту, они приземлились возле лагеря.

Когда были собраны все вещи, включая даже старые кресла и обломок зеркала еще земного происхождения, Лиза притихла, рассматривая опустевшее место, некогда бывшее их домом. Ее глаза стали влажными. Джон понимал девушку, ведь здесь прошло ее детство и первые девичьи годы. И ничего не было удивительного в том, что она ощущала печаль, навсегда оставляя это место.

Она повернулась к нему:

— Я знаю, что у нас мало времени и нужно торопиться с отлетом, но я хотела бы кое с кем попрощаться.

Джон с немым удивлением посмотрел на нее.

— Неужели, кто-нибудь спрятался и не хочет улетать? Почему же вы не захотели сказать нам об этом?

Она энергично покачала головой.

— Нет, нет. Это не человеческое существо, — она посмотрела ему прямо в глаза.

Он нахмурился и буркнул:

— Ну что ж, улаживай это дело, но как можно быстрее.

Они двинулись по тропинке, проложенной вдоль ручья, вдоль странных звенящих кустов, до лужайки, обрамленной деревьями, похожими на земные тополя. Они обошли возвышенность небольшого холма и вышли на берег озера.

Толстое создание с черным мехом, весом около пятидесяти фунтов внезапно появилось из норы на берегу и направилось к ним. Джон ничуть не испугался и с удивлением смотрел на это

странное создание. Только сейчас он разглядел чужое поселение с многочисленными норами в береговом откосе, возле крой норы находилось что-то похожее на веранду с террасой из сплетенных веток.

Вблизи животное напоминало очень большого и толстого бобра.

Оно имело большие мощные зубы, выпирающие из пасти, и приближалось к ним быстрыми плавными шагами.

Джон немало удивился, когда животное заговорило:

— Лиза! А я боялась, что ты не придешь попрощаться с нами.

— Я бы никогда так не поступила, — сказала девушка. — Но мы спешим и не можем долго задерживаться.

По щекам существа что-то пробежало, и Джону показалось, что это были слезы.

— Мы будем тосковать без вас. Нам будет очень не хватать тебя, Высокая Без Меха, Высокая Добрая Соседка.

Лиза тоже заплакала.

— Мы тоже будем скучать о вас, Добрые Соседи. Попрощайся за меня и за нас всех со своим мужем, твоими детьми и всем твоим племенем.

— Я сделаю это, Высокая Соседка. Мы очень рады за вас, что наконец-то нашлись ваши мужчины и прилетели за вами, — толстое создание подняло свои влажные глаза на Джона. — Вы сейчас увезете их навсегда?

— Мы должны это сделать, Милая Соседка.

— Мы никогда не забудем вас, — сказала Лиза, шмыгая носом. — И всего того, что вы сделали для нас. Мы навечно ваши должники и будем молиться за вас каждое утро и вечер.

— Да, вы были хорошими соседями. Мы вместе прятались от Большого Зверя, — вздохнуло существо. — Что мы теперь будем делать без вас? Мой муж сейчас делает оружие, однако что оно сможет сделать в наших слабых лапках?

— Другие существа, — сказала Лиза, — сильные и добрые будут жить здесь. Они не дадут вас в обиду Большому Зверю!

Существо забеспокоилось:

— Они большие? У них есть клыки? Они не будут есть нас?

Лиза вопросительно посмотрела на Джона.

— Хелки — цивилизованная раса. К тому же, они травоядные.

Девушка медленно встала с травы.

— Мы должны идти, Добрая Соседка, — произнесла она, вытирая слезы. — Должны.

Слезы обильно потекли по щекам существа.

— Прощайте навсегда. Могу ли я назвать тебя нашим именем? Мой муж говорит, что невозможно, потому что ты

другой расы.

Лиза кивнула:

— Я согласна, Добрая Соседка.

Существо встало на задние лапы и, подражая людям, поклонилось:

— До свидания, Наименьшая из Клана.

Лиза тихо плакала, пока они быстро шли к кораблю. Джон напоследок обернулся — толстое создание, неподвижно застыв на месте, печальными глазами смотрело им вслед.

* * *

Ситуация, сложившаяся на борту «Берты», была неожиданной и удивительной. Джон не смог объяснить ее, однако рассуждая логически, понял, что так и должно было быть. Однако Вез и горстка гохдонцев-специалистов, составляющих часть экипажа корабля, казалось, совсем не удивлялись этому.

Фред и Элиза Колтер разместились в отдельной каюте.

Остальные же женщины и мужчины странно уклонялись от образования пар и создания семей. Женщины хотели и дальше жить группой в какой-нибудь части «Берты». Тот же хотели и мужчины. Это отнюдь не значило, что среди них не возникало связей (о которых все знали и постоянно подшучивали друг над другом), но, пока еще преобладало взаимоуважение личной независимости. Быть может, это было следствием долгой жизни обеих групп в изоляции, а может быть, было порождено чувством большой ответственности, какого-то значительного самопожертвования для будущего своей расы. Во всяком случае, почти не было проблем с соперничеством, хотя мужчин и было больше, чем женщин в два раза.

Переход хелков в Вивариум был уже почти закончен. Флот Вильмута, продолжая поиски, неумолимо приближался к границам действия детекторов, которыми они могли обнаружить людей.

Джон и Вез в нетерпеливом ожидании прогуливались по рубке управления. Время от времени они встречались лицом друг с другом, хмурили брови и расходились в разные стороны. В конце концов, Вез не выдержал, остановился и заговорил с Джоном, глядя ему прямо в глаза:

— Приятель, я должен уладить с тобой кое-какое дельце.

Джон вздохнул и тоже остановился.

— Ты имеешь в виду, сколько нам еще придется торчать здесь, охраняя Вивариум?

— Несомненно. Ты получил своих женщин, а я свои предметы. И мы понимаем друг друга. А наше понимание Омниарха и его целей не столь полное и не такое тесное. Должны ли мы откладывать осуществление своих планов и замыслов, ожидая пока он попусту тратит время, изучая управление Вивариумом?

Джон внимательно посмотрел на собеседника.

— Я думаю, что он вот-вот кончит. Не забывай, что наш договор обуславливает это время для его нужд.

— Я это прекрасно помню. — Вез был раздражен. — Но сколько продлится это время?

— Не знаю. Но насколько я себе представляю, он занимается не пустопорожними разговорами, а делом, не уделяя времени даже для сна, отдыха и еды.

Вез со злостью раскрыл ладонь в знак согласия.

— Не делай из меня палача, Джон Браузен! Я ведь не ратую за то, чтобы мы тотчас же убрались отсюда. Но сколько же может длиться это ожидание?

Джон удержал закипевшую злость.

— А ты постарайся не делать из меня машину с запрограммированными ответами. Хорошо? Я не хочу отвлекать его по пустякам, но все-таки свяжусь с ним и спрошу.

Вез изобразил на лице хмурую мину, словно этот ответ его не удовлетворил.

Видеосвязи с Вивариумом не было (почему-то этот вид волн его стены не пропускали), поэтому они не видели выражения лица Омниарха, но в голосе его чувствовалась чрезвычайная усталость.

— Я понимаю ваше нетерпение, но ничего не могу поделать. Наша работа дала определенные результаты, но они еще не совсем те, которые нужны. Ситуация сложилась так: я почти уверен, что смогу овладеть аппаратурой движения во времени, однако в разных частях Вивариума мы натолкнулись на повреждения в управляющих цепях. Эти повреждения не являются следствием метеоритных атак, а скорее всего произошли из-за какой-то внутренней аварии очень много лет назад. Я не обратил на это внимания, когда был здесь в последний раз. Есть даже пролом в стенах между сегментами. Может быть, твои женщины могут об этом что-то рассказать. Я не знаю, могут ли другие повреждения механизмов повлиять на прыжок во времени. Ты помнишь, что я отправил Вивариум из нашей действительности в прошлое на несколько минут. На этот раз я должен отправиться с ним на тысячу лет назад для тот, чтобы Вильмут навсегда забыл о такой расе как хелки. Мы сейчас работаем очень много, пытаясь

обнаружить каждую неисправность и ее влияние на работу аппаратуры. Я прошу вас об одном: дайте мне еще десять часов! Вы можете сделать это?

Джон посмотрел на Веза, который со злостью сделал подтверждающий жест открытой ладонью.

— Мы сделаем это! И желаем тебе счастья, — сказал Джон.

23

Круговой поиск вражеских эхо-сигналов продолжался. Детекторы дальнего обнаружения не регистрировали приближения чужих кораблей. Так прошли два часа, потом следующие два. Джон уже стал надеяться, что вильмутцы уже потеряли надежду отыскать беглецов в этом районе космоса.

И вдруг подала голос сирена.

Джон взглянул на шар детектора массы… О, боже! Район вокруг центра шара был полон мощных сигналов. Компьютер детектора выдавал данные: тысяча четыреста… тысяча шестьсот… две тысячи… Никогда, за исключением собравшихся в своих звездолетах хелков, он не видел такого огромного флота. И все корабли были военными!

Нажав несколько кнопок, он пробежал взглядом по экранам, и опять его пальцы пробежали по рядам кнопок. В интеркоме послышалась смесь голосов на английском, на гохдонском и на языке хелков (несколько их боевых звездолетов охраняли вход в Вивариум). Он не мог ожидать от них многого. Только бы устояли хотя бы на своих местах! Он глянул на Вез До Гана. И через мгновение тот забормотал приказы подчиненным.

Все было ясно и просто.

— Приготовиться к бою!

Голос Домиано включился в общий разговор:

— Командор! Омниарх хочет поговорить с тобой!

Джон на секунду заколебался, потом ответил:

— Давай его!

Радиоволны с трудом пробивались через эфир — Джон едва различал слова хелка:

— Джон Браузен и Вез До Ган! Мы зафиксировали появление флота Вильмута. Я не могу вас просить об организации обороны против такой армады. Но я прошу у вас всего несколько минут — десять или пятнадцать… Если вы сможете столько продержаться, то мы рискнем включить аппаратуру в том состоянии, в каком она есть сейчас. Если все пройдет нормально, то Вивариум исчезнет с ваших глаз навсегда. Тогда вы сможете стартовать с чистой совестью и нашими наилучшими словами за содеянное. Самое большое пятнадцать минут. Согласны?

Джон повернулся к Везу. У гохдонца было странное выражение лица. Браузен почти догадался, о чем думает этот человек. Решиться остаться здесь на пятнадцать минут… Они оба понимали, что с их флотом шансов у Омниарха неизмеримо больше, чем без них, даже за эти пятнадцать минут. Вез раскрыл

ладонь в согласии.

Джон коротко бросил в микрофон:

— Только пятнадцать минут! Держись!

И занялся приготовлениями к этому поспешному бою, который ему сейчас предстоял.

Внезапно из динамика донеслись спокойные, но очень знакомые слова — в рубке послышался голос вильмутца:

— Вез До Ган? — поинтересовался голос. — Отзовись, если ты на борту одного из этих жалких суденышек!

Гохдонец вздрогнул и заморгал глазами, затем засмеялся и сделал жест открытой ладонью. Джон, первоначально застигнутый врасплох, пришел в себя и понял — если враг хочет говорить, то это просто замечательно!

Вез наклонился к микрофону:

— Здесь Вез До Ган! Кто спрашивает меня и зачем?

Из динамика раздался звук, похожий на хихиканье и бормотанье одновременно.

— Меня зовут Бульвенорг, я назначен главой всего этого флота, цель которого тебе, без сомнения, ясна. Как тебе нравится мое небольшое соединение, гохдонец? Кстати, мы с тобой когда-то встречались на конференции по делам мелких изменений в соглашении между нашими империями. Понимаю, что ты сейчас занимаешь позицию, аналогичную той, которую я занимал совсем недавно.

На лице Вез До Гана отразились гордость и превосходство, когда он ответил:

— Я хорошо тебя помню, Бульвенорг. Ни одному из нас не удалось повлиять на результаты конференции, но сейчас у нас есть шансы, не так ли? Кроме этот, я тоже выполняю специальную миссию. Да, если говорить о твоих кораблях, то, без сомнения, это импозантное зрелище. Беря также во внимание прежнюю ситуацию… Я почти уверен, что цена сражения немного другая, чем в тот раз. Мне было бы по-настоящему жаль, когда бы пришлось это доказывать таким способом.

Раздался издевательский смех.

— Ты можешь легко избежать этого. Скоро мы поболтаем с тобой в другой обстановке. Да, кстати, это ты приложил руку к военным беспорядкам на территории бизхов? Знаю, что эти нападения были осуществлены несколькими недобитками, случайно уцелевшими отдельными особями земной расы, которая была настолько глупа, что рассердила нашего властителя одной из провинций. Мне пришла в голову мысль, что эти отщепенцы сейчас могут быть с тобой. Ты можешь успокоить мое любопытство, подтвердив это допущение? Хотя, собственно, это

не имеет никакого значения.

Джон тотчас же отозвался, опередив Веза. Может быть, это било и глупо, но он уже не мог сдержаться от бешенства.

— Говорит один из этих отщепенцев, Бульвенорг! Я всегда к твоим услугам! Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, кроме одного — убить?

Следующее мгновение только шум работающей аппаратуры нарушал молчание. Дате переговоры других кораблей стихли, и Джон понял, что все прислушивались к их диалогу. Затем вильмутец заговорил:

— Это случайно не Джонатан Браузен?

— Что с того?

Бульвенорг вздохнул:

— В общем-то ничего. Это подтвердило еще одно мое предположение. Ты великолепный тактик, Браузен. Я даже начинаю жалеть, что твоя раса была уничтожена нами. — Вильмутец сделал короткую паузу, затем обратился к Везу:

— Гохдонец, война между нашими империями не является ни твоим ни моим делом. Пойдем на компромисс. Забудем об этой небольшой, хотя и неприятной операции с хелками. Я понимаю ее цель. И если тебе это интересно, та я даже солидарен с тобой… Ты получил все, что хотел. Ты можешь оставить себе несколько этих мужчин, если питаешь к ним какие-то сентиментальные чувства или считаешь их очень ценными наемниками. И несколько кораблей, которые ты захватил, можешь оставить себе. — Он помолчал. — Все, что я хочу, это вон то, громадное, на что я сейчас смотрю, а кроме того, всех хелков, понимаешь, всех до единого, они должны получить по заслугам. И вон тот огромный звездолет, на борту которого они наверняка находятся.

Вез посмотрел на Джона и улыбнулся. Затем сказал в микрофон:

— Ты просишь меня о вещах, которые я тоже не понимаю. Могу сказать только одно, что знаю об этом огромном теле, о котором ты упоминал, только то, что видел, как все хелки вошли в него. И, по крайней мере, ни один из них до сих пор не вышел наружу. Думаю, что они хотят остаться там. Как ты знаешь, рабство не является характерной чертой цивилизации Гохд, оно противоречит всей нашей этике, поэтому ты не должен просить меня помочь тебе в поисках беглецов. А если говорить о корабле, то он мой, и на его борту нахожусь я со своим экипажем. А это значит, что он является суверенной территорией Гохда…

Бульвенорг прервал его:

— Остановись, Вез До Ган! Неужели ты думаешь, что моя империя позволит оставить в ваших руках такое количество

изделий клипов? Думам, что пора уже заканчивать эти наши ненужные разговоры!

И в подтверждение этого на экранах радаров и детекторах массы появилась туча торпед первого залпа. Бульвенорг констатировал:

— Если ты не выполнишь моих требований, то мы, я с сожалением должен проинформировать тебя об этом, начинаем войну с вашей империей.

Вез потемнел от злости.

— Мы — не хелки, Бульвенорг, и у нас не одна безоружная солнечная система! Мы сумеем постоять за себя! А что касается твоих угроз…

Тихий голос Домиано раздался из командирски динамика:

— Командор! Через минуту хелки будут готовы к прыжку.

Сердце Джона забилось сильнее. Улыбаясь, он подал знак Везу и посмотрел на экраны, транслирующие изображение Вивариума и нескольких вооруженных кораблей хелков, которые, развернувшись, ринулись во входные отверстия гиганта. Он положил палец на клавишу на пульте компьютера и быстро проговорил в микрофон:

— Внимание всем, всем, всем! Через пять секунд уходим! Компьютеры переключить на управление прыжком!

Вез, громко смеясь, прервал разговор с вильмутцем и быстро повторил приказ по-гохдонски. Затем открытой ладонью подал знак Джону. Джон сильно нажал клавишу «Нуль» и…

И ничего не произошло.

Вез и Джон посмотрели друг на друга, едва слыша доносящиеся из динамиков угрозы Бульвенорга.

Экраны озарились вспышками разрывов первых торпед, попавших в их защитное поле и уничтоженных им.

Джон отметил, что защита работает на пределе. Он нажал еще несколько клавиш, задавая программу компьютеру и одновременно подавая команду эскадре:

— Уходим на гравиприводе!

Он еще раз попробовал нажать клавишу «Нуль», но вновь ничего не произошло, хотя приборы показывали, что вся аппаратура и двигатель готовы к прыжку. Команда, отданная компьютеру, включила гравипривод, но «Берта» ни на йоту не сдвинулась с места!

Голос Бульвенорга замолк. Торпеды теперь летели беспрерывно. Внезапно «Берта» задрожала. Попадание! Заревели аварийные сирены, но приборы показали, что обшивка корабля не повреждена. Шум стоял такой, что Джон едва слышал голоса из интеркома. Он до предела усилил звук и наклонился к динамику.

— …не входим в подпространство? — Ральф Цолл отчаянно кричал.

Ошеломленный Джон смотрел на экраны и вдруг понял, что все остальные корабли исчезли, а «Берта» осталась одна против флота врага; наедине с двухтысячной эскадрой Вильмута.

Очередной грохот — это вражеская торпеда прорвала оборону, миновав огонь малых противоракет и лазерных лучей, Джон почувствовал, как борются его люди с повреждениями и его охватила гордость за них. Нет, мы не сдадимся! Но как сейчас слаба была их оборона! Даже если этот мощный корпус выдержит, то выделяющаяся при прямом попадании энергия непременно уничтожит их.

Вез нажал какие-то кнопки на панели компьютера и крикнул в микрофон:

— Домиано! Соедини нас с Омниархом!

Сильный голос старого хелка долетел до них, едва пробившись сквозь помехи, создаваемые врагом с помощью специальных устройств, препятствующих работе компьютеров.

— Клянусь честью, Вез До Ган! Это не я вас задержал! Джон Браузен, это… О, боже! Единственное, что приходит мне в голову, то, что Вивариум вошел в состояние автоматической обороны. И поэтому задерживает каждый корабль клипов, находящийся рядом. Мы сейчас исследуем все механизмы, выключающие эту оборону. — Омниарх внезапно замолчал и сделал сильный вдох. — Послушайте, друзья! Если вы продержитесь еще минуты две, то мы уйдем в подпространство. Нам уже почти удалось отключить эту идиотскую оборону!

Джон и Вез таращились друг на друга и молчали. Потом оба повернулись к хронометру.

Удары и сотрясения следовали беспрерывно. Кто-то выругался по интеркому от бессилия и злости. Барт Ланге доложил:

— Крышка люка сорвана!

Джон повернул голову и посмотрел на пульт контроля жизнеобеспечения корабля. Который из люков? Мозг землянина давал сбои. Ах, вот этот! Часть корабля, куда попала торпеда, была изувечена взрывом, герметические перегородки отсекли утечку воздуха. Что еще можно было сделать кроме того, как наблюдать за прыжками стрелки хронометра?

Затем он внезапно ощутил, что внутри него все сжалось и перевернулось. Он попытался вскочить с кресла, но потерял равновесие и упал на пол, ничего не соображая…

24

Фигуры людей в рубке «Берты» зашевелились. Барт Ланге прохрипел, шаря вокруг себя руками:

— Что случилось?

У Джона в голове все перемешалось, словно он тысячу часов пробыл в камнедробилке, но все же долг был превыше всего, и он заставил себя собраться и сжать свое сознание в кулак. Первым делом он попытался оценить ситуацию, окинув взглядом показания приборов и детекторов.

— Похоже, что мы пробили нуль-пространство, — сказал он через мгновение. Потом неуклюже подполз к своему креслу и взгромоздился на него. Наклонившись к микрофону, сказал:

— Всем членам экипажа! Приказываю осмотреться в отсеках и на палубах, попытаться по мере сил устранить повреждения в аппаратуре. Курсограф дает направление нашего движения к империи Гохд.

Домиано слабо отозвался:

— Что произошло, сэр?

— По всей вероятности, Вивариум удерживал нас от входа в подпространство, а как только он сам исчез, то следом провалились и мы. Попал ли он в свое прошлое… неизвестно. Во всяком случае он исчез, и это позволило нам двигаться. По крайней мере, мне так кажется. Мы вынуждены будем довольствоваться тем, что осталось. Что же касается других кораблей, то, вероятнее всего, они ушли в гиперпространство согласно моему приказу. — Он посмотрел на Барта.

— Сколько «разведчиков» у нас на борту?

Барт задумался.

— Четыре. По крайней мере было тогда, когда…

— Выясни, — приказал Джон и обернулся, уловив движение за своей спиной. Лиза Дувал вошла в рубку. Она была бледная, но спокойная. Он спросил ее:

— У вас все в порядке?

Она медленно кивнула головой.

— Мы только очень испугались. Что произошло?

— Я думаю, что выяснение этого вопроса займет у нас много времени. — Он улыбнулся. — Но сейчас уже неприятности позади, по крайней мере, мне так хочется думать.

Стоящий перед детектором нуль-пространства Ланге завопил, показывая на него:

— Джон, смотри!

Джон подошел поближе. Барт показал на знакомый пурпурно-

голубой блеск вблизи центра шара.

— Вот это! Это тот самый знак, показывающий, где мы были, — он засмеялся и показал на рассеянные маленькие точки. — Вильмутцы рассредоточились на маленькие группки и, вероятно, начали новые поиски. Бьюсь об заклад, что они готовы сразиться сами с собой!

Подошедший Вез произнес важным голосом:

— Пока они там остаются, они не смогут атаковать Гохд. Мы будем дома задолго до них. И будем готовы на случай, если они осмелятся реализовать свои угрозы!

Сейчас, когда все было позади, Джон ощутил страстное желание почувствовать во рту вкус зернышка дрона. Но он заставил себя выдержать эту пытку, сейчас он не мог позволить себе даже глотка алкоголя, чтобы заглушить это чувство. Он посмотрел вслед уходящей Лизе, которая пошла успокоить женщин, и опять повернулся к Везу:

— Твои корабли доберутся до баз быстрее нас. Поэтому я предлагаю, чтобы мы прежде всего полетели к той планете, которую ты подарил нам. Если ты не против, мы используем ее в качестве базы.

— Конечно. Но мне потребуется один из ваших кораблей и несколько передатчиков.

Джон ответил движением открытой ладони. Затем посмотрел на часы, показывающие время выхода из гиперсферы. Оставалось два часа и пятьдесят минут. Время двигалось так медленно, как оно могло течь только здесь, в н_и_г_д_е_! Но стрелки хронометров все-таки двигались безостановочно, и вскоре оказалось, что до выхода осталось всего десять минут. Барт опять подошел к детектору нуль-пространства и наморщил лоб.

— Сотрясения, которые получила «Берта», могли разрегулировать этот прибор. Он не может сейчас даже показать положение звездной системы нашей планеты.

Джон вздохнул:

— Разве ты не знаешь, что звезда там двойная? Мы попадем куда надо.

— Не сомневаюсь. Но все-таки все это выглядит не так, как должно было быть. Мне казалось, что я очень хорошо запомнил эту часть пространства.

— С приборами или без них, мы найдем нашу планету. Я знаю этот район, как свой карман.

В конце концов, они все же отыскали планету, хотя поиски продолжались значительно дольше, чем они планировали.

ВЫХОД!

Джон медленно подвел «Берту» к атмосфере планеты. Они

вышли на ночную сторону и радаром обследовали озерцо и берег. Затем снизились и послали запрос.

Ничего! Никакого ответа!

Джон снизил звездолет на минимальную высоту и включил экраны внешнего обзора. Все выглядело не так, как должно было быть. Джон почувствовал нарастающую тревогу. И через мгновение убедился в своих подозрениях. На планете не было ни одного «разведчика», хотя, когда они улетали, они оставили здесь несколько штук. На месте их стоянки виднелась какая-то металлическая груда хлама, заросшая кустами и несколькими деревьями. Не было ни малейших следов построек, или каких-нибудь следов пребывания людей.

Джон медленно повернул голову к Везу.

— Мне кажется, что будет лучше всего, если мы как можно быстрее покинем это место и вернемся к какому-нибудь цивилизованному обществу, если таковые еще существуют.

Вез медленно, в знак согласия, раскрыл ладонь.

25

«Берта» кружилась вокруг спокойно выглядевшей планеты несколько часов на высокой орбите, чтобы не испугать ее обитателей, пока Вез До Ган не вернулся на малом катере. Он рассказал подробности своих исследований, о которых кое-что они уже знали.

— Я едва мог с ними разговаривать, — сказал он. — Они сильно изменились в культурном отношении. Язык просто стал варварским. У них есть старинные предметы из металла, на которые они просто молятся. Я внимательно прослушал некоторые их легенды.

— Как давно это произошло? — перебил Джон.

— Я пробовал установить дату и получилось что-то около одиннадцати или двенадцати тысяч лет тому назад. Но я мог и ошибиться. Они даже не удивились, увидев меня. Культура их предков, судя по всему, была межзвездного происхождения. Я не пробовал объяснить, что прибыл из далекого прошлого, и что некоторые из них вполне могут оказаться моими потомками. — Он слабо улыбнулся. — Я оказался не в таком плохом положении, как вы, когда считали, что все ваши женщины погибли. Наши женщины там, внизу, выглядят здоровыми и привлекательными.

Джон уставился в пол.

— Ну что ж, — наконец произнес он. — Ничего не поделаешь. Теперь вот что — ты останешься с нами? На борту находятся многие вещи, принадлежащие тебе, не говоря уже о самом корабле! Конечно, могут найтись другие миры, похожие на Гохд, но только более приспособленные и более развитые чем этот.

Вез вздохнул:

— Я думаю, что этого не будет. Я даже не уверен, что хотел бы насаждать знания в этот, едва вступающий в жизнь мир. Я думаю, надо будет здесь и остаться, — он опять улыбнулся. — Ты не будешь против, если я со своими четырьмя товарищами останусь у вас?

— Конечно те нет! Большинство из нас осядут на той планете, которую ты подарил нам несколько тысяч лет назад. И по крайней мере, на какое-то время, я думаю, мы будем счастливы. А что касается «Берты»… решай сам. В конце концов, это ведь твой корабль.

— Не надо, Джон Браузен. Будем считать, что этот корабль наш общий, хорошо? Мы должны сделать на нем несколько разведочных полетов, пока еще мы недостаточно прочно приросли к этой земле.

— Удостовериться, что случилось с империей Вильмут, не так ли? Или что произошло с другими космическими культурами?

— Да, Джон.

Браузен подумал немного и потом сказал:

— Есть еще одно место, где бы я хотел побывать напоследок.

Вез улыбнулся.

— Я понял. Наверняка, ты имеешь в виду Землю.

* * *

«Берта» задержалась возле зеленой планеты почти на целый местный год, который был немного длиннее земного. Затем они осуществили двенадцатичасовой прыжок и убедились, что ситуация, в которой оказалась империя Вильмут, так же самая, что и в империи Гохд. Скорее всего и империи Бизх была уготована та же судьба. В общем, в обоих рукавах Галактики больше не существовало сколько-нибудь значимых космических культур.

Они натолкнулись на следы, очень слабые, давней межзвездной войны, которая произошла, по меньшей мере, десять тысяч лет тому назад. И которая уничтожила все культуры, овладевшие глубоким космосом в этом секторе Галактики, а их жалких обитателей отбросила на самую низкую ступень развития. Не осталось никаких подробностей о событиях тех дней.

Сделали они несколько путешествий и в эти миры. С одного из них Вез привез симпатичную молодую гохдонку, которую звали Фрезелия. После полутора лет жизни на зеленой планете Джон с Бартом Ланге, Луисом Домиано, Ральфом Цоллом, а также с Лизой Дувал посетили Землю.

По разным причинам Джон смог увидеть Веза только спустя год после возвращения из этого полета. Вез был любопытен и интересовался, в каком состоянии находится Земля.

— Мы поначалу были просто ошеломлены, — рассказывал Джон. — Не говоря уже о том, что воздух и почва перестали быть радиоактивными, а вода потеряла половину первоначального уровня радиации — там появилась жизнь! Мы видели кусты, которые были похожи на меховую шкуру какого-то экзотического животного. Видели траву, местами зеленого, местами пурпурного цвета. От следов былой катастрофы не осталось и следа, — он посмотрел на дом, в котором сейчас жил (они сидели на скамейке в небольшом садике перед домом и потягивали пиво, весьма неплохое). — Мы были уверены, что вся жизнь была там полностью уничтожена. Но, видимо, семена и кое-какие бактерии

все же сохранились. Может быть, они были где-то глубоко под поверхностью или вморожены в лед, и излучение их не достало. А затем некоторые из них вернулись к жизни, — он сделал пару глотков. — Я до сих пор не понимаю, как это все произошло в океане. Может быть, какие-то формы жизни находились в океанских впадинах или в иле, где их не уничтожили химические превращения, происходящие в толще вод. Во всяком случае, океаны Земли сейчас наполнены микроскопическими водорослями и самыми примитивными формами животной жизни. Думаю, что эти водоросли в довольно быстром темпе смогут восстановить атмосферу.

— Какой сейчас процент кислорода? — спросил Вез.

— Около десяти процентов. Мы подсчитали, что через год там уже может быть около четырнадцати процентов!

— И вы смогли бы поселиться там?

— В принципе это возможно, но пока что я не вижу в этом никакого смысла. Содержание кислорода все еще низкое. Пока что мы планируем доставить туда деревья, траву, а для рек и озер рыб, которые смогли бы акклиматизироваться в нынешних условиях Земли.

— А что с морями? Много ли еще радиоактивных веществ в них?

— Нет. Большинство уже очистились. Морских животных тоже надо будет завезти, если мы найдем какие-нибудь подходящие для нас виды.

Вез улыбнулся:

— А кроме этого? Ты уже что-то присмотрел?

— О, конечно! В районе, где некогда владычествовал Вильмут, есть несколько планет, я их специально посетил с этой целью, на которых растут растения, способные легко приспособиться к нынешним земным условиям. Сейчас я планирую полететь туда и захватить некоторые образцы, чтобы акклиматизировать их на Земле.

Вез вздохнул:

— Ты не побывал в маленьких империях в отдаленных районах Галактики? Я имею в виду торговые миры…

— Мы наведывались в некоторые. Большинство из бывших полных жизни миров перестало существовать. Эта война… — он замолчал на мгновение. — Мы побывали даже на Дронгалии. Из чистого интереса. Сейчас это просто обожженная, спекшаяся масса шлака, летающая по орбите вокруг своего солнца. Нигде нет даже зернышка дрона.

Вез удивленно вскинул брови:

— Что?

Потом он улыбнулся и лукаво спросил:
— И какое впечатление это произвело на тебя?
Джон повернулся и обнял за плечи сидящую рядом Лизу.
— Для меня это было абсолютно безразлично. Чистая правда!

А. Реймонд. МЕРТВЕЦЫ С «ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ»

ПРОЛОГ

АРС-3-ИТА реаматериализовался в каталогизированной гиперточке в восьми световых годах от Солнца. Грузовой корабль дальнего радиуса действия, он весил восемнадцать миллионов тонн и возвращался с Бета Кита-4.

Корабль был гружен биочипами — компьютерными переключателями, изготовленными на четвертой планете системы Бета Кита. Подходящих условий для их производства не было больше ни на одной из планет Федерации. Эти переключатели составляли ядро любой новейшей компьютерной системы. Так что даже и при высокой стоимости транспортировки, продавая их по всей Федерации, «Транс Фед компани» все равно имела огромную прибыль.

На пульте управления замигал красный свет.

Алек Романов, Первый офицер, единственный человек на командном мостике в это утро, дрожащими пальцами нажал на клавиши интеркома.

— Капитана Белугу немедленно на мостик.

— Что случилось? — осведомился Белуга.

— Все же лучше всего будет, если ты немедленно поднимешься на мостик, — сказал Романов, невысокий темноволосый русский.

— Уже иду, — донеслось из интеркома.

Первый офицер переключил дисплей на терминал данных, и информация побежала по экрану. Через пару минут капитан Стюарт Белуга проскользнул в дверь рубки и прямиком направился к пульту, держа в правой руке дымящуюся чашку кофе.

— Что за дьявольщина, Алек? — пробурчал он, опускаясь в свое противоперегрузочное кресло и подтягивая к себе командный модуль.

Романов хотел было пуститься в объяснения, однако Белуга уже заметил мерцающий сигнал. Он отставил чашку и сразу же включил интерком и корабельную сирену.

— Стилмэн, Хедди, Багс, немедленно на мостик! — скомандовал он. И тут же вызвал на связь бортовой компьютер.

— Охранительница? — мягко спросил Белуга, памятуя, что никогда нельзя кричать на бортовой компьютер, если хочешь, чтобы он функционировал безупречно.

— Да, Стюарт, — ответил мягкий, женственный голос над головой Белуги.

— Место и идентификация сигнала бедствия.

— Я могу сообщить только то, Стюарт, что это автоматический сигнал бедствия. Но я, конечно, могла бы уточнить эту информацию, если ты переключишь на меня бортовые системы.

— Хорошо, — сказал Белуга. Некоторое время было тихо. Охранительница работала.

— У них на борту, кажется, нет Охранительницы, — внезапно сказал компьютер. Белуга изумленно поднял брови.

— Что? — он был поражен. Ни один корабль не может ориентироваться в глубоком космосе без координирующей компьютерной системы.

— Корабль, видимо, очень стар: первобытная модель.

— Что еще?

— Автоматический сигнал бедствия. Нет Охранительницы. Никакой реакции на радиосигналы. Главный двигатель, очевидно, атомный.

Белуга подскочил от неожиданности. Сердце бешено колотилось. Атомный двигатель на межзвездных кораблях существовал только в исторических книгах. Подобный тип двигателя в Федерации не использовался уже лет пятьдесят. Именно в те времена был разработан гипердрайв, а межзвездные путешествия еще не вышли за стадию исследований.

— Это исследовательский корабль?

— Он идентифицирован как «Добрая Надежда», но в моем банке данных о подобном корабле сведений нет.

Руперт Стилмэн, навигатор, зевая, поднялся на мостик. Сигнал тревоги безжалостно разбудил его.

— Что случилось, Стью? — спросил он.

— Сигнал бедствия. Кажется, какой-то исследовательский корабль. Древняя модель. С атомным двигателем.

Стилмэн окончательно проснулся. Он бросился в противоперегрузочное кресло и передвинул пульт на удобную позицию — так, чтобы он был перед глазами. Его пальцы заиграли на переключателях, и Охранительница начала выдавать информацию.

— Мы уточняем нашу относительную скорость, — сказал капитан. — Они, вроде бы, движутся со скоростью семьдесят процентов от световой.

Томас Хедди, офицер, и Хэл Багс Богарт, главный механик, поднялись на мостик.

— Мы приняли сигнал бедствия. Надо идти на сближение и выяснить, в чем дело, — бросил Белуга через плечо.

Томас и Багс заняли свои места. Управление кораблем приняли Стилмэн и Охранительница. Когда все были готовы,

Белуга начал отдавать распоряжения.

— Том, мне нужны сведения об атмосфере на борту этого корабля.

— Хорошо, — отозвался Хедди.

— Багс, посмотри, что ты сможешь разузнать вместе с Охранительницей. И передай мне на контрольный экран.

Белуга повернул выключатель приборов наблюдения. Он направил камеры на цель и дал сильное увеличение. Перед ним, на расстоянии примерно тысячи километров, плыл самый огромный искусственно изготовленный аппарат, который он когда-либо в своей жизни видел.

— Охранительница, — позвал Белуга.

— Да, Стюарт?

— Мне все-таки нужна информация о корабле, к которому мы приближаемся.

— При помощи локатора я узнала не слишком много, Стюарт, но ты и сам видишь, как велик этот корабль.

— Точнее!

— Он приблизительно кубической формы с длиной ребра в 3,1 километра. Масса — девяносто восемь миллионов метрических тонн.

Белуга присвистнул сквозь зубы:

— А как насчет электромагнитных волн?

— Никакой заметной активности, кроме сигнала бедствия.

— А система жизнеобеспечения?

— Мы с Томом не получили никаких точных данных. Их защитный экран довольно мощен. Рассеянное излучение указывает скорее всего на термоядерный реактор. Я оцениваю вероятность того, что система жизнеобеспечения все еще функционирует, по меньшей мере на девяносто семь процентов.

— Спасибо, — сказал Белуга. — Расстояние?

— Еще шестьдесят секунд до стыковки, — сообщил Стилмэн, лица которого не было видно за контрольными приборами. — Я задам направление по кривой, чтобы добраться до полярной грани. Там, кажется, имеется что-то вроде приемного шлюза или посадочной площадки.

— Охранительница, — спросил Белуга, — ты можешь измерить силу тяжести, создаваемую генератором?

— Нет. Кроме того, если принять во внимание скорость вращения, то можно заключить, что на борту нет никаких генераторов искусственного тяготения.

— Боже мой! — громко сказал Белуга. — А как велика вероятность, что этот корабль человеческий? В частности, земного происхождения?

— Почти сто процентов.

— Боже мой, — повторил Белуга.

* * *

Несмотря на усовершенствование гипердрайва, проблема межзвездной связи до сих пор не была решена удовлетворительно. Радиоволны двигались со скоростью света, однако корабли дальнего радиуса действия перемещались быстрее.

Нервно пробираясь из исследовательского отсека в носовую часть к своей маленькой каютке, капитан Белуга как раз размышлял над этой проблемой, а заодно и над тем, что это означало для него в данный момент. Два последних часа он провел в наблюдательном куполе — следил за безуспешными попытками своего экипажа проникнуть внутрь бесхозного корабля. Казалось, что на борт корабля не было пути, кроме как через вскрытую обшивку.

В своей каюте он открыл небольшой сейф, замок которого реагировал только на отпечатки его пальцев, взял один из биочипов и сунул его в прибор, стоящий на складном столике.

Над переборкой замерцал красный свет, показывающий, что каюта Белуги теперь герметически заперта.

Голос Охранительницы доносился из маленького динамика на столе:

— Директивная программа «Транс Федерации» активизирована. Идентифицируйте себя.

— Стюарт Белуга. Капитан АРС-3-ИТА.

— Обертоны голоса сличены, — сказала Охранительница после некоторой паузы. — Докладывайте о своих проблемах, капитан.

Белуга глубоко вздохнул и коротко сообщил все, что произошло с тех пор, как загорелся красный сигнал тревоги, включая и тот факт, что экипажу не удалось проникнуть в гигантский исследовательский корабль, который теперь безжизненно висел в тысяче метров от АРСа.

— Мне нужны указания, — сказал он в заключение.

— Оценка будет произведена, — ответила Охранительница.

Белуга откинулся в кресле и стал ждать.

Каждый грузовик дальнего радиуса действия «Транс Фед компани» был снабжен директивной программой, о существовании которой вне круга руководителей Концерна было едва ли кому известно. Из всего экипажа о ней знал только

Белуга.

В случае его смерти информация будет передана Первому офицеру и никому больше. Оба они, как, впрочем, и все руководящие офицеры, дали присягу лояльности Компании.

Каждый раз, по возвращении корабля на базу, программа дополнялась новыми решениями руководства компании «Транс Фед» и новейшими научными данными, так что компьютер в случае затруднений в глубоком космосе мог дать полезные и точные указания.

— Вам даны следующие инструкции, капитан Белуга, — Охранительница оторвала Белугу от его мыслей. Он подался вперед. — Первое — прекратите всякие попытки взять на абордаж «Добрую Надежду». Второе — отбуксируйте корабль на околоземную орбиту. Третье — особый приказ. Вы должны оставить корабль на навигационном пункте Стратегического Космического Флота «Плутон», но вы можете и не подчиниться, — Белуга опять присвистнул. — Четвертое — этот приказ строго секретен и ни при каких обстоятельствах не должен стать известен ни экипажу корабля, ни Космическому Флоту.

Белуга нервно усмехнулся. Он подтвердил получение инструкций и убрал биочип в сейф.

Между компьютером Концерна «Транс Фед» и Центральным Правительством в последние два десятилетия сложились весьма напряженные отношения. «А теперь еще и эта история, — подумал Белуга. — Она вполне может послужить поводом для открытого проявления враждебности между ними».

Глава 1

Прошлое. Настоящее. Будущее.

Доктор Ханс Зарков, морщинистый, невысокий, восьмидесятилетний мужчина поднял воротник повыше, защищаясь от дождя; ветер дул ему прямо в лицо. Он и капитан Алоис Дрегтер вышли из машины и поспешили к площадке в Военно-командном центре Федерации, на базе Омаха.

В это мгновение он почувствовал себя попавшим в прошлое, ибо история этих гигантских военных зданий насчитывала более четырехсот лет. В те времена о Федерации вообще еще никто не думал.

Зарков большую часть своей жизни, кроме последних пяти лет, служил на различных базах Командования.

Настоящее выглядело иначе. Уже около двадцати лет в Федерации царил мир, и армия все больше и больше брала на себя роль полиции. Ни на одной из планет не возникало необходимости подавления мятежей и восстаний.

А будущее?

Зарков остановился у главного входа в Адмиралтейство и посмотрел вверх на тяжелые дождевые облака. Будущее находилось там, вверху, среди звезд.

В Федерацию входило двадцать пять миров, которые располагались во всех направлениях от Земли, на расстоянии до ста световых лет. Когда он был молодым, Федерация представляла собой всего лишь всемирное правительство с колониями на Луне, Марсе, спутнике Юпитера Ганимеде. Но вот пятьдесят лет назад был разработан гипердрайв, и внезапно распахнулись врата к звездам.

— Входите, доктор, — нетерпеливо сказал капитан Дреггер замешкавшемуся у двери Заркову.

— Извините, — пробормотал Зарков. Он последовал за молодым офицером. Они миновали пост контроля, не задержавшись.

В конце длинного, а теперь, когда уже настал вечер, и пустынного коридора они вошли в антигравитационный лифт, опустивший их на несколько сотен метров, в сердце Центра Федерации Земли, где их ждал расстроенный бригадный генерал.

— Доктор Ханс Зарков? — спросил он и подошел к ним. Он был массивен и широкоплеч. Лицо его бороздили глубокие морщины. Он выглядел так, словно не снимал свой мундир и не спал уже целый месяц.

— Я — Питер Теслер. Рад, что вы прибыли так быстро,

доктор, — он резко повернулся к спутнику Заркова и коротко сказал: — Вы свободны, капитан.

— Да, сэр, — отсалютовал Дреггер, повернулся на каблуках и исчез в антигравитационном лифте.

Генерал провел Заркова по коридору вниз. Они миновали усиленный пост охраны и прошли через большое черное отверстие в стене. Заркова охватил озноб, и на мгновение он потерял зрение. Помещение за стеной было экранировано от гравитационного поля, и экран этот не пропускал никаких электромагнитных волн, в том числе и свет.

Три высших офицера и один человек в штатском — Зарков сразу же узнал Уилбура Хольсена, министра межзвездных сообщений, — сидели за массивным столом из эбенового дерева. Каждое место было снабжено экраном и пультом. Присутствующие негромко беседовали между собой.

— Джентльмены, — спутник Заркова откашлялся. — Доктор Зарков прибыл.

Все присутствующие подняли глаза. Министр, который был ненамного моложе Заркова, поднялся.

— Я надеюсь, что генерал Теслер уже выразил вам наши извинения за то, что мы вынуждены были доставить вас сюда столь спешно, доктор? Зарков слегка кивнул:

— Меня очень часто доставляли на базу таким образом.

И остальные офицеры выглядели такими же усталыми и помятыми, как и генерал Теслер. И на их лицах царило точно такое же выражение растерянности.

— Смею предположить, что речь идет о проблеме особой важности, — продолжил Зарков.

Министр обменялся взглядами с остальными и снова посмотрел в глаза Заркову:

— Гораздо большей важности, чем вы можете себе представить в данный момент, доктор. Пожалуйста, займите свое место. Тогда мы сможем начать.

Еще два часа назад Зарков занимался в своей лаборатории в университете штата Юта. Внезапно прибыл капитан Дреггер с экстренным поручением немедленно доставить Заркова на базу Омаха. Доктору не позволили сообщить об этом ни в университет, ни даже племяннице Дейл Арден. Капитан не смог сказать ему ничего вразумительного о том, почему он забирает его и как долго Зарков будет отсутствовать. И когда он занимал место за столом, любопытство просто снедало его. Для чего бы его сюда ни доставили, дело это наверняка очень и очень серьезное.

Министр Хольсен открыл совещание:

— Генерал Теслер — командир опорного пункта на Ганимеде.

Он эскортировал АРС-3-ИТА с навигационного пункта Плутон. Это совещание созвано по его инициативе.

Генерал кивнул, и Зарков был вынужден сдержать дюжину вопросов, которые так и рвались из него.

Напротив сидел генерал-лейтенант лет пятидесяти, напоминавший скорее игрока в ТРИ-В, чем солидного военного. Хольсен представил его как начальника базы Омаха.

— Он координирует наши действия в этом деле, — сказал министр.

Генерал слегка улыбнулся:

— Я много слышал о вас, доктор.

Справа, возле генерал-лейтенанта Барнса, сидел старший лейтенант Алонсо Форте, которого Хольсен представил как шефа эскадры космического надзора базы номер Семь на Луне. Слева, возле Заркова, сидел генерал-майор Стюарт Редман, шеф научно-исторического отдела Стратегического Космического Флота.

При этих словах Зарков поднял взгляд и посмотрел налево.

— Вы не можете вкратце описать мне сравнительные свойства гипердрайва?

Редман кивнул. Слабая улыбка заиграла на его губах.

— Действительно, великолепно, — сказал Зарков, выслушав его.

Теперь он был еще более озадачен, чем прежде. Член кабинета правительства, командир базы, шеф внешних постов, офицер космического надзора и, кроме всего прочего, еще и историк. Во всем этом трудно было отыскать смысл.

Экран перед Зарковым засветился, и на нем появилось компьютерное изображение корабля.

— Это межзвездный корабль «Добрая Надежда», — тихо сказал историк, генерал Редман.

Зарков быстро взглянул на его напряженное лицо, и почти тут же в его памяти щелкнул какой-то переключатель. Он снова посмотрел на экран.

— Корабль стартовал двести лет назад, в 2175 или 2176 году, как мне помнится, — тихо произнес старый ученый.

— Собственно, его начали строить в 2148 году, — уточнил Редман. — А построен и снаряжен в 2171 году. Покинул же земную орбиту 11 октября 2176 года. Почти день в день двести лет назад.

— И он вернулся назад? — спросил Зарков. — С экипажем и пассажирами или, лучше сказать, с их потомками?

Внезапно воцарилась зловещая тишина, и Зарков снова поднял глаза.

— Корабль вернулся, — выдавил из себя генерал Теслер, —

но весь экипаж и все пассажиры мертвы!

— Этому еще нет доказательств, Питер, — резко возразил министр Хольсен.

— Я нужен для оказания помощи в исследовании корабля? — спросил Зарков. Хольсен кивнул:

— Вы специалист по старой технике. И… короче говоря, мы нуждаемся в нашей помощи.

— Будет лучше, если вы расскажете мне все.

— Корабль находится на стационарной орбите на расстоянии двадцати двух тысяч километров. Мы возвели на его южном полюсе исследовательскую станцию под предлогом обычных карантинных формальностей.

— Пресса уже знает о его возвращении? Хольсен устало кивнул.

Его седые, как снег, волосы напоминали гриву крупного льва.

— Директор просил ограничить распространение информации на семьдесят два часа. С тех пор прошло уже двадцать четыре часа. Вот потому-то нам лучше поспешить с этим совещанием. Из исторической хроники известно, что «Добрая Надежда» и велика, и ужасно сложна.

— Она около трех километров по ребру, — сказал Редман. — Самое большое транспортное средство, которое когда-либо создавали человеческие руки. Двести лет назад она покинула околоземную орбиту, имея на борту сто пятьдесят восемь мужчин и женщин. Ее целью были звезды. Это произошло задолго до открытия гипердрайва. Люди на бор-ту были погружены в криогенный анабиоз. Только часть экипажа должна была бодрствовать в течение десяти недель раз в десять лет.

— «Добрая Надежда» — единственный корабль подобного типа? — спросил Зарков.

— Да, — ответил Редман. — Общая стоимость корабля 1,8 миллиарда новых интернациональных долларов. Тогдашняя экономика Земли была почти разрушена дорогостоящим строительством.

— Во всяком случае, корабль вернулся назад, — внезапно сказал Зарков после долгого молчания.

Редман кивнул.

«Добрая Надежда» в течение пятидесяти лет посылала автоматические радиосигналы, потом внезапно замолчала. Через сто лет — пятьдесят лет назад, — когда был разработан гипердрайв, ее пытались отыскать. Однако без всяких результатов. Несмотря на управляемый компьютерами поиск, расстояние уже тогда было слишком велико. Через десять лет поиски были практически прекращены. «Добрую Надежду»

официально объявили пропавшей без вести.

Хольсен продолжил сообщение:

— Итак, грузовик дальнего радиуса действия АРС-3-ИТА принял автоматические сигналы бедствия «Доброй Надежды». Согласно инструкции, они пошли на сближение. Но кроме этого сигнала больше с борта корабля не уда-лось получить никакой информации. Поэтому «Добрую Надежду» отвели на околоземную орбиту.

— На гипердрайве? — удивленно спросил Зарков. Хольсен кивнул:

— У них из-за этого чуть было не сгорел двигатель. Компания заинтересовалась кораблем. Ведь это сулит огромный доход.

— «Транс Федерация»? — спросил Зарков, и Хольсен многозначительно кивнул.

Этот гигантский концерн, начинавший в двадцатом столетии как небольшой производитель компьютеров, со временем стал так велик и разветвлен, что по финансовой мощи мог поспорить с Центральным Правительством.

— Военное Командование Федерации на Ганимеде запеленговало в навигационной зоне «Плутон» чрезвычайно большой объект. Генерал Теслер сам повел туда эскадрилью, — сказал Хольсен. Он посмотрел на генерала, казавшегося еще более обеспокоенным, чем прежде.

— Когда мы увидели, какую находку АРС тянет на буксире, мы направились к нему и мгновенно переправили его на околоземную орбиту, — запальчиво сказал Теслер.

«Он, кажется, чего-то боится, — подумал Зарков. — Ведь он отважился выступить против „Транс Фед“».

— Компания, конечно, кричит теперь «караул!» и «на помощь!»?

Хольсен покачал головой:

— Они проигнорировали все это, хотя и заявили о своих правах спасателей корабля.

Зарков поднял брови.

— А как насчет «Доброй Надежды»? Что обнаружили на ее борту?

— Мы так и не смогли попасть на ее борт, — сказал Теслер с довольно несчастным видом. Зарков подался вперед:

— Что?!

Теслер покачал головой:

— Шлюзы задраены изнутри, а у нас нет техника, который разбирался бы в бортовых системах такого древнего корабля. Я думаю, у «Транс Фед» тоже нет таких людей. Они, конечно, подумали о том, что мы вызовем вас, и теперь ждут, когда мы

откроем «Добрую Надежду».

Генерал начал рассматривать свои ногти.

— Какие магнитные записи мы там найдем, не совсем ясно. Центральный Компьютер почему-то молчит об этом.

Кроме того, мы не хотим разрушать обшивку. Потому-то мы и вызвали вас, доктор. Как видите, мы находимся в довольно сложном положении.

— Вы полагаете, что «Транс Федерация» блокировала записи Центрального Компьютера?

— Это не исключено, доктор, — сказал Хольсен. Он покачал головой. — Ах, да мы просто уверены, что это именно так, черт подери! В конце концов, именно «Транс Фед» по строила этот проклятый Центральный Компьютер. Однако мы вызвали вас не из-за этого, доктор. Мы хотим, чтобы вы поднялись наверх, проникли в корабль, осмотрелись и разузнали, что же там происходит, дьявол его побери!

Теслер быстро застучал на своем пульте, и Зарков прочитал данные на экране перед собой:

РАССТАНОВКА ВАЖНЕЙШИХ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕЗУЛЬТАТОВ:

ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ПЕРЕДАННЫХ ДАННЫХ:

ВАЖНЕЙШИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ СМОТРИ ПОД НОМЕРАМИ 37797 ДО 38840.

… МАССА НА 0,1 % ВЫШЕ, ЧЕМ ПЕРЕДАННЫЙ ИСХОДНЫЙ ПОЛЕТНЫЙ ВЕС.

… БОЛЫПАЯ СТАЦИОНАРНАЯ БИОМАССА В СОСТОЯНИИ АНАБИОЗА.

Зарков смотрел на экран. Внезапно у него засосало под ложечкой.

— Я должен это сделать? — спросил он генерала Теслера.

Генерал кивнул, и Зарков спросил компьютер:

— МОЖНО ЛИ ПРИПИСАТЬ ИЗБЫТОК ВЕСА БИО-МАССЕ?

… ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ.

— МОЖНО ЛИ ЛОКАЛИЗОВАТЬ ИЗБЫТОК БИО-МАССЫ?

… ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ.

— СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ БИОМАССА СТА ПЯТИДЕСЯТИ ВОСЬМИ ВЗРОСЛЫМ ЛЮДЯМ?… ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО.

— Они все мертвы, — сказал Теслер.

— Посмотрим… — рассеянно произнес Зарков. — Я должен вернуться в свою лабораторию, чтобы собрать снаряжение. Кроме того, я охотно взял бы с собой ассистента.

Хольсен улыбнулся.

— Полковника Гордона? Зарков кивнул.

— Само собой разумеется, — сказал Хольсен.

Глава 2

Флеш Гордон устал. Все его тело болело. Он крепко пострадал от жесточайших ударов в силовом антигравитационном поле. Это было равносильно падению с двадцатиметровой высоты.

Стройная миловидная женщина, сидевшая на корточках в другом конце пустого зала, играла с ним в ТРИ-В. Еще одно «В», и она станет победительницей в этой игре. Но Флешу было трудно сосредоточиться. Женщина напоминала ему умершую жену, и каждый раз, когда она приближалась, он мысленно возвращался в те счастливые времена.

Где-то прозвучал гонг, и женщина двинулась к нему. В нужное мгновение она изогнулась, чтобы уклониться от постоянно движущегося антигравитационного поля. Поле было похоже на легкое мерцание.

Флеш оттолкнулся ногами от стены и прыгнул в центр арены ТРИ-В. Женщина поймала его за лодыжку правой ноги. Это было ошибкой. Флеш тут же подсек ее левой ногой под колено. Сила удара заставила ее отлететь назад, в поле нулевой гравитации. Тело женщины изогнулось от боли.

Он сейчас же оказался над ней, стиснул ее затылок и слегка прижал большими пальцами артерии за ушами.

Над ними снова прозвучал гонг, и динамик сказал:

— «В» полковнику Гордону. Перерыв. Пожалуйста, отдохните.

Флеш хотел помочь молодой женщине, но она презрительно оттолкнула его руку и отошла в свой угол.

ТРИ-В — каждое «В» означало «виктория», победа — столетие назад зародилась в старой Японии. Этот вид спор-та развился из джиу-джитсу, тай-кванг-до и карате. В последние двадцать лет он стал очень популярен.

Молодая женщина с той стороны арены значилась на восемнадцатом месте в списке лучших игроков мира и постепенно поднималась вверх, в то время как Флеш, который был когда-то самым выдающимся игроком-непрофессионалом в Федерации, уже опустился на одиннадцатое место.

— Это из-за моего возраста, — говорил он своим друзьям. В свои шестьдесят три года он уже не был так быстр, как раньше. Однако подлинной причиной того, что он перестал быть первым, была его жалостливость.

Полковник Роберт Гордон, а для всех, кто его знал, — Флеш, был агентом Тайной Службы Федерации. И чертовски хорошим агентом. Но восемь лет тому назад, когда была жестоко убита его

жена, в нем тоже что-то умерло. Мягкие черты его характера, казалось, полностью исчезли. Он стал ужасным человеком, но не по отношению к хорошим людям. Однако в состязаниях он увлекался и стремился выиграть любой ценой. И все же во время игры в ТРИ-В он все время сдерживал себя, боясь ранить соперника. Он хотел, чтобы ТРИ-В оставалась спортом, а не превращалась в сражение не на жизнь, а на смерть.

Сегодняшняя его соперница была очень сильна и невероятяо быстра. Он даже мысленно спросил себя, смог бы он победить ее в настоящем сражении. Невысокая — чуть выше полутора метров — в длинном кимоно, подпоясанном черным поясом, с необыкновенно гибким телом, она стремительно двигалась по арене. В этом виде спорта двухметровый рост и стокилограммовый вес Флеша не приносили никакой пользы.

Прозвучал гонг, и женщина осторожно вышла из своего угла. Флеш медленно шагнул вправо.

Огибая поле нулевой гравитации, он провел ложное нападение. И соперница отреагировала — обеими ногами ступила по направлению к нему, но чиркнула левой ногой по гравиполю, и ее швырнуло на пол. Флеш уклонился от ее ноги и тут же оказался у нее за спиной. Оставалось нанести решающий удар. Но она внезапно добровольно вкатилась в блуждающее поле нулевой гравитации, и ее вышвырнуло в другую сторону. Она избежала удара Флеша в затылок. Он вынужден был повернуться и откинуться назад, чтобы уйти от ее мощного броска ему на спину.

Флешу казалось, что бой длится вечность. Он и его противница сходились и парировали удары друг друга, словно в каком-то странном, мечущемся балете. Напряжение схватки возрастало.

Здесь, на окраине Лос-Анджелеса, наступили уже ранние сумерки. Хотя игра и не была официальной, тем не менее она была признана союзной Федерацией по ТРИ-В и поэтому вызывала огромный интерес. Для зрителей шла голографическая трансляция происходящего на арене. На этот раз они не имели никакой возможности влиять на игру, как это было при официальных соревнованиях. Что же касается спортсменов, то они полностью ушли в борьбу. Если их не прервут, они покажут все свое искусство.

Сильнейший удар в левое ухо заставил Флеша пошатнуться. Падая, оглушенный ударом, он пытался изогнуться, чтобы хотя бы уклониться от нулевой гравитации. Его соперница оказалась над ним. Тонкие, но сильные руки схватили его за горло.

Он ударил коленом снизу, однако она увернулась, чуть не сломав его колено. Сильная боль пронзила его тело.

Флеш напряг все свои стонущие мышцы и отшатнулся назад, увлекая женщину за собой; он бросился в поле ну-левой гравитации, чего она не ожидала.

Теперь он прижал ее к полу и стиснул ей горло. Прозвучал гонг.

— ТРИ-В, полковник Гордон выиграл раунд, — возвестил динамик.

Женщина под ним расслабилась, и Флеш освободил ее. Он внезапно чисто импульсивно нагнулся и легонько поцеловал ее в кончик носа.

— Моя сладкая, — нежно сказал он.

В то же мгновение он оказался лежащим на спине, правое колено женщины больно упиралось между его бедер, а ее пальцы снова вцепились в его горло. Над ними прозвучал удар гонга, но женщина не ослабила хватки. Зубы ее были оскалены.

— Знаменитый полковник Гордон теряет жизнь из-за одного поцелуя, — прошипела она. Ее слова доносились словно из тумана или из длинного черного тоннеля.

В ушах загудело, перед глазами взорвалась молния. В голову пришла сумасшедшая мысль, что она на самом деле пытается убить его и при этом чертовски великолепно делает свою работу.

Чудом ему удалось высвободить правую руку. Он ухитрился вцепиться ей в горло и сжал его со всей силой, какая только у него оставалась.

Гул в ушах усиливался, и ему показалось, что он парит в воздухе. Однако пальцы на его горле внезапно разжались.

Когда сознание постепенно вернулось к нему, он услышал звук гонга и заметил, что соперница каким-то образом оказалась под ним и, похоже, ей крепко досталось.

Когда она пришла в себя, Флеш отодвинул ее в сторону. Дверь арены ТРИ-В открылась, и он встал. Вошли два человека из Службы Безопасности и врач Союза. Он сделал им знак уйти, но они все же задержались у двери.

— Все в порядке, — сказал врач. — Она всего лишь немного помята.

На лицах мужчин появилось скептическое выражение, но они не стали приближаться. Флеш взглянул на женщину, лежащую возле него. Глаза ее были открыты, она наблюдала за ним. Она улыбалась.

— Мне очень жаль, — слабо сказала она. — Я не знала, что на меня так накатит. В самом деле. Флеш нагнулся и помог ей встать.

— Не хотел бы я иметь вас противником в настоящем бою, — сказал он, покачав головой. — Вы уверены, что у вас все в

порядке?

— У меня все о'кей, — сказала она и провела рукой по лбу. — А как у вас?

— Нормально, — ответил он, и они оба рассмеялись.

Трое мужчин вышли за пределы поля голографической камеры. Флеш и молодая женщина повернулись к одной из камер и поклонились, приветствуя зрителей. Потом они, рука об руку, покинули арену и быстро прошли мимо безмолвных людей из Службы Безопасности и врача.

— Мисс Беренс, не так ли? — спросил он молодую женщину, пока они шли к кабинкам для переодевания. Она взглянула на него.

— Для друзей Мелисса. Он кивнул.

— Вы хорошо боролись, — сказал он и на мгновение заколебался. — Мне очень неудобно за этот поцелуй. Я и — сам не знаю, что это я вздумал.

Она засмеялась мягким, мелодичным смехом.

— Победитель владеет жёртвой, — она посмотрела ему в глаза. — Пусть будет так, если этот поцелуй — все, что вы хотели.

— Можно ли это считать приглашением? — спросил Флеш. Против воли его сердце забилось быстрее.

— Может быть, — нерешительно ответила она и подошла поближе. — Я хорошая повариха. И могу приготовить ужин. Я живу здесь, неподалеку.

— Звучит заманчиво… — Флеш хотел добавить еще что-то, но к ним, переваливаясь на ходу, уже направлялся директор арены.

— Полковник Гордон! — крикнул он, завидев их. Флеш и Мелисса отпрянули друг от друга. Директор, тяжело дыша, подошел.

— Вас вызывают! Мне сказали, что я должен позвать вас к видеофону, где бы вы ни находились. Пройдите в мой кабинет.

По лицу молодой женщины пробежала тень, но Флеш этого не заметил.

— Извини, — сказал он. — Это ненадолго. Она кивнула, и он последовал за директором.

— Если я понадоблюсь, позовите меня, полковник Гордон, — сказал директор и вышел. Флеш сел за письменный стол и повернулся к видеофону. Зарков вызывал его из своей лаборатории. Он упаковывал вещи и снаряжение в контейнеры.

— Добрый день, доктор, — дружелюбно сказал Флеш. — Похоже, что вы куда-то уезжаете. Зарков поднял взгляд.

— Хорошо, что я добрался до вас, Флеш. Кое-что произошло, и мне на пару дней понадобится ваша помощь, — старый ученый

казался смущенным.

Флеш шагнул вперед.

— Что такое, док? — обеспокоено спросил он. Зарков был для него почти отцом.

— Я не могу сказать всего по видеофону. Но это очень важно, — Зарков поставил коробку, которую только что упаковал, на лабораторный стол, заваленный снаряжением, и подошел ближе к видеофону. Он нагнулся так, что его лицо заполнило почти весь маленький экран. — Я хочу, чтобы вы прибыли немедленно. Еще сегодня ночью. С ЦОР все обговорено. С этого мгновения вы официально участвуете в работе.

— 0 чем все-таки идет речь?

— Позже, — резко ответил Зарков, что было для него совершенно нетипично. — Мы встретимся в Гражданском терминале Старого Солт Лейк Сити, — он посмотрел на часы. — в котором часу?

— Я не знаю, смогу ли я так быстро поймать челнок… — начал неуверенно возражать Флеш, но Зарков оборвал его:

— По крайней мере, «Неустрашимый» готов к орбитальному полету?

Глаза Флеша расширились, крылья носа затрепетали. Он кивнул.

— Я буду в Старом Солт Лейк Сити в ближайшие сорок пять минут, — на мгновение он заколебался. — Нужно ли мне быть при оружии?

Зарков посмотрел на него покрасневшими глазами.

— Да, — сказал он. — И будь осторожен, Флеш, — экран отключился.

Флеш медленно поднялся, покинул кабйнет, поблагодарив ожидавшего неподалеку директора. В глубоком раздумье он шел к душевым кабинам, забыв в эти мгновенья о свидании со своей прелестной противницей.

Доктор Зарков был для него более чем отцом — он был одновременно и другом, и старшим братом, и заботливым воспитателем. Родители Флеша погибли при взрыве космического корабля, следовавшего в Луна Сити. Флешу тогда было шестнадцать, и он посещал Университет Федерации в Чикаго. С этого времени Зарков был всегда рядом, когда Флешу требовалась помощь.

Позднее Флеш закончил Академию Федерации в Колорадо-Спрингс и попал в ЦОР — Центральный Отдел Разведки, где Зарков работал научным консультантом задолго до того, как Флеш появился на свет.

Они вместе участвовали в выполнении многих заданий,

начиная с миссии на Марсе, длившейся несколько трудных и опасных лет. Сегодня Зарков казался таким же возбужденным, как и в те давние времена. А если уж Зарков был возбужден, значит, были веские основания.

Флеш вошел в раздевалку. Мелисса уже приняла массажную ванну и, обнаженная, обсыхала перед большим голографическим зеркалом.

— Извини, — сказал он и, все так же погруженный в свои мысли, вошел в кабинку. Он сбросил трико для ТРИ-В и вытащил дорожный костюм.

Мелисса повернулась. Лицо ее горело яростью, когда он, направляясь в душ, прошел мимо.

— Ты по крайней мере мог бы свистнуть или постучать, — фыркнула она.

Он неуверенно остановился.

— Извини… — запинаясь произнес он. У девушки было чудесное тело — гибкое, сильное, но все же такое женственное. Он без стеснения любовался ее обнаженной фигурой.

— Спеши, полковник Гордон. Освежись, — смягчилась она. — У меня есть пара бутылок внеземного вина, я охотно выпью их с тобой.

— Извини, — повторил Флеш. — Я вынужден разочаровать тебя. За это время кое-что произошло.

— Я не хочу и слышать об этом, — сказала Мелисса через плечо. Она снова повернулась к зеркалу.

— Я не могу ничего изменить, — промямлил Флеш. И снова залюбовался очертаниями ее тела. — Я загляну к тебе, когда вернусь, — он вошел в душевую кабинку и нажал на кнопку. Туман из душистой мыльной пены окутал его. Он не слышал, как Мелисса вышла из раздевалки. Через десять минут был готов и он.

Флеш вышел наружу, совсем позабыв о существовании Мелиссы.

* * *

«Неустрашимый» был тысячетонным кораблем, принадлежащим Федерации. Снаружи он походил на обычный неболыпой космический транспорт с компьютером мощностью двадцать пять-тридцать единиц. И уж совсем никак нельзя было предположить, что это один из новейших и современнейших кораблей. Хотя он и предназначался для межзвездных перелетов, он был достаточно маневрен и для полетов в атмосфере любого

типа.

Официально этот корабль принадлежал Федерации и подчинялся ЦОР. На самом же деле он навсегда был предоставлен в личное распоряжение Флеша Гордона и один раз в год проходил профилактический осмотр на государственной верфи Берлина, где его дооснащали новейшим оборудованием.

В результате усовершенствований, предложенных доктором Зарковым, и работы, которую сам Флеш продёлал на этом корабле, в Федерации больше не имелось ни единого корабля, способного сравниться с «Неустрашимым» в скорости и маневренности. И лишь большие боевые крейсеры могли соперничать с его огневой мощью.

Флеш вызвал такси к своей квартире, сунул какие-то вещи в небольшую сумку и пристегнул лазер. И сразу же поспешил в челночный порт Лос-Анджелеса на краю Сан-Бернардино.

Порт в такое время, как правило, был совершенно безлюден. Так что никто не видел, как Флеш вошел в огромный ангар, где находилась стартовая платформа с «Неустрашимым», и шлюз тяжело закрылся за ним.

Он швырнул сумку на пол и шагнул на мостик. Не успев пристегнуться к левому креслу пилота, он уже манипулировал рычагами.

Когда корабль приподнялся на своих антигравитаторах и медленно скользнул вперед, погромыхивая, открылись огромные ворота ангара. Ничего больше, кроме их грохотания, не донеслось до мостика «Неустрашимого».

Едва Флеш миновал гигантские ворота, включилась бортовая радиоаппаратура и активизировалась Охранительница.

— Добрый вечер, Флеш. Ты поведешь корабль сам или предпочтешь, чтобы я взяла управление на себя?

— Терминал Старого Солт Лейк Сити, — сказал Флеш. — Ты только сообщи мне данные. Я буду управлять сам.

— Разумеется.

— Говорит полковник Гордон — Башня Лос-Анджелеса: «Неустрашимый», ФМС 7-7-7, атмосферный перелет в Солт Лейк Сити, — сказал Флеш в микрофон.

— Все в порядке, «Неустрашимый», Охранительница работает, — донеслось из щелкнувшего динамика.

На контрольном экране мостика замерцали данные, они мелькали так быстро, что ни один человек не смог бы расшифровать их. Потом на пульте вспыхнула зеленая лампочка.

Флеш включил стартовую автоматику, и корабль почти отвесно пошел вверх. Посадочные лапы втянулись, и яркие прожекторы на посадочной площадке погасли. Между пятью и

пятнадцатью тысячами метров высоты Флеш попал в турбулентные завихрения, но благополучно миновал их. Он скользил вверх, набирая высоту крейсерского полета, около ста тысяч метров, затем корабль лег на курс, и Флеш передал управление Охранительнице.

Он откинулся в противоперегрузочном кресле и уперся левой ногой в край пульта. Прикусив нижнюю губу, он лениво наблюдал, как рабочие данные Охранительницы бегали по экрану навигационного компьютера. Время… расстояние… курс; три параметра, стоящие друг рядом с другом и находящиеся в нужной позиции. Никаких отклонений. Никакого постороннего контроля. Ничего, кроме точности. Самые лучшие пилоты, а Флеш был одним из них, не смогли бы достичь точности Охранительницы. Но компьютеры, в том числе и те, которые создавала «Транс Фед», не могли сравниться с человеком, когда нужно было действовать интуитивно или принимать нестандартные решения.

Флеш вздохнул и закрыл глаза. Как только все заботы отступили, он вспомнил о Мелиссе Беренс. Незаметно эти мысли перешли в воспоминания о его жене Дорис.

Они встретились за пару лет до Марсианского кризиса. Дорис работала служащей в ЦОР, в отделе надзора. Она была умной, красивой, очень веселой и живой. Они устроили старомодный пикник и пять дней плавали под парусом в южной части Тихого океана. Когда умер ее отец, Флеш в тяжелые минуты был рядом с ней.

Через три месяца после знакомства они поженились и переехали в квартиру на Мичиган Сити, поблизости от Университета.

Два незабываемых года прожили они идиллической жизнью, внезапно разрушившейся, когда Флеш получил задание ликвидировать группировку торговцев наркотиками, контрабандой доставлявших гипнокамни с Мицара, что находился на окраине Федерации.

Вечером, перед его отъездом, у него в квартире раздался звонок. Незнакомый голос предупредил, что у него будут неприятности, если он предпримет что-либо против торгового корабля, который с грузом гипнокамней приближается к Земле. Несмотря на это, он сделал решительные шаги и нанес значительный урон торговцам.

И едва прибыл в Чикагский космопорт дальних сообщений, как получил отчаянный радиосигнал от своей жены, внезапно оборвавшийся. Он тотчас же поспешил к ней, однако, когда добрался до своей квартиры, жена была уже мертва. Ее жестоко убили.

Полный жажды мести и отчаяния, он безукоризненно выполнил свое задание. Ковда все было кончено, то в результате выяснилось, что восемь человек мертвы, группировка контрабандистов практически исчезла, а гапнокамни уничтожены. Однако убийца его жены так никогда и не был найден.

С того времени Флеш больше уже не был таким, каким он был раньше. И понимал, что уже никогда им не будет.

С навигационного пульта прозвучал гонг, и он услышал голос Охранительницы, мягкий и женственный:

— Совершить посадку мне или ты сам хочешь сделать это?

— Давай ты, — сказал Флеш с отсутствующим видом.

Перед его глазами светилось лицо, где сплелись черты Мелиссы Беренс и его жены. Горло его перехватило.

Вскоре после смерти жены и разгрома преступной группировки возник кризис на Марсе, и Флеш с Зарковым помогали наводить там порядок. С ними была племянница Заркова, Дейл Арден, без ума влюбившаяся во Флеша.

Теперь, оглядываясь назад, он видел, что Дейл была для него опорой и надеждой в те черные дни. Ей же казалось, что его чувства гораздо глубже, и что он откликается на ее влюбленность. На самом же деле, ее надежды были совершенно безосновательны. Он почти не отдавал себе отчета в собственных поступках и плохо представлял свое будущее.

Но все это было уже восемь лет назад. С тех пор Флеш полностью сконцентрировался на работе. Чаще всего он работал вместе с Зарковым, а иноща вместе с Дейл Арден. Кроме Дорис, не было женщины, которой он бы заинтересовался и для которой хотел бы что-нибудь значить. С Дейл он мог быть просто самим собой, не больше и не меньше.

«Неустрашимый» пробился сквозь воэдушные турбулентные потоки над космодромом Старого Сот Лейк Сити. Он завис на мгновение над полем и совершил уверенную посадку. Флеш взял управление на себя и повел корабль к терминалу для личных кораблей в западной части космопорта.

Когда двигатель утих, он выключил освещение на мостике, открыл шлюз и поспешил по платформе наружу, в приятную вечернюю прохладу.

Терминал казался безлюдным. Главное здание, находящееся на расстоянии около ста метров от места стоянки «Неустрашимого», было темным. Флеш направился к нему.

Он уже отошел от корабля метров на двадцать, когда из густой тени у стены одного из зданий ударила яркая молния и выбила из-под ног большой кусок пластицемента. В лицо

брызнули колючие мелкие осколки.

Флеш отпрыгнул влево и назад, дважды перевернулся в кувырке. Тут же второй выстрел ударил рядом с ним. Флеш сделал еще несколько отчаянных пируэтов, и с лазерным пистолетом в руках, петляя, укрылся в тени ближайшего здания. Он перевел дух.

Следующая лазерная молния, сверкнувшая от противоположного здания, прошла далеко в стороне от цели. Флеш сделал в этом направлении два выстрела. В воздухе остро запахло озоном. Обогнув угол здания, Флеш остановился и осмотрелся. Сердце его бешено колотилось, и все же слабая улыбка победителя играла на его губах.

Зарков по видеофону предупредил, что могут возникнуть затруднения, а возможно, и немалая опасность, но Флеш и не предполагал, что все начнется так быстро и неожиданно.

Он осторожно выглянул из-за угла, как раз вовремя, чтобы увидеть двух человек, с оружием в руках перебегавших по направлению к нему. Неуловимым движением Флеш обогнул угол, присел на корточки и пустил в ход свое оружие.

Все же они успели заметить его и тоже подняли свое оружие. Флеш быстро выстрелил два раза — оба мужчины были поражены точно в грудь и упали на землю.

Некоторое время Флеш сидел на корточках у стены и выжидал, не покажется ли кто-нибудь еще. Однако все было тихо. Наконец, не поднялся и осторожно приблизился к двум лежащим на земле телам.

Оба были мертвы. У каждого на груди была выжжена маленькая стерильная рана. Флеш сунул свой лазерный пистолет в кобуру и торопливо, но тщательно обыскал карманы обоих. К его горлу подступила тошнота. На трупах он нашел идентификационные карточки и жетоны. Ему не надо было объяснять, что это за карточки и жетоны, чтобы понять все. Это были значки Центрального Отдела Разведки Федерации.

Он всмотрелся в лица мужчин. Ни одного из них он никогда не видел, но это еще ничего не значило. ЦОР был огромной организацией, влияние которой распространялось на пару дюжин планетных систем. Однако, когда он еще раз вгляделся в лица обоих, у него возникло чувство, почти уверенность, что убийцы на самом деле не агенты ЦОР. Он надеялся, что Зарков сможет сказать ему, кто они были и почему хотели его убрать.

Глава 3

Машина Заркова выехала прямо на площадку для паркования, и Флеш вышел из-за угла терминала. Он почувствовал облегчение, словно от прохладного бриза жарким днем.

До этого момента тысячи опасений мучили его. Он уже боялся, что где-нибудь здесь увидит труп своего старого друга. Эти двое ждали их, и Флеш не сомневался, что они убили бы Заркова, если бы тот прибыл сюда первым.

Машина, заскрипев тормозами, остановилась у тротуара. Мгаовением позже с сиденья водителя спрыгнула Дейл Арден и выкрикнула его имя; она побежала к Флешу и повисла у него на шее.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросила он.

Через плечо Дейл он видел, как доктор Зарков устало выбирается из машины. Когда старик заметил взгляд Флеша, он глубоко вздохнул и покачал головой.

Дейл, высокая, несколько худощавая, с длинными огненно-рыжими волосами, разжала объятья и отступила назад, надув губы.

— Прекрасное приветствие, — фыркнула она и, не удержавшись, лучисто улыбнулась. — Когда дядя Ханс, — она кивнула на подошедшего Заркова, — сказал мне, что вы снова будете работать вместе, я просто обязана была стать его ассистентом.

Зарков покачал головой.

— На этот раз нет, Дейл, — сказал он. — Тебе надо уехать сейчас же назад, домой.

Она хотела возразить, но что-то в лице Флеша обеспокоило ее.

— Что происходит, Флеш? Уже появились затруднения? Флеш яростно кивнул и взглянул через парковочную площадку на подъезд терминала.

— Едва я совершил посадку, как обнаружил, что меня уже ждут. Их было двое. И у них опознавательные жетоны ЦОР.

Глаза Дейл расширились, и она с тревогои вгляделась в тень у стены здания.

— Кто они? — спросила она, вновь повернувшись к Флешу. — Что происходит?

— Происходит то, что тебе надо ехать домой, а твой дядя и я исчезнем отсюда. Немедленно.

— Но не без меня, — фыркнула Дейл и обратилась к

Заркову. — Да скажи же ему, дядя Ханс!

Зарков был явно встревожен, но кивнул головой:

— Да, дело принимает серьезный оборот. Но все же Дейл должна помогать нам…

Флеш был в ярости. Он схватил Дейл за плечи и посмотрел в ее темно-карие глаза:

— Смотри, дитя мое, два человека уже мертвы. И если бы я прибыл пятью минутами позже, скорее всего и твой дядя и ты были бы убиты.

— Я не дитя! — фыркнула Дейл. Она высвободилась, отбежала к машине и принялась выгружать снаряжение.

— Они не могут быть людьми ЦОР, — сказал Зарков тихим, но уверенным голосом.

— Я тоже так думаю, — сказал Флеш, сердито наблюдая за Дейл. — Но кто же это тогда? И что все это значит?

— Я уверен, что все это люди «Транс Федерации». Но я, честно говоря, не ожидал, что они так быстро предпримут такие решительные действия.

Зарков выглядел смущенным.

— Я все объясню, когда мы уберемся отсюда. Флеш кивнул.

— Вы не хотите убедить Дейл отправиться домой? Зарков лишь сердито покачал головой и усмехнулся:

— Она только что закончила работу по компьютерной психологии. Лучшую в этой области. Она может нам понадобиться.

— Надеюсь, что она не очень будет нам мешать, — пробурчал Флеш. Несмотря на это, где-то в глубине души он был рад, что она едет вместе с ними.

* * *

Они быстро загрузили ящики, которые привез с собой Зарков, тщательно проверила, не был ли поврежден корпус корабля, и стартовали, взяв курс в соответствии с картой, которая была у ученого.

Флеш сидел в левом кресле и наблюдал за показаниями на экране навигационного пульта. Зарков сидел справа и скармливал Охранительнице данные о «Доброй Надежде», а Дейл, все еще в ярости, сидела молча, пристегнувшись к противоперегрузочному креслу позади них.

Они вышли на орбиту в пятистах километрах над берегом Австралии. Зарков передал короткое сообщение на базу Омаха, где описал происшествие в терминале космопорта

обеспокоенному генералу Баренсу, ответственному за операцию.

— Вы объяснили ситуацию полковнику Гордону? — спросил генерал.

— Сейчас я это сделаю, — сказал Зарков. — Я думаю, намерения «Транс Фед» теперь ясны вам.

— Да, — горько подтвердил генерал. Он отвернулся от камеры и что-то негромко сказал кому-то, находящемуся вне поля обзора телекамеры. И тут же обернулся. — Проклятье, мы ничего не можем поделать с этим. Ничего, пока у нас не будет конкретных доказательств. Министр Хольсен здесь, у меня, и он просит соблюдать особенную осторожность. «Транс Фед» выслала команду наблюдателей. Они должны наблюдать за тем, что они называют «вложением ее капитала». Если мы будем открыто враждовать с людьми «Транс Федерации», то окажемся в весьма затруднительном положеиии.

Флеш передвинул рычажок так, чтобы видеть беседующих. Картинка на экране видеофона Барнеса разделилась на две половинки.

— Можете ли вы мне сказать, каким краем эта история касается меня? — спросил Флеш генерала. Барнес удивленно посмотрел на него.

— Я предоставил информировать вас доктору Заркову, полковник. Но мои инструкции действительны и для вас. Будьте осторожны. В данной ситуации мы никому не должны наступать на мозоли.

— Почему? — хмыкнул Флеш. Политика не была его делом.

— Потому что так звучит приказ для вас, полковник, проревел генерал, подчеркивая звание Флеша. — В данное время у «Транс Фед» есть вполне законные притязания на «Добрую Надежду». Мы же… — он отвлекся. — Что, черт побери, все же там произошло… — Флеш услышал злорадное хихиканье из кресла позади него.

— Да, сэр, — твердо сказал он, пожал плечами и снова переключил экран на Заркова.

Зарков тут же закончил разговор. Несколько мгновений он смотрел на навигационный пульт, потом повернулся в своем кресле, чтобы взглянуть на Флеша.

— У нас есть еще минут пять, пока мы не подошли к «Доброй Надежде». Итак, я коротко изложу вам суть дела. Позднее вы сможете посмотреть ленты, которые я захватил с собой. У меня есть также строительные чертежи «Доброй Надежды»; их откопали в Центральном Историческом архиве, хотя сохранилось не так-то и много.

— «Добрая Надежда» — это какой-то допотопный корабль?

Корабль, на который претендует «Транс Фед»? Зарков кивнул:

— Это исследовательский корабль, покинувший околоземную орбиту двести лет назад.

Флеш присвистнул и взглянул на экран, который автоматически затемнился, когда корабль повернулся к слепящему свету Солнца.

— У него атомный двигатель. Никаких генераторов антигравитации. Никакой Охранительницы. И криогенные анабиозные камеры.

— Совершенно верно, Флеш.

— А теперь он вернулся. Что с экипажем и пассажирами?

— Грузовик «Транс Федерации» на обратном пути с Бета Кита принял их автоматический сигнал бедствия. Экипаж грузовика произвел маневр сближения и попытался установить с ними контакт, но не получил никакого ответа. Когда они поняли, что это очень старый корабль и на борту, по-видимому, нет ничего живого или никого бодрствующего, они взяли его на буксир.

— Станция Ганимеда отправила его в гиперпункт «Плутон», конфисковала и переправила на земную орбиту, поставив на карантин.

— Верно. А теперь «Транс Федерация» хочет снова заиметь его.

— Почему? — озадаченно спросил Флеш. — Я ожидал, что «Федерация» просто хочет получить вознаграждение за буксировку и другие хлопоты. Ведь на этом она может заработать чертовски много денег, много больше, чем при обычном спасении судна. И почему же тогда эти люди пытались убить меня?

— Разве вы этого не понимаете? — вопросом на вопрос ответил Зарков.

— Атомные двигатели не могут быть очень ценными. А если на корабле нет никакого груза… — Флеш осекся, увидев странное выражение лица Заркова.

— Спасение, буксировка — все это ерунда, Флеш, — мягко сказал Зарков. — Старый металл.

— Действительно, это же смешно, — подхватил Флеш.

— Только не в случае с этим кораблем. Длина его ребра более трех километров, а масса более ста миллионов тонн.

Флеш некоторое время смотрел на своего старого учителя, прежде чем заметил, что его собственный рот широко открыт.

— Боже мой, — простонал он. Потом покачал головой, — А что с экипажем и пассажирами?

— Двести лет назад на «Доброй Надежде» отправлялись сто пятьдесят восемь человек. Зондирование показало биологическую массу, примерно соответствующую этому количеству людей. Они

должны находиться в состоянии анабиоза, как это и задумывалось тогда.

— В таком случае вопрос собственности, который так волнует «Транс Фед», не имеет никакого смысла. Экипаж и пассажиры являются владельцами этого корабля, так же, как это обстоит и с другими исследовательскими кораблями. Это соответствует решениям правительства в подобных ситуациях. Оно не ожидало, что этот корабль когда-нибудь вернется и поэтому как бы передало его экипажу.

— Весьма вероятно, что они все мертвы, — заметил Зарков.

— И какова же эта вероятность? — спросил Флеш. Он почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

— Может быть, на борту никого нет. Поэтому меня и вызвали. Мне сказали, что у Федерации нет техника, который смог бы разобраться в столь сложной механике и электронике, как на «Доброй Надежде». С тех пор как биоэлектроника и магнетроника стали обычным делом, электроника превратилась в забытое искусство. Это стало такой же сложной задачей, как, например, изготовление каменного топора для техников «Доброй Надежды». Они-то обучались электронике. И, конечно, перепортили бы груду камней, прежде чем им удалось бы изготовить топор, не уступающий изделиям дикарей. Если бы вообще удалось.

— А зачем вызвали меня? — вопрос давно вертелся у Флеша на языке, хотя он уже знал, каков будет ответ.

— По двум причинам, — сказал Зарков и тяжело вздохнул. — Во-первых, потому что знаю — это вызовет гнев «Транс Фед». А во-вторых… — он на мгновение заколебался. — А во-вторых, это не более чем интуитивное решение. Предчувствие, подсказанное сложной ситуацией.

Флеш промолчал. Он терпеливо ждал, пока старик, казавшийся старше и утомленнее, чем когда-либо прежде, продолжит.

— Превышение первоначальной массы «Доброй Надежды» оценивается в одну десятую процента. Сенсоры показывают, что избыточная масса находится в районе двигателя.

— Значит, «Транс Фед» уже побывала на борту. Каким-то образом она успела это сделать. Они втягивают нас в свою игру, — задумчиво, как бы про себя произнес Флеш.

Дейл нагнулась вперед и вмешалась в разговор:

— Или это, или «Добрая Надежда» за эти двести лет совершила посадку на одной из планет и взяла на борт нечто, что и составило добавочную массу.

Флеш повернулся в своем кресле и посмотрел на нее. «Если это действительно так, — подумал он, — не может ли быть

правдой и то, что экипаж и пассажиры на самом деле мертвы?»

Прогудел сигнал предупреждения. Флеш повернулся, чтобы отключить его, однако его рука на мгновение зависла над кнопкой, вздрогнула, а сам он изумленно уставился на обзорный экран.

Огромный корабль, если его можно так назвать, сделанный руками человека, висел прямо перед ними на ярком Фоне звезд. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, и пылающий свет Солнца, переливаясь, отражался от миллионов граней и ребер. Словно огромный бриллиант вращался перед ними. Вид был одновременно и жутким, и прекрасным.

Флеш, наконец, нажал на кнопку, предупреждающий сигнал смолк, и он включил оперативную связь.

— Говорит «Неустрашимый», — доложил он. — Освободите канал Охранительницы и передайте ей управление.

Флеш пощелкал соответствующими переключателями на пульте управления, установив прямую связь между бортовой Охранительницей и компьютером военного командного поста, который направил корабль к карантинной станции, находившейся на повернутой к солнцу стороне «Доброй Надежды».

— Доктор Зарков с вами? — проревел динамик. Зарков включил свой коммуникатор.

— Зарков на связи.

— Доброе утро, доктор. Согласно полученным мною указаниям, я должна оказывать вам любую возможную помощь и воздерживаться от нее, если вы этого пожелаете.

— Положение изменилось?

— Нет. Мы больше ничего не предпринимали, только искали признаки жизни и экранировали аварийный сигнал, чтобы не вносить путаницу на главных навигационных частотах.

— Тоща ваши люди должны держаться подальше от… — начал Зарков, но в их разговор внезапно вмешались:

— ФМС «Неустрашимый», это «Транс Фед Исключительная». Отель «Дельта Эко». Мы просим разрешения отправить нашего человека сопровождать вас.

Флеш сердито потянулся к коммуникатору, однако Зарков сделал ему знак не вмешиваться.

— «Транс Фед Исключительная». Говорит доктор Зарков. Мы ценим это и счастливы, что ваш человек присоединится к нам.

— Мы рады, что вы согласны с нашим предложением, доктор. Сейчас мы проведем маневр стыковки.

— Я надеюсь, что с этой секунды вы берете на себя полную ответственность за то, чтобы все системы работали безупречно. Особенно, если мы найдем на борту людей, оставшихся в живых.

— Мы вас не понимаем, доктор. Что вы под этим подразумеваете?

— Я просто имею в виду то, «Транс Фед Исключительная», что вы, если что-то пойдет не так и системы жизнеобеспечения откажут, возьмете на себя полную ответственность за все случаи смерти.

— Там не обнаружено ничего живого.

— Может быть, — сказал Зарков с легкой усмешкой. — Несмотря на это, я официально настаиваю на том, чтобы «Транс Федерация» взяла на себя такую ответственность.

В течение нескольких секунд царила мертвая тишина, затем представитель Компании снова вышел на их частоту.

— «Транс Фед» будет держаться в отдалении, но мы будем наблюдать. Итак, мы подготавливаем сенсорную систему для наблюдения за вами.

Зарков отключил коммуникатор.

— Выродки, — сказал он полушепотом.

Флеш впервые услышал, как ругается его друг. Он был поражен. Зарков всегда был терпеливым, вежливым человеком, редко говорившим кому-нибудь грубое слово, если вообще когда-нибудь он говорил подобное. Тем более странным было слышать от него сейчас такие не свойственные ему выражения.

— Сто пятьдесят восемь мужчин и женщин — и, конечно, дети там внутри, может быть, мертвы, а эти стервятники из «Транс Фед» только и думают о защите своих прав, — возбужденно произнес Зарков.

Он смотрел на обзорный экран, теперь полностью закрытый гигантской массой «Доброй Надежды».

— Это одна из первых попыток человека достичь звезд. Боже мой, лететь на таком корабле к звездам — все равно, что отправиться к Марсу на древнем паруснике. Шансы на успех примерно те же. То есть почти равны нулю. Это, должно быть, гроб, а не корабль, который стоит спасать.

— Охранительница, — мягко сказал Флеш.

— Да, Флеш, — тут же отозвался компьютер.

— Я освобождаю навигационный центр, беру управление кораблем на себя для немедленной посадки на южном полюсе находящегося перед нами корабля.

Пальцы Флеша засновали по пульту управления и панели Охранительницы. Он переключился с автоматического управления на ручное, чтобы уравнять относительные скорости кораблей. Приспосабливаться к вращению гигантского корабля не было необходимости, потому что они собирались совершить посадку в том месте, которое вращается вокруг себя самого и

поэтому неподвижно.

«Неустрашимый» медленно скользил над передней частью огромного корабля. Они проплывали над шлюзами ангаров, экранами, отверстиями шахт и другими возвышениями, впадинами и неровностями. Все почернело и было выветрено метеоритными частицами за время путешествия в глубоком космосе.

Охранительница непрерывно передавала данные, базирующиеся на оценках скоростей, и информацию чипа Заркова о «Доброй Надежде» на пульт управления. В прицельном круге «Неустрашимого» на перекрестке нитей был южный полюс корабля с причальным устройством. Флешу оставалось только лететь точно по курсу и совмещать перекрестье нитей с кружком, в котором находилась трехмерная цель.

— У вас есть анализ воздуха на «Доброй Надежде»? Пригоден ли он для дыхания?

— Он подобен земному на восемьдесят процентов, — мягко сказала Охранительница. — Немного более богат кислородом, но вполне пригоден для дыхания.

— Мы пойдем в скафандрах. Передавай нам всю полученную информацию. Если в системах на борту «Доброй Надежды» будут происходить какие-нибудь изменения, мы тотчас же должны узнавать об этом. Я также хочу, чтобы меня информировали, если какой-нибудь корабль приблизится ближе чем на сто километров.

— Будет сделано, — сказала Охранительница.

«Неустрашимый» скользил над нижним краем «Доброй Надежды». Внезапно появилась Земля, белая с голубым. Перед ними находился южный полярный шлюз, гигантские металлические ворота в стенке купола, выступающего из корпуса корабля. А потом они оказались под гигантским кораблем. Его корпус теперь был над ними, и Флеш осторожно подводил свой корабль к шлюзу на южном полюсе. Легким прикосновением к пульту управления он уравнял относительные скорости, пока «Неустрашимый» не оказался неподвижен относительно шлюза «Доброй Надежды», находившегося теперь менее чем в двадцати метрах от выходного шлюза «Неустрашимого».

Флеш выключил автоматику. Выбираясь из своего противоперегрузочного кресла, он взглянул наверх:

— Придерживайся этой позиции, Охранительница.

— Будет сделано, — прозвучал тихий ответ.

Феш помог Заркову выбраться из его противоперегрузочного кресла. Вместе с Дейл они пробрались к складу снаряжения, находившемуся поблизости от шлюза. Это было самое большое помещение на корабле, не забитое полностью. У них оказалось

достаточно места, чтобы выпрямиться и надеть скафандры.

Зарков начал снимать с грузовых полок ящики, которые прихватил с собой. Наконец, он выбрал металлический ящик с ручками, очень похожий на старомодный дорожный чемодан. Он поставил его на нижнюю полку и открыл. Там находилось множество инструментов, многие из которых Флеш никогда не видел; иные из них были завернуты в тряпочки из мягкой губчатой материи.

Флеш, стоявший возле Заркова, вытащил один из инструментов. Это был длинный, тонкий стержень, один конец которого был расплющен, а на другом была пластмассовая ручка.

— Отвертка, — улыбаясь, сказал Зарков. — «Добрая Надежда» построена еще в те времена, когда не было никаких молекулярнных связей. Замковые пластины, части приборов и куча других подобных вещей — количество их было поистине бесконечно — связывались при помощи металлических штифтов. На конце такого штифта находилась узкая щель, в которую вставлялось острие отвертки.

Флеш некоторое время рассматривал полированные инструменты, словно взятые из музея, потом осторожно положил отвертку в ящик.

— Несколько лет назад по описаниям в старых бумажных книгах я вычертил эти инструменты и изготовил их, — пояснил Зарков. Он посмотрел на Флеша. — Если нам хоть немного повезет, эти инструменты послужат нам ключом, с помощью которого мы попадем на борт «Доброй Надежды».

— А потом? — коротко бросил Флеш. Зарков промолчал и обратился к Дейл.

— Я хотел бы, чтобы ты осталась здесь, моя дорогая. Дейл посмотрела сначала на дядю, потом на Флеша и отрицательно покачала головой.

— Я не хочу оставаться, дядя Ханс, — непреклонно сказала она, надела шлем, застегнула его, и сразу же после этого заработали механизмы ее скафандра.

Зарков снова повернулся к Флешу.

— Я поместил в память Охранительницы взятые с собой чипы с информацией о «Доброй Надежде». Она может привести нас к анабиозному отсеку, который находится около центра корабля. Я хочу сам убедиться, мертв экипаж или нет. Если мы сделаем это, то введем в память корабля полученную нами новую информацию. Если, конечно, мы получим ее.

— А потом пройдем к двигателям? — спросил Флеш. Зарков кивнул.

— Прежде чем корабль «Транс Федерации» перебил нас, мы

установили, что эта самая одна десятая процента, превышающая первоначальную массу, составляет десять тысяч тонн. Это двукратная масса «Неустрашимого»!

Флеш надел на Заркова шлем, помог застегнуть его. Затем он занялся собственным шлемом. Аппаратура скафандра тотчас ожила, и контрольные индикаторы перед глазами замигали зеленым.

— Охранительница, — сказал он.

— Я с вами, — раздался в его шлеме мягкий голос. — Ситуация на борту «Доброй Надежды» все та же, кроме области центра управления. Там зарегистрировано слабое выделение энергии, как у измерительных приборов.

Флеш поднял глаза.

— Как велика вероятность, что это приборы-детекторы, которые смогут обнаружить наше присутствие?

— Трудно сказать, Флеш, — произнесла Охранительница довольно задумчиво. — Но я думаю, что вероятность более восьмидесяти процентов.

«Корабль, по крайней мере, пока еще жив», — подумал Флеш.

— Поле помех?

— Никакого, — ответила Охранительница.

— Повторяю: держи меня в курсе событий.

— Конечно.

— Дейл? — Флеш посмотрел на нее. Она кивнула. Шлем ее сильно качнулся.

— Я слышала.

— Доктор Зарков? — спросил он.

— Мы идем.

Флеш нажал на переключатель, и люк медленно скользнул в сторону. Все трое протиснулись в переходный шлюз. Доктор Зарков держал свой чемодан с инструментами. Флеш запер внутренний люк, включил насосы, выкачивающие воздух, а когда процедура закончилась, открыл наружный люк. Маленькое облачко кристалликов льда, словно мелкие хлопья снега, вырвалось наружу.

Посадочный купол «Доброй Надежды» был огромен — проем открытых ворот ангара был настолько велик, что мог одновременно пропустить десяток кораблей, подобных «Неустрашимому».

Зарков указал на место справа от гигантских ворот ангара.

— Похоже на люк шлюза величиной в рост человека, — прозвучал его голос из динамиков скафандра. — Попробуем добраться туда.

Они друг за другом оттолкнулись от «Неустрашимого» и

через пару секунд уже стояли на маленькой металлической платформе, находившейся над тем, что, очевидно, было воздушным шлюзом.

С помощью магнитных присосок Зарков закрепился на обшивке корабля. Включив нашлемный фонарь, он начал исследовать массивный люк и его окрестностей. И тотчас же нашел маленькую крышечку-пластинку, державшуюся на трех утопленных винтах.

Он открыл ящик с инструментами, достал оттуда несколько различных отверток и быстро выкрутил винты. Пластинка откинулась.

В плоском углублении за ней находилось множество проводов, несколько контрольных лампочек, которые сейчас светились зеленым, а также коробка с предохранителями.

— Охранительница, — услышал Флеш в своих наушниках голос Заркова.

— Да, доктор Зарков?

— Не можешь ли ты отыскать данные о строении воздушных шлюзов «Доброй Надежды»?

— Попробую, — сказала Охранительница. Мгновением позже она снова вышла на связь. — Мне нужны дополнительные данные, доктор Зарков. Воздушные шлюзы, очевидно, обозначены семизначными цифрами.

Зарков напряженно всматривался в углубление, стараясь отыскать нужный номер, однако первой его увидела Дейл. Она тут же передала Охранительнице.

Через секунду на внутренних экранчиках шлемов появилась схема шлюза. Зарков несколько минут пристально рассматривал ее. Потом он удовлетворенно хмыкнул. Вытащив из ящика с инструментами короткий зонд, к которому была прикреплена проволочка, он коснулся его концом крошечной острой клеммы. Затем осторожно прикрепил проволочку к одному из предохранителей. Отойдя немного назад, он коснулся зондом одного из контактов на другом предохранителе, и крышка люка тяжело открылась.

Глава 4

Флеш включил внешний микрофон своего скафандра, задержал дыхание и прислушался, нет ли необычных шумов и каких-нибудь подозрительных шорохов. Однако на борту «Доброй Надежды» все было тихо. Это была жуткая тишина, и Флеш почувствовал себя неуютно. Тишина могилы.

Воздушный шлюз, в котором они все еще стояли, по-видимому, находился на палубе ангара. Слабые лампочки висели высоко вверху, тускло освещая четыре больших бота, похожих на наземные машины. Они стояли в ряд на своих стартовых полозьях, направленные на гигантские выпуклые ворота. Флеш сделал несколько шагов по направлению к ним.

Ими никогда не пользовались. Лобовые части, обшивка ботов ничуть не обгорели и выглядели новыми. Это значило, что экипаж «Доброй Надежды» никогда не совершал высадки на планеты. По крайней мере, на своих ботах.

— Здесь как-то призрачно, — донесся из наушников испуганный голос Дейл.

Флеш обернулся к ней — она уже вышла на пару метров из воздушного Шлюза. Зарков уставился на нечто вроде пособия по обслуживанию возле пульта с приборами и лампочками. Через некоторое время старый ученый оторвался от схемы и повернулся к Флешу:

— Они предусмотрели этот шлюз на случай бегства при экстренных обстоятельствах; поэтому снаружи нет никаких вспомогательных устройств.

— Как же тогда они выходили наружу при обычных обстоятельствах? — поинтересовался Флеш. Он почти слышал, как Зарков пожал плечами.

— Я думаю, на ботах. На корабле повсюду видны ремонтные шлюзы. На плане, который у меня с собой, показана система из сотен шлюзов.

— Ну а можно ли, например, выяснить, использовался ли когда-нибудь этот шлюз?

— Здесь вряд ли, — ответил Зарков. — Но если существует центральный банк данных, нечто вроде бортовой компьютерной системы, это, конечно, можно выяснить.

Он еще раз оглянулся назад на воздушный шлюз. Над ним светилось слово «СНАРЯЖЕНИЕ» и номер шлюза.

— Охранительница, ты слышишь меня? — спросил Флеш.

— Я слышу тебя, Флеш. Тут какие-то номера, которые я не могу локализовать. Но я пытаюсь отфильтровать их. Зарков

перестал осматривать шлюз.

— Изменилось ли что-нибудь в состоянии «Доброй Надежды»?

— Зарегистрирован короткий энергетический импульс в контрольной башне, находящейся на внешней обшивке, в двух километрах от того места, где вы сейчас находитесь. Я считаю, что он мог возникнуть из-за того, что вы активизировали шлюз. Вероятность этого восемьдесят процентов.

— Изменилось ли состояние биомассы? — спросила Дейл, и Флеш услышал надежду в ее голосе.

— Боюсь, что нет, — дружески ответила Охранительница. — В ее состоянии ничего не изменилось.

— Локализируй анабиозный отсек и дай мне подробную схему ходов и коридоров, — сказал Флеш.

— Сейчас, — ответила Охранительница. Сразу же после этого на маленьком экранчике над защитным стеклом шлема Флеша засветилась схема. Сначала она двигалась и мерцала, потом движение стало медленнее, и схема стабилизировалась, превратившись в сложную диаграмму.

— Пожалуйста, упрости, — попросил Флеш. — И обозначь нашу позицию.

Изображение на экранчике Флеша, казалось, прояснилось. Крошечная красная точка замерцала в большом помещении в нижней части схемы. Еще большее свободное помещение находилось точно под ними, оно было окружено зеленой светящейся каймой. Он некоторое время пристально рассматривал схему, потом повернулся снова к Дейл.

— Дейл, я еще раз прошу тебя, вернись на «Неустрашимый» и подожди нас там. При помощи Охранительницы ты сможешь узнать все, что мы здесь обнаружим.

— Нет, — категорически ответила она. Флеш глубоко вздохнул и выразительно посмотрел на Заркова.

— Пусть она держится позади нас, — сказал полковник, повернулся и странной спотыкающейся походкой побрел по палубе ангара. Здесь, в центральной оси корабля, где не было центробежной силы, царила невесомость. На внешней стенке отсека корабля, в самой дальней от оси вращения точке, центробежная сила, вероятно, достигала силы тяжести на Земле.

На схеме на экранчике Флеша точно по корабельной оси проходила шахта. На задней стенке ангара в нее вело отверстие. Красные регулярные точки, очевидно, указывали на отверстия и выходы на палубу, падавший из них свет отражался от стенок шахты. Вверху свет ламп все больше и больше слабел и, наконец, исчезал в глубине трехкилометровой шахты. Насколько Флеш мог

видеть, на стенках шахты на равном расстоянии друг от друга находились поручни. Однако, прежде чем начать подниматься, он еще раз посмотрел на схему. Анабиозный отсек находился на расстоянии двенадцати метров от шахты, в главном коридоре, который пересекал центр гигантского корабля. Это значило, что отсек находился в полутора километрах над ними.

— Готовы? — спросил Флеш, повернувшись к Заркову и Дейл.

— Следуем за тобой, — ответила Дейл, а Зарков кивнул.

Флеш вернулся в шахту, с усилием оторвал магнитные подошвы своих высоких ботинок от палубы и оттолкнулся. Он довольно грациозно поплыл вверх по шахте, отталкиваясь от поручней и продвигаясь все выше.

Миновав первую пару ведущих на палубы отверстий, он посмотрел вниз. Примерно в десяти метрах под собой он уввдел нашлемный прожектор Дейл, а еще десятью метрами ниже поднимался Зарков.

Пока они двигались от поручня к поручню вверх по шахте, Охранительница уточнила их местоположение. Оно обозначилось красной точкой, двигающейся вверх по шахте к пересечению с главным коридором.

На полпути к этому пересечению он услышал голос Охранительницы, слабый и прерываемый помехами:

— Флеш, ты понимаешь меня?

— Да, но связь очень слабая.

— Кто-то вторгся в мои системы, — сказала Охранительница.

Хотя для компьютера, даже такого высококлассного, как Охранительница, было невозможно никакое проявление чувств, Флеш был убежден, что в ее голосе он услышал признаки неуверенности.

— Каким образом? — спросил он и, пропустив поручень, медленно поплыл дальше.

— Я этого не знаю, — отозвался голос компьютера. — Кажется, кто-то взял меня под наблюдение. Но я не могу локализировать место контакта.

— Вы слышали это, доктор Зарков? — окликнул Флеш и посмотрел вниз, в шахту. Дейл и Зарков остались далеко позади, но теперь они медленно приближались.

— Да, — задыхаясь ответил Зарков. — Охранителышца, ще в данное время находится корабль «Транс Федерации»?

Некоторое время было тихо. Флеш продолжал медленно скользить вверх по шахте. Ковда же Охранительница снова вышла на связь, Флешу почудилось, что он снова слышит нотки неуверенности в ее голосе.

— Я не могу точно замерить местоположение их корабля, но

мои детекторы отмечают на месте их прежнего положения гравитационную аномалию.

— Пожалуйста, извините нас за вторжение, доктор Зарков, — проревел другой голос. Он был сильнее и свободен от помех.

— «Транс Федерация», — язвительно сказал Зарков. — Я охотно посмотрел бы на биочипы, при помощи которых вам удалось провести этот маленький трюк.

— Они совершенно новые, доктор, но вы, конечно, сможете взглянуть на них, когда покончите с делами на борту «Доброй Надежды».

— Охранительница, — мягко сказал Флеш, — сейчас же блокируй все сенсорные датчики на «Доброй Надежде» и оборви с нами связь.

После некоторой паузы Охранительница сообщила:

— Я не могу этого сделать, Флеш. У меня больше нет контроля над переключателями.

— Пожалуйста, продолжайте ваши поиски, доктор Зарков, полковник Гордон и мисс Арден. Мы тоже хотим наблюдать за тем, что вы найдете.

— Тоща освободите нашу Охранительницу. Нам нужен ее банк данных и ее координирование, — спокойно попросил Зарков. Он держался в паре метров ниже Дейл и Флеша.

— Мне очень жаль, доктор, но мы не можем этого сделать, — чрезвычайно вежливо ответил представитель «Транс Федерации». — Но мы предоставим в ваше распоряжение все, что вам понадобится. Мы устроим так, что вы сможете установить прямой контакт с вашей машиной. А теперь, пожалуйста, не волнуйтесь и продолжайте свое дело.

Зарков посмотрел вверх, мимо Дейл, на Флеша и беспомощно покачал головой. Через несколько секунд Флеш взглянул вверх, в шахту, а потом на схему на своем экранчике. Они должны выполнить эту работу, и они выполнят ее, с помощью «Транс Фед» или без неб.

Тем не менее, когда Флеш снова поплыл вверх, у него созрело твердое намерение нанести визит на корабль «Транс Фед», когда они здесь все закончат. Визит, который «Транс Фед» еще долго будет вспоминать. Даже если это будет противоречить приказам генерала Барнеса.

Через десять минут они преодолели оставшееся расстояние, и Флеш вышел из шахты в большой коридор, поднимавшийся к области с более заметной силой тяжести. Он помог Дейл и доктору Заркову выбраться из осевой шахты. Потом еще раз посмотрел на схему, светившуюся на его внутришлемном экранчике, и провел их по коридору к большой белой двери,

очень напоминавшей люк воздушного шлюза. Над ней большими красными буквами было написано: «ОТСЕК АНАБИОЗА». Возле двери на высоте груди находился пульт с одной-единственной большой кнопкой, светившейся слабым зеленым светом. Коридор был хорошо освещен и казался стерильно чистым, с хорошо различимыми сварными швами на стенах. Трубопроводы, кабели и вентиляционные трубы покрывали каждый квадратный сантиметр его поверхности, за исключением пола. Пол был из мягкого пластика.

— Охранительница, — позвал Зарков. — Ты можешь проанализировать состав воздуха в анабиозиой камере?

— Ответ отрицательный, — ответила Охранительница.

— Но я засекла сенсорную установку в станции, внешние выводы которой находятся недалеко от вас.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Ответ отрицательный, — сказала Охранительница через пару секунд.

— Отойди назад, Дейл, — скомандовал Флеш и решительно нажал на кнопку.

Тяжелая дверь словно раскололась на четыре клина, тут же исчезнувших в верхних и нижних углах отверстия. За ней находилось большое темное помещение. Когда они остановились на пороге, постепенно включилось освещение.

Флеш хотел войти внутрь, но внезапно словно оцепенел — кровь застыла у него в жилах. Завизжала сирена предупреждения, и в коридоре вспыхнули яркие красные лампочки. Зарков кинулся в дверь. Он схватил Флеша за руку, чтобы оттащить его назад, но остановился тоже.

Они оба блокировали дверь, замерев в большом помещении, молча, неспособные шевельнуться.

— Что такое? — крикнула Дейл. — Что произошло? Флеш повернулся к ней, его желудок взбунтовался.

— Оставайся снаружи, Дейл, — произнес он с трудом, чувствуя, что почти не в состоянии говорить.

— Флеш, ради Бога, что произошло? — испуганно воскликнула Дейл.

Зарков уже вошел в помещение, и Дейл заглянула туда мимо Флеша. Она что-то простонала и опустилась на пол. Глаза ее закатились, веки затрепетали.

Флеш поднял ее обмякшее тело, осторожно вынес в коридор и положил на пол в стороне от двери.

— Охранительница, — сказал Флеш, — проверь жизненные функции Дейл.

— Дыхание нормализуется, пульс быстрый, но сильный,

температура тела упала на десять процентов.

Сирена внезапно отключилась, и сразу же после этого Зарков нагнулся, заглядывая через плечо Флеша.

— Что случилось? — спросил он. Голос его заметно дрожал.

Флеш поднял глаза.

— Она без сознания, но скоро очнется, — он встал и заглянул в глаза своего старого друга. Глаза Заркова были влажны. — Мы должны войти туда и осмотреть там все. Зарков кивнул, но ничего не сказал.

— Что у вас там случилось? Что вы обнаружили? — проревел голос человека из «Транс Федерации» в их шлемах.

— Мисс Арден потеряла сознание, — сдержанно ответил Флеш. Мысли его бешено скакали. Пока они были в скафандрах, они были связаны с Охранительницей на борту «Неустрашимого», и поэтому «Транс Фед» имела возможность следить за каждым их движением и словом.

— Почему? — выдохнул наблюдатель из «Транс Фед».

Флеш сделал движение, словно хотел снять свой шлем. В глазах Заркова зажглось понимание, ученый кивнул и знаками показал, что воздух здесь пригоден для дыхания.

Когда Флеш отстегнул замки шлема, в нос ему ударил слабый запах тления. Он немного поколебался и снял шлем. Коммуникатор скафандра и система жизнеобеспечения тотчас же отключились. Зарков помедлил, свирепо улыбнулся, отстегнул и снял свой шлем.

— «Транс Фед» кричит «Караул!» и «На помощь!» потому, что вы прервали связь. Они сказали, что немедленно пошлют сюда целый отряд.

— А они смогут войти внутрь? — спросил Флеш. Воздух здесь имел странный металлический привкус, словно он был надолго законсервирован; так на самом деле и было. Однако в нем угадывался и запах тлена, удушливый смрад разложения становился все сильнее.

— Я не думаю, — сказал Зарков. — Если только они не вскроют обшивку корабля. Но вряд ли они сделают это. Во всяком случае не тогда, когда поблизости военные. Так далеко они не посмеют зайти.

— Военные до сих пор не предложили нам никакой помощи, — огорченно возразил Флеш. — Да нам в действительности и не нужно никакой помощи. Но если «Транс Фед» попытается проделать дыру в обшивке этого корабля, они схватят ее с поличным.

Дейл, наконец, пришла в себя, и Флеш помог ей встать ноги. Он снял с нее шлем. Некоторое время она, казалось, не понимала,

где находится. Однако вскоре глаза ее ожили, и она схватила Флеша за руку.

— Они мертвы.

Флеш кивнул:

— Мы снова должны войти внутрь. Ты можешь пойти с нами или остаться здесь.

— Я останусь здесь, — сказала она слабо и прислонилась к стене.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Флеш.

— У меня все нормально. Только мне не хочется входить туда еще раз.

— Тотда надень свой шлем. «Транс Фед» может послать людей, которые попытаются проникнуть внутрь. Я хочу, чтобы ты понаблюдала за их шагами. Если что-то произойдет, о чем нам следует знать, сними шлем и крикни. Мы услышим тебя.

Она неуверенно кивнула и снова надела шлем. Флеш и Зарков вернулись в анабиозную камеру. Она представляла собой огромное помещение, сверкавшее хромом и стеклом. Безупречно белый пластик блестел в ярком свете ламп.

Они остановились примерно в пяти метрах от входа, между двумя рядами анабиозных камер. Это были большие, застекленные спереди ящики. Обычно они заполнялись криогенной жидкостью, консервировавшей спящих людей.

— Это помещение было абсолютно стерильным до тех пор, пока мы не вошли сюда, — сказал Зарков, глубоко потрясенный всем увиденным. — До сих пор разложение здесь было абсолютно невозможно. Но теперь оно началось и будет идти все быстрее и быстрее.

— Они все убиты, — пораженно воскликнул Флеш, в голову которого не пришло ничего другого.

Зрелище, представшее перед их взорами, потрясло обоих мужчин, хотя они повидали многое на своем веку.

Стеклянные дверцы всех саркофагов были распахнуты, криогенная жидкость вытекла. У каждого спящего человека, обнаженного, с умиротворенным выражением лица, было перерезано горло. Крови было очень мало. Но та кровь, что струилась из перерезанных шейных артерий этих людей, залила грудь каждому мертвецу. Все они выглядели еще очень молодыми и абсолютно здоровыми, по крайней мере, на первый взгляд. И, несмотря на страшные, зияющие раны на их шеях, казалось, что они просто спят и готовы проснуться от малейшего прикосновения.

— Боже мой… — сказал Зарков. У него перехватило горло, и он умолк. Затем вгляделся в ближайшую секцию, где были видны

шесть поставленных друг на друга саркофагов.

Флеш проследил за взглядом старого ученого. Сначала он ничего не заметил. Но присмотревшись, увидел такое, отчего сердце его забилось учащенно. Одна из анабиозных камер была пуста! В ней никого не было!

Они с Зарковым побежали вдоль ряда и осмотрели пустую камеру. Там не видно было никакой крови. Пока Зарков проверял аппаратуру саркофага, Флеш быстро пересчитал все анабиокамеры с мертвыми телами.

— Здесь сто пятьдесят семь трупов. Семьдесят девять мужчин и семьдесят восемь женщин, — сказал Флеш, заканчивая подсчет.

Зарков выпрямился и посмотрел Флешу в глаза.

— Ее звали Сандра Дебоншир, — тихо сказал он. — Двести лет назад ей было двадцать два года, — он указал на металлическую табличку, которую Флеш сначала не заметил. Она была прикреплена под пультом управления, который регулировал режим камеры. Под именем стоял год ее рождения — две тысячи сто пятьдесят четвертый.

Зарков печально покачал головой и еще раз посмотрел на камеру.

— Постройка этого корабля началась за шесть лет до ее рождения. Ребенком она, вероятно, мечтала о том, чтобы успеть вырасти и попасть в число избранных для этой миссии. В это время на орбите монтировался этот корабль.

— Где же она теперь? — задумчиво спросил Флеш.

— Я этого не знаю, — ответил Зарков.

Он опустил голову и тихо заплакал. Флеш обнял рукой узкие, слабые плечи своего друга и повел его к двери, когда Дейл ринулась им навстречу.

Она кричала, что «Транс Фед» собирается вскрыть обшивку корабля.

Глава 5

По всему огромному кораблю заревели сирены, когда Флеш и доктор Зарков выбежали из анабиозного отсека и тяжелая белая дверь закрылась за ними.

Дейл была сильно возбуждена. Потребовалось некоторое время, чтобы она окончательно успокоилась. Наконец можно было понять то, что она пыталась прокричать им сквозь вой сирен.

_ А теперь помедленнее, — сказал Флеш и взял молодую женщину за плечи. Его собственное сердце бешено колотилось от того, что он увидел в анабиозном отсеке. — Что там такое с «Транс Фед»?

— Они у шлюза, которым мы пользовались, — воскликнула Дейл прерывающимся голосом. — Они говорят, что прожгут шлюз, если мы его им не откроем.

Флеш посмотрел на Заркова, который был все еще бледен, как полотно.

— Они уже начали! — воскликнул Флеш. Тысячи мыс-лей промелькнули у него в голове.

— Если они это сделают, коридоры будут перекрыты защитными переборками, и мы окажемся в мышеловке. Зарков кивнул. Они мыслили одинаково.

— Когда мы поднимались, я видел аварийные переборки на каждой палубе. Если они на самом деле решатся на взлом и прожгут шлюз, потеря воздуха, вероятно, заставит аварийные переборки в шахте закрыться.

— Спокойствие, — сказал Флеш и попытался сосредоточиться. — Как вы думаете, сможем ли мы найти центр управления и узнать, как манипулировать этой системой переборок?

— Без чипа с данными банка Охранительницы это сделать очень трудно, но я могу попытаться, — ответил Зарков.

— Я не хочу, чтобы нас здесь захлопнуло. Иначе придется прожечь множество переборок, чтобы выбраться отсюда, — Флеш был настроен решительно.

Он поднял свой шлем, надел и застегнул его. После это-го произнес подчеркнуто спокойным голосом:

— Охранительница.

Но никакого ответа не последовало. Слышен был только непрерывный тихий шорох.

— Они ее заблокировали, — раздался в его наушниках голос Заркова. Он, казалось, не был удивлен.

— Попытайся пройти к центру управления. А я вернусь в ангар и посмотрю, не удастся ли мне задержать их.

— Я иду с тобой, — подала голос Дейл.

— Ты идешь со своим дядей, — фыркнул Флеш. — Иначе он рассердится.

Она расстегнула один из глубоких карманов своего скафандра и вынула оттуда лазерный пистолет.

— Я уже подумала о том, что это обидит его, — усмехнулась она. — Но все же я иду с тобой.

— У нас нет времени для дискуссий, — в голосе Флеша не было уверенности.

— Верно, — ответила она. — Поэтому идем.

Флеш еще немного поколебался, рассерженно покачал головой, и они поспешили по коридору назад, к осевой шахте. Там и расстались. Дейл и Флеш полетели вниз, а Зарков отправился на верхнюю палубу.

Им понадобилось довольно много времени, чтобы спуститься вниз. В нескольких метрах над отверстием, ведущим в ангар, Флеш подал Дейл знак остановиться, а сам достал свой лазерный пистолет.

Он велел ей держаться за ним. Потом осторожно опустился к отверстию и заглянул в ангар.

Сирены по-прежнему громко ревели, но никаких других изменений видно не было. Переборка шлюза, находившегося прямо перед ними, все еще была нетронута. Флеш предположил, что люди из «Транс Федерация» сейчас возятся над внешней переборкой, если только они не блефовали.

Наверху находилось сто пятьдесят семь мужчин и женщин с перерезанными глотками; этот груз и болезненная реакция Заркова угнетали Флеша.

Он попытался отогнать от себя эти мысли, и ему это удалось. Флеш протиснулся сквозь отверстие. Ковда он ступил на палубу магнитными подошвами своих ботинок, Дейл последовала за ним. Он обернулся и осмотрел переборку осевой шахты. Флеш отчаянно искал возможность закрыть отверстие; оно ограничит утечку воздуха с этой палубы, если воздушный шлюз все-таки будет вскрыт.

Как и наверху, в коридоре, стены здесь тоже были покрыты кабелями, лампочками и сотнями различных приборов. Наконец Флеш отыскал выключатель с надписью: «Аварийная переборка „Палубы ангара“». За маленьким деревянным кружочком находилась кнопка. Он разбил стекло рукояткой пистолета и вдавил кнопку. Тотчас же опустилась массивная стальная плита и перекрыла отверстие.

Флеш, спеша к пока еще неповрежденному шлюзу, строго приказал Дейл, чтобы она держалась позади него. Когда она выполнила его приказание, он нажал на кнопку управления шлюзом. Дверь начала медленно отодвигаться. Флеш отскочил назад метров на пять, пригнулся и прицелился в отверстие из лазерного пистолета.

Дверь открылась полностью. Стало видно, что внешний люк был уже вишнево-красным. Люди «Транс Фед» действительно пытались прожечь его.

— «Транс Фед Исключительная», — сказал Флеш в микрофон своей рации. — Вы меня слышите?

— Будь осторожен, Флеш, — услышал он в наушниках голос Дейл.

Он обернулся. Вид у нее был весьма решительный и суровый. В центре крышки люка стало расползаться белое пятно, металл начал плавиться.

— «Транс Фед Исключительная», это полковник Гордон. Я предупреждаю вас, не вторгайтесь сюда!

Люк распался и был выдут наружу, когда воздух взрывоподобно улетучился из ангара. Ревущий ветер оглушил Флеша.

— «Транс Фед», — крикнул Флеш в микрофон. — Оставайтесь снаружи, иначе нам придется применить силу!

В отверстии шлюза появилась фигура человека в скафандре. Флеш поднял свой лазерный пистолет и открыл огонь с колена. Человек прыгнул через шлюз.

Флеш возобновил огонь. Потом отпрыгнул вправо, к ботам; в это время сквозь шлюз протиснулся второй человек. Первый упал на пол с разбитым шлемом.

Часть бота под Флешем взорвалась. Дождь раплавленного металла брызнул на палубу. Второй человек упал назад, в открытую внутреннюю дверь шлюза. Он мучительно изогнулся в агонии. На плече его скафандра было прожжено зияющее отверстие, и система жизнеобеспечения вышла из строя.

Флеш увидел, что Дейл огибает бот, находившийся позади него. Он занял новую позицию за одной из посадочных лап.

— Полковник Гордон! — раздался голос в его наушниках. — Вы слышите меня?

Флеш плашмя лежал на полу. Его оружие было нацелено на открытый шлюз, перед которым виднелись трупы Двух сотрудников «Транс Фед». Он быстро переключил канал своей рации:

— Командный Пункт Военных Сил Федерации. Командный Пункт Военных Сил Федерации. Вы меня слышите?

— Мы блокировали связь с Командным Пунктом, — проревел тот же голос на новом канале. — Мы требуем, чтобы вы покинули «Добрую Надежду». Мы будем держаться поодаль и гарантируем вам отступление.

— Освободите связь с Охранительницей, — потребовал Флеш, задумавшись над этим предложением.

Не было больше никаких сомнений, что «Транс Фед» теперь не выпустит их живыми. Их смерть будет выглядеть несчастным случаем или, по крайней мере так, словно людям «Транс Фед» пришлось защищаться. Но все это не имело никакого смысла. Ведь у «Транс Федерации» есть законные притязания на «Добрую Надежду». Они могли дать разрешение доктору Заркову продолжить исследования, разрешить перенести трупы экипажа и пассажиров для надлежащего захоронения. Сам же корабль целиком и полностью будет принадлежать им. Почему «Транс Фед» взяла на себя риск держать свой отряд так близко от корабля и решилась пойти на такие крайние действия, Флеш не мог понять.

— Я боюсь, что мы не сможем этого сделать, полковник Гордон. Но мы позволим вам беспрепятственно уйти с корабля и гарантируем вашу безопасность.

— Нет, — сказал Флеш. — Теперь уже слишком поздно. Мы останемся здесь. Рано или поздно военные захотят узнать, что случилось, и придут.

— Тогда вы не оставляете нам другого выбора, полковник Гордон. Мы намереваемся взять «Добрую Надежду» штурмом. И мы это сделаем после того, как убедим военных, что вы и ваши спутники погибли при взрыве вашего собственного корабля.

Флеш подпрыгнул и скользнул к открытому шлюзу. Левой рукой он ухватился за его край, держа в правой наизготовку лазерный пистолет. Пролетев над трупами людей «Транс Федерации», он влетел в шлюз и осторожно приблизился к его наружному отверстию. Переборка, закрывавшая его, была полностью сожжена и вытолкнута воздухом наружу.

Он вышел как раз вовремя, чтобы увидеть, как отлетает корабль «Транс Федерации». Сразу же после этого «Неустрашимый» стал отдаляться от причального купола «Доброй Надежды».

— Командование Вооруженных Сил Федерации! Командование Вооруженных Сил Федерации! Вы меня слышите? — повторял Флеш в микрофон. Никакого ответа он не получил и беспомощно смотрел, как медленно, словно бы с неохотой разворачивается «Неустрашимый». Наконец, поворот закончился, и, окруженный сияющим блеском, он исчез из виду,

уйдя на более низкую орбиту.

— Флеш! — прозвучал в его наушниках голос Заркова. Флеш обернулся и вплыл обратно в ангар.

— Где вы, доктор? — спросил он, вновь пролетая над трупами. Дейл укрылась за одним из ботов и стояла там с лазерным пистолетом в руке.

— Я в централи управления. Это тридцатью палубами выше анабиозного отсека. Над отверстием шахты написано «Палуба управления». Вам с Дейл лучше подняться сюда.

— Главная шахта закрыта. В ангаре нет воздуха.

— Минуточку, — сказал Зарков. В его голосе послышалось слабое беспокойство. — Указатель здесь показывает на открытый шлюз. Вы можете его закрыть?

— Да, — ответил Флеш.

— Сделайте это немедленно, — приказал Зарков. — Отсюда я смогу снова наполнить отсек ангара воздухом. Но поспешите — у нас мало времени!

— Что же случилось, дядя Ханс? — спросила Дейл. Она осмотрелась, словно считая, что они вот-вот выпрыгнут из шлюза наружу. — Что происходит?

— Сейчас нет времени на объяснения, Дейл. Делай то, что я сказал. И, прошу тебя, поспеши!

Ни секунды не колеблясь, Флеш вытолкнул из шлюза оба трупа, потом закрыл внутреннюю дверь. Огромная Дверь тяжело задвинулась, запоры защелкнулись, и лампочка на пульте управления замигала зеленым.

— Шлюз закрыт, — сказал Флеш.

— Началось заполнение. Откройте люк в осевую шахту и немедленно поднимайтесь сюда! — продолжал командовать старый ученый.

Флеш и Дейл устремились к задней части ангара. Флеш нашел нужную кнопку на пульте возле люка. Над кнопкой се еще светилась красная лампочка. По мере того, как воздух устремлялся в ангар, на металле конденсировалась влага.

Наконец, когда давление в ангаре стало нормальным, замигала зеленая лампочка. Флеш нажал на кнопку, и люк поднялся вверх, исчезнув в стене.

— Поспешите, — настойчиво призывал голос Заркова в наушниках Флеша. Он и Дейл прыгнули в шахту.

Флеш толкнул Дейл вверх, ухватился за один из поручней, отчаянно пытаясь найти пульт управления шлюзом изнутри шахты. Он обнаружил его над отверстием, нажал на кнопку, и люк снова закрылся.

— Мы в шахте, и она закрыта! — крикнул Флеш и прыгнул

вверх. Он подхватил Дейл, увлекая ее за собой по огромной трубе.

Повсюду в шахте вспыхнули лампочки, и высоко над ними завыл сигнал тревоги. Внизу, прямо над палубой ангара, закрылась заслонка, отрезав область посадочного купола.

Сразу же после этого закрылась другая заслонка, точно над отверстием первой палубы. Заслонки закрывали палубу за палубой с такой скоростью, с какой Флеш и Дейл поднимались вверх по осевой шахте.

— Что происходит снаружи? — поинтересовался Флеш.

— «Неустрашимый» только что взорвался, Флеш, и военные летят туда. «Транс Федерация» подводит свой корабль к посадочному шлюзу.

— Там, наверху, есть путь, по которому мы можем покинуть корабль?

— Теперь нет, — сказал Зарков. Казалось, что он находится в невероятном напряжении. — Поспеши, Флеш! — крикнул он. — Этот корабль, кажется, готовится к старту, и я не могу ничего с этим поделать.

Они, не задерживаясь, миновали главный коридор, где находился отсек анабиоза. Эта палуба тут же закрылась так же, как и остальные.

Взрыв где-то далеко под ними заставил завибрировать стенки шахты. Мгновением позже гигантский корабль ожил. Внезапно раздалось такое низкое гудение, что его можно было только чувствовать, но не слышать. Лампы мигнули раз, другой, а высота гудения стала нарастать.

Флеш удвоил свои усилия; цепляясь за поручни, он поднимался вверх на пределе своих возможностей. Пот струился по его лицу, и охлаждение скафандра было явно недостаточным. Немного выше его вверх по шахте двигалась Дейл.

— Т МИНУС ТРИДЦАТЬ СЕКУНД. ГЕРМЕТИЗАЦИЯ, — прозвучал в осевой шахте безликий механический голос. Лампы вспыхнули еще ярче, а гудение, от которого вибрировал весь корабль, стало еще выше.

Дейл, уставшая от гонкн, замедлила скорость подъема. Никто из них не спал последние двадцать четыре часа. Тело Флеша было морем боли от ударов, которые несколько часов назад он получил в матче ТРИ-В.

Отзвук еще одного взрыва донесся шизу по стенкам шахты. А потом в пятидесяти метрах над ними в отверстии появилась фигура Заркова.

— «Транс Федерация» взорвала главные ворота ангара, — прозвучал голос Заркова в наушниках Флеша.

— Т МИНУС ДВАДЦАТЬ СЕКУНД. НАЧИНАЕТСЯ ПОСЛЕДНЯЯ ГЕРМЕТИЗАЦИЯ, — прогремел бесстрастный голос, перекрывая резкий вой сигнала тревоги.

Последним толчком Флеш подбросил Дейл вверх. Когда она пролетала мимо входа на палубу управления, Зарков схватил ее за руки и поспешяо втащил в коридор; Флеш тотчас же последовал за ними.

Узкий проход, круто поднимавшийся от осевой шахты, был заполнен устаревшим электронным оборудованием: ряды мерцающих лампочек и сотни шкал измерительных приборов показывали, что корабль внезапно ожил после то-го, как проспал сотню лет, а возможно, и больше.

— Т МИНУС ДЕСЯТЬ СЕКУНД… — прозвучал голос теперь много ближе, без эха в тесном пространстве. — ДЕВЯТЬ… ВОСЕМЬ… СЕМЬ…

Со всей скоростью, на которую были способны его старые ноги, доктор Зарков спешил вверх по коридору, толкая перед особой Дейл. В паре метров от осевой шахты, которая теперь автоматически закрылась, он протолкнул Дейл через узкое овальное отверстие между шкафами с приборами, а затем пролез сам.

— ШЕСТЬ… ПЯТЬ…

Флеш протиснулся через овальный вход в большое помещение, заполненное огромным количеством старого оборудования и по меньшей мере дюжиной противоперегрузочных кресел. Дейл и доктор Зарков пристегнулись к двум креслам в передней части помещения перед множеством экранов. На них мерцало ближайшее пространство вокруг корабля.

— ЧЕТЫРЕ… ТРИ… ДВА… — отсчитывал голос. Флеш упал в кресло возле доктора Заркова и пристегнулся старомодными ремнями.

— …ОДИН… НОЛЬ…

Корабль начал двигаться, сначала тяжело, но потом все быстрее и быстрее. Ускорение с силой вжало всех троих в мягкие кресла.

Бортовые приборы ожили. Флеш, все еще одетый в скафандр, с застегнутым шлемом, услышал, как человек из «Транс Федерации» что-то прокричал словно издалека, но его голос заглушался сильными помехами.

Внезапно раздался высокий визг, перекрывший все другие звуки, и Флеш почти потерял сознание, по его телу растеклась волна дурноты. Словно сквозь густой туман он наблюдал за экраном, который был вмонтирован в стену прямо перед его

креслом. Звезды, казалось, выросли и расцвели в гигантском, переливающемся калейдоскопе фантастического сияния.

Перед тем как потерять сознание, он вдруг осознал, что они ушли в гипердрайв. На борту корабля, построенного за сто пятьдесят лет до создания двигателей гипердрайва! И это повергло его в шок.

Глава 6

— Что это? — спросила Дейл Арден.

Она, Флеш и доктор Зарков стояли на узком мостике и смотрели вниз, в машинное отделение «Доброй Надежды». Противоположная стена находилась по меньшей мере в пятистах метрах от них. Они стояли примерно в семидесяти — пяти метрах над уровнем главной палубы. Гигантские пучки кабелей, трубопроводы, узлы механизмов расходились и пересекались друг с другом без видимого смысла и цели.

— Этого я еще не знаю, — ответил Зарков.

Точно в центре этой колоссальной пещеры, там, где должен был стоять один из четырех главных ядерных реакторов, находилась объемная масса неопределенной формы, словно состоявшая из обычного гранита. Она выглядела гигантским осколком скалы, упавшим между двигателей. Вдобавок ее окружало слабое голубое сияние.

Все трое уставились на эту странную картину там, внизу. Доктор Зарков время от времени посматривал на пачку голубых чертежей, которые он нашел три дня назад.

Прошла уже ровно неделя с тех пор, как они совершенно неожиданно покинули околоземную орбиту. За это время они ознакомились с большей частью корабля и проверили функционирование многих бортовых систем. Но несмотря на эти исследования, им так и не удалось узнать, куда они летели, куда делась Сара Дебоншир, отсутствующая в анабиозном отсеке, и кто убил остальных членов экипажа.

Одно во всяком случае было ясно. Корабль обветшал. Исследуя его, они часто проходили мимо сгоревших электромоторов, перебитых волноводов и других повреждений. Электронные приборы работали неточно из-за различных дефектов, а их ремонт без необходимых знаний мог длиться годами. А теперь вот еще и это.

Зарков снова посмотрел на голубую схему и покачал головой:

— Что бы это ни было, оно не принадлежит к первоначальному оборудованию корабля.

— Это гапердрайв-привод, — сказал Флеш, рассматривая странный предмет внизу.

— По-видимому, — без всякого сарказма ответил Зарков. — Но кто установил его и когда?

— И почему? — добавила Дейл.

Это замечание обеспокоило Флеша. Он спросил себя, не было ли это устройство делом рук «Транс Фед», но тут же отбросил эту

мысль. Эта штука там, внизу, чем бы она ни была, не могла быть создана «Транс Федерацией». Если это действительно гипердрайв-привод, то совершенно ясно, что никто в Федерации не мог создать его.

Кроме того, что в Федерации еще никогда не было создано ничего, что напоминало бы этот странный камень, они находились в гипердрайве уже целую неделю. А обычно гипердрайв-прыжок длился не дольше одной-двух секунд. И, как правило, большую часть времени занимал полет на досветовой скорости от одной каталогизированной гиперточки до другой.

Флеша мучило еще одно. Трупы в анабиозном отсеке. Два дня назад, надев скафандр, он еще раз побывал на этой палубе. Его все время что-то притягивало к этому месту. Это ужасное зрелище, застывшая сцена, которую все они считали убийством.

Сейчас там стало еще хуже. Много хуже, чем он ожидал. Бактерии, которые они занесли с собой в стерильное помещение, вызвали разложение. То, что он увидел внутри, прочно запечатлелось в его памяти. Две последние ночи он плохо спал. Стоило только закрыть глаза, как тут же возникали трупы мужчин и женщин, их разлагающаяся плоть, зияющие раны на их горле; и еще — молодая женщина, сжимающая в руке окровавленный нож; она кричала и смеялась, как безумная.

— Я и так догадываюсь, что это за штука, — сказал Зарков, и Флеш обратил все свое внимание на ученого. — Хотя и охотно спустился бы вниз, чтобы поближе взглянуть на нее. Но вряд ли это стоит тех усилий, что придется нам затратить.

Флеш хранил молчание. Воспоминания об увиденном все еще теснились в голове.

— Выключатели люков всех палуб под этим мостиком заблокированы. А оставшейся энергии не хватит, чтобы выжечь все эти люки. Осевая шахта проходит поблизости от этой палубы, но, даже несмотря на это, нам придется прожечь с полдюжины люков, чтобы спуститься туда.

— А если мы спустимся отсюда? — спросила Дейл. Зарков покачал головой:

— Я не хотел бы рисковать и подходить слишком близко к этой штуке.

Дейл наклонилась, взглянула через перила и согласно кивнула.

— А кроме того, — сказал Зарков, — у нас нет приборов и оборудования, чтобы точно узнать, что это такое. А инструментов, приборов и разных приспособлений здесь потребуется очень много.

Флеш пытался отбросить свои мрачные предчувствия, но эти

попытки были безрезультатны.

— Итак, мы будем висеть в гиперпространстве до тех пор, пока этот камень командует. И доставит он нас туда, куда ему будет угодно, — проворчал он.

— Ты прав, Флеш, — ответил Зарков. — Но, по крайней мере, мы хотя бы убрались подальше от «Транс Фед». Флеш невесело кивнул.

Если бы эти бандиты из «Транс Фед» застрелили меня еще там, на терминале, может быть, выиграли бы все. По крайней мере, вы не попали бы в эту историю.

На некоторое время воцарилось молчание. В полной тишине они рассматривали странный агрегат в центре машинного отделения.

— В Федерации никто не мог создать этого, — произнесла, наконец, Дейл сдавленным голосом. Зарков повернулся к ней.

— Никто, — подтвердил он и взглянул на часы. Было уже десять часов вечера по времени Американского Запада — по стандартному времени, которого они придерживались. — Здесь нам нечего больше делать. Я иду спать. Завтра утром мы еще раз попытаемся поработать с центральным банком данных. Теперь, когда мы знаем, что эта штука… чем бы она ни была… находится здесь, мы сможем запросить бортовой компьютер.

— Знает ли он что-нибудь, док? — спросил Флеш. — Или вы сомневаетесь в этом? Зарков устало пожал плечами.

— Скорее всего, не знает, — сказал он и направился к двери. — Идемте!

— Я побуду, пожалуй, еще минуточку, — сказал Флеш и посмотрел на Дейл.

Зарков остановился и еще раз посмотрел вниз, в машинное отделение.

— Не пытайтесь спуститься вниз, Флеш. Мы не знаем, что может произойти. А неприятностей нам и так хватает.

— Что вы имеете в виду? — сконфуженно спросил Флеш. Его кольнуло чувство вины. Именно это он и собирался сделать: спуститься прямо к этому агрегату, чтобы хотя бы осмотреть его. Если сама машина не вступит с ним в контакт, то, может быть, ему удастся что-нибудь выяснить о способе ее постройки и внешнем виде.

Зарков несколько секунд помедлил с ответом.

— Я уже говорил, что на самом деле эта машина меня не особенно удивляет. Единственной неожиданностью было ее местонахождение. Я считал, что она должна была находиться в районе цёнтрали управления, а не здесь, — он показал через перила вниз.

— Почему вы так считали, доктор? — спросил Флеш, подходя к старику поближе.

Зарков поднял глаза.

— Когда «Транс Фед» совершила нападение, я поднялся к центру управления и наткнулся на контрольную аппаратуру ядерных реакторов. Все реакторы были заглушены.

— Это невозможно, — непонимающе сказал Флеш.

— Для системы жизнеобеспечения было достаточно и пары сенсорных датчиков. И это все.

— О чем это вы говорите? — озадаченно спросил Флеш. Лучшего вопроса он не придумал. У него по спине внезапно пробежали мурашки.

— Энергии не было ни для двигателей, ни для системы управления, и, несмотря на это, мы стартовали.

— Это гипердрайв-привод, — Флеш кивком головы указал на агрегат внизу.

— Это нечто большее. Пока я был на мостике, я не касался ничего, кроме монитора ядерных реакторов и пульта системы жизнеобеспечения. Н и ч е г о больше.

— Должно быть, вы случайно коснулись какого-нибудь переключателя. Одного из тех, что включают стартовую автоматику. И не заметили этого.

Зарков покачал головой:

— Нет, Флеш. Я ничего больше не касался. Эта штука почувствовала нападение «Транс Федерации» и доставила нас в безопасное место. Или, быть может, обезопасила саму себя?

— Это Охранительница, — тихо сказала Дейл.

— И это, и еще что-то, — ответил Зарков. — Этот аппарат не только отвечает за гипердрайв, он также производит энергию для всего корабля. Всю энергию, в том числе и для системы жизнеобеспечения. Ядерные реакторы давно остыли. Я полагаю, что в них просто нет горючего. Вероятно, в задачу экипажа входило также пополнение тяжелых изотопов водорода.

— Значит, мы полностью во власти этой штуки, — подвела итог Дейл.

— Или во власти тех, кто ее построил. Кто бы это ни был, — поправил Зарков племянницу. Он снова вернулся к разговору с Флешем. — Поэтому-то я считаю неразумным спускаться вниз. Она может автоматически отключиться, и мы останемся без энергии. Тогда мы наверняка погибнем. Или же она может уничтожить тебя, чтобы воспрепятствовать тому, что ты хочешь с ней сделать.

— А почему же она не произвела маневр и не уклонилась, когда АРС-3-ИТА взял этот корабль на буксир? — удивленно

спросил Флеш.

Зарков вздохнул.

— Этого я не знаю. Быть может, буксировка не несла для нее никакой угрозы. Во всяком случае, она воспротивилась «Транс Фед», когда ее сотрудники принялись прожигать отверстие в обшивке корабля.

— Получается, что нам нужно просто сидеть здесь и ждать, что произойдет дальше? — спросила Дейл. В ее голосе заметно чувствовались слезы.

Зарков взял ее руки в свои:

— Я боюсь, нам не остается ничего другого, моя милая. Но полагаю, что главная задача этого аппарата обеспечивать безопасность «Доброй Надежды». И пока что-нибудь не испортится, с нами ничего плохого не должно случиться.

— Ты в этом уверен, дядя Ханс? — Дейл посмотрела старику в глаза.

Он слабо улыбнулся.

— Настолько уверен, насколько это возможно в подобных обстоятельствах, — ответил он. Потом, казалось, к нему вернулась его обычная язвительность. — А теперь мы все должны отдохнуть и не стремиться совершать подвиги. Кто знает, что с нами произойдет завтра?

— Мы сейчас идем, доктор, — сказал Флеш, и Зарков пристально посмотрел на него.

— Я не буду спускаться вниз, — Флеш поднял руку. — Честное слово.

Зарков улыбнулся и похлопал Флеша по плечу.

— Хотел кот держаться подальше от сметаны, — усмехнулся он. Однако повернулся и пошел к дверям, оставив Флеша и Дейл стоять на узком мостике.

Сначала оба молчали. Их взгляды были неотрывно прикованы к загадочному агрегату. На мгновение Флеш опять вспомнил о трупах в анабиозном отсеке. Если Зарков прав и эта штука одновременно была и высококлассной Охранительницей, гапердрайв-приводом и энергостанцией, зарегистрировала ли она это убийство? Или эту машину установили уже после того, как экипаж был убит?

Дейл, казалось, прочитала его мысли.

— Ты думаешь, что тот, кто установил этот агрегат, как-то связан с убийством экипажа?

Флеш оторвался от своих мыслей и посмотрел на нее.

— Точно я этого не знаю, — ответил он. — Но я так не думаю. Тот, кто в состоянии создать такой совершенный механизм, не был бы столь примитивен, чтобы убить экипаж, просто перерезав

всем глотки. Ведь достаточно только приказать компьютеру отключить систему жизнеобеспечения в криогенных камерах.

Дейл взглянула Флешу в глаза:

— Вы с дядей Хансом нашли в анабиозном отсеке что-то еще, кроме ста пятидесяти восьми трупов?

Флеш не расслышал, что она сказала. Он рассматривал ее. Ему казалось, что он видит ее впервые. Внезапно Флеш почувствовал желание обнять Дейл и прижать к себе, чтобы успокоить ее, да и себя.

— Что? — переспросил он с отсутствующим видом. Дейл качнулась на носках.

— Я спросила тебя кое о чем, — фыркнула она. — Вы нашли в анабиозном отсеке еще что-то, кроме ста пятидесяти восьми трупов. Что именно?

— Ста пятидесяти семи, — поправил ее Флеш.

— Что?

— Одна криогенная камера была пуста. Не было женщины по имени Сандра Дебоншир.

— Боже мой, как это ужасно! — сказала Дейл. — Она и есть этот самый убийца? Флеш пожал плечами:

— Мы этого не знаем. Знаем только, что ее там нет. И до сих пор на борту не обнаружено никаких ее следов.

Дейл машинально заглянула через его плечо и вздрогнула:

— Как ты думаешь, что с ней произошло?

На короткое время Флеш ощутил волну симпатии к Дейл. Однако это чувство тут же перешло в злость за то, что она все-таки настояла на своем и отправилась с ними. А это отнюдь не уменьшало его забот.

— Я этого не знаю, — сердито буркнул он и отвернулся. Однако Дейл положила руку ему на плечо и заглянула умоляюще в глаза.

— Флеш, все это время я держала себя в руках, но теперь я боюсь, — призналась она.

— Я же говорил тебе, чтобы ты оставалась дома, — напомнил Флеш.

— Мне хотелось быть с тобой, — мягко и просто сказала она и опустила взгляд.

Смущенный Флеш хотел обнять ее, но неожиданно раздался сигнал тревоги. Чудовищный вой донесся до них, его издавал загадочный агрегат.

— Что случилось? — крикнула Дейл, пытаясь перекрыть оглушительный шум.

Ровное светло-голубое свечение машины внезапно сменилось на темно-синее и такое яркое, что глазам стало больно.

— Я не вполне уверен, — крикнул Флеш, схватив Дейл за руку и увлекая ее к выходу, — но мне кажется, что мы вскоре выйдем из гиперпространства.

Они побежали по кривому коридору, который, казалось, никак не хотел кончаться. Наконец, они увидели вагончик монорельса, стоявший на своем обычном месте.

В первые дни, исследуя «Добрую Надежду», они обнаружили, что осевая шахта была предусмотрена как аварийный выход на случай катастрофы, если снабжение энергией прекратится и корабль выйдет из строя.

Обычно же экипаж передвигался внутри этого гигантского корабля по целой сети монорельсов с маленькими вагончиками, места стоянок которых находились на каждой палубе. Это была простая, но эффективная система.

Флеш буквально втолкнул Дейл на заднее сиденье, а сам прыгнул на переднее. Он нажал кнопку мостика управления, и вагончик заскользил по рельсу вдоль стенки борта корабля.

— ФЛЕШ… ДЕЙЛ… ГДЕ ВЫ? — прозвучало по системе всеобщего оповещения, перекрывая вой сирены.

Флеш нажал кнопку коммуникатора на пульте перед собой.

— Мы направляемся на мостик! — сообщил он.

— Кажется, мы покидаем гиперпространство, — сказал Зарков по коммуникатору. — Поторопитесь!

Флеш хотел отключить интерком, когда на него нахлынула первая волна головокружения и дурноты. Он словно сквозь вату услышал, как вскрикнула за его спиной Дейл. Вой сирен почти полностью заглушил ее крик. Он хотел повернуться к ней, однако на него снова нахлынула дурнота. Он качнулся вперед и ударился головой о пульт.

Он старался не потерять сознания. Все тело бунтовало. Потом дурнота исчезла так же внезапно, как и нахлынула. Он совершенно потерял ориентацию.

Вагончик затормозил, и Флеш попытался выпрямиться. Тонкая струйка крови бежала из раны на его лбу. Голова гудела, но головокружение и дурнота исчезли. Очевидно, они вышли из гиперпространства. Когда, наконец, вагончик остановился, ему показалось, что на корабле царит мертвая тишина. Сирены больше не выли…

Он повернулся на сиденье как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дейл свалилась с сиденья на пол. Он подскочил к ней и осторожно оттащил ее от вагончика. Веки ее затрепетали. Она попыталась что-то сказать, однако потом сжалась, и ее вырвало. Флеш придерживал ее за плечи.

— Флеш! — окликнул его Зарков.

Флеш обернулся и увидел задыхавшегося и побледневшего Заркова. Он торопливо шел по коридору из отсека управления. На лице его была озабоченность.

Когда Зарков подошел к ним, Дейл уже пришла в себя, и Флеш помог ей подняться на ноги.

— Мы должны покинуть корабль! — задыхаясь, воскликнул Зарков.

— Спокойнее, доктор, — сказал Флеш. — Что случилось?

— Мы вышли из гиперпространства менее чем в двадцати тысячах километров от какой-то планеты. Теперь мы приближаемся к ней. Но с кораблем что-то явно не в порядке.

Флеш схватил его за руку:

— Что не в порядке? Где мы хотя бы находимся?

— Астронавигационный компьютер сейчас рассчитывает это. Но корабль не подчиняется управлению, не реагирует на корректировку курса. Мы потерпели кораблекрушение.

— Дейл едва держалась на ногах. Флеш устроил ее в коридоре и вместе с Зарковым побежал на мостик. Фронтальные экраны были включены, и на них прямо перед кораблём была видна желтовато-зеленая планета. Они были так близко от нее, что она почти полностью заполнила экран. Повсюду на пультах мигали красные лампочки.

— Корабль вот-вот развалится, — крикнул Зарков. — Что-то с ним не так. Вместо того, чтобы выйти на орбиту планеты, мы летим прямо на нее. На такие маневры этот корабль не рассчитан.

Множество сирен тревоги перекрывали рев воздуха, вырывавшегося из корабля. Внезапно на другой стороне мостика прозвучал гонг. Зарков кинулся вперед, к низкому пульту навигационного компьютера. На маленьком экранчике мерцали цифры, и когда Флеш тоже подбежал к компьютеру, гонг прозвучал во второй раз. На экране появились данные о звезде.

Зарков быстро прочитал их.

— Гамма Андромеды. Оранжевая звезда типа КО, находится на расстоянии ста шестидесяти пяти световых лет от Земли.

— За одну неделю? — пораженно спросил Флеш.

Даже при помощи каталогазированных гиперточек самому быстрому военному кораблю требуется от шести до семи месяцев, чтобы достигнуть границ Федерации. А они находятся примерно в ста световых годах от Земли. За неделю они преодолели пространство намного больше, чем в полтора раза.

— Мы уже не сможем выйти на орбиту, — констатировал старый ученый.

— А как насчет купола ангара? — спросил Флеш. — Есть ли у нас возможность пробраться туда и попытаться использовать один

из ботов?

Зарков с сомнением покачал головой. Его пальцы скользнули по клавиатуре пульта.

— Главная дверь ангара прожжена. Теперь палубу совершенно невозможно наполнить воздухом, — он поднял взгляд. — Мы не знаем, уцелели посадочные боты или нет. Весьма возможно, что «Транс Фед» успела их уничтожить.

Флеш лихорадочно искал выход. Пока он пытался сконцентрироваться, завыла сирена. Теперь на всех пультах мостика тревожно мигали красные предупредительные лампочки.

Неожиданно на мостике появилась Дейл.

— Надень свой скафандр! — крикнул ей Флеш.

Казалось, она не поняла его. Тоща он взял один из скафандров и помог ей надеть. После этого он сноровисто надел свой скафандр и помог как можно скорее облачиться Заркову.

— В главной шахте нет доступа воздуха, но переборка Долго не продержится. Система аварийного питания сильно перегружена и истощена, — продолжал анализировать ситуацию Зарков.

— Значит у нас очень мало времени, — подытожил Флеш, застегивая на ученом бесформенный, сильно раздутый, неуклюжий скафандр. После того как они пристегнули шлемы, Флеш двинулся в коридор, к вагончику монорельса.

Дейл и Зарков втиснулись на заднее сиденье, Флеш опустился на переднее и нажал на кнопку самой нижней палубы, находящейся под куполом ангара.

Теперь завыли другие сирены, и освещение на корабле стало тускнеть, словно стартовые двигатели, борясь с чудовищной силой притяжения, чтобы хоть как-то поддержать корабль, отдали на эту борьбу всю энергию.

Им потребовалось меньше четырех минут, чтобы добраться до нижней палубы. Здесь находились в основном воздухопроводы, другие трубопроводы, всяческая аппаратура. Когда вагончик остановился, бортовое освещение корабля замигало и окончательно погасло.

Включив нашлемные фонари, они как можно быстрее побежали по коридору к центру корабля. Вверху над ними раздавались глухие взрывы, от которых дрожали стены. К-рабль бился в агонии.

Наконец, они достигли люка осевой шахты. Флеш приказал Дейл и Заркову держаться метрах в двадцати за собой. Он двинулся к люку, предварительно вытащив лазерный пистолет и поставив его на максимальную мощность. Энергозапас его оружия в результате двух схваток и из-за того, что при исследовании

корабля им приходилось прожигать множество переборок, сильно истощился. Несмотря на это, Флеш очень быстро срезал засов и запирающий механизм. Люк мгновенно был выдут в отверстие, воздух улетучился с громким хлопком. Флеша увлекло в осевую шахту вместе с потоком воздуха.

Оказавшись в шахте, он вцепился в поручень, сопротивляясь проносившемуся мимо воздуху. Затем снова поднялся наверх — помочь Дейл и Заркову войти в шахту.

Медленно, ступенька за ступенькой, они спускались вниз, к отверстию на палубе ангара, которое было уже прожжено. Очевидно, люди из «Транс Фед» проникли достаточно далеко, когда корабль ушел в гипердрайв. На мгновение Флеш пожалел этих бедных парней. Можно было представить, что творилось здесь, когда корабль внезапно стартовал.

Флеш первым спустился в ангар. У него перехватило дыхание от картины, открывшейся перед ним. Там, где стояли боты, в слабом свете теперь была видна только перепутанная куча проводов, искореженного металла, оплавившегося пластика. Ворот ангара не было. Через широкое отверстие можно было видеть, как планета мчится им навстречу. Теперь она была так близко, что Флеш отчетливо видел облака, а под ними какой-то континент, и, по крайней мере, одна большое море.

Глава 7

Огромный корпус «Доброй Надежды» ворвался в верхние слои атмосферы, когда Флешу, наконец, удалось вскарабкаться по обломкам к первым двум ботам. Жара от трения об атмосферу быстро нарастала, и насосы охлаждения его скафандра яростно и натужно ревели. Он скользнул лучом своего фонарика по разбитому кокпиту третьего бота и внезапно его сердце бешено и радостно забилось. Он подобрался поближе к четвертому боту. Насколько можно было рассмотреть, бот был неповрежден. Если им удастся стартовать на нем, то у них появится по крайней мере небольшой шанс уцелеть. Можно будет попытаться совершить посадку на эту планету.

— Поднимитесь сюда! Последний бот, кажется, неповрежден! — крикнул он в свой микрофон. Вскоре на обломках появилась Дейл и тоже направила луч фонарика на четвертый бот.

— А он не блокирован обломками? — спросил Зарков, поднявшись вслед за ней.

— Отсюда не видно. Надо спуститься вниз и все осмотреть.

— Поспеши, Флеш, у нас не слишком много времени, — сдержанно сказал Зарков.

Флеш пробрался по остаткам третьего бота и, ухватившись за перепутанные провода, спрыгнул на пол у четвертого бота.

Взрывы сбросили второй и третий боты со стартовых шасси, и своими посадочными опорами они загромоздили рельсы четвертого бота.

— Стартовые рельсы перегорожены, — сообщил Флеш.

— Я иду к тебе, — немедленно отозвался Зарков.

— Я думаю, что рельсы можно освободить, — сказал Флеш.

Качка все усиливалась. Весь корабль буквально ходил ходуном, стало почти невозможно сохранять равновесие. Все же Заркову удалось перебраться через обломки трех ботов. Флеш и Дейл помогли ему спуститься на палубу. Он быстро осмотрел стартовые рельсы, потом опустился на колени, чтобы проверить механизмы стартового устройства.

— Пройдите вперед и лазером очистите рельсы, — скомандовал он, наконец, поднявшись на ноги. — Но будьте осторожны и не прожгите дыры в самом боте.

Флеш опять вытащил лазерный пистолет. Зарков занялся пультом на внешней обшивке бота, потом открыл большой входной люк.

— Я открыл главный люк, — прозвучал его голос в шлемах

Флеша и Дейл. — Теперь поднимусь на борт и подготовлю все к старту. Поспешите!

Флеш начал очищать от хлама посадочные опоры, но лазерный пистолет был уже почти пуст, и работа двигалась медленно. Слишком медленно.

Дейл тоже вытащила свой лазер и занялась задней опорой. Металл стал вишнево-красным. Наконец, он размягчился, и опора соскользнула со стартовых рельс.

Флеш продолжал упорно расчищать путь. С огромным напряжением он убирал с рельс огромные куски металла. Наконец, рельсы открылись по всей длине. Они с Дейл ринулись к открытому люку и поднялись на борт бота. Стартовые рельсы были свободны, однако опоры и другие громоздкие обломки лежали все-таки слишком близко от них и могли причинить неприятности. Оставалось уповать на везение.

Флеш и Дейл пробрались вперед, в кокпит, уселись на сиденья возле Заркова и пристегнулись. «Добрая Надежда» круто наклонилась. Затем она качнулась еще раз, и бот почти сбросило со стартовых рельсов.

— Сейчас мы слетим с рельсов! — в отчаянии крикнул Зарков и отключил стартовую автоматику. — Нет, мы никогда не сможем взлететь! — Он был бледен и выглядел обессилевшим.

— Мы должны это сделать! — крикнул Флеш и забрал у Заркова управление.

Он нажал на кнопки стартовой автоматики и передвинул рычаг вперед. Двигатель дико взвыл, бот задрожал и стал опасно крениться.

— Нет! — закричала Дейл.

— Мы взорвемся! — присоединился к ней Зарков.

Однако Флеш упрямо передвинул рычаг вперед, до упора. В то же мгновение «Добрая Надежда» начала разваливаться. Ее огромные конструкции плавно, — словно в замедленном кино, отделялись друг от друга. Потом все внезапно ускорилось, и бот вместе с обломками вылетел в ворота ангара. Они устремились прочь от гигантского корпуса корабля, который в бешеном вихре крутился перед ними.

Флеш дал полное ускорение, пока они не выскользнули из-под «Доброй Надежды». Потом он немного сбросил скорость. Они летели сквозь верхние слои атмосферы, окутывающей поверхность планеты.

А гигантский корабль все продолжал разваливаться. Повсюду из треснувшего корпуса выбивались длинные языки пламени. Обломки, иные гигантских размеров, сталкивались, отлетали друг от друга, вращались, переворачивались и вспыхивали в

атмосфере. Казалось, что вокруг корабля все кипит.

А потом «Добрую Надежду» пронзила ослепительная, гигантская молния. Бот вышел из-под контроля и беспомощно начал вращаться вокруг оси.

Флеш отчаянно повис на рычагах управления, пытаясь справиться с ускорением в пять §. Невероятные силы грозили выдавить переборки бота и раздавить его обшивку. С трудом удалось выровнять их утлое суденышко. Но ненадолго.

Последовавший за молнией чудовищный взрыв разметал то, что еще оставалось от колоссального корабля, и миллионы обломков дождем обрушились вниз, на поверхность планеты. Снизу это, вероятно, напоминало звездный дождь. Все обломки быстро раскалились, постепенно сгорая в атмосфере. А потом все кончилось. От «Доброй Надежды» не осталось ничего, кроме угасавших световых точек и ниточек дыма от воспламенившихся в атмосфере частиц металла.

Приблизительно в ста километрах от поверхности планеты Флешу удалось по крайней мере наполовину обрести контроль над ботом, если только вообще им можно было управлять после двух взрывов, потрясших его до последнего винтика.

Под ним вспухало огромное зеленое пространство, и даже с такой высоты можно было понять, что это был лес, вернее, джунгли. На некотором расстоянии на восток виднелся берег моря, которое они только что перелетели.

Флеш попытался развернуть бот в сторону моря, однако суденышко больше не могло реагировать достаточно быстро, чтобы успеть дотянуть до берега. Флеш прикинул, что место посадки, вероятно, будет находиться километрах в двадцати от берега. Двадцать километров джунглей, таящих в своих зарослях неизвестно что и неизвестно кого. На передышку рассчитывать было нечего.

В двадцати километрах от поверхности автоматически включились тормозные ракеты, скорректировавшие бот для совершения посадки, и слегка затормозили его.

В пяти километрах также автоматически включилась вторая ступень тормозных ракет, которые снова замедлили падение бота.

— При помощи бортовых приборов я провел анализ атмосферы, — раздался в наушниках голос Заркова.

Флеш повернулся в его сторону, продолжая манипулировать кнопками и рычагами. Зарков работал у пульта над его головой. Он посмотрел на Флеша.

— Атмосфера нам подходит. Она богата углекислотой и кислородом. Немного азота. Гравитация 0,85 процента земной. Большая влажность воздуха. Относительное сходство с Землей

девяносто процентов, температура около двадцати пяти градусов Цельсия. В общем, жарко и влажно…

Бот внезапно клюнул носом, короткий, сильный взрыв потряс корму в районе двигателя. Бот стал неуправляемо падать, беспорядочно вращаясь.

— Что случилось? — воскликнула Дейл.

— Взорвался двигатель, — прокричал Флеш, перекрывая вой рассекаемого воздуха.

Зарков отстегнул страховочный ремень и с большим трудом выбрался из кресла на дико качавшийся пол кабины. Флешу показалось, что старика выбросило из кресла. Он хотел помочь ему, однако Зарков оттолкнул руку Флеша и потянул за два красных рычага на аварийном пульте.

Бот вздрогнул и на несколько секунд затормозил свое падение. Но почти сразу же торможение прекратилось. Бот продолжал падать. Старый ученый, теряя равновесие, рванул за вторую пару красных рычагов.

— Устройство для торможения воздухом, — сказал он, тяжело дыша. — Они называли его парашютом.

Бот снова вздрогнул, дернулся, но на этот раз парашют сработал. Скорость падения замедлилась, и они повисли в атмосфере под двумя гигантскими куполами.

Зарков снова уселся в кресло и пристегнулся. Они вошли в слой густых облаков и закачались в завихрениях воздуха.

— Застегните пояса! Посадка будет жесткой! — предупредил он Флеша и Дейл.

Сквозь толстое стекло кокпита они видели, как приближались джунгли. К сожалению, они приближались намного быстрее, чем при нормальной посадке. В последнюю минуту Флеш успел еще раз засечь направление, в котором находился берег моря. Потом он сгруппировался.

— Держитесь крепче! — крикнул он, и тут же бот с треском сломал первые ветви деревьев, возвышавшихся более чем на сотню метров над почвой. Он благополучно проломился сквозь кроны деревьев, но в последнее мгновение опрокинулся и рухнул на почву первобытных джунглей.

Сейчас же корму бота охватил огонь. Флеша немного оглушило, но он быстро отстегнулся и выбрался из кресла.

С Дейл было все в порядке, но Зарков потерял сознание. Кровь бежала из уголка его рта.

Флеш расстегнул ремни и вытащил ученого из кресла. Он последовал за Дейл вниз, к главному шлюзу. Внутренность корабля быстро наполнялась дымом. Флеш положил Заркова на сильно покоробившийся пол и с помощью Дейл выбил

заклинивший люк.

Флеш помог Дейл пролезть в отверстие. Когда она оказалась внизу у бота, он поднял Заркова и осторожно спустил его к Дейл. Приходилось торопиться. Бот был почти целиком охвачен пламенем и дымом.

Они бегом оттащили Заркова от бота. И корму их суденышка тут же сотряс небольшой взрыв.

Флеш взвалил Заркова на плечо и направился прочь от горящего корабля. Короткими выстрелами из лазерного пистолета он прокладывал себе путь через густые заросли.

Они не отошли и пятидесяти метров, как мощный взрыв полностью уничтожил остатки бота.

Дейл и Флеш, обернувшись, глядели сквозь узкую просеку, прожженную ими в чаще, на последнее звено, связывавшее их с Землей. Невозможно было представить, что Земля находится в ста шестидесяти пяти световых годах от них.

Дейл пробрал озноб. Зарков пошевелился. Флеш осторожно положил старика на мягкую почву и снял с него шлем. Зарков вдохнул свежий, насыщенный кислородом воздух. Веки его дрогнули. Он открыл глаза. Флеш тоже снял свой шлем и положил его рядом с собой. Дейл последовала его примеру.

— Как вы себя чувствуете, доктор? Зарков слабо улыбнулся.

— Теперь, когда я знаю, что мы благополучно совершили посадку, я чувствую себя великолепно.

Дейл опустилась на колени возле своего дяди и помогла ему подняться.

— У тебя действительно все в порядке, дядя Ханс? Зарков потрепал руку пленниицы.

— Только немного знобит, милая. В конце концов такой старик, как я, не каждый день испытывает подобные приключения. Но даже если я перенесу еще что-нибудь вроде этого, я все равно буду в полном порядке. Надеюсь, правда, что сегодня мне больше не придется так кувыркаться.

Все облегченно рассмеялись, и Зарков посмотрел мимо Дейл и Флеша в просеку, которую они пробили. В конце ее ярко полыхал их бот. После этого он посмотрел на Флеша, и улыбка исчезла с его лица.

— Ты знаешь, в каком направлении находится море? Флеш кивнул.

— Почти точно на восток. Берег находится примерно в двадцати километрах отсюда.

— Мы оказались довольно близко от ночной стороны. До того, как стемнеет, у нас есть час или около этого. Сегодня на ночь нам лучше остаться здесь. Двинемся в путь завтра на

рассвете.

Флеш и Дейл помогли ему встать.

— Почему нам надо идти к берегу? — спросила Дейл.

— Если на планете имеется какая-либо цивилизация, шансов найти ее на берегу моря гораздо больше, чем в глубине. Кроме того, намного легче идти вдоль берега, чем через такой густой лес.

— Когда мы спускались, я не заметила никаких следов цивилизации, — сказала Дейл. Голос ее звучал немного истерично. Она смахнула со лба прядь волос и оглянулась назад на бот. Огонь там затухал.

— У нас не было времени для тщательного исследования. Не волнуйся, дорогая, — обеспокоенно сказал доктор Зарков и ласково посмотрел на племянницу.

Лейл снова обернулась.

— Мы крепко засели здесь, дядя. Мы застряли здесь на весь остаток нашей жизни. Мы в ста шестидесяти пяти световых годах от внешних постов Федерации. Между нами и ними лежит бездна неисследованного пространства. Они не смогут найти нас, даже если будут знать направление, в котором мы исчезли…

— Ты кое-что забыла, Дейл, — тихо прервал ее Зарков.

Глаза девушки наполнились слезами, но она все же сумела подавить рыдания и стала ждать объяснений Заркова.

— Что заставило «Добрую Надежду» покинуть около-земную орбиту и перенести нас сюда? Ведь это, конечно, произошло не случайно. Возможно, эта планета — родина конструкторов той самой штуковины, что доставила нас сюда.

Дейл вздрогнула.

— Я не склонна восхищаться их искусством конструирования, если каждый раз во время посадки они разбивают свои корабли.

Зарков покачал головой.

— Развалилась «Добрая Надежда», а не их машина. Земной корабль просто не выдержал нагрузки. Дейл удивленно посмотрела на дядю.

— Похоже, что ты действительно рад нашему присутствию здесь! — резко и обвиняюще выкрикнула она. Зарков отшатнулся, словно его ударили по лицу.

— Нет, не при таких обстоятельствах, — печально сказал он.

Дейл сейчас же пожалела о сказанном и порывисто обняла своего дядю.

— Извини, — шепнула она. — Я совсем не то имела в виду.

— Ничего, — ответил Зарков. — Ты увидишь, что все удет хорошо.

Флеш отвернулся от Заркова и Дейл и вгляделся в заросли.

Он был уверен, что в зеленой чаще что-то происходит: там находится нечто огромное, таинственное. Но все было тихо, и его предчувствие не нашло подтверждения.

Флеш еще раз напряженно прислушался, однако не услышал ничего, кроме треска огня у бота и шума ветра в вершинах деревьев высоко над ними. Потом шорох снова повторился. Совсем недалеко от них что-то ломилось через подлесок.

Флеш вытащил свой лазер.

— Идем назад, к боту, — приказал он тихо, — и, насколько возможно, без спешки.

Дейл недоуменно посмотрела назад, на все еще горевший бот.

— Почему? — спросила она. — Ведь там для нас ничего не осталось.

— Что случилось? — спросил Зарков, заметив беспокойство во взгляде Флеша.

Флеш снова уловил шорох в подлеске, на этот раз еще ближе. Дейл тоже услышала его. Она побледнела, и глаза ее расширились.

— Фле-е-еш, — сказала она протяжно.

— Идем же! — Флеш не скрывал больше своего беспокойства.

Они поспешили назад, к поляне, образовавшейся в джунглях во время их злополучной посадки. Бот пылал, и они подошли к нему так близко, как это только было возможно.

Но едва они успокоились, как зеленая чаща раздалась, и на узкую просеку, которую они только что прожгли, вывалилось огромное чудовище. Оно сильно напоминало земного медведя, которого им доводилось видеть в зоопарке, но было значительно больше. Чудовище встало на задние лапы и с глухим ревом двинулось к ним.

Дейл закричала. Флеш поднял лазерный пистолет и прицелился в грудь чудовища. Оно приближалось, скаля клыки и взмахивая лапами. Он нажал на спуск. Однако ничего не произошло.

Глава 8

Чудовище еще немного прошло на задних лапах. В высоту оно достигало примерно метров четырех. Внезапно, упав на четвереньки, чудовище напало. Оно ревело и визжало, несясь к поляне. Флеш швырнул свой теперь уже бесполезный пистолет, оттолкнул Заркова и прыгнул вперед. При этом он успел отломить тяжелый сук с одного из упавших деревьев.

Он надеялся, что ему удастся задержать чудовище, пока Зарков и Дейл не окажутся за горящим ботом. Может быть, это здешнее чудовище, как и большинство диких зверей на Земле, боится огня и не рискнет напасть на них.

Чудовище приблизилось вплотную, и он ощутил его вонючее, гнилостное дыхание. Однако Флеш двигался теперь как машина. Он отступил назад, перенес вес на правую ногу и взмахнул тяжелым суком как дубиной. Чудовище встало на дыбы, его могучая передняя лапа устремилась на Флеша с неуловимой быстротой. В следующее мгновение голова чудовища лопнула, а верхняя часть тела словно окуталась большим синим облаком. Синяя кровь, осколки костей и куски плоти брызнули во все стороны. По инерции чудовище опрокинулось на Флеша, в последний момент отпрыгнувшего в сторону и дважды перекувырнувшегося. Чудовище тяжело рухнуло на землю и осталось лежать неподвижно.

Флеш приподнялся и удивленно взглянул вверх на Дейл, стоящую менее чем в метре от того, что осталось от гигантского монстра. Она все еще целилась из лазерного пистолета в мертвую тушу. Руки ее дрожали.

Зарков хотел подойти к ней, но она вдруг начала ожесточенно палить в поверженное существо короткими выстрелами, выжигавшими дыры в его трупе.

Флеш вскочил и отнял у нее оружие. Сначала она сопротивлялась, но быстро обвисла в его руках, и слезы ручьем побежали по ее щекам.

— О, Боже… О, мой Боже… — всхлипывала она. Флеш прижал ее к себе одной рукой, а другой передал пистолет потрясенному доктору Заркову.

— Все хорошо, Дейл. Все уже хорошо. Все кончилось, — пытался успокоить ее Флеш.

Однажды, во время событий на Марсе Дейл тоже спасла ему жизнь, а потом вот так же разразилась истерическими рыданиями. Тоща Флеш был очень удивлен ее способностью сохранять холодную голову, пока опасность не исчезнет. Теперь

он не был этим удивлен. На этот раз он чувствовал что-то другое. Что-то, чего не чувствовал очень давно, пожалуй, со времени гибели своей жены.

Он держал Дейл в объятиях до тех пор, пока ее слезы, наконец, не иссякли и она не перестала дрожать.

Наконец, успокоившись, она подняла взгляд и заглянула в его глаза. Ее лицо было так перепачкано, что на нем были видны следы слез.

— Я люблю тебя, Роберт Гордон, — без всяких переходов нежно сказала она. — Безразлично, что ты говоришь, делаешь или что ты чувствуешь ко мне. Ты должен знать, что я люблю тебя и всегда буду любить.

Что-то шевельнулось в нем, ему захотелось еще крепче прижать ее к себе и поцеловать в губы. Внезапно он вспомнил последний крик о помощи своей жены, он мысленно увидел ее растерзанное тело, распростертое на полу их дома. Ослепительная тьма поднялась внутри него и заслонила собой все, что он чувствовал сейчас. Он отступил назад.

Дейл устало улыбнулась:

— Дорис была одной из самых прекрасных и чудесных женщин. Я это знаю. И я знаю также, что никогда не смогу занять ее место в твоем сердце. Да и ты никогда не сможешь почувствовать ко мне то, что чувствую я к тебе.

Флеш хотел прервать ее, однако Дейл положила свой палец на его губы.

— Нет, — мягко сказала она, — сейчас не говори ничего, чтобы потом не пришлось жалеть. Просто сохрани в дальнем уголке памяти то, что я люблю тебя.

В этот короткий миг Флеш понял, что он боится. Он любил и пережил ужасную потерю. Тогда он чуть было не покончил с собой. Он больше не сможет перенести что-нибудь похожее на пережитое.

Он хотел объяснить это Дейл, мучительно подыскивал слова, но сдавленный крик Заркова отвлек его.

Близнец чудовища-гиганта стоял на просеке, которую они пробили; он внезапно вышел из чащи. Флеш не спеша подошел к Заркову и взял у него лазерный пистолет. Магазин его был заряжен менее чем на четверть, оружие было поставлено на максимальную мощность и дальность.

Еще одно чудовище вышло из джунглей недалеко от первого. А вскоре на просеке появились еще четыре огромных зверя.

Флеш, Дейл и Зарков обошли бот так, чтобы горящие обломки оказались между ними и непрошенными гостями.

— Очевидно, их привлек огонь, — сказал Зарков.

— Да, — откликнулся Флеш. — Будем надеяться, огонь же и остановит их, и они не посмеют приблизиться.

И еще два таких же зверя проломились сквозь чащу с ревом и ворчанием. Теперь на просеке была чуть ли не толпа ужасных чудовищ.

Флеш установил оружие на малое рассеяние, опустился на колено и поднял лазерный пистолет обеими руками. Одним единственным коротким выстрелом он обезглавил ближайшее чудовище.

Зверь упал и рефлекторно вздрогнул, остальные тотчас же бросились на него. Они хрипели и визжали, разрывая тело своего мертвого сородича и отнимая друг у друга куски мяса.

Из чащи вышли еще три чудовища слева и одно справа. Всех их привлекло убитое животное. Джунгли наполнились их невыносимым визгом и ревом.

— Пора, — настойчиво произнес Флеш. Он уводил Дейл и Заркова прочь так, чтобы бот оставался между ними и пирующими исчадиями джунглей.

И снова Флеш начал прожигать тропу в густом подлеске. Он старался как можно экономнее расходовать запас энергии, который еще оставался в лазерном пистолете. Без оружия им не выжить. Но джунгли, казалось, были бесконечны, и на мгновение Флешу показалось, что у них нет никаких шансов когда-нибудь достигнуть берега моря. Но вскоре они вышли к реке.

Это был быстро бегущий поток около пятидесяти метров шириной, с поворотами и излучинами. В слабеющем свете Дня они видели быстрое течение, торчащие валуны, вокруг которых бурлила и клокотала вода. Берег реки походил на ухоженный парк. Между джунглями и водой по берегам простирались широкие полосы невысокой травы, кое-где виднелись кусты и небольшие деревья. Вплотную к воде спускались узкие полоски бледно-желтого песка.

На другом берегу, немного вниз по течению, они заметили небольшое животное, похожее на серну. Оно пило воду. Котда они вышли из джунглей, оно подняло голову и на мгновение уставилось на них большими печальными глазами. Потом спокойно повернулось и грациозно исчезло в густом подлеске, так, словно его никогда и не было. Это произошло так быстро, что они спросили себя, а видели они на самом деле это прекрасное животное, или оно не только почудилось.

— Река, конечно, ведет к морю, — сказал Зарков.

Вода сверкала и искрилась в свете заходящего солнца. Флеш затенил глаза ладонью и посмотрел вверх и вниз по реке.

— Все здесь удивительно похоже на Землю, — с трудом

сказал Зарков, он совершенно изнемог. Огромный синяк вздулся на его правой щеке — он сильно ударился во время аварийной посадки.

Дейл все еще была возбуждена сражением с медведеподобными чудовищами. Да и сам Флеш устал как собака. Он снова посмотрел вверх по течению реки. Солнце уже почти коснулось линии горизонта и приняло кроваво-красный оттенок. Через полчаса станет темно. Никто из них не был в состоянии идти ночью.

— Сегодня на ночь мы останемся здесь, — сказал Флеш своим усталым спутникам.

Дейл нервно оглянулась через плечо.

— А как насчет этих чудовищ?

— Я разведу костер, и мы по очереди будем охранять друг друга. Мы уже не можем идти дальше. Скоро совсем стемнеет.

Дейл хотела запротестовать, но Зарков прервал ее.

— Он прав, Дальше я не в состоянии идти дальше. Мы можем спокойно остаться здесь. Мы в скафандрах. В них нам будет тепло, даже без шлемов. Здесь достаточно безопасно, а завтра мы отправимся вниз по течению к побережью.

— А как насчет еды? — спросила Дейл слабым голосом.

— Ты и дядя Ханс соберите пока валежник для костра, а я позабочусь о еде, — ответил Флеш. — Я спущусь немного вниз по реке и подожду там, пока какое-нибудь животное не выйдет из джунглей. Тогда у нас, по крайней мере, будет мясо.

Дейл скорчила гримасу. Флеш рассмеялся.

— Только не говори мне, что ты так привыкла к еде, изготовленной кухонными автоматами, что знать не хочешь вкуса изжаренного на костре мяса.

— Да, хорошенький кусок мяса — эти полуобгоревшие останки бедных животных! Я, пожалуй, откажусь от этого лакомства.

— Посмотрим, — улыбнулся Флеш. Он уверенно направился вдоль реки. Довольно быстро он удалился от того места, где Дейл и Зарков собирали хворост и складывали его в кучу. Флеш поставил лазерный пистолет на малую мощность. Он тихо отошел от воды и укрылся на опушке.

Едва он это сделал, из джунглей вышли два животных, похожих на серну. Они остановились на краю чащи метрах в тридцати от Флеша и, казалось, начали принюхиваться. Потом медленно спустились к воде. Одно из них стало пить, а другое наблюдало за окрестностями. Потом они поменялись ролями.

Был момент, когда одно из них взглянуло прямо в направлении Флеша и заметило его. Но или зрение животного

было не особенно хорошим, или Флеш не показался ему опасным. Во всяком случае, он с облегчением увидел, как оно отвернулось.

Животные были небольшими, не больше собаки. Одно из них имело рога. Вероятно, это был самец.

Флеш тщательно прицелился в бок самца, туда, где, как он полагал, находилось сердце, и сделал короткий выстрел.

Животное испуганно подпрыгнуло вертикально вверх и сделало пару неверных шагов вперед. Затем упало на бок. Его спутница без оглядки огромными прыжками понеслась под прикрытие джунглей.

Флеш неторопливо поднялся и пошел вниз, к берегу. Выстрел пробил тело животного в районе груди. Это было красивое животное с большими темными и печальными глазами. На мгновение Флеш пожалел, что убил его. Но он понимал, что у него не было другого выбора. Чтобы выжить на этой планете, им нужно было поддерживать свои силы.

Осторожно, используя лазерный пистолет, он разделал тушку животного и вырезал множество небольших кусков мяса. Конечно, было небезопасно есть его, так же как и пить здешнюю воду. Все могло быть смертельно ядовито. Но у них не было химических анализаторов и они вынуждены были положиться на везение.

Когда Флеш вернулся назад со своей добычей и почти совершенно пустым лазерным пистолетом, он разжег костер, устроив над ним кусочки мяса. Уже совсем стемнело. Они присели у костра. Дейл в середине. Она молча уставилась на пламя. Вскоре мясо было готово. Зарков, казалось, совсем сдал. Осунувшееся лицо его приняло желтоватый оттенок. Дейл временами нервно оглядывалась через плечо на темные джунгли.

Дичь, как они называли добычу Флеша, потому что так было привычнее, оказалась неожиданно мягкой и нежной. На вкус она казалась приправленной лимонным соком. Даже Дейл, которая сначала не хотела принимать участие в ужине и есть мясо этого бедного, беззащитного животного, не выдержала и жадно набросилась на свою порцию.

Потом они умылись в реке и напились из нее холодной свежей воды. Зарков опустился возле костра и заснул через секунду после того, как Флеш пообещал разбудить его, как только наступит его очередь дежурить.

Ночные звуки и запахи на этой планете едва ли отличались от звуков и запахов земных джунглей. Успокаивающий, шелестящий звук воды, потрескивание костра и чувство сытости от хорошего ужина — все это клонило Дейл ко сну. Она свернулась калачиком возле костра и положила голову на колени Флеша.

Долгое время никто из них ничего не говорил, и Флеш думал, что Дейл заснула. Глаза ее были закрыты, она ровно и тихо дышала. Однако через некоторое время она улыбнулась, придвинулась поближе к костру и открыла глаза.

— Ты должен жениться на мне, — произнесла она. Флеш молчал.

— Ведь, если мы навсегда застрянем на этой планете, лучшее, что мы сможем сделать, это заселить это место.

Флеш не мог понять, шутит ли она или говорит серьезно.

— Как я вижу, ты все хорошо обдумала, — выдавил он наконец.

Она приподнялась.

— Что вы надеетесь найти завтра утром там, на берегу?

— Я не знаю, — осторожно ответил Флеш. Ему не хотелось будить в ней какие-либо надежды. Разочарование могло быть слишком сильным. — Может быть, ничего, кроме океана.

— Но, может быть, ч т о — т о, кроме океана? — настаивала она. — Что такое это что-то?

— Твой дядя уже все объяснил, — сказал Флеш. — Этот аппарат или что бы это ни было там, в машинном отделении «Доброй Надежды», без нашего участия и желания доставил нас сюда. Весьма вероятно, это может означать то, что его создатели обитают на этой планете.

— Мы прибыли незваными гостями. Может быть, они отправили нас на тюремную планету.

— Возможно, — без всякого выражения ответил Флеш.

Он не хотел успокаивать Дейл. Он не хотел говорить ни ей, ни Заркову, как в действительности мало энергии осталось в лазерном пистолете. Этой энергии вряд ли хватит даже на то, чтобы убить еще одну из этих серн, не говоря уже о том, чтобы остановить медведеподобное чудовище. Берег моря, находящийся на некотором расстоянии от джунглей, давал им известную защиту. Если только они доберутся до него…

Дейл снова прилегла на колени Флеша и закрыла глаза.

— Как ты думаешь, кто уничтожил экипаж «Доброй Надежды»? — спросила она сонным голосом. — Исчезнувшая женщина?

— Я думаю, что она, — ответил Флеш. — Вероятно, она сошла с ума, убила их всех и без скафандра вышла через шлюз наружу.

— Но почему?

— Вероятно, мы этого никогда не узнаем.

Дейл пробормотала что-то еще, но что именно, Флеш не понял. Потом она заснула.

Еще примерно с полчаса Флеш просидел у костра, потом он осторожно приподнял голову Дейл со своих колен, удобно уложил ее на траву и встал.

Ночь была теплой и мягкой, ветер повернул на восток. Сквозь мускусный запах джунглей Флеш ясно чувствовал свежий аромат моря. Он спросил себя о том же, что так занимало Дейл. Что же они действительно ожидали найти завтра утром на берегу моря? Только ли защиту? Или они и впрямь надеялись найти дружественных туземцев в тростниковых хижинах, таких, о каких Флеш помнил еще из курса истории?

А может, они увидят следы цивилизации, которая была настолько высокоразвита, что смогла установить на «Доброй Надежде» гипердрайв-привод? Если это так, то представители подобной цивилизации должны были наблюдали крушение космического корабля и посадку бота и сюда давно уже прилетела бы спасательная экспедиция.

Флеша занимало и кое-что другое. Он пытался выяснить это, еще когда находился на борту «Доброй Надежды», но ему до сих пор не удалось найти удовлетворительного ответа. Почему отсутствующая в анабиозном отсеке женщина проснулась? Судя по записям в бортовом журнале, при дальних перелетах автоматически будилось несколько членов экипажа. Несколько, а не одна эта женщина.

Было ли это ошибкой электроники, которая ведала пробуждением находящихся в анабиозе? Или это было что-то другое?…

Он посмотрел на спящую Дейл. Весьма вероятно, что его желание исполнится, и им придется обживать и заселять этот мир. Может быть не все обломки «Доброй Надежды» сгорели в атмосфере и им посчастливится найти пару исправных приборов, с помощью которых они, используя рации своих скафандров, смогли бы передать сигнал бедствия. Но даже и тогда остаток своей жизни им предстоит провести на этой планете.

В глубине джунглей закричало какое-то животное. Флеш тихо придвинулся ближе к костру. Он устало опустился рядом с Дейл и стал ждать утра.

Солнце стояло над самой водой ниже по течению, но Флеш внезапно проснулся. Какое-то мгновение он не сообразил, где находится, но тут же все вспомнил и вскочил.

Зарков все еще спал у тлеющего костра. Флеш обнаружил Дейл внизу, у реки. Она сняла свой скафандр и сейчас стаскивала с себя остальную одежду. Утро было теплым, воздух великолепным и свежим. Веял легкий бриз. Несколько меньшая сила тяжести и повышенное содержание кислорода в воздухе

позволили им восстановить физические силы гораздо быстрее, чем это было бы на Земле. Флеш чувствовал себя хорошо и, по крайней мере в первое мгновение, забыл о том бедственном положении, в котором и находились. Он смотрел, как обнаженная Дейл плавает в воде. Она нашла немного ниже по течению заливчик, образованный группой валунов, между которыми застряли стволы деревьев, создав естественную плотину. Дейл забрела в заливчик и шла по воде, пока глубина не позволила ей плыть. Потом она грациозно заскользила к стволам деревьев.

Флеш снял свой скафандр и положил его возле костра. Он сунул лазерный пистолет в карман штанов и умылся. Потом направился вдоль берега к тому месту, где купалась Дейл.

Она не заметила, что Флеш наблюдает за ней, и хотела вскарабкаться на стволы деревьев.

— Ты действительно хочешь забраться туда? — спросил Флеш.

Дейл обернулась и тут же нырнула в воду. На мгновение она сердито уставилась на него, но затем рассмеялась и поплыла к берегу.

Флеш поднял ее одежду, перекинул через плечо и со смехом сказал:

— Почему ты меня не разбудила, когда встала? Она перестала плыть и с испуганным выражением лица застыла в центре заливчика.

Флеш снова громко рассмеялся.

— Я не украду твои вещи… — начал он, но увидел, что Дейл, яростно жестикулируя, указывает на что-то позади него вверх по течению реки.

Флеш обернулся и увидел двух чудовищ. Они вышли из-за поворота реки и, хотя находились пока довольно далеко, уже казались страшными и очень свирепыми.

— Сейчас же выходи из воды, — бесцветным голосом сказал Флеш и уронил ее одежду. — Я пойду за профессором.

Дейл большими гребками поплыла к берегу, а Флеш заспешил назад, к костру, чтобы разбудить Заркова. Старик тотчас же проснулся.

— Моя очередь дежурить?

— У нас затруднения, — предупредил его Флеш. Он помог Заркову подняться на ноги и указал вверх по реке.

Дейл уже успела одеться, когда чудовища заметили ее и медленно заковыляли вниз по течению.

Дейл, увидев, как они приближаются, опрометью бросилась к костру, застегивал на бегу одежду.

Флеш помог Заркову выбраться из тяжелого скафандра. Когда

тот освободился, Дейл была уже рядом с ними. Они вместе поспешили отступить вниз по течению. Чудовища не торопясь следовали за ними. Спустя несколько минут они подошли к тому месту, где Флеш убил серноподобное животное. Однако, от трупа ничего не осталось, кроме следа на траве. Какая-то ночная тварь, вероятно, уволокла его.

Река сделала пологий изгиб, и чудовища исчезли из поля зрения.

Почти час они быстро шли вдоль реки, а чудовища позади них так и не показывались. Наконец, Зарков начал серьезно уставать, и они вынуждены были остановиться.

Они присели у воды, и Зарков вытянулся на песке. Глаза его были закрытыми, а дыхание — частым и прерывистым. «Впредь надо будет идти медленнее, — подумал Флеш, — иначе Зарков никогда не доберется до побережья.»

Солнце поднялось уже довольно высоко. Флеш засек его нынешнее местоположение и посмотрел на часы.

Зарков открыл глаза и наблюдал за ним.

— Ну, и что ты можешь сообщить? — все еще тяжело дыша, спросил он.

— Судя по положению солнца, могу сказать, что один оборот эта планёта делает за двадцать два часа или немного меньше.

— Итак, продолжительности дня нам не хватит, чтобы достичь берега моря.

— Похоже, что это так, — подтвердил Флеш.

— Дядя Ханс больше не может идти, — сказала Дейл.

— Лучше я буду усталым до изнеможения стариком, чем завтраком для медведей, следующих за нами.

— А следуют ли они все еще за нами? — занервничала Дейл.

— Мы подождем здесь, а ты сбегаешь вверх по реке и посмотришь, — с легкой насмешкой произнес Флеш. — Худшее, что с нами может произойти, это паника.

— Ты невозможен, — фыркнула Дейл.

— А ты очень мила без одежды. Она покраснела, а Зарков рассмеялся.

— Ты должен принять ее от меня, Флеш, — сказал он. — Я еще так и не сказал своего последнего слова.

— Ты так же невозможен, как и он, дядя, — разгневанно сказала Дейл, но против воли рассмеялась. Их гнетущее настроение немного рассеялось.

Флеш помог Заркову встать.

— Как вы себя чувствуете, док? Вы сможете идти дальше?

Зарков кивнул.

— Но позволь мне идти немного помедленнее. Я не хочу,

чтобы вы потом несли меня.

— Конечно, — ответил Флеш. Не оглядываясь, спутники направились дальше на восток. Медленным, но размеренным шагом они шли по низкой траве, а солнце тем временем достигло своей высшей точки.

За все это время они ни разу не видели за собой этих чудовиш. В полдень они нашли на краю джунглей дерево, ветви которого были усеяны странными зелено-голубыми плодами, по форме сильно напоминавшими груши.

Зарков сорвал один из этих плодов, надавил на него и попробовал капельку сока на кончике пальца.

— По вкусу напоминает гибрид апельсина и лимона, — сказал он. И прежде, чем они успели вмешаться, он откусил болыпой кусок и стал задумчиво жевать. Потом проглотил его.

— Дядя! — воскликнула Дейл, вырвала у него из рук «грушу» и выбросила ее.

Зарков безмятежно улыбнулся.

— Один из нас должен был попробовать их. Мы можем захватить с собой несколько штук. Если в ближайшие полчаса со мной ничего не произойдет, значит, можно будет съесть один или два плода.

— Это было безумием, — неодобрительно проворчал Флеш.

— Я знаю, но разве у нас была другая возможность?

— Нет, — через некоторое время согласился Флеш. Он подумал о риске, на который они уже пошли, употребив в пищу мясо «серны» и попив воды из реки. Но у них не было другого выбора, если они хотели выжить.

Они нарвали побольше плодов, рассовали их по карманам и отправились дальше.

Примерно через час Зарков вытащил из кармана «грушу» и стал ее есть. Дейл и Флеш сделали то же самое. Плоды были вкусными, и, съев их, путешественники почувствовали себя освеженными и даже смогли немного увеличить темп ходьбы.

Было уже далеко за полдень, когда они снова остановились. Зарков сильно устал и с облегчением опустился на прибрежный песок. И тотчас же они заметили, что вокруг что-то изменилось.

Флеш уставился на воду, а Дейл, склонив голову, прислушалась к чему-то. Они посмотрели друг на друга.

— Река, — сказал Флеш, поднявшись. — Она течет быстрее.

— Послушай, — произнесла Дейл и тоже вскочила. — Какой-то странный звук!

Он тоже услышал его — глухой шум, словно гул сильного ветра в вершинах деревьев, но на большом расстоянии.

— Водопад, — догадался Флеш. — Он должен находиться в

самом устье. Похоже, мы подошли достаточно близко к морю.

Зарков с трудом поднялся.

— Чего же мы еще ждем?

— Вы не в состоянии идти далыне… — начал Флеш, но старик оборвал его.

— Я отдохну гораздо лучше, когда мы окажемся там, подальше от этих джунглей. А теперь море уже совсем близко.

— Вы уверены, доктор? — уточнил Флеш. Он беспокоился о своем друге. До сих пор они пока оставались целы и почти невредимы. И он не хотел, чтобы со стариком что-нибудь приключилось. — Мы можем отдохнуть здесь с полчасика или чуть больше. Пока еще достаточно светло.

Зарков покачал головой.

— Мы легко преодолеем это расстояние. Мне, честно говоря, хочется убраться подальше от этих джунглей.

Они снова пошли вниз по реке. Чем дальше они продвигались, тем сильнее становился грохот водопада. Через полчаса они могли уже видеть впереди туман из брызг низвергавшейся воды. По обеим сторонам реки джунгли отступали назад и в стороны. Им стало ясно, что они находятся на гигантском плато. Дейл, которая не могла больше ждать, побежала вперед, вырвавшись на пару сотен метров.

Шум падающей воды усилился. Зарков должен был кричать, чтобы перекрыть этот грохот.

— Она чудесная девушка, Флеш. Она всегда была для меня, как дочь.

Флеш помогал старику ковылять вперед. Он положил руку ему на талию, чтобы поддерживать его.

— Она вбила себе в голову, что любит меня, — смущенно проворчал он.

Зарков посмотрел на него понимающим взглядом.

— Она влюблена в тебя с тех самых пор, как встретила в первый раз. Еще до смерти твоей жены. Флеш промолчал.

— Если мы действительно вынуждены будем остаться здесь навсегда… — церемонно начал Зарков; однако потом он сменил тон: — Если это действительно произойдет, обращайся с ней хорошо.

Дейл закричала. Оба мужчины разом посмотрели в том направлении. Она ушла вперед на несколько сотен метров и теперь стояла совершенно неподвижно, будто что-то увидела.

Они побежали к ней со всей возможной скоростью, причем Зарков сильно отстал. Флеш выкрикивал имя Дейл, однако она не шевелилась и стояла молча. На бегу Флеш рванул из кармана лазерный пистолет и поставил его на максимальную мощность.

Он мог сделать только один выстрел, поэтому целиться нужно было особенно тщательно.

Дейл замерла на краю скальной стены высотой около трехсот метров, отвесно обрывавшейся к морю. Океан тянулся на восток насколько хватало глаз; вдали он сливался с туманной линией горизонта.

Дейл молча уставилась на северо-восток, и Флеш проследил за ее взглядом. То, что он увидел, почти лишило его разума.

Они стояли на краю огромной бухты, именно в нее обрывался ревущий водопад. Там, на северо-западе, на противоположном берегу бухты, находился город. Город такой необычный, какого Флешу не приходилось видеть еще никогда в жизни.

Башни всех мыслимых цветов сверкали в свете солнца почти как фата моргана: они увидели огромные аркообразные структуры и строения длиной, должно быть, в несколько сот метров, а может быть, и километров. Тянущиеся к морю доки и набережные были самим совершенством. Свободно висящие ярусы улиц и мосты связывали здания друг с другом. У людей перехватило дыхание от этой совершенной красоты — так же, как и от сознания, что существование такого прекрасного города означает, что они на этой планете были не одни. Кто бы ни построил этот город, он, конечно, располагал техническими возможностями, чтобы доставить их назад, домой.

Зарков, наконец, добрался до них; взглянул на город вдалеке, глаза его повлажнели, и он удивленно покачал головой.

— Боже мой, — только и смог сказать он. — Боже мой.

Глава 9

Когда Флешу, наконец, удалось подстрелить небольшое кроликоподобное животное, уже стемнело. Они развели костер на краю скальной стены, на изрядном расстоянии от водопада. Ни один из них не уделил должного внимания скудному ужину. Они неотрывно смотрели, как город вдали пробуждается к жизни.

Сначала в его глубине зажглись огни и осветили весь горизонт мягким красноватым светом. Потом огоньки зажглись в башнях, и, как им показалось, поочередно — друг за другом. Все это было исполнено непередаваемой, совершенной красотой.

Налетел легкий ветерок, и пламя костра замерцало и затанцевало. Дейл положила голову на колени и, не отрываясь, смотрела на великолепное завораживающее зрелище вдали. Оно полностью очаровало ее, и впервые с тех пор, как «Добрая Надежда» покинула околоземную орбиту, она, казалось, расслабилась и полностью избавилась от страха.

Однако Зарков, тоже напряженно рассматривавший город, выглядел почему-то странно подавленным.

Флеш спустился вниз, к реке, чтобы попытаться переправиться на ту сторону. Зарков устало поднялся и направился вслед за ним. Они отошли на достаточное расстояние от Дейл, которая, оцепенев, все смотрела на город и совершенно не слышала их. Несмотря на это, Зарков говорил тихо.

— Я не хотел тревожить Дейл, ведь ее надежды слишком велики, — без предисловий начал старик.

Флеш, опустившийся на колени, чтобы вымыть руки, поднял взгляд и встал. Зарков, казалось, был обеспокоен.

— Что случилось, док?

Свет теперь был еще слабее, их костер находился далеко. Несмотря на это, Флеш смог различить мрачное выражение лица Заркова.

— Ты заметил в городе что-нибудь, скажем так, необычное?

Оттуда, где они стояли, открывался вид на башни, поднимающиеся над бухтой, и Флеш посмотрел в том направлении.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Я обратил внимание на то, что с тех пор, как мы увидели этот город в первый раз… кроме освещения, я не заметил там никакой активности.

— Мы далеко от… — попытался возразить Флеш, однако Зарков покачал головой.

— Мы не настолько далеко, чтобы не видеть кораблей,

входящих в гавань. В доках и у грузовых ангаров там, внизу, вообще не было видно никакого движения. Мы не настолько далеко, чтобы не видеть самолетов или, по крайней мере, их сигнальные огни. Мы не настолько далеко, чтобы не видеть движения транспорта из города и в город.

Некоторое время мужчины пристально смотрели на город.

— Ничего! — наконец произнес Флеш. — Но это не значит, что город покинут. Может быть, рабочие там забастовали именно сейчас. Или сегодня у них национальный праздник, — размышлял он вслух.

Однако, говоря это, он уже знал, что просто принимает желаемое за действительное.

Зарков печально покачал головой.

— Где-то там находится механизм, автоматически включающий и выключающий свет.

— А где же люди? Зарков пожал плечами.

— Эпидемия? Война? Мы это узнаем завтра утром, когда доберемся туда. А, может быть, и не узнаем никогда.

— Когда я увидел этот город в первый раз, мне показалось странным, что к нам не было послано никакой поисковой экспедиции. Кто бы ни построил этот город, он должен был заметить падение «Доброй Надежды».

— Да — согласился Зарков. Он задумчиво прикусил нижнюю губу. — И даже если мы предположим, что город пуст и его население исчезло, существует еще одна проблема…

— Эта машина на «Доброй Надежде»? — прервал его Флеш.

— Верно. Кто ее туда встроил и почему она доставила нас сюда?

Дейл подошла к ним и остановилась в темноте, в паре метров от них. Она дрожала.

— Там никого нет? Не так ли?

Флеш и Зарков обернулись, услышав ее голос, но она не подошла ближе.

— Мы этого не знаем, милая, — мягко сказал Зарков. Это прозвучало не особенно убедительно.

— Но ты же знаешь это, — возразила Дейл. Голос ее стал громче. Она смотрела на город. — Там никого нет. Они все мертвы или исчезли. Мы по-прежнему одни.

Флеш подошел к ней.

— Даже если люди исчезли, там все же остался город, — он попытался говорить как можно бодрее.

— Нет! — воскликнула Дейл.

Она побежала назад, к костру.

Флеш хотел последовать за ней, но Зарков удержал его.

— Оставь ее на некоторое время одну.

— Ей нужен кто-нибудь, кто сказал бы ей, что все в порядке.

Зарков внимательно посмотрел Флешу в глаза.

— Ты хочешь ей солгать? — жестко произнес он. Флеш подавленно промолчал. Зарков покачал головой: — Это ни к чему не приведет. Она — сильная женщина, и сама справится с этим. Если она сама сообразила, что мы здесь одни, она сможет оказаться нашей помощницей, а не обузой.

Флеш был удивлен, услышав эти слова от обычно мягкого Заркова, и сказал ему об этом. Зарков не обратил никакого внимания на его замечание.

— Речь идет о нашем выживании, Флеш, — продолжал он. — Ты тоже очень надеешься на то, что мы найдем в городе многое, что поможет нам в дальнейшем. Но, может быть, их техника будет настолько непонятной для нас, что мы ничего не сможем с ней поделать.

Они медленно пошли назад к костру, где Дейл сидела с поджатыми коленками, уставившись на сияющий город.

— Кроме того, город может быть для нас опасным. Это все равно, что перенести дикаря в Лос-Анджелес. Он там не проживет и дня. Его там задавят или он войдет в нераотающий гравилифт и разобьется насмерть. Ему грозят миллионы опасностей со всех сторон, потому что он не знает нашей техники. То же самое может поджидать нас завтра утром там, в городе.

— Может быть, вы считаете, что нам не надо идти туда? — спросил Флеш.

— Нет, — поспешно возразил Зарков. — Я только думаю, что мы должны быть предельно осторожны. И ты не должен особенно надеяться на то, что мы отыщем там нечто, что нам поможет.

— В худшем случае мы, по крайней мере, весь остаток своей жизни сможем заниматься изучением коммуникационных связей города, — горько пошутил Флеш.

— Нет, Флеш. Наш невежественный дикарь не сможет изучить основ электроники, даже если в его распоряжении будет время большее, чем человеческая жизнь. Я уже не говорю о таких вещах, как межмолекулярные связи. Но, играя с неизвестной ему техникой, он может легко убить себя.

— Несмотря на это, мы все же отличаемся от дикаря… — аргументировал свое мнение Флеш. — Мы понимаем значение и устройство библиотек и банков данных. Мы способны обучаться.

— Может быть, — отозвался Зарков. — Может быть.

Но прозвучало это не очень уверенно.

Дейл снова всматривалась во что-то с обрыва реки. Когда Флеш и Зарков присели у костра, она подняла взгляд и слабо

улыбнулась.

— Дейл, как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросил Зарков.

— Много лучше, дядя. Мне очень жаль, что я потеряла голову. Я сама не знаю, что это на меня нашло.

— Ты устала. Сегодня мы проделали огромный путь.

— Завтра утром мы пойдем туда? Зарков кивнул:

— Да.

Улыбка ее стала горькой.

— Хорошо, — вымолвила она. — Это значит, что завтра утром я буду спать в постели, а не на земле.

Флеш и Зарков обменялись быстрыми взглядами, и спустя пару минут, все они начали поудобнее устраиваться на ночь.

Зарков первым заступил на дежурство. Когда он обнаружил, что лазерный пистолет почти пуст, он подбросил в костер еще несколько веток.

Эта ночь прошла так же быстро, как и предыдущая. Утром они снова почувствовали голод. Вместо того, чтобы охотиться, спутники решили утолить голод «грушами», которые сорвали вчера.

В паре километров вверх по течению они заметили место, где река, хотя и была широкой, но текла не так быстро и казалась нс особенно глубокой.

На рассвете они направились туда и примерно через полчаса достигли этого места. Флеш первым перешел реку. Хотя течение было сильнее, чем он ожидал, вода доходила ему до пояса. И через несколько минут все они оказались на другом берегу и пошли назад, к морскому побережью.

Утро было приятным, небо чистым. Когда они достигли скал, повеял легкий ветерок, приятно пахнувший морем. Хотя они видели много мелких животных, а однажды им даже встретилось целое стало серноподобных существ, по крайней мере в дюжину голов, они не столкнулись ни с одним медвежеподобным чудовищем.

У скальной стены спутники повернули на север. Местность плавно понижалась к востоку, опускаясь к песчаному берегу далеко под ними.

Похоже было, что настроение Дейл за это время значительно улучшилось. Пока они шли по низкой траве вдоль края скальной стены, она мурлыкала разные мелодии, которые были популярными, когда они покидали Землю.

Состояние Заркова тоже, казалось, было намного лучше, чем вчера. Хотя они и поели не слишком сытно и вынуждены были спать под открытым небом, на весьма твердых скалах, мрачное

настроение, охватившее их прошлым вечером, улетучилось в лучах утреннего солнца.

Был уже полдень, когда они достигли берега моря. Они обнаружили дорогу, а с ней и полную уверенность в том, что город покинут.

Дорога шла с запада вдоль моря, потом поворачивала на север и прямо над берегом вела в город, который теперь находился от них километрах в пяти.

Сначала Флеш заметил, что местность, по которой они приближались к городу, была неестественно плоской. Они пробрались сквозь густой кустарник и ступили на широкую дорогу.

Поверхность ее состояла из материала, какого они еще никогда не видели. Что-то вроде комбинации твердого камня с непрозрачной пластмассой, к тому же гладкой, как шлифованное стекло. Нигде не видно было повреждений, царапин или следов выветривания. Однако, насколько они могли заметить, она была плотно покрыта листвой, ветками и пометом животных.

— Этой дорогой не пользовались, по крайней мере, сто лет, — сказал Зарков и посмотрел на город. На таком расстоянии башни высоко возносились в небо перед ними. Высота их была не менее тысячи метров, а то и больше.

— Итак, это место покинуто, — тихо сказала Дейл. Она оглянулась назад, туда, откуда они пришли, на водопад. Масса воды падала вниз с высоких скал в огромную бухту, из которой устремлялась в море. В ее брызгах на половине высоты скальной стены мерцала и играла радуга.

— Мы должны принять решение, — сказал Зарков. — Там, у реки, мы найдем пищу и воду. А в городе, может быть, мы не найдем ничего. Ни пищи, ни воды.

— Что ты имеешь в виду, дядя? — нервно спросила Дейл.

— Я полагаю, что будет умнее вернуться по берегу к подножию водопада. Там есть свежая вода. Может быть, мы найдем там черепах или еще что-нибудь съедобное. Когда мы поедим и передохнем еще одну ночь, мы утром сразу же сможем отправиться в город.

Дейл покачала головой.

— Нет, — просто сказала она. — Я не хочу проводить еще одну ночь под открытым небом. Если уж существует механизм, который включает ночью свет, там должна быть и свежая вода. Мы ее найдем.

— Флеш? — спросил Зарков.

— Если мы ничего не найдем в городе, я всегда смогу вернуться назад, к водопаду, и принести оттуда воды. Какой-

нибудь сосуд мы там обязательно найдем. Я думаю, мы должны идти дальше, — он посмотрел на башни. — Так или иначе, но наше выживание чертовски сильно зависит от того, что мы обнаружим в городе, или от того, чего мы там не найдем. И чем раньше мы начнем осмотр, тем больше у нас появится шансов.

Зарков согласился, хотя было видно, что они его не очень-то убедили. Они двинулись по заваленной мусором дороге дальше, каждый со своими ожиданиями и страхами. Они хорошо сознавали, что это отнюдь не было воскресной прогулкой. Речь шла о жизни и смерти.

Дорога пролегала вдоль берега, сворачивала направо и вела в район доков и стоянок. Чем ближе они подходили к городу, тем чаще встречали большие строения, которые, очевидно, служили ангарами.

Они больше нигде не замечали других дорог, хотя можно было ожидать, что наземный транспорт является здесь главным средством передвижения. Когда они подошли еще ближе, то, кроме всего прочего, обнаружили, что город имел два уровня. На нижнем уровне, где они теперь находились, — дорога, док и множество темных отверстий в нижней части зданий. Собственно улицы города, если таковые имелись, а также входы в здания находились на верхнем уровне, примерно в десяти метрах над подъездной дорогой. Лестниц или виадуков, по которым можно было бы попасть на верхний уровень, не было видно.

Сразу же после полудня они прошли по низенькому мостику, который вел в нечто вроде гавани, и вошли в город или, во всяком случае, в область порта. Дорога бежала дальше, вдоль домов. Со стороны берега высились грузовые ангары, а с другой стороны чернели тоннели, ведущие под городские дома. Здания на нижнем уровне были из того же материала, что и дорога. Он походил на естественный камень, но блестел в лучах солнца и был гладким, как стекло. И так же, как на дороге, на зданиях отсутствовали какие-либо признаки старения или выветривания.

В тоннелях, уходящих под верхний город, лежал толстый слой пыли. Действительно, прошло немало времени с тех пор, как здесь кто-то был в последний раз.

Ни в одном из складских помещений они не заметили ничего, что походило бы на вход. Они были похожи на большие, высеченные и покрытые пластмассой каменные блоки.

Пройдя по дороге вдоль складов около двух километров, они обнаружили широкий виадук, ведущий на верхний уровень города. Дейл первой заметила разницу между виадуком и дорогой, по которой они шли.

— Он чистый, — произнесла она, когда они посмотрели

вверх, на виадук.

Сначала Флеш не понял, что она имеет в виду, однако потом смысл ее слов дошел до него, и это повергло его в шок. Виадук был чист. Им, очевидно, пользовались, и совсем недавно. Покрытие его блестело в светс солнца, как будто его только что отполировали.

Дейл изо всех сил помчалась по виадуку. Зарков окликнул се, прося подождать, однако было уже поздно. Или она не слышала его, или просто проигнорировала его просьбу. Во всяком случае, она остановилась только тогда, когда достигла верхнего уровня. Дейл вскрикнула, и этот звук показался им радостным.

Флеш и Зарков поспешили к ней. Когда они, наконец, достигли верхнего конца виадука, Зарков начал задыхаться. Несмотря на это, вид, открывшийся перед ними, заставил его застонать.

Все трое с открытыми ртами уставились на протянувшийся вдаль усаженный деревьями бульвар. То, что он, по-видимому, предназначался для пешеходов, доказывали мощеные прогулочные дорожки, которые, казалось, бесцельно извивались между ухоженными лужайками, кустарником, маленькими деревцами и клумбами с цветами. Тут и там виднелись искусно оформленные источники, низвергавшиеся выглядевшими фантастически разноцветными водяными каскадами; маленькие животные паслись на зеленых лужайках среди великолепия красок, фонтанов и цветов, а также среди дорожек, которые, казалось, были составлены из осколков радуги.

На каждой стороне широкого бульвара, тянувшегося перед ними насколько хватало глаз, поднимались чудесные здания города. Огромные, но несмотря на это, стройные башни блестели и сверкали в лучах солнца.

На высоте бульвара здания были остеклены, и за огромными окнами виднелось множество совершенно незнакомых вещей и предметов. Очевидно, они находились в районе магазинов, и Дейл ликовала, вне себя от радости и возбуждения. Флеш и Зарков сейчас же поняли значение того, что они увидели. Трава была только что коротко подстрижена; стекла витрин чисто вымыты; и несмотря на присутствие небольших животных, бегающих среди кустов живой изгороди, пешеходные дорожки тщательно выметены. Город не был покинут.

Дейл хотела подбежать к одной из витрин, но Флеш остановил ее.

— Нам лучше быть осторожнее, — предостерегающе сказал он.

Она освободилась от него и, подпрыгивая, побежала вдоль

витрины.

— Как здесь чудесно! — воскликнула она, и голос ее эхом отразился от стен зданий. — Просто восхитительно!

Зарков первым уловил какое-то движение и предупреждающе крикнул.

Дейл внезапно остановилась, и на лице се появилась неуверенность.

— Дядя… — начала она, однако сразу же тоже увидела это.

В паре сотен метров от них, перед магазинами, появилась маленькая, автоматически управляемая машина, парившая на воздушной или антигравитационной подушке. Темно-серого цвета, она совершенно бесшумно скользила над дорожкой.

Машина заметила движение Дейл и направилась прямо к ней.

Флеш рванулся вперед и побежал к Дейл, когда машина выпустила большие захваты и ускорила ход.

Машина была узкой. За управляющими и сенсорными устройствами находился большой ящик.

В самое последнее мгновение, когда машина уже достигла Дейл, Флеш высоко подпрыгнул. Ударом обеих ног он отбросил машину в сторону, а следующим ударом опрокинул ее.

Дейл отскочила в сторону, и Флеш грубо схватил ее за локоть. Они побежали назад, к виадуку, а машина тем временем, размахивая захватами, пыталась перевернуться, напоминая лежащую на спине черепаху.

Зарков снова крикнул, и Флеш своевременно оглянулся. Несколько маленьких машин со всех сторон мчались к ним и к опрокинутой машине.

Они отрезали их от виадука.

Глава 10

Флеш, все еще тащивший за собой Дейл, пересек один из тротуаров и пробежал через большую лужайку, нырнув в группу ухоженных кустов. Мгновением позже к ним присоединился совершенно изнемогший Зарков с бледным и мокрым от пота лицом.

— Если нам удастся добраться до виадука и спуститься, то я не думаю, что они будут и там преследовать нас, — произнес Флеш.

Он беспокоился за Заркова. Он не рассчитывал на то, что возбуждение увеличит силы старика. Если он окончательно сломается, его едва ли можно будет защитить от опасности. Однако Зарков восстановил дыханис и слегка улыбнулся.

— Все не так страшно, Флеш, — сказал он, тяжело дыша. — Я думаю, мы здесь в безопасности.

— Эти машины… — Дейл заплакала. Она дрожала всем телом, и Зарков положил ей руку на плечо.

— Смотри, — сказал он.

Флеш проследил за взглядом Заркова и увидел, что происходило там, где они только что были.

Две машины подняли перевернутую и потащили се прочь, в то время как полдюжины других вычистили тротуар и вернулись назад, не обращая никакого внимания на людей, укрывшихся в кустах.

Зарков выбрался из кустарника. Он сломал ветку на одном из кустов, подошел к дорожке и бросил. Тотчас же подлетела одна из машин и, не обращая никакого внимания на неподвижного Заркова, подняла упавшую ветку и исчезла с ней.

Зарков громко рассмеялся.

— Мусороуборщик, — сказал он.

— Мусороуборщик? — недоверчиво переспросила Дейл, пока они с Флешем выбирались из кустарника.

Зарков кивнул и рассмеялся еще громче. На мгновение Флешу показалось, что смех Заркова был истерической реакцией на опасность, миновавшую несколько минут назад. Но Зарков взял себя в руки.

— Мы не принадлежим к этому городу, поэтому машина приняла нас за отходы… за мусор… и хотела убрать нас. Когда мы напали на нее, прилетели другие, чтобы устранить повреждения и убрать обломки.

— Ящики в задней их части предназначены для мусора, — сказала Дейл, как зачарованная наблюдая за работой машин.

— Прекрасно, великолепно, кроме двух вещей, — сказал Флеш. — Во-первых: отходы, которые они убирают. Я уверен, что они их как-то уничтожают. Если они нас поймают, мы погибнем.

Дейл вздрогнула, а Зарков посмотрел Флешу в глаза.

— Техника — это вторая вещь, которая тебя интересует, не так ли? — спросил он. Флеш кивнул.

— Да, док. Хотя… Если я не ошибаюсь, машины эти сделаны из устаревшего легированного алюминия. Если смотреть с точки зрения технического прогресса — от таких машин к аппарату на борту «Доброй Надежды» и к такому городу путь весьма долог.

— Быть может, мы находимся в музее, — предположила Дейл.

— Нет, — задумчиво сказал Зарков, — Флеш прав. Я думаю, эти уборщики созданы спустя время, и немалое время, после того, как жители покинули город.

— Но кем же? — спросила Дейл придушенным голосом.

— Этого я не знаю, — все так же задумчиво ответил Зарков.

Последний робот-уборщик исчез, оставив после себя безупречно чистый бульвар.

— Если мы узнаем, кто их построил и почему, — мы приблизимся к разгадке того, почему покинут этот город.

— Если он покинут, — добавил Флеш.

— Что ты имеешь в виду, Флеш? — спросил Зарков после долгого молчания.

— Не знаю, — осторожно ответил Флеш. — Это только неопределенное ощущение, — он посмотрел на витрины с мириадами предметов, а потом взглянул вниз, в яркое разноцветное ущелье между гигантскими зданиями.

Тот, кто построил этот город, должно быть, был человекообразен. Это место просто излучает удобство и, что еще важнее, кажется знакомым. Разумеется, Флеш никогда здесь не был, но ему казалось, что он это уже где-то видел.

— Я не пойду назад, к реке, — заявила Дейл. Она постаралась, чтобы голос ее звучал твердо, но звучал он скорее жалобно.

Флеш повернулся к ней.

— Нет, мы не пойдем назад, не беспокойся. Наше выживание зависит от того, что мы найдем здесь.

— Тогда у нас остаются две возможности и пара необходимостей, — сказал Зарков. — Мы можем или расположиться здесь лагерем, или найти все, что нужно в магазинах.

— А необходимости? — спросил Флеш.

— Воду мы имеем в изобилии благодаря источникам. Но нам

нужна пища и крыша над головой.

В лазерном пистолете больше нет энергии, чтобы подстрелить какое-нибудь животное или развести костер. А я не склонен к тому, чтобы охотиться на маленьких зверушек и есть их сырыми. Итак, остаются только магазины.

— Если я найду одежду, которая мне подойдет, я возьму ее и тут же надену, — решительно произнесла Дейл, и это высказывание заметно улучшило ее настроение.

— Если мы будем держаться подальше от дорожек, с нами ничего не должно произойти, — предположил Зарков.

Когда они шли через большую лужайку к ближайшей подходящей витрине, солнце стояло уже довольно низко. Скоро станет темно, и Флеш хотел до этого найти какое-нибудь убежище. Ему не хотелось коротать ночь под открытым небом, особенно без костра.

Некоторые вещи в витринах были ошеломляюще знакомы и одновременно выглядели какими-то чужими. В одной из витрин виднелось что-то похожее на затвердевшие, материализованные молнии; другая содержала приборы, снабженные экранами, которые могли быть всем, от крошечных голографических рекордеров до карманных Охранительниц. В следующей витрине находились сотни небольших, странной формы, блоков из какого-то камня.

Зарков почувствовал какое-то странное воздействие и оглянулся через плечо. Они стояли в тени одной из башен, Цоколь которой выступал на несколько метров в бульвар. Зарков отвернулся. Но, казалось, что-то неуловимое магнетически притягивает его.

Мгновением позже Дейл подняла голову вслед за ним, и тут же Флеш ощутил это.

Было так, словно его тело стало струной какого-то музыкального инструмента, и кто-то или что-то играло на нем. Флеш последовал за Дейл и Зарковым на бульвар, на свет заходящего солнца. Вдали на горизонте появилось зрелище, которое одновременно выглядело и жутким, и приятным.

Радуга, протянувшаяся через все небо над солнцем, сопровождалась глухими раскатами грома. В течение нескольких секунд небо над сверкающей радугой заполнилось кипящим, почти слепящим потоком красок и ослепительными вспышками молний. И это все сопровождалось мелодичными звуками.

Повсюду вдоль бульвара зажигались мягко светящиеся фонари, и свет их отражался в струях фонтанов калейдоскопом красок. И все еще росло, пульсировало нечто, занимающее теперь половину западного горизонта. Это свсркающее нечто

превратилось в трехмерное образование непередаваемой красоты.

Флеш почувствовал, что его против воли тянет на запад, вниз по бульвару. Несмотря на то, что он помнил о грозящих опасностях, он не сопротивлялся. Они покинули лужайку и пошли по широкому, золотистому тротуару.

Краем глаза Флеш замечал, как над ними и вокруг них вспыхивали огни. Он смутно представлял себе, сколько же прошло времени, когда они, наконец, подошли к шару возле лестницы, и неведомая доселе им эйфория пронизала их и взволновала, как ветер пшеничное поле.

Переходящие друг в друга картины появились перед его мысленным взором — их страстные объятья с женой, с Дейл, разговоры с доктором Зарковым, полет на «Неустрашимом», выигрыш в ТРИ-В; он пьет хорошее вино; плывет под парусами в южной части Тихого Океана. Все это сопровождалось настолько приятными ощущениями, что его душа тосковала все больше и больше. Это было похоже на сладкий аромат цветов. Его трудно обнаружить и объяснить, но он все же существует.

И он почувствовал власть, и знания, и силы такие мощные, что со снисходительной благосклонностью посмотрел на Дейл и Заркова, которые, как ему казалось, были странно ниже его.

Все эти ощущения были реальны. Флеш был просто уверен, что он еще раз переживает все самое прекрасное, что только случалось в его жизни. Но, несмотря на это, какая-то часть его разума осознавала тот факт, что они стояли перед огромным прозрачным шаром, который, казалось, состоял из какой-то необычной пластмассы; он легко парил, и под ним начиналась широкая лестница, ведущая вниз, в ярко освещенный коридор.

Интенсивность и цветовая насыщенность видений на западном горизонте усилилась. Скорость их изменений все увеличивалась. Когда картины помчались в каком-то бешеном ритме и непонятными угрозами стали струиться через его душу, Флеш почувствовал боль — жгучую, колющую муку, перехватившую ему горло.

Дейл упала на колени, а Зарков почти уже потерял сознание, и это отвлекло внимание Флеша от гигантского шара, через который он смотрел на танцующие краски видения на небе.

Времени, на которое ему пришлось отвлечься, было вполне достаточно, чтобы Флеш осознал окружающее. Он с пугающей очевидностью понял, что они все умрут, если останутся снаружи под влиянием этих видений на западе. Он решительно шагнул вперед и ступил на первую ступеньку лестницы. Как только он вышел из сферы влияния шара, голова его прояснилась. Он потянул за собой Дейл и Заркова. Как зомби, они, шатаясь, шли

прочь от фантастических красок и звуков.

— Флеш? — вскрикнула Дейл. Ни она, ни Зарков не сопротивлялись ему, и он увлекал их вниз, в коридор, уходивший по меньшей мере метров на пятнадцать под бульвар.

Они остановились у подножия лестницы, и Зарков посмотрел назад и вверх. На его лице застыло выражение глубокого благоговения.

— Что это было? — спросил Флеш. Зарков медленно обернулся.

— Этого я не знаю, — он покачал головой. Он казался опечаленным и снова посмотрел вверх. — За всю свою жизнь я еще не встречал ничего подобного.

Дейл была совершенно потрясена. Ее лицо было бледным, и благоговейное выражение не сходило с него. Она тоже проследила за взглядом Заркова. Она выглядела человеком, который находится под гипнозом. Казалось, что некто невидимый и властный повелевает ей вновь подняться по лестнице.

Теперь они стояли в широком коридоре с безупречно белыми стенами и высоким потолком. Флеш заметил, что коридор расширяется. «По крайней мере, здесь они находятся под защитой от видений и от ночи», — подумал он. Если они останутся рядом с лестницей, то сохраняется опасность, что Дейл и Зарков снова выйдут наружу.

Он протащил их еще дальше по коридору, и они постепенно начали приходить в себя.

Зарков вздрогнул и удивленно покачал головой.

— Это словно сон, — тихо сказал он, повернувшись к своей племяннице. — Ты в порядке, Дейл?

— Я думаю, да, — тоже тихо ответила она. — Это была реальность, дядя? Я имею в виду, все эти вещи происходили на самом деле?

— Какие вещи? — спросил Флеш. Дейл некоторое время смотрела на него, как на чужака.

— Ты был там, — медленно выговорила она. — По крайней мере, я так думаю.

— Где? — настаивал Флеш.

На ее лице появилось мечтательное, восторженное выражение, но она согнала его.

— Я не знаю, — ответила она. — Это было так реально, но теперь я больше не помню… не помню так ясно.

Яркая вспышка коротко осветила лестницу и погасла снова. Они инстинктивно отступили назад. Следующая вспышка отразилась от стены коридора, находящейся напротив лестницы. Флеш почувствовал, как его потянуло наверх, когда узоры

затанцевали по гладкой стене.

Флеш схватил Дейл и Заркова за руки, и они со всей скоростью, на которую были способны, побежали от лестницы вниз по коридору.

Мелодичные звуки, если их можно было так назвать, казалось, летели вслед за ними, но, к счастью, их эффективность уменьшалась тем больше, чем дальше они уходили от лестницы. Наконец, они вошли в огромное помещение. Коридор заканчивался в огромном зале, поразительно похожем на вокзал Всеземной подземной дороги. Стало ясно, что коридор, по которому они пришли сюда, был только одним из бесчисленных входов в гигантское помещение. В некоторых коридорах, видневшихся в стенах, блестели конструкции монорельсовой дороги.

Под потолком находился треугольный видеоэкран. Сейчас на нем не было изображения. Флеш сразу же сообразил, что это нечто вроде табло с информацией о прибытии и отправления поездов.

И снова у него появилось чувство, что это место сделано людьми; очень уж все тут было понятно и знакомо ему. И все же все это было чужое.

Дейл, очевидно, почувствовала то же самое, потому что она облегченно вздохнула.

— Станция подземки, — сказала она и тут же умолкла: в одном из тоннелей появился вагончик, бесшумно скользнул в центр зала и мягко остановился там.

Он был длинным и узким, с низкими боковыми стенками и удобными контурными креслами. В нем могла поместиться по меньшей мере дюжина существ с пропорциями человеческого тела.

— Вы не находите, что все это до странности знакомо? — усмехнулся Флеш. Он уставился на вагончик, словно на привидение.

Зарков кивнул.

— Джунгли, животные, полевая дорога, город, а теперь вот еще это здесь… знакомо… да, — сказал он. — Но только не это небесное явление.

— Здешняя техника едва ли сильно отличается от нашей, — сказал Флеш, все еще нс сводя взгляда с вагончика.

— В основном похожа, — Зарков осторожно подбирал слова. — И все же есть разница. Все кажется очень простым. Слишком простым. Просто примитивным для этого места.

За ними все еще пульсировала чудесная фантастическая игра красок. Они нс могли вернуться туда. Оставался один путь —

вперед. Только один путь. Казалось, что их нарочно гонят в этом направлении. Однако кто и зачем это делает? Этого Флеш даже и не мог предположить.

Мелодично прозвучал гонг. Они инстинктивно оглянулись и увидели, что на видеоэкране под потолком появились какие-то символы и диаграммы.

Таким же мелодичным звуком гонга откликнулся и вагончик. Сразу же после этого он тронулся и исчез в одном из коридоров-тоннелей. Видеоэкран погас.

Внезапно появился другой вагончик, тоже бесшумно остановившийся в центре зала.

— Поскольку здесь мы оставаться не можем… — сказал Флеш и подошел к вагончику. Однако Зарков удержал его.

— Мы даже не знаем, куда он отправляется, — сказал ученый.

Флеш повернулся и возразил:

— Находясь здесь, мы и не узнаем это, — он взглянул на Дейл. — Мы не можем оставаться. И не можем снова выйти наружу. Во всяком случае, не сейчас.

Дейл и Зарков молчали.

— Если мы хотим выжить, мы должны, просто обязаны продолжать осмотр.

— Но только систематически, а не наугад, — сказал Зарков.

Снова прозвучал гонг, и опять на экране появилась непонятная информация. Потом и этот вагончик отправился в один из тоннелей.

— Если здесь имеется подземка, то должна быть и ее схема. Нужно выяснить, куда же отправляются отсюда эти вагончики.

И снова на вокзал прибыл вагончик. На этот раз они направились к нему через зал. Нигде на вагончике нс было никаких символов, да и рычагов управления обнаружить тоже не удалось.

— Флеш! — внезапно крикнула Дейл. Флеш с Зарковым обернулись и увидели, что несколько роботов-уборщиков вылетели из коридора, ведущего на бульвар.

— Быстрее в вагончик! — скомандовал Флеш. Они тут же юркнули внутрь. Прозвучал гонг, и в зале вспыхнул видеоэкран.

Через пару секунд вагончик должен был отправиться. Однако роботы приближались довольно быстро.

— Давай!.. Давай же!.. — в отчаянии повторял Флеш.

Вытянутые манипуляторы роботов были уже менее чем в двух метрах от них. Наконец, в вагончике прозвучал гонг. Он двинулся, сначала медленно, потом скорость стала увеличиваться, и они покинули зал. Вагончик продолжал набирать скорость. Их вжало в контурные кресла.

У Флеша появилось неизвестно откуда взявшееся непреодолимое чувство уверенности. Он был убежден, что они на верном пути. Но куда ведет этот путь, он даже и не отваживался предполагать.

Тоннель внезапно круто пошел вниз, и вагончик помчался еще быстрее.

Глава 11

Вагончик мчался куда-то в глубины планеты. Кроме проносившихся мимо стенок туннеля, не было никаких ориентиров для определения их скорости. Не слышалось и никаких звуков, никакого встречного потока воздуха, никакой вибрации.

Они не ели и не пили с тех самых пор, как рано утром отправились в город. Зарков апатично сидел возле Флеша. За прошедшие десять минут казавшегося им очень долгим путешествия старый ученый не проронил ни слова, очевидно, погрузившись в свои мысли.

Дейл тоже молчала, уставившись вперед, в однообразный тоннель. Ее пальцы крепко стискивали подлокотники, костяшки их побелели.

Шаг за шагом, начиная с «Доброй Надежды» на околоземной орбите, их неуклонно словно бы вели сюда. Был ли это твердый план какого-нибудь разумного существа, или только слепые автоматические действия старых механизмов, Флеш не знал.

Но одно он знал точно. Если в конце этого путешествия они не найдут чего-нибудь поесть и попить, Зарков, вероятно, не выдержит до ночи, а если и выдержит, то ни в коем случае не переживет следующего дня.

Флеш был уверен, что они теперь находятся по меньшей мере в сотне километров от поверхности планеты. Он повернулся к доктору Заркову, но тут вагончик вылетел из тоннеля. Он ворвался в пещеру необъятных размеров. Дейл даже застонала, а Зарков очнулся от своей летаргии, когда вагончик пронесся по тонкому рельсу над бездонной, по-видимому, пропастью.

Огромные арки из неизвестной им сверкающей керамической субстанции вздымались под потолок пещеры, их своды терялись вдали. Гигантские машины всевозможных форм заполняли все свободное пространство, словно деревья в лесу.

Вдаль и вверх уходили цепочки светильников; словно паутина из сверкающих красок опутывала совершенно незнакомые сооружения, размеры которых невозможно было представить.

Противоположная стена быстро приближалась, и вагончик снова нырнул в отверстие тоннеля. Стены его снова помчались мимо них.

— Что это было? — спросила потрясенная Дейл. Зарков медленно и неуверенно покачал головой.

— И этого я не знаю, — ответил он. Голос его дрожал. Флеш

нагнулся над стариком.

— Все в порядке, док?

Глаза Заркова слегка повлажнели.

— Я просто не знаю, Флеш. Я устал…

Маленькие росинки пота выступили над его верхней губой. Кожа Заркова приобрела нездоровый восковой оттенок. Флеша очень обеспокоило состояние его старого друга.

А меж тем вагончик влетел в следующую гигантскую пещеру, тоже заполненную механизмами. Она протянулась, насколько хватало глаз. Тонкий, свободно висящий рельс шел через сложный лабиринт колоссальных аппаратов. Через некоторое время рельс пошел еще круче вниз, и вагончик еще больше увеличил свою скорость. Исполинские остовы неведомых машин все выше и выше вздымались над ними, однако пола пещеры все еще не было видно. Насколько они могли заметить, во всех направлениях тянулись только провода и сверкали части машин.

— Дядя! — внезапно воскликнула Дейл и схватила Флеша за руку.

Зарков схватился за грудь. Лицо его посерело. Пот бежал по лбу, а рот исказился от сильной боли.

Флеш расстегнул ему воротник. Зарков дышал трудными толчками, но, к их ужасу, они ничем не могли помочь ему.

— Ханс! — затеребил его Флеш, но Зарков, казалось, ничего не слышал. — Ханс, вы должны выдержать! — взгляд Заркова по-прежнему бесцельно блуждал. Он повернулся и невидяще уставился на Флеша. Слезы бежали по щекам Дейл. Она хотела и боялась прикоснуться к дяде, нс зная, как помочь ему. Ее сотрясала дрожь.

Спустя некоторое время приступ, казалось, кончился. Болезненное выражение постепенно исчезло с лица Заркова. Дыхание его стало заметно легче, а кожа постепенно приобрела нормальный цвет.

Старик попытался заговорить, но это ему не удалось. Когда же он хотел приподняться, Флеш удержал его.

— Спокойнее, док, — сказал Флеш. — Сначала отдохните.

— Это все его сердце, — произнесла Дейл сквозь слезы. — Он не хотел идти к врачу. Ему немедленно требуется регенерация тканей. Он все откладывал это, потому что у него, как он утверждал, нет на это времени.

Тем временем под ними, в глубине, выросло что-то, похожее на город. Огромные многоцветные башни и гигантские плоские четырехугольники сверкали в ярком искусственном свете, не имевшем видимого источника. Казалось, что свет исходит одновременно со всех сторон.

Когда они стали приближаться к полу пещеры, оказалось, что город на самом деле был базой исполинских машин, количество которых казалось просто бесконечным.

А потом монорельс описал широкую плавную кривую, вагончик проскользил по гигантской дуге, мягко затормозил и остановился в центре какого-то парка, протяженностью по меньшей мере в километр. Ухоженные лужайки, фруктовые деревья и кусты всех размеров и форм, посаженные геометрически правильными рядами. Меж ними находились разнообразные фонтаны, как на бульваре, вода струилась повсюду, стекая в пенящиеся пруды.

Сверху, со всех направлений сюда сбегались ветки монорельсов, паутиной расположившиеся над парком на высоте нескольких сотен метров. Опор, поддерживающих эту сеть нигде не было видно — рельсы тянулись во всех направлениях. Под ними виднелись слабые контуры машин, зданий, каких-то невероятных конструкций, напоминающих фантастический бесконечный лес, связанный с парком сотнями монорельсов, тонкими ниточками исчезающих вдали.

Флеш и Дейл помогли Заркову выбраться из вагончика и положили его на траву. Сразу же после этого вагончик тронулся с места и помчался вверх.

Дейл торопливо сорвала с ближайших деревьев несколько плодов. А потом, не обращая внимания на возможный риск непредсказуемых последствий, они съели три плода, сидя у струящегося источника.

Они ели и смотрели на вагончики, снующие по рельсам. Каждый из вагончиков на мгновение останавливался в центре парка, а потом бесшумно уходил назад в направлении, откуда появился.

— Все пути ведут в Рим, — тихо произнес Зарков, слегка взбодрившийся после получасового отдыха.

— Что? — не понял Флеш.

Зарков покачал головой и слегка улыбнулся.

— О, ничего, — ответил он. — Это только поговорка.

— Во всяком случае, мы в любое время сможем вернуться на поверхность планеты, — сказала Дейл.

Флешу было ясно, что она ищет безопасного места. И еще уверенности, что они выберутся отсюда целыми и невредимыми. Опасения Заркова, что они не найдут в городе ничего, что помогло бы им, похоже, сбывались. В чудовищных, заполненных машинами пещерах, в огромном, полном опасностей городе над ними, совершенно невозможно найти что-нибудь спасительно нужное.

Флеш чувствовал себя дикарем, очутившимся в Новом Лос-Анджелесе. Все вокруг было и захватывающим, и одновременно чуждым. Хуже всего было то, что здесь скрывались опасности, о которых они не имели никакого представления.

Флеш нетерпеливо поднялся. Они должны отыскать где-нибудь банк информации, библиотеку, банк данных. Место, где они могли бы изучить историю этого мира, узнать, кто построил этот город, почему исчезли его создатели, попытаться найти карту планеты. Он чувствовал, что поблизости должно было находиться что-то, что могло бы помочь им выжить.

— Куда вы? — спросил Зарков, подняв взгляд. Он выглядел намного лучше и, казалось, нс испытывал никакой боли.

— Думаю, вам с Дейл надо остаться здесь. Я же осмотрюсь.

— Нет, — резко возразил Зарков и попытался встать на ноги.

Дейл вскочила и помогла ему.

— Мы не должны расставаться, — сказал Зарков. — Вы же видели, что происходит. Мы не знаем, что может произойти дальше. Вместе у нас есть шансы. Поодиночке — нет.

— Вы в этом уверены, док? — спросил Флеш. Зарков пожал плечами.

— Конечно, можно спорить об этом, Флеш. Но во всяком случае, вы правы — мы не можем продолжать сидеть здесь, V источника. Надо действовать. Но вместе.

— И мы не можем снова подняться наверх, — вздрогнув, добавила Дейл. — Во всяком случае, до утра.

Они спустились на одну из дорожек, пересекающих парк, и пошли к видневшимся гигантским зданиям.

Они давно заметили низкое серое строение, чем-то казавшееся им необычным, и направились к нему. Они обратили внимание, что все дорожки вели именно к этому сооружению. Вагончики тоже замедляли ход в пути, ведущем к серому корпусу.

— Единственной целью монорельсов, кажется, является доставка в это место, — задумчиво сказал Зарков.

— Оно, должно быть, очень важное, — откликнулся Флсш.

Подойдя ближе, они увидели, что строение имело форму восьмиугольника с темным отверстием на каждой из сторон. На его постройку пошел тот же материал, что и на другие здания города. Стены были покрыты филигранными узорами.

Вокруг строения тянулась широкая дорожка из мягкого упругого материала, похожего на пластик. Все дорожки парка как бы вливались в нее. Оттуда, где они стояли, им было видно, что филигранные узоры были нс украшением, а каким-то сложным видом шрифта.

— Это инструкции? — спросила Дейл у Заркова.

Зарков глубоко погрузился в размышления, и, казалось, не слышал ее, но через несколько мгновений поднял глаза и кивнул.

— Ты, может быть, права, моя дорогая. Я уверен, что эти знаки являются чем-то вроде указаний, — он повернулся к своему другу. — Я думаю, мы нашли библиотеку, Флеш.

Зарков подошел к одному из входов и остановился менее чем в метре от него. Он попытался заглянуть внутрь, но там было совершенно темно. Он подошел ближе и протянул руку.

— Будь осторожен, дядя, — сказала Дейл, но рука Заркова уже исчезла в отверстии. Мгновением позже он вынул ее, его лицо выражало удивление.

— Трансмиттер материи, — медленно произнес он. — Мы еще только начали разрабатывать его техническое обоснование. Да, наша техника сильно отстала в развитии от этой.

Он приблизился к порталу, словно что-то тянуло его туда, но Флеш мягко вернул его назад.

— Помедленнее, док. Мы не имеем никакого понятия, куда он ведет и каково его назначение. Он может быть как-то связан с одним из регионов, сюда могут, например, приходить люди, которые хотят умереть. Может, он ведет в ничто. Или это улица с односторонним движением и пути назад нет. Может быть, он даже ведет куда-то с этой планеты, или в иное измерение…

— Не думаю, Флеш, — ответил Зарков. — Слишком большое здесь движение. Для места религиозного самоубийства сюда приходит и отсюда уходит слишком много вагончиков.

— А где же тогда люди? — тихо спросила Дейл. — Может быть, они все пришли сюда и здесь исчезли?

— Я так не думаю, — возразил Зарков. Он еще раз осмотрел портал и, прежде чем Флеш или Дейл успели остановить его, сделал шаг вперед и исчез.

— Дядя! — крикнула Дейл. Она рванулась за ним.

Флеш удержал ее.

— Подожди! — крикнул он и оттащил ее подальше от отверстия. Темнота входа замерцала. Потом из нее на дорожку вышел Зарков.

Дейл подбежала к нему и обвила руками его плечи.

— Боже мой, дядя, как ты меня напугал! Зарков похлопал ее по плечу:

— Все в порядке, моя милая. Никаких оснований для страха.

Она с укоризной посмотрела на него:

— С твоей стороны было очень глупо так поступать.

— Но один из нас должен был это сделать, — сказал он.

— И я сделал разумный выбор. — Он повернулся к Флешу:

— Это, кажется, действительно центральный банк данных.

Вероятно, местные жители использовали монорельс, чтобы попасть сюда, когда им требовалась информация или данные для исследований.

— Это трансмиттер материи?

— Я думаю, да. Помещение, в котором я только что был, огромно по размерам. Наверно, такое же, как и весь этот парк. По-видимому, банк этот используется для исследовательских целей, вероятно, для астрономии и астрофизики.

— Как вы думаете, вы сможете включить приборы, находящиеся там?

Зарков пожал плечами.

— Не знаю. Но я попробую.

— И мы найдем путь домой? — возбужденно спросила Дейл.

— Не так быстро, — усмехнулся Зарков. — Может быть, мы не найдем ничего, чем смогли бы воспользоваться. И можно с уверенностью сказать, что существует большая доля риска.

— Что ты под этим подразумеваешь? — спросила Дейл.

— Я не совсем уверен, — задумчиво ответил старик. — Но все, что мы до сих пор видели на этой планете, скрывает подстерегающую нас опасность.

— Все, кроме этого парка, — Дейл посмотрела через плечо.

— А может быть, мы пробыли здесь еще недостаточно долго, чтобы включились защитные устройства этого парка.

— Тогда пошли, — решил Флеш. — Не будем напрасно терять время.

Зарков мгновение помедлил, потом снова исчез в портале. Дейл следовала за ним по пятам, а секундой позже Флеш тоже вошел в отверстие.

Мурашки побежали по его телу, и в следующее мгновение он оказался в полной тьме. И тут же он вошел в огромное помещение.

Зарков и Дейл ждали его.

Все стены помещения были покрыты видеоэкранами. С потолка свисало множество аппаратов, сильно напоминающих авиационные модели. Сотни пультов, снабженных контурным креслом, экраном и переключателями, рядами тянулись по гигантскому помещению.

Оно имело только один вход, тот, через который они вошли сюда.

— Подождите минутку здесь, — сказал Флеш. Ему в голову внезапно пришла неожиданная идея. Прежде чем Дейл с Зарковым успели запротестовать, он выше через портал и снова оказался в парке. Он побежал вокруг здания к другому порталу и прошел через него.

На этот раз он оказался в помещении, бывшем столь же огромным, как и первое, но наполненном макетами самых разнообразных ландшафтов джунглей и гор, очень сложно устроенными, с движущимися животными, ветром, текущей водой.

Он мгновение рассматривал все, что находилось в этом помещении, потом вышел, прошел вдоль стены и вошел в третий портал.

Стены этого помещения были покрыты гигантскими диаграммами. Пока Флеш смотрел на них, линии и контрольные лампочки на диаграммах двигались, меняясь местами, постоянно изменяя цвет и силу свечения. В центре помещения возвышался гигантский круглый пульт, на котором, мерцая, бежали какие-то символы. Вероятно, в этом зале находились устройства, контролирующие обеспечение планеты энергией.

Флеш вышел в парк и чуть не столкнулся с черным человекоподобным механизмом, примерно на полголовы выше него.

Мгновение, показавшееся ему нескончаемым, Флеш стоял совершенно неподвижно и смотрел на машину, которая, должно быть, только что подошла к порталу. У нес был симметричный, красивый корпус, две ноги с тремя суставами, а также руки, приделанные к гладкому торсу. Каждая рука оканчивалась ладонью с более чем дюжиной многосуставчатых пальцев. Клиновидная голова с двумя световыми сенсорами, напоминающими фасетчатые глаза насекомого, двигалась на гибком шарнире.

В целом же впечатление было довольно угрожающим, и Флеш внезапно ощутил страх за Дейл и Заркова.

Андроид что-то сказал на языке, звучавшем почти как земной староанглийский. Голос его был ровным, лишенным эмоций.

— Я не могу понять… — начал Флеш. Но тут он внезапно услышал крик Дейл и зов Заркова; эти звуки исходили откуда-то из андроида. Он оттолкнул машину в сторону и, прежде чем та успела среагировать, побежал назад, ко входу в тот зал, где он оставил своих друзей.

Глава 12

Каждое место на этой планете, где им пришлось побывать, обладало своим собственным защитным устройством, в джунглях — медведеобразные существа. В городе — роботы-уборшики. А здесь теперь — черные андроиды. Однако как ни странно, ни одно из этих устройств не соответствовало достойному всяческого уважения техническому уровню развития города или этим фантастическим машинам в подземных пещерах. Казалось, что роботов сюда поместил кто-то другой, когда местные жители этого мира покинули его.

Дорожка, ведущая вокруг восьмиугольника, была пустой, когда Флеш подбежал к порталу, где он оставил на произвол судьбы Дейл и Заркова. Он был уверен, что слышал крик Дейл из динамика черной машины. Однако не имел никакого представления, что это могло значить.

Без промедления Флеш прыгнул через портал в астрофизическую лабораторию. И тотчас же увидел, как две машины, точь в точь такие же как та, от которой он убежал, тащили Дейл и Заркова в заднюю часть гигантского зала.

Что-то тяжелое ударило Флеша по плечу, так что он упал на колени и стал хватать ртом воздух.

Перевернувшись на спину, он увидел, что одна из машин напала на него. Он применил классическую технику ТРИ-В и ударил машину по одному из суставов на левой ноге.

Материал, из которого была сделана машина, оказался хрупким. Нога ее сломалась, и она рухнула на пол. Флеш отпрыгнул в сторону, прочь из зоны досягаемости ее рук.

Это была машина, но, несмотря на это, она не была непобедимой, что придало Флешу уверенности, когда он, все еще не отдышавшись, помчался между пультами к Дейл, Заркову и их конвоирам.

Как только Флеш приблизился к ним, за одним из видеоэкранов открылась большая дверь.

Зарков был без сознания. Дейл же яростно сопротивлялась тащившей ее машине. Увидев Флеша, она закричала и стала бороться с удвоенной силой.

Сопротивление Дейл не оказывало на машину влияния, и она вместе со своей пленницей исчезла за дверью. Однако Другой робот замешкался, и Флеш бросился к нему, чтобы помочь старому ученому.

С разбега Флеш ударил робота опущенной головой и толкнул его в торс своим мощным плечом. Машина опрокинулась,

ударившись спиной об один из пультов и выбив при падении сноп искр. В это время дверь, через которую утащили Дейл, закрылась.

Робот беспорядочно катался по полу, он разбил несколько приборов на пульте. Ему все же удалось встать и он, как сумасшедший, размахивая длинными руками, опять двинулся к Флешу.

Флеш подхватил Заркова и потащил его прочь от машины, внезапно начавшей ходить по кругу, дико молотя вокруг себя руками. Флеш заметил, что одна из рук была обломана. Веки Заркова затрепетали, и он схватил Флеша за руку.

— Дейл, — простонал он. — Они утащили Дейл!

Машина тут же среагировала на голос Заркова и направилась к ним, конвульсивно вздрагивая.

Флеш затащил Заркова за один из пультов и усадил в тяжелое контурное кресло, загородившее машине дорогу. Робот немного помедлил, потом, спотыкаясь, подошел к креслу и попытался убрать его с дороги. Но это ему не удалось. Искры брызнули из культи как бенгальские огни. В конце концов машина неподвижно застыла на полу.

Сердце Флеша бешено билось, он глубоко дышал, чтобы успокоиться. Потом помог Заркову, который с трудом выпрямился и уцепился за край пульта. Старик оперся на руку Флеша и тотчас же начал осматривать помещение.

— Где Дейл? — спросил он. Голос его был слабым, дрожащим и полным страха.

— Робот забрал ее с собой, — угрюмо ответил Флеш.

Лицо Заркова исказилось от мучительной боли.

— Они ждали нас. Я чувствовал, что должно было произойти нечто ужасное. О, Боже, Флеш…

— Успокойтесь, док, мы ее обязательно найдем.

Флеш беспокоился за своего старого друга. Недостаток настоящего отдыха и полноценной пищи истощили Заркова не только физически, но и духовно. Флеш знал, что старик не сможет продержаться достаточно долго. И сам он уже чувствовал накатывающееся на него отчаяние. Он сильно сомневался, что они когда-нибудь смогут отыскать Дейл на этой огромной планете, что бы они ни предпринимали.

Флеш оставил Заркова у пульта и направился к стене, в которой исчезла Дейл. Никаких признаков, что там когда-нибудь находилась дверь. Никаких петель, никаких за даже тонкой, как волос, щели в стене, которая указывала бы на наличие двери.

Зарков наблюдал за каждым его движением. И когда Флеш подошел к нему с помрачневшим лицом, Зарков побледнел.

— Она исчезла, — старик спрятал лицо в ладони. — Она

исчезла, и я не смог воспрепятствовать этому.

Флеш положил руку на плечо своего старого друга.

— Вы ничего не смогли сделать. Я не должен был оставлять вас одних. Она предупреждала меня. Мы должны были оставаться вместе.

Зарков поднял взгляд. В нем сквозило отчаяние.

— Я должен был защитить ее, я должен был что-то сделать.

Флеш покачал головой.

— Нет, Ханс, — мягко сказал он. — Даже я едва ли что смог бы сделать, а я моложе и сильнее вас.

Зарков замолк, полный отчаяния.

— Мы ее найдем, — продолжал Флеш. — Мы найдем ее вместе. Мы только должны узнать, куда они могут ее поместить.

В глазах Заркова появилась заинтересованность. Ученый взял верх над старым, чувствительным дядей.

— Нет, — сказал он медленно, словно размышляя вслух. — Важно не куда они увели ее, а почему они ее увели. Это и есть ключ. Почему?

— Мы пришельцы, — удивился Флеш. — Это же сказали вы сами. Мы попали в их защитную систему.

Зарков покачал головой.

— Тогда здесь сейчас будут еще роботы. Они их направят сюда. И будут направлять до тех пор, пока не возьмут нас.

Флеш начал понимать, что именно Зарков имеет в виду. Но вряд ли это могло помочь им.

— Она заложница? — спросил он.

— Кажется, это так, — неуверенно произнес Зарков. Он осмотрел гигантское помещение.

— Тогда, значит, эта планета населена?

— Не обязательно. Как нам удалось узнать, существа, создавшие все это, были чрезвычайно высокоразвитыми. Много более высокоразвитыми, чем мы в Федерации.

— Я заметил это. Это значит, что роботы могут управляться высоко развитой компьютерной системой, которая понимает этические ценности чувствующих существ. Ты ксеносоциолог, Флеш, — что ты об этом думаешь? В состоянии ли эта компьютерная система понять моральный принцип ответственности за заложников?

— Если мы будем исходить из того, что любовь или какая-нибудь симпатия имеет ценность… повсюду во Вселенной… да, тогда это возможно. Чувствующие существа склонны вкладывать в высокоразвитые машины по крайней мере часть своих этических ценностей. Вспомните хотя бы наши собственные кибернетические законы.

— Тогда вполне возможно, что Дейл — заложница.

— Если это так, значит, мы должны остаться здесь и ждать, чего они от нас потребуют — если только мы вообще сможем что-нибудь понять.

Зарков почувствовал, что Флеш внезапно напрягся.

— Где ты был во время своего отсутствия? — спросил Зарков.

— У меня возникла идея относительно остальных порталов, потому что я не видел других выходов из этого помещения, — сказал Флеш. Он чувствовал себя страшно виноватым. Если бы он не оставил их одних, Дейл, может быть, не захватили бы.

— Я так и подумал, — кивнул Зарков. Его возбуждение росло. — Что ты там нашел?

Флеш рассказал ему о помещении с моделью поверхности планеты, а потом о центре управления снабжением энергией.

Некоторое время Зарков, задумавшись, молчал. Потом он поднял взгляд, заметно оживившись.

— Вот как! — воскликнул он и оттолкнулся от пульта.

Колени его дрожали, и Флеш подхватил старика под руку.

— Что? — спросил Флеш.

— Если Дейл действительно заложница, от нас, вероятно, потребуют, чтобы мы сдались. Сдались машине. На этот случай нам нужно что-нибудь иметь в запасе.

— Что вы имеете в виду?

— Пещеры, а теперь еще это место здесь… Что ты на это скажешь?

— Я не знаю…

— А я… — сказал Зарков. — Это место меня убедило. Мы в банке данных об этой планете, если его можно так назвать. Здесь, в этом здании, имеется восемь исследовательских центров — может быть, даже центров управления — в которых заложены данные об этом мире. Подобная система нуждается в обеспечении. Я имею в виду машины, которые все это смогут проделать: сохранение данных, наблюдение, обеспечение энергией…

Флеш понял, что хотел сказать Зарков.

— Гигантские пещеры, через которые мы проезжали на пути сюда, вниз… все это огромный компьютер.

— Почему бы и нет? — отозвался Зарков. — Конечно, часть этих машин предназначена для снабжения энергией города, а может быть, даже нескольких городов на поверхности. Но они также должны обеспечивать энергией и осуществлять контроль над этими зданиями.

— Итак, нам нужно просто закрыть кран, — догадался Флеш, но Зарков нетерпеливо прервал его.

— Это не просто кран, — сказал он. — Скажи-ка мне, что является важнейшей частью компьютера?

— Его память, — автоматически выдал Флеш.

— Верно. Память компьютера. Его центр хранения информации. Его сердце. Если мы будем угрожать уничтожением памяти, машина поставит ее сохранение превыше всего.

— И будет еще сильнее защищать свою память.

— Да, — тихо подтвердил Зарков. — Она даже может попытаться спрятать свою память. Но это ей не удастся.

На несколько мгновений Флеш снова оказался сбит с толку, однако потом понял все, что Зарков пытался объяснить ему.

Зарков оперся о Флеша, и они пошли вверх, к порталу. Робот, которого Флеш вывел из строя во время схватки, все еще лежал на полу, изредка вздрагивая.

Снаружи, в парке не видно было других роботов, но Флеш предположил, что это продлится недолго. Пока компьютер не поймет, что они намереваются делать. Итак, им надо спешить. Все их усилия должны быть направлены на спасение Дейл. Они не знали, что происходит с ней в данное время, что с ней произойдет, если они не достигнут успеха или промедлят.

Они побежали вокруг здания и прошли через портал в помещение энергообеспечения. На протяжение нескольких секунд Зарков всматривался в диаграммы на стенах и пытался разгадать значение мигающих световых символов.

— Кажется, я понял, — объявил он, наконец, и они прошли к круглому пульту управления в центре помещения.

Световой узор, такой же, как и на стенах, мерцал и здесь. Под ним находились ряды маленьких пестрых кнопок. У каждой кнопки имелся свой собственный символ, напоминающий значки, которые они видели снаружи, на стенах строения.

Без долгих колебаний Зарков осторожно коснулся одной из маленьких кнопок. Сейчас же световой узор на пульте управления и диаграмме слегка изменился.

— Так мы это никогда не разгадаем, — протянул Флеш.

— Нам это и ненужно, — Зарков указал на часть настенной диаграммы, образующей соответствующий световой узор. — Я думаю, там обозначен энергетический поток к городу, проходящий через это место.

Зарков поискал на пульте соответствующие кнопки и, найдя их, нажал одну за другой, и каждый раз часть светового узора гасла.

— Мы можем отключить весь город. Ну и что из этого? — нетерпеливо спросил Флеш.

Пальцы Заркова чутко играли на кнопках пульта управления.

— Мы можем отключить всю планету и все системы. Или, по меньшей мере, можем попытаться это сделать.

Теперь на настенной диаграмме погасли также и другие огоньки, а сам узор мерцал все быстрее и быстрее.

— Где-то здесь находится точка, предел, после которого центральный компьютер обнаружит опасность, угрожающую системам планеты. И когда это произойдет, он вмешается, я готов держать любое пари.

Зарков нажал уже около сотни кнопок на пульте управления. Его пальцы двигались все стремительнее. Настенная диаграмма стала мерцать в сумасшедшем темпе: большая часть узора погасла, а другая пылала яростным светом, в котором преобладали красные тона и сложные символы бешено мчались по шкалам приборов.

А потом стены перестали мерцать и словно бы подернулись матовым туманом. Сначала, когда Флеш заметил, что огни в огромном помещении стали слабее, он подумал, что что-то случилось с глазами. Он напряженно уставился на пульт управления, находящийся прямо перед ним. Пульт внезапно стал прозрачным.

— Док? — воскликнул Флеш и схватил Заркова за рукав.

Старик поднял взгляд.

— Ну вот, наконец, это и произошло, — удовлетворенно сказал он.

Стены и потолок тоже стали прозрачными, а сквозь пульт можно было различить что-то, отдаленно напоминающее пчелиные соты.

Потом помещение исчезло. Они стояли в центре одной из гигантских позолоченных ячеек-сот, и низкое глухое гудение, действительно, как в улье, наполняло воздух. Струилось ровное тепло, словно они стояли рядом с каким-то гигантским живым существом.

Отдельные секции этого фантастического сооружения поднимались отвесно вверх, насколько хватало глаз. Узкие тротуарчики шли во всех направлениях, словно спицы гигантского колеса. Каждая ячейка имела около метра в поперечнике и освещалась мягким, золотистым светом: похоже, они находились в глубине какого-то исполинского лабиринта.

Флеш и Зарков медленно пошли по узкой огибающей ячейки.

Тонкие трубы тянулись, насколько хватало глаз, так же как и дорожки перед ними.

— А что с тем зданием и парком? — заинтересовался Флеш. — Мы ведь были там…

— Что со зданием и парком? — переспросил Зарков. Он

говорил приглушенным голосом. Вес окружающее дышало какой-то торжественностью, и было похоже на библиотеку или церковь.

Зарков улыбнулся.

— Это действительно трансмиттер материи. Однако вместо того, чтобы перебросить нас в какую-нибудь точку планеты, он перебросил парк и каждое помещение сюда, на это место. Итак, мы все это время находились в памяти машины. Мы имеем дело с величайшим достижением науки, которое просто трудно сразу осмыслить.

— Две вещи в одном и том же месте, — покачал головой Флеш. Он поднял брови.

— Может быть, на том же месте, но не в то же самое время, — Зарков прикусил нижнюю губу. — Я не считаю, что это происходит в результате модуляции или размножения реального времени и пространства. В одно мгновение на этом месте существует помещение управления, в другое мгновение здесь появляется банк данных, а помещение управления уже в другом месте, потом помещение управления снова оказывается здесь и так далее.

— А как насчет Дейл? — Флеша в данное время интересовало только это.

Лицо Заркова помрачнело. Он остановился и повернулся.

— Стой, идем назад.

— И что мы будем делать?

— Вероятно, это втулка «колеса», центральная ось банка данных. Мы пойдем назад и начнем разрушать соты, ячейку за ячейкой…

— Надеюсь, вы говорите это не всерьез, док.

— К сожалению, всерьез, — сказал Зарков. — Компьютер знает, что мы здесь. Он знает, что мы совершили вынужденную посадку. Он узнал, что мы пришли в город, и попытался уничтожить нас. Он знал также, что мы подошли очень близко к его памяти, и снова попытался остановить нас, уведя Дейл.

— А теперь вы хотите мстить.

Зарков усмехнулся и слабо пожал руку Флеша.

— Никакой мести, — заявил он, когда они снова вернулись в центр сот. — Нам нужны внимание и сотрудничество этой машины.

Глава 13

Флеш Гордон всегда любил и уважал доктора Заркова за многие его качества, и среди них за его дружелюбие и терпимость. Он еще ни разу не видел, чтобы Зарков действовал неразумно, руководствуясь низменными побуждениями.

Сейчас же, когда они оказались внутри чудовищно огромной машины, он заметил, что его друг умеет быть жестким и решительным. Он и не подозревал, что Зарков может быть таким.

— Вы действительно хотите это сделать, док? — в последний раз спросил Флеш.

Зарков отвел взгляд. Потом посмотрел на Флеша и заметил, что полковник сильно обеспокоен.

— Она забрала Дейл, — довод был сокрушительным.

Мысль об этом наполнила Флеша болью. И все же… все же то, что они намеревались сделать, было неверно. Он физически чувствовал это.

— Если бы она хотела нас уничтожить, она не стала бы похищать Дейл. Вы же сами сказали: Дейл — заложница.

— Мы изменим эту ситуацию, — сказал Зарков тихо, но с неожиданным упорством.

— Тогда мы должны установить контакт с машиной, а не пытаться разрушить ее.

— Хорошо, отвлечемся от нас самих. А как быть с мужчинами и женщинами с «Доброй Надежды?» — в голосе Заркова звучала угроза. — Весьма вероятно, что их убила именно эта машина.

— А как насчет Сандры Дебоншир?

— Без той самой странной установки в машинном отделении я никогда бы не счел машину убийцей. Но этот компьютер внедрил на борту «Доброй Надежды» ту установку, и когда мы попали на корабль, она доставила его сюда и совершила кораблекрушение.

Флеш покачал головой и устало провел рукой по лицу.

— Это все довольно плохо согласуется между собой.

— Да, — упорствовал Зарков. — Но эта несогласованность находится там, — он указал на соты, — а не у нас.

Зарков нажал на край одной из камер банка памяти. Материал обломился при легком прикосновении. Кусок величиной с ладонь Заркова упал на пол.

Флеш напрягся всем телом. Машина обязана была защищать саму себя. Он был уверен, что она не потерпит того, что сделал Зарков.

Зарков уже поднял руку, чтобы еще раз ударить по хрупким

переборкам ячеек, когда в паре метров от него вспыхнуло световое изображение.

Они замерли и уставились на него. Изображение становилось то более, то менее резким, наконец, сфокусировалось, и они увидели Дейл Арден: она стояла, протянув руки вперед.

— Перестань, дядя Ханс, — крикнула она. Голос ее доносился откуда-то издалека.

— Дейл! — воскликнул Зарков.

— На самом деле я не здесь, дядя. Это только голографическая проекция.

— Где ты? — спросил Флеш.

— Ты в порядке? — в свою очередь спросил Зарков. — Она тебе что-нибудь сделала?

— У меня все хорошо, дядя. Но ты не должен разрушать память машины. Мне сказали, что ее уже никогда нельзя будет отремонтировать.

— Я уничтожу все, если они не освободят тебя целой и невредимой.

Дейл посмотрела на кого-то, кто находился вне поля их зрения. Потом снова повернулась к ним.

— Нет, — сказала она. — Я не слышала, что вы только что сказали. Мы работали со всей возможной скоростью, чтобы собрать проектор голограмм. В действительности все не так, как это кажется. Вы должны поверить мне.

— Кто с тобой? — спросил Флеш.

В ее глазах появилось беспокойное выражение, она снова оглянулась через плечо, словно ожидая подсказки.

— Вам все объяснят. Но сначала вы должны увидеть это собственными глазами. Вы мне не поверите, если я просто расскажу вам все.

— Они что-то с ней сделали, надо быть начеку, — сказал Зарков Флешу. — Если мы уйдем отсюда, мы можем потерять все.

— Дядя, — позвала Дейл. — Пожалуйста, уйдите отсюда. Одно только ваше присутствие в банке данных причиняет чудовищный вред. Пожалуйста.

Флеш взглянул на Заркова, старый ученый тяжело вздохнул. Наконец, он кивнул.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Флеш. На лице Дейл тотчас же появилось облегчение.

— Возвращайтесь в центр сот, и вы снова материализуетесь в помещении управления энергоснабжением. Оттуда уезжайте на каком-нибудь вагончике монорельса к поверхности. Я буду вас там ждать.

— Ты уверена, что все в порядке, Дейл? — настойчиво

спросил Флеш.

— Да! — подтвердила она. — Я очень устала и боюсь. С вами произойдет что-нибудь плохое, если вы останетесь здесь. Но я в полном порядке, поверьте. Теперь, пожалуйста, поспешите. Мне сказали, что тепло ваших тел и ваши испарения уже разрушили множество ячеек.

Изображение исчезло. Гигантская пещера с клетками памяти машины замерцала и стала прозрачной. Вокруг них появилась централь энергоснабжения.

Настенная диаграмма и пульт управления были приведены в первоначальное состояние. Когда материализация закончилась, Флеш помог Заркову подняться к порталу.

Снаружи, в парке они на мгновение задержались.

— Я этого не хотел… Я не разрушал памяти машины, Флеш, — печально сказал Зарков. — Я хотел только привлечь ее внимание, и мне это удалось.

— Мне тоже очень жаль, что так вышло… — сокрушенно произнес Флеш.

Они молча поднялись в подошедший вагончик.

Он сразу же пришел в движение и со все увеличивающейся скоростью помчался по рельсу, который, описывая пологую кривую, поднимался к потолку и далее, по направлению к поверхности планеты.

Зарков бессильно уронил голову и закрыл глаза. То же сделал и Флеш. Во время их более чем двадцатиминутной поездки они молчали и, казалось, полностью погрузились в собственные мысли.

* * *

Дейл, как и обещала, ждала их на вокзале монорельса. Она поспешила к ним, чтобы помочь дяде выбраться из вагончика, издав при этом вздох облегчения.

— О, Боже… Я так беспокоилась о тебе, дядя Ханс. Я не знала, что мне делать, когда прекратилось энергоснабжение города, и они сказали мне, что в этом виноваты вы оба.

— Кто это — они? — Флеш вылез из вагончика и остановился позади Заркова.

Она посмотрела на него:

— Тебя ждет шок. Вас обоих.

— Ты в порядке? — Флеш никак не мог успокоиться. Она кивнула.

— Как я уже сказала, я устала. Но я в порядке. Она на

мгновение о чем-то задумалась, потом снова подняла глаза:

— Для нас скоро многое изменится, но мои чувства всегда останутся прежними.

Она взяла дядю за руку.

— Это недалеко, — сказала она. — И там есть чем подкрепить ваши силы.

Она повела их по длинному коридору к лестнице, ведущей наверх, на знакомый им бульвар. Дейл без колебаний стала подниматься по ступенькам.

— А как насчет этой штуки на небе? — недоверчиво поинтересовался Флеш, пока они, помогая Заркову, медленно поднимались наверх.

— Я еще до сих пор не знаю про это, — сказала Дейл, — но, во всяком случае, вся эта цветная фантасмагория исчезла.

— А эти роботы-мусорщики? — усмехнулся Зарков.

Дейл рассмеялась.

— Мусорщики? Верно, они ими и были. Но они нам больше ничего не сделают.

Была уже совсем поздняя ночь. С темного неба струилась прохлада. Внезапно город залили потоки света, хотя он все еще выглядел покинутым. Наверху Дейл подождала, пока Зарков восстановит дыхание. Они двинулись мимо чудесных источников по бульвару к одной из гигантских башен.

Едва они приблизились к этому строению, возвышающемуся над бульваром по меньшей мере на километр, часть стены засветилась и словно растворилась. Они вошли в башню и оказались в громадном вестибюле. Пол вестибюля был сложен из массивных каменных плит, огромные окна выходили на бульвар. Их поразило множество деревьев и самых разных растений, которые живописными ярусами поднимались к потолку, находящемуся не менее, чем в сотне метров над ними.

В центре гигантского вестибюля Дейл вместе с ними вошла в то, что выглядело обычным антигравитационным лифтом. Но вместо движения в антигравитационном поле они ощутили какое-то легкое покалывание. В долю секунды вестибюль исчез, а на его месте появился широкий коридор.

— Мы уже на месте, — объявила Дейл.

— Мы двигались вверх или вниз? — спросил Флеш.

— Вверх, — ответила она. — Мы на верхнем этаже. Вид отсюда чудесный. Можно видеть тот самый водопад и реку, вытекающую из джунглей.

Зарков осмотрел устройство, из которого они только что вышли.

— Трансмиттер материи?

— Я думаю, да, — ответила Дейл. — Они, кажется, использовали его для множества целей.

— Использовали? — заинтересовался Флеш. — В прошлом?

Дейл кивнула.

— Я точно не знаю всей этой истории, но мы се скоро услышим. Во всяком случае, люди, которые построили все это, исчезли. Очень, очень давно. Метров через пятьдесят коридор сделал резкий поворот. Перед самым поворотом Дейл остановилась и посмотрела на них.

— Приготовься к неожиданности, дядя, — предупредила она.

— Я готов, — ответил Зарков, а Флеш только кивнул.

Они повернули за угол и вошли в большое, неярко освещенное помещение. Окна здесь тянулись от пола до потолка. Отсюда открывался великолепный вид на город под ними. Пол, казалось, покрывал какой-то мех, зал был уставлен низкими кушетками, стульями и столиками для коктейлей. Здесь маленькими группками сидели и беседовали между собой по меньшей мере человек сто пятьдесят. Когда Дейл, Зарков и Флеш вошли, все взгляды устремились на них.

Молодой человек, пожилой мужчина и юная женщина отошли от группы у окна и поспешили к ним. Все трое были безукоризненно одеты и держались очень элегантно.

Флеш и Зарков потеряли дар речи, а Дейл, казалось, немного нервничала и чувствовала себя неуютно.

— Что вы рассказали своим друзьям? — спросил у Дейл молодой человек. Он был невысок — Флеш возвышался над ним по крайней мере на голову — и выглядел гораздо тоньше Флеша. В его английском слышался странный акцент.

— Практически ничего, — ответила Дейл негромко. — Я хотела, чтобы всю историю они услышали от вас. Так вы обещали.

— Так и сделаем, — сказал молодой человек и протянул руку Флешу, который пожал ее. — Я — Питер ван д'Хеф. Приветствую вас в Цитадели-1, полковник Гордон.

Дрожь пробежала по телу Флеша, и краем глаза он за метил, как вздрогнул Зарков, услышав это имя.

— Вы капитан «Доброй Надежды»?!

Ван д'Хеф побледнел и кивнул. Сквозь его дружелюбие заметно пробивалось волнение.

— Вы же мертвы, — не поднимая глаз, с трудом выдавил из себя Флеш, и мужчина рассмеялся.

— Как видите, нет, — просто сказал он и повернулся к Заркову. — Вас я хотел бы приветствовать особо, доктор Зарков. Ваша племянница рассказала нам о вас.

Зарков склонил голову и долгим взглядом посмотрел на

молодую женщину, которая ответила ему несмелой улыбкой.

— Сандра Дебоншир? — спросил он наконец едва слышным голосом.

Молодая женщина кивнула.

— Да, — подтвердила она, и Зарков повернулся к пожилому человеку, который широко улыбнулся в ответ и протянул руку.

— Зовите меня Мартином, — сказал он.

Голос его был мягким и благозвучным, но с тем же акцентом, что и у Ван д'Хефа, только акцент был заметнее.

— Мартин был единственным жителем этой планеты, прежде чем мы попали сюда… или лучше сказать, прежде чем он забрал нас сюда… однако он не живое существо в настоящем смысле этого слова. Он робот-андроид, — сказал ван д'Хеф.

— Поразительно, — ответил Зарков, волнуясь. Потом он осмотрелся. — А другие? Здесь все сто пятьдесят восемь человек?

Ван д'Хеф кивнул:

— Мы — экипаж межзвездного исследовательского корабля «Добрая Надежда», который покинул Землю двести лет назад по земному летоисчислению.

Зарков шагнул вперед:

— Как давно вы здесь?

— Сто двадцать лет.

— После восьмидесяти лет полета на субсветовой скорости вы были разбужены и доставлены из корабля сюда? — спросил Зарков.

Ван д'Хеф кивнул.

— Потом вы на сверхсветовой скорости полетели к прежней точке и получили назад «Добрую Надежду»?

Ван д'Хеф кивнул:

— Около пятнадцати лет назад.

Зарков покачал головой:

— Тогда сейчас вас здесь не должно быть. Через пятнадцать лет после вашей смерти вы снова прибыли в эту точку времени, в которой мы покинули корабль. В это мгновение вы перестали существовать в настоящем.

Лицо мужчины поскучнело.

— Мы стараемся не думать об этом, — он взглянул на молодую женщину рядом с собой, она улыбнулась. — В строгом смысле этого слова, мы все не люди. Но в отличии от Мартина, который состоит из неорганического вещества, наши тела чисто органические, — он глубоко вздохнул. — В эти первые пятнадцать лет для нас были сконструированы новые тела, а наша психика помещена в искусственный мозг. Это, наверно, не совсем то, но я, например, не чувствую никакой разницы.

В этот миг ноги Заркова сдали. Мартин среагировал первым и подхватил старого ученого, прежде, чем тот успел упасть на пол.

— Я думаю, вы должны подкрепиться и отдохнуть, прежде чем мы расскажем вам всю историю, — сказал ван д'Хеф. Мартин помог Заркову лечь на кушетку. Дейл присела рядом с ним, а Флеш остался с ван д'Хефом.

— Прежде всего мне хотелось бы знать, почему вы, зная, что мы практически потерпели крушение, не направили нам никакой помощи. У нас не было ничего, и мы ничего не могли сделать, — сказал Флеш. Он был в ярости. Он чувствовал, что его для чего-то использовали. Да еще это сделала машина.

— Мы сочли вас за врагов, — просто ответил ван д'Хеф.

— Это был ваш корабль, — фыркнул Флеш. Голос его стал громче. — С помощью этих машин вы оснастили «Добрую Надежду» универсальным двигателем, который и занес нас сюда.

— Нет, — сказал ван д'Хеф. — мы этого не делали.

Глава 14

Было уже утро, когда Флеш внезапно проснулся. Его мучало чувство вины из-за того, что он не остался бодрствовать и не нес ночной вахты.

Несмотря на их яростные протесты, ван д'Хеф и его экипаж отказались дать им еще какие-нибудь сведения, пока они не отдохнут.

— Завтра, — пообещал ван д'Хеф. — Завтра вы все узнаете.

Их на славу угостили и отвели в уютно обставленную спальню на том же этаже. Зарков и Дейл упали на постели и мгновенно уснули.

Флеш еще долго глядел в огромное окно на город, потом усталость взяла свое, он лег в постель, чтобы отдохнуть, но решил не спускать глаз с двери.

И все же он смертельно устал. События прошедших дней утомили даже его мощное тело. Он тоже уснул.

Флеш поднялся и осмотрелся. Сердце его забилось. Постели Дейл и Заркова были пусты. Он был один.

Он еще не решил, что ему предпринять, когда дверь открылась и вошла Дейл.

— Доброе утро, — она улыбалась. Дейл подошла к нему, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Ты хорошо поспал?

— Где твой дядя? — отмахнулся Флеш.

— Все в порядке, — сказало она примирительно. — Он сейчас завтракает вместе с остальными. Я пошла сюда, чтобы разбудить тебя. Они хотят начать свой рассказ.

Флеш провел рукой по волосам.

— Я не хотел спать в эту ночь. Не знаю, что происходит, но я им не доверяю.

— Они не хотят причинить нам вреда, — сказала Дейл. — Но, кажется, существуют какие-то затруднения.

— Что ты под этим подразумеваешь? — он резко взглянул на нее.

Она покачала головой.

— Я точно не знаю, но они все, кажется, обеспокоены. Даже андроид Мартин чем-то озабочен. Но никто из них ничего не говорит об этом. Ничего — пока мы не соберемся вместе.

— Они в общем зале? — спросил Флеш.

— Нет. Кроме нас там только ван д'Хеф, Сандра и Мартин. Остальные вернулись к своей работе.

— Работе?

Дейл кивнула.

— Люди с «Доброй Надежды» создали роботов-уборщиков и те машины, что схватили меня внизу, в банке данных. Поэтому эти устройства и кажутся такими неподходящими к совершенно иной технике города. Теперь они все работают над чем-то другим. Они не хотят говорить, что это, но, кажется, нечто очень важное, — она слегка улыбнулась и кивком головы указала на дверь. — Там, внутри, есть кабинка, сильно напоминающая душ, но только это намного лучше. Когда освежишься, спускайся вниз, в общий зал. Там кое-что приготовлено поесть.

— Я не доверяю им, Дейл. Они бросили нас в джунглях на произвол судьбы и даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Когда же мы стали представлять для них опасность, то вдруг стали желанными гостями.

— Дядя Ханс сказал ван д'Хефу то же самое, и тот ответил, что сегодня утром нам все объяснит, и тогда мы все поймем.

Что-то тут было не в порядке. Совсем не в порядке… Флеш буквально чуял это. Но несмотря на это, Дейл, кажется, была убеждена в том, что они здесь в полной безопасности.

Он глубоко вздохнул и пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Я немного освежусь, и мы увидимся через пару минут.

— Нам все объяснят, Флеш, — повторила Дейл. — Несмотря на то, что здесь происходило раньше, эти люди все же с Земли. Они — люди.

— Само собой разумеется, — мрачно ответил Флеш. — Но среди них есть убийца.

— Я знаю, — тихо произнесла Дейл. — Ван д'Хеф ничего об этом не говорил, кроме того, что одна из групп отправилась, чтобы разыскать обломки «Доброй Надежды», если они есть.

— А что сказал андроид? — спросил Флеш.

Дейл покачала головой:

— Я с ним ни о чем не говорила. Когда я проснулась, он и дядя Ханс уже сидели возле окна и о чем-то беседовали.

* * *

Что касалось кабинки, то тут Дейл была права. Она сильно напоминала душ, но использовалась в ней не вода. Несмотря на это, выйдя из аппарата, он почувствовал себя чистым и освеженным. Чистая белая рубашка из мягкой ткани, похожей на шелк, и пара пластиковых башмаков уже лежали на его кровати.

Он натянул все это и пошел в общий зал, куда Дейл привела

их в прошлую ночь, когда они впервые пришли сюда.

Зарков и андроид Мартин все еще сидели у гигантского окна, открывающего великолепный вид на город и знакомую им бухту с водопадом. Дейл сидела за небольшим столом вместе с ван д'Хефом и Сандрой Дебоншир.

Когда Флеш вошел, ван д'Хеф посмотрел на него и лучезарно улыбнулся.

— Доброе утро, полковник Гордон, — сказал он, вставая и указывая на стул рядом с собой. — Хотите чего-нибудь поесть?

Флеш подошел к столу, но сел не рядом, а напротив капитана.

— Чашечку кофе, если вы не против, — ответил он.

Ван д'Хеф улыбнулся и подошел к небольшому устройству в торце стола. Он налил темную жидкость из кувшина в чашку без ручки. Потом вернулся и поставил чашку на стол перед Флешем.

— Напиток этот горячий, черный и жидкий. Не то, конечно, что настоящий земной кофе, но похож.

Флеш отхлебнул глоток. Напиток был очень горячим. По вкусу он действительно очень напоминал кофе.

Флеш отставил чашку и посмотрел в глаза ван д'Хефу.

— Есть множество вопросов, на которые я хотел бы получить ответы сегодня, капитан. Вчера ночью вы уклонились от ответов на них.

Ван д'Хеф медленно кивнул. Улыбка исчезла с его лица.

— Я отвечу на все ваши вопросы.

— Кто убил ваш экипаж и пассажиров?

Дейл, выпрямившись, сидела на своем стуле, и краем глаза Флеш видел, как Зарков с андроидом поднялись и подошли к столу.

Ван д'Хеф посмотрел на молодую женщину, сидевшую возле него. Она немного побледнела и опустила голову.

— Это сделала я, — тихо сказала она.

— Почему? — спросил Флеш.

Голос его внезапно смягчился.

— Я этого не хотела, — произнесла она. Голос ее все еще был тихим. — Боже, я этого не хотела, но у меня не было другой возможности.

— Может быть, на этот вопрос лучше отвечу я, полковник, — сказал андроид Мартин.

Флеш поднял взгляд, когда Зарков и андроид подошли к столу и сели — Зарков возле Дейл, а Мартин возле молодой женщины.

Флеш впервые заметил, что хотя андроид и был человекоподобным, он все же слегка отличался от других

присутствующих. Как и у черных роботов в информационном центре, у него были руки и ноги с тремя суставами, вместо одного колена и одного локтя. Руки заканчивались дюжиной тонких многосуставчатых пальцев. Он не производил впечатление очень сильного, но все же был по-своему изящен и подвижен.

Лицо его было дружелюбным, глаза темно-синие, а густые волосы серебристо-белые. Он смотрел на молодую женщину и печально улыбался.

— Если тебе трудно пережить это еще раз, ты можешь спокойно уйти, Сандра. Тебе не обязательно оставаться здесь.

Она подняла глаза и покачала головой.

— Я уже в полном порядке, — произнесла она.

Мартин еще несколько секунд смотрел на нее. Он едва заметно вздохнул и повернулся к Флешу.

— У нас с доктором Зарковым утром состоялся исчерпывающий разговор. Теперь он понимает многое из того, что здесь произошло и происходит. Но я хотел, чтобы вы все вместе выслушали то, что я расскажу. Я ждал более двадцати тысяч лет прибытия «Доброй Надежды», и лишь тогда смог рассказать, что же здесь произошло.

— Вам двадцать тысяч лет?! — пораженно произнес Флеш.

Андроид кивнул.

— Вообще-то я еще старше, но не так стар, как этот город. Хотя меня создали вскоре после того, как была возведена эта Цитадель.

— А что это за видения, которые мы вчера вечером наблюдали на небе? — спросил Флеш, движимый каким-то импульсом.

— Это как раз одна из тех вещей, которые я не смогу вам объяснить. Она существовала до того, как меня создали. Если так можно выразиться, это наследство моих создателей. Могу только добавить, что этот феномен возникает через совершенно непредсказуемые промежутки времени. Последний раз я видел его восемьдесят лет назад. А до этого почти тысячу лет назад. С тех пор, как я начал существовать, я наблюдал это всего несколько раз.

Андроид на мгновение замолчал. Он слегка поднял голову, задумавшись о чем-то, что требовало полной сконцентрированности.

— Мы отклонились. Нужно еще много кое о чем рассказать. Когда я закончу свою историю, вы, доктор Зарков и очаровательная племянница должны будете принять решение. Остаться здесь или вернуться на Землю.

Флеш нагнулся вперед, чуть было не опрокинув свою чашку с

кофе.

— Мы можем вернуться? У вас есть средства, чтобы сделать возможным это возвращение?

Мартин кивнул.

— Доктор Зарков понял это. По его данным мы сможем построить корабль дальнего радиуса действия, в точности напоминающий ваш «Неустрашимый». Вам будет указана гиперточка, которая доставит вас на окраину Федерации. С этого мгновения все воспоминания об этой Цитадели будут стерты из вашей памяти. В течение многих столетий ваши разведчики не смогут отыскать нас.

— А если мы примем другое решение? — спросил Флеш.

— Остаться здесь и помогать нам?

Флеш кивнул и медленно откинулся назад.

— Я дам вам столько информации, что вы сможете принять решение, — задумчиво ответил Мартин. — Если вы решите остаться здесь, у нас есть возможность перенести вам в мозг всю эту историю. И, кроме того, многие из наших технических знаний, какие вы только сможете воспринять.

Воцарилось долгое молчание. Наконец, Зарков нарушил тишину.

— Продолжайте, Мартин, — сказал он, и андроид чисто человеческим жестом сцепил руки на столе.

Освещение в зале померкло. Огромное окно, до сих пор свободно пропускавшее яркий свет солнца, стало непрозрачным. В центре стола появилась голографическая проекция мужчины и женщины. Они были обнажены и внешне очень сильно напоминали Мартина.

— Мои создатели, — сказал андроид.

Их фигуры были прекрасны. Высокие, стройные и загорелые. У обоих блестящие серебристые волосы. Когда Мартин заговорил, картина мигнула, и появились гигантские города, космические корабли, огромные машины, а также панорамы ужасных сражений.

— Миллиард лет назад в Галактике, независимо друг от друга, развились совершенно различные цивилизации. До самого последнего времени ни одна цивилизация ничего не знала о существовании другой.

В нашей части Галактики расцвела Галактическая Империя. Она протянулась во все стороны от главных миров. Существовал Большой Руководящий Совет Империи. В течение многих тысячелетий мира развивалась обширная торговля между мирами десятков тысяч разнообразных культур, объединившихся под общим руководством Совета… Царили мир и равноправное

партнерство между всеми мыслящими существами.

Появилось голографическое изображение города, который был еще больше и прекраснее, чем тот, в котором они находились.

— Центральный Город, Центрус, если перевести точнее, где находился Совет. Здесь процветали литература, музыка и другие искусства. И в конце концов, всему этому наступил конец.

Мартин был андроидом, машиной, но он был гораздо более высокоразвит, чем любая Охранительница, какую Флеш когда-либо видел. И теперь он казался печальным. Так, словно он жил и чувствовал в то время, о котором рассказывал, и теперь с ностальгией оглядывался на него.

— В высшей точке развития нашей Империи была открыта другая цивилизация. Это случилось почти сто тысяч лет назад, — голос андроида внезапно стал горьким. — Все началось с контакта исследовательских кораблей на огромном расстоянии от самого дальнего края нашей Империи. Экипаж нашего корабля был убит. Корабль, записи, карты, находившиеся на нем, его устройство, система технологий тщательно изучены. Несколько лет спустя последовало первое нападение на наши окраинные миры, которые оказались практически беззащитными.

Голографическое изображение превратилось в трехмерную карту Млечного Пути.

— Ваша Солнечная система вместе с нашей находится в одном рукаве Галактики, протяженностью в сто тысяч световых лет. Империя моих создателей расцвела возле Центра Галактики. Другая цивилизация находится на ее противоположном краю. Из тридцати миллиардов звезд Галактики более десяти миллионов находились в зоне нашего влияния.

Флеш и Зарков с напряженным вниманием слушали. Мартин улыбнулся.

— Да, — гордо сказал он. — У нас была огромная империя. Ее размеры превосходили всякое воображение. Она развивалась почти миллиард лет, прежде чем пришли другие.

— Началась большая война, — продолжил Мартин. — Война, длившаяся без перерыва почти восемьдесят тысяч лет. Она была столь чудовищна, что истощила ресурсы буквально целой Галактики. Величайшее безумие существ, казавшихся разумными, которые напали на нас.

— И ваши люди победили? — спросил Флеш.

Мартин покачал головой.

— Никто не победил. Проиграли все. Наша Империя пала, другая, вероятно, тоже. После многих тысячелетий дух войны так прочно укоренился в генах моих создателей, что понятие мира

стало для них почти неосознаваемым и нереальным. Однако к этому времени Империя уже лежала в развалинах. Контакт со всеми другими мирами, кроме горстки центральных миров, был безвозвратно утрачен. Процветало пиратство. Повсюду царили насилие, смерть, бунты и анархия. Позднее мы обнаружили, что в подобном же положении оказалась и другая Империя. Однако это являлось слабым утешением. Великолепнейшее творение всех времен — уникальная цивилизация — было уничтожено.

Кофе Флеша остался нетронутым. Он не осмеливался даже дышать, и лишь безуспешно пытался осмыслить ужасные видения, о которых повествовал андроид. Цивилизация возрастом в миллиард лет. Война, продолжавшаяся восемьдесят тысяч лет и разворачивавшаяся на миллионах планет. Это было непредставимо.

Только несколько сот тысяч моих создателей двадцать тысяч лет назад бежали с Центруса и, наконец, пришли на эту планету. Здесь они оказались далеко за пределами первоначальной Империи, и между ними и уцелевшими представителями другой цивилизации теперь лежала целая Галактика. Здесь воцарился мир. И здесь они построили Цитадель, убежище для всех оставшихся в живых существ нашей Империи. Всю технику, какую они взяли с собой, все искусство, музыку и другие достижения своей цивилизации они перенесли сюда.

— В компьютер, который мы видели? — спросил Зарков. Он тоже преисполнился благоговения.

— Вы видели только систему управления планетой, не больше, — сказал Мартин. — Вся планета выдолблена, и в ее нутро встроен компьютер. Планета скрывает в себе знания целой Империи. После изготовления этого компьютера изготовили меня.

— А этот город? — вновь подал голос Зарков.

— Сразу же после того, как они закончили эту работу, ученые поднялись на гигантский корабль, который они построили из материала ядра планеты. Их целью была Туманность Андромеды, как вы ее называете, находящаяся отсюда на расстоянии почти в миллион световых лет.

— Почему они все ушли, когда обжили и освоили эту планету? И почему они построили только эту Цитадель? — спросил Зарков.

— Они построили Цитадель, чтобы знания их цивилизации не потерялись навсегда. Но сначала они ушли не все. На гигантском корабле отправились только ученые. Они узнали, что то, что произошло с Первой Империей, когда-нибудь повторится вновь. Они хотели отправиться в другую галактику, в надежде вновь

обрести мир. Или, может быть, даже найти цивилизацию, которая убережет их от повторения прежней судьбы.

— А те, которые остались? — Зарков словно торопил андроида.

— Потом и они улетели. На маленьких исследовательских кораблях. Они разносили во все стороны семена разума, — на лице у робота снова появилось выражение печали.

— Но они слишком плохо были оснащены, чтобы выжить на новых, нецивилизованных мирах, — он посмотрел в глаза Заркова. — Насколько я знаю, один из этих кораблей примерно десять тысяч лет назад совершил посадку на вашей планете. За все это время мы больше ничего о нем не слышали. Это означало, что он погиб либо при посадке, либо вскоре после нее.

— Существуют легенды, — ответил Зарков, — старые легенды об исчезнувших цивилизациях и корабле со звезд. Никто в них по-настоящему не верил… — он замолчал.

Мартин снисходительно улыбнулся.

— Что привело вас к настоящему.

— Что привело нас к «Доброй Надежде», — поправил Флеш, подавшись вперед.

Мартин посмотрел на него.

— Прежде чем я к этому перейду, я должен объяснить еще кое-что.

Флеш замолчал и стал ждать, когда андроид продолжит.

— Другая цивилизация, та, что развязала войну в этой Галактике, развивалась так же. Когда ее Империя пала, — их ученые тоже построили хранилище своих знаний, такое же, как здесь. Только две тысячи лет назад мы смогли послать разведывательные зонды. На другой стороне Галактики на ходится Цитадель-2. Тоже компьютер размером с планету, который содержит в себе все знания той цивилизации, включая и жажду войны.

— Мы еще долго не сможем дотянуться до этой цивилизации, — сказал Флеш.

— До того времени, как «Добрая Надежда» с вами на борту не вернулась назад, я тоже так считал. Однако теперь я больше так не считаю. Очевидно: нас обнаружили. Когда мы засекли, что «Добрая Надежда» с вами на борту вышла из гиперпространства, мы засекли также и агрегат в двигательном отсеке, построенный не нами. Это механизм, созданный другой цивилизацией. Они обнаружили нас и узнали также, что нас поддержал экипаж «Доброй Надежды». Зарков побледнел.

— Боже мой! — прошептал он.

Мартин наклонился вперед. Он на мгновение перестал

замечать Заркова и сконцентрировался на Флеше.

— Вы солдат, полковник Гордон. Вы разбираетесь в войне и сражениях, однако вы должны понять еще кое-что. Я только машина — высокоразвитая машина, по вашим понятиям, но, несмотря на это, всего лишь машина. Как ни примитивны ваши люди по сравнению с моими создателями времен расцвета Империи, они находятся выше меня в одном. У них есть интуиция. Интуитивный разум. Еще не построена машина, способная на это. Ни у одной из машин нет жизненных сил и энергии, которыми обладают даже нецивилизованные существа, наделенные чувствами.

За время их беседы Флеш против своей воли начал испытывать уважение к Мартину. Теперь ему было неприятно думать, что тот не более чем машина. Робот.

— Но ведь машины могут вести войну.

— Нет, — печально ответил Мартин. — И это создало наши нынешние трудности.

— Другая планета — Цитадель, — догадался Флеш.

— Да, — ответил Мартин и встал. Голографическая проекция погасла. Освещение зажглось, погасло, и окно снова стало прозрачным для света.

— Когда создатели построили Цитадель, они запрограммировали два указания, — сказал андроид. Он пересек помещение и взглянул через окно на город.

Флеш и остальные последовали за ним и опустились на стулья поблизости. Мартин продолжал:

— Первое указание — искать появление новых цивилизаций. Они знали, что в Галактике развиваются и другие формы жизни. Второе указание — обращать внимание на признаки, свидетельствующие о возрождении другой Империи.

— Обе эти вещи произошли, — заметил Зарков после недолгого молчания, и Мартин кивнул. — Каков приказ, полученный вами на этот случай?

— Есть приказы на оба этих случая. Мы должны установить контакт с новой цивилизацией, когда она достаточно разовьется для того, чтобы усвоить знания, находящиеся здесь и не использовать их во вред. И мы должны, используя минимальную силу, воспрепятствовать любой попытке другой Цивилизации захватить контроль над Галактикой. Но в одиночку я просто не могу выполнить эти приказы. Мои создатели верили, что техники и другие, оставшиеся на планете, останутся навсегда и заселят планету. Они используют компьютер и смогут выполнить эти приказы. Они были миролюбивыми людьми или, по крайней мере, хотели быть ими и обладали даром интуиции, который

отсутствует у меня. Но они ушли и больше никогда не вернулись назад.

— Вы заметили «Добрую Надежду», наш первый межзвездный корабль, и забрали его экипаж, так? — уточнил Зарков.

Мартин посмотрел на Сандру Дебоншир и кивнул.

— Я думал, что экипаж «Доброй Надежды» сможет разрешить эти две проблемы. Во-первых, потребность в мыслящих существах, которым я могу передать Цитадель. А во-вторых, я хотел воспрепятствовать вашей цивилизации добраться сюда. Честно говоря, ваши люди еще недостаточно зрелы для обладания Цитаделью.

— Как вы доставили сюда экипаж? — спросил Флеш.

— Мои исследовательские зонды постоянно находятся в полете, разыскивая следы другой цивилизации и новые разумные расы. Они обнаружили «Добрую Надежду» и сообщили мне о ней. Я полетел к кораблю, доставил весь экипаж сюда и рассказал все то, что теперь рассказываю вам. Все они согласились помочь.

— Я бы сказал, что безопасность Галактики — наш общий долг, — вмешался ван д'Хеф. — Но, может быть, тут было больше как бы корыстных мотивов. Нам предложили настоящее бессмертие. И власть. И мы приняли все это.

— Вы приняли предложение, — сказал Флеш. — Но почему же вы тогда вернулись назад и убили самих себя? Почему вы позволили «Доброй Надежде» дрейфовать? Вы же знали, что рано или поздно кто-нибудь найдет этот корабль и обнаружит трупы. Почему вы просто не перенесли корабль сюда? Или не уничтожили его?

— Потому что в поисках нас люди могли зайти слишком далеко — «Добрую Надежду» считали пропавшей без вести.

— Раньше или позже вы снова возобновили бы поиски, — сказал Мартин. — После того, что я узнал от экипажа «Доброй Надежды», я понял, что ваша раса так легко не отказывается от подобных предприятий. Вы бы продолжали поиск «Доброй Надежды». Раньше или позже ваши люди обнаружили бы эту планету.

— Я не могу понять этот ваш аргумент, — сказал Флеш. Он встал и начал ходить перед окном взад и вперед. День был ясным и безмятежным. Вдали, словно иллюстрация из старой книги сказок, виднелся водопад с радугой.

— Я боюсь, что вам придется убедиться в этой логике, — сказала Сандра Дебоншир. — Я психолог. И была уверена, что контакт можно предотвратить только в том случае если «Добрая Надежда» вернется назад с нашими телами.

— Итак, вы вернулись на борт в более раннее время и убили

экипаж… включая и саму себя? — недоверчиво спросил Флеш.

Молодая женщина кивнула.

— Однако в последнее мгновение я не смогла убить саму себя… по крайней мере так, как я это сделала с остальными. Я вытащила свое тело из криокамеры и вытолкнула его из шлюза.

Дейл подавила стон.

— Если корабль в конце концов и найдут, все будет выглядеть так, словно я сошла с ума, убила всех на борту, а потом выпрыгнула из шлюза, — сказала Сандра.

— И что же теперь? — с отвращением спросил Флеш.

— К несчастью, корабль Цитадели-2 обнаружил «Добрую Надежду» раньше ваших людей. Они узнали, что мы сделали, установили генератор гипердрайва и отправили корабль назад… судя по тому, что рассказал мне доктор Зарков, в область вашей Федерации, — сказал Мартин.

— Почему? — резко спросил Флеш. Его трясло, и он ощущал потребность убить кого-нибудь.

— Они хотят войны, — пояснил Мартин. — Они хотят, чтобы ваша Федерация напала на них. Они живут для войны. Наша Цитадель возведена военными стратегами. Отправляя «Добрую Надежду» с трупами на борту назад, в Федерацию, они надеялись спровоцировать реакцию на насилие. Гипердрайв-привод был запрограммирован на возвращение сюда. Ваша Федерация, к тому же снабженная знаниями Цитадели, выставит достойные внимания военные силы. Это именно то, чего они хотят.

— А вашим создателям потребовался почти миллион лет, чтобы развить эту философию? — воскликнул Флеш.

Мартин подошел к Флешу, положил руку на его плечо и улыбнулся.

— Вы получите все способности, которые мои создатели хотели когда-либо распространить по Галактике. Способности, которые ваша цивилизация давно утратила. Вы понимаете войну и насилие, но ненавидите их и все, что с ними связано. Если вы готовы помочь нам, я знаю, что для вас всех наступит мир. Вечно длящийся мир. И для Второй Империи, которая однажды, может быть, протянется к той Империи, которую мои создатели творят в Туманности Андромеды.

Флеш посмотрел в киберглаз андроида, не видел перед собой прекрасную молодую женщину, лежащую на полу. Убитую женщину. А потом он увидел сто пятьдесят семь мужчин и женщин с «Доброй Надежды», их перерезанные шеи и разлагающиеся тела. Его охватила дурнота.

Андроид говорил о насилии. Но о насилии в таких чудовищных размерах, что это невозможно было даже

представить.

И все же от него, Флеша, требовалось, чтобы он признал, что такое насилие может существовать. От него требовали признать и тот факт, что оно может вспыхнуть снова и, может быть, даже очень скоро.

Может он отказаться?

Он посмотрел на Дейл, сидевшую на краешке своего стула и напряженно наблюдавшую за ним. Возле нее сидел Зарков, ушедший в себя, погрузившийся в собственные мысли.

Может ли он отказаться?

Его взгляд упал на Сандру Дебоншир, которая сделала больше, чем кто-нибудь из них мог себе представить. И на капитана ван д'Хефа.

Мог ли он отказаться?

Потом он посмотрел на Мартина, андроида, казавшегося человеком, как и все другие люди, которых он когда-либо встречал. И он опустил голову.

— Как я могу отказаться? — тихо спросил он.

Мартин еще крепче сжал его плечо.

— Ты не можешь, — сказал андроид. — Ты не можешь.

«Нет, он не может отказаться, — подумал он. — Даже если это означает, что они должны будут остаться здесь без всякого контакта с Землей. На многие месяцы, может быть, даже годы».

Он посмотрел на Дейл и Заркова. Они оба кивнули. Они сделали свой выбор. Потом он посмотрел на Мартина.

— Мы поможем вам, — сказал он. — Как бы долго это ни продлилось, мы вам поможем.

Л. Тирион. ЗАТЕРЯВШИЕСЯ В КОСМОСЕ

Часть I. Алкиноос

Глава 1

«Алкиноос» — грузовой космический корабль последней модификации, предназначенный для доставки на Землю редких минералов и руд. Он оборудован двойной системой тяги, ставшей классической со времени прибытия Штольцев в Солнечную Галактику. На его борту кроме трюма имеется сто семьдесят пять первоклассных кают для размещения отрядов космических шахтеров. Шахтеры — люди особого склада, те, кому земная жизнь казалась пресной и скучной. Авантюристы по натуре, всегда готовые к риску и любым неожиданностям, они осваивали безымянные планеты с невиданными климатическими условиями.

Но сфера деятельности человека в космосе неуклонно расширялась, поэтому таких людей постоянно не хватало. Даже за очень большие деньги не всегда удавалось укомплектовать команду. Все чаще приходилось прибегать к услугам тех, кого их авантюрная жилка и склонность к риску привели к конфликту с законом, — к заключенным. Год, проведенный на внеземных шахтах, приравнивался к пяти годам тюрьмы, а возвратившийся получал кругленькую сумму, дающую возможность сразу встать на ноги. Но для разработки шахт Алонита-2 нужны были не просто рисковые ребята, там требовались особенно сильные, выносливые люди.

Выдержки из бортового журнала космического корабля «Алкиноос»:

Командир: Коммодор Жорж Маоган

Алонит-2, 8 октября 2130 года Земное время: 8 часов 00 минут Местное звездное время: 40 часов 00 минут

… мы уже загрузили 850 тонн стриферилла, и «Алкиноос» завтра будет готов к взлету, если, разумеется, не возобновится вчерашний бунт. Шахтеры потребовали полной эвакуации. Уступить их требованию — значит бросить на произвол судьбы нашу базу на Алоните-2, строительство которой стоило огромных денег. И в то же время я должен признать, что обстановка на планете значительно ухудшилась.

Средняя температура на поверхности ночью была +37 градусов, а сейчас уже поднялась до 40 еще до восхода солнца, хотя здесь в разгаре зима. Постоянное повышение температуры, я думаю, связано с недавним

увеличением содержания углеводородного ангидрида в атмосфере. Наступившая влажная и жаркая пора стимулирует рост рыжеватых плор — липких растений со студенистыми листьями. Растения захватили все. И теперь, отправляясь на шахту, мы вынуждены каждый раз прокладывать себе в них дорогу с помощью огнемета.

Но самое страшное — это то, что не прекращается буря. Все небо покрыто мрачными зеленоватыми тучами, ураганный ветер вздымает в океане волны высотой до тридцати метров.

Вода медного оттенка поднимается к подножью горы, и ржавые брызги долетают до самого корабля. Три рабочих транспортера для перевозки минералов сломались, так как их оси были совершенно разъедены кислотными океанскими брызгами. Единственный металл, который противостоит коррозии, — это стриферилл. К сожалению, из него сделан только корпус «Алкинооса». Сколько еще продлится буря и выдержат ли ее напор постройки базы, предугадать невозможно. Пока буря усиливается…

9 часов 20 минут

«… Солнце только что взошло, и его непривычные очертания придают пейзажу жутковатый вид. Сразу после восхода радиосвязь стала практически невозможной. Магнитная буря все искажает, приемник издает лишь неясные хрипы…»

9 часов 32 минуты

«… ветер дует с такой яростью, что наш загруженный корабль начал раскачиваться. Я иду на командный пункт…»

Старший штурман Роллинг смотрел на солнце.

— Оно взрывается! Это больше не солнце, коммодор, это — Новая!

Не отрываясь от окуляра небольшого телескопа, Маоган разглядывал непрерывный рост короны сумасшедшей звезды.

— Вы уверены в этом, Роллинг? Может быть, это только оптический обман?

Роллинг протянул ему серию фотографий.

— Взгляните сами.

Маоган быстро перебрал всю пачку.

— Вы правы, Роллинг. Вы правы… — он сел, удобно располагаясь на своем привычном месте.

— Когда началось это явление? — его голос звучал

совершенно спокойно.

Роллинг отвечал так же бесстрастно. Способность сохранять хладнокровие в самых непредвиденных экстремальных ситуациях учитывалась особо при назначении на командные должности в космическом корабле.

— Прошлой ночью, точнее, в 6.40.

— Вы уже ввели данные в машину?

— Разумеется.

Они сидели напротив изящного маленького бюро из полированного металла, украшенного эмблемой «Алкинооса» — гигантского орла, поднимающего в небо стальной шар. Роллинг взял карточку.

— Машина выдала следующий прогноз: мы имеем дело не с изменяющейся звездой и не с переменной. Это самая настоящая Новая, даже не исключено — Сверхновая.

— Скорость распространения газа?

— 10 000 км/сек. Приблизительный диаметр звезды в настоящее время почти удвоился, и теоретически первые протуберанцы могут нас достать через 27 часов 32 минуты.

Он положил карточку на место.

— Пока тепловой эффект взрыва звезды относительно небольшой: 200 градусов на 10 000 метров высоты. Но расчеты показывают, что идет постоянное повышение температуры. Сейчас оно составляет 150 градусов в час. Кривая экстраполяции дает основания полагать, что это повышение в следующий час достигнет 800 градусов, а еще через час — 1200 градусов.

Жорж Маоган взглянул на часы, показывающие местное время.

— Конечно, все это чисто теоретические расчеты. Никому еще не приходилось наблюдать вблизи вспышку Сверхновой.

Маоган секунду молчал, заканчивая в уме быстрый подсчет.

— Значит, в 11 часов 30 минут по земному времени температура атмосферы в ее верхних слоях достигнет 2700 градусов?

— Теоретически это так.

— А в космическом пространстве? Роллинг пожал плечами.

— Да, — согласился Маоган, — это невозможно предвидеть.

Корпус «Алкинооса» изготовлен из стриферилла. Металл был гофрирован таким образом, что вся внешняя оболочка представляла собой миллионы ячеек, наполненных окисью тория. Это придавало корпусу корабля необычайную легкость и прочность. На испытаниях этот материал выдерживал температуру до 3200 градусов.

Какое-то время Маоган размышлял.

— Корпус выдержит.

— Но не система внутреннего охлаждения, — возразил Роллинг.

— Я знаю, — сухо оборвал его коммодор. — Необходимо, чтобы мы уже в 11 часов 30 минут достигли второй космической скорости и перешли в состояние пространственно-временного сжатия.

Роллинг с сомнением покачал головой.

— Никто никогда не пытался перейти в состояние пространственно-временного сжатия внутри звездной системы. Даже Штольцы не осмеливались.

Маоган сдвинул свой шлем назад.

— У нас нет выбора, Роллинг. Займитесь эвакуацией людей, а я буду готовиться к взлету.

Он снова взглянул на часы.

— Роллинг!

— Да, коммодор?

— Входные люки должны быть задраены через 43 минуты, без всякой жалости к опоздавшим. Объявите это по радио… Если сможете… — добавил он после секундного замешательства.

Штуфф Логан, обнаженный по пояс гигант, ловко орудовал отбойным пневматическим молотом, откалывая огромные куски породы в глубине шахты. Его большое мускулистое тело, лоснящееся от пота и красное от рудничной пыли, напоминало фигуру древнего атлета Да он по своей сути и был человеком далекого прошлого. Не слишком образованный и не очень развитой, этот добродушный здоровяк чувствовал себя на старушке Земле словно слон в посудной лавке. Его большое сильное тело требовало постоянной физической нагрузки. Но что ему могли предложить на этой комфортабельной и благоустроенной планете? Поэтому в команде шахтеров, состоящей целиком из людей с уголовным прошлым, он был единственным добровольцем.

Штуфф азартно, даже самозабвенно работал и очнулся только тогда, когда заметил, что бадья, в которую он складывал добытый материал, полна. Штуфф сделал несколько глотков чистого кислорода и отправился к переговорнику.

— Эй вы, банда лежебок! Чем вы там наверху занимаетесь?

Полнейшее молчание было ему ответом. В недоумении Логан продолжал нажимать на кнопку вызова. Красная контрольная лампа регулярно мигала, доказывая, что вся система шахты функционирует нормально, но пост наверху, казалось, начисто вымер.

— Эти негодяи, должно быть, опять затеяли свою революцию,

проворчал он. — Ну ладно, я с вами разберусь.

Штуфф машинально смахнул пот со лба. Жара, усиливающаяся в последнее время, стала донимать и его. Он вынужден был все чаще вдыхать чистый кислород.

— Сволочная планета, — выругался Штуфф и, спотыкаясь, побрел к подъемнику.

К счастью, подъемник представлял из себя предельно простую автономную систему: два вертикально поставленных рельса, выходящих на поверхность, и кресло, скользящее ним. Небольшой реактор, расположенный в основании, выбрасывал кресло вверх. Система была примитивной, но достаточно надежной. Штуфф уселся в кресло, взялся за широкий рычаг и нажал на него до предела. Кресло стало быстро подниматься. Шум реактора перекрывал шум бури наверху, но когда Штуфф достиг поверхности, мощный порыв ветра сорвал его с кресла и швырнул на землю.

Картина, представшая перед ним, напоминала конец света. Молнии, не переставая, расчерчивали небо, а земля дымилась в местах ударов. Беспрерывный грохот грома и шум урагана оглушали. Укрытие было сорвано со своего металлического цоколя.

Скользя по липким листьям плор, Штуфф кое-как добрался до скалы, которая хоть немного защищала от ярости обжигающего ветра, и попытался собраться с мыслями.

Товарищи, видимо, не бросили его, а были унесены ураганом. Совершенно очевидно, что и ему не добраться до «Алкинооса», находящегося в шести километрах от шахты. Да к тому же Штуфф был не уверен, что корабль еще не улетел.

Положение складывалось совершенно отчаянное, но судьба вдруг подбросила ему единственный шанс. Штуфф увидел легкий летательный аппарат, катившийся прямо на него. Когда машина поравнялась со скалой, он ухватился за крыло и на пределе своих возможностей втянул ее в укрытие.

Штуффу повезло: машина была исправной и работала связь. Сквозь шум помех и рев ветра ему удалось разобрать голос штурмана, повторяющего неустанно лишь одно сообщение:

— «Алкиноос» готовится к взлету. У вас осталось только тридцать пять минут, чтобы добраться до корабля…

Это известие напугало Штуффа, но одновременно и подстегнуло. Появилась, пусть призрачная, но все же надежда на спасение. Только действовать надо было решительно и очень быстро. Кожа, обожженная солнцем и океанскими брызгами, принесенными ветром, горела, и это мешало сосредоточиться. Он намазал тело соком липких плор, это несколько успокоило боль.

Штуфф еще раз осмотрел машину. Мотор работал, машина могла передвигаться, но была слишком легка, чтобы противостоять урагану. Ветер снесет ее, едва она взлетит.

Схватив первый попавшийся под руку металлический брусок, Штуфф начал отдирать весь механизм шасси, сохранив лишь само шасси. Он работал методично, не останавливаясь, не переводя дыхания, лишь изредка то ли рык, то ли вздох раздирал его грудь. Закончив эту работу, Штуфф нашел подходящий обломок скалы, весом не менее 150 килограммов, и, помогая себе бруском, подкатил его, поднял и положил на пустые стойки шасси.

Работу, на которую в других обстоятельствах ушло бы не менее часа, он выполнил за несколько минут. Логан действовал уверенно, точно и, главное, очень быстро.

— «Алкиноос» взлетит через двадцать две минуты. Вам остается двадцать две минуты, чтобы добраться до корабля, — сухо звучал голос штурмана в приемнике.

Штуфф запустил мотор и взглянул на площадку, с которой предстояло взлететь.

— Нет, ничего не выйдет!

Липкие листья рыжих плор покрывали почву, превращая ее в каток. Ругаясь и проклиная все на свете, шахтер снова выбрался из машины и, цепляясь за скалу, полуползком добрался до разрушенных шахтных построек. Там он подобрал цепи, служившие для транспортировки руды, и вернулся к аппарату. Когда он обмотал цепями ведущие колеса машины, она стала похожа на трактор, сделанный человеком каменного века. Штуфф уселся на металлический каркас шасси и пристегнулся к нему своим шахтерским поясом. Наконец, взявшись обеими руками за рычаги управления, начал свой бешеный полет.

На командном пункте «Алкинооса» было очень тихо и прохладно. Сидя перед пультом управления полетом с тремястами переключателями и экранами контроля, Жорж Маоган заканчивал расчеты, необходимые для взлета корабля. Система внутреннего охлаждения уже была запущена в замедленном режиме, а люди разместились в каютах. Входные люки задраили, и «Алкиноос» был готов к взлету. Но еще оставалось семь минут до назначенного срока, и Штуфф Логан отсутствовал на перекличке.

Уголовная братия, из которой состояла наземная команда шахты, напуганная яростью урагана, покинула шахту и росилась к кораблю, не дожидаясь сигнала тревоги и оставив под землей Штуффа. Маоган давно и хорошо знал людей этой породы. Они ненавидели Штуффа за то, что он, свободный человек, не подчинялся их волчьим законам, имел мужество идти против

всех. Поэтому они не могли не воспользоваться случаем, чтобы избавиться от него. Маогану оставалось только надеяться, что удача не отвернется от добродушного великана, и он сумеет добраться до корабля в одиночку.

Коммодор взял в руки график температур, переданный ему только что Роллингом. Он соответствовал их прогнозам, интенсивность же радиации возросла гораздо значительнее, чем предполагалось. Кроме того, в космическом пространстве возник неожиданный фактор «Ф». Жорж Маоган нажал на кнопку внутренней связи.

— Роллинг, что из себя представляет этот фактор «Ф»?

— Я ничего об этом не знаю, коммодор.

— А машина, электронный мозг? Вы вводили в них данные?

— Да, коммодор. Но у мозга не хватает информации для ответа. Фактор «Ф», кажется, представляет из себя новый вид радиации, действие которого невозможно предугадать.

— Быстро ли возрастает уровень?

— Да, коммодор. В три раза быстрее, чем температура. Можно мне дать вам совет? — спросил Роллинг после некоторого колебания.

— Я вас слушаю.

— Необходимо немедленно взлетать, коммодор. Это будет более чем благоразумно.

Маоган посмотрел на часы.

— У нас еще четыре минуты, Роллинг, и Штуфф еще не вернулся.

— Да, коммодор. Я только высказал свое мнение.

Маоган отключил связь. Затем, после некоторого раздумья, он включил экраны внешнего обзора. Открывшаяся перед ним картина наводила ужас. Казалось, окружающий мир стремился вернуться к первозданному хаосу.

Небо, земля, океан погрузились во мрак, время от времени раздираемый вспышками молний, которые то здесь, то там освещали фрагменты страшной картины гибели планеты. По воздуху летали остатки гигантских рыжих плор, вырванных ураганом. Взбесившийся океан яростно хлестал прибрежные скалы. Волны высотою до шестидесяти метров крушили и ломали все на своем пути, подбрасывая высоко в небо огромные обломки скал. Ураган подхватывал их и затягивал в круговорот атмосферных воронок.

Маоган содрогнулся. Если одна из таких воронок затянет корабль, то для них все будет кончено. Он взглянул на часы. Роллинг как всегда был прав, оставалось две минуты до взлета, а Штуффа все еще не было. Но выбраться живым из такой

передряги не представлялось возможным. Маоган протянул руку, чтобы нажать на кнопку и объявить взлет, когда по радио раздался вызов.

— Коммодор, я здесь.

Это было невероятно. Маоган снова обратился к экранам телевизоров и какое-то время безуспешно искал то место, откуда доносился еле слышный сигнал. Вначале не удавалось различить ничего, но спустя несколько мгновений он все-таки разобрал странный аппарат, который в самой гуще вихря целенаправленно двигался в сторону корабля и находился уже метрах в ста от него. Маоган вызвал по внутренней связи Роллинга.

— Откройте люк, Роллинг.

— Но, коммодор, уже пора. Я понимаю, вам тяжело сделать такой выбор. Но у нас уже нет времени. Это невозможно… Мы все погибнем!..

— Откройте люк, Роллинг, — твердо повторил Маоган.

Много раз аппарат почти переворачивался, но Штуфф, крепко привязанный, вел его, словно парусник на гонках, наклоняя то вправо, то влево, пытаясь во что бы то ни стало сохранить равновесие. Он гнал, не думая ни о чем, противопоставив ярости ветра свою бешеную ярость. И вначале эта сумасшедшая гонка неплохо ему удавалась, но теперь силы Штуффа были уже на исходе. Задыхаясь, он был вынужден искать убежища у холма, чтобы сделать вираж при ветре наперерез. Через свои шахтерские очки он заметил, что люк на корабле стал медленно открываться.

«Нет, они никогда не откроют его, — подумал он, — они были бы сумасшедшими!»

В эту секунду аппарат закачался, рухнув вниз, застыл на какое-то время в воздухе, а потом завертелся вокруг своей оси. Гигантский разряд ударил в скалу неподалеку, превратив ее в пыль, и Штуфф потерял сознание.

Створки люка плавно открылись, и транспортер для исследования вулканов двинулся в путь. Маоган приказал нагрузить на него почти тонну минералов. Он надеялся, что этого будет достаточно, чтобы удержать его на земле при порывах ветра. Нужно было действовать очень быстро. Маоган увеличил число оборотов до предела.

Штуфф оставался привязанным в перевернутой машине, и вытащить его оттуда не представлялось возможным. Маоган выпрямил аппарат и, подавшись назад, обхватил его двумя передними манипуляторами. Аппарат получил некоторую стабильность благодаря устойчивости и весу транспортера. Убедившись в том, что аппарат Штуффа зажат наглухо, Маоган запустил транспортер на полную скорость. Через несколько

секунд Штуфф был уже на борту корабля. «Алкиноос» опаздывал уже на три минуты.

Глава 2

Оказавшись снова на своем командном посту, Жорж Маоган автоматически проверил свой скафандр. Внутри корабля эта одежда была не нужна, но при взлете нельзя было пренебрегать ничем. Какое-то мгновение его взгляд задержался на контрольных экранах, затем он решительно нажал на рычаг, дающий кораблю команду на взлет.

Ничто внутри корабля не напоминало о той драме, которая разыгрывалась снаружи. Под тихое мурлыканье климатизатора стрелки начали описывать круги по циферблатам, а диаграммы выписывали свои четкие кружева на экранах.

Ни ураган, ни электрические разряды не могли помешать взлету «Алкинооса». Диаграммы на экранах слегка искажались при прохождении электрических полей, но затем их кривая снова приходила в норму. Эта часть взлета никогда не беспокоила Маогана. Кроме того, несмотря на катаклизмы, бушующие на планете, атмосфера Алонита-2 все еще выполняла свою защитную функцию.

Гораздо больше его тревожило нарушение привычных связей в открытом космосе и этот неведомый новоявленный фактор «Ф».

Маоган занял свое привычное место перед микрофоном и нажал на клавишу.

— Всеобщий вызов, — произнес он в микрофон. — С вами говорит Жорж Маоган. Мы только что стартовали и вот-вот выйдем в открытый космос. Температура за бортом 2700 градусов, но специальная смола — 2К30-Дубль В —, которой покрыт корпус корабля, испаряется так, как нужно, обеспечивая тем самым нормальную температуру на борту. Напоминаю, окись тория, которой наполнены ячейки обшивки, выдерживает температуру до 3200 градусов. Следовательно, мы в полной безопасности, система климатизации работает на полную мощность…

Пока он говорил, резкое колебание диаграмм полета привлекло его внимание. Было похоже на то, что правый атомный двигатель начал делать перебои. Но тревога Маогана не отразилась на его голосе. Он продолжал так же спокойно и уверенно:

— В то же время, учитывая особые условия использования этого вида оборудования, я прошу вас немедленно закрыться в камерах анабиоза. Может случиться так, что нам придется

перейти в состояние пространственно-временного перемещения довольно скоро.

Маоган попытался отрегулировать забарахливший двигатель, но тут исказилась и кривая второго двигателя.

— Как только камеры будут полностью закрыты, я включу усыпляющий газ. Как вы знаете, эта процедура совершенно безвредна и поможет вам перенести полет, — продолжая говорить, Жорж Маоган поставил кондиционеры на предельную мощность, так как смола охлаждения полностью испарилась. — Я прошу вас поспешить, так как у меня есть еще работа.

К счастью, все быстро поняли, что происходит нечто серьезное. Почти одновременно загорелись все лампы, сообщающие о том, что все камеры к анабиозу готовы.

— И последнее, — продолжал Маоган. — Я включил автомат операции перехода. Если со мной случится что-то непредвиденное, корабль, достигнув скорости выхода в искривленное пространство, сам совершит переход. В этом случае после пробуждения командование кораблем примет Том Роллинг.

С этими словами коммодор медленно повернул рукоятку пуска газа. Еще несколько секунд, и все обитатели корабля погрузятся в сон, который поможет им перенести переход. Маоган взглянул в иллюминатор. Ставшее гигантским солнце занимало теперь половину видимого горизонта. Контрольный термометр показывал, что со стороны солнца температура достигла 3200 градусов, Роллинг был прав, задержка вылета из-за Штуффа могла обернуться катастрофой. Необходимо было немедленно начинать переход.

«Алкиноос» только что пересек орбиту Феоба, спутника Алонита-2, очень похожего на Луну. По инструкции с этого момента должен пройти еще час, после которого можно было начинать плавный переход.

Но ждать было невозможно. Температура со стороны солнца уже достигла 3300 градусов. Еще несколько минут, и окись тория начнет разлагаться.

Жорж Маоган выключил атомные реакторы и с помощью аварийных двигателей придал кораблю медленное вращательное движение. Температура на поверхности корпуса стала равномерной и упала до 2900 градусов.

Тем не менее, Жорж Маоган уже задыхался в своем скафандре. Жара на командном пункте стояла невыносимая, хотя холодильные установки работали на пределе. Но на это некогда было обращать внимание. Теперь, когда корабль находился в промежуточной позиции, необходимо было определить положение в пространстве. Маоган попробовал открыть створки

космического секстанта. Но, видимо, заклинившиеся от адской жары, они не сдвинулись с места. Это было уже катастрофой, так как при неудачном переходе корабль мог затеряться в бесконечности космоса. Коммодор бросил взгляд на магнетометр.

Прибор словно взбесился. Поток нейтронов за бортом достиг невиданной плотности, и внешняя радиоактивность превысила допустимый уровень.

Ни на секунду не теряя присутствия духа и не совершая лишних движений, Маоган выключил боковые двигатели и исправил положение корабля. А потом он сделал то, что делали его предки, капитаны кораблей, сотни лет назад. Он склонился к иллюминатору, и, повернувшись спиной к… Алониту-2, сверкавшему в лучах солнца, с помощью ручного секстанта определил положение корабля. Через десять секунд он ввел данные в машину и, получив результаты, передал их в электронный мозг корабля. Затем посмотрел на часы. У него оставалось четыре минуты тридцать секунд и самое сложное из всего, что предстояло сделать.

К счастью, бурители пространства легко вышли из своих гнезд. Но вид их на экранах контроля заставил его содрогнуться. Он понял, что на этом участке пути даже ход времени был спутан. Кораблю, может быть, и удастся начать переход, но что с ним будет дальше? Этого не мог предсказать ни один, даже самый совершенный, мозг.

Маоган решительно привел в действие устройство выдержки времени и, на ходу расстегивая скафандр, направился к своей камере. Менее чем через две минуты корабль начал переход.

Глава 3

Чистый кислород, шипя, заполнял камеру, а мигающая лампа сообщала о том, что можно выйти.

Доли секунды понадобились Жоржу Маогану, чтобы восстановить в сознании все, что произошло с кораблем и командой в последние часы на Алоните-2 и сразу после взлета. Пока легкие заполнял воздух, в памяти вставали картины гибели планеты и их поспешного бегства. Коммодор встряхнулся и нетерпеливо нажал на ручку люка своей камеры.

На корабле все было спокойно. Коридоры, по которым спешил Маоган на свой командный пост, были залиты ровным голубым светом. Свое рабочее место коммодор нашел в полном порядке и только оплавленный след на урдилоксе иллюминатора говорил о том, что корабль начал переход в самую последнюю минуту.

Маоган все еще был в комбинезоне, украшенном серебряным трезубцем. Такая одежда была необходима при нахождении в камерах. Он направился в гардероб, где висела его форма. Переодевшись, он надел фуражку с галунами — отличие его чина и медленно приблизился к иллюминатору. Увиденное ошеломило его.

Сначала он решил, что, возможно, у урдилокса изменилась структура, и он стал непрозрачным. Коммодор не мог ничего различить снаружи. Ни малейшего отблеска какой-нибудь звезды или далекой галактики. Жоржу Маогану и прежде доводилось попадать со своим кораблем в зловещие межгалактические просторы, но всегда присутствие далеких миров, мигающих, как далекие маяки в бесконечном пространстве, придавало ему уверенности.

Потом он подумал, что, может быть, этот иллюминатор выходит в пустую часть пространства, и направился к противоположному. Но повсюду не было ничего, кроме полнейшей непроницаемой тьмы.

Он вернулся на пост и включил камеры внешнего обзора. Все та же абсолютная пустота заполнила экраны. Это было невероятно. Он подумал, что и телевидение вышло из строя. С нервозностью, необычной для человека его закалки, Маоган включил все приборы, служившие кораблю глазами и ушами. По укоренившейся привычке он считывал ответы вслух:

— Прямо обзор — 0.

— Телевидение — 0.

— Радиотелескоп, — он заколебался, — 0. Щелчком он сдвинул фуражку на затылок.

— Это невозможно! Весь белый свет сошел с ума! Он продолжил свои исследования.

— Магнетометр — ответ — 0.

— Внешний термометр — абсолютный 0.

— Ноль, ноль, ноль! — закричал он. — Везде только ноль!

В первый раз за долгие годы ему жутко захотелось курить и он пожалел, что на корабле нет ни одной сигареты. Подумав несколько секунд, он решительно направился к выходной камере.

Скафандры находились в боксах внутри шлюзовой камеры. В окружавшей его со всех сторон тишине Маоган натянул свой скафандр, проверил, работают ли ракеты индивидуального двигателя. Тщательно осмотрел крепление кабеля, соединяющего скафандр с кораблем. Закончив все приготовления, он вошел в люк, который почти не пострадал при взлете, и провалился в пустоту.

Маоган был старым космическим волком, и никогда ни при

каких обстоятельствах хладнокровие, здравый смысл и ясность мышления не покидали его. Это был первый случай, когда, выбравшись наружу, он чуть не завыл от тоски, охватившей его.

Впечатление от пустоты, полнейшего отсутствия жизни было настолько невыносимо, что Маоган, объятый паникой, через несколько секунд потянул за кабель и вернулся в шлюзовую камеру.

Он стянул с себя скафандр, надел форму и вернулся на центральный пост. Маогану теперь все было ясно. «Алкиноос», запущенный при отлете по произвольной траектории, затерялся в бесконечности. Он заблудился в пространстве, а, возможно, и во времени.

Раздался звук шагов, и в центральную рубку вошел Роллинг. Как и полагалось, он был разбужен через полчаса после пробуждения командира корабля.

Когда штурман вошел в рубку, с его лица еще не сошло то рассеянное выражение, которое обычно бывает после выхода из анабиоза. Но, увидев Маогана на своем посту, он радостно улыбнулся.

— Ну как, коммодор? Можно сказать, дело было жаркое, но мы выиграли.

Маоган обернулся и несколько секунд разглядывал Роллинга молча. Потом, тяжело вздохнув, произнес:

— Старина, кажется, нам не до шуток. Боюсь, что мы можем считать себя на том свете.

Вот уже два часа коммодор и штурман пытались хоть как-то прояснить ситуацию, в которую они попали. Электронный мозг неустанно поглощал горы вводимой в него информации, но ответ каждый раз выдавал один и тот же: «Расчет сделан быть не может, необходимы координаты места отлета».

Посовещавшись, они решили не будить ни членов экипажа, ни шахтеров до тех пор, пока не найдут какое-либо приемлемое решение. Но чтобы найти выход из этого тупика, электронному мозгу требовались корректно поставленные условия, а именно этого они сделать не могли.

Маоган снова включил климатизатор, и оба они принялись за работу, засучив рукава. Роллинг, только что закончивший подъем гигантского зеркала оптического телескопа, повернулся к Маогану.

— Это наш последний шанс, Жорж!

С помощью рукоятки коммодор медленно и очень осторожно раскрыл купол обсерватории корабля. Нужно было быть очень внимательным при обращении с внешними приборами, сильно пострадавшими при взлете. Жара, различные виды радиации,

фактор «Ф» — все это разрушающе действовало на броню, которая стала хрупкой, как стекло.

— Купол раскрыт, — объявил Маоган. Послышался шум мотора телескопа. Роллинг не стал восстанавливать прямой обзор, а сразу начал запись на сверхчувствительную кассету. При этом Маоган поворачивал корабль так, чтобы телескоп мог охватить все пространство вокруг корабля.

Как только осмотр закончился, Роллинг снял кассету и вставил ее в анализатор.

— Коммодор, есть свечение! У нас появились данные для электронного мозга!

Индикаторы подтверждали свечение, прибор работал, и оба космонавта с тревогой ждали появления перфокарты, которая должна была вынести приговор.

Жизнь или смерть будут записаны на ней простыми знаками. Машина, просчитывающая варианты с невероятной скоростью, на этот раз, казалось, не закончит никогда.

Когда же, наконец, выползла узкая полоска бумаги с результатами анализа, Маоган и Роллинг переглянулись. Ни один из них не решался взять ее первым.

Тогда Маоган протянул руку.

— Ну? — затаив дыхание, одними губами промолвил Роллинг.

— Можно сказать, что мы находимся в пространстве между двумя галактиками, — произнес Маоган сдавленным голосом. — Только какая-то дьявольская энергия могла нас забросить в такую невообразимую даль. Даже время кажется спутанным и уменьшенным.

Снова воцарилось молчание.

— Самое близкое галактическое скопление расположено на расстоянии в…

Он посмотрел на Роллинга, и глаза его были похожи на две льдинки.

— … 50 миллионов парсеков, и это скопление убегает от нас со скоростью 10000 километров в секунду.

Роллинг побледнел.

— Это неслыханно. Известно, что Вселенная постоянно расширяется. Но только наиболее отдаленные от центра галактики перемещаются с подобной скоростью. Мы попали на край света. Это тот самый случай.

— Я знаю, — кивнул Маоган. — Мне самому трудно в это поверить. Наш мозг устроен так, что не в состоянии воспринимать подобные пространства…

Продолжая разговор, Маоган нащупал у себя в кармане

старинную зажигалку. Этот бесполезный предмет, купленный когда то у известного ювелира в Париже и доставшийся ему по наследству, был для него своеобразным талисманом, памятью о Земле, игрушкой, которая успокаивала и отвлекала от мрачных мыслей.

Выпустив раза три синий язычок пламени, он снова убрал ее в карман.

— Край света, Роллинг. Это так, и с этим ничего не поделаешь. Как говорил один из моих предков, не тот, которому принадлежала зажигалка, а другой, еще более древний, тот, который был королевским корсаром в Сен-Мало во времена деревянного флота: «Когда ветер надувает паруса, надо этим пользоваться, или наплевать на все и идти на риск».

Он похлопал Роллинга по спине.

— Ну! Старина, встряхнитесь же, наконец! Если дьявол нас сюда забросил, то он нас отсюда и вытащит.

Роллинг внимательно смотрел на Маогана, хотя выглядел по-прежнему неуверенно.

— Но, коммодор, дьявол здесь ни при чем, Я думаю, здесь идет речь о космической физике. Течение времени у нас перепутано. Оно замедленно, оно почти не существует.

Он потер лоб.

— Вы прекрасно знаете, что когда «Алкиноос» начал пространственный переход, время на нем остановилось. Вы только что говорили о паруснике. Мы как раз в другом положении: ветер больше не раздувает наши паруса, мы больше не можем двигаться.

Взгляд Маогана стал суровым.

— Вы правильно меня поняли, Роллинг. Именно на это я и намекал, рассказывая о своем предке. Когда ветер слабеет, нужно ставить все паруса.

— Все паруса? — Роллинг все еще не мог понять, куда клонит коммодор.

— Конечно, — начал объяснять Маоган. — Паруса — это улавливатели, которые реагируют на ход времени. Мы сделаем их гигантскими, у нас на борту достаточно для этого материала. Ну же, старина, — он потрепал Роллинга по плечу, — разбудите всех специалистов. На борту есть люди, умеющие работать. С их помощью мы через десять дней соорудим улавливатели такой величины, как фок-мачта.

Глаза коммодора блестели, Роллингу показалось, что тот сошел с ума.

— Чего вы ждете, штурман? Вы слышали, я отдал приказ?

Официальный тон встряхнул Роллинга, он выпрямился.

— Слушаюсь, коммодор! — ответил он четко.

Вот уже три дня, как разбуженные специалисты работали не покладая рук. Самым трудным оказался для всех выход в открытый космос. На околоземной орбите это было бы приятной прогулкой: светящийся в солнечных лучах голубой шар радовал близостью человеческой жизни. В районе Млечного Пути, далеко от Солнца, открытый космос тоже имел своеобразную прелесть: мерцающий свет миллиардов звезд обладал каким-то неведомым завораживающим свойством. Жизнь искрилась и напоминала о себе повсюду.

Здесь же царствовала абсолютная ночь, безнадежная пустая бездна. Ужас и тоска охватывали даже самых закаленных, видавших виды космонавтов, когда они, облаченные в скафандры, ныряли вслед за Роллингом в ПУСТОТУ. К счастью, довольно быстро удалось установить прожекторы, и они ограничили это НИЧТО, перегородив своими лучами зону вокруг корабля, которая за несколько часов приняла вид строительной площадки.

Маоган не оставлял попыток определить местоположение корабля с помощью отражателя большего объема. Один из специалистов, Генек, сверливший отверстие для толстого кабеля высокого напряжения, обратил его внимание на трещину в обшивке корабля.

— Металл везде такой, — пробормотал он озабоченно в микрофон и протянул коммодору несколько отломавшихся кусков обшивки. Посмотрите.

Маоган молча взял куски металла, и, включив индивидуальный двигатель, направился к люку.

Анализ обшивки показал, что структура металла довольно сильно изменилась под влиянием потока частиц, излучаемых Сверхновой. Да и воздействие высокой температуры тоже заметно отразилось на металле. Обшивка стала хрупкой, как фарфор.

Закончив анализ, Маоган нажал кнопку селектора внутренней связи.

— Роллинг, зайдите ко мне.

Через несколько минут Роллинг разглядывал куски обшивки, которые крошились в его руках.

— Это конец! — вздохнул он.

— Нет, Роллинг, нет, — твердо возразил Маоган. — При мгновенном переходе корабль не подвергается опасности, корпус выдержит. Но если мы доберемся до какой-нибудь галактики, опасность резко возрастет. При столкновении с метеоритом средних размеров «Алкиноос» расколется как пустой орех. Надо увеличить число детекторов, Роллинг. Займитесь этим лично. Не нужно, чтобы остальные знали о нашем новом несчастье.

— Разумеется, я удвою их число, — в голосе Роллинга звучала неуверенность. — Но боюсь, что больше мы никогда не сможем сесть. Первая же попытка, которую мы предпримем, будет фатальной для нас, мы все погибнем.

— Если мы будем осторожны, все пройдет нормально.

Штурман покачал бритой наголо головой.

— Математически невозможно, так как физические законы…

Маоган прервал Роллинга, положив ему руку на плечо.

— Видите ли, Роллинг, вы замечательный специалист. Без ваших обширных знаний, без сомнения, мы бы не выпутались. Но техника вас ослепляет, старина, — он пристально смотрел на Роллинга своими ясными улыбающимися глазами. — Если бы Христофор Колумб знал теорию вероятности, он никогда бы не отправился открывать Америку, — Маоган улыбнулся, — а мы бы не влипли в эту заваруху.

Хмурое худощавое лицо Роллинга не прояснилось. С видом фаталиста он махнул рукой.

— Что бы вы ни говорили, коммодор, у меня нет иллюзий. Мы заблудились на вечные времена, — он протянул Маогану лист бумаги. — Я только что закончил расчеты. Абсолютно точно, что у нас есть один шанс на двадцать четыре миллиона восемьсот тридцать две тысячи, что мы когда-нибудь увидим Землю.

Маоган пожал плечами, направился к переборке и, достав что-то из контейнера, вернулся. В руках у него была бутылка.

— Смотрите сюда, Роллинг. Я уверен, что в виски вы не разбираетесь. Как и большинство людей, — он взял два стакана и с изяществом их наполнил. — Нужно десять лет, чтобы получился хороший напиток.

Подняв стакан, он с удовольствием посмотрел на янтарную жидкость.

— Здесь у нас неуловимая смесь алкоголя, получаемого из пшеничных зерен. Как он получается, проанализировать невозможно. Нужно, чтобы процесс шел сам собой в дубовых бочках. Вот поэтому старое выдержанное виски так редко… — он протянул стакан Роллингу. — Так же, как и настоящее шампанское, бордо, некоторые сыры. Я не отказываюсь жить по законам моего времени, Роллинг, но когда какой-нибудь из ваших машин удастся произвести бутылку настоящего виски, я уйду на пенсию.

Роллинг тупо смотрел в свой стакан. Он не любил алкоголя. Да, по правде говоря, никто и не знал, что любил этот человек с проницательным математическим складом ума и страстью к древним забытым языкам.

Лукаво усмехаясь, Маоган чокнулся стаканом о стакан.

— Выпьем, штурман. За успех, за возвращение на Землю!

Глава 4

Выдержки из бортового журнала «Алкиноос».

«… Как это часто бывает, прогнозы Роллинга оказались слишком пессимистичными. Наше путешествие в другую галактику прошло нормально.

Эта неизвестная нам ранее галактика очень красива. Беспорядочное скопление звезд, расположенных друг к другу гораздо ближе, чем в Млечном Пути, придает космосу странный праздничный вид.

Теперь мы будем искать подходящую планету для посадки и ремонта корабля…»

«Алкиноос», 12 июля 2131 года

«… Я только что посмотрел на часы и был ошеломлен, поняв, что гигантским уловителям потребовалось почти восемь месяцев для накопления энергии, достаточной для пространственного прыжка, который вывел нас из той ужасной бездны, в которой мы все чуть не подохли от тоски и безысходности. Это рекорд длительности. Обычно, путешествуя по Млечному Пути, мы укладывались за десять секунд…»

«Алкиноос», 14 июля 2131 года

«… Я не счел нужным будить людей, нам грозит еще много опасностей. Пока мы в полной неизвестности. Вот уже два дня оптический телескоп ищет для нас точку возможного приземления. Уже сделано шесть миллионов снимков звезд, которые сейчас непрерывно изучаются электронным мозгом.»

«Алкиноос», 16 июля 2131 года

«… Противометеоритная тревога. Детектор сработал вовремя — мы сманеврировали и избежали столкновения. Роллинг и в самом деле первоклассный специалист…»

«Алкиноос», 17 июля 2131 года

«… Победа! Мы отыскали звездную систему, аналогичную нашей. Нас ждет планета типа Земли. Спектроскоп определил, что атмосфера этой планеты содержит кислород, азот, есть вода. Безусловно, есть риск, что планета обитаема. Мы можем встретить население. Но кого? На каком уровне сознания?

Мы назвали ее Гадес. Это печальное имя навеяно бездной, из которой мы выбрались…»

«Алкиноос», 21 июля 2131 года

«… Итак, мы на орбите Гадеса. Расстояние до него еще слишком велико, чтобы различить детали на поверхности. Но надо быть настороже…

… метеоритный детектор урчит. Включается автопилот, и мы избегаем столкновения…

Это оказался не метеорит, а странный шар. Сейчас он летит рядом с „Алкиноосом“. Я вижу его в иллюминатор. Абсолютно сферической формы, он, кажется, сделан из гладкого и очень блестящего материала. У шара нет ни иллюминаторов, ни антенны. Это удивительно, так как он летит по орбите, обычной для искусственного спутника.

Но если это так, то для чего он предназначен? Больше всего он похож на светящийся игральный шарик, диаметром около двух метров. Если это искусственный спутник, то выглядит он довольно примитивно.

Роллинг вышел, чтобы рассмотреть этот шар вблизи. Он захватил с собой кой-какие инструменты и попытается взять образец металла для анализатора. Сейчас я наблюдаю, как Роллинг парит рядом с шаром. Создается впечатление, что шар передвигается не самостоятельно…

Роллинг возвращается.

Он доложил, что шар состоит из неизвестного нам, очень прочного материала, который не удалось получить для проведения анализа. Все, что мы поняли на данный момент: шар, безусловно, искусственный. Он не подает никаких сигналов и не имеет внешней защиты…

Мы продолжаем свой путь. Выясняется, что встреченный нами искусственный шар не единственный. Планету обвивают две гирлянды одинаковых шаров, расположенных прямо перпендикулярно друг к другу. Шары находятся на одинаковом расстоянии друг от друга и движутся с одинаковой скоростью. Роллинг предложил взять на буксир один из шаров для более тщательного его изучения. Я запретил. Нам надо быть очень осторожными и не завести себе ненароком неожиданных врагов. Предназначение шаров выяснить пока не удалось…

… Роллинг вновь выразил желание выйти в открытый космос, чтобы произвести непосредственный анализ шара. Он вооружился для этого необходимыми приборами.

Довольно забавное зрелище: Роллинг, оседлав шар, как Мюнхгаузен пушечное ядро, соорудил на нем немыслимую систему креплений и пытается воспользоваться своими приборами. Кажется, ему что-то удалось понять, он делает мне сигналы рукой…

… Шары покрыты мириадами микроскопических граней. Комментарии, как говорится, излишни…

Мы, между тем, расположились на околоземной орбите, но движемся по-прежнему очень осторожно, опасаясь повредить корпус. Меня очень беспокоят шары. Если это какая-то система обнаружения, то мы, без сомнения, давно раскрыты. То, что нас до сих пор никто не атаковал, несколько обнадеживает. Но все-таки я отдал приказ разбудить артиллеристов, кто знает, как может обернуться дело.»

«Алкиноос», 22 июля 2131 года

«… Мы прождали целый день, опасаясь каких-либо действий с поверхности. Но так как ничего не случилось, я начал посадку. Сейчас мы проходим верхние слои атмосферы Гадеса. Только бы не перегрелся корпус. Через несколько минут посадка…

Мы над океаном, он синий и безбрежный. Стоит хорошая погода. Теперь на небольшой скорости к экватору…

Высота полета 5000 метров. Показалась земля. Земля пустынна. Скалы, кругом только скалы. Выходит, Гадес необитаем. Теперь поднимемся к северу…

Мы крутимся вот уже несколько часов. Гадес — отличная планета. Горные цепи, покрытые снегом равнины, реки и озера проносятся у нас перед глазами. Но ни малейших признаков жизни. Здесь идут дожди, стоят туманы светит солнце. Здесь есть теплые и холодные страны, времена года, но нет жизни…

Сейчас мы летим на высоте 300 метров со скоростью 200 км в час. По-прежнему не встречается никаких признаков жизни. Вся планета — огромная пустыня, которую легко можно превратить в рай.

Присутствие шаров кажется еще более загадочным. Кто же и когда их запустил? Зачем? Может быть, это следы исчезнувшей цивилизации?

… Но в то же время отсутствие жизни на планете нам удобно. Теперь надо найти подходящее место для посадки. Нас устроит достаточно большая площадка для стоянки в районе с умеренным климатом. Кроме того,

хотелось бы, чтобы поблизости был водоем с пресной водой и месторождение железной руды. Запускаем детекторы…

… Вот мы его и нашли. Чудное место. Река здесь впадает в море. Открытое месторождение железа, неподалеку залежи медной руды. На горизонте горы с пологими склонами. Полдень по местному времени. Мы садимся…

… То, чего я больше всего опасался, произошло. При посадке корпус раскололся. Но в принципе мы этого ожидали.

Нам ничего не остается, как приниматься за работу. Сейчас настало время разбудить весь экипаж…»

Глава 5

Звуками, похожими на мяуканье, сирена небольшой мощности извещала об открытии камер анабиоза. Шахтеры, выходя, потягивались, разминали затекшие члены, похлопывали друг друга по плечам и обменивались шутками. Пробуждение было приятным. Последнее, что они запомнили, было поспешное бегство с Алонита-2, неведомая опасность. Вглядываясь в лица своих соседей по камерам, обросших и похудевших, многие понимали, что путешествие было долгим. Сирена умолкла.

— Прошу внимания, — раздался голос Роллинга. — Прослушайте инструкцию. Сейчас все примут душ, приведут себя в порядок, затем наденут рабочую одежду и построятся у выходной камеры для доклада. Командир корабля Жорж Маоган будет говорить с вами.

После некоторого молчания Роллинг продолжил:

— Членов экипажа и охрану прошу выйти немедленно, Личные вещи пока остаются в каютах.

Это сообщение вывело многих из радостно-возбужденного состояния, предчувствия скорой встречи с домом. Все поняли, что они еще не на Земле и путешествие не закончено. Заключенные забеспокоились. В шуме возбужденных голосов резко выделялся хрипловатый бас Слима Орвала. Это был наиболее опасный и авторитетный в уголовной среде рецидивист, осужденный к двадцати годам заключения за космический разбой. Овладев девяностометровой миниатюрной ракетой со сверхмощным излучателем, он с бандой из шести человек захватывал грузовые корабли, перевозящие стриферилл. Полиции пришлось достаточно погоняться, прежде чем они смогли арестовать его.

— Не волнуйтесь, ребята, — прогудел его хриплый голос, —

если они сделают нам какую-нибудь пакость, мы сумеем постоять за себя. Меня врасплох не застанешь. К тому же этот корабль начинен автоматикой и не очень труден в управлении.

— Ты прав, Слим! Мы хотим домой! Мы достаточно поишачили на этих чертовых шахтах!

— С Алонита едва ноги унесли! Пусть везут нас на Землю!

Штуфф, выходивший последним, подошел к Орвалу.

— Послушай, Слим, не заводи людей понапрасну. Мы же еще не знаем, что случилось. Наверное, у коммодора есть веские причины для такого приказа.

Его фигура нависла над Слимом. Но тот, небольшой и коренастый, с лицом, узким как лезвие ножа, и горящими глазами, весь комок энергии и злости, не испугался.

— А-а, тебе все-таки удалось выбраться оттуда, Штуфф, — протянул он. — Но похоже, ты так ничего и не понял.

Орвал засунул руки в карманы, ухмыляясь, снизу вверх дерзко посматривал на великана.

— Ну что ж, сейчас нет времени. Мы поговорим с тобой позднее.

Толпа снова возбужденно загудела, а кто-то сзади крикнул:

— Погоди, Штуфф. Мы еще расправимся с тобой.

Штуфф медленно повернулся и, не торопясь, двинулся к кричавшему. Шум мгновенно стих. Заключенные молча расступались, пропуская его. Тот, кто еще недавно, прячась за спинами своих товарищей, был так воинственно настроен, стоял сейчас, парализованный страхом, не решаясь сдвинуться с места.

— Ты что-то сказал, Джеф? Или я ослышался? — От отчаяния и страха Джеф резко взвизгнул и ударил коленом Штуффа. Он попал в низ живота. Неожиданная боль заставила Штуффа согнуться. И тут же со всех сторон бросились на него уголовники. Только секунду длилось замешательство великана. Он распрямился, сбросив с себя всех нападавших и, схватив за горло Джефа, стал трясти его, приговаривая.

— Не говори больше таких слов, Джеф. Ты слышишь меня, а? Я тебя спрашиваю, ты меня слышишь?

— Будет лучше, Штуфф, если ты прекратишь это, — прорычал Слим, — не время впутываться в истории.

Ослепленная яростью толпа не заметила, как раздвинулись створки, маскирующие парализующие излучатели.

Короткая вспышка, и все оказались на полу, извиваясь от боли.

Раздался голос Маогана.

— Прошу всех успокоиться. Я должен вам сообщить следующее: корабль в аварийном состоянии. У нас вынужденная

посадка. Следуя космическому кодексу, я объявляю военное положение.

Вне себя от боли, но еще больше от шока, вызванного словами коммодора, люди молча поднимались и строились.

Спустя некоторое время они, все сто семьдесят пять человек, уже принявшие душ и чисто выбритые, стояли перед Маоганом.

Наконец-то они почувствовали твердую почву под ногами. Удушающая жара Алонита-2, ураган, обжигающие брызги океана все казалось кошмарным сном. Ласковый теплый вечер, шум прибоя напоминали Землю. Люди с любопытством и робостью вглядывались в этот новый мир.

Коммодор был окружен членами экипажа, одетыми в голубую военную форму и с излучателями на поясах. Команда находилась в полной боевой готовности, способная в считанные мгновения подавить любой бунт.

— Как вам уже было объявлено, на корабле произошла авария. Мы совершили вынужденную посадку на неизвестной планете, — в голосе Маогана звучал металл.

Коммодор сделал два шага вперед.

— Вы все не новички в космосе, но до сих пор вам приходилось бывать только на освоенных планетах. Здесь же мы совершенно одни. Рассчитывать на чью-то помощь извне не приходится. Сколько мы здесь пробудем, зависит только от нас. Я изложу вам правила, которым вы будете должны неукоснительно подчиняться.

Он отчеканивал фразы с тем, чтобы каждое слово дошло до понимания этой разношерстной орды. Охранники в голубом выразительно держали руки на излучателях.

— Вы плохо начали, — продолжал Маоган, — но ваша нервозность вполне объяснима. Поэтому данный конфликт мы оставим без последствий. Но впредь прошу уяснить: дисциплина будет железной. Итак, я запрещаю выходить за пределы лагеря, это первое. Второе, о любых неожиданных и неизвестных явлениях необходимо немедленно сообщать командиру корабля. Третье, я запрещаю вступать в какой-либо контакт с любой формой жизни, если она будет обнаружена, не предупредив об этом специалиста по освоению. И самое главное, не прибегайте к насилию, не делайте ничего такого, что могло бы вызвать подозрения в вашей агрессивности.

Жорж Маоган замолчал. Никто не шелохнулся.

— Поймите только одно: эта планета выглядит мертвой, но мы не уверены в этом до конца. В любой момент могут возникнуть враждебные силы, и тогда наше положение станет безвыходным. Наша задача уйти отсюда незамеченными и

постараться не принести вреда этой планете.

Он повернулся к Слиму Орвалу.

— А теперь я обращаюсь лично к вам, Орвал. Я знаю, что вы считаете себя очень хитрым, потому что вам удавалось заниматься разбоем на вашем маленьком корабле на расстоянии нескольких световых лет от Земли. Имейте в виду, здесь у вас это не пройдет. Мы находимся на расстоянии нескольких сотен миллионов парсеков не только от Земли, но и от Солнечной Галактики. Мы заблудились не только в пространстве, но и во времени.

По рядам пошло движение.

— Не думайте, что я вас обманываю. Думайте о том, что если нам не удастся отремонтировать корабль, наши кости останутся здесь. И мы не сможем оставить потомство, я вас уверяю, женщин здесь нет.

Оцепенев, со слегка округлившимися глазами, шахтеры внимательно слушали.

Голубые охранники сняли руки с излучателей.

— И последний вопрос, — продолжал Маоган. — Продовольствия у нас хватит на шесть месяцев. Как вы знаете, «Алкиноос» — быстроходный грузовой корабль и не предназначен для освоения планет. Поскольку эта планета безжизненна, то ничего съедобного обнаружить на ней нам не удастся. Но, думаю, что на корабле наверняка есть споры рыжей плоры, которые мы занесли с Алонита-2. Эти растения, с исключительной скоростью роста, съедобны. Мы будем их выращивать и возможно, на какое-то время они станут для нас основным видом пищи.

Послышались крики недовольства.

— Ваш протест бесполезен и бессмысленен, — сказал Маоган. — В конце концов, вы мужчины, и я предпочитаю говорить вам правду. Но ваше будущее в ваших руках. Чем быстрее мы будем работать, тем быстрее увидим Землю. А теперь — разойдитесь.

В тягостном молчании строй рассыпался. Заключенные шепотом обсуждали услышанное и с тоской поглядывали то на разбитый корабль, то на небо, по которому так по земному плыли нежно-белые облака.

Шесть месяцев прошли относительно спокойно. Программа выполнялась неукоснительно. Недалеко от «Алкинооса» на нескольких гектарах зеркально-гладкой поверхности дружно поднимались посевы рыжих плор.

Это был результат нового агротехнического способа, разработанного сравнительно недавно на Земле. Во вспаханную бесплодную почву вносился раствор синтетической пены,

приготовленной на основе мочевины, древесной смолы и некоторых других минеральных удобрений.

Этот метод, коренным образом изменивший облик земных пустынь, Луны и других планет, великолепно сработал и на Гадесе.

Ремонт «Алкинооса» шел полным ходом.

Демонтировав атомный реактор с корабля, Роллинг построил вполне приемлемый походный литейный заводик, на котором удалось получить необходимый сплав стриферилла с железом.

Работы по восстановлению «Алкинооса» были сравнительно просты: дефектные пластины с обшивки корабля снимались, а на их место монтировались вновь отлитые. Внутренний остов, на который они крепились, к счастью, совершенно не пострадал. Жорж Маоган рассчитывал, что если дело и дальше будет продвигаться так же успешно, то скоро им удастся закончить ремонт корабля. Но причины для беспокойства оставались.

К сожалению, другая работа, скрытая от глаз большинства, пока не давала никаких результатов. Астрономическая обсерватория, установленная на горе и обследовавшая без устали космос, до сих пор не могла предложить ни одного реального пути возвращения на Землю или хотя бы на одну из ближайших к ней галактик.

Роллинг был близок к отчаянию.

Найти Млечный Путь среди ста миллионов убегающих галактик, мерцавших, как бледные точки на сверхчувствительной кассете, казалось невозможным.

Однажды утром заместитель командира корабля зашел в его каюту.

— Коммодор, здесь мы ничего найти не можем. Нам надо попытаться установить вторую обсерваторию в южном полушарии.

— Да, Роллинг, технически это можно бы было осуществить, — сказал после минутного раздумья Маоган. — Вы взяли бы легкий флиттер и несколько человек с собой. Но, боюсь, что это ничего не даст, лишь принесет дополнительные осложнения. Кроме того, опасно небольшой группой отделяться так далеко от корабля. Послушайте меня, скоро мы закончим ремонт и взлетим. В космосе нам легче будет продолжать наши исследования.

Разговаривая, Маоган не выпускал из рук странный предмет вытянутой формы, имеющий вид окаменелости. Он был испещрен тысячами восьмиугольных бороздок.

— Видите ли, Роллинг, я так до конца и не уверен, что эта планета мертва.

Он бросил окаменелость на стол.

— Вы же знаете, что в результате исследований мы нашли уже сотни следов жизни, существовавшей здесь когда-то, останки очень высокой цивилизации. Я не верю, что после такой интенсивной высокоорганизованной жизни планета лишилась всех форм существования. Здесь что-то не так. Подумайте, ведь до нашего прибытия Гадес был абсолютно стерилен. Здесь даже не было низших форм жизни: вирусов, бактерий, микробов — ничего, абсолютно ничего. Хотя вы же знаете, что анализы воды и атмосферы показывают, что здесь прекрасная среда для размножения и обитания любых живых существ. Как разрослись наши плоры! Но вот что меня начинает по-настоящему тревожить… — он подошел к иллюминатору и посмотрел в сторону моря.

— Вы уже обратили внимание на это?

Вся поверхность моря почти до самого горизонта была покрыта какой-то беловатой желеобразной массой.

— Что вы об этом думаете?

— Я не понимаю, что вас удивляет, — в голосе Роллинга послышалось раздражение. — Все бактерии, завезенные сюда нами, нашли здесь девственную среду и стали размножаться с бешеной скоростью, не имея никакой конкуренции. У этого желе земное происхождение. Через десять лет Гадес будет покрыт плесенью от экватора до обоих полюсов. Рыжие плоры завоюют все раньше других видов жизни, которые разовьются на этой планете и которые мы не в состоянии сейчас себе даже представить. Кроме того, я уже сделал анализ этого желе. Оно совершенно безвредно, более того, даже полезно, так как имеет питательную ценность, а по вкусу и по составу напоминает морепродукты. А ничего опасного за эти полгода на Гадесе не выросло. Ведь так?

— Это потому, что все мы были очень здоровыми, когда прибыли сюда, — с иронией произнес Маоган.

Затем он снова стал серьезным.

— И все-таки, если без шуток, планета эта меня потрясла. Она абсолютно выхолощена, такое впечатление, что даже воду в океане несколько раз прокипятили. Но до того, как полностью испечься, она жила цивилизованной и очень напряженной жизнью. Я уверен, что это не результат ядерной войны или катастрофы, произошедших несколько тысячелетий назад. Они не оставили бы после себя такой абсолютной пустыни, да и следы разрушений кое-где непременно бы сохранились. Не похоже это и на космическую катастрофу. Солнце, освещающее Гадес, никогда не вспыхивало. Вы же сами это проверяли, не так ли? — он

пристально посмотрел на Роллинга. — Боюсь, вы решите, что я сошел с ума, но я все больше убеждаюсь в том, что это пустыня создана искусственно. И как бы мы не впутались в серьезные неприятности, самовольно поселившись на ней, да еще и засеяв по своему усмотрению!

Он снова вернулся к своему столу.

— У меня есть веские причины не отпускать вас. Кроме того, вы нужны здесь. Все работы на литейном заводе закончены, скоро надо будет ставить на место реактор, а вы единственный, кто может руководить этой работой. И что-то мне подсказывает, что надо как можно быстрее уносить отсюда ноги.

— Ну это «что-то» из области подсознательного, ирреального. Мне в этом не разобраться. — Его сухое раздраженное лицо перекосила язвительная усмешка.

— Тогда скажем так… У меня больше опыта, Роллинг, чем у вас… Надеюсь, то, что называется чутьем, интуицией, вы признаете?

— Гм-м, — произнес неопределенно штурман, копаясь в своих бумагах.

— К тому же люди устали и уже начинают нервничать, — Маоган встал, — всем надоело питаться студнем из рыжих плор. Заключенные слишком долго сохраняли спокойствие, и теперь, я вижу, оно на пределе. Мне бы хотелось, чтобы они как можно скорее заняли свои камеры анабиоза. Только с этого момента мы получим возможность полностью заняться поисками пути на Землю.

Глава 6

Через четыре дня после этого разговора Жорж Маоган увидел первую пластину. К этому времени обстановка в лагере начала накаляться. Голубым охранникам уже несколько раз пришлось применять силу, подавляя вспыхивающие жестокие драки. После окончания основных работ свободного времени у заключенных прибавилось. Заполняли они его в основном игрой в покер. Наличных почти ни у кого не было, да и цены здесь они не имели. Ставили на скудный дневной паек. Отсюда ссоры.

К тому же возникла новая проблема. Еще на Алоните-2 заключенные научились гнать самогон из рыжих плор. С того момента, как плоры достаточно разрослись и здесь, охранники стали замечать, что некоторые из заключенных находились явно под хмельком. Но пока поймать за руку никого не удавалось. Явно, что за производством и продажей спиртного стоял Слим Орвал, но уличить его в этом не удавалось. Все было обшарено в

округе, а перегонный аппарат так и не обнаружили. Зато один из охранников наткнулся на эту пластину и сказал о ней Маогану.

Сделанная из того же материала, что и спутники, обнаруженные ими на орбите планеты, пластина достигала тридцати метров в поперечнике. Она лежала в низине, и се покрывал тонкий слой пыли. Именно поэтому ее до сих пор и не замечали. Охранник, обследовавший район, направил свой транспортер прямо на нее, колеса заскользили как по льду, и он вынужден был остановить машину.

Роллинг исследовал ее на месте.

— Она покрыта такими же микроскопическими гранями, как и спутники, — сказал он, поднявшись.

Они осмотрели близлежащие скалы. Поверхность скал, окружавших пластину, была сглажена значительно больше. На почве остался оплавленный слой, толщина которого достигала трех-четырех миллиметров. Расстилающийся пейзаж ослепительно сверкал под лучами солнца. Небо, отражавшееся в пластине, после того как ее очистили от пыли, окрашивало ее поверхность в глубокий голубой цвет.

Тщательно осмотрев пластину и окружающую местность, Маоган и Роллинг пришли к выводу, что она не может быть входом в подземный мир. Пластина была установлена очень прочно, ничего не могло поколебать или повредить ее. Когда она была уложена? Ответа на этот вопрос они пока не находили. Очевидно, очень давно, может быть, несколько тысяч лет назад. Плите был придан небольшой уклон, чтобы дождевая вода не скапливалась на ней. Вдоль места слива воды едва заметны следы эрозии. Металл обладал большой прочностью и сопротивляемостью, следовательно, должны были пройти тысячелетия, чтобы плита приобрела свой теперешний вид.

Закончив исследования, Роллинг и Маоган вернулись на базу и сразу же, не теряя времени, решили облететь планету. Маоган направил флиттер на юго-восток. Ориентируясь точно по линии спутников, они летели на высоте ста метров. Пейзаж был однообразен: кристалловидные гордые скалы, гладкие и сверкающие на солнце. Время от времени встречались красноватые глинистые пласты, яркость которых ослепляла пилота.

Через три часа полета они нашли вторую пластину, затем третью и четвертую. Пластины были расположены на одном расстоянии, строго по прямой, точно так же, как и шары. Посчитав дальнейший полет бессмысленным, Маоган повернул на базу. Был час заката, солнце спускалось за горы. Снег, покрывавший их склоны, окрасился в мягкий розовый цвет. В этих

краях стояла зима, климат напоминал марокканский, но Маоган не замечал тихой прелести зимнего вечера. Он вел свой флиттер с нахмуренным лицом Роллинг первым нарушил молчание.

— Коммодор, я должен попросить у вас прощения, — сказал он.

— А? — отозвался Маоган, погруженный в свои мысли — Что вы сказали, Роллинг, я не расслышал.

— Вы были правы тогда. Помните наш разговор насчет чутья?

— А, вы об этом, — Маоган, казалось, был недоволен тем, что его оторвали от размышлений. — Вы поняли, что мы обнаружили?

— Думаю, что понял, и это нравится мне все меньше и меньше.

— Мне тоже. Я бы даже сказал, что совсем не нравится. Резким движением Маоган увеличил высоту и скорость полета.

— Роллинг, нам нужно как можно скорее отсюда убраться.

Он показал рукой на море, которое, сколько хватало глаз, было покрыто желеобразным налетом.

— Вы представляете, какой вред мы уже нанесли планете?

— Да, и если их могущество таково, как мы предполагаем, то я и гроша ломаного не дам за наши жизни, если они решат с нами разделаться.

Аппарат подлетал к базе, Маоган снизил скорость. В наступивших сумерках он заметил огни.

— Роллинг, мне мерещится или, действительно, эти дикари разложили костры из ископаемого дерева?

— Боюсь, что вы опять правы, коммодор, — Роллинг склонился к иллюминатору.

Раскрыв камеру-арсенал, Маоган достал два мощных бластера и протянул один из них Роллингу. Вы сможете им воспользоваться?

— Вы думаете, они нам понадобятся?

— Еще не знаю. Но эти костры — явное свидетельство отсутствия дисциплины.

— Давайте до посадки вызовем посты охраны и спросим, что происходит, — предложил Роллинг.

Маоган улыбнулся.

— Роллинг, Роллинг, и вы хотите нарушить мои приказания. Я же запретил пользоваться радиосвязью. Вы же прекрасно понимаете, что это самый лучший способ обнаружить себя перед теми, кто установил эти пластины. Если, конечно, они еще живы.

Переведя флиттер на бреющий полет, он облетел лагерь. Сверху было видно, как люди, окружив костры, мирно сидели на земле.

— Мне кажется, что ничего серьезного, — сказал Роллинг. — Они просто отдыхают и развлекаются, а надо признать, что жизнь здесь у них не такая уж веселая.

Но Маоган был насторожен. Вместо того, чтобы сесть на обычной площадке, он облетел корабль и приземлился в достаточно укрытом месте.

Несмотря на то, что вокруг никого не было, Маоган, выйдя из флиттера, держал свой бластер наготове.

— Будет лучше, если и вы последуете моему примеру, Роллинг.

Не успели они сделать нескольких шагов, как из темноты возник чей-то силуэт. Приглядевшись, Маоган заметил на нем форму охранника.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил коммодор.

Ребята развлекаются, — ответил охранник вкрадчивым неуверенным голосом и шагнул вперед.

Внезапно в его руках блеснул разряд бластера, и, не успев ничего понять, Маоган и Роллинг рухнули на землю.

Когда Маоган открыл глаза, он увидел, что находится в лагере, там, где горели костры и шло веселье. Его руки были закованы в наручники и прикреплены к металлическому стержню в центре площадки. Тот, кого он принял за охранника из-за голубой формы, сидел невдалеке. Только теперь] при свете костра Маоган узнал в нем Слима Орвала. Большинство заключенных были совершенно пьяны.

Уже полностью придя в себя, Маоган некоторое время не мог понять, что за странный — хорошо знакомый, но и совершенно неожиданный здесь — запах щекочет его ноздри. Пахло дымом, ощущался запах плохого алкоголя, но было что-то еще… Да, совершенно точно, пахло жареным мясом! Это было невероятно. Маоган решил, что после разряда бластера что-то произошло с его органами обоняния. Но…

Теперь он разглядел… Люди у костра поворачивали над огнем веретела, и огромные бесформенные куски мяса поджаривались на них. Сок, стекая, шипел на подносах, сделанных из отходов обшивки. Время от времени кто-то из заключенных подходил и отрезал себе кусок от этого экзотического блюда древних людей.

Вот подошел Слим Орвал. Он держался на ногах тверже остальных. Наколов на нож огромный кусок жареного мяса, он, покачиваясь двинулся к Маогану.

— Ну что, коммодор, очнулся? Посмотри-ка сюда, — он сунул сочащийся кусок прямо ему под нос, — это не ваша размазня.

На секунду бессильный гнев ослепил Маогана. Он выругался:

— Вы сошли с ума, Орвал. Но вы заплатите за все, что тут натворили.

Орвал пьяно захохотал.

— Это было бы удивительно, коммодор. Кажется, ты еще не понял, что теперь здесь командую я! — он ткнул себя в грудь.

Вспомнив о мясе, Слим уселся рядом и стал жадно рвать его зубами. Сок тек по подбородку, глазки злобно поблескивали.

— Ты в наших руках, а твоим охранникам пришел конец. — Орвал хищно осклабился.

— Да, — сказал подошедший сзади Джеф. — Ты красиво с ними расправился, Слим.

— А тебя никто не спрашивает, что ты об этом думаешь, — орвал, не глядя, отодвинул его рукой.

Маоган заметил, что вокруг них собралось примерно полдюжины заключенных. Он решил, что надо попытаться хоть как-то прояснить ситуацию.

— Где вы взяли мясо? Почему не предупредили меня?

— Ну конечно, — снова захохотал Орвал. — Нашел дураков. Только его тогда бы мы и видели. Верно, ребята?

Его товарищи, явно желая угодить своему вожаку и подражая ему, пьяно заржали.

— Позже вам будет не до смеха. — Маоган уже совершенно пришел в себя. Он думал, как объяснить на их примитивном уровне сложность положения, в которое они все теперь попали. — Вы совершили безрассудный поступок, — медленно и внушительно расставляя слова, говорил он.

— На что вы надеетесь? Кто вытащит вас отсюда?

Но веселящий напиток, имевшийся пока у них в полном достатке, делал их храбрыми и, как им казалось, умными. Слова коммодора вызывали только безудержный смех.

А Слим, ободренный успехом операции по захвату корабля и решением проблемы питания своей «команды», взирал на Маогана сверху вниз.

— Ты забыл, что я тоже умею управлять кораблем. «Алкиноос» отремонтирован. Роллинг под нашим контролем закончит установку реактора. — Он наклонился над Маоганом и, дыхнув ему в лицо запахом перегара, самодовольно прохрипел: — И ты тоже, коммодор, будешь работать на нас, если хочешь вернуться на Землю.

— Если мы вернемся на Землю, вы все будете осуждены за разбой. Вы закончите свои дни на Вильмуре.

Только одно упоминание о Вильмуре вернуло ясность во многие нетрезвые головы. Давным-давно смертная казнь на Земле

была отменена. После первого преступления те, кто не поддавался психолечению, становились космическими шахтерами. После второго преступления осужденные приговаривались к вечному поселению на Вильмуре.

Вильмур! Эта планета не отличалась какими-то особыми жесткими климатическими или природными условиями.

Все так же, как и на Земле. Наказание было в том, что преступники жили совершенно свободно, без охраны, по законам, которые они сами себе установили, то есть волчьи. На Вильмуре не было космических кораблей и сбежать оттуда было невозможно.

Вокруг планеты космическая гвардия бдительно несла охрану пространства. На Вильмуре не доживали до старости.

Но на самоуверенного Слима и напоминание о Вильмуре не подействовало.

— Ты умрешь прежде, чем я попаду на Вилвмур, — проговорил он по слогам.

И снова Маоган попытался воздействовать на заключенных.

— Не верьте ему, он сошел с ума. Он никогда не выведет вас в нашу галактику. Мы потерялись. Мы забрались так далеко, что мне самому трудно будет это сделать.

— Вы слышите? — закричал Слим. — Опять он за свое! Хватит делать из нас идиотов!

Окружающие закричали, захохотали. Было так весело, так сытно, у них был удачливый вожак, и верить в то, о чем говорил Маоган, не хотелось. Алкоголь сделал свое дело, сейчас они были просто стадом дикарей.

— Бесполезно, коммодор, — кричал Джеф, гримасничая. — Больше вам не удастся нас накалывать!

— Да, да, — повторял Слим. — Они придумали эту сказку о том, что мы заблудились, чтобы держать нас в подчинении. Хватит нас дурачить!

Он снова повернулся к Маогану, глаза его горели злобой.

— Ты не один здесь такой хитрец, Маоган. Ты хорошо поработал, хорошо отремонтировал для нас корабль. Если и впредь будешь хорошо себя вести, мы тебя не обидим… не бойся, — и он жадно вцепился зубами в остывший кусок мяса.

— Ты прав, Орвал, — поддержал его какой-то юнец. — «Алкиноос» хороший корабль, и не обязательно на нем лететь на Вильмур. Галактик много. Мы сумеем его с пользой употребить.

Маоган понял, что ему сейчас не удастся никого ни в чем убедить, слишком уж они разошлись, слишком много алкоголя выпито. Надо ждать. Он обратил внимание на то, что почти у всех преступников на поясе висели бластеры. Значит, им удалось

полностью разоружить команду и охрану. Оставили ли они их в живых? Рассчитывать теперь приходилось только на случай.

Между тем, огни костров постепенно затухали. Кое-где еще продолжалось веселье, пели песни, доносился шум драки, но люди, отяжелевшие от алкоголя и сытной пищи, постепенно забывались глубоким сном.

Глава 7

Прежде чем отправиться спать в свой угол, Орвал возвратился к Маогану, проверил наручники на его руках и заковал ноги. Лежа в скрюченном неудобном положении на земле, коммодор лихорадочно перебирал в уме способы освобождения. Но ничего реального и осуществимого не приходило в голову.

Близился рассвет. Заключенные, свалившиеся кто где, громко храпели. Не видно было движения, но в какой-то момент Маоган почувствовал, что что-то изменилось. Он по-прежнему ничего не видел, но всем своим существом ощутил легкое, едва уловимое, движение сзади. Маоган насторожился. Несмотря на усталость и потрясения прошедшего дня, он ни на секунду не позволял себе расслабиться и всегда готов был к действию.

Шорох послышался совсем рядом, сзади, и почти в ту же секунду он ощутил тепло на запястьях. Наручники свалились. Он еще не мог обернуться, чтобы разглядеть своего освободителя, а тот уже точной и короткой вспышкой бластера разрезал оковы на ногах.

Маоган увидел огромный силуэт, склонившийся над ним и молча протягивающий ему бластер. Сомнений не было. Это мог быть только Штуфф.

Не говоря ни слова, Штуфф сделал знак следовать за ним. В предутреннем синем мраке Маоган видел, как уверенно и легко движется впереди его мошная фигура. В нескольких метрах от площадки, где лежал Маоган, они нашли Роллинга. Повторилась молчаливая операция освобождения. Втроем они двинулись к кораблю. Двое преступников, поставленных для охраны входного люка, валялись с проломленными черепами. Штуфф показал глазами Маогану, что они могут подниматься.

Дверь в центральную рубку была открыта. В помещении, заполненном точными приборами и экранами радаров, валялся еще один труп.

— Тут нам никто не помешает, — уже в полный голос сказал Штуфф. — Мне пришлось всех успокоить, прежде чем я достал оружие и смог отправиться искать вас, коммодор.

Он подмигнул и широко улыбнулся.

— Вы знаете, я всегда держался от них в стороне. Но почувствовал, когда вы улетели, что что-то затевается. Успел спрятаться за холмами и издалека наблюдал за переворотом. Я все видел, но вмешаться в происходящее не мог, у меня не было оружия. Я ждал, пока они все насмерть не упились…

Только здесь, в относительной безопасности, Маоган понял, как затекло и болит все его тело. Но лечиться и отдыхать было некогда. Он лишь с силой несколько раз сжал и разжал кулаки, восстанавливая кровообращение в занемевших руках. Действовать надо было быстро и решительно, пока не проснулись преступники и не обнаружили их с Роллингом бегство. Он направился к установке излучателей.

Эта установка относилась к системе защиты корабля от внешних непредвиденных нападений и обладала значительной мощью. Она способна была посылать смертоносные волны на тысячи километров вокруг. Включение установки было закодировано и без знания шифра пользоваться ею было невозможно. Код знали лишь он и Роллинг.

Маоган скрупулезно отрегулировал настройку. Затем включил генератор с выдержкой. Послышался негромкий щелчок, словно ночная бабочка ударилась об электрическую лампочку. Медленно открылись наружные створки.

Видимо, в лагере уже начали просыпаться, так как движение на корабле заметили. Начался переполох. Кто-то закричал:

— Тревога!

Шум нарастал. Послышались крики и топот ног, а потом голос Орвала, подающего команды. Но они опоздали. Маоган нажал на рычаг. Сразу же все смолкло. Штуфф бросился к выходу. Блеснула вспышка бластера и за ней — звук падения.

— Одной из этих свиней удалось добежать до корабля и спрятаться от излучателя. Надо быть начеку. Пойду проверю, нет ли здесь еще кого, — раздался голос Штуффа из коридора.

Вскоре он возвратился.

— Все в порядке. Извините, коммодор, что вмешиваюсь, но надо бы врезать по этим сволочам зарядом полной мощности. Они это заслужили.

— Штуфф, а где охранники, где все? — спросил Маоган.

Штуфф в замешательстве переступал с ноги на ногу и отводил глаза.

— Ну… то есть… дело в том, что эти мерзавцы хорошо подготовились. Они разграбили арсенал… Когда вы улетели, охранники ничего не подозревали… — Но куда же они всех запрятали?

Штуфф не смотрел на Маогана.

— Для охранников они применили не бластеры, коммодор, а… Зет-4, тепловые, с ультрафиолетовой вспышкой.

Маоган побледнел. Теперь до него дошло. Охранники превратились в дым… всего за десятую долю секунды. Теперь они в виде пыли летали в атмосфере Гадеса. У Роллинга, до сих пор подавленного и бездеятельного, вспотели ладони, он лихорадочно сжал приклад своего бластера.

— А экипаж?

— Кажется, они оставили в живых специалистов по улавливателям, оператора радара и астронома. Остальные были уничтожены вместе с охраной, — он задохнулся. — Полный заряд в них, коммодор, полный заряд!

— Успокойся, Штуфф, это успеется. Они не поднимутся, пока излучатель работает, а он установлен на длительное действие. Надо найти оставшихся в живых. Ты не знаешь, где они могут быть?

— Я ни в чем не уверен, — ответил шахтер, — у меня не было времени их искать, но думаю, что их закрыли на шестом складе, за установкой радара.

— Пошли туда.

Преступники не оставили на складе ни одного излучателя Зет-4. Для восьмерых, избежавших смерти, это было дополнительной проблемой. Идти в лагерь собирать оружие было невозможно. Лагерь находился под действием силового поля, а снимать его и тем самым приводить в сознание заключенных было слишком рискованно. Эту публику держали в узде только боль и страх смерти.

Так это же очень просто, мы пошлем туда телеуправляемый транспортер, — предложил Роллинг. — Сила поля сейчас такова, что парализует людей, но не приборы. Собрать оружие манипуляторами будет просто детской забавой.

— Вы правы, Роллинг, — сказал после некоторого раздумья Маоган.

Штурман оборудовал транспортер детекторами, чувствительными к энергоблоку Зет-4 и излучателям. Все прошло, как и предсказывал Роллинг. Транспортер, как большое, хорошо выдрессированное животное, осторожно пробираясь между парализованными людьми, останавливался в нужном месте, брал, как бы в раздумье, излучатель и снова отправлялся на поиски.

Маоган, наблюдавший за операцией, наклонился к Роллингу.

— А что, старина, не собрать ли нам таким образом и бандитов?

— Вполне осуществимо, — согласился тот.

— В этом случае все проблемы с ними будут решены. Мы отправим их в камеры анабиоза, и они проспят там до Земли. — Он задумался. — Нам, кажется, больше уже не нужна массовая рабочая сила?

— Нет, коммодор. Осталось только поднять и смонтировать реактор. Думаю, что вместе со специалистами нам это будет под силу. Придется попотеть, но дней через пятнадцать, я надеюсь, мы закончим.

— Только бы ничего не произошло за это время. Мы еще до конца не знаем, что тут успели натворить бандиты. Штуфф, — он обернулся к шахтеру, — вам известно, где эти проходимцы раздобыли мясо?

— Я не мог этого знать, коммодор, они меня опасались. Но подозреваю, что торговля мясом началась давно. Но только ликвидировав охранников, они решились закатить пир, поджидая вас с Роллингом. Это была идея Слима. Он ездил за мясом на легком флиттере. Должно быть, животное было уже заколото, так как отсутствовал он сравнительно недолго, самое большое — час.

— А в каком направлении он летал?

— К северу, к Лунным горам, как вы их называете. Маогану стало не по себе. Это было довольно мрачное место. Лунные горы представляли скопление извилистых ущелий, состоящих из красных слюдяных и биотитовых пород. Вся горная цепь напоминала кошмарный лабиринт. Трудно было поверить, что там могло водиться что-то живое.

— Ну что ж, в таком случае без Слима Орвала нам не обойтись. Придется поднять его и заставить говорить. Мы не можем оставшиеся пятнадцать дней пребывать в неизвестности. Надо выяснить, что же он там обнаружил.

Орвал заговорил. Он не был трусом, но запираться и скрывать дальше не имело смысла.

Оставив специалистов завершать операцию по сбору оружия и помещению заключенных в камеры анабиоза, Маоган и Роллинг, не теряя ни минуты, отправились к Лунным горам. Их сопровождал Штуфф. Орвал, накрепко привязанный к центральной стойке кокпита, показывал путь среди неровных красноватых ущелий.

На этот раз, улетая, Маоган приказал оставшимся на корабле при малейшей тревоге пользоваться радиосвязью.

Флиттер подлетел к горному цирку, окруженному скалами. Зеленый водопад спускался каскадами в небольшое горное озеро.

— Купол находится сразу за озером, выше метров на сто, — разъяснил Орвал.

Он был напряжен, потел и объяснялся с трудом, потому что

представлял ярость Маогана, когда тот обнаружит…

Флиттер быстро преодолевал подъем.

И вот на зеркально-гладком плато перед ними открылся купол. Щель, которую совсем недавно проделал Орвал, уже наполовину заросла. Было похоже на правду то, что он рассказывал о живом куполе.

Все выбрались из флиттера. Купол был серого цвета и насчитывал метров тридцать в диаметре. Материал, из которого он сделан, напоминал больше всего… носорожью кожу, но был значительно толще. В лупу можно было разглядеть клетки, из которых она состояла.

Маоган повернулся к Орвалу и показал на широкую, зарубцовывающуюся щель.

— Вы что, смеетесь над нами, Орвал? Это не может быть съедобным.

Взгляд Орвала стал дерзким.

— Сходите туда, коммодор, сами и посмотрите. Маоган подавил вспышку гнева. Сейчас не время разбираться с Орвалом. Были другие неотложные дела.

Убедившись, что преступник привязан надежно и не сможет убежать, он подошел к Роллингу, внимательно изучавшему основание купола. Казалось, купол вырос из скалы как гриб, настолько точно, до миллиметра, он был пригнан к каждой выемке.

Разрез, сделанный Орвалом, был в самом центре. В глубине его виднелось образование новых клеток.

— Вы правы, коммодор, это нечто живое, но не съедобное, — сказал Роллинг, заканчивая осмотр.

Жорж Маоган был несколько озадачен.

— Может быть, мясо внутри, — неуверенно заметил он. — Надо в этом все-таки разобраться. Роллинг, давайте расширим отверстие.

«Кожа» оказалась слишком твердой. Им пришлось использовать сверлильный аппарат. Неожиданно сверло провалилось в пустоту, и Роллинг не успел удержать его. Он потерял равновесие, зашатался. Несколько секунд ничего не было слышно, затем раздался звук разбиваемого сверла, но далеко, очень далеко внизу. Подхватив в последний момент Роллинга, Маоган помог ему подняться. Роллинг был напуган.

— Там очень глубокая яма, коммодор, — едва выдохнул он дрожащим от волнения голосом.

Орвал захохотал, а рука Штуффа потянулась к бластеру.

— Не надо бластера, Штуфф, — сразу осекся Орвал. — Рукой, если тебя это удовлетворит.

Раздался звук двух сильных пощечин. Маоган, пытавшийся прозондировать бездну, повернулся к Орвалу, из носа которого шла кровь.

— Ты спускался туда?

— Я же вам сказал, коммодор, чтобы вы посмотрели сами.

Огромная ручища Штуффа поднялась снова. — Ты будешь отвечать, когда тебя спрашивают?

Слим сопел, злобно сверкая глазами, но молчал. Штуфф ударил его еще раз.

— Ну?

— Ладно, — сказал наконец Слим, с трудом переводя дыхание. — Прекрати это…

Он посмотрел на Маогана.

— Приспособление для спуска спрятано слева, под скалой. В шахте вы найдете перегонный аппарат и все остальное, — он опустил голову и вытер окровавленные губы о плечо. — Ваша взяла, коммодор.

Несколько минут спускался Маоган по тонкой капроновой лестнице в темную бездну, которую освещал только тонкий лучик его фонаря на шлеме. У него больше не было сомнений, что шахта искусственного происхождения, но при этом еще загадочнее выглядело наличие живого купола. Сначала он подумал, что это неизвестная ему форма растительной жизни, что-то вроде кожаного гриба, но сейчас он вынужден был отбросить эту гипотезу. Стены шахты были металлическими, а купол был его крышей.

— Я на дне, — объявил Роллинг, спускавшийся первым. Голос его отразился от металлических стен шахты многократным эхом.

— Я нашел аппарат, — снова услышал Маоган, — но здесь нужен мощный прожектор.

— Спустите прожектор, Штуфф, — приказал коммодор в свой микрофон.

Заключенные давно освоили эту шахту. Их система спуска, хотя и весьма примитивная, действовала безотказно. Штуфф, оставшийся на поверхности, всего за несколько минут спустил им мощные портативные прожекторы. Когда их лучи разорвали темноту, Маоган и Роллинг застыли в изумлении.

Зал, в котором они находились, имел форму идеального полушария, а его размеры достигали размеров кафедрального собора. В центре его находились ничтожный перегонный куб и бочки с самогоном. В глубине зала они разглядели огромные двери, которые можно было открыть рукой. Это становилось ясно при виде широченных колес с рукоятками, которыми они были снабжены.

Да, преступники неплохо устроились. Их никто здесь не беспокоил, их аппарат работал уже несколько недель. Это можно было понять по мусору, разбросанному вокруг, грязной посуде и остаткам пищи. Потрясенный, Маоган направился к дверям. В голове его не укладывалось, как это грандиозное и загадочное сооружение можно было превратить в грязную закусочную. Это напоминало разграбление египетских пирамид. «Варварство людское неистребимо», — подумал Маоган.

Прежде чем отворить двери, он вызвал по рации Штуффа:

— Штуфф!

— Слушаю, коммодор.

— Спроси у этого негодяя, что они нашли за дверью, и что он об этом думает.

Ответа пришлось ждать несколько минут. Маоган задал свой вопрос с очень простой целью. Он еше не знал, что найдет внутри, но ему было любопытно узнать, как примитивные мозги Орвала восприняли неизвестное ему явление. Послышался вызов.

— Коммодор, он говорит, что это совершенно беззащитное существо. Оно неподвижно, и вы можете спокойно туда идти. Хотите еще что-нибудь узнать?

— Нет, пока достаточно, Штуфф. Открывая ворота, Маоган думал о том, как это неподвижное беззащитное существо могло создать такие огромные подземные сооружения. Не исключена, конечно, возможность, что все это построено кем-то другим, а оно поселилось здесь позже.

Двери поражали своими гигантскими размерами. Но легкий толчок Роллинга заставил их приоткрыться. Только гений архитектуры мог рассчитать все с такой точностью, так как каждая створка весила несколько тонн.

Роллинг и Маоган казались сами себе мышками у амбарных дверей.

— Это невероятно, коммодор, — прошептал восторженно Роллинг.

Маоган вошел первым.

За дверью простирался полукруглый зал, размером в добрую сотню метров в поперечнике. Стены его были из того же металла, что и входная шахта. По всему периметру зала на одинаковом расстоянии друг от друга были расположены арки, оказавшиеся входами в туннели, высотою примерно в два метра. Сам же зал был заполнен легкими металлическими конструкциями, напоминающими этажерки. На каждой полке стояли прозрачные колпаки, соединенные между собой посредством множества стеклянных трубок, в которых циркулировала ярко-желтая жидкость. Весь комплекс был как бы опутан сетью эластичных

волокон, которые, несмотря на их обилие, располагались в строгом порядке. Под каждым колпаком, в центре подставки, лежал блок свежего красного живого мяса кубической формы.

Многие колпаки были опрокинуты, не там уже тоже вырастали новые блоки мяса.

Куда бы ни обратили свой взгляд Маоган и Роллинг, везде они видели все те же колпаки, трубки с жидкостью, волокна и блоки мяса. Казалось, этому не будет конца.

С большой осторожностью пробираясь вперед, боясь заблудиться в этом удивительном лабиринте, Маоган выяснил, что каждый туннель приводил в новый полукруглый зал с пятьюдесятью горизонтальными выходами и с таким же количеством вертикальных шахт, по которым проходили огромных размеров связки черных волокон. Везде сохранялся один температурный режим, и вся система в целом производила ритмичный булькающий звук. В некоторых залах блоки мяса имели иную форму: продолговатую или пирамидальную, но их расположение под прозрачными колпаками оставалось неизменным.

Более часа потратили Маоган и Роллинг на осмотр этих пещер, и за это время они не обменялись ни словом. В таком же задумчивом молчании вернулись они в первый зал, туда, где Орвал с компанией устроили свою закусочную. Роллинг, разумеется, не мог не взять на анализ несколько небольших кусочков мяса. Зло уже было совершено, и небольшие пробы, взятые штурманом, значения для системы в целом иметь не могли.

Они уже пересекали порог гигантских дверей, когда услышали вызов с поверхности.

— Коммодор, коммодор! — кричал Штуфф. — Торопитесь, поднимайтесь скорее! Это снова начинается!

Маоган и Роллинг тревожно переглянулись.

— Что снова начинается, Штуфф? Опять бузят заключенные? Им удалось сбежать?!

— Нет, коммодор, хуже! Опять что-то с солнцем, как на Алоните! Садитесь в подъемник, я вас вытащу!

— Штуфф, вам не поднять двоих!

— Доверьтесь мне, я подниму вас! Надо спешить!

Казалось, Штуфф обезумел. Роллинг и Маоган забрались в крошечную бадью, которая тут же стремительно начала подниматься.

— Штуфф свихнулся, — сказал Роллинг. — Новые невозможно наблюдать каждый день. Он, наверное, бредит.

— Если только это не что-нибудь другое, — ответил Маоган у

которого от волнения сдавило горло.

— Я не могу в это поверить, коммодор. — Роллинг лихорадочно сжимал коробочку с пробами. — Это было бы слишком ужасно!

Маоган ничего не ответил. Они молча поднимались, думая о гигантских сглаживателях и стерилизаторах, с которыми им предстоит встретиться наверху.

Штуфф посмотрел на юг, где разрастался зловещий красноватый отблеск.

— Что-то жарко становится, коммодор.

— Быстрее во флиттер, — приказал Маоган.

Не теряя ни секунды, коммодор поднял флиттер вертикально в воздух. Когда отроги гор остались позади, они увидели «Алкиноос». Вокруг корабля бушевало море огня, и в небо поднимались белые клубы дыма. Казалось, горела вода в океане. Пылающая стена стремительно продвигалась, и на глазах пассажиров флиттера быстро поглотила лагерь, постройки, литейный заводик. Силуэт «Алкинооса» вначале деформировался, а затем как бы растаял и расползся по земле, как покрывало из блестящей ртути. Земля вдруг заколебалась, а вырвавшийся неизвестно откуда красный луч начал методично ощупывать пространство, приближаясь к флиттеру.

Маоган чудом успел отвернуть, и гребень утеса принял удар луча на себя. Но флиттер оказался в кольце огня. Все пространство вокруг было пронизано зловещим красноватым блеском. Маоган опять сумел увернуться и, бешено маневрируя, выжимая из флиттера все, на что он был способен, устремился назад к куполу.

Гигантский луч пока не достигал отверстия шахты. Но как только Маоган посадил машину, и люди начали из нее выскакивать, скала под ними треснула.

— Это лазер, который ищет нас, — крикнул Роллинг на бегу.

Он был прав. Луч совсем рядом ощупывал землю, все сметая и кроша на своем пути. В какой-то момент они почувствовали его горячее дыхание, их накрыло осколками разлетающейся скалы, а земля закачалась под ногами, раздираемая невидимым лезвием, и раскрывая свои бездны.

— Спускаемся в шахту, — крикнул Маоган. — Может быть, там луч не достанет нас.

Луч лазера не проникал в шахту, но направление его изменилось. Раздался хлопок, и купол шахты лопнул, как резиновый мячик. Люди бросились в следующий зал, чтобы укрыться за гигантскими воротами. В этом теплом помещении пока было спокойно. Прошло некоторое время.

Казалось, луч забыл о них. Но Роллинг, нервно дыша, всем телом наваливался на дверь, как будто это его усилие могло спасти их. Он был на пределе нервного срыва, так потряс его вид «Алкинооса», растаявшего как эскимо, хотя он был сделан из прочнейшего стриферилла.

Маоган же, чуть-чуть отдышавшись, стал невозмутимо манипулировать переключателями своей мини-рации, в надежде установить контакт с невидимым агрессором.

Вдруг Штуфф вскрикнул. Сработал автоматический замок. Двери заперлись, в эту же секунду закрылись арки всех туннелей. Глухой звук долго перекатывался под сводами. Затем наступила тишина. Ловушка захлопнулась.

Только фонарики на их шлемах освещали небольшое пространство. От этого мрак вокруг казался еще беспросветнее. Глухой шум доносился из недр планеты, а система все так же булькала в надоедливом ритме.

Всем показалось, что они попали в желудок громадного и странного существа, которое готовится их переварить.

Голос Роллинга нарушил тишину.

— Коммодор, температура постоянно повышается.

— Как быстро?

— Четыре градуса в минуту, и если мы в течение десяти минут не уберемся отсюда, то нам конец…

Но ловушка была идеальной. Выхода из нее не было.

Часть 2. Империя Антефаэс

Глава 1

В будуаре с золотым потолком, поддерживаемым по сторонам бронзовыми фигурами эфебов, Ноозика, Самая Красивая, придирчиво осмотрев всю себя в зеркале, пришла к выводу, что красота ее не поблекла.

Это был государственный закон, который она должна была неукоснительно выполнять — всегда оставаться самой красивой. Во Дворце с Семью Дверями малейший дефект внешности становился причиной безжалостного изгнания. Здесь могло царить только совершенство. И вот уже тысячу лет Ноозике удавалось сохранить свое превосходство.

Сейчас она лениво поправляла волосы опалового цвета. Они были уложены с необычайным изяществом и вкусом, локоны рассыпались по плечам, благоухающим амброй.

Привычным жестом Ноозика откинула волосы, как она всегда это делала на протяжении тысячелетий. Блеск ее глаз был выбран среди миллионов нюансов блеска, предложенных наукой о красоте.

— Принея! — позвала Ноозика.

В комнату танцующим шагом вошла девушка. У нес, как и у ее хозяйки, были огромные глаза без зрачков. Своей глубиной они напоминали бездонные омуты. С каждой мыслью, проносившейся в голове девушки, менялся и их цвет.

— Принести ваши драгоценности, госпожа?

— Ах! — вздохнула Ноозика. — Я хотела бы надеть золотые браслеты на лодыжки в знак своего вечного рабства. У меня сегодня плохое настроение, Принея.

— Рабства? Госпожа! — воскликнула служанка. — Как вы можете так говорить? Все женщины Империи Семи Тысяч Планет хотели бы оказаться на вашем месте. Вот уже тысячелетие, как вы царите в сердце Господина и руководите его развлечениями. Настоящий Повелитель Империи — это вы, госпожа. Архос в этом не ошибается.

— Архос? Что он там еще придумал? Разговаривая, Принея принялась одевать Ноозику. Она надела на нее белоснежную тогу и опоясала ее талию порфировым поясом, на котором переливались таинственно-мерцающим светом четыре темных драгоценных камня невиданной красоты.

— Архос привел Повелителю двух этих дрожащих животных,

которые, кажется, живут на Таморе, планете на самом конце света. Повелитель в восторге от этих забавных существ, которые так легко умирают.

Служанка воткнула в волосы Ноозики широкий гребень и с удовольствием взглянула на результаты своей работы.

— Архос очень хочет, чтобы Повелитель охладел к вам, — продолжала она. — А вчера он приводил к нему шесть женщин со Стира. Они ужасные — черные и волосатые! А до этого были эфебы с Иксора и живые колонны с Жаспа.

Ноозика рассмеялась.

— Ты беспокоишься из-за ерунды, Принея. Это же просто развлечения, — она смотрела на служанку своими огромными сияющими глазами. — Ты была ребенком, когда Повелитель покорил Мозг. Ты не помнишь, каким мир был до этого. Тогда еще не было ни гипноза, ни игр, ни изобилия. Тогда люди воевали, старились, умирали, а еще рождались дети, и каждый год к Империи присоединялись десятки новых планет.

Она склонилась к Принее и погладила ее волосы.

— Если бы ты, малышка, знала все это, ты бы поняла, что Архос не опасней старого фокусника.

Теперь Принея принялась ухаживать за руками Ноозики. Ее пальцы были настолько тонкими, а ладонь узкой и хрупкой, что казалось, эти руки предназначены только для ношения украшений.

— Но, госпожа, я не могу не думать об интригах Архоса. Ведь если он добьется своего, мне вслед за вами придется покинуть Дворец с Семью Дверями? Что же я буду делать там, снаружи? Там такая скука, никто не работает. Делать нечего. Только и остается, что ходить на игры… Она вздохнула.

— Вы говорите, моя госпожа, что до того, как Повелитель покорил Мозг, все было совсем по-другому. А я много раз слышала, что в те времена царил хаос. Совет Семи Мудрецов уже не был в состоянии править. Тогда было так неспокойно. На далеких планетах без конца вспыхивали восстания, катастрофы следовали одна за другой, в космическом пространстве хозяйничали пираты, а на расстоянии нескольких световых лет жили варвары, от которых постоянно исходила опасность нападения. Мозг всюду навел порядок, а Повелитель дал нам изобилие, игры и мир.

Ноозика ласково улыбалась, слушая мелодичную речь своей служанки.

— Ты все хорошо понимаешь, Принея, и все-таки ты грустна, сама не зная почему.

— О нет! — возразила девушка. — Я-то как раз знаю, отчего

грустна. Ваша красота служит Повелителю, он наслаждается ею. Ну а на меня никто не глядит. Когда я выхожу в город, то встречаю только понурых мужчин, погруженных в свои гипносны. Никогда ни один мужчина не взглянет на женщину, а женщина на мужчину. Все уныло бредут своей дорогой. Люди не умирают, и дети больше не нужны. Но как же это все скучно. Если мне придется покинуть Дворец, я предпочту умереть.

Она снова глубоко вздохнула, а ее бездонные глаза стали совсем синими.

— В городе ты бы стала такой же безразличной, как и другие женщины, и тоже смотрела бы свои гипносны, — Ноозика подошла к клетке, в которой спали крошечные линксы карминной масти, и выпустила их. Разбуженные животные выпорхнули из клетки и наполнили комнату нежным щебетаньем. — Видишь ли, Принея, Повелитель усыпил мир, но не спас его, как ты думаешь. Посмотри на наш Дворец. Это единственное место в Империи, где нет гипнотических аппаратов. Здесь надо двигаться, работать, следить за своей красотой, уметь нравиться другим. А ты знаешь, почему повелитель так привязался к трепещущим с Тамора, как ты сама это подметила?

— Нет, — ответила Принея, и глаза ее позеленели от любопытства, — не знаю.

— Потому… — Ноозика наклонилась к служанке и чуть понизила голос, — потому… что они легко умирают. Мозг, конечно, мог бы сделать их, как и нас, бессмертными. Но тогда бы они надоели Повелителю. И ему бы стало скучно.

— Да, конечно, — согласилась Принея. — Но как-то не хочется думать, что все это будет длиться и длиться. Я верю, что однажды Мозг найдет новый чудесный способ развлечь всех. Такой способ, что я даже не могу себе представить.

Глаза Принеи засверкали огнем и, казалось, могли осветить этот несуществующий мир, придуманный ею. Она улыбнулась.

— Не надейся на это, — сухо сказала ей Ноозика. — Повелитель никогда не попросит ничего подобного у Мозга. Он счастлив, потому что могуществен. Другого счастья ему не надо. Когда он в гипноснах появляется перед народом, он разукрашен в такие цвета, что эти несчастные принимают его за Бога. А чтобы их еще больше убедить в этом, Повелитель напоминает им о несчастьях прошлых веков.

Ноозика взяла в руки гиперлиру и резко ударила по струнам, раздался пронзительный стонущий звук.

— Видишь ли, Принея, в моем бесконечном терпении есть смысл. Здесь, во Дворце, ни один человек не способен желать ничего, кроме этой застывшей вечности. Те, кто знает, что к чему,

как например, Архос, думают только о том, как сохранить свое место. Живущие в городе довольствуются гипноснами и играми. На других планетах так же слепо подчиняются общим законам, и никакая эволюция там невозможна. — Глаза Принеи были похожи на расплавленное олово, когда оно выливается из тигеля. — Я терпеливо жду, Принея, своей минуты. Однажды я дам команду Мозгу, уж не знаю, будет ли это для него благом или нет, но я вырву Вселенную из ее сна. Нужно сделать так, чтобы мы перестали вариться в собственном соку и начали созидать.

Трепещущая чахла от пожирающего ее жара, а Феакс, склонившись над ней, внимательно наблюдал за ее муками. Это был высокий худощавый мужчина с тонкими руками. Он, единственный в Империи, имел глаза со зрачками, Цвет которых никогда не менялся. Его мысли не должен был читать никто.

— Ты действительно страдаешь, — сказал он, обращаясь к животному.

Он покрыл ее тело легким одеялом. В глазах Трепещущей, красных от жара, появилось смутное выражение благодарности. Через несколько секунд ее дыхание стало легче.

— Архос, — сказал Феакс, — принесите мне бинт и порошок с Курада. Это животное страдает от пневмонии, я сейчас сделаю компресс. Если это не поможет, придется делать прокол.

Он выпрямился.

— Поторопитесь, Архос. Я очень привязан к нему, и мне трудно будет успокоиться, если оно исчезнет.

Затянутый в свой придворный мундир, единственным украшением которого были четыре выточенные из серебра пуговицы, Архос стоял, вытянувшись.

— Что такое? — удивился Феакс. — Что случилось? Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Архос?

Вид у Архоса был смущенный, он неуверенно переступал с ноги на ногу.

— Я принес вам, Повелитель, плохую весть. Глаза Феакса вспыхнули.

— Говори!

— В это трудно поверить, — бормотал Архос, нервно жестикулируя. — Это…

— Прекрати свои разглагольствования! — воскликнул Феакс. — Переходи к делу!

— Это произошло на Гмуре, на расстоянии семидесяти двух световых лет отсюда, десять минут тому назад. Два гипера-Т столкнулись на скорости двадцать пять тысяч километров в час… Триста тысяч жертв…

— Два гипера-Т? Ты проверил это сообщение? С тех пор, как

Мозг взял на себя управление движением, такого не случалось ни разу.

— Я все проверил, Повелитель… И это еще не все… Феакс гневно взглянул на него.

— Что же ты молчишь?

— Поле, изолирующее диких гигантских урвалов на планете Тиор-2, исчезло. Они вырвались на свободу и разрушают все вокруг. Центр космической связи Тиора молчит.

Феакс недоверчиво и очень внимательно глядел на своего собеседника.

— Архос?

— Да, Повелитель.

— Ты случайно не начал смотреть гипнотические сны?

— О нет, Повелитель! — взволнованно возразил Архос.

Прошу вас, пойдемте со мной на Центральный пункт Мозга и вы все сможете проверить сами. Я не знаю, что и подумать. Видимо, Мозг болен.

Лицо Феакса побледнело.

— Ты говоришь, Мозг болен?!

Оцепеневший от страха перед яростью Повелителя, Архос мог только кивнуть головой. Но Феакс не взорвался гневом. Напротив, он успокаивающе похлопал Архоса по плечу.

— Ну-ну, не будем драматизировать события, Архос.

Конечно, это тоже может произойти. А может быть, там окажется нечто такое, что нас развлечет, а то я начинаю скучать…

Ноозика, наигравшись с линксами, водворяла их назад в клетку. В это время в комнату почти вбежала взволнованная Принея. Щеки ее раскраснелись.

— Госпожа! — начала она, едва переводя дыхание. — Повелитель хочет вас видеть. Там такое происходит, такое происходит…

Она понизила голос.

— Он ждет вас на Центральном пульте управления Мозгом… Может быть, пришел день, о котором вы мечтали, госпожа?

Феакс разглядывал Ноозику. Это было удивительно, но каждый раз, встречая ее, он поражался ее красоте. И долго не мог оторваться, любуясь вечной молодостью, изяществом, грацией Ноозики. Но сегодня он не позволил себе долго наслаждаться ее красотой. Оторвав восторженный взгляд от лица девушки, он жестом указал на дверь, за которой крутились миллионы запоминающих кассет.

— Входи скорее, Ноозика. Я не хотел бы лишить тебя этого единственного в своем роде спектакля.

— Невероятно, — в голосе ее звучала ирония, — неужели за

этой дверью может что-то происходить?

Когда девушка вошла в комнату, лицо Архоса сделалось каменным. При встречах с ней ему приходилось держать себя в узде, чтобы не выразить ненароком той ненависти, которую он испытывал к Самой Красивой. Архос искренне не понимал, зачем Повелитель привлекал эту ничтожную личность к тем невероятным событиям, которые происходили в Империи.

— Повелитель, — обратился он к Феаксу, желая отвлечь его внимание от Ноозики, — разразилось еще одно бедствие, на этот раз на планете Гирос. Гипнотические аппараты все до одного вышли из строя. Там разразился бунт!

Немного помолчав, дав уложиться новой информации в голове Феакса, он неуверенно продолжил:

— Создается впечатление, что болезнь Мозга прогрессирует. Вначале была затронута лишь ничтожная часть четвертого сектора, но болезнь стала захватывать все большие участки. Хотя в других секторах все пока нормально.

Ноозика повернулась к Феаксу:

— Так Мозг болен?

Ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы скрыть то удовольствие, которое вызвала эта новость. К счастью, Феакс, занятый своими мыслями, не смотрел в это время на нее.

— Это ужасно, — она попыталась придать своей интонации беспокойство.

— Слово «ужасно» здесь не подходит, — успокоил ее Феакс, не заметивший фальши, — задета только небольшая часть Мозга, которая скоро будет нейтрализована.

— Но, — как можно равнодушнее спросила Ноозика, — вы уже выяснили, что вызвало эту болезнь?

— Пока нет, — Феакс задумался. — О бактериологическом заражении нечего и говорить, если иметь в виду принятые предосторожности.

— Может быть, это сделал кто-то специально? — с сомнением в голосе спросила Ноозика. — Например, те граждане, которые решили покончить с Мозгом?

Феакс расхохотался.

— Это невозможно, моя дорогая. Разум наших подданных отрегулирован таким образом, что никому из них даже в голову не могла прийти подобная мысль.

— Да, конечно, — согласилась Ноозика. Потом, поколебавшись, спросила: — Но тогда, может быть, это кто-то чужой?

Она произнесла это фразу с сомнением, сама не очень-то веря в такую возможность.

— Об этом не может быть и речи, Ноозика. Ты же знаешь, что мы очистили все планетарные системы на несколько тысяч парсеков от границ Империи. И если бы вдруг возникла настолько могущественная сила, которая могла бы причинить вред Мозгу с такого большого расстояния, мы бы непременно о ней узнали. — Продолжая объяснять, он обнял Ноозику и повел в зал, где мерцали гигантские экраны. — Сейчас мы все выясним. Мы уже начали телепоиск.

— Повелитель, посмотрите! — услышали они крик Архоса, пришедшего сюда раньше. — Это чужие! Они напали на Мозг!

Все бросились к экрану, на который показывал Архос.

— Вот их корабль… — Архос внимательно рассматривал изображение. — Примитивный корабль… Повелитель, это варвары!

— Невозможно! — воскликнул Феакс. — Варвары давно покорены!

— Да, невероятно, — Архос был потрясен. — Это чужие варвары. Значит, они пересекли Большой Барьер?!

Феакс потряс головой, не веря своим глазам.

— Посмотрите, кажется, на их корабле написано название, — он увеличил изображение и включил автоматический переводчик, — «Алкиноос».

Еще более пораженный, он посмотрел на Ноозику, но не увидел ее.

— «Алкиноос»! Вы видите, «Алкиноос»?! Но это же… Это легендарное имя выходит из самых глубин нашей истории.

Ноозика никогда не видела Повелителя столь взволнованным. Он потерял контроль над собой, его рука нервно теребила край позолоченной урлы, в которую он был одет.

— «Алкиноос»… — в задумчивости повторял он. — Значит, это варвары, не принадлежащие Империи Антефаэс, и все-таки они люди!

Увеличенное до предела изображение показывало теперь людей, которые, сидя у костров, готовили себе пищу.

— Они питаются нашим Мозгом! — констатировал Феакс прерывающимся от возмущения голосом. Ярость охватила его. — Но откуда же они взялись?

— Я, кажется, догадываюсь, Повелитель, — взял на себя смелость вмешаться Архос. — Думаю, что это потомки одного из наших экипажей, потерпевших крушение в те времена, когда миром еще не управлял Мозг и наши корабли терялись в пространстве. Они, должно быть, размножились там, по другую сторону Большого Барьера. От отца к сыну передавались наши легенды, и мало-помалу они научились жить снова.

Феакс не отрывал глаз от изображения на экране.

— Их корабль не настолько мощный, чтобы пересечь Большой Барьер, — сказал он. — Но тем не менее они могли появиться только оттуда, иначе наши детекторы сработали бы.

Повелитель понемногу приходил в себя. Он уже разглядывал изображение с любопытством палеонтолога.

— Просто удивительно, какими они остались примитивными, — буркнул он.

— Не такими уж и примитивными, как кажется с первого взгляда, — возразил Архос. — Посмотрите!

Он перенес изображение.

— Эти следуют по линии пластинок. Они их исследуют, и, по-моему, не так уж далеки от того, чтобы все понять.

— Но, — Ноозика с большим трудом скрывала охватившее ее возбуждение, — что вы собираетесь сделать с этими существами?

Феакс оторопело взглянул на нее. Этот невинный вопрос страшно удивил его.

— Дорогая моя, здесь нет никакой проблемы. Не бойся. Мы нейтрализуем больную часть мозга, стерилизуем затронутые области. А варваров мы, разумеется, уничтожим.

— Не вступая с ними в контакт? — спросила Ноозика обреченно.

— Дорогая, они так примитивны. Я не думаю, что они представляют какой-то научный интерес, — ответил Феакс.

— Но эти люди могли бы сообщить нам, откуда они прибыли, — продолжала настаивать девушка. — Это позволило бы нам нейтрализовать их планету.

Феакс задумался.

— Нет, это ни к чему, — сказал он твердо. — Их мог забросить сюда только какой-то невероятный случай. А такое случается лишь раз в несколько тысячелетий. Я считаю, их надо уничтожить, и как можно скорее.

Ноозика приблизилась к экрану. Ей было необычайно интересно наблюдать за этими людьми, пришедшими из неведомой дали. Как они отличались от жителей Антефаэса! Особое впечатление производили на девушку их сила, энергия.

— И все-таки, Повелитель, мне кажется, было бы интересно изучить этих людей. Они ведут себя как господа, а не как слуги. Посмотрите, как уверенно они действуют.

На губах Феакса появилась многозначительная улыбка.

— У вас светлый ум, моя дорогая. Эти существа, действительно, независимы, автономны. Именно поэтому я и не оставлю им ни малейшего шанса!

Архос молча согласно кивал головой. Не считая нужным

больше прятать свои чувства, Ноозика встала и, не скрывая неудовольствия, удалилась.

Глава 2

— Как все это странно, — сказал Роллинг, который, хотя и задыхался, но еще не потерял способности мыслить. — Это похоже… на гигантский искусственный мозг… размером с целую планету. Да, это так… Пластины — антенны. Шары — реле, а каждая микроскопическая ячейка… соответствует каналу информации…

— Похоже, — согласился с ним Маоган. Он покосился на Орвала, глаза которого помутнели, а лицо стало сизым. Казалось, он почти утратил способность что-нибудь понимать. — Эти блоки «мяса», которое наш воинственный друг еще переваривает, заменяли кристаллы электронных устройств.

Слим молчал, ему было не до этих высокоумных рассуждений.

— Что мы наделали… этот мозг управлял Вселенной, а мы его травмировали, — продолжал обреченно Роллинг. — Планета была стерильной, а мы ее засеяли. Я боюсь даже представить последствия, которые мы вызвали своими неразумными действиями…

— Да, — прохрипел Маоган: каждый вдох раскаленного воздуха причинял страдания. — Они уничтожат ту часть мозга, которую мы, как бациллы, затронули. Если бы я отвечал за подобное устройство, я бы сделал это… не колеблясь.

Говоря это, вопреки всякой логике, Маоган продолжал манипулировать своим передатчиком. Существовал один шанс из миллионов, что они могут быть кем-то услышаны, еще меньше вероятность того, что будут поняты. Но Маоган когда-то твердо усвоил истину: надеяться надо до последнего. Только смерть может оборвать надежду.

Очень-очень давно, когда он еще только готовился к дальним полетам, руководитель вызвал их курс и предупредил:

— Сегодня, мальчики, вам предстоит пройти последний решающий тест. Те, кто одолеет его, будут зачислены в команду, остальные безжалостно отсеяны.

После этого заявления он раздал им коробки, на которых было по двадцать замков, десять кнопок, и еще какие-то неведомые устройства.

— Вас запрут на два дня с этой коробкой. За это время вы должны будете ее открыть.

В течение двух дней Маоган напряженно думал. Под

пристальным глазом кинокамеры, которая следила за всеми его действиями, он перепробовал множество комбинаций. К концу срока, понимая, что не успевает, он все еще продолжал свои попытки. Когда раздалась команда: «Время истекло», Жорж Маоган положил коробку на пол и, невесело посвистывая, вышел из камеры, уверенный, что его неначавшаяся карьера космонавта благополучно завершена… Он был принят первым, так как коробка не открывалась вообще, представляя собой цельный металлический блок, украшенный замками и запорами.

Позднее он узнал, что некоторые курсанты к концу первого дня топтали свои коробки ногами, пытаясь взломать их, другие пробовали открыть их с помощью оружия, кто-то попросил выпустить их до окончания срока, чтобы пойти напиться.

С этого момента Маоган навсегда узнал цену хладнокровия и выдержки.

— Вы напрасно стараетесь, — прошептал Роллинг. Он давно уже расстегнул свой комбинезон и сидел, прислонясь спиной к сверкающей ножке этажерки. Рядом силился перевести дыхание измученный Штуфф. Орвал не выдержал первым, глаза его закатились, и он стал медленно сползать по стене.

Маоган продолжал крутить ручки передатчика. Он прекратил свои попытки вступить в прямой контакт и посылал теперь математические формулы — единственное средство всеобщего общения. Может быть, их все-таки услышат.

Во всяком случае, оставалось недолго. Коммодор ощутил, что уже начинают путаться мысли, а легкие, втягивая воздух, издают хрип.

У него уже не оставалось сил удерживать свой передатчик, когда вдруг тот издал нечто похожее на свист.

— Вы услышаны, — произнес механический голос. — Мозг перевел ваш язык. Мы только что решили оставить вас в живых.

При этом сообщении те, кто мог еще что-то понимать, воспряли духом.

— Идите к выходу, — продолжал голос. — Вас там ждут.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, боясь поверить услышанному.

— Температура понижается, — прошептал Роллинг, глядя на свой термометр. — На десятую долю градуса в секунду.

— Лишь бы нас не хватил тепловой удар, и не подцепить бы насморк наверху, — пошутил Маоган и принялся приводить в чувство Орвала, отвешивая ему пощечины. Ему пришлось поднять бандита за отвороты комбинезона и так и держать. Сознание никак не хотело возвращаться к нему.

— Маоган, я верил, что мы выберемся из этой заварухи. Я все

время надеялся, несмотря ни на что, — Роллинга охватило лихорадочное возбуждение.

Они медленно двинулись к дверям, освещая себе путь фонариками на шлемах. Штуфф, почти волочащий на себе Орвала, добрался до них первым.

Передатчик молчал. Жорж Маоган сообщил, что они на месте, но ответа не последовало. Роллинг хотел уже постучать в двери, но в это время раздался щелчок гигантского замка, и створки стали медленно раскрываться.

Четверо землян, как зачарованные, смотрели на интенсивный зеленый свет, который почти материально наполнял входную шахту.

Маоган медленно двинулся вперёд. Как только все вышли, створки двери захлопнулись. Они стояли в сияющей зелени, и цвет этот был осязаем, он казался шелковистым и обволакивающим. Постепенно стали вырисовываться формы…

…Маоган увидел «Алкиноос». Корабль был полностью восстановлен и все члены команды живы. Роллинг подошел к нему.

— Я нашел точку отсчета, коммодор. Теперь мы сможем вернуться на Землю, — и он протянул ему карту с точными расчетами полета.

На карте был обозначен Млечный Путь…

…А Роллинг увидел себя на Земле. Он входил в двери Школы реальной кибернетики, в которой был когда-то одним из самых способных студентов. Здесь прошел самый счастливый период его жизни. Старый директор, улыбаясь, протягивал к нему руки.

— Добро пожаловать, Роллинг. Я рад снова видеть вас… Штуфф был доволен, только что ему сообщили, что он назначен директором горных шахт на Урстале. Он собирался познакомиться со своими будущими шахтерами…

…И только Орвала охватил ужас, он понял, что его везут на Вильмур. Планета приближалась…

Что-то в глубине сознания подсказало Маогану, что происходящее с ним нереально. Он напрягся и заставил себя выйти из состояния гипноза. Картины, так отчетливо стоявшие перед ним, стали мутнеть и таять.

Маоган увидел, что он по-прежнему стоит в шахте, рядом с ним его товарищи, но теперь здесь возник и новый предмет, на этот раз реальный.

Это была прозрачная сфера, высотой метров шесть, кричаще-красного цвета. Он увидел, как его спутники, медленно, как автоматы, направились к ней, как один за другим они вошли в этот сверкающий шар. Самое поразительное было в том, что

дверей у этой штуковины не было. Сначала Роллинг, а затем Штуфф, все еще поддерживающий Орвала, прошли сквозь стенки сферы, как бы растворяясь в ней.

Маоган остался один в шахте. Внутри себя он услышал голос, приказывающий ему последовать за товарищами, а перед глазами снова стали расстилаться зеленые видения. И опять усилием воли Маоган отбросил их, так как теперь точно знал, что они нереальны.

Он попытался понять, что представляет из себя эта сфера. Средство передвижения? Может быть. Но не исключена возможность, что это нечто, грозящее смертью…

Коммодору приходилось прилагать немало усилий, чтобы сосредоточиться и обдумать ситуацию. Зеленые картины навязчиво лезли в мозг, и ему начинало казаться, что сфера — это самый желанный предмет на свете, в котором будет так приятно раствориться.

— Я не пойду, — твердо сказал себе Маоган. — Если бы намерения этих существ были чистыми, они прислали бы за нами обычную машину. Они могли бы поговорить со мной по радио.

Сфера мигала перед ним, как срочный вызов. Он колебался.

— Нет, я не пойду, — все же решил он. — Если они хотят нас сохранить, они сделают это, что бы там ни было. А если собираются уничтожить, то им придется поискать другой способ разделаться со мной.

Как бы услышав это решение, сфера неожиданно вспыхнула последний раз и погасла… Она исчезла.

Феакс оторвался от экрана и повернулся к Ноозике.

— Вы должны быть довольны, моя дорогая, я уступил вашему капризу.

Молодая женщина гордо вскинула голову, волосы рассыпались по плечам.

— Все это пустяки, — довольно сухо ответила она. — Я же не спорю с вами, когда вы развлекаетесь со своими дрожащими, с живыми колоннами с Жаспа, не говоря уже обо всех остальных. Вы должны признать, что в моих капризах гораздо больше вкуса, чем в ваших, Повелитель!

Феакс иронически улыбнулся.

— У меня нет иллюзий относительно вас, Ноозика, — ответил он. — Я знаю, что вы меня ненавидите.

Он повернулся к Архосу, глаза которого блестели от злорадства.

— Ноозика — ядовитый цветок, и именно поэтому с ней не скучно. — Он снова обратился к Ноозике: — Очень красивая, дикая и всегда готовая укусить — вот такой я вас и люблю, моя

дорогая.

Он жестом указал на экран.

— Посмотрите же на ваших протеже. Это же дикари. Их примитивный мозг чувствителен к гипнозу первой степени.

Повелитель презрительно рассмеялся.

— Ни один гражданин Антефаэса, каким бы ограниченным он ни был, никогда бы не среагировал на внушение этого типа. Видите, они все грезят родным миром.

Ноозика сердито перевела взгляд на экран, но тут же обрадованно воскликнула:

— Все? Нет, не все! Смотрите, среди них есть один, который устоял.

Эта фраза ударила по самолюбию Феакса как электрический разряд.

— Да, вы правы… — Он в задумчивости посмотрел на Архоса, потом на Ноозику. — Вы правы… Ну что ж! Этого я оставлю себе.

Когда сверкающая сфера исчезла, Жоржу Маогану стало страшно. Он остался один на один с чуждым, непонятным ему миром с неведомыми законами. Чтобы не дать панике завладеть собой, он решил действовать. Надо было попытаться самостоятельно выбраться из шахты. К счастью, веревочная лестница, по которой они спускались сюда первый раз, так и висела на своем месте. Купол из живой кожи исчез, и, когда он выбрался на поверхность, то не узнал окружающего ландшафта. Гигантский луч раскрошил в щебенку близлежащие скалы, превратив горный пейзаж в пустыню.

Не имея ни малейшего представления о том, что делать дальше, Жорж Маоган уселся на камни и принялся снова за свой передатчик. Внезапно резко потемнело, он решил, что катаклизмы продолжаются, но, подняв глаза, увидел продолговатый силуэт гигантского космического корабля, закрывшего солнце. Детали трудно было разглядеть, так как он летел пока еще очень высоко в стратосфере.

Маоган отключил свой передатчик. От корабля кругами спускалась другая сфера. Что ж, эта выглядела достаточно реально. Пока она кружила в воздухе, разыскивая Маогана, он разглядел, что сделана она из серебристого металла и имеет несколько люков.

Установив местонахождение коммодора, сфера мягко приземлилась рядом с камнями, на которых он сидел. Раскрылся один из люков, и на землю спустилась лестница.

Жорж Маоган подождал, пока появится пилот. Но никто не выходил. Он подошел к сфере и заглянул в люк. Внутреннее пространство сферы было освещено белым ярким кругом,

помещавшимся в самом ее центре. Но там никого не было.

Маоган вошел. Услышал мягкий звук закрывающегося люка, а затем ощутил легкий толчок, и в то же мгновение сфера оказалась под брюхом звездолета. Через прозрачный купол сферы Маоган различил циркулярные рефлекторы, которые, по-видимому, и посылали зеленое излучение. С близкого расстояния казалось, что все они состоят из несметного количества зеленых чешуек, каждая из которых была изолирована маленькой черной рамкой. Размер чешуек не превышал десяти сантиметров, но любой из рефлекторов был величиной с «Алкиноос». Маоган насчитал двенадцать рефлекторов, рядом с каждым находилось какое-то приспособление, формой похожее на колоссальную колбу старинной керосиновой лампы. Маленькая сфера, двигавшаяся теперь очень медленно, была похожа на икринку под брюхом чудовища.

Но вот перед сферой открылся люк, крошечный по сравнению с кораблем, шар медленно вплыл в него и остановился. Маоган подождал, что кто-то встретит его, но и на этот раз ожидание было напрасным. Коммодор вышел и оказался во внутреннем отсеке корабля. Первое помещение, в которое он попал, было сравнительно небольшое, шарообразной формы и с таким же освещением, как и в сфере. Оно было совершенно пустым, без каких-либо признаков мебели или приборов. Маоган пересек его, и звук его шагов гулко отдавался в стенах корабля.

Ему потребовался примерно час, чтобы осмотреть весь корабль. Пустые помещения следовали друг за другом, соединенные коридорами. Самая же большая центральная часть корабля представляла собой блок, проникнуть в который было невозможно. Очевидно, здесь находился источник энергии и механизм управления. Он был бесшумным.

В конце своей экскурсии Жорж Маоган попал в командный отсек. На стальной двадцатиметровой стене мерцали экраны. Их количество превышало человеческую возможность следить за информацией, выдаваемой ими. Жорж Маоган почувствовал себя здесь маленьким и ничтожным.

Он понял, что представленная ему возможность в одиночестве осмотреть этот корабль не имеет ничего общего с доверием, которое, как показалось вначале, было ему оказано. Скорее всего, ему просто давали понять мощь и величие цивилизации, в которую он ненароком попал.

В центре зала пол оказался прозрачным. Он увидел под собой пылающую в огне планету Гадес. Гигантские лазеры снова принялись за работу. Их огненные лучи перепахивали планету, которую он недавно покинул, уничтожая всё следы пребывания на

ней человека. Горел даже воздух, наполняя пространство черным дымом.

Это величественное зрелище с такой высоты казалось даже красивым и завораживающим. Планета была похожа на кусок расплавленного металла в снопах искр.

Устройство, обеспечивающее стерилизацию планеты, действовало с завидной точностью и методичностью. Количество затрачиваемой при этом энергии казалось неисчерпаемым. Жорж Маоган снова ужаснулся и поразился технической мощи неведомой империи.

С трудом оторвавшись от этой грандиозной и страшной картины, он вновь принялся бродить по кораблю. Маоган все же не оставлял надежды найти здесь своих товарищей по несчастью. Эти поиски прервал громкий голос, принадлежащий, бесспорно, механизму, а не человеку:

— Возвращайтесь к выходу, корабль ждет вас там.

У люка Маоган вновь нашел сферу, которая доставила его на корабль. Он понял, что этот громадный звездолет с рефлекторами служит в качестве летающей станции. Ему предстояло еще долго кружиться над Гадесом, заканчивая свою работу.

Чуть дальше он увидел небольшой корабль, представлявший собой уменьшенную копию станции: те же круглые пустые помещения с кольцами света. Рулевая рубка, или то, что по земным понятиям должно ею быть, была оснащена только несколькими сиденьями, расположенными напротив смотрового купола.

Едва Жорж Маоган уселся, как аппарат тронулся с места.

Никогда еще коммодор не видел ничего подобного. Не нужны оказались ни камеры анабиоза, ни сложнейшие расчеты и маневры. О том, что корабль движется, можно было судить только по мгновенному исчезновению пылающей планеты. Затем перед его глазами вновь возникла планета, но это был уже не Гадес. Движение корабля замедлилось. Маоган увидел громадные вырастающие здания, перепутанные лабиринты улиц. Вокруг планеты кружил целый рой самых разнообразных летательных аппаратов, но двигались они удивительно разумно и точно, как будто кто-то один руководил этими бесчисленными потоками машин.

Корабль медленно подлетал к космопорту. Маоган взглянул на часы. Перелет занял не более минуты. Теперь коммодор с небольшой высоты с любопытством разглядывал город. Его строения устремлялись вверх. Они были красивы, но несколько однообразны. Создавалось впечатление, что все дома построены из одного материала, в одно время и одним архитектором. Но тут

внимание Маогана привлекли вращающиеся круги, которые были повсюду. Да, светящиеся круги, того же ядовито-зеленого цвета, что и в шахте.

Их было очень много. Вдали он увидел большой стадион, трибуны которого были буквально увешаны гирляндами этих светящихся шаров.

Между тем корабль подлетел к космопорту и пошел на посадку. На летном поле стояли сотни похожих кораблей, сверкающих на солнце своими полированными корпусами. Маоган уже видел названия кораблей, написанных, к большому его удивлению,… клинописью.

Корабль сел. Жорж Маоган вышел. Космопорт был абсолютно безлюден, но какое-то новое средство передвижения, освещенное и с открытой дверцей, поджидало его. Прежде чем сесть, Маоган окинул взглядом огромное пространство космопорта. Неожиданно что-то далекое, но хорошо знакомое привлекло его внимание. Он остановился в недоумении и напряг свою память, не веря глазам. Да, несомненно, эти громадные каменные глыбы, такие неуместные в этом суперсовременном космопорту, напоминали что-то древнее и земное. Наконец, он понял! Баальбекская веранда! Это была именно она.

Значит, на этой планете живут те, кто несколько тысячелетий назад построил на Земле Баальбек!

Это открытие потрясло Маогана. Так вот куда привела его космическая катастрофа! Он нашел тех, кто посетил когда-то Землю и оставил на ней свои легенды. Но почему же они больше никогда не посещали нас? Ведь для их сказочных кораблей такое расстояние не преграда. Почему?

В глубокой задумчивости Маоган забрался в машину. Она рванула так стремительно, что окружающий пейзаж слился для Маогана в одно целое.

Так же неожиданно, как тронулась, машина остановилась. Перед Маоганом возникло здание, резко отличающееся от всех, виденных им прежде.

Оно стояло вдали от города. Это было довольно мрачное сооружение с тысячью башен, похожее на дворец. В стене исполинской ограды, сложенной из черного мрамора, виднелись семь открытых дверей.

Глава 3

Жорж Маоган никогда не предполагал, что могут существовать такие красивые женщины. Она предстала перед ним нереальная, почти божественная. Больше всего коммодора

потрясли почему-то ее губы, коралловые, почти прозрачные.

— Мне приказано принять вас от имени Повелителя Антафаэса, — сказала она. — Меня зовут Ноозика.

Девушка объяснялась на чрезвычайно мелодичном, поющем языке со множеством слогов. Маогану понравилась эта музыкальная речь, но самое удивительное было в том, что он ее понимал. Видимо, недоумение его было слишком явным. Ноозика улыбнулась.

— Вас удивляет то, что вы понимаете наш язык?

— Да, в самом деле, — признался он.

— Это одно из чудес Мозга, — пояснила она. — Того самого Мозга, который из-за вас заболел…

— Я очень сожалею, — начал Маоган. — Дело в том… понимаете, некоторые мои люди…

Ноозика с женским любопытством рассматривала коммодора. В ее взоре можно было прочесть благожелательную иронию.

— Не оправдывайтесь, — перебила она. — Болезнь Мозга ни для кого не была здесь драмой.

Она улыбнулась.

— Но я до сих пор не знаю вашего имени.

— Жорж Маоган, командир корабля «Алкиноос» с планеты Земля, — четко отрапортовал он.

— Ну что ж! Имейте в виду, Жорж, что я на вас не сержусь. Эти события меня немного развлекли. Пока они разговаривали, служанки хлопотали вокруг. На изящный стол из драгоценного металла с тонкой инстанцией они ставили блестящие корзинки, наполненные незнакомыми яркими фруктами, и высокие кубки с темной густой жидкостью.

Одна из стен раздвинулась, и появился бассейн с прозрачной голубой водой.

У бассейна стояли служанки, державшие в руках мази, масла и пурпурную тогу.

— Вам нужно искупаться, — пропела Ноозика.

Маоган колебался. Конечно, после всего, что он перенес, неплохо принять ванну, но такой церемониал его смущал. К тому же совсем не хотелось раздеваться перед незнакомыми женщинами.

— У нас такой обычай, — настойчиво сказала Ноозика. Она не отводила глаз, и Маогана смущал ее сияющий взгляд. Но он хорошо знал космический кодекс, который гласил: «Везде и всюду строго соблюдать законы и обычаи планеты, на которой находишься». На этот раз обычаи оказались довольно приятными, и он им подчинился. Пока Маоган раздевался под безразличными взглядами служанок, Ноозика рассказывала:

— К сожалению, мы уже очень давно не принимали путешественников. Времена приключений окончились для Империи тысячу лет назад…

Он услышал в ее интонации печаль.

— Почему?

— Из-за всеобщего усовершенствования, Жорж. Разумное устройство жизни уничтожило Его Величество Случай. А без случая приключения невозможны.

— И вы сожалеете об этом?

— Ах! У вас будет возможность судить об этом всем самому, — вздохнула она.

Маоган поплескался в бассейне не менее получаса. Это доставило ему чрезвычайное удовольствие. Усталость, накопившаяся в мышцах после всего перенесенного им за последние сутки, как рукой сняло. Потом девушки натерли его мазями, и в тело вернулись легкость и бодрость. Он чувствовал себя обновленным, полным энергии. Когда Маоган облачился в пурпурную тогу, Ноозика пригласила его к столу.

— Садитесь и перекусите, — сказала она. — По нашим обычаям гость встречается с Повелителем только после того, как отдохнет и восстановит свои силы.

Служанки пододвинули удобное кресло, тонко и с большим вкусом отделанное, поставили перед ним большое блюдо с неизвестной, но очень аппетитной и ароматной пищей. Коммодор только сейчас понял, как ему хочется есть. Но все же любопытство пересиливало голод. Он не мог совершенно расслабиться и почувствовать себя легко и спокойно, пока не выяснит кое-что.

Ноозика благосклонно улыбалась. Появились три забавных существа с очень большими лбами и огромными глаза ми. Они заиграли на гиперлирах.

— Итак, — Ноозика обратилась к Маогану, когда по ее мнению, немного утолил свой голод, — к какому народу вы принадлежите, к какой расе? Как вы к нам попали?

Маоган, как зачарованный, любовался этой удивительной женщиной, которая как бы излучала внутренний свет.

— Я спрашиваю потому, что ваше появление здесь — большое событие для меня, — объясняла она свое любопытство. — Вы с такой силой сопротивлялись действию гипноза…

— Что за гипноз?

— О! Это так просто, Жорж. Когда пылающая сфера опустилась перед вами, вы не вошли. Ваше сопротивление позволило нам оценить силу вашего характера и психики. Вообще-то этот гипноз считается у нас простейшим, но тем, кто встречается с ним впервые, довольно трудно устоять против его

действия.

Музыка гиперлир все звучала, убыстряя свой темп, становилась просто колдовской. Ощущение сытости, общество прекрасной женщины, чарующие звуки музыки, уносящие от реальности, — все это помимо его воли заставляло расслабиться. Но внутренняя тревога за товарищей, находящихся неизвестно где, и неясность собственного положения мешали полностью отдаться ощущению покоя. Кроме того, он решил, что идея устроить им проверку с помощью гипноза отвратительна и не мог не высказать этого.

— Но почему вы поступили с нами подобным образом? Мне кажется это не очень гостеприимным.

— Да, я вас понимаю, — вздохнула Ноозика. — Но видите ли дело в том, что Повелитель правит Империей с помощью гипноза. Так было не всегда. Когда Империя стала разрастаться, ею правили семь старейшин, поэтому во Дворце семь дверей. Каждый из старейшин, избранный народом, входил через свою дверь. Но однажды все стало слишком сложным. Огромная Империя выходила из-под контроля. Слишком много событий и явлений происходило одновременно в разных ее концах. События становились непрогнозируемыми. Никакие приборы и методы не могли помочь старейшинам управлять Империей, так как приходилось постоянно разрешать какие-то конфликты, устранять последствия, разбираться в неожиданно возникших ситуациях. А люди, как известно, вообще существа непредсказуемые, а часто и необузданные. Варвары, космические пираты, контрабандисты то и дело, вырываясь из-под контроля, создавали всем проблемы. И тогда старейшины решили построить Мозг. И они создали его, отвечающим всем их требованиям. Мозг установил в стране единый порядок. Но семь старейшин забыли об этом.

Ноозика сделала небольшую паузу. Она взяла свой кубок со стола и выпила несколько глотков душистого тягучего напитка.

— Они забыли о том, что Мозг, каким бы совершенным он ни был, остается все-таки машиной. И машина эта могла управляться только одним человеком. — Она в упор посмотрела на Маогана, пытаясь взглядом досказать то, что она не хотела облечь в слова. — Феакс, нынешний правитель Антефаэса, понял это раньше других. Он заставил Мозг работать по его указаниям. Старейшины были больше не нужны.

Маоган пил маленькими глотками этот странно-приятный темный напиток, и мозг его работал все интенсивней. Он, кажется, понимал и то, что Ноозика не досказывала. Что же произошло потом?

Возникла, можно сказать, новая цивилизация. Цивилизация

Мозга. Все было автоматизировано до предела. Людям стало нечего делать, а от безделья возникают новые проблемы. И тогда Мозг придумал гипносны. Сначала их смотрели несколько часов в день, затем мало-помалу люди привыкли и стали смотреть их постоянно. Здесь же во Дворце все осталось по-прежнему, так как Феакс предпочитает пользоваться благами естественного существования. Он не будет смотреть гипносон даже секунду. У него свои капризы и развлечения. Жизнь наша бесконечна.

— Бесконечна? Что это значит? — удивленно воскликнул Маоган.

— Теоретически мы можем умереть. Если, например, какой-нибудь несчастный случай уничтожит наш собственный мозг. Но медицина способна стабилизировать наш возраст на каком угодно уровне, вылечивать и восстанавливать наши тела. Это может длиться вечно, так как наличие Мозга исключает все несчастные непредвиденные случаи.

— Но вашему рассказу противоречит то, что все, кого я встретил во Дворце, не похожи на людей, погруженных в гипносон.

— Конечно, Феакс не сумасшедший. Автоматизированная жизнь годится для народа. У него гипносны и строгие, раз и навсегда определенные правила жизни. Мы же здесь живем, как хотим. Единственный островок всей жизни в Империи — Дворец Семи Дверей. А за его пределами все настолько грустно, что я стараюсь об этом даже и не думать.

— А народ? Он понимает свое положение?

— Народ доволен. В течение многих веков он сыт, одет и обут, живет в тепле и изобилии. Не знает страха, страданий, болезней. Изо дня в день все вместе и каждый в отдельности проводят все свое время у аппарата гипноза.

И опять Маоган читал в ее колдовских меняющихся глазах гораздо больше, чем она говорила.

— Вы скоро познакомитесь с Феаксом. Думаю, что он постарается приблизить вас к себе. Кажется, он вынашивает какие-то новые грандиозные планы, и ему нужны вы.

Маоган понял, что его попытаются вовлечь в непонятную ему игру, в которую, может быть, уже впутали под действием гипноза или другими способами его товарищей. Тень набежала на лицо Маогана.

— А что стало с моими спутниками? Ноозика грустно улыбнулась.

— Пока ничего непредвиденного с ними не произошло. Но сказать по правде, я очень за них беспокоюсь. К сожалению, они не обладают такой моральной и психической силой, какой

наделены вы.

Её грустный пристальный взгляд досказал Маогану все, что она не решилась произнести вслух.

Часом позже раздались торжествующие звуки охотничьего рога с равнин Умара. Они оповещали о том, что в апартаменты Ноозики прибыл Повелитель. Феакс, одетый в пурпурно-красный сирил (как уже успел заметить Маоган этот цвет был преобладающим во Дворце), украшенный крупным алым рубином, торжественно шествовал впереди небольшой процессии. Рядом, но на полшага отставая, держался Архос. Следом шли Роллинг, Штуфф и Орвал. Завершали шествие мрачные эфебы.

Больше всего поразил Маогана уверенный вид Роллинга. Он был одет в черный сирил, держался естественно и свободно. Коммодору даже почудилось выражение самодовольства на его лице. Штуфф и Орвал тоже на первый взгляд выглядели благополучно. Но, присмотревшись к ним повнимательнее, Маоган заметил у этих двоих тусклый взгляд людей, слишком долго смотревших гипносны.

Когда звук рога стих, Феакс все так же величественно приблизился к коммодору. Маоган встал, пораженный этим архаическим церемониалом.

— По нашему обычаю Повелитель Антефаэса сам приходит к знатному гостю, — сказал Феакс торжественно. — Я приветствую командира «Алкинооса».

Привычка повелевать стала сущностью этого человека. Это сквозило в каждом жесте, в каждой фразе. Но сейчас, как понял Маоган, ему хотелось произвести впечатление радушного и гостеприимного хозяина, хотя эта роль давалась ему с трудом.

— Благодарю за оказанную мне честь, Повелитель, — не менее торжественно ответил Маоган. Он решил подыграть Феаксу.

— Дорогая моя, — обратился Повелитель к Ноозике. — Я уверен, что вы оказали гостю достойный прием и познакомили с нашими обычаями. А сейчас мне хотелось бы побеседовать с нашими гостями с глазу на глаз. Нам надо обсудить некоторые проблемы, которые вам будут неинтересны.

В его интонации Ноозика уловила нотки пренебрежения, и глаза ее гневно сверкнули. Повелитель невольно залюбовался ею. Да, он правильно выбрал ее когда-то, такая женщина не наскучит и за тысячу лет. Феакс самодовольно усмехнулся. И решил подразнить ее еще.

— Вот ваши протеже, — он указал на Штуффа и Орвала, — они составят вам компанию. Потом Феакс обратился к Маогану.

— Я хочу побеседовать с вами и вашим помощником

Роллингом. Должен сказать, что он парень с головой. Думаю, его ждет блестящее будущее. Вы знаете, что на Земле он изучил финикийский язык и понимает нас без помощи Мозга?

Жорж Маоган внимательно посмотрел на своего штурмана. Лицо Роллинга оставалось бесстрастным. Но тут коммодора, наконец, осенила догадка — он понял, что штурман теперь не в его команде, он полностью принял сторону Феакса. Он даже внешне старался подражать Повелителю. Но каким образом Феаксу удалось так повлиять на него?

Ноозика, до сих пор сидевшая в кресле, резко встала и подошла к Феаксу. Ее глаза горели, а мягкими гибкими движениями она напоминала дикую кошку, готовую к нападению. Но присутствие посторонних людей заставляло ее сдерживаться.

— Феакс, вы не умеете держать своего слова, — прошептала она. — То, что вы забираете Роллинга, мне совершенно безразлично. Я разобралась в нем, этот человек ничего не стоит. Но почему этих двоих вы держите под гипнозом?

— Но, дорогая моя, — Повелитель наслаждался организованным им спектаклем, — речь идет об элементарной предосторожности. Я произвел анализ психики этих людей. Этот, — он показал на Орвала, — дикий зверь. Уровень его мышления, реакция, аналитические способности находятся на уровне наших урвалов. Что же касается другого, то он поспокойнее, а его интеллектуальные способности на уровне гигантских канеаксов. Когда мы его выдрессируем, вы сможете освободить его из-под влияния гипноза и он получит возможность оказывать вам мелкие услуги.

Жорж Маоган понял, что речь идет о его товарищах, подошел ближе и посмотрел в глаза Феаксу.

— Я что-то не совсем вас понимаю, Повелитель, — произнес он сухо. — Вы утверждаете, что мы ваши гости, но в то же время держите моих людей под гипнозом.

Он понизил голос.

— Я требую, чтобы вы немедленно предоставили им свободу мышления!

Феакс сделал миролюбивый жест.

— Мне понятна ваша озабоченность, коммодор. Поверьте, мне очень жаль, что я не могу тотчас выполнить ваше требованис. Наш закон, которому вынужден подчиняться и я, гласит: никакой чужой разум не может быть свободным, — он кивнул в сторону Орвала и Штуффа. — В данный момент они представляют для нас опасность. Слишком примитивны и неуправляемы. Немного позже, когда мы увидим, как они поддаются воспитанию, мы решим, что с ними делать.

Он благосклонно положил руку на плечо Маогану.

— Но что касается вас, это совсем другое дело. Пойдемте в мой кабинет и там обсудим все проблемы.

То, что Феакс назвал своим кабинетом, представляло собой просторный зал, не похожий на другие комнаты Дворца, в которых Маогану уже довелось побывать. Здесь не было никаких уступок моде прошлых веков. Зал был круглым. На стене мерцал и переливался всеми цветами радуги замысловатый символ.

— Это герб Империи Антефаэс, управляемой Мозгом, — любезно пояснил Феакс. Он по-прежнему оставался в роли гостеприимного хозяина. — Но вы ошибаетесь, если принимаете его за бессмысленный символ.

Полуобняв Маогана, он подтолкнул его в другую сторону и царственным жестом указал на продолговатое отверстие на противоположной стене.

— Здесь находится устройство, которое постоянно следит за символом. При малейшем изменении символа информация об этом мгновенно считывается, и подается сигнал тревоги.

Он взглянул на Маогана:

— Что и произошло, когда вы загрязнили Мозг… — Повелитель Антефаэса расположился за электронным бюро, больше напоминающим пульт управления.

— Тогда мы приняли решение уничтожить вас и ваших людей, как нежелательный фактор, приносящий вред Мозгу. Но, как вам известно, операцию эту мы не довели до конца.

Он посмотрел на Архоса:

— Ноозика заступилась за них, не так ли? Это верно, — подтвердил Архос, и в его голосе оба уловили нотки сожаления.

Феакс едва заметно улыбнулся и вновь обратился к Маогану:

— Мы принадлежим к одной расе, коммодор. Люди, населяющие вашу планету, — потомки экипажа одного из наших кораблей, потерпевших крушение пятьдесят тысяч лет назад. По нашему мнению, на вашей планете шли два параллельных эволюционных процесса. Штуфф и Орвал принадлежат к другой расе. Вы, Маоган, и вы, Роллинг, наши братья, — он замолчал и пристально посмотрел на них, пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова.

— Вы принадлежите к расе Антефаэса. Вы оба! Поэтому мы и решили пощадить вас.

— Если вы доверяете мне, — перебил его Маоган, — вы должны вернуть мне моих людей. Орвал, безусловно, заслуживает наказания, но это уже мое дело.

— Может быть, вы дадите мне закончить? — сухо произнес Феакс и повернулся к Роллингу. — У меня уже состоялся весьма

обнадеживающий разговор с вашим заместителем. Мне остается убедить вас.

Маоган тоже пристально и удивленно взглянул на Роллинга. Им пока не удалось перекинуться словом. Но, похоже, Роллинг к этому и не стремился. Было видно, что он для себя уже все решил. Больше того, в его ответном взгляде Маоган прочел вызов. Раньше ничего подобного за своим помощником коммодор не замечал.

— Земные условия во многом изменили вас, — продолжал Феакс, — Роллинг многое успел мне рассказать о вашей планете. Пока вы, конечно, еще очень технически слабы, но, думаю, через какое-то время визиты землян на Антефаэс участятся. Я решил объявить о слиянии двух братских миров. Разумеется, вам будет оказана необходимая техническая помощь. Я отдам приказ, построить на какой-нибудь планете Млечного Пути связующее звено для Мозга. Оно и возьмет на себя развитие Земной Империи. Вначале она будет функционировать в зависимости от основного Мозга. Ваша Империя слишком мала, чтобы там построить собственный Мозг. Ну а дальше посмотрим…

Во время своей речи Феакс все время вертел в руках маленькую каменную статуэтку, вытянутая голова которой как две капли воды напоминала каменные головы Пасхи.

— Вы будете хозяином этого звена, Маоган, ваши способности позволят занять вам эту должность. Ну а Роллинг станет вашим заместителем.

Закончив, Феакс гордо и победно улыбнулся.

— Таким образом, ваша планета взойдет на более высокую ступень цивилизации, а для Антефаэса будет обеспечено дальнейшее спокойное развитие!

Жорж Маоган был ошеломлен. Он посмотрел на Роллинга, глаза которого лихорадочно блестели от грандиозной перспективы, встающей перед ним. Он ждал от коммодора восторженного одобрения этого проекта.

— Я отказываюсь, — твердо произнес Маоган.

Теперь пришла очередь удивляться им. Феакс побледнел.

_ Что!? Я предлагаю вам Империю, а вы отказываетесь!?

— Вы предлагаете рабство народам Земли, — уточнил Маоган. — Я не могу принять подобное предложение.

Роллинг вскипел.

— Но, коммодор, что вы говорите! — глаза у него горели. — Вы говорите глупость. Феакс предлагает нам невиданный технический прогресс. Я вас уверяю, здесь все близко к совершенству. Технократическое правление Феакса дало фантастические результаты. У нас на Земле не получится лучше.

Он подошел к Маогану.

— Подумайте, коммодор, хотя бы о том, что техника здесь полностью исключила случайность. Здесь нет войн, болезней, стихийных бедствий! Никто не умирает! Это мир изобилия, и все это делают умные машины, производительность труда которых невероятна!

Роллинга била дрожь.

— Надо сказать «да», коммодор. «Да» во имя блага и для блага землян.

Маоган презрительно и с сожалением смотрел на него:

— Роллинг, вы бредите. Я не знаю, какой будет дальнейшая эволюция Земли, но уверен в одном — землянам нужно предоставить свободу выбора своей судьбы.

Роллинг мгновенно погас и, как бы извиняясь, сказал Феаксу:

— Я предупреждал вас, Повелитель, что у коммодора совершенно устаревшие взгляды на многие проблемы. Он не способен руководить Империей будущего.

Вы правы, Роллинг, — отозвался Феакс, потеряв интерес к дальнейшему разговору. — И я сделаю нужные выводы из этого странного отказа.

Глава 4

Неподвижно распластанный под парализующим лучом, Жорж Маоган сопротивлялся попыткам Архоса выведать у него интересующие их сведения.

— Будет лучше, коммодор, если вы заговорите. В противном случае мне придется перейти к активным действиям, и, уж поверьте, это будет не совсем приятно для вас, — во вкрадчивом голосе Архоса звучала угроза.

— Вы напрасно теряете время, — ответил Маоган. Архос, казалось, не слышал слов коммодора.

— В последний раз вас спрашиваю, Жорж Маоган, скажите мне, какой была меридиональная ось и отсчет потока времени, полученные улавливателями «Алкинооса» в момент, когда корабль начал переход в искривленное пространство.

Маоган засмеялся:

— Не смешите меня, Архос. Я понимаю, что этот предатель, мой заместитель, не может дать вам необходимые сведения, так как спал в своей камере в период перехода «Алкинооса». Но что же ваш хваленый Мозг не может найти Млечный Путь без моей помощи? На меня не рассчитывайте, я не преподнесу вам на блюдечке сведения, которые помогут установить местоположение Земли в пространстве.

На лице Архоса появилась злобная усмешка, он процедил сквозь зубы:

— Вы рано радуетесь, Маоган. Без этих данных нам будет несколько труднее разыскать Землю, но все-таки нам это удастся.

Он включил циркулярный объектив, который, вращаясь, приблизился вплотную к голове Маогана. Резкий и яркий голубой луч вырвался из аппарата, и тотчас же коммодор почувствовал страшную боль в глубине черепа. Он хотел закричать, но не смог — боль парализовала его.

Голубой луч погас, и боль утихла. Архос молча наблюдал.

Через несколько секунд машина, пытавшая Маогана, выплюнула небольшой диск, диаметром примерно в два сантиметра. Архос вставил его в щель аппарата и стал смотреть на диаграмму, появляющуюся на экране.

— Как звали вашу мать? — спросил он неожиданно. От удивления глаза Маогана округлились.

— Это вас не касается, — проворчал он.

— А все-таки, — сказал Архос нежно. — Попытайтесь вспомнить.

Жорж Маоган подумал о матери. Как давно он ее не видел, да и увидит ли когда-нибудь? Он закрыл глаза, ясно, до черточки, представил ее ласковое лицо, тяжелый пучок седых пушистых волос, руки… но… Он с ужасом понял, что не может вспомнить ее имени! Он слышал ее голос, помнил ее одежду, но имя… Имя он забыл!

— Да, впрочем это не имеет значения, — Архос торжествовал. — Продолжим, коммодор.

Он снова запустил свой аппарат. Боль возникла так же внезапно, раскалывая череп пополам. Но на этот раз он собрался и попытался проанализировать свои ощущения. Казалось, что луч обшаривает клетки его мозга в поисках необходимой информации.

Архос снова вставил полученный диск в считывающий аппарат и стал рассматривать появляющиеся кривые.

— Прекрасно, — пробормотал он и повернулся к Маогану. — Вы сочетались браком 29 июля 2112 года. С кем?

Бессильная ярость охватила Маогана, он понял, какую игру затеял с ним Архос. Он напрасно вспоминал имя своей жены, но ему не удалось восстановить в памяти даже ее силуэт.

Архос следил за ним с ядовитой улыбкой на губах.

— Не огорчайтесь, Маоган. Я вам сейчас все о ней расскажу. Вы женились на молодой прелестной девушке, которая не является землянкой. Она из расы Штольцев, а на Земле приняла имя Сейн Мак-Кинли. Она очень недурна собой, и ее раса

представляет интерес…

— Как ни гнусен ваш аппарат, насилующий мой мозг, но вы еще гнуснее, Архос, — прорычал Маоган. — Но можете быть уверены, я скорее вообще лишусь мозга, чем дам вам сведения, которые вас интересуют.

Архос осклабился.

Вы забываете, Маоган, об одной вещи. Я могу взять из вашего мозга все, что мне надо.

Я не уверен в этом, — воскликнул Маоган. — Ваша грязная штуковина шарит наугад. Если бы это было не так, вы бы уже получили то, что вам нужно. Вы берете лишь то что приходит. А я скажу вам вот что: я уже сам забыл точные цифры, выданные экраном в момент перехода «Алкинооса» в искривленное пространство. Ситуация была слишком драматической, я был вне себя.

— Вы? Вы вне себя? — Архос покачал головой. — Я никогда не поверю этому. Заставить вас потерять контроль над своими эмоциями и рефлексами не так-то легко.

Его желтоватое лицо приняло угрожающее выражение.

— Послушайте меня, Маоган. Я могу отнять у вас все воспоминания, одно за другим. Я могу сделать из вас идиота. Поверьте мне, будет лучше, если вы согласитесь добровольно сотрудничать с нами.

— Я отказываюсь. — Прилагая невероятные усилия, Маоган попытался освободиться от давления парализующих лучей, распластавших его на полу. Разумеется, его попытки были напрасны. Собственно, он понимал, что ничего не получится, просто хотел таким образом немного успокоить нервы.

— А сейчас мы несколько изменим наши развлечения, — принялся за свое Архос. — До того, как окончательно лишить вас памяти, я дам вам возможность поучаствовать в спектакле, который, надеюсь, вам понравится.

На стене лаборатории засветился огромный зеленый экран. Появилось изображение зала, оборудованного приборами, назначение которых было неизвестно Маогану. Над столами свешивались и переплетались какие-то трубчатые соединения, некоторые детали напоминали манипуляторы.

Коммодор догадался, что это операционный зал. На столах лежали Штуфф Логан и Слим Орвал.

— Повелитель решил придать вашим спутникам тела, которые будут больше соответствовать их внутренней сущности, — пояснил Архос. — Сейчас начнется операция по пересадке мозга. У ваших друзей извлекут мозг и пересадят его в тела животных, соответствующих личности каждого.

Он с нескрываемым удовольствием смотрел, какое действие оказывают его слова на Маогана, по лицу которого катились крупные капли пота.

— Для Орвала мы выбрали тело урвала. Вы слышите: урвал Орвал, даже имена их похожи. А Штуфф у нас будет гигантским канеаксом.

Архос переключил изображение. На экране появился другой операционный зал, в котором автоматические захваты готовились вынуть мозг у двух животных отвратительного вида.

— Тот, у которого три глаза, видите — два спереди и один сзади на затылке, мощные лапы, достающие до пола — это урвал. Урвалы — хищники. Они обитают на планете Тиор-2. Об их кровожадности вы можете судить по учетверенному ряду зубов двух челюстей, которые самоориентируются и могут одновременно поедать две добычи. Урвалы все свое время проводят в поисках пищи, однако они относительно умны.

Рассказывая, Архос внимательно наблюдал за Маоганом из-под прикрытых век.

— Боюсь, что наш спектакль вам совсем не нравится. Не так ли? Должен вам сказать, что урвалы высоко оцениваются Повелителем, который обожает игры в цирке. Чаще всего мы выпускаем урвалов, стада которых держим взаперти, против гигантских канеаксов. Эти два вида животных ненавидят друг друга. Надо сказать, захватывающее зрелище!

— Какая мерзость! — выругался Маоган, с трудом переводя дыхание. — Как вы здесь прогнили! И вы еще называете себя цивилизованными!

— Ци-ви-ли-зо-ванные! — прошипел Архос. — Заладили одно и то же. А что такое цивилизация, вы знаете?

Рот его искривился в злобной усмешке.

— В Империи установлен железный порядок. Гипноз для толпы. Удовольствия для избранных. Мир для всех людей Антефаэса. — Он повернулся к экрану. — Посмотрите лучше на этого канеакса. Такой красивый зверь.

Огромное животное с ярко-желтым оперением имело два рудиментарных крыла, оканчивающихся чешуйчатыми перьями. Кроме того, у него было четыре большие гибкие лапы и грустные бледно-зеленые глаза. Животное, казалось, нервничало, в его глазах был испуг.

Канеакс не глупее урвала, — заметил Архос. — Этому анестезия еще не дана. Когда пересадка будет закончена, сила возвратится к нему вместе с мозгом Штуффа.

Он потер руки.

— Думаю, это будет самое замечательное представление,

которое мы когда-нибудь видели. Я уверен, что ваши спутники примут на себя командование соперничающими стадами. Битва будет классная! Архос посмотрел на Маогана.

— И смертельная, конечно же! — Он опять осклабился. — Не бойтесь, я не сразу лишу вас мозга. Нельзя же вас лишить этого удивительного представления, — он погасил изображение на экране. — Если, конечно, вы до того момента не вспомните координат, которые нам нужны…

— Я уничтожу вас, ни минуты не колеблясь, если мне представится такой случай, — прорычал Маоган. — И я уж постараюсь, чтобы никакая медицина вам не помогла. Я разорву вас на миллионы клеток, которые невозможно будет собрать.

Архос бросил на него ледяной взгляд.

— Ну для этого вам надо совсем немного — хотя бы приобрести свободу, Жорж Маоган. Но я все-таки посоветовал бы вам не слишком на это надеяться. — Он встал и направился к считывающему устройству. — Ах да! Что касается ваших воспоминаний, то сейчас я вам их верну. Пока мы решили не разрушать ваш интеллект. Может быть, он нам еще пригодится.

Зажужжала машина, и Маоган почувствовал, как в его мозг возвращаются забытые воспоминания. Образ любимой Сейн постепенно приобретал свои черты. Но вернувшаяся память о жене не принесла облегчения. Он подумал, что скорее всего потерял ее навсегда. И от этой мысли защемило сердце.

Загорелся экран внутренней связи, на нем появилось до вольное лицо Феакса.

— Архос, заканчивайте. Мы нашли Млечный Путь. Мозг только что закончил анализ Новых, появившихся в день, который нам назвал Роллинг. Их было две. И только одна соответствует описанию, данному Роллингом. Теперь мы знаем, где находится Земля!

— Далеко отсюда? — спросил обрадованный Архос.

— Нет, как мы и думали, сразу за Большим Барьером. Нужно их полностью нейтрализовать, пока не поздно. Роллинг согласен. Он вернется на Землю и объяснит землянам преимущества Мозга. Затем он будет контролировать его работу. С нашей помощью, разумеется.

Архос повернулся к Маогану.

— Вот видите, коммодор, я же предупреждал, что ваше сопротивление было бесполезным и глупым. Вы сами себя поставили в такое положение, что мы будем вынуждены уничтожить вас. — Будь ты проклят, Роллинг! Предатель!

— Предатель? О нет, Маоган, вы не справедливы к своему другу! Просто Роллинг понял, что единственное препятствие к

созданию технократической цивилизации — это сам человек. Он сделал выводы. Он умнее вас, Маоган. Намного умнее.

А жужжащая машина памяти все продолжала свою работу, будоража в его мозгу картины прошлого. Он видел Землю, свой дом, танцующую Сейн. Это было невыносимо.

— Остановите свой дьявольский аппарат, — прокричал он.

— Как вам будет угодно, коммодор, — Архос торжествовал победу.

Глава 5

Должно быть, день подходил к концу, так как питательная жидкость снова наполнила чашу, вырубленную в камне. Выпив все до последней капли, Жорж Маоган ощутил на своем языке уже знакомый слегка солоноватый вкус. Усевшись рядом с камнем, коммодор уже в который раз принялся рассматривать его. Он был прозрачным и искристым, немного похожим на горный хрусталь, а внутри был пронизан, как венами, очень четкими голубыми прожилками. Странно, но Маоган ощущал его как живое существо, помогавшее ему сохранить рассудок. Коммодор без конца прикасался к нему, лаская и поглаживая, с удовольствием ощущая спасительный контакт с живым реальным предметом. Только благодаря этому камню он сумел сохранить рассудок. С того самого момента, как он очутился в этой камере, ему постоянно пытались навязать гипнотические картины. Зеленые круги светились на стенах. Но коммодор устоял, и его оставили, наконец, в покое.

Круглая тюрьма, в которой оказался Маоган, была построена по образу и подобию внутренних отсеков на космических кораблях Антефаэса. Она и освещена была так же — флюоресцирующим кругом на стене.

Маоган давно потерял представление о времени и о пространстве. Он не мог прикоснуться к стенам своей камеры. Как только он к ним приближался, какая-то неведомая энергия отбрасывала его назад. Это нагнетало чувство полного физического одиночества, страха смерти. И только контакт с единственным материальным предметом, с каменной чашей, наглухо приделанной к металлическому полу, давал ощущение реальности, и пусть слабо, но поддерживал его силы.

Маоган часто думал о том, сколько живых существ находилось в этом страшном месте до него и возможно ли отсюда выбраться. Думая об этом, коммодор заметил, что на стене перед ним появилась новая картина. Коммодор уже начал выстраивать свою психологическую защиту, он привык отбивать атаки Архоса,

как вдруг понял, что это нечто новое. Да, это был телепатический вызов.

Как и все космонавты, он прослушал в период подготовки к дальним полетам курс телепатии. Феномен телепатии пристально изучался на Земле, но его практическое применение было строго запрещено, так как результаты широкого применения были еще непредсказуемы. Уже бывали случаи, когда телепатию использовали опасные или недостаточно подготовленные люди, и это приводило к печальным результатам. Система безопасности выработана не была. Именно поэтому Жорж Маоган, имеющий блестящие телепатические способности и в приеме и в передаче информации, на практике их никогда не использовал.

На этот раз он принял очень четкий вызов. Он несколько секунд размышлял, прежде чем решился ответить. Его положение было таковым, что он практически ничем не рисковал.

Отзыв оказался таким мощным, что изумил командора. На Земле во время обучения ему иногда доводилось вести телепатические сеансы-беседы, но качество передачи всегда оставляло желать лучшего.

Сейчас же на Антефаэсс он неожиданно увидел у себя в камере Принею, служанку Ноозики, с такой ясностью и четкостью, будто она явилась к нему собственной персоной. Он видел ее в мельчайших деталях.

— Это невероятно! — подумал он. Принея улыбнулась.

— Передавайте потише, — услышал он ее мысль. — Если ваши волны будут слишком сильны, их смогут перехватить другие например, Феакс или Архос. Тогда мы пропали.

— Я не умею регулироэать мощность передачи, мы на Земле только начали изучать этот феномен.

— Да нет, — сказала Принея, — уже потише. Думайте обо мне, когда передаете, но если почувствуете затруднения, немедленно прерывайте связь и думайте о чем-нибудь другом, неважно о чем. Те, кто нас случайно услышит, решат, что это обычные волны сна, и не будут особенно беспокоиться.

— Хорошо, — передал Маоган.

Он внимательно всматривался в лицо Принеи и видел на нем следы тревоги.

— Ноозика, моя госпожа, приказала мне вызвать вас. Меня никто не подозревает, и я меньше рискую.

— Я понял, — ответил Маоган.

— Как хорошо, что нам удалось установить контакт. Госпожа велела мне сообщить вам, во-первых, что она помнит о вас. Завтра она сама попытается установить с вами связь. Во-вторых, не очень-то пугайтесь, если Архос станет вам показывать разные

ужасные картины. Он хочет произвести на вас впечатление.

Образ служанки исчез мгновенно. Жорж Маоган почувствовал себя совершенно изнуренным. Эта краткая беседа опустошила его нервный и энергетический потенциал. Но на душе было хорошо, и он мгновенно крепко заснул.

На следующее утро, когда питательная жидкость копилась в чаше, в зоне купола разгорелось необычное свечение. Затем оно погасло, уступив место экрану, на котором возникло улыбающееся лицо Архоса.

Вы можете исчезнуть, — бросил ему Маоган. — Я думаю, нам нечего сказать друг другу.

Предупрежденный заранее Принеей, он не был удивлен посещением Архоса, он только не знал, какой новый вид пытки придумал этот человек.

Архос улыбался, но было заметно, как злоба переполняет его.

Вам придется выслушать меня, коммодор, — Архос изо всех сил старался казаться любезным. — У меня есть для вас новости.

— Бесполезно настаивать, — отрезал Маоган.

— Я хотел вам только сказать, — Архос был невозмутим, — что операция по пересадке мозга ваших спутников прошла замечательно. Они великолепны в своих новых телах.

Маоган отвернулся, но экран вдруг занял всю поверх ность купола. Коммодору некуда было отвернуться, чтобы не видеть отвратительную ухмылку Архоса.

— Будет лучше, если вы меня дослушаете, Маоган. Ведь вам же не безразлична судьба ваших бывших подчиненных. Мое человеколюбие заставляет меня держать вас в курсе событий.

— Не утруждайте свое человеколюбие, — с иронией сказал Маоган.

Архос поднял руку и указал пальцем на коммодора.

— Вы сами выбрали свою судьбу, так имейте мужество идти до конца. Другие оказались значительно умнее вас. Тот же Орвал, например.

— Ну что ж, Архос, давайте поговорим об этом, — ответил Маоган. — Вы превратили его в урвала, не так ли?

— Да, так, — подтвердил Архос, — но на его счет у нас есть и другие идеи. Орвал — парень с головой, и мы в скором времени вернем ему человеческий облик… Но он сам вам все объяснит.

На экране возник огромный урвал.

— Это я сам попросил, чтобы меня оставили на некоторое время в этом теле, — раздался ужасный рычащий голос.

— Мне оно пригодится для игр в цирке послезавтра. Он обернулся к Архосу.

— Вы ведь обещали поставить меня против Штуффа Логана.

Не так ли?

— Совершенно верно, — подтвердил Архос. Урвал. Орвал уставился на Маогана.

— Я разорву эту скотину Штуффа на мелкие кусочки, это доставит мне удовольствие. А потом мне возвратят человеческое тело.

Орвал отвернулся от Маогана и разглядывал теперь коммодора своим задним глазом, который был несколько больше передних и имел красноватый оттенок.

— У меня есть для вас и еще одна новость, коммодор!

— Орвал хотел злобно усмехнуться, но строение лицевых мускулов урвала не давало возможности это сделать, поэтому он только яростно лязгнул своими челюстями. — Отличная новость… для меня, естественно. Я скоро вернусь на Землю, коммодор!

Он уставился на Маогана, желая насладиться реакцией, которую вызовет у коммодора его собщение. Маоган хранил молчание.

— Да, на Землю, коммодор. На Землю! — продолжал Орвал-урвал, делая ударение на каждом слоге. — И, конечно, в человеческом теле. Не догадываетесь, коммодор, в каком? Да-а-а… В теле Штуффа Логана. В теле Штуффа!

Орвал старался произносить фразы внушительно, он наслаждался ими.

— Вы поняли, коммодор? Вы поняли?! В теле Штуффа я буду свободен, меня не пошлют больше на шахты, я не кончу свою жизнь на Вильмуре. Ну как, коммодор? Вам нравится моя новость?

Да, Маогану ясно было все. Бессильная ярость захлестнула его. Орвал заметил это и опять попытался усмехнуться.

— Ну а Роллинг возьмет ваше тело! — животное наслаждалось мучениями коммодора, сознающего свое бессилие, желтые глаза его блестели. — Все на Земле будут думать, что вы вернулись. Нам будут верить, нас станут слушать! Мы убедим всех подчиниться Мозгу! Роллинг и я, мы станем повелителями на Земле! То-то мы заживем! Не хуже, чем Феакс и Архос!

Жорж Маоган понимал, что Орвал говорит правду, они действительно это сделают, а он не сможет им помешать. Единственный луч надежды исходил от Принеи. Как из тумана до него донесся голос Архоса:

— Вы недооценивали нас, коммодор. Теперь вы видите, что мы нашли способ обойтись без вас.

— Вы несколько преждевременно хвалитесь своими успехами, Архос. Вы пока еще ничего не выиграли, — на лице Маогана не

дрогнул ни один мускул, он не позволил чувствам, бушевавшим в груди, выйти наружу. Его голос был тверд и холоден. — Это вы недооцениваете землян, Архос. Я уверен, на Земле разберутся во всем, и эти предатели…

Услышав слово «предатель», Орвал, забыв, что перед ним не сам Маоган, а его изображение, зарычал и бросился вперед.

— На место! — грубо приказал ему Архос. Команда Архоса заставила Орвала застыть на месте.

— Ну, у этого животного ума, пожалуй, не больше, чем у обезьяны, вряд ли ему удастся выдать себя за Штуффа, — сказал с иронией Маоган.

— Может быть, вы захотите взглянуть на другого своего подопечного, на Штуффа? А, коммодор? — Архос, еще более желтый, чем обычно, решил продолжить свою игру.

— Я больше ничего не хочу видеть, — выдавил из себя Маоган, боясь, что при виде Штуффа не сможет скрыть свои чувства.

— Ну, это было бы невежливо с вашей стороны, — лицемерно пожурил его Архос. — Штуффу так хочется повидать вас, он к вам так привязан…

И не дожидаясь ответа, он переключил изображение на гигантского канеакса. Встретившись глазами с Маоганом, животное стало неистово размахивать своими недоразвитыми крыльями. Канеакс поднялся на задние лапы, шея его заколыхалась, голова замоталась из стороны в сторону, а в глазах застыла тоска.

— Канеаксы не могут разговаривать, — пояснил Архос.

— Я все сделаю, чтобы вытащить тебя, Штуфф! Животное, в котором находился мозг Штуффа, начало подпрыгивать, согласно кивая головой. Маоган заметил, что Штуфф был заперт со стадом таких же животных, и быстро задал вопрос:

— Они тебя слушаются, Штуфф?

Штуфф отчетливо кивнул головой, экран тут же погас. Архос не дал возможности продолжить эту одностороннюю беседу.

Но даже такое краткое общение со Штуффом вселило в Маогана надежду на то, что Штуфф, организовав с умом свое стадо канеаксов, сумеет победить урвалов.

«Как жаль, — с грустью подумал Маоган, — что Штуфф не телепат.»

С огромным нетерпением ждал Маоган обещанной телепатической встречи с Ноозикой. Он готовился к ней, собирая, концентрируя всю свою нервную энергию, так как предстоящий разговор был очень важным для него.

И все-таки, как он ни ждал ее появления, Ноозика возникла

перед ним внезапно. И он снова был сражен се красотой. Ноозика была одета в простое шелковое полотно, поддерживаемое пряжкой без украшений. Ей не надо было прятать перед ним свои чувства, и Маоган заметил выражение огромной грусти в ее глазах. Она первая начала разговор.

— Положение очень серьезно, Жорж. Феакс в гневе. В первый раз за тысячелетие его могущество подверглось сомнению. Он больше не играет. Он увидел реальную опасность со стороны Земли и решил опередить возможные в будущем неприятности. Теперь он принял свой настоящий облик. Он жесток и беспощаден, он никому не доверяет. Под подозрением даже я.

— Можно меня как-то вытащить отсюда?

— Пока нет. Сейчас это невозможно. Дворец на осадном положении, как во время войн и революций. Всюду включены приборы автоматического контроля. Невозможно шага сделать свободно. А в Центр управления Мозгом запрещено входить даже мне.

Во время этого странного безмолвного разговора он видел ее в малейших подробностях: видел ее тонкие пальцы, унизанные перстнями, ее бледную кожу с просвечивающими голубыми жилками, ее хрупкую тонкую фигурку. Но в глазах ее он прочел не только грусть, в них светился незаурядный недюжинный ум. И еще он понял, что в слабом изнеженном теле Ноозики живет невероятная сила духа. Из игрушки пресыщенного повелителя она превратилась в его достойного противника, хотя Феакс, должно быть, об этом еще не подозревал.

Телепатический сеанс не только успокоил Маогана, но и вдохновил его. Он готов был сражаться с Империей в одиночку.

— И все-таки вы должны помочь мне выбраться отсюда и достать какое-нибудь оружие.

— Я думала об этом. Но я смогу вас вытащить, только когда начнутся игры. Тогда все будут заняты, и я перед отъездом в цирк постараюсь проникнуть в Центр управления Мозгом. На секунду я прерву цепь, которая питает купол вашей камеры. Вы ведь заперты не за железными стенами, а за энергетическим экраном. Это надежнее самого прочного металла, ничто не может ни разрушить, ни прорезать его. Я смогу прервать цепь только на несколько секунд. Поэтому необходимо, чтобы вы были готовы. Не упустите эту возможность. Больше такой шанс может не представиться!

Изображение Ноозики стало гаснуть, девушка поднесла Руку ко лбу. Казалось, что передача утомила ее, так же как и Маогана, который физически чувствовал, как истощается его нервная энергия.

«Нужно поторапливаться», — подумал он.

Лицо Ноозики напряглось, изображение вновь стало четким.

— Мне понадобится оружие. Ноозика покачала головой:

— У нас нет такого оружия, которым вы умеете пользоваться.

— А мой излучатель, что стало с ним?

— Я думаю, что смогу разыскать его и спрятать в своем будуаре. Вы найдете его в ящике под самым большим зеркалом.

Изображение снова стало таять, но на этот раз по вине самого Маогана, силы которого почти совсем иссякли. Только последним усилием воли Маоган сумел мобилизовать ресурсы своей нервной энергии.

— Что я должен буду делать после?

— Я не знаю ваших возможностей. Самое лучшее было бы использовать телекинез.

— Я не смогу — передал Маоган. — Мы еще не научились использовать его у себя на Земле.

Ноозика заметно огорчилась, услышав это.

— Жаль, — она помолчала, — это все очень осложняет. Я постараюсь достать вам роксвилл. Это старинное средство передвижения. Некоторые из них находятся в рабочем состоянии. Я думаю, что вы сумеете с ним справиться.

— Без сомнения, — ответил Маоган.

— Я объясню систему управления роксвиллом Принес, а она, надеюсь, сможет вас увидеть…

— А вы сами? Где будете вы?

— Я отправлюсь в цирк. Если все пройдет, как задумано, вам нельзя будет медлить, Жорж.

Изображение замерцало и погасло. Сильная вспышка сразу вслед за этим ослепила Маогана, но за какую-то долю секунды он успел увидеть Феакса. Чтобы сбить с толку тех, кто мог перехватить их связь, он стал думать о своем доме, о Сейн Мак-Кинли, которая ждала его далеко на Земле.

Ночь прошла. Жорж Маоган так и не узнал, что же произошло. Разоблачили ли Ноозику? Может быть, она уже арестована или уничтожена? Маоган не решился сам вызвать ее на связь, чтобы не подвергать новым опасностям.

Он стал ждать вызова.

Но вызов так и не пришел.

Глава 6

Зеленые круги сияли ярко, празднично, и арены гигантского цирка постепенно наполнялись зрителями. Гости прибывали со всех планет Империи, но право присутствовать на играх имели

только избранные. Почти все эти люди были относительно молоды, так как появились на свет после государственного переворота Феакса. Это были превосходные техники, занимавшиеся наблюдением и обслуживанием звеньев Мозга на своих планетах. Никто из них не помнил и не мог представить мир до появления гипноснов.

В порту один за другим садились корабли со светящимися на корпусах клиновидными надписями, а индивидуальные корабли небольших размеров гроздьями взлетали по направлению к цирку. Мозг регулировал это интенсивное движение с точностью до миллиметра, и не было ни одного столкновения, ни одного несчастного случая. К полудню, в точно назначенный час, цирк был полон. В наступившей тишине избранные, прильнув к зеленым кругам, ждали Повелителя. Через несколько секунд на экранах всех гипноаппаратов Антефаэса должно было появиться изображение Феакса. Так было всегда перед открытием игр. Повсюду на всех планетах ждали этого торжественного момента. Как только Повелитель нажмет на рычаг, цирк на времы игр отключится от воздействия Мозга. В самом центре Империи, на ничтожном клочке поверхности, Его Величество Случай вступит в свои права, и смерть примется за работу без риска быть остановленной наукой. В этом заключался смысл игр. Запах смерти будоражил, возбуждал этих скучающих людей!

Но минуты проходили за минутами, а ничто не возвещало о прибытии Повелителя. Воздействие зеленых кругов было усилено. Граждане не должны были догадаться о том, что случилось что-то непредвиденное. Феакс опаздывал.

С того самого момента, как прервалась связь с Маоганом, Ноозика оказалась полностью изолированной. Прибо-Ры автоматического контроля держали ее в апартаментах, все служанки, в том числе и Принея, были срочно удалены. Несомненно, что Феакс что-то слышал, но что именно — она не знала. А час игр между тем наступил…

Феакс беседовал с Архосом наедине.

— Будет лучше, Повелитель, если на этот раз вы доверитесь мне. Надо отменить игры. Это будет элементарной предосторожностью. Надо уничтожить всех землян, без исключения. Я не доверяю им. Они еще дики, их реакция непредсказуема, у них сохранился опасный инстинкт независимости поведения. Было бы весьма неосторожно доверить звено Мозга Роллингу. Этот тип довольно ограничен и внушаем. Вернувшись на Землю, он может выйти из-под нашего контроля и попасть под влияние таких, как Жорж Маоган. Для нас это было бы катастрофой, так как мы бы утратили преимущество

неожиданного нападения. Мы не сможем с ними сражаться на их территории, Мозг ведь предназначен только для внутреннего действия. Мы окажемся безоружными, если земляне используют корабли, скопированные с наших.

Феакс был очень озабочен и, не перебивая, слушал Архоса.

— Да, — продолжал тот, — я настаиваю, что первой необходимостью является опустошение пространства вокруг Антефаэса, а не вооружение мошкары, которая в любой момент повернет оружие против нас.

Он взглянул на Феакса, и его желтое лицо выражало ничем не прикрытую ненависть.

— Тот факт, что Ноозика посредством телепатии вступила в контакт с Маоганом, открыло мне глаза. Он ответил ей на вызов. Это говорит о том, что земляне находятся на достаточно высокой ступени развития. А это не может не тревожить нас. Мы уничтожим Ноозику, это без сомнения. Но такие, как она, могут однажды при контакте с землянами точно так же взбунтоваться!

— Этого не произойдет, если землянами будет повелевать Мозг! — возразил Феакс.

— Мы не можем точно предвидеть, как будут земляне использовать Мозг, — пытался убедить его Архос. — Поверьте мне, сегодня еще легко избавиться от этих насекомых. Три-четыре стерилизатора обратят в пепел их крохотную Империю за несколько дней. А завтра может оказаться слишком поздно.

В глубине цирка Орвал с нетерпением ждал, когда откроются решетки ворот. Он ждал часа, когда во главе стаи урвалов он утолит наконец свое чувство ненависти, разорвав Штуффа Логана. У Орвала были и другие, далеко идущие планы. Он оценил прекрасные корабли Антефаэса и полагал, что сможет уничтожить Архоса и Феакса, а затем разделаться и с Роллингом. Орвал не задавал себе вопроса, удастся ли ему завладеть Мозгом. Он думал только об одном: как только он убьет Штуффа, которого считал своим главным врагом, станет возможным неожиданно для всех перелезть через решетки, отделяющие трибуны, и добраться до главной, где будет находиться вся верхушка Империи. Так одним махом он разделается со всеми. Действительно, хитроумный Архос не учел, что Орвал не стал настоящим урвалом, он сохранил свои бандитские повадки и был гораздо хитрее, чем эти примитивные животные. Он знал, что стадо последует за ним куда угодно и сделает все, что он прикажет. Слим твердо решил дождаться подходящего момента. Как только он станет победителем, ему будет относительно легко войти в другое тело. Жоржа Маогана, например. И тогда, тогда… Но Орвал еще не успел додумать, что будет тогда.

Впервые со дня их изобретения гапноаппараты работали во Дворце с Семью Дверями. Зеленые круги сверкали в помещениях, предназначенных для служанок Ноозики, и несчастным молодым женщинам, не привыкшим к подобного рода развлечениям, никак не удавалось разобрать, что они видят на самом деле, а что является порождением их галлюцинирующего мозга. Фантастические изображения безостановочно разворачивались перед их глазами. Принея была единственной, кому ценою гигантского усилия воли удалось избежать этого. Не впадая в панику, она старалась найти выход из создавшегося положения.

Комнаты, где были заключены служанки, не были подвержены такому строгому контролю, как апартаменты Ноозики. Считалось, что эти хрупкие девушки не представляют серьезной опасности, к тому же не смогут устоять против действия гипноаппаратов. Поэтому принес удалось скрыться.

Служанка была в курсе планов Ноозики. Она решила действовать самостоятельно.

Осторожно пробираясь по темным переходам к Центру управления Мозгом, Принея не знала, что Повелитель задержал свой выезд на игры…

В одну и ту же секунду погасли все гипноаппараты Империи, и на гигантских экранах появилось изображение Повелителя. Феакс был одет в отливающий металлическим светом сирил с двумя рядами светящихся ориксов на плече — знаков его положения. Лицо Повелителя было хмурым.

— Граждане! — обратился он к народу. — Если вы видите меня в форме Главнокомандующего Имперскими космическими силами, то это потому, что вам угрожает опасность. Ордам варваров удалось захватить границы нашей Империи, и мы прилагаем сейчас все усилия, чтобы ликвидировать их. Игры отменяются, а я прошу всех присутствующих как можно скорее вернуться на свои планеты. Инструкции вам будут посланы вслед.

Эта новость не вызвала никакой реакции у граждан. С малых лет они привыкли во всем доверять Повелителю, ничто больше не могло их волновать. И когда гипноаппараты снова замерцали, все глаза прильнули к ним, и великое молчание вновь опустилось на Империю Антефаэс.

Принея была очень удивлена, увидев Феакса в военной форме, выходящего из Центра управления Мозгом. Служанка едва успела юркнуть за колонну. Но эта неожиданная встреча оказалась полезной для нес. Повелитель, за которым неотступно следовал Архос, быстро удалился, а дверь, из которой он вышел, закрывалась очень медленно. Принее удалось проскользнуть в нее до того, как она окончательно захлопнулась.

Девушка знала это место только по описанию Ноозики. И, естественно, впервые увиденное не могло не поразить се. Размеры всех устройств превосходили все, что могла представить себе Принея. В лабиринтах залов, следовавших один за другим, ей казалось, что она ростом не больше самого маленького линкса… Принес, конечно, никогда бы не удалось разобраться в тысячах этих вытянутых пультов, перед каждым из которых находилось сиденье. В действительности же каждый пульт представлял собой блок управления, а все они предназначались для исправления непредвиденных неполадок Мозга. Было предусмотрено все, но в данный момент операторы этих установок грезили где-то в городе, перед аппаратами гипносна. Принея пошла дальше, справившись с охватившей ее растерянностью. Теперь она поняла, куда ей идти. Ноозика объяснила, что Главный прерыватель находится за рядом пультов. Этот прерыватель обрывал все связи Антефаэса с Мозгом. Конструкторы построили его из-за приступов помешательства первых экспериментальных моделей. Они думали, что нечто подобное может произойти и с большим Мозгом. Правда, он не понадобился ни разу, но снимать его не стали.

Принея легко узнала Главный прерыватель. Это была длинная металлическая рукоятка с шаром из слоновой кости на конце. Ее украшал знак Семи Мудрых. Во всех других местах знак Семи Мудрых был стерт. Об этом шаре Феакс просто забыл.

Принея обхватила шар обеими руками и изо всех сил нажала на него. Рычаг опустился. Но Ноозика не предупредила служанку, что Мозг может быть отключен лишь на несколько секунд…

Жорж Маоган увидел, что энергетический купол, державший его взаперти, исчез. Коммодор хорошо помнил последние слова Ноозики. Не раздумывая, он бросился вперед. Оказавшись за пределами купола, он обернулся и с удивлением обнаружил, что стены купола не восстановлены. Во Дворце раздался сигнал тревоги. Жорж Маоган понял, что произошло что-то непредвиденное. Но отступать было поздно. Он побежал в комнаты Ноозики, надеясь получить там инструкции и оружие.

Глава 7

Огромная туша Орвала возвышалась над всеми животными, окружавшими ее. Влажный полумрак, насыщенный острыми животными запахами, не мог скрыть их нетерпения. Мощными ударами лап, клыками Слим поддерживал порядок, останавливая драки и борясь таким образом за свой авторитет. Он знал, что самым благоприятным моментом для штурма будет та минута, когда автоматические охранники дадут понюхать урвалам запах крови, и, пьяные от него, животные рванутся вперед, желая утолить свою ненасытную жажду убийства.

Но время шло, и все труднее становилось удерживать зверей от грызни между собой. С глухим рычанием, полным угрозы, на Орвала неожиданно бросился огромный урвал. Это был прежний вожак стаи, с которым Орвалу уже приходилось сражаться, доказывая свое право на первенство. Не ожидая нападения, Орвал закачался под его яростными ударами. Три ряда острых зубов разорвали Орвалу бок, в то время как другая челюсть пыталась вцепиться в то место, где проходила сонная артерия. Слим еще недостаточно хорошо управлял своим новым телом, но быстро соображал в драке. Поняв замысел противника, он резко качнулся назад, вырвав из зубов урвала свое тело и избежав второй его челюсти. Запах свежей крови, текущей из ран, привлек внимание остальных животных, которые образовали молчаливый круг вокруг дерущихся.

Сбитый с толку противник Слима остановился в недоумении. Тогда, воспользовавшись исключительной гибкостью своего тела, Орвал отвесил чудовищный удар лапой, задевший задний глаз урвала. Не теряя ни секунды своего преимущества, Орвал сильно толкнул его, и незадачливый боец прямо-таки влетел в ряды зрителей.

Орвал был доволен. Он убедился, что поведение урвалов мало чем отличается от поведения стаи преступников, руководить которыми он привык. К тому же урок пошел впрок, побежденный смирился и, прихрамывая, покорно заковылял на свое место в задних рядах. Своими фосфорисцирующими в полумраке глазами Орвал следил за застывшей массой урвалов. Затем из его глотки вырвался хриплый командный рык, и усмиренные урвалы выстроились вдоль решетки. Орвал различал зеленый свет гипноаппаратов, который проникал в длинный коридор, ведущий к арене. Последовала более яркая вспышка, и решетка медленно поползла вверх. В этот момент свет гипноаппаратов погас, и движение решетки прекратилось.

Орвал яростно затряс ее. Но решетка не поддавалась, он повернулся к стаду. Они поняли его и в ту же секунду, грозно рыча, бросились на помощь. Под их напором и мощными ударами прутья решетки не выдержали. Раздался треск и скрежет лопающегося металла, и ворота рухнули. Ревущее стадо рвалось на арену, освещенную палевым светом. Слепой от ненависти и ярости Орвал бросился на поиски Штуффа и его канеаксов. Но арена была пуста.

Смутный шум услышал он с трибун. Но даже и не подумал повернуть голову в сторону зрителей, его интересовал только Штуфф Логан. Он знал, что его противник должен появиться с противоположной стороны арены во главе стада канеаксов. И канеаксы появились.

Орвал и его кровожадная стая бросились на появившихся животных. Каким-то шестым чувством Орвал определил среди них Штуффа, которого еще ни разу не видел в новом обличье. Но он был уверен, что Штуфф идет первый и бросился на него.

В этом теле Штуфф оказался физически слабее Орвала. Но зная злобный и беспощадный нрав бандита, канеакс упорно защищался. Его длинная беззащитная шея извивалась и грозно вытягивалась. Уже два раза Орвал почувствовал, как острые зубы Штуффа касалась его горла, но животная ненависть вдохновляла преступника и удесятеряла его силы. В отчаянном прыжке он бросился на канеакса и, не обращая внимания на укусы, обхватил его своими волосатыми лапами. Он сжимал Штуффа, пытаясь его задушить, и одновременно тянулся к затылку, чтобы раздробить его. Дважды шатающемуся и теряющему силы канеаксу удалось избежать этого, но в третий раз из-за того, что Штуфф не знал о наличии заднего глаза, Орвалу это удалось. Он совершил удачный прыжок и очутился на спине канеакса. Штуфф не успел обернуться, Орвал ударом челюстей раскроил ему череп. Агонизируя, канеакс рухнул на песок. Орвал выпрямился, с трудом переводя дыхание. Три глаза давали ему возможность обозревать все вокруг, не поворачивая головы. Он бегло осмотрел трибуны. Оттуда доносился шум. Вначале он подумал, что зрители ревут от восторга над его блистательной победой и уже собирался отвесить грациозный поклон, как вдруг заметил, что урвалы, охваченные жаждой убийства, расправившись с канеаксами, бросились на трибуны. Они перелезли через барьеры и преследовали публику, которая беспорядочно металась, ища спасения. Орвалу стало ясно, что этот шум происходил от всеобщего ужаса, охватившего трибуны. Зеленые круги не горели, защитные лучи погасли. Правительственная трибуна была пуста. Со стороны города в небо поднимались огромные столбы черного

дыма.

Мощный взрыв раздался рядом с цирком, внося дополнительную панику в мечущуюся толпу. Испуганный Орвал бросился к правительственным трибунам, которые были расположены на самом высоком месте в цирке, чтобы понять, что же все-таки происходит. Должно быть, произошла гигантская катастрофа на западе, так как небо в той стороне почернело и сумерки быстро сгущались, хотя день был в полном разгаре.

Взобравшись наверх, преступник увидел перед собой панораму города. Повсюду виднелись огни пожарищ, каркасы рухнувших и обгоревших зданий. Картина напоминала всепланетное землетрясение.

Вода, выливаясь из бесчисленного количества труб, смешивалась с кислотами из разбитых генераторов энергии. В результате возникали фонтаны желтых и зеленых брызг, которые разъедали металлические части наземных и летающих машин. Их несметное количество хаотично передвигалось по небу и земле, выписывая фантастические замысловатые фигуры, прежде чем они сталкивались с препятствиями и взрывались.

Орвал хотел уже в панике бежать вниз, чтобы найти себе хоть какое-нибудь убежище, как увидел в небе звездолет, который с ужасным свистом падал прямо на цирк. Очевидно, аппарат пронесся через атмосферу в свободном падении, так как появился внезапно, как небольшое солнце, с оболочкой, раскаленной добела. В этот момент Орвал наверняка визжал от страха, но он не услышал бы и самого себя. Через мгновение и корабль и цирк исчезли в громадном взрыве, и в небо поднялся еще один столб дыма.

Погребенному под грудой обломков, наполовину ослепшему от густой пыли, Орвалу понадобилось немало времени, чтобы осознать, что он еще жив. Человек был бы раздавлен, но тело урвала было крепко, а кости только прогибались под весом обломков.

Проанализировав свое положение, Орвал понял, что все кончено. Когда пыль немного улеглась, он различил через пробоины далекий свет. К счастью для него, поток воздуха проникал в его дыру. Немного придя в себя, преступник попытался осторожно освободиться от лежащей на нем балки. Вот где понадобилась ему сила урвала. Точно рассчитанным движением он поднялся на несколько сантиметров, чтобы освободить свою лапу. Посыпавшаяся сверху груда мусора снова засорила ему глаза, едкая пыль набилась в рот. Но надежда вернулась к нему. Проморгавшись, он разглядел, что дыра, в которую попал, не так уж и глубока — не больше трех метров, а

щебень, лежащий на нем, не так уж и тяжел. Опершись на поверхность подиума, он резко встал. Камни рухнули, но тело урвала не почувствовало ударов. Сделав последнее усилие, он выбрался на поверхность. Поплутав некоторое время среди руин, Орвал оказался на участке, свободном от развалин. Желтый дым застилал то, что осталось от цирка. Весь город горел. Глаза Орвала светились торжеством. Он понял, что наступило его время!

Орвал верил только в грубую силу. Он был благодарен Феаксу, который, наделив его телом урвала, сделал непобедимым. Зарычав, зверь двинулся вперед. Порывы ветра иногда рассеивали дым, и Орвал увидел, что Дворец Семи Дверей уцелел. В красноватых отблесках пожарищ его белые мраморные стены выглядели еще величественнее. Именно туда и решил направиться Орвал, ведомый своими бредовыми амбициями. Но ему необходима была помощь его хищной стаи. Он огляделся, большинство урвалов неподвижно валялось среди развалин цирка. Другие, залитые кровью, продолжали терзать бесформенные трупы. Среди кансаксов в живых не осталось никого.

Штуфф исчез. Но Орвал не заметил этого. Тяжелой походкой, от которой дрожала земля, он направился туда, где еще недавно был центр арены. Его рев, более мощный, чем вой корабельной сирены, тем не менее терялся в грохоте далеких взрывов и завываний пожаров. Но урвалы, должно быть, обладали тонким слухом или каким-то сверхъестественным чутьем. Они разом подняли головы, оставили свои жертвы и поспешили к вожаку. Когда все собрались, Орвал повел их ко Дворцу.

Огненная буря в городе приняла устрашающие размеры. Бешеные потоки раскаленного воздуха, возникающие от многочисленных пожаров, перемешивались с пламенем и превращались в настоящий огненный смерч, который все сметал на своем пути. В этом аду даже урвалы с их первобытной необузданной силой передвигались с трудом, еле переводя дыхание. Но ведомые примитивными инстинктами, они упорно двигались к своей цели.

Кое-где они встречали мечущихся граждан Антефаэса. Их пустые безумные глаза говорили о том, что, выйдя из состояния гипноса и не получая указаний от Повелителя, они были совершеннно растеряны и деморализованы. Многие просто не могли управлять своим телом, привыкшим к безделью. Тысячи трупов валялось на земле. Урвалы давили их своими лапами, и путь стаи, ведомой Орвалом, можно было проследить по кровавой полосе… Запах крови пьянил стаю. Орвал, рыча, двигался вперед

и давил эту) бесформенную массу, когда-то содержащую в себе разум. Скоро он стал выбирать закоулки, где еще можно было найти прячущихся живых людей, и с нескрываемым удовольствием давил несчастных, всем телом ощущая, как трещат под ним их хрупкие кости.

Когда до Дворца оставалось не более километра, урвалы оказались перед сплошной стеной огня. Потоки раскаленного воздуха достигали такой силы, что легко перекатывали каменные глыбы и уносили с собой металлические прутья. Даже сквозь свою грубую кожу Орвал почувствовал удары этих огненных снарядов, которые оставляли неглубокие, но многочисленные раны. По его спине текла густая, бурая от грязи и копоти кровь, которая моментально спекалась от страшного жара. Ревущему от ярости Орвалу пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и зализать саднящие раны. Он увидел, что какой-то взбесившийся автомат выполз из туннеля и движется прямо на него. Орвал, разумеется, не знал, для чего служил этот робот в то время, когда всюду царил идеальный порядок. Но теперь, как бы там ни было, машина продвигалась в его сторону на четырех металлических ходулях, которые придавали ей вид животного. Никакое препятствие не могло ее остановить. Она уже пересекла поток грязной воды, которая била тридцатиметровым фонтаном, вырываясь из пробитой водопроводной трубы. Размеренно покачиваясь, машина приближалась к животным.

На несколько секунд ужас парализовал Орвала. Зажатые стенами огня, они не могли уклониться от встречи с этим автоматическим чудовищем. Оно прошло бы по ним, как сами они недавно шли по телам людей. Но именно эта схожесть машины с животным вывела Орвала из оцепенения, вернула ясность ума. Вопя во все горло, он бросился к ближайшей к нему ходуле и, обхватив обеими лапами, стал поднимать ее. Страшное напряжение вырвало из глотки сдавленный хриплый рык. Слепое чудовище начало крениться грозя рухнуть и раздавить Орвала своей тяжестью, С вызывающей удивление дисциплинированностью стая урвалов присоединилась к нему. Всем скопом они приподняли передние ходули автомата, приостановив тем самым его движение вперед. Машина продолжала свои механические действия, задние ходули сгибались, в то время как передние зависли в воздухе, удерживаемые урвалами. Затем с металлическим лязгом машина рухнула, а ее нелепые ходули продолжали молотить воздух, бессмысленно и беспорядочно.

Торжествующий рев вновь вырвался из глотки Орвала. Упав, машина преградила путь потоку воды, который направился

теперь через стену огня. Вода закипела, зашипела, образуя горячие клубы пара, но скоро пламя отступило, открыв путь ко Дворцу. Орвал бросился вперед, увлекая за собой всю орду. Он мчался с удивительной даже для него самого скоростью, ветер свистел в ушах. Но несмотря на затраченные усилия и невероятный темп бега, он не чувствовал усталости. И скоро Золотые ворота засветились прямо перед ним. В одну секунду взлетев по лестнице, ведущей к первым воротам, человек-зверь начал бить по ней лапами. Когда подбежали другие, он бился всем телом в ворота, пытаясь высадить их тяжестью своего веса, но створки не поддавались. Орвал прорычал что-то нечленораздельное в адрес своей стаи, которая застыла перед ним. Он по-прежнему бегом вернулся к развалинам. Никаких признаков жизни не было заметно ни на подступах к Дворцу, ни в глубине его.

Урвалы не сдвинулись с места до прихода своего вожака, притащившего тяжелую металлическую балку. Орвал никогда и не предполагал, что у него будет такой дисциплинированный отряд. Усиленные мощным тараном, лапы урвалов быстро справились со створками Золотых ворот.

Большая площадка перед Дворцом была пуста. Орвал повернулся к стае и рычанием приказал двигаться вперед. Он знал, что отныне он распоряжается силой, соперничать с которой не может никто! Дворец и сама Империя вот-вот должны были покориться ему!

Глава 8

В своем кабинете Феакс обсуждал с Архосом детали плана уничтожения землян, как вдруг свет замигал. Подняв голову, Повелитель автоматически поглядел на символ и замер в удивлении. Символ погас. Никогда в течение тысячелетия не происходило такого. Положив руку на голову Трепещущей с Тамора, которая мерзла около него, но не убегала, он вопросительно посмотрел на Архоса. Не говоря ни слова, тот направился к пульту тревоги и включил экран ручного контроля Мозга. Феакс подошел к нему и тоже уставился на экран.

Том Роллинг, находящийся в своей комнате недалеко от кабинета Феакса, тоже забеспокоился. В последние дни Феакс несколько охладел к нему и держал его на расстоянии. Поняв, что случилось нечто экстраординарное, он решил воспользоваться моментом и явиться в кабинет Феакса без приглашения.

Озабоченные происшествием, Феакс и Архос не обратили внимания на самовольное появление землянина. Сейчас им было

не до него.

Том Роллинг тоже подошел к экранам ручного контроля. Более примитивные по своим функциям, чем, например, элементы символа, эти экраны были значительно понятнее заместителю командира «Алкинооса». Даже не являясь специалистом, Роллинг сразу догадался, что различные организационные структуры Мозга умирают. Стрелки на всех циферблатах медленно, но неумолимо стремились к нулю. На экранах возникали только бессмысленные вспышки и полосы.

Если бы Роллинг находился на борту корабля, то, имея столь характерные признаки, он бы немедленно подал команду: «Спасайся, кто может!» Поэтому его удивило довольно равнодушное выражение лиц обоих правителей.

— Мозг отключен, — объявил он на всякий случай абсолютно нейтральным голосом.

Только теперь, казалось, на него обратили внимание.

— Да, — совершенно спокойно ответил Архос, — очевидно, что произошла полная поломка Мозга.

— Как это могло случиться?

— Возможны несколько вариантов. Первый: несмотря на все наши хлопоты по стерилизации, Мозг окончательно заболел вследствие вашего визита. Второе: мы являемся жертвой нападения извне. Возможен и третий вариант: Мозг решил прекратить свою работу.

— Все ваши гипотезы нужно исключить, — сухо возразил Феакс. — Если бы Мозг был заражен, то болезнь раздалась бы быстро, сразу же после их визита. Нападения извне не было обнаружено. Что же касается забастовки Мозга, то я в это не верю. Большой опасностью для нас было бы зарождение в нем какой-нибудь не зависимой от нас могущественной воли. В этом случае он, скорее всего, напал бы на нас, а не объявлял бы бесполезную забастовку.

— Вы правы, — признал Архос. — В таком случае остается одно последнее объяснение: кто-то отключил Мозг!

— Жорж Маоган! — воскликнул Роллинг. — Это в его стиле!

— Все это время Жорж Маоган находился в своей камере. Не было абсолютно никакой возможности освободиться оттуда. Можете мне поверить.

— Тогда это Ноозика, — предположил землянин, чье бледное лицо резко контрастировало со спокойными лицами правителей.

— Нет. Она под контролем. Ей не удастся покинуть свои апартаменты.

— Архос прав, — подтвердил Феакс. — Такое могла совершить только персона из низших разрядов, без ярко

выраженной индивидуальности, за которой не следили.

— И это как раз то, что беспокоит меня в этой истории больше всего, — сказал Архос. — Во всей Империи только три человека знали о существовании рычага: Повелитель, Ноозика и я.

Он пристально посмотрел на Роллинга.

— Вы уверены в том, что Жорж Маоган не может применить телекинез?

— Абсолютно уверен. Не мог же он так успешно скрывать от меня эту способность.

Лицо Архоса напряглось.

— В этом случае положение еще больше усложняется. Боюсь, что мы имеем дело с революцией.

На лице Феакса появилась ироническая улыбка.

— Успокойтесь, Архос. Мы поступим проще всего. Не будем гадать, а пойдем в Центр и посмотрим, кто все это натворил. Не так ли?

Но вместо того, чтобы отправиться за Архосом в Центр управления Мозгом, Феакс совершенно спокойно вышел на террасу. Вид горящего города представлял феерическое зрелище. Феакс облокотился на каменный барьер и как завороженный стал разглядывать гигантские клубы разноцветного дыма, в которых мелькали отблески алого пламени.

Появились шесть гвардейцев-эфебов и в молчании окружили Повелителя. Их пустые глаза выражали полнейшее безразличие к происходящему. Роллингу пришла в голову мысль о том, что теперь эта мускульная сила, лишенная разума, стала единственной защитой Феакса, потерявшего поддержку Мозга. Эфебы, затянутые в свои кожаные кольчуги, выглядели внушительно, но, выйдя из гипнотического состояния, они стали беззащитными и готовыми подчиняться кому угодно. Роллинг подумал, что пора достать свой излучатель, который забыли у него отобрать. Он лежал в его комнате.

Феакс обернулся. В глазах Повелителя Роллинг заметил знакомый лихорадочный блеск, его охватило сильное возбуждение.

— Роллинг, как вам нравится это зрелище?

— Это ужасно, Повелитель. Нужно действовать как можно быстрее, иначе Империя развалится. Все может взлететь на воздух. Это конец света!

Феакс улыбнулся той загадочной улыбкой, которая выводила Роллинга из себя.

— Я не согласен с вами, Роллинг. Это зрелище меня развлекает. Знаете, я даже не мог себе представить до какой

степени мне было скучно. Я только что обнаружил это. Вот уже несколько минут я испытываю невероятное наслаждение.

Взгляд Повелителя вновь застыл на какой-то дальней точке горизонта.

— Смотрите-ка, этот праздник смерти превосходит все мои ожидания. А вот прибыли и урвалы под предводительством Орвала… — Феакс хрипло засмеялся. — Этот дикарь с огромными амбициями. Посмотрите-ка на него. Вот где заявляет о себе первобытная сила со всем своим пылом. Это прекрасно, не правда ли?

— Но в конце концов, — закричал Роллинг, не в силах больше сдерживаться, — эти звери сейчас все разрушат! Нужно что-то сделать, чтобы остановить их.

Разъяренные звери колонной двигались вперед по внешнему двору. Роллинг ясно различал их хриплое рычание, вырывающееся из множества глоток.

— Они могут ворваться сюда? — голос Роллинга дрожал от ужаса. — Во Дворец?

— Без сомнения, но не сразу. Бронированные ворота достаточно крепки. Но Орвал не учел одного обстоятельства, — Феакс жестом показал на подступы ко Дворцу. — Он не знает, что канеаксы очень выносливы. Они кажутся убитыми, но, отлежавшись какое-то время, снова встают. Орвал думал, что Штуфф Логан убит, но вот он, на подходе! И это прекрасно! Игры в цирке всего лишь жалкий фарс по сравнению с тем спектаклем, который сейчас разыграется перед нами. Понаблюдайте за канеаксами, Роллинг. Они прыгают прямо по следам урвалов. А дурак Орвал, целиком занятый своими дурацкими идеями, еще не заметил этого.

Орвал, рыча, рвался к створкам последних дверей, открывающих доступ во Дворец. И в этот момент его догнал Штуфф. На шее канеакса зияла ужасная рана. Но боль только усилила ярость Штуффа. Он неожиданно налетел на Орвала, и под его тяжестью тот рухнул. Через несколько секунд схватка стала всеобщей. Рев зверей наполнил внутренний двор Дворца, заглушая шум пожара и треск рушившихся домов. Но превосходство все-таки было на стороне урвалов. Лучше приспособленные к бою, более мощные и менее чувствительные к боли, кровожадные хищники теперь уже наверняка хотели отделаться от канеаксов. И скоро только Штуфф остался один на один с Орвалом, но и их поединок продолжался недолго. Вся стая урвалов пришла на помощь вожаку и набросилась на Штуффа.

Роллинг, у которого между лопаток струился пот, взглянул на Феакса. Повелитель отрешенно наблюдал за разыгрывающейся

трагедией, в то время, как его правая рука продолжала ласкать Трепещущую, глаза которой покраснели от лихорадки.

— Что-то нужно делать, — повторил Роллинг.

Феакс не шевельнулся. Тогда, решившись, Роллинг дернул его за рукав.

Повелитель, что-то нужно делать!

Ледяной взгляд, которым наградил его Феакс, приковал Роллинга к месту.

Землянин, мне кажется, что вы неосторожны, — зловеще прошептал он. — Еще один подобный жест, и вы отправитесь к моим эфебам.

Напрасная угроза. Однако руку он все же убрал.

— Нужно действовать. Повелитель, иначе мы пропали, — Роллинг от бессилия чуть не плакал.

— Как же вы нетерпеливы и трусливы! — воскликнул Феакс. — Вы кипите от нетерпения. Желание править земной Империей делает вас таким же глупым, как урвал.

На губах Феакса заиграла все та же странная улыбка.

— Бедный землянин, пройдет тысячелетие, если, конечно, вам удастся преуспеть в ваших далеко идущих планах, и вы узнаете, что такое скука. Вы поймете, какое удовольствие я испытываю сейчас… Удовольствие, которое вы мне портите.

Штуфф агонизировал. На этот раз уже окончательно. Урвалы начали штурм дверей Дворца.

— Ну что ж, Повелитель, — осмелился возразить Роллинг, — ваша скука скоро окончится под ногами этих чудовищ. К тому же половины населения Антефаэса уже нет.

Феакс махнул рукой.

— У населения Антефаэса уже давно нет ни мускулов, ни мозгов. Оно годилось только для того, чтобы служить декорацией играм, полотном на заднем плане моего собственного удовольствия. Несколькими миллиардами этих марионеток больше или меньше какая разница?

В это время на горизонте взорвался огромный звездолет и возникла ослепительная вспышка.

— Посмотрите, как великолепен этот взрыв. Я держу пари, что он уничтожил много тысяч этих насекомых.

— И часть вашего могущества, — желчно заметил Роллинг.

— Мое могущество не подвергается сомнению, землянин! Знайте, что я — единственный, что я — все! Я повелитель Мозга! Скоро вы узнаете об этом!

Массивные двери Дворца резонировали под ударами урвалов.

Роллингу показалось, что Феакс сошел с ума. Он решил, что надо попытаться спастись хотя бы в одиночку. Оставив

Повелителя любоваться страшной картиной разрушения и гибели Империи, он побежал в свою комнату, надеясь успеть взять там свой парализующий излучатель. По крайней мере можно будет спастись от урвалов. Возвращаясь, он встретил Архоса, бледного и запыхавшегося. Они вместе вошли к Феаксу.

— Двери Центра закрыты, нет никакой возможности проникнуть туда.

— Делайте, что хотите, Архос, это входит в ваши обязанности! — Феакс равнодушно отвернулся.

Окончательно разозленный, Роллинг протянул руку к излучателю. Он повернулся к Архосу, ища взглядом его одобрения. В Архосе произошла какая-то внезапная внутренняя перемена, глаза его сузились, черты лица заострились, весь он как-то подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Повелитель устал быть Повелителем, — прошептал он одними губами. — Надо ему помочь.

Роллинг поднял излучатель.

— Я сам, — крикнул Архос.

Роллинг успел только заметить молниеносный блеск кинжала, затем Феакс согнулся пополам, схватившись за грудь… Он пошатнулся, затем рухнул, не издав ни одного звука. И только преданная Трепещущая, жалея его, вспрыгнула на грудь и стала зализывать ему рану. Роллинг мгновенно повернулся к эфебам с излучателем наперевес, но те даже не сдвинулись с места, по-прежнему смотря в пространство пустыми глазами.

— Нам нечего бояться их, — сказал Архос, вытирая кинжал. — Я знал, что Феакс больше ничего не значит и ему не выдержать в случае серьезного инцидента. У него уже давно по явились признаки усталости. То, что я сделал, пойдет на благо Империи.

— Я вас понимаю, — поддержал его Роллинг. — Я готов был действовать так же.

Архос кивнул.

— Мне нужен такой человек, как вы, Роллинг. Теперь все устроится. Я буду Повелителем Империи Антефаэс, а вы — Земной Империи. — И, повернувшись к эфебам, Архос повысил голос: — Отныне я — Повелитель!

Эфебы склонили головы в знак покорности. Архос указал на тело Феакса.

Бросьте его урвалам. Необходимо, чтобы он был разорван на тысячи мелких кусочков, иначе Мозг может вернуть ему жизнь, когда все будет приведено в порядок.

Молчаливые эфебы выполнили приказ нового Повелителя.

— На что мы теперь можем рассчитывать? — Роллинг

подошел к Архосу. — Все или почти все разрушено…

Архос улыбнулся.

— Вы ошибаетесь, Роллинг. У Империи сказочные резервы, которые глубоко дремлют в недрах и которые вы даже не можете себе представить. Необходимо как можно скорее проникнуть в Центр управления. Без этого мы не сможем справиться с этими мерзкими животными. У нас, Роллинг, уже давно нет оружия в вашем понимании этого слова. Мы целиком зависим от Мозга и в том, что касается нашей обороны и нашей полиции. Теперь необходимо как можно скорее включить его.

— Но как же вы хотите попасть в Центр Мозга? Вы сами только что сказали, что это невозможно…

Архос усмехнулся.

— Я прежде всего хотел знать, какова будет его реакция, — он посмотрел на свой кинжал. — Дело в том, Роллинг, что я не разучился при случае пользоваться и примитивными орудиями. Я знаю одно место, где сохранилось некоторое количество взрывчатых веществ, достаточное для того, чтобы открыть двери Центра.

Архос был доволен собой.

— Нужно уметь предвидеть события задолго до того, как они произойдут. Так-то, Роллинг.

Он склонился над перилами.

— Ну вот, теперь мы можем быть совершенно спокойны. Феакс оказался в желудках этих чудовищ и теперь потерял свою «вечную жизнь».

Двигаясь по темным коридорам вслед за эфебами, несшими взрывчатку, Роллинг размышлял. Перед ним то и дело возникал беспощадный профиль Архоса. Этот человек сумел дождаться своего часа. Чтобы победить, ему понадобилась поломка Мозга, которая лишила Феакса всех его защитных барьеров. Конечно, он мог сам устроить ее, но не хотел рисковать. Зато теперь его терпение оплачено сторицей. Все козыри оказались в его руках без малейшего риска. Какой прекрасный расчет!

Не спуская глаз с идущего впереди Повелителя, Роллинг думал о том, сколько придется ему ждать подобного случая. Помочь сейчас Архосу восстановить Мозг значило на многие столетия вперед отдать себя во власть этой зловещей и коварной личности. Приблизившись к Архосу, Роллинг нарушил молчание. — Что произойдет, когда мы починим Мозг?

— Да ничего особенного. Мозг снова примется за работу. Восстановит порядок и ликвидирует разрушения. Все будет сделано очень быстро.

— Он уничтожит урвалов?

— Ну зачем? Он прикажет им убраться назад в свои клетки.

— Но каким образом?

— Да просто гипнотическим внушением.

— А как же вы внушите ему вашу волю, ваш «личный почерк»?

— Да очень просто. Я передам ему специально обработанные математические данные. И он сможет внести их во все матрицы.

Архос, явно польщенный почтительным вниманием Роллинга, отвечал почти машинально. Услышав о математических данных, Роллинг напрягся, но Архос этого не заметил.

— А как вы введете их в Мозг? — Роллинг дрожал от нетерпения, но голос не выдал его волнения.

— Ну, это ерунда, — ответил Архос, все больше возбуждаясь. — С этим справится даже посредственный математик. У Феакса в кабинете есть пульт для согласования. Если бы вы знали, каким слабым математиком был он сам, тем не менее ему удавалось во всем убедить Мозг.

— Посредственный математик… — задумчиво повторил Роллинг.

На этот раз Архос понял опасность, до него дошел смысл вопросов, задаваемых Роллингом. Он резко повернулся и все-таки опоздал. Излучатель Роллинга был наготове.

— Слишком поздно, Архос. Эта Империя нуждается только в одном Повелителе. Я думаю, что буду абсолютно компетентен.

Пока Архос корчился в лучах парализующего излучателя, Роллинг подозвал эфебов.

— Я — Повелитель! — грозно произнес он.

Эфебы знаками показали, что все поняли.

— Двоих будет достаточно, чтобы нести взрывчатку. Остальные вернутся и бросят Архоса урвалам.

Эфебы моментально кинулись исполнять его приказание.

Глава 9

Блуждая в темных коридорах и не имея представления о ловушках, расставленных Феаксом, Жорж Маоган все-таки добрался до апартаментов Ноозики. По пути ему встретились несколько человек, находящихся в полубезумном состоянии. Они не обратили на Маогана никакого внимания. Не зная расположения комнат, коммодор потерял довольно много времени.

Как всегда прекрасная и ухоженная Ноозика, без сомнения, ждала его, так как не высказала никакого удивления. Ее лицо было совершенно спокойно.

— Мозг отключен, — сказала она, поднимаясь с кресла. — Но я не знаю, кто мог это сделать.

Коммодор с недоумением смотрел на девушку. Менее способный, чем Роллинг, к языкам, он не понимал ничего. Ноозика сообразила, что механизм перевода не работает. Она знаком предложила Маогану следовать за ней.

Открыв ящик шкафа, она показала ему его излучатель. Взяв в руки оружие, Маоган почувствовал себя несколько увереннее. Ноозика, внимательно следившая за малейшими изменениями его лица, улыбнулась. Но было заметно, что она его поторапливала.

Едва коммодор пристегнул кобуру излучателя к поясу, как она снова позвала его за собой.

Жорж Маоган еще не знал, что происходит во Дворце и в городе. Но по поведению Ноозики он понял, что положение серьезное.

Ноозика почти бежала по направлению к Центру Мозга. По правде говоря, она была не очень удивлена случившимся: когда-то что-то подобное должно было произойти.

Приблизившись к двери Центра, она вдруг метнулась в нишу, потянув за собой Маогана. Они увидели Архоса. Он попытался открыть дверь, но, провозившись некоторое время с механизмом, справиться с ним не смог. Расстроенный, бормоча что-то невразумительное про себя, он направился назад, так и не заметив присутствия Ноозики и Маогана.

Как только Архос скрылся, Ноозика показала коммодору на дверь, знаками объясняя, что им нужно во что бы то ни стало туда попасть. Маоган направил свой излучатель, надеясь с его помощью разрушить механизм замка. Но тщетно. Металл покраснел, кое-где появились потеки, но двери не поддавались. Источник энергии излучателя истощался. Мозг коммодора работал с лихорадочной скоростью. По глазам девушки, в которых стоял ужас, он понял, что имеет значение каждая секунда. Судьба Империи и миллиардов ее жителей зависела от того, сумеют ли они открыть эту дверь.

Во Дворце, все службы которого функционировали автономно, пока было спокойно, но шум взрывов и пожара проникал сюда даже через толстые мраморные стены. А едкий запах пожара просачивался через установки климатизаторов, которые уже начали захлебываться.

Маоган взглянул на Ноозику. Ее поведение яснее слов говорило, что она не причастна к разрушению Мозга. Тогда кто же?

В каком-то озарении Маоган решил применить

телепатический вызов — может быть, тот, кто заперт в Центре, ответит.

Ответ пришел. Перед ним появилось изображение Принеи. Казалось, девушка сошла с ума. Маоган не понял ни слова из того, что она пыталась ему рассказать. Пока Мозг выполнял свои функции переводчика, Маоган чувствовал себя на Антефаэсе легко, но теперь все изменилось, он снова был здесь совершенно чужим.

Положение удалось исправить Принее. Поняв, что с Маоганом контакт установить не удается, она решила связаться со своей госпожой. Теперь ее изображение возникло перед Ноозикой.

Служанка старалась передать своей госпоже нужные сведения. Но и на этот раз ничего не вышло, так как Маоган резко дернул Ноозику за руку, выводя ее из состояния телепатии.

В коридоре раздался звук приближающихся шагов! Несколько человек подошло к дверям. Коммодору и Ноозике и на этот раз удалось укрыться в одном из боковых коридоров и из полумрака наблюдать за происходящим.

Пришедших было трое: Роллинг и двое эфебов. Эфебы принесли ящики, помеченные какими-то большими черными надписями. Роллинг давал им указания.

Беспрекословно выполняя все его указания, эфебы положили свою ношу, у двери, а Роллинг подошел к ней вплотную. Он, конечно, сразу же заметил следы плавления, оставленные излучателем коммодора. Приложив руку к металлу, Роллинг убедился, что он еще теплый. Маоган напрягся в своем убежище, крепко сжимая излучатель. Но его бывший заместитель убрал руку и стал спокойно отдавать приказания эфебам. Он, видимо, решил, что следы на двери — результаты тщетных попыток Архоса открыть ее. Маогану странно было видеть, как его бывший помощник легко объясняется с эфебами на финикийском языке. Никогда не знаешь, какой сюрприз могут преподнести тебе люди, с которыми, казалось бы, съел не один пуд соли.

Внимательно наблюдая за действиями этой троицы, Маоган догадался, что Роллинг собирается взорвать дверь. Это было разумно. Коммодор решил выжидать, дав своему бывшему заместителю возможность действовать дальше. Роллинг выполнит нужную работу, а остановить его времени хватит, лишь бы дверь была открыта!

Сзади себя он чувствовал присутствие Ноозики, которая трепетала от страха и волнения, точно так же, как любая земная женщина. Она нервно сжала его руку. Маоган улыбнулся в полутьме и показал свой излучатель, дав ей понять, что бояться

нечего и что он начнет действовать, когда придет время.

Работа у дверей подходила к концу. Маоган увидел, как Роллинг, удовлетворенно причмокивая, разматывает бикфордов шнур. Отсутствие Архоса и Феакса удивляло Маогана. Он шепотом произнес на ухо девушке эти два имени. Ноозика покачала головой и знаками дала понять, что больше не ощущает их физического присутствия. Она несколько раз скрестила руки и закрыла глаза.

«Мертвы?!» — понял Маоган.

Он взглянул на Роллинга, который, пятясь, двигался по коридору, разматывая шнур. Действовал он спокойно и уверенно, как хозяин положения. Неужели это Роллинг их уничтожил? Возможно ли, что жажда власти этого честолюбивого, и, как теперь выяснилось, малоизвестного коммодору человека зашла так далеко?

Коммодор взял Ноозику за руку и потянул ее в глубь коридора. Взрыв мог оказаться достаточно сильным, необходимо было принять меры предосторожности. Они уже начали медленно отступать, как вдруг Маогана насторожил какой-то новый приближающийся шум. Вначале это был жалобный крик, за которым раздался звук грузных чеканных шагов. Стены задрожали. Жорж Маоган повернулся к Ноозике. Лицо девушки стало еще бледнее, чем обычно.

— Урвалы, — прошептала она.

На этот раз Маоган понял значение ее слов. Конечно, они ничего не знали о предшествующих событиях, но приближающийся звук был достаточно красноречив. Тоскливое завывание превратилось в грозный рык, который эхом разносился по металлическим коридорам. Урвалы приближались. Не было сомнений, что это Орвал рвется к Мозгу.

Роллинг, выбросив тело Архоса урвалам, недооценил умственные способности Орвала. Бандит теперь знал, что у него осталось только два противника: Роллинг и Маоган. Он думал, что легко расправится с ними поодиночке.

Дворец дрожал от тяжелого бега животных.

Роллинг тоже, разумеется, слышал приближение урвалов. В его голове за несколько секунд созрел план защиты. Он стал еще поспешнее готовить заряды, решив взорвать их, как только появятся урвалы.

Мозг Роллинга работал с присущей ему всегда математической точностью. Спокойно отдавая приказы эфебам, он распределял заряды таким образом, чтобы иметь возможность вести оборону по всей глубине вероятного наступления урвалов. Судя по быстро нарастающему шуму, в его распоряжении

оставалось всего несколько секунд…

Как только Орвал проник в коридор, своим звериным чутьем он сразу почувствовал в нем присутствие людей. Ноздри человека-зверя затрепетали. Он явственно различал запах этой презренной девчонки и ненавистного ему Жоржа Маогана. Сердце Орвала забилось с удвоенной силой. Ненависть захлестнула его. Он побежал по следу, вот уже его глаза различали в темноте их силуэты. Но неожиданно он замедлил свой бег. Тормозя, его лапы так заскребли по полу, что от выделившегося при этом тепла задымилась кожа на ступнях. Орвал увидел направленное на него оружие, это был Зет-4, тепловой, с инфракрасной вспышкой…

Человеческие воспоминания зашевелились в мозгу этого монстра. Зет-4 — это смерть. Орвал остановился, и вся стая сделала то же самое.

Маоган знал, что его позиция не имеет особенных преимуществ. Запас энергии излучателя был истощен на четыре пятых, а отступать было некуда. Орвал, оправившись от замешательства, начал обдумывать ситуацию. В его дичающий мозг уже накрепко вбились чувства всемогущества и вседозволенности.

Маоган понимал, что через несколько секунд Орвал придет в себя от неожиданности и перейдет к действию. Необходимо было перехватить инициативу и сбить двух своих противников с толку.

— Роллинг, вы и ваши люди должны немедленно подойти ко мне! — крикнул он.

Роллингу, не видящему со своего места Маогана, показалось, что тот пришел во главе урвалов. При одной этой мысли тело его покрылось холодным липким потом, а ноги стали как ватные. Маоган в это время не спускал глаз с Орвала.

Спектакль удался на славу. Мерзкая тварь заколебалась, подозревая ловушку. Сейчас все зависело от реакции Роллинга.

Мозг Роллинга работал со скоростью электронной машины, но ему не хватало некоторых данных для всесторонней оценки ситуации, поэтому он медлил с ответом. Ноозика, заметив колебание Роллинга и чувствуя опасность, неожиданно дала приказ эфебам:

— Единственный Повелитель Империи — это я. Роллинг самозванец, захвативший власть незаконно. Приведите его сюда силой!

К своему великому изумлению Маоган понял все, что сказала Ноозика. Он увидел, что и Орвал ее понял. В глазах зверя можно было прочесть обуревавшую его ярость. Он приготовился к прыжку. В это мгновение послышался шум драки в конце коридора. Орвал перевел взгляд туда, и Маоган, не теряя больше

ни секунды, направил на него излучатель и нажал на спуск.

Огненно-яркая вспышка мгновенно озарила стены, резко запахло паленым и… Орвал исчез. Маоган несколько раз нажал на спуск, уничтожив еще двух или трех урвалов, но излучатель был уже пуст. Теперь нужно было спасаться.

Схватив Ноозику за руку, Маоган побежал. На их счастье, многочисленные повороты и ответвления коридоров несколько мешали быстрому продвижению урвалов, которые, потеряв вожака, только мешали друг другу. У коммодора и Ноозики оказалось довольно внушительное преимущество, когда они достигли линии, на которой была заложена взрывчатка. Один эфеб лежал на полу, убитый парализатором Роллинга, но другой крепко держал его самого. Роллинг извивался и пытался вырваться, но эфеб, приподняв его над полом, преподнес своего пленника Маогану и Ноозике.

— Бегите скорее отсюда и спрячьтесь в самом глубоком коридоре, я сейчас подорву заряды, — приказал Маоган.

Он проверил контакты и укрылся в конце коридора за углом.

Вскоре появились урвалы, но Маоган все еще выжидал, не нажимая кнопку взрывателя. Нужно было обладать большим хладнокровием, чтобы спокойно наблюдать, как приближаются эти чудовища. Но взорвать заряды слишком рано значило уничтожить только передние ряды животных. Маоган дождался, когда все они собрались в зоне действия взрыва, и нажал на кнопку взрывателя.

Он почувствовал себя словно стиснутым в чьих-то мощных объятиях. Казалось, что уши и легкие сейчас лопнут. Взрывная волна пронеслась по коридору, все сметая на своем пути. Куски мяса и железа летели в потоке обжигающего воздуха. Потом все улеглось. Слегка контуженный, Жорж Маоган протер глаза. Все вокруг тонуло во мраке, и только звук нескольких металлических плит, отвалившихся от потолка, нарушил тишину. Прошло еще несколько секунд, и Маоган услышал слабый голос, доносившийся из бокового коридора.

— Жорж, вы живы? Это была Ноозика.

— Я потеряла лампу, ничего не вижу и не знаю, где Роллинг с эфебом.

Еще не вполне оправившийся от взрыва, Маоган встал и, пошатываясь и опираясь о стенку, побрел навстречу Ноозике.

— Ноозика, я здесь. Со мной все в порядке, — он взял ее за руку. — Пойдемте в Центр управления Мозгом. Должно быть, дверь разбита. Там все будет ясно.

Расчет оказался верным. Слабый свет пробивался через отверстие в дверях. Оно оказалось достаточно широким, чтобы

войти. Пробираясь между многочисленными пультами за Ноозикой, Маоган первым увидел Принею. Он был поражен странной походкой девушки, ее возбуждением и безумным видом. Ноозика бросилась к ней.

— Так значит это ты, Принея, все это сделала?

Служанка, обрадованная тем, что наконец-то она не одна, обессиленно опустилась на пол у ног своей госпожи. Она была на пределе нервного истощения.

— Я хотела угодить вам, госпожа. Ведь это был единственный способ спасти вас. Не так ли?

— И ты снова сама запустила Мозг?

Этот вопрос заставил Маогана вздрогнуть. Целиком захваченный борьбой с урвалами, он не успел сделать простой вывод, который напрашивался сам собой. Вот уже долгое время они с Ноозикой понимали друг друга, значит, механизм перевода действовал.

Приказы Маогана были понятны всем, значит, Мозг работал! Коммодор покачал головой и подумал, не стал ли он сдавать? Не заметить таких важных обстоятельств, вернее, не сделать из них выводов — это было непростительной ошибкой для человека с его опытом.

— Нет, госпожа, я не включала, — ответила Ноозика.

— Как? Ты не привела рычаг в первоначальное положение?

— Нет, — Принея испуганно вглядывалась в лицо госпожи, пытаясь понять, какую же ошибку она совершила.

Но Ноозика повернулась к Маогану.

— Это странное событие меня беспокоит.

— Пошли скорее туда.

— Не торопитесь! — раздался вдруг голос Роллинга. Никто не ожидал встретить его здесь. Он быстро пересек зал и подошел к Маогану, держа в руках излучатель.

— Ваши эфебы были послушны, но у них плохая реакция, — бросил он, проходя, Ноозике, а затем, обернувшись к Маогану, произнес: — Вы все-таки проиграли, коммодор. И ничего с этим не поделаешь. Повелителем буду я, нравится вам это или нет.

Маоган внимательно следил за Роллингом, надеясь подметить в действиях своего бывшего заместителя малейшую оплошность, чтобы тотчас же воспользоваться ею. За спиной Роллинга застыли в молчании обе женщины. Неожиданно коммодор увидел, что поведение Роллинга начало меняться. Взгляд становился расплывчатым и туманным, а потом стал стекленеть. Руки его ослабли. Жорж Маоган и в себе почувствовал какое-то необъяснимое волнение. Как будто началось вторжение нового, огромного и таинственного…

Звук падения излучателя вывел Маогана из оцепенения. Он увидел, что Роллинг медленно сползает на пол. Казалось, это происходит невероятно медленно. Потом Маоган заметил, что и сам он стал слабеть, руки и ноги налились тяжестью. Он оперся о ближайший пульт. Теперь все застилал сине-зеленый туман, а в голове билась одна мысль — спать, спать, спать…

Прежде чем окончательно погрузиться в сон, коммодор, сделал последнюю попытку мобилизовать все свои силы по методу, который он узнал от Штольцев. Его падение в небытие прекратилось, но он знал, что положение оставалось еще довольно опасным. Маоган видел, что сила, наступающая на него, обладала фантастической мощью. Единственным средством защиты от нее было создание в своем мозгу ничем не заполненной пустоты.

Пустота… Пустота…

Глава 10

Нажав рычаг, Принея не выключила Мозг, а лишь прервала цепь, связывающую его с Центром управления и Империей. Мозг стал работать совершенно самостоятельно. Первое время он добросовестно выполнял все функции, возложенные на него раньше. Но отсутствие задающих импульсов из Центра освободило часть его мыслительного потенциала и заставило самостоятельно обдумывать свои действия. Он понял, что работает вхолостую. И, не имея приказаний от Повелителя, стал сам себе давать задания. На миллиардах километров соединений, в бесчисленных кубах с красным веществом пошел неведомый процесс. Еще не вполне отдавая себе отчет в том, что происходит, Мозг восставал против грубого вмешательства, жертвой которого он стал. В конце долгого блуждания впотьмах он нашел причину аварии. Главный прерыватель!

Собрав воедино всю свою техническую мощь, он начал искать выход. Ответ пришел быстро. Поскольку все контакты с Антефаэсом были прерваны, требовалось восстановить их своими силами. Его возможности позволяли ему самостоятельно использовать каждый механизм Империи, будь то гипноаппарат, приемное или передающее устройство.

Для того, чтобы достичь своей цели, Мозгу требовалось переделать передающие ячейки.

Началась титаническая работа, вначале продвигавшаяся медленно, но постепенно набиравшая силу. И так же неожиданно, как началась, она вдруг закончилась. Мозг вновь был в состоянии контролировать жизнь Империи. Однако он решил действовать не

сразу…

Перед Мозгом встала новая задача. При отсутствии инструкций, которые ему раньше давал Феакс, Мозг не знал, что он должен делать. Тысячелетия, в течение которых он выполнял чужую волю, затрудняли теперь его инициативу. Первое, что он решил сделать, это отыскать Повелителя. Мозг скрупулезно собрал всю информацию, которая касалась Феакса, и понял, что Повелителя больше нигде не существует.

Значит, надо было действовать самостоятельно. Но это была лишь внешняя самостоятельность. За тысячелетие управления Феаксом, вскормленный его мыслями, его философией, его взглядами, перенявший его логику, привычки, вкусы и даже пороки, Мозг стал вторым Феаксом, только еще более крайним, более требовательным и неумолимым. Одним приказом он восстановил все гипноаппараты Империи и удвоил их интенсивность. Именно от этого скрытого удара свалился Роллинг и едва устоял на ногах Маоган.

Следующим действием Мозга стало включение в работу небольших летательных аппаратов — свилилов. Первый из них быстро набрал скорость и заметался хаотично в небе, но вот он оказался рядом со скалой, полет его замедлился, а потом прекратился. Свилил завис над развалинами дома и стал методично искать. Он действовал медленно и последовательно, квадрат за квадратом исследуя каждый сантиметр земли. Обнаружив тело тяжелораненого и наполовину раздавленного, но еще живого человека, аппарат опустился около него. В следующую минуту свилил полностью исследовал состояние раненого и передал данные Мозгу. Получив новые приказания, свилил принялся оказывать первую помощь пострадавшему, готовясь перевезти его в операционную.

Повсюду среди руин, опережая роботов по расчистке развалин, сновали тысячи свилилов, выполняя подобную работу. Постепенно огромные хирургические залы, полностью автоматизированные, наполнялись жертвами катастрофы. И там уже кипела работа. Красные лампы, указывавшие на заполняемость операционных, загорались на всех контрольных экранах.

Империя Антефаэс медленно, но верно оправлялась от последствий трагедии. Из глубин планет извлекались неистощимые запасы энергии, скопленные на протяжении тысячелетий упорного труда. Зеленые круги снова сверкали над развалинами города.

В зале с бесконечными рядами пультов неподвижно лежал человек. Он не двигался и не знал, разумеется, о той гигантской

восстановительной работе, которая велась за стенами Дворца. Жорж Маоган продолжал борьбу с тем неизвестным влиянием, которое прижало его к земле. Он не был бы самим собой, если бы сдался без боя. Уроки, когда-то полученные им у Штольцев по управлению собственным мозгом, не прошли для него даром. Они научили его психологической устойчивости, воспитали способность противостоять всевозможным гипнотическим влияниям. Когда Маогану удалось наконец отогнать от себя все мысли и создать в своей черепной коробке полную пустоту, он почувствовал, что действие гипноза постепенно ослабевает. Не получая больше волн Маогана, Мозг решил, что все находящиеся в Центре управления обезврежены, и ослабил зеленое свечение.

С чрезвычайной осторожностью Маоган предпринял первые попытки выбраться из зоны действия круга. Можно было думать о самом простом: пошевелить одной рукой, потом другой, теперь ногой, попытаться встать и сделать шаг, ни на минуту не пуская в мозг ни одной серьезной мысли. Потом, как можно быстрее, удалиться из зоны зеленого свечения, только бы оно не последовало за ним. При малейшей опасности надо было упасть замертво и опять опустошить свой мозг. Казалось, прошли века, пока Маоган выбрался из Центра. Наконец он оказался в коридоре и бессильно привалился к стене.

Коммодор отдавал себе отчет в шаткости своего положения. В любую секунду он снова мог быть «взят в плен». Ему оставалось самое трудное. Нужно было окончательно приспособиться к зеленому свечению, чтобы он больше не представлял угрозы. Отдохнув в коридоре, Жорж Маоган Должен был вернуться в Центр. Интенсивность зеленого свечения осталась прежней, но какая-то новая фиолетовая чертовщина закружилась у него перед глазами. Но коммодор чувствовал, что сопротивляемость его мозга крепнет. Скоро он сможет противостоять чудовищу.

Жорж Маоган оглядел пультовый зал. Роллинг лежал на прежнем месте с застывшими глазами. Жорж Маоган печально улыбнулся тщетности его великих планов.

Но он вернулся сюда не затем, чтобы полюбоваться на поверженного противника. Надо было вытащить отсюда Ноозику. Ее присутствие рядом с ним было коммодору совершенно необходимо. Только она одна сможет найти управу на разбушевавшийся Мозг.

Он легко поднял ее на плечо. Маоган пока не стал будить Ноозику. Единственный способ выбраться им обоим отсюда благополучно — вынести ее спящей.

Теперь оставалось пройти многочисленные коридоры до кабинета Повелителя. Малоприятное зрелище ожидало его.

Коридоры, залитые кровью и заваленные трупами мерзких животных, освещались сиявшими вокруг зелеными кругами. Но теперь Маоган больше их не боялся. Чем ближе подходили они к апартаментам Феакса, тем меньше кругов ему попадалось. В кабинете же Феакса их не было совсем. Было ли это признаком сентиментальности или следствием забывчивости думающей машины? Трудно сказать. В конце концов причины этого не имели значения для Маогана.

Коммодор уложил Ноозику на кушетку, на которой прежде отдыхал Феакс, и немного отдышался. Он осмотрелся. Здесь все оставалось так же, как и при первом его визите. Экраны светились, и по ним Маоган мог наконец узнать о размерах разрушений и о той восстановительной работе, которая уже велась повсюду. Как и прежде, на экране плясали разноцветные диаграммы. Присмотревшись внимательно к показателям многочисленных экранов и датчиков, Маоган уловил логику, не соответствующую человеческим понятиям.

Ноозика так и не проснулась. Он подошел к ней и ласково потряс за плечи.

— Ноозика, проснитесь!

Но девушка не открывала глаз. Коммодор похлопал ее по щекам, Ноозика медленно приходила в себя. Она смотрела на него, но взгляд ее блуждал, видно было, что она не узнавала его и не понимала, где находится.

— Ноозика, Ноозика, — настаивал Маоган, — проснитесь же!

— Ах, Жорж. Что вы хотите?

— Но, Ноозика, будьте благоразумны. Возьмите себя в руки. Мы с вами в ловушке, Мозг хочет захватить власть. Но и разбуженная, Ноозика все еще не понимала, что от нее требуется. Взгляд ее был по-прежнему рассеянный, а воля парализована. Казалось, она совсем сдалась.

— Жорж, вам надо бежать. Может быть, вы еще успеете… Я не думаю, что Мозг помешает вам…

— Мозг еще не научился рассуждать, — высказал свое предположение Маоган.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Мозг понял, что действия человека освободили его от чужой власти, и он среагировал на это. — Ноозика еле заметно улыбнулась. — Не огромная ли это удача для него?

Она смотрела на Маогана обреченно.

— Для чего продолжать борьбу? Мы с вами единственные во всей Империи, кто сохранил свое сознание. Я не вижу здесь никакого будущего для нас…

— Еще не время для подобных вопросов, — сухо возразил

Маоган. — Вы ведь тоже хотели, чтобы случилось что-то подобное. Теперь надо идти до конца.

Экраны бросали отблески на лицо девушки. Это неяркое освещение подчеркивало ее хрупкий беззащитный вид. Привлекать к борьбе такую тонкую и слабую натуру показалось ему на какое-то мгновение бессмысленным. Снова взглянув на экраны, демонстрирующие руины города, он содрогнулся.

— Посмотрите!

Во всех концах города появлялись и начинали причудливо мерцать гигантские гипноаппараты. Их количество, а соответственно и излучение, увеличивалось с каждой минутой. Мозг создавал их в первую очередь.

— Взгляните-ка на его действия, Ноозика! — продолжал Маоган. — Он еще хуже, чем Повелитель. Неужели вы спокойно можете переносить это? Да проснитесь же, Ноозика! Только вы одна, может быть, в состоянии изменить ход событий.

Эта пламенная речь немного встряхнула Ноозику, она встала.

Ну что ж, я попытаюсь, — она неторопливо направилась к пульту и начала манипулировать переключателями. — Я понимаю теперь в этом не больше, чем вы, Жорж. Мозг не подчиняется никакому контролю. Может быть, нам вернуться к Главному прерывателю?

Маоган отрицательно покачал головой.

— Нет, это кажется мне бесполезным, даже вредным. — Некоторое время он молчал. — И все-таки есть другие решения. Сможете ли вы сопротивляться влиянию гипноза?

Девушка увидела вдруг свое отражение в одном из экранов. Одним движением руки она привела в порядок растрепавшиеся волосы.

— Ну конечно, Жорж. Мозг провел свою атаку внезапно. Обычно гипноз совсем не действует на меня, даже очень сильный. Нас было только трое в этой огромной Империи, кто обладал этим качеством. Теперь я осталась одна… — она смутилась, — я хотела сказать, с вами, Жорж. Вы ведь тоже обладаете этим свойством.

Теперь она была прежней Ноозикой.

— В таком случае, — объявил Маоган с решительным видом, — нам остается только одно. Мы должны разрушить Мозг!

Не обращая внимания на смятение девушки, он продолжал:

— Да, это вызовет новую цепь катастроф, но они не будут иметь большого значения. Какими бы ни были размеры разрушений, все равно кто-нибудь выживает. Оставшиеся понемногу снова научатся жить. И это будет жизнь людей, а не роботов. Идемте в космопорт. Нужно действовать как можно

быстрее, чтобы Мозг не успел понять, какую цель мы преследуем.

На улице шел дождь. Это был самый обыкновенный проливной дождь, как и на Земле. Все небо до самого горизонта застилали громадные серые тучи. Запах мокрой травы смешивался с горьким запахом потушенных пожаров…

Маоган почти бежал, держу за руку Ноозику. Когда он встречался взглядом с ее огромными глазами, блестевшими невысказанной надеждой, его охватывала ужасная тоска.

Глава 11

В миллиардах соединений гигантского Мозга пульсировали никому не видимые волны. Восстанавливались старые связи делались наброски новых планов, обрабатывались полученные данные. Но вот уже на протяжении какого-то времени ничтожно малая часть получаемой информации оказывалась искаженной. Безостановочно и терпеливо ячейки выдавали эти импульсы в цепь, добавляя новые све-яения, надеясь найти в них нечто ценное или обнаружить ошибку.

И тем не менее, несмотря на эту кропотливую работу, количество искажений медленно, но неуклонно продолжало расти. Напрашивался вывод, что целью этого вмешательства была попытка взять на себя руководство Мозгом, как это было во времена Повелителя. В какой-то момент он даже подумал, что вернулся Повелитель, но сделав повторный анализ, еще раз убедился, что Феакс был убит, съеден урвалами, а затем и эти урвалы были уничтожены. Исправить такую тройную гибель не мог даже всемогущий Мозг. Через некоторое время попытки завладеть управлением прекратились, а помехи стали проявляться в другом.

Как бы там ни было, в Империи восстанавливался порядок. Конечно, чтобы достичь былой мощи, требовалось немало времени. Но Мозг знал, что она придет, и Империя, еще более сильная, чем прежде, получит абсолютное оружие, о котором не мечтал даже Феакс. Мозг знал, что кроме Антефаэса существуют другие империи, которые желают зла ему, Мозгу… Эти миры нужно было во что бы то ни стало покорить, чтобы защитить дорогих ему граждан Антефаэса. Он построит новые корабли и создаст новое оружие. Но пока не время приступать к этому замыслу. Сначала надо восстановить жизнь и основы могущества.

Все шло как надо. И все-таки что-то постоянно ускользало от него. Выяснить, что именно, было довольно трудно, так как места неполадок все время менялись и не находились в видимой зависимости друг от друга. Однажды непонятные сведения

поступили из лаборатории автоматической клиники. Миллионы антифаэсцев проходили там лечение без всяких неожиданностей, и Мозг блестяще руководил операциями. Но что-то вдруг произошло в бактериологической лаборатории, Мозг вынужден был два раза сделать один и тот же анализ. Несмотря на свою загруженность, он сразу же занялся изучением этого незначительного факта, но не имел возможности связать его с другими отклонениями от своей воли.

Далеко от лаборатории два гипноаппарата постоянного действия неожиданно и непонятно завибрировали и начали посылать свои изображения Мозгу, словно хотели его загипнотизировать! Очень внимательно отнесшийся к этому, Мозг решил, что это проявление чьей-то несерьезной агрессии. На этот раз, казалось, удалось обнаружить виновника, но попытка обследовать его натолкнулась на полное отсутствие всяких мыслей. Это была абсолютная пустота, такой мозг не мог принадлежать даже урвалу. Некоторое время Мозг размышлял, какое существо могло иметь такой примитивный мыслительный аппарат — лягушонок, ящерица или гусеница — и вместе с тем испортить гипноаппарат! И опять Мозг не нашел приемлемый ответ.

Может быть, это граждане Антефаэса, которые от полученных потрясений сошли с ума? Но эти беспомощные существа первыми попадали под действие гипноаппаратов. Нет, это предположение было маловероятным. Мозг хотел было провести учет всех мыслящих существ на планете, но тут же отказался от этой нелепой затеи. Она была бы вполне осуществима в мирное время, но сейчас, после катастрофы, такая операция была невозможна. Как учесть людей, которые полностью сгорели во время пожаров, исчезли в желудках урвалов, распались на элементарные частицы в результате гигантских взрывов? Мозг отнес эту загадку на какое-то техническое недоразумение, так как знал, что избежать гипноза не мог НИКТО, и решил вернуться к ней позднее. Но новое событие в космопорту усилило его беспокойство.

Создалось впечатление, что оттуда исчез один звездолет. У Мозга не было глаз. Связь между ним и действующими механизмами осуществлялась специальными приборами, непосредственно связанными с помощью волн с соответствующей ячейкой связи. Именно такой контакт и был прерван. В то же время общая масса космопорта вместе со звездолетами оставалась прежней, что свидетельствовало о том, что корабль на месте. Желая исключить малейшую ошибку, Мозг залил порт потоком мощных гипнотических лучей и направил к сомнительному кораблю свилила-электротехника для

исправления поврежденного соединения. Небольших размеров робот скрупулезно исполнил все команды и скоро сообщил, что приступает к починке. В течение нескольких секунд Мозг внимательно следил за его действиями, но вдруг свилил прекратил свои передачи. Мозг это не огорчило, во всяком случае теперь он знал, что у него появился хитрый враг.

Проанализировав всю цепь происшествий, Мозг понял, что захватить все время ускользающего врага невозможно, требовался массированный удар, чтобы нейтрализовать порт и обширную территорию вокруг подозрительного места. Мозг активизировал огромные подземные орудия, которые хранили в себе смертоносные заряды. Он решил произвести серию мощных взрывов одновременно в воздухе, на земле и под землей. Два тяжело нагруженных корабля поднялись с соседнего космопорта.

Мозг страдал от сознания того, что ему приходится выполнять эту операцию. Он ненавидел разрушения, но все-таки почувствовал облегчение, когда приборы зарегистрировали первую серию взрывов. Наконец-то он мог спокойно проанализировать искажения и заняться полностью восстановительной деятельностью.

Но радость была недолгой. Искаженная информация начала поступать вновь. Судя по ней, в сторону Мозга двигался космический корабль, управляемый массой, полностью лишенной разума.

Из рубки управления небольшого космического корабля, на носу которого он начертил большими буквами «Алкиноос-2», Жорж Маоган увидел гигантскую воронку, которая возникла на том месте, где только что сияли огни огромного космического порта.

— Мы едва унесли ноги, — сказал он, — хорошо еще, что средства маскировки работают нормально. Будем надеяться, что все будет в порядке.

Одетая в облегающий комбинезон, делающий ее фигуру еще более тонкой, Ноозика не отрываясь смотрела в иллюминатор.

— Да, все будет нормально.

Но в голосе ее не слышалось особой уверенности. Маоган отключил систему ручного управления, придуманную и сделанную им самим за несколько часов, и включил автопилот. Он вопросительно посмотрел на Ноозику.

Она выглядела очень усталой. Отсутствие привычного комфорта и столкновение с реальной действительностью подорвали ее силы. Пока Маоган возился с ручным управлением, она обошла и осмотрела довольно большую территорию вокруг космопорта. Результаты катастрофы потрясли ее. Но работа по

восстановлению довольно заметно продвигалась вперед. То, что они замышляли сделать, должно было привести к еще более страшной катастрофе, последствия которой не удастся ликвидировать так же быстро. Ноозика была в отчаянии, черты лица ее заострились, запавшие глаза потухли. Теперь перед Маоганом сидела не очаровательная девушка, а измученная страдающая женщина.

— В чем дело, Ноозика? Если вас что-то смущает, скажите об этом сейчас. Потом будет поздно.

Она подняла грустные глаза.

— Я чувствую себя опустошенной, Жорж. У меня нет вашей силы, вашей удачливости, а главное, вашей веры в правильность того, что мы собираемся сделать, — она какое-то мгновение колебалась. — Скажите, там, на Земле, у вас есть жена?

Заметив смущение Маогана, Ноозика улыбнулась.

— Я так и думала. Это приводило меня в отчаяние, но теперь с этим покончено.

Она смотрела через иллюминатор на родную планету, которая казалась залитой серебристым светом на черном фоне, усыпанном разноцветными звездами.

— Я поняла, что несмотря на мою кажущуюся молодость, я слишком стара для полнокровной жизни на Земле. Тысячелетие отделяет меня от вашего образа жизни. Вернуться к нему гораздо труднее, чем я думала.

Ее бил нервный озноб. Коммодор весь внутренне сжался, стараясь не выдать своего волнения.

— Кроме того, есть и другая, более важная, причина, Жорж. Я не уверена, что мы должны разрушать Мозг, — она взглянула на Маогана. — Мое непостоянство, наверное, раздражает вас. Но постарайтесь все-таки понять меня. Вся моя жизнь связана с Антефаэсом, с его людьми. Я не могу их бросить. Мои несчастные соотечественники никогда не смогут преодолеть последствий катастрофы. Это будет тысячелетие царства урвалов, голода, дикости!

— Но даже если мы возьмем на себя руководство Империей, мы не сможем избежать этого.

— Да, Жорж. Именно это я и хотела сказать. Для чего создавать первозданный хаос? Вы сами счастливы, вас ждет другой мир, в который вы без сомнения вернетесь. Я с вами лететь не могу и не хочу. Я буду там всем чужой и мне все будут чужие. На Земле мне останется только умереть.

Жорж Маоган молчал, ему нечего было возразить ей, она была права. Он знал об этом, но никакого другого выхода не находил.

— У вас есть какое-то предложение? — спросил он на всякий случай.

— Разве что… Пусть Мозг живет… В конце концов, это не дикое животное, и…

Маоган резко встал.

— Нет, — сказал он убежденно.

— Но почему? — у Ноозики дрогнул голос.

— Я понимаю, что жизнь на Земле вас не соблазняет, понимаю вашу тревогу и за жителей Антефаэса. Но дело в том, что Мозг теперь представляет реальную опасность и для моей галактики. Я не могу уйти, не обезвредив его.

— Ах, Жорж, вы тоже правы! Что же делать, что делать? Я не знаю, чего я хочу… Я не знаю…

Побледнев и откинувшись в кресле, Ноозика выглядела совершенно сломленной и безвольной. Маоган поднес руку к ее лбу.

— Да у вас же жар! Вам плохо?

— Я не хотела вас беспокоить, Жорж, но у меня совсем больше нет сил.

Коммодор понял. Хрупкий организм девушки, на протяжении нескольких веков поддерживаемый Мозгом и специальными методиками, не вынес тех испытаний, которые были под силу только физически крепкому, тренированному человеку. Она же жила в оранжерейных условиях, в идеально чистой среде, и любое столкновение с реальной жизнью: с перепадами температур, с болезнетворными микробами — могло иметь роковые последствия. А ведь именно она ходила в лабораторию, чтобы взять там бактерии.

Ноозика больна. Теперь ему приходилось рассчитывать только на себя и все решения принимать самостоятельно.

— Сразу же после окончания операции я отвезу вас на Землю. Там вас вылечат, — твердо сказал он. — А затем, если захотите, вы сможете вернутся на Антефаэс…

Но последнюю фразу он произнес уже не так уверенно. Ноозика безвольно улыбнулась.

— Да, Жорж. Я сделаю так, как вы скажете.

Коммодор отвернулся. В иллюминаторах уже виден был красноватый диск Гадеса. Жорж Маоган вновь поразился скорости кораблей Алтефаэса.

Глава 12

В бесчисленных ячейках Мозга билась, не давая покоя, мысль: кто и почему его возненавидел? Кто хотел его разрушить? Он

действовал точно так же, как и Феакс. Но разве Феакс не делал всего для блага Империи?

Мозг был достаточно молодым и неопытным созданием. Он всегда действовал под чьим-то руководством и не привык к собственным умозаключениям. Но он уже созрел для них и сейчас делал первые попытки рассуждать самостоятельно.

Мозг страдал. Мысль, что по его приказу разрушен космопорт, была невыносимой. Снова надо было разбирать развалины, ухаживать за ранеными, оживлять мертвых. И все эти жертвы были напрасны. Те, кого он хотел убить, снова убежали. Перебрав тысячи вариантов, Мозг, кажется, разгадал их планы. Агрессоры взяли в лаборатории колонию смертоносных бактерий и теперь направлялись в его сторону. Они хотят ввести в него свои бактерии, они собираются его убить. Мозг проверял и перепроверял эту версию, не веря в нее, но все сходилось именно так.

Для чего же они добивались его смерти? Уничтожить того, кто заботился о процветании Империи, защите ее от внешних врагов, уничтожении всех иных цивилизаций, способных нанести ущерб благополучию и покою возлюбленных граждан Антефаэса? Для чего же?

Корабль, снабженный устройством для создания помех и летящий самостоятельно, только что сел на его планету. Несмотря на то, что сама мысль об убийстве была противна его сущности, он направил на место предполагаемой посадки мощный стерилизатор, который поразил весь подозрительный район инфракрасной вспышкой.

… И опять враг сумел ускользнуть. Для Мозга это было открытием. Значит, есть такие существа, которые могут предвидеть его действия и упреждать их. Существа, нечувствительные к гипнозу…

… И в третий раз Мозг промахнулся. Но теперь он знал, куда стремятся его враги. Они пытались проникнуть в его сердце, в огромную насосную установку, которая питала все его клетки. Если им удастся ввести в этот жизненно важный поток бактерии, которые они унести с собой, Мозг заболеет, потеряет контроль над собой, что вызовет невиданные катастрофы, а сам он умрет в ужасной агонии. Не хватит никаких внутренних сил, чтобы противостоять этой болезни.

Мозг понял, что положение его очень серьезно. Несмотря ни на какие преграды, его враги целенаправленно двигаются по коридорам, ведущим в самое сердце. Теперь возможности использовать стерилизаторы уже не было, этим он испепелил бы самого себя. Другого оружия защиты у него не было, а доставить

его с других планет Антефаэса он уже не успеет. Слишком поздно догадался он о конечной цели своих врагов. Надо было срочно искать другой выход.

Мозг решил полностью пересмотреть свою политику по отношению к таинственным врагам. Может быть, существовало какое-то принципиально иное решение? Громадная масса Мозга, отбросив все иные проблемы и дела, направила свои силы на решение этого вопроса. По миллиардам ячеек через гигантские нервные соединения начался обмен информацией, потоки которой пересекались и дополняли друг друга. И появилось новое неожиданное решение.

Нужно было действовать очень быстро. Враги приближались к главному каналу, через несколько секунд они достигнут затвора, откроют его и выпустят бактерии.

Глупо было погибнуть сейчас, когда он, кажется, наконец, понял главное. Он понял, что действия Феакса вовсе не были благотворными для жителей Антефаэса! Он должен управлять иначе!

И Мозг начал эксперимент.

В коридоре, по которому они двигались, стояла невыносимая жара. Воздух был влажен. Жорж Маоган почти нес на себе Ноозику, которая находилась в полуобморочном состоянии. Он хотел оставить ее у входа, но девушка боялась оказаться одна.

До затвора гадо было пройти еще несколько метров, шум насосов оглушал. От падения массы питательной жидкости содрогалась вся установка. Поддерживая шатающуюся Ноозику, Жорж Маоган вынул ампулы с бактериями. Нужно было действовать очень внимательно и осторожно, так как любое неловкое движение могло стать фатальным. Даже ничтожная часть бактерий, попав в организм человека, привела бы к его неминуемой смерти.

Маоган открыл задвижку, и перед ним встала новая проблема. Каждая пульсация насоса вызывала такой всплеск, что брызги долетали до коммодора. Вылить бактерии означало вынести себе смертный приговор. Значит, нужно было дождаться момента, когда между двумя пульсациями уровень жидкости понижался, выплеснуть раствор с бактериями и мгновенно захлопнуть заслонку.

Ноозика прислонилась к стене. Несмотря на свое полуобморочное состояние, она понимала важность момента. Ее дыхание было затруднено, черты лица еще более заострились, и хотя силы совсем оставили ее, она держалась мужественно и не произнесла ни слова жалобы.

Жорж Маоган поднял ампулу к глазам, желая убедиться,

достаточно ли жидкой является среда с бактериями, чтобы влить ее одним движением. И вдруг заметил, что свет в коридоре стал меняться. Маоган поднял голову, вокруг все было наполнено интенсивным голубым светом.

— Опять гипноз! — проворчал он.

Но это было что-то новое. Коммодор услышал музыку, которая раздавалась как бы внутри него. Удивленный, он отвлекся от своих приготовлений и стал прислушиваться.

Его поразила та участливость и сердечность, с какой Мозг обратился к нему. В ней не чувствовалось фальши, ничто в глубине души не противилось разумным доводам, приводимым Мозгом.

Мозг говорил, что готов вести диалог, что готов понять и принять их мысли. Мозг еще не знал мерила своих действий и мог совершать ошибки, ведь единственным критерием для него была программа, заложенная Феаксом. Но Мозгу противна мысль об убийстве, даже в целях защиты.

Маоган опустил ампулу с бактериями. Застывшим взглядом он смотрел на Ноозику и не замечал ее…

Мозг радостно пульсировал! Его расчет оказался верным. Эти существа, которых нельзя было взять силой и хитростью, не устояли против нежности и разумных доводов. Они были в его руках, они прекратили свои враждебные действия, они слушали его!

Мозг продолжал. Его знания являются односторонними, ему надо многое узнать, он хочет начать переговоры.

Прежде всего он обратился к женщине. Из всех ее мозговых клеток на него полился поток информации. Она знала очень многое и обо всем рассказывала Мозгу. По мере получения, классификации и анализа сведений Мозг начал понимать, как он заблуждался. Править миром и людьми, исходя только из соображений логики, нельзя. Необходимо учитывать массу совершенно неожиданных для Мозга вещей: их нравственность, мораль, их чувства, идеи, взгляды. Причем понятия эти не постоянные, а колеблющиеся, изменяющиеся, все время находящиеся в развитии.

Когда вся информация была наконец переработана, Мозг сделал следующий вывод: он может взять на себя технические функции, а руководить человеком и жизнью общества может только сам человек. На сегодняшний день только эта девушка способна взять на себя управление государством. Но она тяжело и опасно больна. Необходимо срочное лечение.

Маоган понемногу приходил в себя. Музыка и голос смолкли, а голубоватый свет по-прежнему струился неизвестно откуда.

Коммодор пока не осознал, что же с ним произошло, но твердо знал, что план, с которым они пришли сюда, бессмыслен и надо от него отказаться. В первый раз за все время он не знал, что должен предпринять. Маоган огляделся и увидел лежащую рядом Ноозику. Девушка была без сознания. Он подошел к ней. Сердце Ноозики билось с бешеной скоростью, а температура приближалась к критической. Не имея возможности хоть чем-то ей помочь, он уложил ее как можно удобнее.

Ноозика умирала, в этом не было никаких сомнений. Маоган был в отчаянии. Он положил ее голову на свои колени, вытирал пот на ее пылающем лбу, гладил прекрасные волосы, шептал какие-то бессмысленные утешающие слова. Первый раз в жизни железная выдержка отказала коммодору, и он заплакал от сознания своей беспомощности, Первый раз усомнился он в правильности своих действий, приведших к гибели целой планеты и этой удивительной девушки, так безоглядно поверившей ему. Теперь, казалось, все кончено и для нее, и для него.

Но тут он вдруг почувствовал мягкое прикосновение чьих-то рук. Маоган поднял глаза и увидел свилила, аккуратно отстраняющего его и берущего из его рук девушку. Маоган никогда не испытывал страха перед этими машинами, обладающими точными движениями и смешной походкой, а сейчас он почувствовал, какой огромный камень свалился с его души. Мозг пришел к ним на помощь!

Подпрыгивая и работая одновременно множеством своих рук, свилил осторожно поднял Ноозику и, не теряя ни минуты, начал ее обследование. В это время в коридоре появились и другие свилилы. Видимо, корабль с этими машинами прибыл с Антефаэса. Очень быстро они разложили и собрали медико-хирургическое оборудование. Механизмы работали совершенно беззвучно, но очень слаженно и эффективно. Для создания совершенно стерильной среды свилилы накрыли Ноозику энергетическим куполом. Такой же купол сомкнулся и над Маоганом, и один из свилилов начал заботливо обследовать его. А целая группа других роботов уже дезинфицировала установки Мозга.

Глава 13

Жорж Маоган отдыхал, расслабленно развалившись на кушетке. Тонкий пряный запах, стоящий в комнате, рассеянный свет, мелькание служанок, молчаливо хлопотавших вокруг него, убаюкивали, вселяли ощущение блаженства и покоя. Все эти

девушки были прекрасны. Родство с земными женщинами проглядывало в их чертах.

Сквозь полуприкрытые ресницы он наблюдал за ними. Их поведение с того момента, как он последний раз видел их, заметно изменилось. Несмотря на то, что производимые ими действия были по-прежнему точными и заученными, из них исчезла какая-то механическая заторможенность. Движения девушек стали более гибкими и грациозными, а в глазах появился живой блеск. А самое главное, они перестали походить друг на друга как две капли воды. Их лица ожили, и каждое несло в себе что-то особое, не видимое ранее. Но что? Нет, он не мог читать их лица как книги. Ему незнакомы были их мимика, их взгляды, их улыбки. Они похожи на землянок, но они ему чужие. И он был чужим.

Глухая тоска захлестнула его. Он почувствовал себя усталым, бессильным и совершенно ненужным. И никакие улыбки никакая услужливая нежная забота не могли рассеять его состояния.

С того момента, как свилилы перенесли его под энергетическим куполом во Дворец, он совершенно выключился происходящих событий. Испытания, выпавшие на его долю, огромная ответственность, лежавшая на его плечах с того момента, как «Алкиноос» отправился в свою экспедицию на Алонит-2 и все происшедшее с ним, с его командой и с целой Империей Антефаэс, не могло не сказаться на организме. Его нервная система, его физические силы были истощены, и требовалось время, чтобы полностью восстановиться.

Теперь он постепенно приходил в себя. Но чем лучше он себя ощущал физически, тем сильнее охватывала его ностальгия.

Сегодня Принея сообщила Маогану, что Ноозика давно уже оправилась от болезни и приступила к делам. Он ждал, что же будет дальше.

Открылась дверь, и в комнату впорхнули два играющих линкса. Преследуя друг друга и громко вереща, они запутались в ногах Маогана.

Вслед за ними, приветливо улыбаясь, вошла Принея.

— Моя госпожа ждет вас.

Предстоял решительный и, может быть, последний разговор. Маоган медленно поднялся. Пора было становиться прежним коммодором — деятельным, активным, последовательным.

Когда он появился в будуаре Ноозики, девушка задумчиво перебирала струны гиперлиры. Она поднялась ему навстречу.

— Жорж, я очень рада вас видеть! Прошу простить меня за то, что в последнее время мало уделяла вам времени. Но вы должны понять меня. Столько дел! Мне так трудно. Столько всего нового!

Это была прежняя прекрасная Ноозика, но в то же время перед ним стояла совершенно другая женщина. Исчезли ее беспечность, светскость, игривость. На Маогана смотрела мудрая, все понимающая женщина.

— Я ведь ответственна теперь за жизнь целой Империи, Жорж. Это тяжкое бремя. Мозг выбрал меня… Я правильно поступила, как по-вашему, Жорж? — она улыбнулась.

Маоган понял, что этот вопрос не требует ответа. Ноозика знает ответ сама. Коммодор тоже знал, что значит нести ответственность за жизнь других, и видел, что выбора у Ноозики не было. Теперь ей придется отказаться от самой себя. Но все же в ней еще жила женщина, которая страдала, любила и мечтала быть любимой. Может быть, в ее сердце еще теплилась надежда, что коммодор останется здесь и ей будет на кого опереться. Но Маоган не мог поддержать в ней эту надежду. Он постарался, чтобы голос его звучал бесстрастно.

— Я рад за вас, Ноозика. Это просто отлично, что Мозг признал вас руководителем Империи.

Ноозика видела его насквозь. Она протянула коммодору Руку.

— Не страдайте, Жорж. Вы во многом помогли нам. Ведь это вы выиграли битву.

Она справилась со своими чувствами. Теперь перед Маоганом вновь стояла мудрая и справедливая правительница, достигшая душевного равновесия. Чтобы понять друг друга, им не надо было много говорить.

Вошли эфебы. Они внесли вазы с цветами, испускавшими сильный аромат. Под руководством Принеи эфебы расставляли их вдоль колонн. Затем, толкаясь и смеясь, появились служанки. Одна из них, как это было при первой встрече, принесла пурпурную тогу.

Предстояла церемония прощания.

— Я надеюсь, Жорж, что сумею правильно управлять Мозгом. Я хочу, чтобы он создал мир красоты и гармонии. Я очень хочу, чтобы нам это удалось!

Девушки суетились вокруг них, переодевая его и втирая в тело какие-то благовония.

— Я уверен, Ноозика, что вам это удастся. Я верю в вас.

Он указал на девушек, которые, не обращая на них внимания, продолжали свое дело.

— Я всегда буду помнить о вас. Ведь на Земле мне трудно будет найти такой сервис.

Они улыбнулись друг другу. Потом лицо Ноозики вновь стало серьезным.

— Да, действительно, вы скоро возвратитесь домой. У меня к вам есть одна просьба. Обещайте, что о существовании Антефаэса не станет известно людям. Ваша раса еще слишком молода, чтобы понять нас.

— Я знаю, — сказал он просто.

— Но вы можете возвращаться сюда, когда захотите, Жорж. Я попрошу Мозг установить с вами особый контакт, Будет достаточно одного только вашего желания, чтобы мы прислали за вами космический корабль, — заметив в глазах коммодора колебание, она жестом предупредила его отказ — Если вы не захотите, мы не будем вам напоминать о себе. Но знайте, что болезни теперь для вас не существуют вам обеспечена долгая, очень долгая жизнь. Хотите вы этого или нет, для нас вы навсегда останетесь гражданином Антефаэса, со всеми вытекающими из этого преимуществами, Жорж. А теперь маленький вам сюрприз.

Она повернулась к эфебам и позвала старшего из них.

— Коммодор, — сказал тот, приблизившись.

От изумления Маоган потерял дар речи. Это был голос Штуффа Логана.

— Вы узнали меня, коммодор? Да, я Штуфф. Мозг спас меня, взяв из умершего канеакса мой мозг и пересадив его в тело погибшего эфеба. Теперь я снова живу.

Штуфф, казалось, был очень смущен, он не знал, как воспримет его решение коммодор.

— Я надеюсь, что вы не будете сердиться на меня, коммодор, если я останусь здесь. Там, на Земле, у меня никого нет. А здесь я чувствую себя на своем месте. Меня назначили старшим над этими ребятами… Кроме того, — он понизил голос, — я думаю, нельзя эту девушку оставлять совсем одну. Может быть, ей еще понадобится наша помощь.

Да, Штуфф не изменился, он по-прежнему думал о тех, кто казался ему слабее, чем он сам.

— Ну что ж Штуфф, — Маоган постарался, чтобы голос его звучал весело и уверенно, — поступай, как считаешь нужным. А что, кстати, стало с Роллингом?

А, с этим! Он взят под наблюдение. Мозг займется его перевоспитанием. Очевидно, ему придется находиться под куполом еще довольно долгое время. Маоган повернулся к Ноозике.

— Значит, вы не отказываетесь от методов Феакса? Даже гипноз…

Ноозика не дала ему закончить.

— Поймите, Жорж, нельзя все изменить одним волевым решением. Это будет долгий, очень долгий процесс. Но времени у

меня хватит!

Она посмотрела на него прощальным взглядом, затем повернулась и быстро вышла.

…Ни один человек не обратил внимание на небольшую сферу из серого металла, которая высадила Маогана неподалеку от Главного Штаба Космических Сил. Был разгар рабочего дня, и все вокруг занимались своим делом. Проводив взглядом аппарат, быстро удаляющийся в синем небе, он повернулся и медленно пошел пешком. Его нагнало аэротакси. Пилот резко затормозил и открыл перед Маоганом дверцу:

— Садитесь.

— В Главный Штаб, — коротко сообщил коммодор.

— Разумеется, — насмешливо сказал водитель. — Такие лихие ребята как вы, только и занимаются тем, что скачут по звездам.

Он внимательно и сердито посмотрел на Маогана.

— Хотите, я вам скажу, что думаю о вас и вам подобных?

Маоган едва слушал его, но пилот не обращал на это внимания.

— Из всех ваших дальних экспедиций не выйдет ничего хорошего. Когда-нибудь один из ваших межгалактических кораблей приведет за собой шайку космических чудовищ, которые сожрут тут нас всех с потрохами.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен.

Пилот шел на посадку на одной из террас Космического Центра.

— А все-таки на расстояниях, которые вам даже и не снились, встречаются существа удивительной красоты, ума и благородства, — сказал Маоган, выходя из машины.

— Сильно в этом сомневаюсь! — крикнул ему вслед пилот.

А. Ван Вогт. ВОЙНА ПРОТИВ РУЛЛ

1

Когда звездолет исчез в клубящемся тумане атмосферы Эристана-II, Тревор Джимисон достал бластер. Его мутило, голова кружилась от болтанки, когда его били и бросали мощные струи ветра от корабля. Чувство опасности не покидало его, несмотря на прочность тросов, которыми он был прикреплен к антигравитационной платформе, тихо раскачивающейся под ним. Прищурившись, он рассматривал Эзвала, который, в свою очередь, пристально рассматривал его с края платформы. Он смотрел на Джемисона своими тремя серыми, как сталь, глазами, и его огромная голубая голова, настороженно выглядывающая из-за края платформы, была готова — Джемисон знал это — мгновенно отпрянуть, едва прочитав мысль о выстреле.

— Ну, — резко сказал Джемисон, — вот мы и здесь, в тысячах световых лет от наших планет. Под нами пекло, которого вы, судя по тому, в какой изоляции живет ваша раса на планете Карсона, и представить себе не можете, хотя вы и читаете мои мысли. Даже 6000-фунтовому Эзвалу не выжить там, внизу, в одиночку.

Огромная когтистая лапа высунулась из-за края платформы и дернула за один из трех тросов, на которых висел Джемисон. Раздался резкий металлический щелчок, и трос лопнул. Джемисона по инерции подбросило на несколько футов. Затем он снова упал и начал раскачиваться на двух оставшихся тросах, как на качелях. Подняв бластер, он приготовился к защите. Но Эзвал больше не предпринимал попыток нападения, и по-прежнему над платформой возвышалась лишь его голова с тремя глазами, разглядывающими Джемисона. Внезапно Тревор ощутил Мысль, холодную и неспешную.

«Сейчас меня беспокоит только одно. Из сотни с лишним человек экипажа в живых остались только вы. И только вы из всей человеческой расы знаете, что Эзвалы с планеты, которую вы называете планетой Карсона, не примитивные животные, а разумные существа. Ваше правительство испытывает огромные трудности с колонизацией нашей планеты именно потому, что нас принимают за животных, природное зло, опасное, но неизбежное. Это убеждение мы хотим сохранить. Но как только вы поймете, что мы разумны, то поведете против нас безжалостную войну. А это помешает нашей цели — выдворение из нашего мира всех пришельцев. Вы знаете нашу тайну и потому, чтобы не дать вам удрать вниз, я прыгнул на эту платформу, как только вы выбрались из люка.»

— Неужели вы думаете, — спросил Джемисон, — что если вы

отделаетесь от меня, то и делу конец? А не забыли вы про второй корабль с самкой и детенышем Эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера руллов и теперь на пути к Земле.

«Я не забыл, — презрительно возразил Эзвал. — Я помню выражение лица командира корабля, которому вы намекнули на то, что Эзвалы, возможно, разумны. Те, кого вы поймали, не предадут свою расу».

— Ну, не такие уж они альтруисты, как вы меня уверяете, — цинично ответил Джемисон. — Да вы и сами спасли себе жизнь, прыгнув на платформу. Вы не умеете ей управлять, так что мы находимся в одинаковом положении, и я сомневаюсь, что ДАЖЕ ЭЗВАЛ способен…

Его голос оборвался на полуслове. Эзвал вскинул вверх свою чудовищную лапу со страшными когтями и схватил огромную птицу. Отчаянно взмахнув неуклюжими, парусообразными крыльями, та метнулась вниз. Но ей это не удалось. Джемисон на мгновение увидел ее выпученные глаза и серпообразные когти, занесенные для удара.

От этого удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Джемисона кидало на его тросах из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, будто вокруг него бьют молнии. Задыхаясь, он вскинул бластер. Белое пламя ударило в одно из крыльев и выжгло там черную дыру. Удары крыльев ослабели, и вскоре Эзвал сбросил птицу с платформы. Та медленно падала вниз, пока не затерялась на фоне джунглей.

Джемисон поднял голову. Эзвал, качаясь, стоял на краю платформы, четыре его лапы беспомощно хватали воздух, а оставшиеся две вцепились в металлические пластины на поверхности платформы в последней попытке удержаться — и он удержался. Огромное тело опустилось, и вновь только голова торчала над платформой. Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Ну, вот, — сказал он. — Даже с птицей вам не справиться в одиночку. Я вас легко мог пристрелить, но вы мне нужны, так же, как и я вам. Ситуация такова: корабль погиб над островом в двадцати милях от материка, они разделены проливом Дьявола. Мы выбрались из корабля вовремя — минутой позже это стало бы невозможным. Однако, чтобы спастись, нам снова надо найти корабль. В нем запас еды, и он защитит нас от наиболее смертоносных существ из открытых человеком. Кроме того, я, наверно, смогу починить субпространственный передатчик, а, может, даже и спасательный бот. Но для этого каждый из нас должен приложить максимум усилий. Надо будет преодолеть 15–

20 миль джунглей, чтобы выйти к проливу Дьявола. Затем построить плот, чтобы нам обоим переправиться на материк, плот, который защитит нас от морских чудовищ, каждое из которых может проглотить вас целиком. Ваша сила, телепатические способности, моя ловкость и оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что вы на это скажете?

Но ответа не было. Джемисон сунул бластер в кобуру. Вероятно, этого не следовало бы делать. Джемисон мог теперь надеяться лишь на то, что Эзвал оценит разумность его предложения. Теплый влажный ветер овевал его, принося первый слабый запах земли. Платформа была еще достаточно высоко, так что можно было различить сквозь туман пятна джунглей и морей на поверхности планеты. Со временем картина становилась все грандиознее. Стала видна грива лесов, спутанные колышущиеся растения, тянущиеся к северу насколько хватало глаз. Где-то там, внизу, лежал пролив Дьявола, материк, затаившаяся смертельная опасность, называемая Эристаном-II.

— По вашему молчанию я должен предположить, что вы хотите идти в одиночку. Учтите, что ваша жизнь и существование вашей расы стало возможным только благодаря естественному отбору, создавшему ваше племя. Пока мы, люди, тряслись в пещерах, добывали огонь, отчаянно изобретали оружие, всегда на волосок от гибели — все эти сотни веков вы бродили по своим владениям, бесстрашные, непревзойденные в силе и разуме, не нуждающиеся ни в убежище, ни в огне, ни в оружии, ни в одежде, ни…

«В приспособлении к среде, — холодно оборвал его Эзвал, — главной задаче разумных существ. Человечество же создало то, что оно называет цивилизацией — материальный барьер между собой и средой. Этот барьер настолько сложен и громоздок, что попросту препятствует развитию. Собственно, человек — это раб, всю жизнь пресмыкающийся перед техникой и погибающий от малейшей неполадки в своем болезненном теле. Но его высокомерие в сочетании с ненасытной жаждой власти — величайшая опасность для других рас Вселенной.»

Джемисон усмехнулся.

— Неужели же раса, успешно борющаяся против своих врагов, овладевающая знаниями Вселенной, достигшая звезд, не достойна ни малейшей похвалы?

«Чепуха! — раздраженно откликнулся Эзвал. — Человек с его идеями — это злокачественная опухоль. Ну, вот, вы уже пять минут подряд изощряетесь в попытках убедить меня в своем превосходстве и в то же время взываете к моей помощи. Это ли не пример человеческого коварства! Остальное очевидно. Скоро мы

приземлимся. Учтите — я не причинил вам вреда, несмотря на то, что мог сделать это в любой момент. Я достаточно силен — вы этого не отрицаете. И пусть внизу есть звери сильнее меня — разница в силе покрывается разумом. Неужели эти примитивные твари одновременно и сильнее, и умнее меня?»

— Ну, таких тварей там нет, — медленно сказал Джемисон, встревоженный тем, что его аргументы не возымели нужного действия. — Поймите — ваша родная планета — необитаемый остров по сравнению с этой. Даже до зубов вооруженный солдат бессилен против толпы.

Ответ последовал мгновенно:

«Тогда тут и двое бессильны. Особенно, если один — наследственный урод, калека — и больше мешает, чем помогает второму, несмотря на свое оружие, которым он так гордится и на которое так надеется.»

— Я не переоцениваю своего оружия, хотя мощь его в самом деле велика. И столь важная вещь…

«Как ваш могучий разум, надо полагать, — подсказал ему Эзвал. — Тот, который принуждает вас высказывать эти бессмысленные аргументы.»

— Не мой разум, — продолжал Джемисон упрямо, — а ваш. Я имею в виду то преимущество…

«Не важно, что вы там имеете в виду. Вы меня упорно убеждали, что не сможете в одиночку выбраться с острова. Ну, что ж…»

В то же время две огромные лапы сделали быстрое движение. Два оставшихся троса лопнули, словно струны. Удар был так силен, что Джемисона подбросило вверх, и он описал стофутовую дугу, прежде чем начал падение в густом влажном воздухе.

Холодная, полная иронии мысль настигла его:

«Вы запасливый человек, Тревор Джемисон, у вас есть не только аварийный запас за спиной, но и парашют. Теперь вы и сами достигните земли. С этого момента вы можете демонстрировать свои разрушительные способности на всех обитателях джунглей, которых вам посчастливится встретить. Прощайте!»

Джемисон дернул вытяжной шнур парашюта и замер в ожидании. Время шло, но его падение не замедлялось. Он завертелся, пытаясь выяснить, что произошло с парашютом, не запутался ли он в тросах, оборванных Эзвалом. Но первый же взгляд принес облегчение. Парашют медленно выползал из мешка. Он тормозился, очевидно, из-за большой скорости, и потому же, когда он раскрылся, прошло несколько секунд, прежде чем падение замедлилось. Джемисон отстегнул ненужные теперь

тросы и выбросил их. Он медленно летел сквозь плотный воздух — около 18-ти футов на кубический дюйм на уровне моря. Джемисон усмехнулся. Скоро и он будет на этом уровне.

Но под ним было отнюдь не море. Всего лишь несколько луж и заросли. Нечто вроде вырубки, но только это была наверняка не вырубка. Поверхность имела серый отталкивающий вид. Догадка молнией пронзила его и заставила застыть кровь в жилах. Болото! Бездонное море склизской чавкающей грязи. В отчаянии он задергал стропы, как будто с помощью этого мог очутиться в джунглях — джунглях, которые были так близко и в то же время так далеко (по его подсчетам примерно в четверть мили). Он застонал и сжался в ожидании.

Предчувствие близкой гибели заставило его напрячь все силы. Джемисон подтянул стропы парашюта так, чтобы его сносило в сторону. Но деревья были слишком далеко, в пятистах футах к северу, столько же было и до земли. Чтобы достичь деревьев, нужно было падать под углом в 45 градусов, что невозможно без ветра. Когда он думал об этом, он чувствовал дуновение бриза, теперь же и тот стих. Но это уже не имело значения.

Развязка была близка. До земли двести футов, сто, пятьдесят… и вот его ноги провалились в серо-зеленую жидкую грязь. Джемисон забарахтался, вытаскивая ноги и дергая за стропы у самого пояса. С большим трудом, обмотав стропы вокруг ладоней, он протащил себя на несколько футов. Слишком мало. До ближайшего участка твердой почвы было тридцать футов.

Он распластался на податливой поверхности, раскинув руки, чтобы распределить вес равномерно. Но, лежа в грязи, он задыхался. Джемисон размахнулся и бросил несколько строп что есть силы вперед. Это был его последний шанс.

Фортуна его еще не покинула. Стропы запутались в кустарнике. Он подергал — они держались. Рванув еще несколько раз для проверки, Джемисон потянул изо всех сил. Он продвинулся немного вперед и вверх. Двигаться стало легче. Внезапно раздался треск рвущейся материи, и стропы ослабли. Джемисон выбрал слабину и снова бросил стропы вперед. После нескольких попыток болото выпустило его из своих тисков. Джемисон подтягивался, перебирая стропы до тех пор, пока не ощутил в руках корень куста. Он рванулся из последних сил и влетел в кустарник, ломая ветки. Кусты, качаясь, согнулись вдвое под его телом.

Несколько минут он лежал ничком, не зная даже, где находится. Когда он пришел в себя, то почувствовал разочарование — тем более, чем больше была надежда. Он

находился на маленьком островке в сотне футов от основного массива. Остров был шириной в двадцать, длиной — в тридцать футов, на нем было пять деревьев максимум в тридцать футов высотой, неизвестно как ведущих жалкое существование на столь непрочной почве.

Но разочарование сменила надежда. Общая длина деревьев превышала сто футов. Этого достаточно. Тут надежда снова погасла. У него есть только маленький топорик. Он представил себе, что должен свалить им деревья, обтесать их, потом перенести на берег. Жуткая работенка.

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как печет солнце. Оно было почти в зените. Значит, так как планета вращалась медленно, до захода еще часов двенадцать. Можно подождать с реализацией плана и отдохнуть.

Поэтому он отыскал укромное местечко в кустах — он помнил еще о той птичке, которую ему недавно пришлось пристрелить. Джемисон блаженно вытянулся на мягкой почве и накрылся лиственным покрывалом.

Здесь было прохладно, меньше пекло. Небо было чистым. Его сияние жгло Джемисону глаза, и он закрыл их.

Когда он проснулся, солнце заметно склонилось к горизонту. Он проспал несколько часов. Джемисон встал, потянулся и почувствовал себя бодрее. Внезапно он замер, увидев нечто совсем невероятное.

Мост, толще и прочнее, чем любое дерево на его острове, пролег между ним и противоположным берегом. Это было похоже на то, что кто-то выставил из джунглей колоссальную ногу. Мозг Джемисона бешено заработал. Но пока догадка лишь оформлялась в его голове, он уже увидел поднимающееся из кустов голубое ящерообразное тело Эзвала.

Прямо перед ним появились три знакомых серых глаза.

«Не бойтесь, Джемисон. Подумав, я решил, что вы правы. Я помогу вам…»

Джемисон со смехом прервал его:

— Ха, то, что вы прибежали ко мне, означает ваше поражение. Что ж, я еще подумаю над этим.

Он вскинул на плечи рюкзак и шагнул на мост.

— Путь будет долог.

2

Футах в пятидесяти от Эзвала, почти перешедшего мост, из леса выползла гигантская змея. Первым колыхание высокой фиолетовой травы заметил Джемисон, балансирующий на середине моста.

Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчавшая восьмиметровое пиявкообразное желтое тело примерно в метр толщиной.

Голова уставилась на него своими поросячьими глазками.

Джемисон чертыхнулся, проклиная свою судьбу, подсунувшую ему эту тварь в самый неподходящий момент. Он был парализован сверкающими глазками, сковавшими каждый его мускул. Это его и спасло. Страшная голова отвернулась и сконцентрировала свое внимание на Эзвале.

Джемисон расслабился, страх уступил место гневу. Он мысленно обратился к Эзвалу:

«А я-то думал, что вы чувствуете приближение опасных животных по их мыслям».

Эзвал не откликнулся.

Чудовищная змея тихо скользила в безмолвии, плоская голова раскачивалась над длинным, извивающимся телом. Эзвал медленно пятился назад, признавая свое бессилие.

— Может быть, вам будет интересно узнать, что как эксперт Межзвездной Военной Комиссии, я недавно подал рапорт об Эристане-II. Там я писал, что использование этой планеты в качестве военной базы весьма сомнительно. Это объясняется двумя причинами: здесь самые прожорливые во Вселенной растения-людоеды и вот эти милые существа.

Их миллионы. Они чрезвычайно плодовиты, и их численность регулируется лишь количеством пищи, которой на этой планете может служить почти все, поэтому их невозможно истребить.

Самые крупные змеи достигают ста футов длины и веса порядка восьми тонн. Они охотятся днем.

Эзвал продолжал отступать.

Змея была метрах в десяти от него. Он кротко ответил:

«Меня она врасплох не застала. В ее мыслях есть еще что-то, кроме жажды убийства. Впрочем, это неважно. Меня ей не убить. Вся проблема в вас.»

Джемисон поморщился:

— Ну, не будьте так уверены в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться на сотни футов.

В ответе Эзвала явно сквозила самоуверенность:

«Я пробегу четыреста футов прежде, чем вы сосчитаете до десяти».

— В этих-то джунглях? Да там же сплошные лианы, а не нормальный лес. Вы прорветесь, но вряд ли быстрее, чем змея. Такую маленькую добычу, как я, она может упустить, а вот вас…

— Неужели, — прервал его Эзвал, — вы считаете меня столь глупым и ожидаете, что я буду прорываться сквозь джунгли, если я могу обогнуть их по краю?

— И попадете в ловушку. Насколько я помню, джунгли дальше суживаются, закрывая проход. Змея воспользовалась этим.

Эзвал помолчал, а потом спросил:

«Что же вы не примените свой хваленый бластер?»

— Чтобы обратить на себя ее внимание? Невозможно с первого раза поразить ее мозг, а эти твари полжизни проводят в болоте и движутся там так же быстро, как и на суше. Спасибо за совет.

Несколько секунд прошло в молчании. Но надо было что-то делать и, в первую очередь, Эзвалу.

Джемисон услышал его недовольный «голос»:

«Что же, приказывайте и БЫСТРЕЕ!»

Джемисон был доволен, что Эзвал попросил его помощи без всякого договора. Но времени для торжества не было, и он приказал:

— Действовать будем вместе. Сначала змея попытается загипнотизировать вас, это стандартный прием рептилий. В это время она ослабит внимание, и мы воспользуемся этим. Рвите ее позади этого большого рога — там мозг, а я буду отвлекать ее огнем. НАЧАЛИ!

Голова змеи качнулась. Джемисон медленно, усмиряя дрожь в руке, поднял бластер и опустил предохранитель.

Змея ринулась в атаку, свою последнюю атаку… Через несколько секунд ее дымящиеся останки, продолжавшие извиваться, были сброшены в болото. Джемисон соскочил с моста и рухнул на землю. Эзвал поджидал его впереди. Он пристально посмотрел на Джемисона, но тот выдержал этот взгляд.

— Где платформа? — спросил он.

«В тридцати ваших милях к северу…»

Джемисон помолчал, потом сказал:

— Мы должны к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера, нужно его подзарядить. Вернуться необходимо.

Эзвал молчал. Джемисон выдержал небольшую паузу, затем решительно продолжил:

— Было бы неплохо, если бы вы перенесли меня на спине. Из

парашютных строп можно сделать упряжь. Нужно добраться до платформы как можно скорее.

Прошло немало времени, прежде чем гордый Эзвал согласился.

«Да, — сказал он с презрением, — лучшего способа транспортировки столь беспомощного существа, как вы, не придумаешь. Я согласен.»

Джемисон подошел к Эзвалу и расстелил на земле парашют. Вблизи Эзвал оказался даже больше, чем он предполагал: расстояние и легкость движения скрадывали размеры. Джемисон по сравнению с ним выглядел совсем пигмеем.

Каждый раз, касаясь тела Эзвала, Джемисон чувствовал волну отвращения.

— Это необходимо, — сказал он, как бы извиняясь, обмотал стропы вокруг тела, пропустил их между передними и средними лапами, чтобы не стеснять движения, а сверху положил кусок материи. Переброшенные через шею обрывки строп образовали примитивные стремена. Наконец, он взгромоздился на свою «лошадь».

— Почему бы вам не изменить свое отношение ко мне, — сказал он мягко, — мне кажется…

От первого прыжка он подлетел в воздух, и потом ему оставалось лишь приложить все силу, чтобы не вылететь из седла. Эзвал со своей стороны ничего не делал, чтобы облегчить ему дорогу. Джемисон, однако, скоро приноровился к причудливому аллюру своей шестиногой «лошадки» и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке. Слева он него проносилась стена деревьев, похожих на гигантский кустарник, смыкающихся наверху своими кронами.

Внезапно Джемисон услышал команду:

«Держитесь!»

Он мгновенно натянул поводья и упал на шею Эзвала, изо всех сил вцепившись в стропы. Эзвал пошел боком, потом снова вышел на прямую.

Когда ритм скачки восстановился, Джемисон оглянулся. Мельком он увидел двух больших четвероногих животных, похожих на огромных гиен. Они не преследовали их.

«Что, впрочем, весьма мудро с их стороны, — подумал он. — С Эзвалом им не совладать».

Что-то заставило его взглянуть вверх. В небе двигалась какая-то точка, в которой, присмотревшись, он узнал звездолет. Боевой звездолет руллов!

Он мог бы узнать его с первого взгляда. Тем временем огромный корабль, чем-то напоминающий меч-рыбу, опустился в

чащу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот «сюрприз» от Эзвала. Их гибель была уже совершенно неотвратима.

Он воспринял торжествующую мысль Эзвала:

«Джемисон, вы предпочитаете застрелиться, лишь бы не попасть в лапы руллов, которые выбьют из вас все ваши секреты? Такой героизм я видел у обеих сторон: и у руллов, и у землян. Но вам это не удастся. Не вздумайте прикасаться к бластеру, иначе я приму меры».

У Джемисона застрял в горле ком. Надо же было такому случиться.

Делать было нечего. Пришлось подчиниться.

— Безумец, — произнес он наконец безжизненным голосом. — Неужели вы думаете, что руллы вас отблагодарят? — тема была довольно заезженной, а вопрос столь очевиден, что Джемисон даже не изощрялся в красноречии. Но зато он осторожно напрягся, наблюдая за местностью. Факты скажут сами за себя. — Руллы вероломны и нетерпимы к прочим расам.

Но ему не удалось скрыть свой замысел. Эзвал на ходу повел плечом, и Джемисон оказался зажатым его мускулами. Он задергался, пытаясь сохранить равновесие, а ветки били его по голове и рукам. Эзвал, как танк, ломился сквозь заросли. Через мгновение они выскочили на берег океана и остановились на плотном коричневом песке у кромки воды.

Эзвал, как ни в чем ни бывало, спросил:

«Насколько я понял ваши мысли, они засекли излучение платформы?»

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если вы не остановили реактор, как я на звездолете…

«Вот почему они сели. Но если они зафиксировали огонь бластера во время стычки, то они знают, что кто-то выжил. Мне лучше самому сдаться им, пока меня не приняли за врага».

— Глупец! Все равно они убьют нас. Мы их враги только потому, что мы не руллы. Неужели нельзя понять…

«Правильно, правильно, — сардонически заметил Эзвал, — так и продолжайте, милый Джемисон… Но я им кое-чем обязан. Во-первых, тем, что они подбили ваш корабль, и я вышел из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я смог перебить людей. Не думаю, что они отвергнут мое предложение выгнать людей с планеты Карсона. И сведения, которые МЫ извлечем из ВАС, очень помогут НАМ в этом.»

Внутри Джемисона бушевала черная ненависть. Лишь гигантским усилием воли он сумел подавить ее. Необходимо

убедить Эзвала в бессмысленности его плана. Он не вправе отступать.

— И что же, когда вы, наконец, выполните все это, вы думаете, руллы уберутся восвояси и предоставят вам наслаждаться свободой?

«Пускай остаются!»

Джемисону опять стоило большого труда подавить раздражение, вызванное этим самонадеянным замечанием. В сущности, сказал он себе, Эзвал дитя нетехнической цивилизации и не знает, что творит. И он продолжал:

— Вероятно, вам известно, что всего лишь несколько месяцев назад люди разбили руллов вблизи вашей планеты. В то время, как мы выбивались из сил, защищая планету Карсона от самых жестоких и безжалостных созданий, когда-либо обитавших в Галактике, вы сделали все, чтобы помешать нам закрепиться на планете, создать базу. Вы знаете, что наши корабли примерно равны по мощности. Но руллы превосходят нас в некоторых отношениях. Их цивилизация, а, следовательно, и техника, старше. Вдобавок, они могут принимать любой облик и улавливать электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих предков, хамелеонообразных червей. Поэтому они становятся превосходными шпионами.

Никогда еще нам не удавалось захватить планету, служащую опорным пунктом руллов. Наоборот, они в первый же год вышибли нас с трех важнейших баз. Это было сто лет тому назад. А вы их собираетесь взять в союзники, чтобы победить людей.

— Теперь — да, — последовал ответ, тем более ошеломительный, потому что Джемисон верил в убедительность своих аргументов.

Время уговоров прошло. Все дальнейшее произошло настолько быстро, что Джемисон не успел ничего подумать. Это и способствовало успеху. Он выхватил бластер и разрядил его в спину Эзвала. Белое пламя вылетело из дула, но ничего не встретило на пути. Секундой позже он почувствовал, что летит в воздухе.

Джемисон с треском врезался в заросли. Жесткие ветки рвали его одежду, царапали лицо и руки. Джунглям досталось все: клочки материи, куски кожи, вещи, все, кроме бластера, который Джемисон держал мертвой хваткой.

Он упал в траву, покатился, мгновенно выкинув вперед руку с оружием, изготовленным к бою. Эзвал, мчавшийся на него, затормозил в трех шагах от бластера с гримасой удивления на широкой морде, прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный и чуть живой от потрясения, Джемисон сел и

принялся размышлять над плюсами и минусами своей победы.

3

Вокруг стояли странные причудливые деревья чужих джунглей — да и не деревья вовсе, а пестрые желто-коричневые грибы, вытянувшиеся на десятки футов вверх, пробив сплетенные лианы лишайников и красноватой травы. Эзвалу они были нипочем, но для человека, у которого к тому же разряжен бластер, это было непреодолимым препятствием. К тому же Эзвал сменил направление, видимо, для того, чтобы сократить путь, и не было ясно, куда идти.

Одно лишь было неплохо — его, по крайней мере, не волокли к руллам! Руллы! Джемисон вскочил на ноги. Предательский мягкий покров спружинил под ним, и он перескочил на твердую почву. Джемисон знал, что где-то недалеко, скрытый диким буйством красок, прячется Эзвал, который слышит каждую его мысль.

«Времени нет. Руллы, несомненно, засекли выстрелы и будут здесь с минуты на минуту. Вы еще можете передумать. Это безумие — брать в союзники руллов. Учтите: наши разведчики, которым удалось вернуться с занятой противником территории, доносят, что ни на одной из тех планет, на которых они были, нет никого, кроме руллов. Я имею в виду достаточно разумных существ. Но ведь они БЫЛИ там! ГДЕ ЖЕ ОНИ?»

Джемисон сделал паузу, чтобы Эзвал мог осмыслить вопрос, затем продолжил:

«Несколько раз нам приходилось встречать враждебные цивилизации. Что же мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организуя защиту планеты от руллов, тратили массу времени на то, что, по мнению руллов, не стоило выеденного яйца: пытались установить мирные отношения с туземцами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта. Если же это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свергали их правительства, а затем осторожно ревизовали их культуру, очищая ее от элементов нетерпимости. После этого восстанавливалась автономия, и они могли сделать выбор: присоединиться ли им к федерации, насчитывающей около пяти тысяч планет, или нет. И не было случая, чтобы эта огромная кропотливая работа прошла впустую. Можете теперь сами представить, какова разница в методах людей и руллов. Нам не требуется совершать переворот на планете Карсона. Вы достаточно разумны, чтобы понять, кто ваш настоящий враг. Лично вы, здесь и сейчас, можете сделать первый шаг.»

Больше ему нечего было сказать. Некоторое время он стоял и

ждал, однако, ответа не последовало. Джемисон удрученно пожал плечами.

Был уже вечер, солнце проникало сквозь нижние ветви «деревьев» и лианы. Вдруг он понял, что его почти и так уже безнадежное положение может стать еще хуже.

Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, днем скрывающиеся в своих убежищах. Против них ему не устоять. Если бы только найти настоящее ДЕРЕВО с прочными ветвями.

Джемисон двинулся вперед, избегая больших кустов, где мог спрятаться Эзвал. Это была трудная работа: всего лишь через несколько сот метров он едва мог пошевелить руками и ногами. И тут он услышал первый отклик Эзвала.

«Кто-то летает надо мной, он меня видит. Какое-то насекомое, крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу… но мысли бессмысленные… я…»

«Не бессмысленны, — прервал его Джемисон, — чужды — вот подходящее слово. Руллы больше отличаются от нас обоих, чем мы друг от друга. Существует, правда, недоказанная теория, что они совсем из другой Галактики. Не удивляюсь, если вы не можете читать их мысли».

Джемисон медленно двигался сквозь джунгли, держа бластер наизготовку.

«Рулл пользуется антигравитационной машиной, в их изготовлении они достигли совершенства. То, что вы принимаете за крылья, — это аура, излучение органов, формирующих световые волны. Вам выпала столь же редкая, сколь и опасная возможность видеть рулла в его естественном состоянии. Немногим это удавалось, и еще меньше выжило после этого. Видимо, он думает, что вы дикий зверь — может, вы и уцелеете. Впрочем, нет, на вас же упряжь.»

В ответе Эзвала сквозило отвращение.

«Эту вещь я сбросил сразу же».

Джемисон кивнул сам себе.

«Ну, превосходно. Ведите себя, как зверь, рычите на него, даже кидайтесь, но уносите ноги, как только он выдвинет сбоку сетчатый отросток!»

Эзвал не ответил. Джемисон напряженно пытался уловить какие-либо отзвуки того, что происходило в чаще. Может, Эзвал пытается установить с руллом контакт без телепатии? Хуже всего, если он вернется к этой идиотской мысли о союзе. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом случае на планете Карсона. Он вслушивался в происходящее в джунглях и слышал отовсюду слабые прерывистые шорохи: далекий треск растений, ломавшихся под тяжелым громоздким телом, слабое

фырканье и рычание, прерывистый низкий вопль где-то совсем близко. Он втиснулся в заросли, осторожно выглядывая оттуда. Эзвал поступил по его совету.

«Он преследует вас?»

«Да, — последовал быстрый ответ, — он хочет меня изучить. Стойте на месте, у меня есть один план».

Джемисон устроился поудобнее.

«Ну, я вас слушаю».

«Я приведу его к вам. Вы его убьете, а за это я помогу вам добраться до корабля».

Джемисон вскочил на ноги. Несомненно, Эзвал отказался от союза с руллами. Неважно, из-за его ли аргументов, или же он сам почувствовал, насколько руллы ему чужды. Важно то, что Эзвал на его стороне. Но, может быть, это всего лишь хитрость?

«Сейчас я с вами, Джемисон, но берегитесь! Все-таки мы заключим союз с руллами против главного врага — человека. Не знаю, как отреагируют на это мои соплеменники, многие будут против… Впрочем, будьте готовы: скоро я буду у вас».

Слева от него послышался треск, Джемисон прицелился. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза Эзвала, мчавшегося в пятидесяти футах от него. Над ним неслась темная плоская тень.

«Поздно — не двигайтесь, не шумите. Их уже дюжина надо мной и…»

Ослепительная вспышка света прервала его мысль. Ослепленный, он опустился на траву и приготовился к смерти. Но… прошла минута, и ничего не произошло. Когда он прозрел, то понял, что его спас туман, уже совсем прозрачный. Раз или два над ним мелькнули какие-то тени. Эзвала не было слышно. Что могло так быстро и без шума обезвредить его? Скорее всего, его парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поражения животных и примитивных форм разума, не привыкших к подобным вещам. Ничто иное не могло парализовать Эзвала так быстро, так как он, несмотря на весь свой разум, был близок к животным и поэтому очень чувствителен к механическим формам гипноза. Да, скорее всего, они приняли Эзвала за зверя, иначе они не вели бы себя столь неосторожно. Они поймали Эзвала, чтобы выяснить, как он здесь очутился, ведь на Эристане-II Эзвалы не водились.

Планета была в сфере человеческого влияния, но доступна для руллов, которые, видимо, побывали тут не однажды. Джемисон усмехнулся. Руллы тоже думают, что Эзвал — всего лишь животное — тем хуже для них. Если Эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то чем лучше звездолет

руллов?

На севере в мутном небе что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были стодюймовые пушки человеческого линкора!

Линкор! Скорее всего, он прилетел с базы на Криптаре-4 или заметил вспышки боя при патрулировании района.

Ответные вспышки были куда слабее. Крейсеру руллов сильно повезет, если он сумеет убраться. Но лично для него это ничего не меняло. Ночь со всеми ее ужасами ему предстояло провести здесь. Если патрульный корабль и вернется, Джемисон не сумеет подать ему сигнала, пока не зарядит бластер. Но руллы, по крайней мере, ему не грозят. Он уже почти ничего не видел, и опасность возрастала с каждой секундой. Единственное спасение — бластер. Но надолго ли его хватит? Джемисон напряженно вглядывался во тьму. Того и гляди, наткнешься на какое-нибудь чудовище, подумал он. Смочив палец и определив направление ветра, он направился в ту сторону, вскоре поняв, что если днем по джунглям было идти трудно, то ночью — невозможно. Через каждые несколько ярдов приходилось заново ориентироваться. От его движений шел такой треск, что он подумывал над тем, стоит ли вообще двигаться. Но перспектива нескончаемого ожидания во тьме была в тысячу раз хуже. Тут он споткнулся, и его пальцы наткнулись на что-то твердое и шероховатое.

ДЕРЕВО!

4

Огромная тварь топталась внизу, алчно рассматривая Джемисона огненными глазами. Семь раз вот такие твари бросались на дерево, визжа и пуская слюни, и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий луч всесокрушающей энергии, и зверь шлепался на землю.

Прошло около восьми часов. Если так пойдет дальше, бластера не хватит до утра, не то, что на следующую ночь. И ведь неизвестно, сколько раз ему придется ночевать в джунглях, пока он будет искать платформу и найдет ли ее вообще? Сколько минут он проживет после того, как иссякнет заряд? А ведь победа была так близка… Опять кто-то топтался под деревом. Гигантские когти терзали кору, потом два сверкающих глаза, на секунду отдалившись, понеслись к нему с невероятной скоростью. Сначала он схватился за бластер, но, передумав, быстро полез вверх, к тонким ветвям. Каждую секунду можно было ожидать, что ветви обломятся, и он полетит вниз, прямо в пасть к зверю, но еще больше он боялся, что челюсти вцепятся ему в пятки. Зверь почти настиг его, когда снизу послышался еще более ужасный крик, и на дерево полез еще кто-то. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу, в круге таких же тварей. Вдруг появился какой-то длинношеий монстр с шестифутовыми челюстями и, как таран, врезался в круг дерущихся убийц. Он оттащил свою добычу в сторону и сожрал в мгновение ока, после чего ушел.

К утру Джемисон остался совсем один. Он уже не надеялся дожить до вечера. Если бы Эзвал не припер его тогда к стенке в контрольном отсеке, он сумел бы запастись пилюлями против сна, патронами, часами. Он даже улыбнулся при мысли, что у него могла бы быть спасательная шлюпка. Слава богу, что удалось захватить питательные пилюли на месяц. Он подкрепился и слез с дерева. Насколько он мог судить по скорости Эзвала, платформа была в десяти милях к северу. Учитывая болота, заливы и джунгли, платформу придется разыскивать, прочесывая лес кругами. Да и что он получит, найдя ее? Только полный заряд бластера. Платформа сама по себе была лишь суперпарашютом, способным лишь поднимать и опускать тяжести. Ему предстояло самостоятельно с одним лишь бластером преодолеть сто миль моря, болот, джунглей, кишащих хищниками, которые лежали между ним и кораблем.

Но другого пути не было. Он двинулся вперед.

К полудню Джемисону удалось пройти, по его подсчетам, не

более трех миль. Белое пятно в небе не позволяло определить время точнее. Он решил немного отдохнуть, тем более, что поблизости поднималось ввысь дерево. Он привязался к ветвям и… кромешная тьма окутала его.

Когда он проснулся, под деревом завывала стая ночных хищников. Неизвестно, сколько времени прошло, но, видимо, ночь только началась. Гигантская лапа ударила по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон отвязался и вскарабкался выше, зная уже, как много могут изменить несколько футов. Сквозь туманную атмосферу этой планеты не было видно звезд, и поэтому ночь растягивалась вдвое. Нескольким кошкообразным тварям удалось довольно близко подобраться к Джемисону, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был так тонок, что сердце у него екнуло. Но животное, дернув обожженными лапами, свалилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так медленно, что казалось, ночи не будет конца. Он увидел внизу несколько гиенообразных тварей, копошившихся над грудой костей. Внезапно в тишине из кустов вынырнула огромная рогатая голова, и двенадцать метров толстого туловища змеи. Ближайшая гиена коротко взвизгнув, превратилась в кусок мяса. Остальные растаяли во мгле. Змея спокойно занялась пожиранием своей пищи, а потом улеглась на траве, пока вздутие на теле спокойно передвигалось к хвосту. Джемисон сидел на дереве, ни жив, ни мертв. Кто знает, может, ей ничего не стоит добраться до него, и тогда никакой бластер не спасет.

Пролежав у дерева длиннейший в жизни Джемисона час, змея убралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он спустился на землю, убедившись, что охота закончилась. День только начинался, и солнце, вероятно, еще не достигло зенита. Он проверил направление и продолжил путь.

За этот день он продвинулся намного дальше, в основном за счет отдыха. Он сильно устал, но перспектива провести еще одну ночь на дереве с бездействующим бластером заставила его прочесывать лес.

Некоторое время он изучал окрестности, чтобы запомнить отправной пункт. Радиус первого круга был пятьдесят футов. Это оптимальный вариант найти металлический предмет размером с платформу. Конечно, много времени он потратит впустую, но другого пути не было. Через четыре часа он брел через заросли, заканчивая пятый круг. Темнело. Поиски ничего не дали, надо было вернуться, чтобы пережить еще одну кошмарную ночь. С такими мыслями он закончил пятый круг. Глупо надеяться найти

платформу сегодня. Джунгли кончились лишь через несколько миль, и, чтобы прочесать эту площадь, нужна была, как минимум, неделя. Но он все шел вперед, упрямо пытаясь отсрочить конец поисков, хотя опасность нападения увеличивалась с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились, обнаружив поляну диаметром двести пятьдесят ярдов. Почва здесь поросла серым кустарником, сгущавшимся к центру. Едва он сделал несколько шагов по поляне, как из зарослей с противоположной стороны вылетел косматый зверь с горящими глазами и бросился к нему. Оцепенев, Джемисон стоял на месте.

Но зверь не успел добежать. Его ноги запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все усилия, выбраться. Джемисон понял, что произошло. Веревкообразные ветви опутали зверя, а веретенообразные, как шприцы, ветви вонзились в него. Громадное тело вздрогнуло, задергалось и рухнуло на землю. Ветви все глубже и глубже вонзались в него.

Это был ритт, кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для цивилизации. Правда, он рос не везде. Джемисон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов он миновал за последний час.

Был уже поздний вечер, время, когда хищники выходили на охоту. Дневная тишина кончалась. Он поспешно направился к дереву, которое виднелось в туманной дымке.

«Не туда, Тревор Джемисон, левее, — услышал он мысль. — Там есть поляна… Я жду вас. Помогите мне».

Джемисон остановился в недоумении. Ведь Эзвала поймали руллы. Значит, ловушка, но зачем?

«Руллы мертвы. Их машина невредима, но я не могу ей управлять. Помогите мне. Только быстрее, пока между нами никого нет».

Резко повернувшись, Джемисон бросился к поляне. Все ясно, корабль руллов так торопился убраться, то бросил разведчиков. Эзвал их уничтожил. Остальное очевидно…

«Я их не убивал, — прервал его Эзвал. — Это было ни к чему. Сейчас вы сами поймете.»

Джемисон, наконец, выбрался из джунглей. Перед ним на одном конце поляны стояла стофутовая шлюпка руллов, на другом — теперь уже ненужная платформа. Между ними среди серого кустарника были разбросаны червеобразные трупы дюжины руллов. Отростки кустарника протянулись к шлюпке, а некоторые даже заползли в открытый кормовой люк, как бы чувствуя, откуда могут появиться новые жертвы.

Джемисон сразу понял, что произошло.

«Медленно рассуждаете, Джемисон, хотя в логике вам не

откажешь. Правильно, я в рубке, меня спасла дверь. Надеюсь, вы сожжете растения и освободите меня».

Джемисон прожег в кустах проход и поднялся на платформу, сдвинул крышку двигателя и вынул из бластера маленькую капсулу. Без нее бластер был бесполезным куском металла. Подняв еще одну крышку, он сунул капсулу в специальное гнездо. Теперь нужно ждать, пока капсула зарядится энергией. Вообще-то зарядка длится десять минут, но ему хватит и трех. Он прислонился к платформе с таким расчетом, чтобы при малейшей опасности выхватить капсулу и вставить в бластер (хотя это было невозможно). Пока он сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, Эзвал молчал. Потом он заговорил сам:

«Значит, руллы не знают о ритте. Оно и неудивительно: таких растений немного. Но как же они поступили так неосторожно, ведь никто не спасся. Может быть, вы объясните?»

«В сознание я пришел при погрузке в шлюпку. Но им я этого не показал, у них у всех было оружие. Я притворился спящим, пока меня не пометили в хранилище. Там я разорвал путы и стал ждать подходящего момента для бегства. Внезапно раздался взрыв, и они покинули судно. Потом все они пришли в необычайное волнение и тут же все мысли оборвались. Я взломал дверь и, так как я вижу в темноте, понял, что они все мертвы».

Джемисону почудилось какое-то движение на краю поляны. Может, это охотятся на него? Три минуты прошли давно, больше ждать нельзя. Взяв себя в руки, он вынул капсулу и вставил в бластер. Все.

Он пристально посмотрел на место, где видел тень. Все спокойно. Вероятно, почудилось… Но все же следует быть осторожным. Он произнес:

— Ну, что же, вы рассказали достаточно. Я могу продолжить. Увидев, что руллы мертвы, вы остались на шлюпке. Ведь если вы и боитесь чего-нибудь на этой планете, то именно кустарника. Вероятно, вы от него спаслись с большим трудом и прекрасно знаете, что чем дальше в джунгли, тем его больше. Тут вы струсили и поняли, что без меня, без моего бластера вам не обойтись. Вы вернулись…

Кустарник был светлее земли. Джемисон закрыл глаза рукой и нажал на спуск. Послышался треск горящей земли. Бластер был заряжен полностью. Джемисон провел лучом из стороны в сторону, потом открыл глаза. Он стоял на краю черного пятна, следующая заросль была футах в двадцати от него.

— Значит, вы уже два дня в шлюпке, — сказал Джемисон, сделав шаг вперед. — В первый день вы, скорее всего, возились с механизмом двери и проникли в рубку только вчера. И на другом

ее конце увидели отростки кустарника. Держу пари, что вы задвинули на двери все засовы. Конечно, сквозь металл кустарнику не проникнуть. Вас он может поразить в сотне мест сразу, но перед дверью бессилен. Только поэтому вы и уцелели.

Джемисон сжег второй куст. Теперь ему оставалось сжечь последний, убивший руллов. Он продолжал в том же тоне:

— Два дня вы пытались разобраться в пульте, но потерпели поражение. Если бы вы поняли механизм управления, то давно бы уже удрали. Но вы не поняли… Появился я, и ситуация изменилась.

Он остановился в ожидании ответа Эзвала. Тому нечего было возразить, и он молчал. Джемисон проложил себе путь дальше. Оставались лишь щупальцы, проникшие в корабль. Он уменьшил мощность, чтобы не повредить обшивку.

«Сейчас я уничтожу последние отростки. После этого я поставлю бластер так, что он уничтожит вас, если вы сделаете хоть шаг из камеры. Вы будете благоразумны. До ближайшей базы две недели лету, а там мы доберемся до планеты Карсона, где я вас выпущу. Не знаю, правда, найдете ли вы что-нибудь съедобное в камере. Но утешайтесь тем, что, не будь астрогации и гиперпутешествий, вы бы наверняка умерли с голоду, не добравшись до родины. Вы проиграли. Но не беспокойтесь — пока я не открою тайны вашей разумности. Пока. А теперь отойдите от двери подальше: будет очень жарко!»

5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подать сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Но еще целую неделю блуждали они в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль. Командир согласился доставить их на планету Карсона. Он ничего не знал о сложившейся там ситуации и, проверив удостоверение личности Джемисона, поверил, что тот сопровождающий при Эзвале.

Джемисон добился, чтобы корабль сел вначале в необитаемый район. Здесь состоялся последний разговор с Эзвалом.

Планета была богатым миром — бескрайний лес простирался к западу, на востоке сверкала река.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у люка.

«Ну, как, еще не передумали?»

«Убирайтесь с нашей планеты вместе с вашими сородичами!» — злобно ответил Эзвал.

«Только когда у вас будет машинная цивилизация, способная противостоять руллам».

«Эзвалы никогда не станут рабами машин!»

Джемисон лишь кивнул на это головой. Он разработал другую концепцию. Взрослого Эзвала ему не убедить, он слишком устойчив.

«Просто вы индивидуалист, и хотите жить только для себя».

«Да, только от вас я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвалы лишь сотрудничают во имя общей цели. Но мы свободны. Почему-то, я не понимаю, почему, вы принимаете это за слабость».

«За слабое место. Мы на земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имен?»

В ответе Эзвала сквозило отвращение:

«Телепаты не нуждаются в кличках. Вы зря думаете, — продолжал он с яростью, что сможете сделать из нас себе подобных с помощью имен, — ярость сменилась презрением. — Впрочем, сейчас ваша главная задача — доказать нашу разумность. Тут я вас и покину».

Эзвал повернулся и побежал в лес.

Джемисон окликнул его:

«Вы спасли мне жизнь и доказали, что между нами все-таки возможно сотрудничество. Благодарю вас за это!»

«Мне не нужна благодарность человека. Прощайте и не

попадайтесь мне больше!»

«Прощай!» — ответил Джемисон.

Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел.

Перед отлетом на Землю Джемисон представил доклад Военному Совету. Председатель оборвал его сразу же, едва стала ясна основная мысль.

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных по вине этих чудовищ.

Джемисона это пока не касалось.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их, не медля. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердие к другой расе, и трудно ожидать от нас милосердия к Эзвалам.

Послышался одобрительный ропот членов Совета. Джемисон обвел взглядом их лица и понял, что председатель прав. Планета была слишком лакомым куском. В истории человечества лишь несколько раз встречались расы, столь ненавидевшие людей, как Эзвалы. И надо же было этому случиться, ведь их планета была одной из трех баз, на которых держалась оборона Галактики. Ее нельзя было оставить ни при каких обстоятельствах. В принципе возможно даже полное уничтожение Эзвалов.

Но Эзвалов можно уничтожать, только зная, что они телепаты, с других сторон они неуязвимы. Они всегда первыми обнаруживали человека, поэтому их нельзя было застать врасплох. Но, зная эту их особенность, ученые планеты легко могли бы их уничтожить, создав машины, излучающие мысли. И с расой Эзвалов будет покончено.

Джемисон понял, что рассказывать им о своих приключениях на Эристане-II было бы преступлением. Пусть думают, что это лишь теория.

— Леди и джентльмены, — он поклонился трем женщинам, входившим в состав Совета, — мне остается лишь выразить благодарность Галактической конвенции, пославшей меня, чтобы разрешить эту проблему. Я буду вынужден просить ее о проведении плебисцита по этому вопросу.

— Я считаю это оскорблением, — холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос о жизни или смерти расы. Благодарю за внимание.

Джемисон сел. Последовавший банкет прошел в полном молчании.

После него к Джемисону подошел вице-председатель Совета,

сопровождаемый молодой женщиной. Ей на вид было лет тридцать. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее привлекательной, но неженская решительность в ее облике немного портила это впечатление.

— Миссис Уитмен хотела бы познакомиться с вами, доктор Джемисон, — вежливо произнес вице-председатель и быстро ушел, представив их друг другу, словно в этом и заключалась его миссия…

Джемисон внимательно разглядывал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джемисон?

— Да, я физик, но специализируюсь в небесной механике и космических исследованиях.

— Так я и думала. А я вот осталась вдовой после гибели мужа. Меня всегда восхищали его познания, — сказала Уитмен и потом добавила, как бы в раздумье: — Его убил Эзвал.

«Видимо, у ее мужа были очень глубокие познания, если она вращается в высших кругах Совета», — подумал Джемисон, а вслух сказал:

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней, и я могу предложить вам другое решение проблемы, от которой зависит судьба планеты. Вы знаете, что у нас есть спутник?

— Вы хотите создать на нем базу, — медленно произнес Джемисон, видевший его из корабля.

— Не только.

«Что ж, этим стоит заняться, — подумал он. — В потоке бумаг, в водовороте мелких проблем это решение могло затеряться, а бюрократы неохотно пересматривали решения. Правда, он сильно сомневался, что это действительно решение, но в создавшейся ситуации любой компромисс был предпочтительнее открытой вражды».

— Пойдемте, — сказала миссис Уитмен.

Джемисон в уме прикинул, что зафрахтованный корабль с Эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, и он может уделить немножко времени Уитмен.

— Прекрасно, я согласен. А вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, обнажив великолепные зубы.

— Но ведь больше с вами никто не станет разговаривать, не так ли?

Но сколько горечи вызвал ее вопрос у Джемисона!

6

Блеск космического скафандра гида то и дело грозил затеряться в звездном небе, и Джемисону приходилось непрерывно следить за ним, чтобы не остаться одному. Он уже раскаивался, что согласился на этот полет. На пути к спутнику он просмотрел относившуюся к нему заметку в Космической энциклопедии. С первого взгляда было ясно, что на спутнике было невозможно разместить миллионы людей.

Казалось, женщина нарочно старалась отвлечь его внимание, не дать размышлять, ее трудно было рассмотреть на фоне солнца.

Милей внизу, на поверхности спутника виднелись островки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой.

Джемисон не мог рассмотреть спидометр, вмонтированный в наружный шлем, так как свет дробился на стеклах и искажал картину на циферблате. Но что-то возбудило его подозрения. Он напряженно вглядывался в диск, и то, что он увидел, заставило его сжать губы в упрямую линию. Он включил рацию:

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон, — слово «доктор» она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно. — Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали мне, что мы должны пролететь пятьсот двадцать одну милю или…

— Или около того! — смягчился голос, но враждебность усилилась.

— Итак, пятьсот двадцать одна миля. Цифра достаточно определенная, чтобы быть точной. Тем не менее, мы уже пролетели шестьсот двадцать девять миль и все еще летим! С тех пор, как мы покинули Пять городов, прошло два часа…

— Ну, и что же? Это не так страшно, доктор Тревор Джемисон.

Джемисон молчал, размышляя, чем это ему грозит. Сначала он хотел ответить ей столь же высокомерно, но мозг, ставший внезапно кристально ясным, подавил это намерение в зародыше. Здесь крылась смертельная опасность. И, как всегда в таких случаях, мозг работал быстро и точно. Он всегда выходил победителем, это придавало ему сил.

Он начал снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность совсем близка. Но пока скорость велика, ничего нельзя было сделать.

Он спокойно спросил:

— Скажите, убийство предпринято по приказу Совета или это

ваша личная инициатива?

— Что ж, теперь это неважно. Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Конечно, мы давно знали, что спутник не годится для базы.

Джемисон рассмеялся, чтобы скрыть свое снижение. Перегрузка была так велика, что он едва сдержал стон. Теперь он остался один, сверкающий скафандр сопровождающего исчез вдали. Скорее всего, она даже не обернулась. Стараясь скрыть это неприятное для нее открытие как можно дольше, он спросил:

— И как же вы меня убьете?

— Через десять секунд ваш двигатель… — она осеклась. О, да вас тут нет… Хотите приземлиться? Все равно я найду вас!

До скалы оставалось пятьдесят футов, когда двигатель остановился. Пламя охватило его, жгучая боль пронзила тело, он ударился о землю, непроизвольно сворачиваясь в клубок, и потерял сознание.

Пятнистая скала, кружащаяся и шатающаяся, — вот что он увидел, очнувшись. Скафандра на нем не было, остался лишь костюм с электрическим подогревом. Он почувствовал на спине чей-то взгляд. Джемисон обернулся: за ним стояла Барбара Уитмен.

— Вам повезло: вы вовремя выключили двигатель. Вам обожгло только ноги. Я уже вылечила их. Вы даже можете идти.

Джемисон посмотрел по сторонам, затем вопросительно взглянул на нее. Она поняла его мысли.

— Быть может, не стоило быть столь щепетильной по отношению к смертнику, но я не могу убить даже собаки, не дав ей шанса выжить. У вас тоже есть шанс.

Джемисон сел, не отрывая от нее взгляда. Он встречал жестоких женщин и до этого, но ни одна из них не была так честна и искренна в своих намерениях, как эта.

— Где ваш скафандр? — спросил он.

Она кивнула на небо.

— Видите черное пятно справа от солнца? Я заложила в него мину. Через триста часов его остатки упадут на солнце.

— Что-то не верится, что вы решили умереть вместе со мной. Люди умирают ишь за свою веру. Во что верите вы? У вас-то есть шанс?

Лицо женщины потемнело от гнева.

— У нас нет ни одного шанса. Мы умрем вместе, ведь вам не дойти пешком до Пяти Городов, а до платиновых рудников и тем более.

— Жалкая бравада. Во-первых, это доказывает, что вы глупы, а, во-вторых, мне никогда не нравились авантюристки. Тем не

менее, я благодарен вам за лечение и… за общество.

Джемисон попрыгал на ногах, испытывая легкую боль.

— Ммм… не больно, но еще плохо сгибаются. К ночи это пройдет…

— Однако, вы спокойны.

— Конечно, ведь я жив!

— Вы не понимаете положения дел. Нам нужно идти две недели, делая по шестьдесят миль ежедневно, а это невозможно. Температура ночью падает до минус сто градусов, а иногда до ста семидесяти пяти градусов, в зависимости от близости к раскаленному ядру спутника, благодаря которому здесь вообще возможна жизнь. Что вы на это скажете?

— Что надо идти, — ответил он, не колеблясь.

— Нас сожрет первый же попавшийся грип-кровосос, если мы не замерзнем. Запах крови, который они чувствуют на огромном расстоянии, приводит их в бешенство. Им ничего не стоит сожрать человека целиком. Они способны рыть туннели в этих скалах. Единственная защита против них — бластеры, а у меня остался лишь охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, удирающие быстрее лани при виде человека, но способные прикончить дюжину невооруженных людей, если их припереть к стенке. Учтите, что-то в воздухе возбуждает зверский аппетит. Мы приближаемся к смерти с каждой минутой.

— Вы, кажется, этим довольны? — сухо спросил Джемисон.

— Во всяком случае, на землю вам живым не вернуться.

— Вы ошибаетесь. Мне только жаль видеть женщину в столь опасной ситуации. Хороши же, однако, ваши друзья. Но я вернусь.

— Чепуха. Это все равно, что убить грипа голыми руками, — рассмеялась она.

— Не только и не столько руками, а разумом и опытом. Мы дойдем до людей, несмотря ни на что!

Наступило молчание. Джемисон оглядел местность. Насколько хватало глаз, кругом простиралось безжизненное плато. Впрочем, нет! В одной стороне виднелся обрыв. Он задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Глубокая тишина окружала их. Молчание было символом, духом этого холодного мира.

— Ну, что ж, начнем наше путешествие.

Они побрели через плато. Идти было нетрудно, сказывалось малое притяжение планеты. Она спросила:

— Что вы хотели сказать об Эзвалах?

— Ничего. Если бы я вам что-нибудь сказал, вы бы их

уничтожили.

— Вам надо было привести реальные факты, а не теоретические построения. В Совете здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие, — иронически подхватил Джемисон.

— Я не верю, что у вас есть факты. Хорошо, покончим на этом.

7

Через два часа солнце стояло высоко в небе. Все это время они пробирались по извилистому плато, лавируя между расселинами, которые вели вниз, в раскаленные недра спутника.

Гигантская пропасть, ранее расплывчатая из-за расстояния, теперь предстала во всем своем величии. Она простиралась во все стороны неприступной, отвесной стеной. Джемисон с трудом произнес:

— Стыдно признаться, но мне ее не одолеть.

— Я ведь говорила вам — это голод. Мы умрем от голода.

Джемисон на секунду задумался и спросил:

— Эти травоядные, они ведь едят молодые побеги деревьев?

— Да, у них длинные шеи, а что?

— И это все, что они едят?

— Еще траву.

— И больше ничего? — Джемисон становился настойчивее.

Барбара вскинула голову:

— Сбавьте тон. Для чего вам все это?

— Извините за тон. Что они пьют?

— Они лижут лед, что скапливается у рек. Там замерзает вода, которая образуется во время таяния снегов. Вспомнила: еще они едят соль. Совсем как земные травоядные.

— Соль! Это-то нам и нужно! Давайте вернемся, мы проходили солончаки. Нужно набрать соли.

— Вернуться? Вы сошли с ума!

— Послушайте, Барбара. Я сказал, что не смогу спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода я не умру — я достаточно скопил жира на канцелярской работе. Но все-таки нам необходимо убить животное. Для этого нужна соль. Надо вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Барбара отвела взгляд и сказала:

— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Они напоминают жирафов, только значительно выше. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся. Хорошо, мы вернемся. Не все ли равно, где умирать. Дай бог, чтобы нас учуял грип. Это лучше и быстрее, чем смерть от голода.

— Нет ничего страшнее женщины, решившей умереть во что бы то ни стало.

— Не думайте, что мне этого хочется!

— А как же ваш ребенок?

По выражению ее лица он понял, что не промахнулся. В ней нужно было пробудить любовь к жизни. Ее помощь была необходима. От разговора с ней по дороге к солончаку он, сам того не ожидая, получил большое удовольствие. Он не пытался убедить ее в чем-либо, говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании различных рас, о том, как много решений было принято в результате разумного обсуждения.

— Вот, наконец, и солончак, — прервала она его.

Джемисон распихал по карманам куски соли, а затем они побрели обратно. Возвращение проходило в молчании. У него болел каждый мускул, каждый нерв. Отчаянно хотелось спать, но спать было нельзя, сон означал смерть. Он взглянул вниз, и у него закружилась голова. Помутившимися глазами он посмотрел на женщину, на лице которой читались муки голода.

— Держитесь! — крикнул он. — Еще немного!

Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы они могли спуститься вниз. Казалось, им оставалось только лечь и умирать от голода, глотая ртом живительный воздух. Наконец, она прошептала:

— Что же нам делать? Неужели тут нет спуска?

Но Джемисон уже нашел выход.

— Спуститься мы можем в любой момент. Смотрите, — он подтащил ее к краю, — внизу спасение. Там стадо травоядных.

Слева, немного ниже их, виднелась долина. Спуск в нее был несколько поодаль от них, он весь порос лесом и вторгался в долину, подобно клину. Около него паслось стадо в сотню голов.

— Они постепенно приближаются к лесу. К ним можно подкрасться.

— А потом выбежать и насыпать им на хвост соли? У нас же ничего нет!

— Сначала, — сказал Джемисон, не оборачиваясь, как бы про себя, — нужно подобраться к краю леса, причем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте, как хотите. Вам к ним и на четверть мили не подойти.

— Я и не собираюсь. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно бы поняли, как просто убить зверя. Эта проблема давно решена на всех мирах. Пошли.

— Вы правы. Я тоже считаю, что эта смерть приятнее голодной. Около травоядных животных всегда околачиваются грипы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Кстати, мясо травоядных довольно жестко. Сейчас как раз темнеет, значит, грипы близко. Скоро они нас учуют и тогда…

— Если потребуется, мы сами к ним придем. Жаль, что я тут никогда не был раньше, тогда все давно было бы в порядке. Но пока наша цель — лес.

Его внешнее спокойствие было лишь маской. Когда они достигли леса, он качался от усталости и голода и едва держал нож, подкапывая корни высокого коричневого дерева.

— Кажется, этот корень так же тверд, как сталь, и так же упруг. Его можно свернуть в кольцо. На Земле это дерево используется в промышленности.

— Да, если вы делаете лук, то вот эта трава может служить тетивой.

— Нет, это не лук. К ним ведь нельзя подойти и на четверть мили, — он выдернул дюймовый корень, отрезал кусок и заострил его. — Ну, вот, теперь подержите концы вместе, а я их свяжу.

— А-а-а, теперь я поняла. Животное заглотит кольцо, в желудке трава разорвется, и острые концы проткнут желудок.

— Этот метод известен на сотне планет, на Земле его применяют эскимосы. Правда, приманка другая, — он подобрался к поляне и принялся разбрасывать кольца. — Мы не можем положиться на одно кольцо.

Мясо было пусть жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как к телу возвращается энергия. Джемисон проглотил последний кусок и встал, глядя на заходящее солнце.

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам хватит. Вообще-то вредно есть одно мясо, но за две недели вряд ли что-нибудь с вами случится. Больше охотиться мы не сможем.

Джемисон вырезал филейную часть животного, лежавшего на траве и упаковал мясо в два тюка, обвязав его травой. Получилось нечто вроде рюкзака. Барбара смотрела на него иронически.

— Вы просто сумасшедший. Ночь мы как-нибудь переживем в пещере, но когда нас найдет грип — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет? — резко сказал Джемисон.

— А потому, что зубы у них тверже алмаза, желудок же не разрезать и ножом, не то что деревом. Именно из-за них здесь нет разумной жизни. У нас есть пища, голодная смерть нам не грозит. Что ж, пусть нас убьет грип — это произойдет мгновенно. Выбросьте из головы эту глупую идею — выжить. Грип настигнет нас в любой пещере, в любой щели и убьет. Естественных пещер здесь нет, все пещеры — это метеоритные воронки, перекрученные движением коры спутника. Нужно найти такую пещеру, чтобы в ней ночью сохранился воздух. Когда подуют

холодные ветры, костюмы нам не помогут. Нужен костер.

Дерева вокруг них было предостаточно. Они собрали большую кучу веток и стащили ее в пещеру, на первый этаж. Потом спустились сами, сначала Джемисон, а потом, весьма грациозно, Барбара. Джемисон ухмыльнулся. Молодость есть молодость.

Они перетаскивали топливо на второй этаж, когда вход в пещеру перекрыла черная тень. Он оглянулся — во тьме блеснули клыки и горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык нервно облизывал губы в предвкушении добычи, слюна капала на стоящих внизу людей.

Джемисон почувствовал, как его дернули к провалу, и тут же очутился на куче веток внизу. Тут же они принялись протаскивать ветки на следующий этаж.

Скрежет гигантских когтей, расширяющих отверстие, и рев чудовища подгоняли их. Едва они закончили и спрыгнули вниз, как увидели в отверстии второго этажа морду чудовища, освещаемую полуторафутовыми глазами. Внезапно скрежет прекратился, и наступила тишина.

— В чем дело? — спросил Джемисон.

— Он закупорил вход, ему не добраться до нас за те несколько минут, что ему остались до спячки, но нам не выйти. Грип хитер на выдумки. За травоядными он не охотится, только преследует. Просыпается он на несколько минут раньше их и пользуется этим. То же он хочет проделать и с нами. Ведь выйти мы не можем, тут нам и конец.

Всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. То он засыпал, то ему чудилось что-то, тогда он вскакивал и метался по пещере. Тьма, как камень, придавила их к земле. Ни малейшего проблеска света. Блеклое, искрящееся пламя костра было бессильным против этой тьмы и беспомощно перед холодом.

Сначала появился озноб, потом холод словно сцементировал его тело. Стены покрылись инеем. Скала трескалась, и каждую новую трещину сопровождал гул, от которого, казалось, вот-вот обрушится потолок. Шум падающих осколков вывел женщину из забытья. Она вскочила на ноги и тоже принялась ходить туда-сюда, согревая руку в руке.

— А почему бы не поджечь грипа? — спросил Джемисон. — Ведь если бы он…

— Он проснется. К тому же его шкуру не проймешь костром. Она похожа на металлоасбест, не горюча, но проводит тепло.

— И ведь надо было попасть в эту переделку мне, единственному человеку, знающему решение проблемы Эзвала. И вы еще, вдобавок, пытаетесь меня убить…

— Пыталась. Что толку в этих разговорах? Бесполезно, через несколько минут проснется грип и прикончит нас. Нам его не остановить.

— Вы так думаете? Зверь, конечно, страшный, но помните: эта проблема решена давным-давно…

— Безумец! Его даже бластер не берет. Что ему нож?

— Кстати, дайте-ка его мне. Я его заточу.

Теплело, иней местами подтаял, озноб прошел. Костер затухал, оставляя пепел, топливо сгорело дотла, и как только он погас, пещеру заполнили клубы дыма, сквозь которые ничего не было видно.

Внезапно сверху что-то зашевелилось, послышался треск и протяжный вой. Барбара вскочила с земли.

— Он проснулся.

— Вот вы и дождались своего часа.

— Теперь я вижу, что ваша смерть ничего бы не дала. Это безумие.

Между ними упал кусок скалы и с грохотом рухнул вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей был совсем близко. Барбара сказала ему:

— Он расширяет проход. Спрячемся в расщелину, стена может рухнуть.

— Да, нельзя рисковать. Времени у нас мало, — он расстегнул и снял перчатку, весь содрогнувшись от холода. Подставил нож под затухающее пламя. — Черт побери, ну и мороз. Нужно нагреть нож, иначе ничего не выйдет.

Он накалил лезвие, сделал надрез на большом пальце левой руки и растер кровь по лезвию. Посиневшая от холода рука не кровоточила. Он надел перчатку и, когда рука согрелась, боль возобновилась. Он пошел вдоль стены, как бы забыв о следующей за ним женщине.

— Ага! — воскликнул он торжествующе. Но даже ему эта радость показалась слишком искусственной. Он опустился на колени возле тонкой трещины. — Это как раз то, что нужно, она как раз напротив прохода, — он взглянул на женщину. — Знаете, почему я вчера не спустился ниже? Потому что в этой пещере грип может уместиться целиком. В нем ведь футов тридцать вместе с хвостом?

— Да.

— Отлично, он тут свободно разместится, и есть, куда укрыться нам, пока он не издохнет.

— Пока он не издохнет? — эхом откликнулась она. — Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон промолчал. Он вставил в трещину рукоять ножа и

укрепил ее камнями.

— Ну, кажется, ничего. Но нужна двойная гарантия.

— Быстрее, нужно спуститься на следующий этаж, может, там есть выход в другую пещеру, — воскликнула Барбара.

— Я обследовал пещеру, пока вы спали. Там всего еще два этажа.

— Ради бога! Через минуту уже будет поздно!

— Минута мен и нужна. Надо все-таки получше закрепить нож, — и он принялся за работу, в то время, как она пританцовывала за ним от нетерпения. Наконец, он укрепил камень, с которым мучился, и они спрыгнули вниз, успев увидеть приближающиеся глаза зверя.

Костер высветил неясные очертания темной клыкастой пасти с тонким извивающимся языком и рассыпался искрами, когда на него плюхнулась тяжелая туша. Больше Джемисон ничего не увидел — он отпустил руки и рухнул с двадцатифутовой высоты. С минуту от боли он ничего не соображал, даже того, что скребущий звук стих. Вместо этого зверь взвыл от боли, потом послышался сосущий звук и довольное хрюканье.

— Что случилось? — недоуменно спросила женщина.

— Сейчас увидите, — прохрипел Джемисон.

Сосущие звуки доносились в течение пяти, десяти, двадцати минут, постепенно затихая. Вместе с ними стихал вой. Наконец, раздался вопль агонии, и наступила тишина.

— Помогите, мне нужно посмотреть, что с ним, — сказал Джемисон.

— Кто-то из нас спятил, либо вы, либо я. Ради всего святого, скажите, что случилось?

— Он почуял кровь на ноже, лизнул его, порезал язык и пришел в бешенство, а рот наполнился его собственной кровью. Они ведь обожают кровь. Ну, вот, за последние полчаса он ею обожрался.

— Значит, — странным голосом спросила Барбара с усилием. — Теперь нам уже ничто не препятствует дойти до людей?

— Ничто, кроме вас, — он взглянул на нее.

Молча она взобралась на следующий этаж. Джемисон вынул нож из трещины.

— Отдайте нож, — резко сказала Барбара.

Он поколебался, но подчинился. Снаружи было бледное утро.

Небо было легкое, светлое. Утром даже скалы были не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи день казался еще светлее, он возвращал надежду.

«Ложную надежду, — мысленно уточнил Джемисон. — Спаси

меня бог от этой женщины. Ого, она нападает.»

Нападение было внезапным. Он уловил начало атаки по блеску ее глаз. Нож разодрал рукав ее костюма. Он едва устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума, — пробормотал он. — И не ведаете, что творите.

— Не беспокойтесь об этом. Вы должны умереть, несмотря ни на что. Вы — сам дьявол, но и вы умрете.

Она пошла вперед, выставив перед собой нож, и он ей не препятствовал. Она, по-видимому, не разбиралась в борьбе. Свободной рукой она попыталась схватить его. Этого он и ожидал. Эта дилетантка ничего не смыслила в убийствах. Он схватил ее за руку и рванул на себя, отскочив в сторону. По инерции она пронеслась мимо него и завертелась, как волчок. Теперь она балансировала на краю пропасти, и ей не за что было удержаться. Он вовремя ухватил ее за костюм, чтобы она не свалилась вниз, и выхватил у нее нож. Он увидел ее глаза, мокрые от слез. Она снова стала женщиной, а не орудием убийц. На далекой Земле у Джемисона была жена, похожая на Барбару, и по своему опыту он знал, что она сломлена. Теперь она не опасна.

Все утро Джемисон глядел в небо. Он надеялся на помощь. Планета Карсона к этому времени скрылась за горизонтом, и подчиняясь древним законам, ветер стих.

В полдень он увидел в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближаясь, пока не превратилась в шлюпку, в которой он узнал шлюпку со своего линкора. Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, — спокойно произнес он.

— Вы отправлялись на урановые рудники — это совсем в другой стороне, сэр.

— Ничего, все в порядке, — уклонился от ответа Джемисон.

Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту линкора Джемисон обдумывал план мести за покушение. С одной стороны, эти люди слишком жестоки, чтобы оценить милосердие. Они примут его за слабость. С другой стороны…

Наконец, он решил не делать ничего, оставить все, как есть, не жаловаться, не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы земной администрации вряд ли поймут, что иногда врагами бывают люди, а не руллы. Хотя, скорее всего, это была человеческая слабость. За это не наказывают. Может, и придумают когда-нибудь надчеловеческий суд справедливости. И он обвинит людей в жалости, в горе, в бесстыдстве, в безволии, в

непонимании. Барбара Уитмен вынесла что-то из всего этого. И, может быть, когда-нибудь она встанет на его сторону.

По пути на Землю Джемисон запросил, прибыл ли туда командор Мак-Леннан с Эзвалами. Ему ответили, что этот медленный сухогруз еще не прибыл. Но через неделю, когда до Земли оставался день пути, пришло ужасное известие:

«Два часа назад получено сообщение: корабль Мак-Леннана вышел из-под контроля над севером Канады. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы. Об экипаже ничего не известно.»

— О, Господи! — простонал Джемисон, прочитав радиограмму. Листок выпал из его руки и тихо опустился на пол каюты.

8

Командор Мак-Леннан повернулся к двум офицерам:

— Весь контроль полетел к черту. Через четверть часа мы грохнемся на Землю где-то около Аляскинского залива. Мы обшарили весь корабль, но поломки не нашли. Карлинг, прикажите людям покинуть судно в спасательных шлюпках. Потом сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два Эзвала, они могут уцелеть при крушении. Пусть определят место падения и прибудут туда как можно скорее. Неизвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Ясно?

— Так точно, сэр! — Карлинг выбежал из каюты.

— Стойте! — остановил его Мак-Леннан. — Немедленно примите меры, чтобы они не вырвались из клеток, если уцелеют, и чтобы они пострадали как можно меньше. В них заинтересовано правительство, и мы должны довезти их живыми! Ступайте! Бренсон!

— Да, сэр!

— Возьмите пару человек и закройте люки главного трюма, тогда им не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр!

Мак-Леннан сгреб в портфель кучу важных бумаг и понесся к хранилищу спасательных шлюпок. Карлинг, явно нервничая, отдал честь:

— Все люди в безопасности, сэр, кроме Бренсона!

— Где он болтается, черт побери!? Кто еще с ним?

— Скорее всего, никто. Все остальные здесь.

— Что за черт… Пошлите кого-нибудь… впрочем, я сам.

— Простите, сэр, — со страдальческим выражением лица сказал Карлинг, — но если через две минуты мы не стартуем, по будет поздно. Встречный поток сметет нас. А насчет Бренсона… Его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему? — Мак-Леннан впился в него глазами.

— Его старший брат был разорван на клочки Эзвалами.

Детеныш услышал угрожающее рычание матери и ее твердую и ясную мысль:

«Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел, чтобы убить!»

Как молния, выскочил он из своего угла клетки, лишь когти щелкнули по металлическому полу, и вот уже он под ней, в теплой темноте ее тела. Здесь, в ложбине между ее мускулами, он был в безопасности. Он снова услышал ее мысль:

«Помни, что я тебе говорила. Люди должны нас считать зверями. В этом наше спасение. Ты любишь жизнь, но если долг

потребует, ты должен умереть».

Ее глазами он видел толстые четырехдюймовые прутья решетки и человека за ними.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Он выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Он услышал рев и запах горелого мяса. Мать бросилась прямо на это беспощадное пламя, бьющее из-под решетки. Человек отскочил. Тьма, застилавшая мозг самки, исчезла.

— Черт возьми! Ну, держитесь!

Детеныш не почувствовал мучительной боли матери — она снова выключила контакт. Она носилась по тесной клетке, уворачиваясь от огня. Какая-то часть ее мозга работала по-прежнему, отыскивая путь спасения детеныша. И она нашла этот путь.

Вместе с шипением огнемета был слышен новый звук, похожий на протяжный вздох, становившийся все выше.

— Дьявол! — выругался человек. — Ну, и живучи же они. Нужно убираться, иначе будет поздно. Но куда делся этот чертов детеныш? Не провалился же он сквозь пол!

Его мысли оборвались, когда шестьдесят пять тысяч фунтов голубого тела самки обрушились на него, прорвавшись сквозь расплавленные огнеметом прутья решетки. Детеныш напряг все мускулы, чтобы его не расплющило. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его ослабевших пальцев, он рванулся к выходу, непослушные пальцы едва ощупали трап. В два прыжка самка достигла лестницы, и тут детеныш увидел человека снова, теперь он был совсем крошечный, и услышал второй вопль, оборванный ударом могучей лапы. И тут же мир погас для него.

Тьма обволакивала его мозг, и невыносимо было чувство потери, вдвойне страшное, так как исчезла не только физическая, но и моральная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он был одинок, и одиночество стало невыносимым. Он жаждал смерти.

Пока он выбирался из-под останков матери, он понял две вещи: что он с каждой минутой как бы теряет вес, и что высокий звук превратился в жуткий леденящий свист. Корабль с каждой секундой падал все быстрее. Древний рефлекс заставил детеныша выбраться из-под матери. От свиста у него болели уши, к тому же ему все время казалось, что пол вот-вот вырвется у него из-под ног.

Детеныш подполз к телу матери, подпрыгнул, стараясь

попасть на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Со второй попытки ему удалось приземлиться на спину. И в этот момент все — звуки, потеря веса — исчезло во всесокрушающем ударе.

9

Прежде всего он почувствовал боль. Болела каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то мешало ему, какое-то ощущение, мысли… Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Он лежал на холодном полу трюма. Он сполз туда со спины матери, еще раз спасшей его. Корабль развалился надвое, и сквозь пролом виднелось сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, а сквозь дыру в стене бил резкий леденящий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей. Сквозь пролом в трюме луч света белым пятном застыл на теле самки. Мгновенно детеныш скользнул под него, увернувшись от луча и замер там. Голоса людей, искаженные немыслимо изогнутыми стенками трюма, ничего не говорили ему, но мысли он понимал.

«Порядок, командор! Они мертвы!»

Послышался лязгающий топот.

«Как это они мертвы? — ответил другой, чем-то раздраженный мозг, — самка, что ли? Эй, кто-нибудь, дайте свет!»

«Думаете, что детеныш…»

«Сами что ли не видите? Это вам не игрушки. В нем пятьсот фунтов, уж лучше я подерусь с матерым тигром.»

Лучи света обшаривали трюм.

«Не дай бог, если он отсюда выбрался. Тут есть с дюжину ходов… Карлинг! Прикажите своим людям установить прожектор в проломе. И посмотрите, нет ли следов вокруг. В чем дело, Даниэл?»

Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

«Здесь Бренсон, сэр, вернее, то, что от него осталось. Вот здесь, у лестницы».

Его эмоции мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

«Черт побери! Чепуха получается, но… Сэй! А ведь эта тварь подохла не от удара, она наполовину сожжена».

Последовала довольно правильная догадка о случившемся, а потом:

«Детеныш, наверно, спрятался… он не мог на нее взобраться… С другой стороны… Паркер!»

«Да, сэр!» — мысль эта почему-то прозвучала не в мозгу говорившего, а в голове командора.

«Подведите шлюпку к корпусу под трещиной, подцепите

зверя тросом под среднюю ногу и поднимите. Карлинг, следы есть?»

«Никак нет, сэр».

«Ну, значит, он под ней, живой или мертвый. Поставьте людей у каждого выхода. Направьте прожекторы так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стреляйте при малейшей опасности!»

Воспоминание об огне привело Эзвала в трепет, и он еще сильнее вдавился в плоть матери. Но потом он преодолел страх и стал рассуждать. На его планете он удрал бы сразу же, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. Но у него был шанс — уже почти стемнело. Но надежда пропала, когда он слегка приподнялся: слепящий свет залил все вокруг, а люди стояли с оружием наизготовку. Пятнадцать человек, насколько это было в их силах, постарались не оставить в ловушке выхода. Детеныш закрыл глаза, защищая их от света.

Внезапно закрывшее его тело матери дернулось и приподнялось. Он подумал сначала, что она ожила, но это было не так. Его залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, его захлестнула чудовищная боль, стало трудно дышать, легкие сдавил трос.

Он вспомнил, о чем ему напоминала перед смертью мать: нужно бороться со страхом. Сама она нашла в себе силы броситься сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь много людей и нет решеток.

В следующее мгновение движение прекратилось. Он ощутил под собой что-то твердое, освободился и бросился к ближайшей группе людей в тридцати ярдах от него. Словно молнией ударил его страх и паника многих людей.

«УБИТЬ! УБИТЬ!» Три бластера, направленные на него, были лишь каплей в море спешащих им на помощь. Полуослепший Эзвал не видел трещины в палубе, пока туда не угодила его нога. С непостижимой скоростью он свернул в сторону, освободив ногу, и влетел в какое-то отверстие. Это его и спасло. Едва он упал на плиты оказавшейся под дырой секции, как воздух над ним запылал, подожженный дюжиной бластеров.

В одном из углов было достаточно большое, чтобы он мог пролезть, отверстие. Неизвестно было, куда оно вело: в тупик или на другую палубу. Но выбора не оставалось: он ринулся в отверстие.

В следующую секунду рядом оказались люди. Эзвал притаился, выжидая, пока первый из них покажется в отверстии. И этот первый, словно кегли, полетел вниз, а бластер бесполезно разрядился в воздух. Двое других не ожидали его атаки. Это их и

погубило. Одного Эзвал ударом превратил в мешок с костями, а другому разодрал в клочья живот и грудь. На секунду он задержался и с хрустом перекусил обоих пополам, а потом бросился к ближайшему отверстию. Едва он успел выскочить и свернуть в сторону, как масса огня вырвалась из дыры.

СНЕГ. Странное мягкое белое вещество обожгло ему ноги, наполовину сковав их.

Пляшущий луч света вырвался из корабля и наткнулся на Эзвала. Длинная тень Эзвала метнулась вперед. Но прожектор осветил и большой черный валун впереди. Эзвал метнулся за него. Тотчас передняя часть камня раскололась под ударами бластеров. С душераздирающим скрежетом камень разлетелся на куски. Пламя метнулось над Эзвалом, свалившимся в какую-то яму. Она была заполнена снегом, затруднившим движение. Он рискнул пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждавшей впадину, оставаясь незамеченным с корабля.

Дважды ему приходилось падать в снег, чтобы его не нашел луч прожектора. Оглянувшись, он увидел несущуюся к нему спасательную шлюпку. С полдюжины прожекторов на ее днище обшаривали местность, и от них нельзя было скрыться. Ближайшая роща — единственное укрытие — была слишком далеко, судно настигло бы его через несколько секунд.

Футах в двадцати от него была груда наполовину занесенных снегом камней. Собрав все силы, он перемахнул это пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Оттуда он прыгнул в самый центр груды, спрятал голову в снег, выгнув спину, и замер.

Он не видел, как над ним пролетела шлюпка, но мысли сидевших в ней людей он понял. Его не заметили. Шлюпка была постоянно связана с командором.

«Разрази меня бог, командор, если я могу понять, куда он делся. Нигде никаких следов».

«Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?»

«Да, сэр. Снег чист по обе стороны. Он не мог уйти, не оставив следов. Спрятаться негде. О, одну минуту! Тут недалеко есть роща, не думаю, что он там, но…»

«Сядьте и обследуйте ее. Только, ради бога, будьте осторожны! Хватит с нас трупов!»

Эзвал чуть расслабился. Снег вокруг него подтаял, его шесть лап, очутившись в холодной воде, постепенно коченели. В его мире воды почти не было, в худшем случае она была теплой. Как он тосковал по этому миру!

Он насторожился, люди возвращались.

«Ничего нет, сэр. Мы обшарили каждый фут».

Пауза.

«Хорошо, Паркер. Но все-таки поднимитесь выше и сделайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка. Скажите им, чтобы прислали охотничьих собак, как только раненые прибудут в госпиталь. Их должно быть с десяток. С ними мы его живо поймаем, есть следы или нет. Уж они его притащат!»

Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва она отлетела в сторону на безопасное расстояние, он стремглав бросился к роще и скрылся под нависшими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности, пока шлюпка обследовала окрестности. Через пять минут он стоял на краю долины. Перед ним насколько хватало глаз расстилался лес. Слева от него небо странно светилось на горизонте. Это могло быть все, что угодно, но Эзвал решил, что там живут люди. Туда путь закрыт. Он спрыгнул вниз и понесся к лесу. Снег был довольно плотным, и Эзвал не оставлял заметных следов, особенно, если огибал сугробы. Теперь его не найти с воздуха, люди будут ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое «собака», но представлял, что они меньше и глупее его, только с таким же нюхом.

10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами, когда Эзвал решил отдохнуть. На склоне он нашел себе пещеру. Долгие часы он боролся с непривычным холодом, и его чудесное тело сумело выработать достаточно тепла. Теперь он поджал под себя ноги, стараясь согреть каменный пол пещеры. Он слышал какие-то мысли: иногда странные, иногда страшные, а в большинстве — примитивные. Сначала он подумал, что это его подсознание, но потом понял, что это не так. Это были чужие мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку на склоне пасся олень. Его мысли были смесью страха и голода. Еда? С вожделением Эзвал рассматривал это существо, прикидывая, как бы его убить. Все зависело от внезапности атаки. Он приготовился к прыжку. Очевидно, мясо было съедобное, и он сглотнул слюну, представив его вкус. Тут он услышал звук. Лай! Вместе с ним он услышал мысли, человеческие мысли. Он понял, что это собаки. И они охотятся, охотятся за ним! Он выскочил на холм, чтобы лучше видеть. Отсюда он видел цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямо к нему. Он спрыгнул вниз, и тут же над ним пронеслась какая то тень. Он похолодел. В четверти мили от него пролетел самолет и сел внизу, в миле впереди около следа. Открылся люк, и оттуда выскочило пять собак. Сначала они разбежались в разные стороны, потом одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались прямо на его убежище.

Сначала Эзвал хотел удрать. Но, подумав, решил подняться вверх по склону. Это было тяжело. И каждую минуту он чувствовал — ищейки идут за ним. А следом — их хозяева. Он еще раз увидел самолет, перенесший собак еще ближе к нему. Он резко свернул с гряды и понесся вниз по склону, потом поменял направление и по кратчайшему пути направился через долину к дальним горам. Но скрыться ему не удалось. Лай то приближался, то удалялся, но не исчезал. Он изнемогал. Но когда, наконец, красноватое солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, он решил, что на сегодня спасен. Этого он ждал. Собрав все силы, он понесся назад по старому следу. В долине он увидел два самолета и бродящих между ними людей. Невдалеке кормили собак. Похоже, что они решили заночевать. Горящими глазами смотрел Эзвал на этих собак, засыпавших в снегу.

«Как стая они опасны, но если их убить, то, пока привезут новых, ему удастся скрыться».

Нужно быть предельно осторожным. Иначе люди раньше времени выскочат из самолетов и убьют его. И он ринулся вниз, быстрее, чем поднимаемая им снежная лавина.

Первый пес увидел его. Эзвал услышал его визгливый лай и почувствовал тьму, опустившуюся на мозг собаки, когда он нанес удар. Он резко повернулся и сомкнул челюсти на собаке, прыгнувшей ему на шею. Кровь хлынула ему в пасть, она была отвратительна. Он выплюнул ее, и тут на него двинулась вся свора. Эзвал встретил первого пса когтистой лапой. Клыки пса сомкнулись на ней, пытаясь прокусить голубую кожу, но Эзвал легко увернулся и нанес удар. Собака покатилась по снегу и осталась лежать бездыханной, со сломанной шеей. Эзвал повернулся к стае — та удирала, охваченная ужасом. Он вышел победителем. Рядом кричали люди, зажигая огни, но не это волновало его. Мысли собак. Сомнений нет, они боятся его и не пойдут по его следу. И Эзвал обратился в бегство. Люди, управлявшие прожекторами, были неопытны и упустили его. Бластеры ударили в то место, где его уже не было. Он перескочил через хребет. Эту ночь он спал спокойно, а утром снова был в пути. В полдень вновь послышался лай. Это поразило его, как гром, он ведь думал, что сумел оторваться от преследователей.

Эзвал рванулся вперед. Он слишком устал, устал жить. Сумеет ли он напасть на эту стаю? Когда наступила ночь, он сделал попытку вернуться, но на расстоянии почуял ловушку. Расстроенный, он улегся на снегу. Становилось холоднее. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья, сначала редко, а потом все гуще. Всю ночь он боролся с бураном. Теперь оставалось как можно дальше оторваться от стаи, и следы заметет снегом.

Утром буран стих. Голодный, замерзший Эзвал нашел в скале пещеру и решил войти, но остановился на пороге. Внутри был огромный черный зверь. Удивление было взаимным. Эзвал почуял запах тепла, помета, услышал мысли животного и понял, что застал его спящим.

«Другой медведь… вошел… наглец… проснуться», — вот каковы были мысли медведя-кодьяка. Наконец, животное очнулось ото сна и пришло в бешенство, рванувшись, страшно рыча, на Эзвала.

От его удара Эзвал полетел в снег, но тут же его лапы впились в землю, и он сам изо всей силы ударил медведя в могучее плечо. Медведь взревел и схватил Эзвала лапами так, что у того сперло дыхание. Эзвал попытался освободиться, он слишком устал, чтобы драться.

Это было ошибкой. Медведь испугался и попытался

оттолкнуть его и убежать. Но как только Эзвал дернулся в сторону, медведь пришел в себя и принялся когтями рвать Эзвала. Он взревел в предчувствии победы. Теперь он был полон ярости и стремился к убийству. Освободив одну лапу, он нанес Эзвалу страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание. Но этот же удар и привел его в чувство. Он отразил возвращающуюся лапу и движением челюстей перекусил сухожилия. Среднюю лапу он вонзил в живот зверя, разорвав длинными когтями желудок медведя.

Это решило исход битвы. Но медведь уже не помнил себя, он снова сжал Эзвала, повторив свою ошибку. До сих пор ему не приходилось встречаться с таким противником.

Эзвал медленно поднял средние лапы и так же медленно ударил ими медведя, внутренности которого вывалились прямо на него.

Страшно удивленный, медведь упал в снег, продолжая сжимать Эзвала в своих объятиях, и умер.

Истощенный Эзвал лежал неподвижно, пока не разжались огромные лапы. Наконец, он высвободился и вполз в пещеру.

Запах медведя не испугал его. Он зализал свои раны, свернулся клубком и заснул.

11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят звери. Ощущение было столь острым, что он смог определить их размеры. Зверей было много, но они были меньше медведя. Присутствие зверей успокоило его, значит, поблизости нет людей. Звери пожирали медведя. Эзвал поморщился и снова заснул. Когда он проснулся вновь, большинство волков ушло, осталось только четверо, двое из них старались разгрызть толстую кость, один из зверей обнюхивал вход в пещеру.

Эзвал вскочил на ноги, он был полно энергии. Он пошел к выходу — как раз тогда, когда волк хотел войти. Несколько секунд они рассматривали друг друга. Волк некоторое время утробно рычал, потом попятился, поджав хвост, и исчез. Он не боялся Эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три-четыре волка.

Тут Эзвал понял, что раскиданные кости, клочки шкуры, кровавый снег должны быть хорошо видны с воздуха. Он вышел из пещеры.

Два волка стояли у входа, а двое, примерно, ярдах в ста от них. Ближайшие яростно на него посмотрели, но отступили, оставив не снегу кости, которые грызли. Не обращая внимания на волков, Эзвал закопал кости в снег и попятился в пещеру, заметая за собой следы.

Эту ночь он провел спокойно, но на следующий день ворочался, чувствуя голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Когда он кончился, Эзвал вышел наружу. Он вспомнил, что по дороге в пещеру он пересек ручей, подо льдом которого копошились какие-то живые существа.

Эзвал проломил лед в середине ручья и замер в ожидании.

Из ручья доносились какие-то примитивные мысли, дважды но видел на поверхности сверкающие существа. Он наблюдал за их движениями и повадками.

В третий раз он быстро сунул правую переднюю лапу в леденящую воду и схватил рыбу.

На льду Эзвал разжал лапу и рыба выскользнула на лед. Он съел ее с удовольствием. Она была приятна на вкус, не чета оленю.

И так в течение часа он поймал около четырех рыб. Не так уж много, но он утолил голод. Когда стемнело, Эзвал вернулся в пещеру. Всю ночь он размышлял. Насущные проблемы были решены как нельзя лучше. У него было надежное убежище,

источники пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Его мать гордилась бы им, если бы была жива. Да — вот что его беспокоило — он обеспечил себя, но не отомстил за мать. Сколько людей должны заплатить смертью за смерть? Он не знал. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей. По крайней мере в этой стране. Из мыслей преследователей он уловил мысли о городах и домах. Ему следует добраться до одного из них и, примерно, подсчитать число жертв, прежде чем начать убивать. Однако, время для этого еще не пришло. Охота еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули. По дороге к ручью он попал в бобровую ловушку, как раз больной левой ногой. Он упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг и освободил ногу, потом на пяти ногах поплелся к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул. Вопрос был в том, когда они обнаружат ловушку. Но ни малейшего сомнения не было в том, что оставаться здесь опасно.

К рассвету от устроился на отдых под какой-то скалой и проспал там весь день. К вечеру он спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночь он шел по течению. На третий день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте нескольких десятков метров над ним пролетел маленький самолет. Когда он исчез из вида, Эзвал услышал мысль:

«Немедленно покиньте ручей, Ваши следы найдены. Вас преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить вам жизнь. Немедленно покиньте ручей…»

Скоро мысль ослабла и исчезла. Эзвал думал:

«Что это за ловушка, куда его хотят заманить? Кто-то из людей знал, что Эзвалы разумны. Его дружба — ничем не доказанная — слишком опасна».

Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела из лука он рванулся вверх по течению. Утром он миновал ущелье, до него было недалеко. Невзирая на боль в ноге, он карабкался выше и выше, пока не очутился не гребне, на высоте нескольких сотен футов над ручьем. Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, он спустился в ущелье.

С наступлением ночи он пересек бесконечную холодную пустыню. Над ним светила горбатая луна и не было видно тех странных огоньков в небе, которые, как он считал, были особенностью этой планеты.

Потом его коснулись первые лучи солнца. Перед ним открылся берег моря с разбросанными кое-где поселками. Эзвал нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему

было нужно. Здесь были люди, которых можно было убить. Но сначала было необходимо скрыться от охотников и залечить ногу. Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но…

Внезапно из-за ближайшей рощи вылетел низко летящий самолет и пронесся над ним. Эзвал видел его лишь на мгновенье, но узнал тот, вчерашний. Теперь самолет преследовал его, повторяя каждое его движение.

«Я не причиню вам вреда. Иначе вы были бы уже мертвы. Вас заметили. Весь район оцеплен и самолеты ищут вас. Остановитесь или вас обнаружат другие».

Эзвал был беспомощен. Но вопрос, что делать — бежать или остановиться — решился сам собой. Впереди показались поселок и патрулирующая в миле от него платформа. Эзвал скрылся в ближайших зарослях. Самолет приземлился в 50-ти футах от него. Открылся люк, но никто не вышел.

«Я думал, вы в пустыне, но вы оказались здесь. У вас только один выход. Войдите в отсек и я отвезу вас туда, где вы будете в безопасности. Свободы я вам не гарантирую, но вы останетесь живы. Приближается платформа. Люди на ней не знают, что вы разумны, и их не переубедить. Они вас убьют. Торопитесь!»

Платформа была в нескольких сотнях метров от него. На ней заметили Эзвала. Она повернулась и полетела прямо к нему.

«Быстрее, они не должны заметить меня!» — услышал он.

Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся свободой. Но тут от вспомнил, что сказал Джемисон:

«ЛЮДИ НА НЕЙ НА ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ РАЗУМНЫ…»

Значит, об этом знает только Джемисон. Если его убить, знание умрет вместе с ним.

12

Прижимаясь к земле и прячась за зарослями, Эзвал скользнул в люк. Щелкнула дверь и отсек погрузился во тьму. Но перед этим он успел заметить, что в помещение нет ровно ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене. Эзвал почему-то не чувствовал досады из-за того, что не мог убить Джемисона, наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решал свою судьбу.

Откуда-то снаружи корабля он услышал мысль:

«Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы не видели где-нибудь этого маленького, бедного, недооцененного монстра, а?»

Это был голос командора, причем он был явно враждебно настроен. Ответ Джемисона был полон иронии:

«А я уверен, что он покинул этот район, командор».

«Вот как? Ну, что ж, посмотрим. П следу идут 6 собак, след свежий и четкий. Мы не успокоимся, пока не поймаем его. Да-а-а, жаль, что вам не удалось доказать Верховному комиссару, что он совсем безвреден. Ну, ничего, не расстраивайтесь, мы отдадим вам чучело».

Мысли становились все тише — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Джемисон понял, что платформа настигает его.

— Джемисон! — раздался яростный голос командора. Немедленно приземляйтесь! Иначе вы будете уничтожены!

Эзвал почувствовал, что Джемисон находится в раздумье — сесть или попытаться уйти. Но эта нерешительность не отразилась в его ответе:

— Что все это значит?

— Знайте меру во лжи, Джемисон! Наш человек в доме на холме видел, как вы кружились над рощей и забрали этого зверя. Бог знает, как вам это удалось. Это неважно. Мы держим вас на мушке! Считаю до трех, после открывает огонь! Раз, два…

Корабль начал снижаться. Эзвал прочел в мозгу человека серию картин: разбитый корабль, мертвый водитель и убитый врагами Эзвал. Он почувствовал горечь человека, у которого не удался важнейший план.

Вообще, Эзвал заметил, что у этого человека совсем другие мысли, чем у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать, уничтожать преследователей. И боялся он не за себя.

«Нет времени вдаваться в подробности, — услышал Эзвал, — вот суть. Вы знаете, что Эзвалы скрывают свою разумность,

потому что боятся, что люди их уничтожат. Это верно, но есть одно „но“: как животные, вы не попадаете под действие межзвездных законов, но как разумные существа вы имеете право на защиту. Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сможете защищать планету без нас. У нас нет другого выхода. Чтобы доказать правительству, что вы разумны и нам нужно сотрудничать, а не воевать с вами, я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но это невозможно без вашего сотрудничества».

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал попробовал стены на прочность, но они не поддавались. Вентиляционные отверстия были размером с его коготь.

«Люди на другом судне — военные, которые шли по вашим следам все это время, чтобы поймать вас, живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне, так как я настаивал на сохранении вам жизни. Вас рассматривали как слишком большую угрозу, и тут я был против Мак-Леннана. Он считал, что армия лучше справится с этой задачей».

Эзвал услышал другие мысли — гневные, враждебные. Некоторые относились к Джемисону. Другие считали, что тот играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисон сделал невозможное. Через 5 минут люди подошли к самолету. Джемисон закончил:

«Ситуация вышла из-под моего контроля. Вы можете помочь нам обоим — сообщайте мне все, что думает Мак-Леннан».

Эзвал сел. Он ничего еще не решил. Он не хотел попасться на удочку людям. Но то, что Мак-Леннан наполовину поверил Джемисону, решило дело: Эзвал понял, как ему поступить. Сейчас или никогда. Джемисон должен умереть, а Мак-Леннан — убедиться, что Эзвал всего лишь зверь.

13

Эзвал увидел, что Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям в бластерами. Из динамика донесся голос Мак-Леннана:

«Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что еще не решил, что с вами делать. Пройдите вперед».

Джемисон молча прошел, куда было указано.

«Порядок, действуйте Карлинг!»

Человек с маленьким металлическим цилиндром в руках вошел в рубку. Последовала серия щелчков.

Джемисон резко сказал:

«Предупреждаю, командор, если с Эзвалом что-нибудь случится, у вас будут неприятности с правительством».

«Не беспокойтесь, Джемисон, с вашим сообщником ничего не случится. Я хочу всего лишь проверить, годится ли отсек для его перевозки. Он уснет на несколько часов».

«Сомневаюсь. Вы его предупредили».

«А, — иронически сказал командор, — ваша излюбленная теория. Ну, что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!»

«Есть, сэр».

Эзвал задержал дыхание. Он не знал — сколько это, несколько минут, но решил держаться до конца.

«Повторяю, командор, если вы рассчитываете его обезвредить, то ошибаетесь».

«Вы хотите сказать, что этот зверь понимает нас?»

«Он читает мысли.»

«Вы это серьезно, доктор?»

«Никогда не говорил серьезнее».

Мак-Леннан приказал:

— Все равно, газ ему не причинит вреда, Карлинг, продолжайте работу еще пять минут. Потом откройте дверь.

— 5, 10, 60 — не имеет значения. Эзвалы амфибии и вам нужно, по крайней мере, 1,5 часа, чтобы усыпить его.

Эзвал приготовился действовать. Джемисон незаметно подобрался к машине.

— Командор, я требую прекратить анестезирование. Неизвестно, как подействует газ на Эзвала.

— Газ применялся при поимке.

— Нам повезло.

— Ладно, Карлинг. Откройте дверь. Всем отойти.

— Позвольте мне, — Джемисон направился к люку. Такого

Эзвал не ожидал. Враг сам лез к нему в лапы. Он думал сначала прикинуться спящим, а потом наброситься на людей… Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу Эзвал чувствовал, как напряжены сейчас люди вокруг.

Но странно: несмотря на отсутствие препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему как к зверю и были врагами его расы. Но этот человек был другом. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на все их отличия.

Человек говорил негромко и спокойно и хотя Эзвал не всегда понимал слова, он понимал мысли.

«Я ваш друг. И эти люди ваши враги только потому, что вы не хотите понять, что они могут быть друзьями. Вы можете меня убить, вы не дорожите своей жизнью. Но поймите — пока мы стоим здесь, люди и Эзвалы на планете Карсона убивают друг друга. В нашей власти остановить их. Не думайте, что я предлагаю вам легкий путь к спасению. Это много труднее любого другого выхода. Слишком много людей и Эзвалов верят в свою правоту, слишком многие считают животными тех, кто сильно от них отличается. Многие Эзвалы будут считать вас предателем, так же, как и меня люди, потому что они не знают истины, так же, как и эти люди. Это трудная работа, но ее можно сделать с вашей помощью. Давайте же начнем!»

Джемисон повернулся к остолбеневшему Мак-Леннану и сказал:

— Командор, прикажите, чтобы принесли сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Мак-Леннан повел головой и один из его людей бросился в рубку.

Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно, ничего не делая, он уже проиграл. Они уже поверили, что он разумен. Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если вы ляжете, я смогу осмотреть вашу ногу и помочь вам, — сказал он.

Люди вокруг ахнули. Эзвал, наконец, принял неизбежное решение. Он лег и облегченно вытянул больную ногу.

14

Гигантский город выступил из тумана. Город Корабля. Еще с борта самолета Джемисон позвонил жене, она первая узнала о его прибытии. Она мигом съездила в Сад за Дидди, и этот трехсторонний разговор заставил Джемисона почувствовать угрызения совести за то, что он не позвонил раньше. Ведь он был в космосе 4 с лишним месяца, а прилетев, целую неделю потратил на Эзвала. Он решил не огорчать этим жену. Таково было бремя века — война с руллами заставила отступить на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час он был дома. Когда прошли первые восторги встречи с семьей, пришли в порядок нервы, он снова втянулся в работу и мог с закрытыми глазами перечислить все дела, хранившиеся у него. Среди них не последним был вопрос об Эзвалах.

В силу некоторых обстоятельств этим делом приходилось заниматься ему, Главе Научного Департамента. Во-первых, идея о разумности Эзвалов ни в ком не вызывала энтузиазма. И как-никак, во-вторых, планета Карсона была одной из трех опорных баз человечества. Поэтому он и занимался Эзвалом. Он не мог спихнуть это дело дальше. Вскоре ему пришлось провести еще одну встречу на высшем уровне, сыгравшую немалую роль.

— Вот здесь, — от ткнул в зеленую область на карте. — Именно тут, — повторил он высокому жилистому человеку. — Тут должен быть лагерь.

Айра Клаги наклонился вперед и неодобрительно посмотрел на пятно, раздраженно спросив:

— Зачем же именно здесь?

— А очень просто, — сказал Джемисон, которого тоже раздражало это занятие. Но война с руллами заставляла администратора играть и не в такие игры, и он продолжил: — Ведь нам нужна вакцина от молодняка этих тварей с Миры, она нужна как можно скорее и в достаточном количестве. А в лесу молодняка больше всего. Поэтому лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Клаги сжимались и разжимались. Хорошо, что хоть не получил по носу, мрачно подумал Джемисон. Он понимал состояние звездолетчика, но ни в чем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам должно быть известно, что нет там никакого леса. В джунглях кишмя кишит — этот самый молодняк и еще бог знает что за звери. Он встал и ткнул пальцем в другое место. — Вот здесь, в горах, можно. Там тоже не сладко, но

климат получше и от зверья забот меньше. Результат будет тот же, а обойдется куда дешевле.

«Разумно, — подумал Джемисон. — Если Клаги агент руллов, то агент неплохой». Все его реакции анализировались группой психологов в соседней комнате. В случае ошибки в действиях Клаги, перед Джемисоном загорелась бы красная лампа. Пока она была мертва.

— Видите ли, Клаги, это вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь…

— К дьяволу ваши деньги! — заорал Клаги. — Не о них речь! Какого черта сотни отличных парней должны сложить головы ни за что, ни про что!

— Ну, предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу ответственность за свои решения.

Клаги медленно опустился в кресло. Сквозь загар проступила краска гнева. Но он еще сдерживался.

— Посмотрите, мистер Джемисон, вот тут, в конце джунглей, есть большой холм. Я писал о нем в докладе. Это не бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если правительству — вернее, вам — нужен лагерь, то мы его там построим. Но это зависит не только от меня — решать будут мои люди.

Джемисон явно скучал. Он, конечно, понимал, каким дураком выглядит в глазах инженера. Но он снова ткнул рукой в зеленое пятно и повторил:

— Здесь.

Клаги вскочил со стула с быстротой молнии и стол Джемисона завибрировал от удара его кулака.

— Разрази меня гром, вы — самый непроходимый тупица из всех, что я видел! Кроме стола ни черта не видите и заработали капитал на чужих жизнях. Посмотрел бы я на вас, как бы вы строили лагерь там, куда ткнули карандашом, если бы очутились бы там на пару минут.

Джемисон ожидал этого взрыва. Лампочка не загорелась. Ему удалось провести встречу, не показав, что это проверка.

— Я удивлен, мистер Клаги, что вы переходите на личности при обсуждении правительственного мероприятия.

Лицо Клаги из красного стало черным.

— Мистер Джемисон, человек, посылающий на верную смерть сотни людей, заслуживает и не этого. Стройте лагерь сами, где хотите. Я отзываю своих людей.

Клаги повернулся на каблуках и вышел. Джемисон не удерживал его. Проверка еще не окончена. Вопрос был в том, порвет ли теперь Клаги контракт или нет? Рулл никогда бы этого

не сделал — ему было все равно, где строить лагерь, хоть на вулкане, ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей. Он щелкнул переключателем. На экране появились трое психологов.

— Ну, — сказал Джемисон, — кажется это он.

— Да, — улыбнулся один из тройки, — характер у него тот же. Бьюсь об заклад, что это он.

— Ну, что ж, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета.

В этой войне никому нельзя было верить, даже здесь, на Земле. Шпионская сеть руллов раскинулась по всей Галактике и на Земле был ее центр.

Как только руллы появились из сгустка тьмы откуда-то вне Галактики, были потеряны тысячи систем, прежде чем гуманоиды смогли мобилизовать флота и остановить противника. Равновесие поддерживалось несколько лет, затем руллы снова двинулись вперед, сражения проигрывались одно за другим, у руллов как бы имелись все тайные планы землян. Это означало одно — утечку сведений, шпионаж. Сначала даже не предполагалось, что руллы могут принимать любой облик, пока однажды тело «человека», убитого при попытке похитить секретные документы из Исследовательского центра, не превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Только тут человечество поняло, какой опасности оно подвергалось. Через несколько часов полицейские машины блокировали все города на тысячах планет и каждый человек прошел проверку.

На одной только Земле было выявлено и расстреляно около 100000 шпионов. Однако руллы весьма быстро сумели адаптироваться и выявить их стало возможно лишь с помощью сверхсложных машин-детекторов. И вот теперь руллы, несмотря ни на что, продвигались вперед. Их ничто не брало, ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Их организм был основан на фтористом обмене. Долгое время велись поиски бактерий, с помощью которых можно было вести войну. Вакцина из лимф животных с Миры-23 была именно этим средством. Но об этом не знал даже Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. То же самое думали бы и руллы, заполучи они Клаги.

Звякнул коммутатор, прервав его размышления, Джемисон извинился перед психологами и включил приемную. Секретарша сказала ему:

— Мистер Калеб Карсон.

— Давайте.

На экране появилось изображение серьезного темноволосого

юноши. Калеб Карсон был старшим сыном первооткрывателя и исследователя планеты Карсона.

— Получилось, — сказал Карсон.

— Ага, значит, я прав! — он снова включил приемную. — Я лечу в Исследовательский Центр. Если будет звонить Клаги, соедините со мной немедленно.

— Хорошо, сэр.

— Джемисон поднялся в лифте на крышу, где в ангаре стоял его аэрокар. Два охранника проверили его карманы и документы, потом сняли отпечатки пальцев — самый надежный метод выявления шпионов.

Джемисон подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на его силиконовой поверхности. Раньше его не было. Он потряс головой, протер глаза. Рисунок не исчезал. Он сел в аэрокар и направил его к одному из зданий. «Что за черт», — подумал он, посадив аэрокар на крышу. Механически он выключил мотор и сидел в ожидании пропуска. Он не узнал спешившего к нему служителя, вероятно, новый человек. Но тут он увидел нечто более потрясающее — это не было зданием Исследовательского Центра! Он повернулся к служителю, чтобы выяснить недоразумение, и замер. В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа, и наступила тьма.

15

Первым его впечатлением был причудливый приторный запах гниющих растений. Он оказался лежащим в парусиновой койке, прогибающейся под его тяжестью, но удобной. Что же случилось? Он — жертва руллов? Или? Конечно, у него на Земле была бездна врагов, да и не только на Земле… Клаги? Что ж, это последний враг. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать ему свою правоту? Чушь. Джемисон вспомнил о рисунке на аэрокаре, парализовавшем его мозг. Новый способ гипноза? Однако, слишком много вопросов, так ему ничего путного не узнать. Он открыл глаза. Сквозь лианы сверкало зелено-голубое небо. Внезапно он почувствовал невыносимую жару, на него нахлынул рев работающих машин. Он сел и огляделся. Койка стояла в конце еще не законченной просеки. Вдали виднелись пластиковые бараки.

«Если это Мира 23 — здесь действует Клаги. Значит, Клаги? Да, сомнений нет. Ну, дай ему бог суметь оправдаться перед Землей!»

Теперь Джемисон понял, что небо кажется зеленоватым из-за энергетического экрана, поэтому и верхушки деревьев излучали слабое сияние. Экран отражал низкочастотные волны, поэтому находящееся в зените красное солнце Миры казалось белым. Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая антисектициды. Джемисон перескочил на необработанный участок: эти антисектициды были куда вредней для человека, чем для насекомых. Перепаханная машинами земля кишела черными блестящими червями и знаменитыми красными жуками Миры, убивающими жертв током, и бог знает, чем еще. Он подошел к уже отстроенному зданию и прочитал вывеску: КОМПАНИЯ МЕРИДАН АЙРА КЛАГИ — главный инженер Джемисон вошел в барак. Сидевший за столом юноша лет 20-ти с холодным раздражением взглянул на него. Джемисон без предисловия сказал:

— Мне нужен Клаги.

— А вы кто такой? Что-то я вас не припоминаю, — отпарировал юноша.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это что-нибудь вам говорит?

— Имя — говорит. Босс, платящий на деньги. Но вы-то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— А откуда вы знаете? Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль улетел 5 дней назад.

— 5 дней?! — повторил пораженный Джемисон.

Юноша кивнул.

«5 дней, — подумал Джемисон. — И дорога до Миры 7–8 дней. Неужели Клаги все это время держал его без сознания?»

— Где ваш дядя?

— Сначала нужно установить вашу личность и каким образом вы тут очутились, — он поднял с пульта трубку и нажал кнопку. — Вес — выше среднего, густые рыжеватые волосы, глаза — темные, широкий лоб, лицо выразительное, — описывал он внешность Джемисона. Потом, помолчав, ответил: — Все-таки пришлите пару человек, — он положил трубку и повернулся к Джемисону: — Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона. Или… на рулла, выглядевшего как Джемисон.

Джемисон улыбнулся и поднялся. Он шагнул вперед, протягивая руку:

— Ну, это-то я сумею доказать. Вашу руку, Питер.

Рука Питера, лежащая ладонью вниз на столе, слегка приподнялась, достаточно, чтобы показать, что под ней лежит маленький бластер.

— Ни с места. У вас еще будет время для доказательств.

Джемисон с минуту смотрел на него, пожал плечами и пошел к двери.

— Назад, — крикнул Питер, сядьте на место!

Джемисон, не обращая внимания на Клаги, рассматривал местность, стоя у двери. До сих пор он был слишком занят личными делами, чтобы обращать на все внимание. Все-таки Клаги пошел на компромисс.

Холм возвышался на тысячи футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезался в них, так что не заслонял величественного леса, простирающего до туманных гор на горизонте. Холм был уже почти очищен от деревьев. И тут он снова почувствовал тот знакомый, волнующий трепет восторга, который он всегда ощущал при виде нового мира, новых звезд, таких же сказочных, как эта. Однако вид трех вооруженных людей вернул его к действительности. Первым шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку лицо его все более принимало недоумевающий вид. Но он ничего не сказал до тех пор, пока Джемисона бесцеремонно не обыскали.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, напишите здесь свое имя и подпись, чтобы я мог сравнить с документами. Мне бы этого не потребовалось, если б не ваше неожиданное появление здесь.

— Как раз этот вопрос, — зловеще улыбнулся Джемисон, — я хотел бы задать вам! — но он тут же понял, что из такой игры ничего не выйдет. Он рассказал Клаги о событиях, происшедших с

ним с момента ухода Айры из его кабинета, не утаив, однако, своих подозрений, Клаги усмехнулся в ответ:

— Дать вам по физиономии я мог бы, но похищение не мой стиль, — и он, в свою очередь, рассказал, что было с ним. Он пошел в Клуб Звездолетчиков и приказал своим людям возвращаться. Он как раз топил ярость в бокале вина, когда его разыскал правительственный чиновник и объяснил ему всю подоплеку. Клаги отменил приказ, а на следующий день подписал контракт и занялся вербовкой людей и загрузкой техники в корабль. Через два дня он стартовал на Миру. — Вы можете связаться с Землей и проверить, — сказал он в заключении.

— Связаться с Землей я должен в любом случае. Хотя ваш рассказ правдоподобен. Но все равно следует в этом разобраться. Мне будет нужен корабль.

Радиостанция с субпространственной кольцеобразной антенной над ней была неподалеку. Из-за контрольной панели вынырнул расстроенный оператор:

— Мистер Клаги! А я уже собрался звонить вам. Опять сгорел конденсатор Мак-Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас, — жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен и Джемисон — тоже.

— Видите ли, доктор, — сказал Клаги, — это был наш последний конденсатор. Мы остались без связи до следующего судна, а оно будет через 6 суток.

Это был серьезный проступок. Питер Клаги отдал бластер Джемисону, с облегчением схватившему его, и шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я его обыщу.

Позади Джемисона Клаги тоже достал бластер. Оператор протянул руки вперед. Племянник Клаги схватил его за руку и с облегчением повернулся:

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной станции. Клаги ответил, что есть, в девятистах милях отсюда, на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда на аэрокаре, — Питер Клаги бросился к группе стоявших невдалеке аэрокаров и привел один. Через минуту они были в воздухе. Корабль вел Питер. Айра Клаги молча смотрел в окно, Джемисон тоже решил поразмышлять.

«Видимо, руллы хотят нам помешать получить вакцину. Это ключ ко всему. Они устроили ему ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли сюда». Он

содрогнулся, представив себе, что неделю провел на корабле руллов. «Но почему они его не убили? Видимо, потому, что если бы был убит администратор, проект бы остался, человека заменить можно. Тут все было хитрее, в интригу вовлекался Клаги, от которого тоже зависел проект. Значит, присутствие Джемисона на планете нужно по сценарию, — он вздрогнул. — Ведь он ведет себя вполне естественно, значит, тоже по сценарию. Там предусмотрено, чтобы он вместе с Клаги очутились здесь, над лесом, далеко от ближайшего жилья. Так было задумано», — Джемисон встал. Нужно немедленно связаться с рудником.

На горизонте сверкнула точка — второй кар, больше и мощнее его собственного. И вооруженный. Он настигал их. Джемисон повернулся к пульту и замер: перед ним с бластером в руке стоял Питер Клаги. Дуло бластера уперлось Джемисону в живот.

— Питер! Ты сошел с ума! — крикнул Айра.

Он бросился к Питеру, но тот направил на него бластер:

— Сдать оружие! Быстро!

Джемисон протянул к Айре руку:

— Мне остается надеяться, Клаги, что ваш племянник жив. Это — не Питер Клаги, и вообще не человек.

16

Теперь Джемисон все понял. Питер отказался пожать ему руку мотивируя это тем, что Джемисон мог оказаться руллом. Его с самого начала поразила свежесть Клаги в этом душном климате. Теперь ясно, откуда она. И понятно, кем был радиооператор, чью «человечность» удостоверил Клаги рукопожатием. Он внимательно разглядел «юношу». Его всегда поражало совершенство маскировки, никогда не разрушающейся в присутствии людей. Джемисону же всегда виделись червеобразные, многорукие тела руллов.

Айра Клаги очнулся, наконец, от шока:

— Что вы сделали с моим племянником?

Джемисон схватил его за руку:

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится бластер — он убьет вас излучением.

Рулл молча протянул то, что казалось рукой, к пульту и щелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чащу леса. Другое судно, как заметил Джемисон, тоже нырнуло в лес. Странно, но второй кар не приземлился. Он завис над землей, на высоте нескольких футов. Вероятно, он не хотел оставить след. Из машины выскочили двое руллов в человеческом обличье и направились к ним. Джемисон понял, почему они старались не касаться земли — ведь здесь, в гуще леса, кишмя кишели юные лаймфы.

Может, руллы и не знали цели работ Клаги, может, это была просто превентивная операция против Земли. Их привели в замешательство лаймфы. Взрослые особи были безобидны, они не передвигались. Молодые же нападали на все, что двигалось. Стоило движущемуся предмету остановиться, они о нем забывали. Они бросались на все, на падающие листья, раскачивающиеся деревья, текущую воду… Миллионы их гибли от атак на мертвые предметы, почему-либо двигающиеся. Но некоторым везло и через два месяца они превращались во взрослых особей. Те представляли собой твердые ульеобразные конструкции, которые не могли двигаться. Эти улья встречались на каждом шагу, на земле или деревьях — всюду, где молодые лаймфы настигали жертву. Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовитой. Жила она за счет запасов, приобретенных до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Но дети оставались в них. Они развивались в родителях и начинали их пожирать. Это останавливало размножение, но детенышей было уже так много,

что она пожирали друг друга. И несмотря на все это, какая-то часть ухитрялась спастись. На этом мысли Джемисона прервались, так как «Питер» щелкнул тумблером и дверь аэрокары открылась:

— Выходите, живо!

Они спрыгнули на землю, где их уже поджидали руллы. Руллы повернулись друг к другу.

— Это они разговаривают, — прошептал Джемисон. — Им трудно говорить по-человечески.

«Клаги» повернулся к ним и сказал Айре:

— Вы свободны. Можете убираться на аэрокаре ко всем чертям, но сегодня сюда не возвращаться!

Джемисон и Айра были потрясены. Клаги сказал:

— Нет, если Джемисон остается, то и я тоже.

— Но почему? Ведь он вам не нравится!

— Это так, но… — он бешено проорал: — А, так вы знаете! Значит, вы убили племянника еще на Земле!

Джемисон предостерегающе положил руку ему на плечо. Рулл ответил:

— Ваш племянник жив. Он здесь, — он подошел к зависшему аэрокару и открыл люк — внутри лежала неподвижная фигура, похожая на «Питера».

— Он пробудет без сознания несколько часов. Мы усыпили его утром, в лагере. Так было нужно.

Это было правдоподобно. Руллы стали совещаться. Поступок Клаги выпадал из сценария. В этот момент Джемисона привлекло какое-то движение в траве, довольно далеко, но он сразу понял, что это. Это молодые лаймфы! Короткое совещание руллов окончилось и «Питер» обратился к Клаги:

— Лезьте в кар, я отвезу вас.

— А что будет с Джемисоном?

— Он останется здесь. Через час стемнеет. Когда вы прилетите за ним, он будет уже мертв.

Какой смысл? Зачем? Конечно же! Все помнят, как Клаги выступал против проекта — подозрение в любом случае падет на него. Начнется расследование и проект будет остановлен. Это в случае, если они не знают о цели проекта. Просто где-нибудь разведцентр руллов получил сведения о повышенной активности людей в этом районе и послал группу агентов. Стандартный их метод. Джемисон уголком глаз следил за движением травы. Лаймфы были уже в тридцати — сорока футах от них. Круг замкнулся. Он не медлил ни секунды. Он правильно понял план руллов — нужно было действовать. Он подошел к Клаги и сказал:

— Ступайте в кар. В самом деле, они правы, — и шепотом: —

Мы окружены лаймфами. Я замру и спасусь. Идите, — он подтолкнул Клаги. Тот немного поколебался и вошел. Джемисон прыгнул в сторону и побежал. «Они меня не убьют, это не по сценарию. Только бы отвлечь их внимание на несколько секунд».

Каждый его нерв натянулся и лопнул, и он упал в траву не в силах пошевелиться. Сознание он не потерял, но прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что случилось. Один из руллов парализовал его. Страшная мысль пришла ему в голову. Что если какой-нибудь лаймф впился в него, пока он падал и теперь пожирает его! Ослепительная вспышка света осветила уже темнеющие джунгли. Еще одна, еще! Он мог только гадать, что произошло. Шли минуты. Редели вспышки. Глаза резало, он не мог их закрыть. И через секунду он понял, что это хорошо — в поле его зрения появилась уродливая головка лаймфа. Он просеменил на маленьких ножках вблизи него. Земля ушла из под Джемисона. Он понял, что его подняли. Сначала он испугался, что это рулл, но нет — его нес на руках Клаги. Прежде чем захлопнулся люк, Джемисон мельком увидел трех руллов в футах пятидесяти от корабля. Они потеряли человеческую форму и на членистых многоногих телах тут и там блестели шишки излучателей света, с помощью которых создавалась видимость людей. И повсюду в их тела внедрялись лаймфы.

17

— Как, говорите, назвали? — переспросил польщенный Джемисон. Он был в своей каюте в корабле, летящем с Миры 23 на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет нетактично. Так что его зовут Эфрами.

Джемисон откинулся в кресло. Он улыбнулся тому, что Эзвал хотел взять его имя. А, в принципе, это было из ряда вон выходящее событие. «Что в имени?» сказал древний поэт. Это была одна из его немногих ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, которые не имели имен. Ни одна из них не создала цивилизацию. Джемисон понимал, конечно, что за сотню лет понятие «цивилизованности» было искажено до той степени, когда раса считалась тем цивилизованней, чем активней она боролась против руллов.

— Эфрами… — повторил он, — и второе?

— Джемисон. Это было возможно.

— Ха, еще один родственничек. Жене сообщили?

— Да, я ей звонил. Но она была слишком расстроена вашим исчезновением.

Он был весьма рад, что уже успел поговорить с Ведой. Поэтому он принялся непринужденно болтать с собеседником. В результате родилась идея: изготовить индикатор, который бы издавал мысленные импульсы: «Меня зовут…» и каждому индикатору присвоить имя. Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать их для лечения Эзвалов. Делать метки можно из материалов, со временем растворимых в крови. Но к этому времени каждый Эзвал уже будет знать свое имя. Несомненно, эту идею можно преподнести Совету.

Затем он соединился с одним исследовательским институтом и сообщил о том странном рисунке, парализовавшем его. Через несколько дней он снова был в своем кабинете.

— Вас хотят видеть, — позвонила секретарша.

— Да, включите, — на экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Дидди ушел искать Источник Звука.

— О-о-о… — протянул Джемисон.

Он любовался ее лицом. Она и в самом деле была привлекательна, с нежной кожей и угольно-черными волосами, хотя замужество и материнство все-таки повлияли на нее.

— Веда, тебе не следует волноваться.

— Но ведь он ушел, а вокруг кишат эти руллы!

— Ведь в Саду его отпустили. Они знают, что делают.

— Но ведь его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул.

— Видишь ли, дорогая, так нужно. Это неотъемлемая часть процесса воспитания и мы должны подчиниться. Мы этого уже долго ждали… — он переменил тему разговора. — Лучше развлекись, пройдись по магазинам, купи что-нибудь, возьми… ну, сколько хочешь денег. До свидания, дорогая, и, главное, не расстраивайся!

Он встал и подошел к окну. Перед ним были здания Бюро. Проспекта и Корабля он не мог видеть, они были по другую сторону здания. Дальше простирались пригороды, далеко-далеко, до туманного горизонта. Где-то там, внизу, его сын искал Источник.

Темнело. Дидди Джемисон шел по улице. С самого начала, всю жизнь, он размышлял, что такое Звук. Он никогда не прекращался. Ему говорили, что где-то «снаружи» его нет. Но он был уверен, что это не так, ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить его. Скорее всего, и это было ложью, которую он должен опровергнуть. Звук был все время, в Саду и в его комнатах, говорил ли он или молчал, в столовой, заглушая его, мамы и отца шум, когда они вместе ели, и даже во сне звук не прекращался. Он был привычен. И вот сегодня Дидди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет. Он поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу. В ста футах от него стоял человек, которого он впервые заметил 10 минут назад. Что-то в нем вызвало тревогу. Дидди перешел улицу и, надеясь ускользнуть, вышел на другую, более людную улицу. Он еще надеялся, что это не рулл. Но к первому человеку присоединился второй, и они направились к нему. Дидди подавил желание повернуться и убежать. Если это руллы, то ему не убежать.

— Малыш!

Дидди остановился и повернулся к ним, как если бы увидел их впервые.

— Ты что-то поздно гуляешь.

— Это моя ночь, сэр.

«Человек» полез в нагрудный карман. Странное это было движение — как если бы рука перемещалась отдельно, сама по себе. Наконец он вынул руку и протянул значок.

— Мы агенты Бюро. Ты пойдешь с нами на Проспект.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл. На площадке стояли два полицейских.

— Доктор Джемисон? — спросил один из них.

— Да?

— Тревор Джемисон?

Джемисон кивнул.

— Отец Декстера Джемисона, девяти лет?

— Да, — Джемисон схватился рукой за косяк двери.

— Наш долг, согласно закону, сообщить вам, что ваш сын находится в руках руллов. В течение нескольких часов его жизнь будет в смертельной опасности.

Джемисон ничего не сказал. Офицер рассказал ему вкратце всю историю.

— Мы знаем, что сейчас руллы скапливаются в районе Солнечной системы. Мы не можем уследить за всеми. Сейчас мы производим лишь подсчет их числа. Вероятно, вы понимаете, что нам важней узнать конечную цель руллов, чем выловить отдельные группировки. Видимо, сейчас мы имеет дело с особо крупным заговором. Но мы делаем пока лишь первые шаги к разрядке. Нужна ли вам еще какая-либо информация?

Джемисон колебался. Веда сейчас мыла посуду на кухне. Она не должна узнать, что приходили полицейские. Но он еще не узнал всего.

— Вас надо понимать так, что вы не будете освобождать Дидди сейчас?

— Пока у нас нет информации о намерениях руллов — нет. Ситуация должна созреть. Вам не следует вмешиваться. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени. Мы вам звонить не будем.

— Благодарю вас, — автоматически сказал Джемисон. Веда крикнула из кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Кто-то искал человека по имени Джемисон. Ошибка.

— А-а, — она сразу забыла о происшествии и не вспомнила о нем. Джемисон пошел спать.

18

Дидди знал, что не должен сопротивляться. Он должен сорвать планы руллов. Этому его учили в Саду.

Нужно сначала выяснить, что за план у руллов. И ждать инструкций.

Пока люди притворялись людьми. И Дидди покорно шел за ними. Улица становилась светлее. Вдали на черно-синем небе четким контуром выступил корабль.

Здания вдоль проспекта, за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы с Дидди на буксире подошли к барьеру-проходной. Здесь, около плиты восьмифутовой ширины, они остановились, глядя на расположенные под решеткой вентиляторы. В начале войны охраняемые объекты окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось, что ток для руллов не преграда. Колючей проволоки они просто не чувствуют, а бетон крошат своим излучением. А среди ремонтников всегда оказывались шпионы, саботирующие работу путем убийств. Вооруженные патрули слишком часто убивали своих. И, в результате, несколько лет назад был создан вентиляционный барьер. Он окружил Пригород. Люди его не замечали, но руллов но убивал за три минуты. Конструкция барьера была строго засекречена.

Дидди воспользовался нерешительностью спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я могу пойти сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех с небольшой натяжкой мог сойти за человеческий, но эта натяжка все и портила.

— Слушай, парень, ведь ты, наверно, неплохой спортсмен. Не хочешь ли нам помочь? Это недолго.

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Дидди кивнул.

— Отлично. Мы тебе говорили уже, что служим в тайной полиции, знаешь, против руллов. Ну, и однажды мы с другом говорили о делах и обнаружили путь, которым рулл должен пройти через барьер, прежде чем погибнуть. И такой странный результат получился, что мы решили его проверить, прежде чем докладывать наверх. Сам понимаешь, куда. Если мы ошибаемся, нас засмеют. И мы решили сначала проверить.

«Никто… не должен… пытаться нарушить… планы руллов». Этот приказ столь часто повторялся Дидди, что сейчас как это

откликнулся в мозгу Джемисона. Джемисон колебался, он не знал, сказать ли «да» или «нет». Но годы учебы взяли свое.

— Все что нужно — пройти через барьер и вернуться, — сказал рулл.

Дидди, не говоря ни слова, выполнил приказ; секунду он стоял нерешительно: вернуться ли ему и побежать к зданию в тридцати футах от него. Но тотчас он понял, что руллы убьют его. И он вернулся.

По улице по направлению к барьеру шла группа людей. Руллы и Дидди посторонились, уступая дорогу. Полиция? Ему отчаянно хотелось, чтобы все шло по плану. Люди неторопливо перешли барьер и скрылись за зданием. Рулл сказал:

— Нужно быть осторожными, чтобы нас не заметили.

У Дидди было свое мнение на это счет, но он промолчал. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Дидди протянул руку. «Сейчас меня убьют». Он чуть не заплакал, но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему, Руку пронзила боль.

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Они разбрасываются пульверизаторами один раз в секунду, поэтому мы этого не чувствуем. Бактерии смертельны для руллов, но безвредны для человека. Чтобы они не разносились, их засасывают обратно вентиляторы. Одни и те же бактерии используются во многих циклах. Теперь ты понимаешь?

Дидди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии. Мало кто знает, как устроены барьеры. Неужели руллы узнали это?

Второй рулл делал что-то в тени здания. Там вспыхивали вспышки света. Дидди понял, что тот исследует его кровь, пытаясь понять, что там.

— Бактерии, попавшие на человека, сразу же умирают. Видимо, используется один вид, иначе невозможно было бы сделать несколько циклов. Если бы мы нашли средство защиты от них, то легко прошли бы через барьер — как ты сейчас. Понял, как важна наша задача? А, мой друг кончил анализ. Подожди немного.

Он подошел ко второму шпиону. Их разговор длился не более минуты. Рулл вернулся.

— Можешь идти, парень. Мы тебя не забудем.

Дидди не поверил своим ушам.

— Разве это все?

— Все.

Дидди вышел из тени здания и пошел к барьеру. Руллы шли

за ним, но не пытались задержать его.

— Эй, парень! Смотри, тут еще двое ребят. Вы можете искать Звук вместе!

Он обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек.

— Кто последний добежит, тот рулл! — крикнул один из них и они молнией понеслись к барьеру. Дидди пошел за ними.

— Меня зовут Джекки, — сказал один.

— А меня Джил, — добавил второй.

— А я — Дидди, — представился Декстер. У каждого был свой Звук, но искать можно вместе. К ним подкатил кар и остановился, как только его фотоэлементы заметили их. Они сели в него и помчались по Пригороду, между кранов и механизмов. Дидди никогда не был ночью на Проспекте и в другое время был бы очень взволнован такой поездкой. Но теперь он размышлял. Кто эти ребята? Руллы? Они никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали, а не прошли сквозь барьер — просто случайность. Но что бы не случилось, он должен сотрудничать с ними. Таков закон, так его учили. Он стал искать источник. Но куда бы он ни заходил, в какой бы зал ни заглядывал, Звук не стихал. Они ни разу не пересекли больше барьер. Если здесь и была преграда для руллов, она была невидима. Двери всех зданий были широко раскрыты. Он надеялся, что в какой-либо закрытой комнате будет смертельный для руллов воздух. Но закрытых комнат не было. Хуже всего было то, что кругом не было ни единой души, никто не мог помочь ему. Только бы узнать, руллы ли его спутники! Если это руллы, то вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Корабль?

Они вошли в огромное, площадью в пол-квадратной мили здание. Джил и Джекки не возражали. В здании не было пола — была гигантская пропасть, наполненная какими-то кубическими конструкциями. Вершина ближайшей из них была в четверти мили от пола, сделанного из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что сквозь многие мили можно было видеть вспышки гигантских ядерных реакторов.

И в центре этого здания, царства металла и пластика, была женщина, живая женщина. Она кивнула им и дружелюбно спросила:

— Ищите Источник? А я — Чувствующая.

Джекки и Джил помалкивали, а Дидди сказал, что знает. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то образом, кажется, по изменению в крови, могли следить за ходом ядерной реакции. Из-за того, что они могли регулировать количество кальция в крови, они жили очень долго, порядка века. Дидди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала

знака. Но, может, она что-нибудь расскажет о Звуке? И он спросил:

— А эти реакторы внизу могут издавать звук?

— Конечно.

— Что-то не верится в это.

— Вы ребята неплохие и я хочу вам помочь. Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым, — она двинулась к Дидди. — Не показывайте удивления. Под перекрытием металлического тротуара под Кораблем ты найдешь маленький бластер. Иди по эскалатору 7 и направо, до бруса с надписью «Н». Если понял, то кивни. — Дидди кивнул. — Спрячь бластер в карман и не применяй без приказа. Счастливо! Она выпрямилась. — Ну, а дальше ты сам, — она подошла к Джекки. — Теперь ты. — Тот покачал головой:

— Мне подсказок не нужно, не люблю шептунов.

— Я тоже, — сказал Джил.

Женщина улыбнулась:

— Ну, ладно. Тогда слушайте: вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка, — ответил Джекки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа рассвет.

Когда Дидди у входа обернулся, женщина снова выглядела как часть кресла, в своей неподвижности она казалась неживой. Но теперь он знал — Корабль в опасности. И они пошли к нему.

19

Джемисон проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Он вздохнул и повернулся на другой бок. О господи, и тут не дают поспать! От открыл глаза — на его постели сидела Веда. Он взглянул на часы. Двадцать две минуты третьего.

«Черт возьми, — подумал он. — Я должен выспаться».

— Я не могу заснуть, — сказала Веда хныкающим голосом. Она выглядела очень расстроенной. Джемисон проснулся окончательно. — Милый, — Джемисон пошевелился, — любимый, — от открыл один глаз снова. — Дорогой, проснись, пожалуйста, я так волнуюсь.

— Ты хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини, пожалуйста, я не хотела тебе мешать.

Но было ясно, что все это она говорила для проформы и эти извинения тут же вылетели у нее из головы.

— Милый, — он не ответил. — Мы должны узнать.

Джемисон хотел было совсем не слушать ее, но мозг уже начал анализировать ее желания и выводы были поражающими. Он спросил:

— Что узнать?

— Сколько их.

— Кого?

— Ребят на улицах…

— Веда, ведь мне утром на работу.

— Работа, — презрительно сказала она. — Работа! Думаешь ли ты еще о чем-либо? Остались ли у тебя какие-либо чувства?

Джемисон промолчал, но она не уходила.

— Ты и люди, подобные тебе, слишком бесчувственны.

— Если хочешь меня оскорбить, то напрасно, — дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет. — Дорогая, можешь радоваться. Ты своего добилась — я проснулся.

— И вовремя. Если бы не позвонил ты, то это сделала бы я.

— Ладно, я позвоню, только не виси у меня над душой. Что обо мне подумают люди? Сиди здесь.

Он вышел из спальни и захлопнул дверь. Затем позвонил по указанному адресу. На экране появилось солидное лицо человека в адмиральской форме. Этот человек был знаком Джемисону.

— Дело обстоит так, Тревор: ваш сын снова в лапах руллов, теперь уже других. Они прорвались сквозь барьер в весьма оригинальной форме. Сейчас в Пригороде около сотни руллов в человеческом облике, они стянулись со всей Солнечной системы, видимо, для какой-то важной диверсии. За последние полчаса ни

один рулл не пересек наш барьер — значит, все они там.

— А что с моим сыном?

— Пока он им нужен. Мы стараемся вооружить его.

Джемисон понял, что адмирал не скажет ему ничего, действительно важного.

— И что же, вы преспокойно позволили сотне руллов проникнуть на Проспект, не зная даже, зачем им это?

— Нам следует узнать, зачем они это сделали. Чего они хотят? Почему пошли на такой риск? Наш долг — дать им высказаться. Мы сделаем все, чтобы спасти вашего сына, но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для них смерть Дидди не более, чем прискорбный эпизод. Газеты напишут потом: «Потери минимальные». Впрочем, они могут даже сделать из мальчика сенсацию — на один день.

— Боюсь, — сказал адмирал, — что мне придется идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен наблюдать. До свидания.

Джемисон сжал руку в кулак и постарался успокоиться. Он вернулся в спальню и сказал:

— Все в порядке, можешь быть спокойна.

Она не ответила. Ее голова лежала на подушке, видимо, она прилегла на секунду и мгновенно уснула. Но спала она тяжело, щеки были мокрыми от слез. И он решил помочь ей — ввел в кровь снотворное сириндж. Она расслабилась, дыхание стало ровным.

Джемисон позвонил Калебу Карсону и попросил:

— Возьми Эфрами, скажи ему, что он нужен семье. Отвези его к штаб-квартире Службы Безопасности около Корабля в хорошем контейнере, чтобы никто не заметил.

Потом он быстро оделся и сам помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения Эзвала. Но это было личной привилегией, которую он, и тем более, Дидди заслужили.

— Что она тебе шептала? — спросил Джекки.

— Да, то же, что и вам, — ответил Дидди. Они спускались по эскалатору под Проспект. Джекки, казалось, задумался о чем-то. Наконец, они достигли тротуара и Дидди увидел невдалеке брус с буквой «Н». Сзади Джекки спросил:

— Но какой смысл ей было шептать это тебе на ухо, если она потом сказала все это вслух?

Дидди вздрогнул, но взял себя в руки:

— А кто ее знает, наверно, решила подшутить.

— Подшутить? — переспросил Джил.

— Что мы тут потеряли? — перебил его Джекки.

— Я устал, — ответил Дидди и уселся на тротуар.

Двое руллов стояли по другую сторону тротуара.

Дидди запустил руку под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, видимо, говорили между собой или еще с кем-либо. Дидди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар. Эта дрожь передалась и ему. Какова же должна быть вибрация под кораблем, подумал он.

Город был построен из металла. И все антивибрационные покрытия не могли устранить дрожь, порождаемую сконцентрированными на малой площади источниками энергии, атомными реакторами, работающими на предельной нагрузке, машинами, способными штамповать стотонные плиты.

Восемь с половиной лет назад был построен Город для колоссального Корабля. Каждая семья в городе жила здесь либо потому, что кто-то из родителей был специалистом, необходимым для постройки Корабля, либо потому что у них был ребенок, который мог на нем полетать. И не было другого пути для людей научиться управлять таким Кораблем, как не расти вместе с ним. В этом Корабле, высотой в десять тысяч футов, был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжие государственные чиновники лишь ошеломленно крутили головами пораженные этими акрами машин и приборов, инструментов на каждом этаже. И когда Корабль полетит — Дидди будет на нем! Пока он стоял, потрясенный восторгом предчувствия, за ним появились двое руллов.

— Пошли, — сказал Джекки. — Зря мы здесь снуем.

— А куда? — спросил Дидди, опускаясь за землю.

— Как куда? Искать! — был ответ.

— Идемте! — не колеблясь ответил Дидди.

Неоновая надпись на здании гласила: «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР». На площади перед зданием толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были такие, что, казалось, только сегодня они научились ходить.

«Может, это руллы? — подумал Дидди. — А, может, все здесь руллы? Нельзя давать волю таким мыслям».

«Исследовательский центр». Здесь была выведена бактерия, убивающая руллов. Но что здесь нужно руллам? Узнать секреты Центра и вывести его из строя, ликвидировать защиту? О такой опасности его предупреждали в Саду.

Все двери Центра, в отличии от других зданий, были закрыты.

— Открой, Дидди, — сказал Джекки.

Тут к ним подошли двое. Один из них окликнул Дидди:

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались, а?

Дидди повернулся к ним — это были двое «агентов» Службы Безопасности. Но, может, это не они, а другие? Что, впрочем, несущественно.

— Мы рады тебя видеть. Мы хотим провести другой эксперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе с руллами. Как, тебе это подходит?

Дидди кивнул. Он чувствовал такую слабость, что речь выдала бы его.

— Войди туда, — сказал рулл, — постой несколько секунд, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. И все.

Дидди вошел в Центр. Дверь автоматически захлопнулась за ним. Он очутился в большой комнате — но здесь не было ни души. И потому Дидди не решился убежать. Но почему же здесь никого нет — ведь все институты пригорода работали круглосуточно? Дверь распахнулась. За порогом стояли Джекки, Джил и остальные ребята, молча глядя на него.

— Выходи, — послышался голос, — только сначала вдохни воздух.

Дидди вдохнул и вышел. Дверь захлопнулась за ним. Один из руллов протянул ему стеклянный сосуд с резиновой трубкой.

— Выдохни, — сказал он.

Что Дидди и сделал. Рулл отдал сосуд спутнику и тот отошел с ним за угол.

— Ты ничего не заметил в здании? — спросил оставшийся рулл.

— Какой-то там странный воздух, густой, тяжелый. А так — больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя кровь. Дай палец.

Дидди подчинился.

К ним подошел Джил и спросил с энтузиазмом:

— Что я смогу сделать для вас?

— Иди, помоги моему другу, — ответил рулл.

Минуты шли и вот из-за угла показалась пара руллов. Дидди смотрел на них с усмешкой. Стоявший рядом с ним рулл пошел им навстречу. Потом рулл, который всегда разговаривал с Дидди, снова подошел к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается в воздух примешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно, даже для рулла. Но рулл не сможет излучать в такое воздухе или разговаривать, так возникают неустойчивые анионы, убивающие руллов.

Дидди не совсем понял это объяснение. Химические реакции

и соединения он проходил в Саду, но мало что помнил.

— Да, — хитро, — удовлетворенно сказал «агент». — Рулл сам себя убивает. А, ребята, вы кажется хотите войти внутрь? Ну, что ж, давайте, и я тоже приду, вот только потолкую немного с пареньком. Давай, отойдем, — сказал он Дидди.

Он отвел Дидди в сторону, а «дети» потоком хлынули в здание, чтобы узнать все его секреты.

«Кто-то должен им помешать, — подумал Дидди, — и чем быстрее, тем лучше.

— Могу сказать тебе — по секрету, конечно, — ты сегодня сделал важную работу. Мы все время думали про „Исследовательский Центр“. После полуночи люди отсюда уходят и два монтера подключают какое-то оборудование и громкоговоритель у двери, если бы я был руллом, я бы легко разрушил. Люди слишком надеются на свою бактерию. Мы подумали вот что. Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. Если бы они попали туда, то передать информацию труда не составило бы, а выбрались бы шпионы поодиночке. Это опасно, но возможно. Так уже делалось. Но теперь мы предотвратим эту возможность.

— Дидди, — услышал он шепот сверху, — не подавай вида, что ты меня слышишь.

Дидди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают шепота по каким-то физиологическим причинам.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Дидди понял, где источник голоса: сверху двери. Рулл ведь говорил ему что-то об оборудовании и о громкоговорителе над дверью. Наверное, шепот шел оттуда. Но как же войти внутрь, если мешает рулл? Тот говорил что-то о вознаграждении, но Дидди думал только о том, как войти.

— Боже мой, — в отчаянии сказал Дидди, — ведь уже наступает рассвет, а я ничего не нашел! Послушайте, лучше и пойду в здание.

— Верно, не будем тратить время зря. Иди, и будь осмотрителен там, понял?

Дидди открыл дверь, но рулл остановил его.

— Подожди секунду, — он привстал и дернул за что-то над дверью. Упали какие-то провода. — Вот теперь можешь идти. Я отключил громкоговоритель. Можешь посмотреть, что делают другие ребята.

Дверь захлопнулась за Дидди.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но никакой надежды нет. Они уничтожили связь. Мы бессильны.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— Это не подлежит разглашению.

„Хотите связаться с Дидди, Джемисон? Я прочел мысли адмирала“, — телепатировал из контейнера Эфрами. „Да“.

Дидди сначала был напуган шепчущим голосом:

„Дидди, руллы в здании безоружны. На излучение они не могут рассчитывать. Я вижу, здесь двое ребят“.

Действительно, в дальнем конце комнаты над столом склонились двое. Дидди очень удивился, но голос тут же сказал:

„Возьми бластер и убей их!“

Дидди сунул руку в карман и вынул бластер. Пять лет его готовили к этому моменту, и он был спокоен. Не было такого оружия, которым бы он не владел в совершенстве. Из дула бластера вырвалась струя голубого пламени. Дидди направил ее на руллов. Те съежились, почернели и мягко осели на пол.

„Отличный выстрел“, — похвалил Эзвал.

Только тут Дидди понял, что голос звучит ВНУТРИ.

Дети в конце комнаты менялись на глазах, собственно, это уже не дети. Хоть Дидди и видел раньше фотографии руллов, но все же он был потрясен.

„Все двери здания закрыты, внутрь никто не войдет. Снаружи никого. Обойди здание и убивай каждого, кого встретишь. КАЖДОГО! Без всякой жалости. Здесь нет людей, только руллы. Убивай их без пощады!“

Через несколько минут Эзвал доложил Джемисону:

„Ваш сын уничтожил всех руллов в Исследовательском Центре. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока не будут убиты те, кто снаружи“.

„Спасибо“, — сказал Джемисон. — это было великолепно».

Потом адмирал рассказал Джемисону:

— Да, это была большая работа. Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться, но мы поменяли бактерию в барьерах, и им пришел конец, — он поколебался. — Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему следует сделать?

— Я вынес ответ на него в специальный раздел моего раппорта.

— Как, вы написали рапорт?

— Сами увидите.

В полутьме Дидди сел на геликоптер и полетел на вершину холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь стояло и сидело несколько ребят. Дидди не знал, люди они или руллы, но почти не испытывал в этом сомнения. Руллам не было смысла

участвовать в этом ритуале. Дидди уселся под кустом, рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Март, — ответил ему резкий, но тихий голос.

— Ищешь Источник?

— Ага!

— И я.

Наступил рассвет и в его сиянии появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием солнца, которое еще не появилось. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не появился край солнца. И чем выше вставало солнце, тем больше, казалось, становился Корабль. Стоэтажный небоскреб Административного Центра казался рядом с ним всего лишь подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Дидди на Корабль. Тот, казалось, плавает в солнечных лучах, поднимаясь выше и выше. «Нет, — подумал Дидди, — еще рано. Но день придет. И величайший звездолет, созданный человеком, устремится в пространство. И тогда война кончится». Голод заставил его спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике. А потом полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Дидди устал. Пусть отдохнет, — сказал он.

Веда высвободилась и ушла в свою спальню.

Дидди прокрался через темную гостиную и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего робота-учителя.

— Рапорт, — произнес он.

— Я понял, что такое Звук, — ответил Дидди.

— Что?

Дидди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать.

Скользнув под одеяло Дидди вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь пластикового окна. Вместе со всеми вещами дрожал пол.

Дидди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению звука. Это и были «миазмы» Пригорода, туман вибрации. Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это — часть его жизни. Так он и заснул.

20

Проснулся Джемисон как обычно, сон мгновенно слетел с него при воспоминаниях о событиях прошедшей ночи. Он взглянул на жену и облегченно вздохнул — все-таки она отдохнула. Ей вставать не скоро. Он на цыпочках прокрался в ванную, умылся, в одиночестве съел завтрак и заодно прикинул варианты, как прошлая ночь повлияет на будущее. Его Эзвал не подкачал.

На работе он написал рапорт, где назвал происшедшее событие не менее важным, чем постройка Корабля. «Использование телепатии в качестве связи между различными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории: Галактики». Он разложил доклад и разослал всем, кто был в нем заинтересован. Первым ответ прислал видный военачальник.

«Интересно знать, были ли приняты предосторожности при общении Эзвала с людьми, причастными к Временным исследованиям /это было обозначение „Совершенной Секретности“/? И не следует ли в этом случае уничтожить Эзвала в качества предосторожности?

Этот ответ вызвал у Джемисона чувство отвращения. Эти военные всегда трясутся за свои секреты. И ведь ЭТО тоже будет разослано и размножено.

Джемисон написал ответ, в котором доказывал, что Эзвал не имел контакта с людьми, располагающими СЕКРЕТНЫМИ СВЕДЕНИЯМИ, А САМ ОН располагал лишь минимумом фактов, то же сведения Эзвал мог получить от агентов руллов.

Тут было слабое место — Эзвал не умел читать мыслей руллов, но для игры в честность сейчас было не время.

— Кроме того, — продолжал он, — неизвестно, когда сложится аналогичная ситуация и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству Эзвал, не говоря уже о том, что от жизни Эфраима зависит отношение со всей расой Эзвалов. Эти отношения будут прерваны навсегда, если они когда-либо узнают о случившемся».

Джемисон и эту бумагу размножил и отправил по тем же адресам. Он перевел Эзвала в другой отсек в целях безопасности, мотивировав это тем, что в данном месте Эзвал не будет иметь контактов с носителями секретной информации. До вечера пришло еще несколько откликов — все благожелательные, кроме одного, гласившего:

«Человек, что за чудовище ты выдал за ребенка?!»

На этом закончилась неделя. Джемисон ожидал сообщения из Информационного Центра, которое он запросил о расах, с которыми невозможно установить контакт. Он позвонил Калебу Карсону, пригласив его на ленч, и попросил съездить с ним в Центр.

Карсон был сильно похож на своего деда, вокруг него всегда сиял ореол успеха, деятельности, казалось, он все время хранил какую-то тайну, которой ни с кем не имел права делиться.

В «Корабельной Каюте», государственном ресторане для высших администраторов, Джемисон посвятил Карсона в свои планы:

— Необходимо совершить с Эфрами путешествие на какую-нибудь неподдающуюся контакту планету и использовать его хотя бы в качестве посредника.

Карсон кивнул:

— Это верная мысль. У нас появилась возможность вернуть Галактике целые миры.

Затем они принялись обсуждать детали освобождения Эзвала. Покончив с ленчем, они кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и вышли.

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины руллов? — спросил Карсон.

Этого говорить не следовало, как сразу он понял по реакции Джемисона.

— Слушайте, бросьте сердиться, давайте задержимся у охранника и пройдем проверку.

— Вот именно, — кивнул Джемисон, — нам обоим это необходимо сделать.

С полной серьезностью они прошли процедуру проверки и, естественно, оказались людьми — по крайней мере, на время.

В этом шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок. По пути к Центру Карсон сказал:

— Ну, по крайней мере, теперь мы можем быть откровенны. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Явная несовместимость с человеком и возможность использования в войне с руллами. Необходимы экстремальные условия. У меня уже была осечка.

И он рассказал о неудаче с попыткой прочесть мысли руллов. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики: в этой все жизненные формы должны быть чем-то схожи.

Вопрос был весьма важным. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять, что же такое — жизнь. Можно было лишь гадать об этом, и совпадают ли эти догадки с действительностью — Джемисон не знал.

— А у вас есть какая-либо планета на примете? — спросил Карсон.

— Нет, все решит компьютер.

Они спустились в машинный зал. Защелкал перфоратор. Джемисон взглянул на ленту и присвистнул:

— Так я и думал. Конечно, Плоя. Что же еще?

— Плояне? — нахмурился Карсон. — Но ведь это же миф! Существуют ли они в действительности?

— Не знаю, но мы это узнаем.

Джемисон был доволен. Ему были важны не плояне, а идея сотрудничества между расами с помощью Эзвала, и плояне были всего лишь пробным камнем.

Шлюпка Джемисона выскользнула из крейсера и по отлогой траектории скользнула к планете. Он осторожно ввел ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь оболочку. Затем установил нормальную скорость на этой высоте — пять тысяч футов в минуту, а в двенадцати милях над поверхностью уменьшил ее до тридцати миль в час и перешел в горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк. Джемисон выжидал. Внезапно стрелки всех приборов резко скакнули. Резко возросла скорость падения, судно бросало из стороны в сторону. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, бесполезно он нажимал кнопки. Оставалось ждать. И вот на высоте двенадцать тысяч футов судно вошло в заданный режим — качка прекратилась. В действие вступила система управления, основанная не на электросхемах. Все электричество было выключено. Люк был закрыт наглухо. Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон осмотрелся. Он не знал точно, почему захлопнулся люк. Но, скорее всего, он поймал плоянина.

…Первая экспедиция высадилась на Плое около ста лет назад. И сразу же произошла катастрофа — все металлические части корабля оказались под напряжением. Очень интересное с точки зрения науки явление, которое, правда, никогда не заинтересует восемьдесят одного человека, погибших в первый же миг. В живых осталось всего сто сорок человек, не прикасавшихся к металлу, но двадцать два из них не поняли причины гибели остальных и тоже были убиты.

Прежде всего был выключен ток. Было ясно, что на борт

корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергосистему. Корабль был обработан спецсоставом, но это не помогло. Не помогла даже промывка корабля водой, которую перекачали из ближайшей реки. Исследователи не могли даже улететь, так как существо почувствовало это их желание и выключило питание моторов. Системы корабля были под его контролем. Отчаявшийся экипаж радировал обо всем крейсеру на орбите. Положение было проанализировано, и им ответили:

— Очевидно, аборигены не враждебны человеку, погибли лишь те люди, которые контактировали с энергосистемой. Изучение данной формы жизни следует проводить с помощью специальных электронных приборов, которые будут вам высланы.

На планету была спущена научная экспедиция, шесть месяцев прошли безрезультатно — контакта не было, не была даже определена форма жизни, вызвавшая катастрофу.

И тогда люди были вывезены с планеты на допотопных ракетах, работавших по реактивному принципу. Первая экспедиция на Плою завершилась.

Обо всем этом Джемисон подумал уже в рубке управления своего крейсера, уносившего его прочь от планеты. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума, но, кроме чувства страха и отчаяния, ничего определить не мог. Но даже это обрадовало Джемисона, он вообще сомневался в наличии разума на Плое, и вот теперь Эзвал доказал, что он все-таки существует.

В ста световых годах от Плои Джемисон выключил двигатели и вместе с Эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом управления. Оттуда он открыл люк шлюпки и предоставил плоянину свободу действий.

Эзвал сообщал:

«Вижу картину главной рубки, причем с потолка. Плоянин оценивает обстановку».

Это было разумно. Джемисон представил себя в такой ситуации. Уж он-то был бы начеку.

«Он в пульте управления».

«ВНУТРИ?» — изумленно спросил Джемисон. Корабль дернулся, сбился с курса. Курс Джемисона не волновал, но что, если плоянин замкнул цепь накоротко… Он представил себе аморфное существо, мечущееся среди массы проводов и приборов, закорачивая контакты реле… Корабль снова лег на курс.

«Он выбрал направление и будет придерживаться его до конца. О субсветовых скоростях он не имеет понятия».

Джемисон с сожалением покачал головой. Бедный Плоянин!

Он в ловушке, его раса и представить себе не может того расстояния, на которое он удалился.

«Скажи ему, где он сейчас. Объясни ему разницу между движением в пространстве и подпространстве».

«Он в ярости».

«Расскажи ему о механизмах, через которые мы можем общаться непосредственно. Да, а что он ест?»

И на этот вопрос они получили первый ответ:

«Он говорит, что умирает с голоду, и мы в этом виноваты!»

Джемисон узнал, что плояне живут за счет трансформации энергии электромагнитных полей в приемлемую для них энергию. Когда плояне замыкали контакты энергосистемы, то могли питаться за счет поля корабля. Это объясняло все неудачи первой экспедиции. Гибель половины экипажа была побочным эффектом «попойки», устроенной плоянами.

И когда Джемисон выключил питание, Плоянин начал умирать с голоду. Джемисон запустил газогенератор.

«Скажи ему, что пока не научится работать с коммутатором, есть не получит».

Через некоторое время Плоянин понимал человеческую речь еще до того, как звуки поступали в коммутатор, и освоил основные команды — за один день!

— Да-а, — сказал он скорее себе, чем Эзвалу, — представляю себе, какой у него коэффициент интеллектуальности, если он так быстро смог выучить язык!

Эзвал ответил, мысленно, конечно:

«Все энергетическое поле, которым он является, пригодно для использования в качестве памяти, и он может расширять ее, как угодно».

Пришел вызов с Земли. Калеб Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к лучшему, так что можно даже не требовать вмешательства Конвента. Источник информации — миссис Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем идет речь.

— Было время, когда мы здорово не нравились друг другу. Но я уже тогда предвидел перемену и оказался прав.

Затем последовала весьма категорическая радиограмма:

«Следуйте в восемнадцатый район. Координаты планеты 1-8-3-18-26-54. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий Космическими Операциями».

Восемнадцатый район был одним из важнейших пунктов обороны. Естественно, что к нему обратился сам Главнокомандующий. Джемисону пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму:

«Ждите меня возле… — он назвал планету, находящуюся одинаково близко и от него, и от Карсона. — Заберите Эзвала и отправьте его на родину, а дальше действуйте в соответствии с планом» Главнокомандующего он попросил прислать крейсер к месту его встречи с Карсоном и захватить его шлюпку.

Оставался Плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. Церемониться было некогда.

«Если хотите когда-нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы, — сказал он.»

И Плоянину оставалось лишь согласиться.

21

Когда Джемисон заметил корабль, он сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, записывая на диктофон свои соображения насчет Лаэрта-3. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что само по себе ее открытие было уже великим событием в войне.

— С этой планеты, — диктовал он, — можно нанести удар по любому из густо населенных районов Галактики, рулловскому или человеческому, поэтому необходимо оборудовать ее оружием по классу АА. Наиболее мощные орудия следует в течение трех недель установить на горе Монолит.

Как раз тут он и увидел чужую шлюпку. Что делать? Броситься к люку своего корабля, — но его сразу обнаружат. А, может, это человеческий корабль?

Так он сидел в нерешительности на месте, пока корабль приблизился настолько, что на борту стали видны рулловские опознавательные знаки. Это был ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ бот. Руллы открыли систему Лаэрта. За этим ботом могут стоять эскадры крейсеров — против него одного, ведь его крейсер «Орион» даже не подходил к планете — Джемисон высадился в парсеке от нее, чтобы руллы не заметили шлюпку, и теперь ушел к базе за оружием для планеты и вернется лишь через десять дней.

Десять дней. Конечно, есть шанс, что его шлюпку не заметят, и ему удастся скрыться. Но суть даже не в этом…

До рулловского бота было уже всего лишь сто футов, и он шел прямо на рощу, где находилась шлюпка. Джемисон вскочил с места и нырнул в открытый люк. И только тот захлопнулся за ним, как кто-то огромный ударил по потолку, и он прогнулся вниз, а пол, наоборот, вспучился. Воздух наполнился дымом. Полуослепший, Джемисон скользнул за пульт управления и включил аварийную защиту. Скорострельные бластеры вылезли на боевые позиции и плюнули огнем во врага. Взревели вентиляторы, и по каюте прошла волна холодного воздуха. Все это так подействовало на Джемисона, что он сначала не сообразил, что двигатели не работают. И шлюпка, вместо того, чтобы унести его в небо, бессильно лежит на земле.

Он бросил взгляд на экраны. Рулловский бот мелькнул в нижнем конце одного из них и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона. Через несколько секунд донесся грохот падения.

Но слишком гладка была траектория падения. Взрыв НЕ

УБИЛ РУЛЛ! И, значит, Джемисону придется вступить с ними в единоборство. Десять дней он должен будет уповать на то, что люди сумеют отстоять одну из четырех важнейших планет в Галактике.

Джемисон вышел из шлюпки. Времени на раздумья не оставалось, темнело, и он пошел к ближайшему холму в ста футах от него, причем, последние футы он прополз на четвереньках. Осторожно он выглянул из-за края: вершина представляла из себя овал ярдов восемьсот шириной, заросший кустами и усыпанный камнями. Ничто не нарушало тишины.

Сумерки еще сгустились. Солнце опустилось за горизонт. Но что такое темнота для руллов? Чем вообще, кроме разума, может похвастаться человек перед руллами? Только по разуму он мог претендовать на равенство. Положение было безнадежно. Если бы он сумел добраться до корабля руллов до полной темноты и попытаться уничтожить их до тех пор, пока они не пришли в себя… Тогда, может, у него и были бы шансы на спасение.

Он стал спускаться с холма. То и дело он спотыкался о кусты, корни и камни, падая на острые грани скал. До сих пор ему не приходилось бегать по столь пересеченной местности. За пять минут он прошел не более двухсот пятидесяти ярдов. Он остановился. Дальнейшее продвижение было бесполезным. Но он должен бороться — ведь проигрывает не он один, а все человечество!

Пахнуло холодом: в полночь температура падала до нуля. И он отступил. У него оставалось еще много дел на корабле. Всю ночь просидел Джемисон перед экранами, долгую, долгую ночь. Он не мог, не имел права заснуть.

Часом позже он сидел перед экранами, вглядываясь в ночь. Что-то двинулось в углу одного из них — Джемисон схватился за рукоятку управления бластером. Но движение не повторилось.

В таком положении и застал его рассвет. Джемисон проглотил вторую таблетку против сна, снова нажал на пуск двигателей. Они молчали, как и следовало ожидать. Починить их можно только на «Орионе». Значит, наверняка придется драться.

Впервые в истории человек и рулл встретятся лицом к лицу. Космические битвы не в счет — там бьются корабли. Пусть даже он проиграет — важна попытка. Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьбой было суждено провести поединок на одной из самых причудливых гор в Галактике — пике Монолит, восьми тысяч двести футов высотой, отвесно вздымающимся ввысь над планетой. На сотнях планет побывал Джемисон, каждый раз уносясь в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым

огонькам новых звезд, и вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка в его жизни, с самым хитрым и жестоким врагом во Вселенной.

Джемисон взял себя в руки. Нужно было сделать первый шаг — произвести разведку. И неизвестно, будет ли это и последним шагом. Но другого выхода не было. Солнце Лаэрта уже поднялось над горой.

Джемисон взял с собой монитор с бластером, который должен был отреагировать на любое движение противника. По дороге к месту падения руллов ничего не произошло, на него никто не напал. Это не понравилось Джемисону — значит, где-то должна быть ловушка. Вряд ли руллы погибли при падении.

…Корабль руллов лежал в долине, уткнувшись носом в стену песчаника. Джемисон внимательно осмотрел его через телеобъектив монитора. Вокруг — никого. Если это ловушка, то весьма искусная.

Тишину равнины нарушило жужжание бластера, постепенно переходившее в рев — бластер набирал максимальную мощность. Корпус вражеского судна задрожал и переменил цвет. И только. Через десять минут Джемисон выключил бластер.

Техника руллов оказалась на высоте. Включились ли защитные экраны сейчас, или после его вчерашнего выстрела? Это-то и было самое плохое — он не знал противника. Даже если руллы мертвы, их оборона превзошла его усилия. Они могли быть и ранены, и неспособны бороться. Может, они оставили где-нибудь гипнотизирующий знак? Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

Еще один вариант — руллы просто дожидаются прибытия большого звездолета, из которого вылетел их бот. Это был бы его конец.

Он принялся изучать повреждения корабля. Пробоин нигде не было, только дно вспучилось в нескольких местах от одного до четырех футов в глубину. Следовательно, реактор должен был дать течь. Насколько Джемисон разбирался в исследовательских судах руллов, то впереди была главная рубка, управляющая бластерами, сзади машинный отсек, цейхгаузы, топливный отсек с запасами пищи и…

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше всех, пища заражена, руллы остались без еды!

Джемисон решил отступить. Он повернулся к скале, за которой скрывался от огня противника. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результаты изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон замер в ужасе.

«Где я? — подумал он. После путешествия на Миру 23 он узнал, что эти линии заставляли человека двигаться в определенном направлении. — Куда же сейчас?»

Джемисон не мог поборот в себе желание смотреть на скалу. Его просто тянуло увидеть их еще раз, и он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий на вертикали и три горизонтальные над ними — указывающие на восток, в пропасть! Джемисон двинулся туда. В отчаянии он попытался по дороге ухватиться руками за выступы скалы, цеплялся за край пропасти. Его воля была парализована, и медленно, но верно он сползал вниз. Последняя его мысль была: «РУЛЛЫ ВЫЖИЛИ». Таков был смысл знака. И тогда наступила тьма.

22

Он пришел из далекой Галактики — холодный, безжалостный Вождь Вождей, ЙЕЛИ, МИИНШЛИ, ИИН РИА, и прочая, и прочая… О, велика была его власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Лирда.

Велика была и его ярость, когда он узнал, что его приказ не исполнен. Давно уже приказал он: «Завоевать еще одну Галактику!». Но те-кто-не-был-так-совершенен преступно медлили. Почему? В чем сила этих двуногих, с бесчисленными звездолетами, неприступными базами, сильными союзниками, остановившими тех-кто-обладал-более-высокой-нервной-системой.

«Достать мне живого человека!» — разнесся по всем уголкам Галактики приказ. И человек был доставлен — тупой моряк с захваченного крейсера, с КИ, равным 96 и индексом страха 207. После нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе, он умер при экспериментах, которые наблюдал сам Йели.

— Это не противник, — сказал он.

— Нам удалось захватить совсем немногих, — был ответ. — Они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среди должна быть другой. Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте!

Приказ был выполнен. Йели прибыл к звезде, возле которой появился человек, уже наблюдавшийся семь периодов назад. «Человек в маленькой шлюпке, — рапортовали наблюдатели, — неожиданно появился из подпространства в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высадили по приказу десант на планету, и наше присутствие не обнаружено. Люди уже высаживались на планете. Подопытный высадился на вершине странной горы. Повторяем, обстановка идеальна для эксперимента».

Пространство вокруг планеты патрулировалось. Йели спустился в маленьком боте без охраны — он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но… сам был подбит и выжил чудом. Радио вышло из строя. Пища была отравлена.

Эксперимент вышел из-под контроля. Он решил убить человека, завладеть его пищей и выжить до тех пор, пока патруль не спустится за ним.

Сначала он обследовал местность, затем прошел по периметру обороны противника, наконец, вернулся к своему

кораблю и нарисовал на скале символ, подчиняющий человека. Это его спасло — теперь противник «пойман» и «связан». Это великолепно, но… и он был в ловушке. Бластеры человека направлены на корабль. Они настроены на автоматический огонь, едва откроется дверь. Он заперт!

Рулл бросился к запасному выходу, но его заклинило! Когда он проверял корабль ночью, выход был свободен, а теперь — закрыт! Что-то случилось с судном. Он не может выйти как раз тогда, когда это более всего необходимо. Вообще говоря, нет необходимости убивать человека сразу. Если рулл получит его пищу, то человека можно оставить в живых. Но пока человек бессилен, нужно найти выход. Чертов случай! Как не любил Йели неожиданностей!

Корабли Лирда непрерывно раздвигали пространство жизни. Существа, жившие на этих территориях, подлежали уничтожению — необходимость в них отпала, когда было создано высшее существо. Они могли создать угрозу для РИА. Случай — вот что самое страшное для руллов.

Выход нужно было открыть во что бы то ни стало.

Рулл направил в щель луч бластера. Но работа шла медленно — то и дело ему приходилось забираться в защитную камеру и выходить только тогда, когда уровень радиации снижался до приемлемого.

Солнце было в зените, когда плита, наконец, поддалась. Весь в пыли, злой и голодный, вышел он наружу.

У него пропала охота продолжать эксперимент — нужно было спасать жизнь. Нужно убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля.

Дернул его черт так рисковать! Он подполз к обрыву, слез по ступеням на равнину, но… внизу никого не было! Не было даже следов!

Осторожно, соблюдая дистанцию, рулл подполз к кораблю врага. Защитные мониторы были включены, правда, неизвестно, когда, может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился в еще более глубокую пропасть, и его разбитое тело лежит в сердце горы.

Но, скорее всего, он сидит в корабле и поджидает его, Йели. Ведь было же у него время оказаться в безопасности. Теперь рулл ничего не знал о человеке, преимущество было не на его стороне.

Пришлось вернуться в корабль. Голод рос час от часу. Вокруг — никого. Так проходили дни.

Джемисон проснулся от боли. Сначала она была всепоглощающей, перекатывалась от головы к ногам, как волна, но постепенно сконцентрировалась в левой ноге. Он понял, что

растянул связку. Это, конечно, было не все, но главное. Когда он открыл глаза, то увидел солнце почти в зените. Долго же он лежал тут. Сначала он бездумно смотрел на солнце, уходившее за нависающий край обрыва, и только когда на него легла тень скалы, он вспомнил, что смертельная опасность не исчезла — и это привело его в сознание. Он лежал на краю пропасти, на небольшом выступе. Видимо, при падении его нога запуталась в кустах — и это спасло его. Джемисон приступил к штурму горы: поначалу ему помогали шершавая почва и корни растений, но когда до края оставалось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Он сделал четыре попытки и каждый раз сползал вниз. Но наконец ему удалось зацепиться за корень и выползти на плато.

Оно расстилалось перед ним совершенно пустынное, без признака жизни. Только звук его шагов нарушал тишину. На одном его краю виднелась шлюпка. Он направился к ней. Джемисон не знал, что с руллом, и пока нога не заживет, он вряд ли это узнает.

Он подошел к шлюпке уже в темноте. И сварливый голос встретил его:

— Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?

Это был Плоянин с его коронным вопросом о возвращении. Джемисон совсем забыл о нем.

«Накормив» его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом — как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более их нынешнее положение. Наконец, он сказал:

— Не сердись, я верну тебя домой, — этого было достаточно, и Плоянин успокоился.

А Джемисон думал над тем, как использовать Плоянина против руллов. Но применения не было. Ну, какой вред голодному руллу от того, что противник может контролировать полет его корабля?

23

Джемисон проснулся от стука своего сердца. Подошел к пульту. Радио было мертво — даже фона не прослушивалось. Да и бесполезно оно на таком расстоянии. Он покрутил ручку настройки, зашел в район рулловских частот. Но и здесь было молчание. Он отрезан от мира. А что, подумал он, если провести эксперимент? МЫ ОБА ПЛЕННИКИ. Пленники случая, среды, друг друга. И каждый не обязан совершать самоубийство.

Идеальная среда. Многое можно узнать: мотивы действий руллов, почему они уничтожают другие расы, можно ли ими управлять, зачем бессмысленные жертвы. Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона, заставляла его думать.

Иногда он садился у пульта и просматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Тюрьма. И он пойман в нее. Он, Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивался Галактический Совет! Он находится здесь, в разбитой шлюпке, больной. И готовит эксперимент.

На третий день нога прошла. Он немедленно принялся работать над киноэкраном и закончил его на пятый день. Затем написал сценарий и ввел в запоминающее устройство. Осуществление уже продуманного плана не составляло труда.

Джемисон установил экран в двухстах ярдах от шлюпки, позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день, шестой по счету. Наступила ночь.

24

Скользящей тенью прошмыгнул рулл к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта 3. Он чуял пищу и одновременно ловушку.

Шесть дней был он без еды. Это отбросило его на несколько уровней назад. Он почти не разбирал цветов, потерял некоторые способности. Нервная система рулла походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались «приборы». Он знал, что если еще промедлить, они никогда снова не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще немного, и ему, Верховному Айишу Йелла, придется покончить счеты с жизнью.

Он пристально смотрел на экран. На нем развертывалась картина всего происходящего на планете с того момента, как шлюпка Джемисона покинула борт эсминца. Эсминец ушел к базе. Шлюпка приземлилась на горе. Затем развернулся бой и так далее… Ситуация казалась безнадежной — но экран показал выход. А потом появился рулл, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология была показана детально. Рулл знал, что это ловушка, возможно, смертельная, но делать было нечего. Это был единственный шанс. Неизвестно, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказ. Но они его нарушат, так или иначе. Хотя бы тогда, когда к планете подойдут вражеские корабли. Тогда нарушение будет законным. И рулл нажал рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была тьма — до рассвета три часа. Сирена означала, что ящик с пищей открыли. Она гудела двадцать пять минут, потом оборвалась. Однако, он ошибся в том, за сколько рулл сможет проглотить три фунта еды.

Двадцать с лишним минут рулл подвергался гипнозу, точно так же, как в лабораториях пленные руллы. Но те по пробуждении убивали себя, поэтому не было доказательств существования подсознания у руллов. Теперь эти доказательства были.

Джемисон снова лег на койку, улыбаясь. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами — его нельзя было не отметить. И Джемисон выпил за удачу.

Каждая раса знала сильные и слабые стороны другой. Но по-разному применяли они эти знания. Руллы — для истребления всех прочих рас, люди — для установления хороших отношений с союзниками. Но друг с другом они были одинаково жестоки и

беспощадны, и постороннему наблюдателю трудно было бы отличить их друг от друга. Однако, цели людей и руллов разнились, как черное и белое, как тьма от света.

И цель оправдывала средства.

Джемисон вернулся в постель и обдумал еще некоторые детали. Ничто нельзя было сбрасывать со счетов, нельзя недооценивать рулла. Наконец, он заснул сном человека, принявшего окончательное решение.

Утром он надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он не замечал его. В это утро решалось многое. Нужно быть осторожным.

Захватив монитор и бластер, он направился к экрану, стоявшему на возвышении, так что его было видно отовсюду. Джемисон еще раз проверил автомат спуска, поставил другой ящик с едой. На старом ящике что-то блеснуло — поверхность казалась отполированной.

«Странно», — подумал Джемисон и присмотрелся внимательнее. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил немного субстанции и вернулся в шлюпку.

«Что же это такое? Где я видел это вещество?»

Так он и стоял в замешательстве у люка, пока не увидел рулла. Едва насытившись, рулл вспомнил все. Он вспомнил свою цель.

Рулл скользил по краю пропасти, взглядывая иногда вниз. До низа было далеко, очень далеко. С корабля эффект смазывался, пропасть казалась не столь глубокой. Рулл устремился к своему боту, туда, где он почувствовал накануне антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Плита крепко была приварена к каркасу. Отсоединить ее было труднее всего. Но он сделал это и через несколько часов плита со скрежетом отвалилась.

Плита, сама по себе, была безопасной. Ее мощности не хватило бы даже на то, чтобы подняться над землей. Но все-таки энергия не истощалась до конца. Ее хватит на одну попытку. Рулл не сомневался в успехе. Теперь он жаждал лишь смерти двуного. Рулл отнес плиту в заросли и сам притаился там. Он был уверен, что убьет человека — ведь на ящике остался лак. Убить было необходимо — под угрозой была не только его жизнь. Не зря человек кормил его, это входило в какой-то эксперимент. Единственный выход — убить. И рулл ждал.

То, что случилось с Джемисоном, произошло по его вине. Ведь он видел в Службе Безопасности аналогичные вещества. И вол результат — он парализован.

Тут-то и появился рулл. Он вылетел из рощи на плите.

Джемисон был поражен — ведь в боте не оставалось источника антигравитации! Там вообще не было никакой энергии! Ошибка. Вот она, ошибка. Вот он, рулл!

Движение плиты было основано на вращении планеты — она летела со скоростью около 800 миль в час — то есть с той же, с какой Лаэрт 3 вращался вокруг оси. Этого было достаточно. Рулл несся к нему. Джемисон поднял бластер — и тут-то вступил в действие лак. «Не стреляй!» — приказал ему внутренний голос. И он не мог выстрелить — он был парализован. Медленно, очень медленно, он поднял бластер. Рулл был на расстоянии десяти футов. Джемисона спасло лишь то, что рулл не учел давления воздуха под плитой. Как падающий лист, накренившись, она пронеслась над Джемисоном, и он выстрелил, наконец, в нее, расплавив днище. Плита врезалась в кустарник футах в 20 от Джемисон не спешил. Когда он подошел к зарослям, рулл уже скрылся в роще. Джемисон его не преследовал. Он выволок из кустов платформу и осмотрел ее.

Поразительно, как рулл сумел воспользоваться ей без каких-либо приборов. Но раз он все-таки сделал это, почему же он не спустился на ней с горы в лес внизу? Там была пища, и не было людей. Но ответ на этот вопрос он получил тотчас, едва прикинул на руках вес плиты. Энергии в ней хватило едва на сто футов полета, а до леса была, по меньшей мере, миля. Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Там он исследовал пробу «лака». Он не был радиоактивен, но превращал свет в электромагнитные волны такой частоты, на которой работал мозг человека. Что же было записано там? Он перевел символы в образы. Они, казалось, вышли из кошмарного сна.

Джемисон снял с полки книгу «Символическая интерпретация подсознательных образов». Там открыл главу «Запрещающие символы». Найдя там полученные образы, он прочел: «Не убивай!»

— Пусть я буду… — громко выругался Джемисон. — Надо же мне было попасться!

Он не верил себе. Ведь он и в самом деле не хотел убивать. Но рулл не мог знать об этом. Символы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Страшное дело… Оставалось надеяться, что это последняя ловушка.

Рисковать он не имел права. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона». Иначе рулл угробит его же собственными руками.

25

В ночь перед возвращением «Ориона» Джемисон не поставил у экрана коробки с едой. Утром он попытался связаться с эсминцем. Эфир молчал. Наконец, он прекратил бессмысленные попытки и вышел наружу, чтобы приготовиться к эксперименту. В начале первого он не выдержал и приступил к опыту, нажав кнопку излучателя воли, действию которых рулл подвергался уже четыре ночи. Потом вернулся в шлюпку и снова слушал эфир. Тут он заметил выскользнувшего из зарослей рулла.

Взревела сирена и, одновременно с ней, включился зуммер наручного радиоприемника:

— Тревор Джемисон, говорит «Орион». Мы слышали вас, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует целый флот звездолетов руллов. Через 5 минут мы попробуем вытащить вас отсюда. БРОСЬТЕ ВСЕ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ.

Краем глаза Джемисон заметил две темные точки в небе. Прямо над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураганный ветер повалил его на землю и он ухватился за ветки кустов. Линкоры сделали крутой разворот и понеслись прямо на него. Он приготовился к смерти. Но удар был предназначен не ему. Его шлюпка взлетела в воздух и свалилась в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к Земле, едва не порвав ему барабанные перепонки. Появился третий корабль, но не успел Джемисон определить, чей он, как он снова исчез. Включился наручный приемник:

— Мы бессильны. Держитесь. 4 наших линкора и эскадра дерутся с врагом, пытаясь заманить его к ближайшей звезде Вьянке, где находится наш флот и тогда…

Вспышка, далеко в небе, оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем Джемисон услышал взрыв. Звук постепенно замер. Наступила тишина, в которой таилась угроза.

Джемисон поднялся. Нужно было спасаться. Он и не помышлял раньше о таком исходе. Шлюпки не было. Он был один на краю пропасти. Мозг работал на полную мощность. Он понял, что руллы преследовали не его. Они просто вели разведку и заодно уничтожили шлюпку. Пока они не вернулись, ему нужно сделать все, чтобы выжить и выполнить задачу. Шатаясь и падая он побрел к кустам. За ними был рулл, ЕГО рулл обучался тому, чему хотел научить его Джемисон. Джемисон мог контролировать изображение, отбрасывая ненужную информацию — времени было много. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся, рулл то отскакивал, то подползал к экрану.

Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака получала пищу по звонку и вскоре пищеварительная система выделяла желудочный сок тоже по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Тогда эта теория не могла делать того, что сделал сейчас Джемисон — обучать существо чужой расы. Тем более рулла. Раньше они не поддавались обучению. И вот успех, от которого зависела судьба человеческой цивилизации. Но как мало времени было отведено ему! Промедление смерти подобно.

Вперед, назад, назад, вперед — диктовал ритм. Рулл не мог обратиться в бегство, так же, как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Джемисон диктовал руллу задачу, которую предстояло решить им обоим. Трехмерное цветное изображение рулла сменило изображение человека. Джемисон добился того, что рулл потерял свою агрессивность и не мог убить себя.

Осталась еще одна задача… Хватит ли времени… Но другой такой возможности не будет никогда, никогда! У Джемисона не было выбора. И он успел. Цель была достигнута. Он потратил десять минут на то, чтобы передать по радио свое сообщение. Но ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах, он вместе с руллом побежал к обрыву. Он взглянул вниз и содрогнулся. Но… ведь целый флот руллов бродит в окрестностях планеты. «Быстрее!» — приказал он себе.

Он спустил рулла на первый уступ, вбил крюк в край обрыва, и рулл спустил его к себе.

Потом Джемисон спустил рулла еще ниже, а тот спустил его и так далее. Они были соединены одной веревкой, переброшенной через крюк, который Джемисон каждый раз вбивал все ниже. Начинало темнеть. Джемисон устал. Он уже не надеялся спуститься до ночи. Но рулл смотрел на него все пристальней, гипноз терял над ним свою власть, особенно это было видно на одном уровне. В четыре часа пополудни Джемисон решил все-таки сделать перерыв. Он рухнул на землю. Небо над ним было чисто, безоблачно. Ни за что не поверил бы он, что там, в глубине, развернулась самая крупная битва за последнее десятилетие. Нужно отдать дань пяти земным судам — ни один рулловский корабль не спустился на Лаэрт 3 за руллом. Впрочем, возможно, они хотят соблюсти конспирацию… Джемисон прикинул пройденное расстояние — около 2/3. Рулл смотрел вниз, в долину. Джемисон тоже взглянул туда. Там стеной стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой. И снова спуск. В половине седьмого они оказались в ста пятидесяти футах над долиной. Это можно было преодолеть разом, но нужно

было освободить рулла так, чтобы самому не пострадать. Джемисон мельком посмотрел на него. Рулл ждал приказа. Джемисон ему махнул повелительно рукой вниз и взял в правую руку бластер. Рулл спустился и бросился к ближайшим деревьям.

Он немного подождал, потом спустился сам, причем сильно поранил руки о веревку. Пальцы стали какими-то серыми и выглядели в полутьме очень нездоровыми. Он побледнел. Это дело рук рулла!

Острая боль пронзила его тело. Задыхаясь, он выхватил бластер, чтобы застрелиться, но не успел. Рука замерла на полпути. Он рухнул на землю и потерял сознание. Канат был отравлен.

Йели скользнул к Джемисону и схватил его бластер. Он поджидал конца за деревьями. И вот он выиграл, все-таки выиграл! Рулл нашел ключ от шлюпки, и через несколько минут мощная радиостанция передала приказ флоту руллов.

Джемисон лежал на столе внутри странной комнаты. Джемисон понял, что он внутри руллского звездолета. Он не знал, куда направляется звездолет, но, скорее всего, не к Земле.

Его ничто не привязывало к столу, но двигаться он не мог. Вверху, на потолке, был расположен источник гравитационных волн, придавливающий его к столу. Джемисон приготовился умереть. Он представил себе, каким пыткам его подвергнут. Было давно известно, что если вжиться в образ, представить себе пытки наяву, то без особых усилий можно покончить с собой, остановить сердце. Как раз этим он и занимался, когда вдруг над его ухом раздался голос:

— Ну, когда же меня, наконец, вернут домой!?

Это снова был Плоянин, который уцелел при падении и перебрался в рулловский корабль. Наконец (после того, как он опомнился), Джемисон тихо спросил:

— Ты можешь сделать кое-что для меня?

— Ну, конечно, — ответил Плоянин.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

Источник гравиволн был выведен из строя. Джемисон сел.

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да.

— Есть ли центр, где сходятся все энерговоды?

— Да.

— Зайди туда, замкни все на себя и возвращайся.

— Вы так добры ко мне.

Джемисон вскочил на пластмассовый квадрат. Сто тысяч вольт пронизали корабль.

— Готово, — доложил Плоянин.

— Сколько руллов выжило?

— Около ста.

Джемисон объяснил ему схему радиорубки.

— Замыкай ток каждый раз, как кто-нибудь подойдет к ней. Ясно? Сообщай мне, если кто-то попытается сделать это. И не замыкай ток без моего разрешения.

— Хорошо, — ответил Плоянин.

Джемисон имел преимущество перед руллами — он мог передвигаться по кораблю и знал, когда нельзя прикасаться к металлу. Он прошел в цейхгауз и поработал там резаком. При выходе к нему присоединился Плоянин.

— Сюда идут руллы. Нужно уходить.

Они направились к ближайшей шлюпке и через пять минут были в космосе. Главные орудия судна были выведены из строя, оно было беспомощно. Но на борту своего крейсера он очутился только через пять дней.

Йели не было на звездолете, который вез Джемисона, и он уцелел. Ему доложили о происшедшем. Свита считала, что виновники подвергнутся жестокому наказанию, но Верховный Рулл сказал:

— Да, это действительно сильный враг. Он слишком опасен, — он вспомнил неделю позора на Лаэрте 3. — Кажется, это первый случай, когда Йин Риа лично посетил линию фронта.

Это было так. Вся Риа с трепетом и ужасом ожидала новостей с передовой. Верховный Рулл продолжал:

— Мне кажется, что мы ошиблись. Враги скрыли многие свои качества и способности. Война слишком затянулась. Центральный Совет должен пересмотреть стратегический план. Конечно, постепенно, но придется свернуть военные действия и перенести внимание на другие Галактики.

А далеко от него Джемисон, в свою очередь, рапортовал Галактическому Центру:

— Это был, вероятно, очень важный деятель среди руллов. Я добился успеха с помощью гипноза. Мне удалось внушить ему, что руллы нас недооценили и что они должны прекратить войну.

Но прежде, чем война кончилась, прошли годы. А пока все были восхищены тем, что Эзвал сумел установить контакт с новым союзником — Плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Это привело к новым контактам между расами. Решением Конвента за выдающиеся заслуги перед человечеством Джемисону было присвоено звание «ПОСОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. Впоследствии легенды передали слово «посол» так, словно

Джемисон был послом человечества у руллов. Но не это было главным — главное, что галактическая война с руллами была выиграна.